100 ВЕЛИКИХ ЛЮБОВНИЦ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Героинями книги «100 великих любовниц» являются императрицы, принцессы, фаворитки, актрисы, певицы, поэтессы — женщины, чьи любовные истории овеяны легендами, а имена стали нарицательными. Среди них Клеопатра, Мессалина, Помпадур, Нефертити, а также звёзды современного экрана — Дж. Коллинз, Э. Тейлор и др. Перед вами открываются удивительные картины любовных историй — с древних времён до наших дней.

Книга продолжает серию издательства «Вече» «100 великих».

- Игорь Муромов
  - Предисловие
  - Клеопатра (69–30 до н. э.)
  - Мессалина (ок. 17/20–48)
  - Екатерина II Алексеевна (1729–1796)
  - Жанна-Антуанетта Пуассон, Маркиза де Помпадур (1721–1764)
  - Мэрилин Монро (1926–1962)
  - Нинон де Ланкло (1615–1705)
  - Нефертити
  - Елена Прекрасная
  - Маргарита Валуа (1553–1615)
  - Аспазия (ок. 470 до н. э. — ок. 400 до н. э.)
  - Марион Делорм (1606–1650)
  - Элизабет Тейлор (родилась в 1932 г.)
  - Феодора (500–548)
  - Франсуаза Атенаис де Монтеспан (1641–1707)
  - Мата Харри (1876–1917)
  - Грейс Келли (1929–1982)
  - Эми Лайон, леди Гамильтон (1763–1815)
  - Екатерина I Алексеевна (Скавронская Марта Самуиловна) (1684–1727)
  - Лукреция Борджа (1480–1519)
  - Изабелла Баварская (1371–1435)
  - Брижит Бардо (родилась в 1934 г.)
  - Фредегунда (ок. 540/545–597)
  - Роксолана (ок. 1506 — ок. 1558)
  - Габриэль д'Эстре (1570–1599)
  - Лола Монтес, графиня фон Ландсфельд (1821–1861)
  - Анна-Констанция Козель (1680–1765)
  - Диана де Пуатье (1499–1566)

- Жозефина Мария-Роза де Богарне (1763–1814)
- Марина Мнишек (ок. 1588 — ок. 1614)
- Бьянка Капелло (1548–1587)
- Марлен Дитрих (1901–1992)
- Мария-Жанна дю Барри (1743–1793)
- Анна Монс (1672–1714)
- Айседора Дункан (1877–1927)
- Баффо (1558–1605)
- Матильда Кшесинская (1872–1971)
- Сафо (или Сапфо) (ок. 612 до н. э. — ок. 572 до н. э.)
- Эдит Пиаф (1915–1963)
- Жорж Санд (1804–1876)
- Сара Бернар (1844–1923)
- Франсуаза д'Обинье, маркиза Ментенон (1635–1719)
- Мари Дюплесси (1824–1847)
- Тереза Тальен (Кабаррюс) (1773–1835)
- Луиза-Франсуаза де Лавальер (1644–1710)
- Мария-Аврора, графиня Кёнигсмарк (1668–1728)
- Маргарита-Полина Фуре (Белиль) (1778–1869)
- Адриенна Лекуврёр (1692–1730)
- Лайза Минелли (родилась в 1946)
- Форнарина (ок. 1496 —?)
- Агнесса Сорель (1409–1450)
- Фрина (ок. 390 г. до н. э. — ок. 330 г. до н. э.)
- Грета Гарбо (1905–1990)
- Лу Саломэ (1861–1937)
- Мария Калласс (1923–1977)
- Софья Потоцкая (1765–1822)
- Ава Гарднер (1922–1990)
- Теруань де Мерикур (1762–1817)
- Элоиза (ок. 1100 — ок. 1164)
- Уоллис Уорфилд Симпсон (1895–1986)
- Диана д'Андуэн, графиня де Грамон (1554–1620)
- Вильгельмина Энке, графиня фон Лихтенау (1752–1820)
- Александра Коллонтай (1872–1952)
- Ингрид Бергман (1917–1982)
- Жаклин Кеннеди (1929–1994)
- Мария-Анна де Шатору (1717–1744)
- Цзян Цинн (1914–1991)
- Мария Закревская-Бенкендорф-Будберг (1892–1974)
- Элизабет фон Мейсенбург, графиня фон Платен (1648–1700)
- Ольга Жеребцова (1766–1849)

- Жозефина-Луиза де Бальби, графиня де Комон (1753–1832)
- Ева Браун (1912–1945)
- Лаиса (V век до н. э.)
- Мадонна (родилась в 1958)
- Нелли Гвин (1650–1687)
- Диана Фрэнсис Спенсер (1961–1997)
- Инесса Арманд (1874–1920)
- Д'Этамп (1508–1576)
- Елена Дмитриевна Дьяконова (1894–1982)
- Габриэль-Эмилия дю Шатле (1706–1749)
- Надежда Ивановна Нарышкина (Кнорринг) (1827–1895)
- Элизабет Энн Говард (1823–1865)
- Катрин Денёв (родилась в 1943)
- Мария Туше (1549–1638)
- Рита Хейуорт (1918–1987)
- Лиля Брик (1891–1978)
- Эва Перрон (1919–1952)
- Барбра Стрейзанд (родилась в 1942)
- Мари Пти (1675 —?)
- Леони Леон (1838–1906)
- Дженис Джоплин (1943–1970)
- Лана Тёрнер (1921–1995)
- Кристина Киллер (родилась в 1942)
- Тина Модотти (1896–1942)
- Ким Бэсинджер (родилась в 1953)
- Симона Синьоре (1921–1985)
- Лариса Рейснер (1895–1926)
- Кристина Онассис (1950–1988)
- Джоан Коллинз (родилась в 1933)
- Джулия Робертс (родилась в 1967)
- Шарон Стоун (родилась в 1958)
- Библиография

Игорь Муромов
100 ВЕЛИКИХ ЛЮБОВНИЦ

Предисловие

Героини этой книги — императрицы и принцессы, фаворитки и актрисы, певицы и поэтессы… Эти женщины так не похожи друг на друга, но вместе с тем их объединяет великое чувство — любовь. Они любили до безумия, до самозабвения: во имя любви жертвовали своим богатством, совершали отчаянные поступки, бросая вызов обществу с его ханжеской моралью. И они были любимы. Ради их кроткого «да» развязывались жестокие войны, завоёвывались целые страны, возводились роскошные дворцы, тратились баснословные состояния… Благодаря искусству любви женщины нередко получали право на неограниченную власть, ибо любовь — это сила слабых, и слабость сильных.

«Что такое любовница? Женщина, возле которой забываешь то, что знал назубок, иными словами, все недостатки её пола», — утверждал ещё в XVIII веке литератор Никола-Себастьен де Шамфор. Женщина, в чьём сердце погасло пламя любви, перестанет быть женщиной. Но одни влюбляются чуть ли не каждый день, другие до конца жизни ждут встречи со сказочным принцем. Нас же интересовала прежде всего любовь всепоглощающая, страстная, никого не оставляющая равнодушной. В связи с этим вспоминаются слова английского прозаика Сомерсета Моэма: «Все мы тешим смешные и нелепые мечты, в которых видим себя богатыми, красивыми, удачливыми, предстаём героями и героинями романтических приключений; и всё-таки в большинстве своём мы достаточно благоразумны, трусливы, ленивы, чтобы мечтам всерьёз влиять на наше поведение». Героини этой книги необычны хотя бы тем, что пытались воплотить свои фантазии в жизнь. Они отдавались любви щедро и великодушно, не раздумывая и не считая.

Первые страницы книги посвящены женщинам, чьи любовные истории овеяны легендами, а имена стали нарицательными. Это величественная Клеопатра и неистовая Мессалина, Северная Семирамида Екатерина II и секс-символ XX века Монро, гениальная фаворитка Помпадур и очаровательнейшая женщина своего века Нинон де Ланкло, божественная Нефертити и мифическая Елена Прекрасная, порочная королева Марго и мудрая возлюбленная Перикла Аспазия… Часто в рассказах о них правда соседствует с вымыслом, и невозможно отделить одно от другого. Завершают книгу любовные истории звёзд современного экрана — Коллинз, Робертс и Стоун («прежде любовные интриги были увлекательно таинственны, теперь они увлекательно скандальны»). Словом, перед вами открывается удивительная по

богатству красок картина любовной истории — с древнейших времён до наших дней. В последующих изданиях, несомненно, появятся новые заслуживающие внимания персонажи.

Любой рейтинг субъективен, иными словами, зависим от мироощущения его автора. Тем более, когда речь идёт о любви — волшебном чувстве, воспеваемом поэтами… И всё-таки, мы надеемся, что такая манера изложения сделает чтение книги более интересным и увлекательным. По крайней мере, к этому мы стремились…

Клеопатра (69–30 до н. э.)

Последняя царица Египта, из династии Птолемеев. Умная и образованная, Клеопатра была любовницей Юлия Цезаря, после 41 года до н. э. — Марка Антония (с 37 года до н. э. — жена). После поражения в войне с Римом и вступления в Египет римской армии Октавиана (Августа) покончила жизнь самоубийством. Образ Клеопатры получил отражение в литературе (В. Шекспир, Б. Шоу) и искусстве (Дж. Тьеполо, П. П. Рубенс) и др.

* * *

Обладая красотой Елены, страстностью Сафо и умом Аспазии, она могла бы стать второй Семирамидой, но, будучи рабой своих желаний, осталась только куртизанкой.

В июле 51 года до н. э. скончался Птолемей XII Авлет, владыка Египта, завещавший престол своим старшим детям: шестнадцатилетней красавице Клеопатре и тринадцатилетнему Птолемею-Дионису. Следуя египетскому обычаю, они тотчас же вступили в брак друг с другом.

Клеопатра выросла в выдающемся по тому времени центре — Александрии, любимой резиденции Птолемеев. Поэзия, искусства, науки находили приют в этом городе, и при дворах египетских царей насчитывалось немало выдающихся поэтов и художников. Клеопатра получила прекрасное образование. Она свободно изъяснялась на нескольких языках, изучала философию, хорошо знала литературу и играла на нескольких музыкальных инструментах. Словом, это была образованная девушка, унаследовавшая от своих предков политический ум. «У неё, — замечает историк Гуго Вилльрих, — как у настоящей дочери Птолемея, не было ничего женственного, кроме тела и хитрости. Свою наружность, таланты, всю себя Клеопатра всегда подчиняла холодному расчёту, постоянно имея в виду интересы государства, или, вернее, свои личные выгоды». Но, помимо расчётливого ума, она обладала и необыкновенно сладострастной натурой. Будучи супругой тринадцатилетнего мальчика, Клеопатра для удовлетворения своих страстных желаний содержала целый сераль молодых красивых мужчин, что в то время не считалось безнравственным.

В 48 году до н. э. воспитателю молодого Птолемея XIII,

евнуху Пофину, удалось поднять против Клеопатры столицу государства — Александрию. Евнух обвинял юную царицу в стремлении к единодержавию и готовности прибегнуть ради этого даже к помощи Рима. По его словам, она уже кое-что предприняла вместе со своим любовником Гнеем Помпеем, прозванным Великим. Ему она отдалась в благодарность за то, что он за семь лет до того помог её отцу утвердиться на египетском престоле.

Возмутившийся народ угрожал жизни Клеопатры. И она с несколькими преданными ей лицами сочла за лучшее бежать из Александрии, не признав, однако, себя побеждённой.

Брат и сестра, муж и жена — каждый из них готовился кровью отстаивать свои права.

Но тут вмешался Юлий Цезарь, узнавший о распре молодых. Суровый римлянин приказал Птолемею XIII и Клеопатре распустить свои войска и явиться к нему для личных объяснений. Хитрый евнух передал Клеопатре лишь одно распоряжение Цезаря, касающееся войск, скрыв, что её ожидают в Александрии. Своего же воспитанника он спешно послал к Цезарю, но ни словом не обмолвился о первой части приказа.

Цезаря удивило отсутствие Клеопатры, и, прежде чем что-то решить, он тайно отправил к ней гонца в Пелузу.

Царица с нетерпением ждала известий. Доверяя великому полководцу, она немедленно распустила войско. Клеопатра понимала, что ей во что бы то ни стало надо увидеться с «божественным Цезарем». Наконец прискакал гонец, открывший ей истину. Но как пробраться в столицу? Взяв с собой только одного раба, царица на простой рыбачьей лодке ночью прибыла в Александрию. Преданный раб Апполодор завернул царицу в кусок пёстрой ткани, затянул ремнём и, взвалив этот тюк на спину, благополучно добрался до покоев Цезаря, где и возложил к его ногам драгоценную ношу.

Божественная Венера вышла из морской пены, скромная смертная Клеопатра появилась из пёстрой ткани. Ей только что минуло 19 лет. Её странная, обольстительная красота была в полном расцвете. Если добавить, что она обладала удивительным мягким, мелодичным голосом нильских сирен, станет понятным, что поражённый и восхищённый Цезарь потерял голову. Первое свидание римлянина с египтянкой продолжалось почти до утра… Клеопатра торжествовала!

Несмотря на усилия Цезаря, волнения не улеглись, произошли даже столкновения между римлянами и египтянами. Цезарь с Клеопатрой оказались окружёнными во дворце, но вовремя подоспело подкрепление. Птолемей XIII утопился в Ниле.

Так окончилась война, известная как «Война Клеопатры», поскольку Цезарь сражался только из любви к царице.

Наведя порядок в Александрии, полководец тотчас, чтобы не раздражать египтян, выдал Клеопатру замуж за её второго брата Птолемея XIV, Неотероса, болезненного шестнадцатилетнего юношу. И этот брак, и двудержавие были фиктивны. Царица оставалась любовницей Цезаря и одна правила государством, опираясь на римские копья.

Диктатора вызвали в Рим, где начались беспорядки и лилась кровь, но тщетно: долг, интерес, обязанности — всё было забыто в объятиях лукавой чаровницы. Они собирались в путешествие по Нилу, мечтая в старых египетских городах наслаждаться своею молодой любовью. Увы, накануне путешествия римские легионеры взроптали, принуждённые, ради прихоти Цезаря, прозябать вдали от своей родины, и только это отрезвило любовника Клеопатры.

Спустя несколько месяцев Клеопатра родила сына, которого назвала Птолемеем-Цезарионом, обнародовав таким образом свои отношения с Цезарем. Впрочем, они не были особым секретом для александрийцев.

Вернувшись в Рим, диктатор заскучал без красавицы и вызвал её к себе. Клеопатра приехала в середине лета 46 года до н. э. вместе с сыном, псевдомужем и в сопровождении огромной свиты. Цезарь уступил египетской царице свою великолепную виллу на правом берегу Тибра, и всё свободное время проводил там. В Риме никто не придавал значения тому, сколько любовниц имел Цезарь, однако, признав публично женщину своей любовницей, он наносил оскорбление всей республике. В храме Венеры была установлена золотая статуя «александрийской куртизанки», и ей воздали божественные почести. К оскорблению народа добавилось оскорбление богов! Распространился слух, будто Цезарь намерен сделать своим законным наследником сына Клеопатры. По мнению Кассия, именно подобные слухи и само поведение «божественного» сократили ему жизнь.

Убийство любовника как громом поразило царицу Египта. Конец её надеждам! Теперь уже ничто не удерживало Клеопатру в городе, где она и раньше не чувствовала себя в безопасности. В апреле 44 года до н. э. «египетская блудница» вернулась в Александрию. Год спустя её брат-супруг Птолемей XIV внезапно умер. Клеопатру обвиняли в его смерти, но ничего не было доказано. Как бы там ни было, она осталась властительницей Египта и тотчас объявила своим наследником четырёхлетнего Цезариона.

Уезжая из Рима, красавица, быть может, совершенно

неумышленно заронила искру надежды в сердце одного из триумвиров, Марка-Антония, легкомысленного сластолюбца, но храброго воина. В 42 году до н. э., когда он после победы над Брутом объезжал Грецию и Малую Азию, собирая контрибуцию, его повсюду восторженно встречали, и только одна Клеопатра не догадалась приехать к нему или отправить гонца с поздравлениями.

Антоний пока ещё не был влюблён в египтянку, но, бесспорно, её очарование произвело на него неизгладимое впечатление. При воспоминании об обольстительной «нильской сирене» искра, тлевшая в его сердце и раздуваемая нетерпением, разгоралась всё сильнее. О, он заставит её унижаться и просить о прощении!.. Но этого жестокого удовольствия пришлось ждать — царица не спешила наносить визит.

Однажды, когда триумвир на главной площади Тарса публично чинил суд и расправу, с берегов Кидна донеслись восторженные крики. Киликийцы, льстивые, как греки, тотчас же доложили ему, что «сама Венера, для счастья Азии, плывёт на свидание к Бахусу». Этим именем Антоний любил величать себя. Заинтригованный, он направился к берегу. Действительно, зрелище стоило того, чтобы им полюбоваться.

> …Судно, на котором
> Она плыла, сверкало, как престол.
> Была корма из золота литого;
> А паруса пурпурные так были
> Насыщены благоуханьем дивным,
> Что ветры от любви томились к ним…
>
> *(В. Шекспир, «Антоний и Клеопатра», пер. О. Чюминой)*

Если Цезаря можно было покорить скромностью, то для завоевания Антония понадобились более сильные средства, и Клеопатра не ошиблась в их выборе. В ответ на приглашение триумвира она ответила своим. В назначенный час Антоний прибыл во дворец, украшенный с необыкновенной роскошью. Римский лакомка, когда-то подаривший своему повару дом за великолепно приготовленное блюдо, охотно бы отдал целый город повару Клеопатры. Самой же царице он был готов подарить весь мир. Он уже не вспоминал, что намеревался унизить царицу, а ползал у её ног, умоляя о взаимности. Но расчётливая египтянка воспользовалась всеми средствами обольщения прежде

всего для того, чтобы утвердить за Птолемеем-Цезарионом корону Египта и отделаться навсегда от своей младшей сестры Арсиноэ, опасаясь её влияния на народ. Безумно влюблённый, Антоний исполнил оба её желания: Рим признал Цезариона законным наследником египетского престола; Арсиноэ, скрывавшаяся в Милете, была убита там в храме Дианы. Награда не заставила себя ждать. Клеопатра стала принадлежать Антонию.

Властолюбивая Клеопатра ясно осознавала, что только близость с Антонием позволит ей царить в Египте: перспектива нашествия римлян должна была удержать народ, недовольный царицей, от открытого возмущения. Триумвир, собиравшийся до приезда царицы в поход против парфян, отложил его до весны и вместе с очаровательной красавицей уехал в Александрию. Там началась жизнь, вернее, сплошная оргия, настолько нравившаяся обоим любовникам, что они назвали себя «неподражаемыми». Если Клеопатра, будучи любовницей Цезаря, разыгрывала роль Аспазии, — всегда очаровательная, остроумная, изящно выражавшаяся, говорившая о политике, литературе и искусствах, без усилий поднимаясь до всестороннего ума диктатора, — то с увлекающимся Антонием, не знавшим удержу ни в чём, она столь же легко превратилась в сладострастную вакханку, куртизанку самого низкого сорта, потворствуя его грубым инстинктам. Она пила, свободно выражалась, цинично шутила, пела эротические песни, плясала, ссорилась с любовником, отвечая ему площадной бранью и ударами. Грубому римлянину доставляло огромное наслаждение получать побои от крошечной ручки царицы и видеть, как из её божественного ротика, созданного для музыки хоров Софокла и од Сафо, вылетают слова, которые она слышала в казармах.

Очень часто «неподражаемые», переодевшись (она — служанкой, он — матросом или носильщиком), бродили ночью по александрийским улицам, стучали в ворота, ругались с запоздалыми прохожими, посещали самые отвратительные притоны и вступали в перепалку с пьяницами, к большой радости Антония. Подобные похождения чаще всего заканчивались дракой, и римлянин, несмотря на свою силу и ловкость, бывал иногда жестоко избит. Доставалось и Клеопатре, но, победителями или побеждёнными, любовники возвращались во дворец очень довольные, готовые на новые безумства. Узнав о маскараде, народ во время драк стал щадить их царственные бока, и удовольствие потеряло всю прелесть.

Однажды Антоний, восхищаясь роскошью и обилием пира, заметил, что его ничем больше не удивить, но Клеопатра в ответ

заявила, что завтра выпьет одна десять миллионов сестерций. Оказалось, царица не хвастала. В самый разгар пира, вытащив из уха серьгу с жемчужиной, равной которой не было во всём мире, она бросила её в чашу, где та растворилась в заранее приготовленном уксусе, и на глазах поражённых гостей залпом выпила кислое питьё. Мог ли Антоний не обожать, не восхищаться такой женщиной!

Пока триумвир наслаждался в объятиях «нильской сирены», его жена Фульвия, оставшаяся в Риме, потеряв надежду вырвать мужа из рук «александрийской проститутки», подняла так называемую Перузинскую войну, грозившую интересам Антония. Средство оказалось действенным. Любовник Клеопатры поспешил в Рим, где узнал о смерти жены. Желая примириться с Октавианом, впоследствии императором Августом, Антоний раскаялся в своих заблуждениях, согласившись жениться на его сестре Октавии.

Три долгих года Клеопатра жила в разлуке с Антонием, от которого имела троих детей-близнецов: Александра, Клеопатру и Птолемея. Окружённая неисчерпаемыми сокровищами, она страдала, сознавая себя брошенной человеком, которого любила, но старалась казаться равнодушной. Её самолюбие было сильно задето. Все её хитрости и уловки ни к чему не привели.

В конце 36 года до н. э. Антоний отправился на войну с Сирией и, вступив на азиатский берег, тотчас же вспомнил «нильскую сирену». Любовь вспыхнула в Антонии с новой силой, он послал за Клеопатрой, и вскоре любовники наслаждались в объятиях друг друга. Стремясь удержать Антония, египетская чародейка дарила ему щедрые ласки и при одном упоминании о возможном отъезде притворялась смертельно огорчённой, не пила, не ела, проводя дни и ночи в слезах. Несмотря на все ухищрения, Антонию, по приказу из Рима, пришлось отправиться в Азию, где, впрочем, он не задержался, за несколько дней покорив Армению и пленив её царя.

Отпраздновать свой триумф победитель решил в Александрии, рядом с Клеопатрой, чем нанёс смертельное оскорбление родине, сенату и народу. Но теперь Рим мало беспокоил его. Во время торжеств Антоний прежде всего устроил судьбу своих троих детей, раздарив им завоёванные области. Клеопатра официально приняла имя «Новой Изиды» и давала аудиенции, облачённая в костюм богини, в облегающем одеянии и короне с ястребиной головой, украшенной рогами коровы. Антоний приказал чеканить монету с профилем Клеопатры и своим и дошёл до такой наглости, что на щитах своих легионеров выбил имя царицы Египта.

Октавиан, возмущённый длительным отсутствием Антония, в 31 году до н. э. объявил войну Клеопатре как главной виновнице событий на Востоке. Однако любовники не пали духом и смело выступили против Октавиана. В морском сражении при Акциуме царица, находясь на корабле «Антониаде», не поняла стратегического замысла своего любовника и в решающий момент трусливо бежала со своим флотом. В результате римляне одержали полную победу.

Антоний заперся в комнатах и в течение нескольких дней не желал видеться с любовницей, справедливо считая её виновницей поражения. Чтобы забыться, он начал пить, в то время как Клеопатра помышляла только о собственном спасении. У неё впервые появилась мысль о самоубийстве. Великая куртизанка приказала построить на берегу моря великолепную усыпальницу, где, когда придёт время, её должны сжечь со всеми сокровищами. Глубокий ров, наполненный водой, и подъёмные мосты будут отделять царицу от остального мира. Но она ещё любила жизнь, поэтому пыталась бежать. При помощи машин, рабочих и вьючных животных Клеопатра перевезла свои корабли по сухому пути в Красное море. Увы, через несколько дней она узнала, что арабы сожгли их! Гордая египтянка не сдалась, она вооружила форты Пелузы и Александрии, раздала оружие народу и, чтобы поднять дух войск, записала Цезариона, своего сына, в солдаты. В случае поражения она готова была отравиться. Ей нужен был только такой яд, который убивал без боли и конвульсий. И вот на рабах, приговорённых к казни, начались испытания всевозможных ядов в присутствии царицы, мрачно следившей за агонией несчастных. Наконец она убедилась, что укус небольшой змейки аспида даст ей то, о чём она мечтает: безболезненную, красивую смерть.

В это время царица примирилась с Антонием, и снова начались безумные оргии. «Неподражаемые» окрестили себя «неразлучными до смерти». Надеясь отсрочить смерть, Клеопатра тайно от любовника послала к Октавиану-Августу гонца с щедрыми подарками, пытаясь задобрить его, нисколько не беспокоясь при этом об участи Антония. Она любила его, пока он был героем, победителем, теперь же предпочитала Октавиана. К тому же гонец, публично объявивший Антонию неудовольствие императора, сообщил царице, что последний давно влюблён в неё и готов сделать всё, что она пожелает. Хотя Клеопатре минуло уже тридцать семь, она ещё верила в силу собственной красоты. Пусть Октавиан видел её тринадцать лет назад, но всемирной славы о её красоте, наверное, было достаточно, чтобы возбудить в мужчине если не любовь, то хотя бы желание. И тогда она будет

спасена.

Через несколько дней пришло известие, что император с войсками расположился неподалёку от Александрии. Но на этот раз Антоний заставил римлян бежать, а восхищённая Клеопатра с такой страстностью бросилась к нему на шею, что расцарапала о его кирасу свою чудесную грудь. Однако Октавиан получил подкрепление, а в легионах Антония начались брожения, грозившие вылиться в открытый бунт. Клеопатра поспешила с двумя верными прислужницами Ирой и Хармионой в только что отстроенную усыпальницу, поручив предупредить любовника о своей смерти, на самом деле вовсе и не думая о ней.

Обезумевший Антоний метался по всему дворцу в поисках царицы. Он не сомневался, что любовница изменила ему. И тут ему сообщили о смерти Клеопатры. Антоний, следуя примеру Катона и Брута, с именем царицы на устах бросился на свой меч. Узнав об этом, Клеопатра, мучимая угрызениями совести, впала в отчаяние. Она требовала, чтобы Антония, живого или мёртвого, доставили к ней. Римлянин еле дышал: рана была смертельной, но жизнь ещё билась в его могучем теле. Радость от того, что царица жива, придала ему нечеловеческие силы, он желал умереть в объятиях обожаемой им женщины. Опасаясь измены, Клеопатра не разрешила открыть двери усыпальницы, она выбросила из окна верёвку, к которой привязали её любовника, и вместе с Ирой и Хармионой с трудом втащила окровавленного и стонущего Антония наверх. Со страшными рыданиями она пала к нему на грудь, осыпая безумными поцелуями. Желание Антония исполнилось: он умер в объятиях своей обожаемой «нильской сирены».

Между тем римские войска заняли Александрию. Детей, брошенных Клеопатрой во дворце, по приказу императора отправили в Рим. Октавиан, играя в великодушие, желал только двух вещей: сокровищ египетской царицы, чтобы расплатиться со своими легионами, и её участия в победном триумфе.

Похоронив Антония, Клеопатра перешла во дворец, где её окружили царскими почестями. Но она видела, что в то же время остаётся пленницей. Царица пыталась завоевать расположение Октавиана, и, казалось, ей это удалось, но один из приближённых проговорился, что через два дня её отвезут в Рим, где любовницу «божественного» Цезаря и Антония покажут народу прикованной к колеснице.

На следующий день она устроила роскошный пир. Облачившись в царские одежды, с короной на голове, Клеопатра села за стол, предварительно отправив Октавиану письмо. В это время какой-то крестьянин, пробравшийся во дворец с

разрешения римских стражников, поднёс царице корзинку со свежими, только что собранными винными ягодами. Отпустив гостей, Клеопатра вместе с Ирой и Хармионой удалилась в спальню, легла на золотое ложе и, быстро раздвинув в корзинке фрукты, увидела под ними крепко спящего, свернувшегося кольцом аспида. Золотой шпилькой она уколола змейку, которая, зашипев от боли, ужалила царицу.

Когда встревоженный император прибыл во дворец, страшная картина предстала его глазам: Клеопатра спала вечным сном, Ира без признаков жизни лежала у неё в ногах, а Хармиона, едва дышавшая, склонившись над царицей, расправляла ей причёску.

Так закончила путь на земле эта царица-куртизанка. Октавиан, хотя и был раздосадован смертью Клеопатры, не мог не восхититься её благородством и велел с надлежащей пышностью похоронить её рядом с Антонием.

Мессалина (ок. 17/20–48)

Третья жена императора Клавдия родила ему дочь Октавию и сына Британика. Мессалина знаменита своим распутством, властолюбием и жестокостью. В отсутствие императора вступила в брак с Гаем Силием и задумала возвести его на престол. Однако заговор был раскрыт, Мессалину казнили. Имя Мессалины стало нарицательным для женщин, занимающих высокое положение и отличающихся развратным поведением.

* * *

Если бы Мессалина не была такой молодой и красивой, может быть, историки отметили бы её политический ум и некоторые другие достоинства. Разумеется, намного легче изображать её сладострастной, властолюбивой и легкомысленной женщиной, попавшей в плен всех пороков, женщиной, которая держала в подчинении несчастного, слабого и глупого императора Клавдия.

В знаменитой сатире Ювенал пишет:

Ну, так взгляни же на равных богам, послушай, что было
С Клавдием: как он заснёт, жена его, предпочитая
Ложу в дворце Палатина простую подстилку, хватала
Пару ночных с капюшоном плащей, и с одной лишь служанкой
Блудная эта Августа бежала от спящего мужа;
Чёрные волосы скрыв под парик белокурый, стремилась
В тёплый она лупанар, увешанный ветхим лохмотьем,
Лезла в каморку пустую свою — и, голая, с грудью
В золоте, всем отдавалась под именем ложным Лициски;
Лоно твоё, благородный Британник, она открывала,
Ласки дарила входящим и плату за это просила;
Навзничь лежащую, часто её колотили мужчины;
Лишь когда сводник девчонок своих отпускал, уходила
Грустно она после всех, запирая пустую каморку:
Всё ещё зуд в ней пылал и упорное бешенство матки;
Так, утомлённая лаской мужчин, уходила несытой,
Гнусная, с тёмным лицом, закопчённая дымом светильни,
Вонь лупанара неся на подушки царского ложа.

(Сатира VI. 115–133, Перевод Д. С. Недовича)

Эти пикантные картины поэты и романисты передавали из уст в уста и из рук в руки. Например, прогуливаясь по площади Навона, маркиз де Сад ни о чём другом не думал и не вспоминал, кроме того, что на этом месте находился бордель, из которого Мессалина выводила куртизанку Лициску, чтобы заменить в её «работе» и «пригласить весь город прийти на сражения Венеры». Историки Тацит и Светоний также относились безжалостно к ней, как и философ Сенека, которого подозревали в гомосексуализме.

Ей приписывали все грехи, лишь бы очернить её мужа Клавдия, преувеличивая его слабость перед своими супругами. При этом часто исходили из факта, который позднее историки отвергли: в древности с удовольствием рассказывали, как трясущегося от страха Клавдия, спрятавшегося за занавесями у дверей после убийства Калигулы, силой вытащили легионеры и провозгласили императором. А у неспособного мужа жена всегда интриганка…

Её отец, сенатор, выше всего ценил добродетель. Однако его жена не была ни хозяйственной, ни добродетельной. Мессалина росла в атмосфере моральной распущенности.

Клавдия же в семье вообще не любили, за исключением разве что его дяди Августа. В первый раз он женился на Эмилии Лепиде, правнучке Августа; затем на Ливии Медулине, которая умерла в день свадьбы; с Плавтией Ургуланиллой он развёлся, чтобы сочетаться браком с Валерией Мессалиной. Когда же он в очередной раз женился — на Агриппине, матери Нерона, — ему не было нужды разводиться с Мессалиной, поскольку её убили преторианцы (скорее всего, по его приказу) в 48 году н. э.

Эта бурная брачная карьера говорит, что Клавдий был непостоянен и не мог легко подпасть под женское влияние: из этого исходят современные историки, доказывая, что все деяния, которые он совершил, были заслугой его, а не женщин, которых он приблизил. В конце концов он написал двадцать книг, посвящённых истории этрусков, восемь книг о Карфагене, драму на греческом языке и восемь томов автобиографии.

Мессалина была молода, красива, тщеславна. Когда она вышла замуж, ей было всего 15 лет, а Клавдию — за 50. Вероятно, Клавдий любил свою молоденькую жену из родовитого семейства, но не до такой степени, чтобы стать игрушкой в её руках. Тем не менее Клавдий поручил ей следить за назначением военачальников, судей и губернаторов провинций, а также за

списками по предоставлению римского гражданства.

Мессалина не могла оценить его добродетели. Ей наскучил трясущийся, занятый науками, любящий выпить старик. Родив ему дочь и сына, она сочла свои супружеские обязанности выполненными и принялась искать любовные приключения на стороне. Она влюбилась в красивого актёра Мнестера и потребовала, чтобы он оставил сцену и посвящал всё своё время только ей. Когда он отказался исполнить её желание, Мессалина сообщила императору, что актёр не подчиняется её воле. Император повелел, чтобы тот внимал любому приказанию императрицы. Мнестер его ослушаться не мог и тут же покинул сцену, чтобы служить повелительнице. Любила она его просто неистово: через три года он подтвердил это, осмелившись показать шрамы на своём теле, — а в честь его таланта Мессалина воздвигла бронзовую статую.

В 43 году н. э. Клавдий повёл свои войска в Британию, и Мессалина осталась одна, предавшись самому необузданному разврату. После укрощения Мнестера она осмелела и всячески побуждала знатных римлян пользоваться её благосклонностью. Тот, кто отказывался, обвинялся в каких-нибудь государственных преступлениях. Наконец дворцовые интрижки её пресытили, и она решила искать приключения в самых людных частях города.

Набросив на голову покрывало, заходила она в таверны и тёмные переулки в поисках мужчин. Во время одной из таких прогулок она напилась до такой степени, что танцевала обнажённой на деревянных подмостках Форума. В другой раз переделала дворцовую спальню в публичный дом. Написав на дверях имя самой знаменитой римской проститутки, она разделась, позолотила соски своих маленьких грудей и пригласила мужчин входить и получать удовольствие за установленную законом плату. Торговля шла бойко, и вдохновлённая успехом Мессалина предложила чрезвычайно известной в Риме проститутке посостязаться: кто сможет за сутки обслужить больше мужчин. Плиний-старший поведал, что она превзошла конкурентку, ибо «на протяжении двадцати четырёх часов совокупилась двадцать пять раз».

Вернувшись из Британии, Клавдий ничего не узнал об этих неблаговидных поступках. Прославляя преданность молодой жены, он позволил ей ехать верхом рядом с собой в триумфальном шествии.

Целых три года обманывала Мессалина своего супруга. И, наконец, обезумев от страсти, зашла слишком далеко.

Тацит пишет в анналах, упоминая о «новой сумасбродной любви» Мессалины, что в роковом для неё 48 году Мессалина до

такой степени увлеклась Гаем Силием, молодым римским красавцем, что заставляла его отсылать под любым предлогом жену, чтобы остаться с ней наедине. Мессалина посещала дом любовника не одна, а в сопровождении пышного кортежа. Помимо любовных утех, в доме Силия происходило и нечто более таинственное. Мессалина и Силий должны были пожениться во время отсутствия Клавдия в городе, затем устранить его и посадить Силия на трон.

Мессалина, возомнив себя великим политиком, решила устроить заговор против Клавдия, заговор, который объективно был бы в пользу аристократии.

Брак был торжественно заключён перед государственными властями, которые благосклонно отнеслись к этому и, по-видимому, одобряли назревавший заговор.

Мессалина и Гай Силий помпезно отметили Вакханалию, праздник сбора винограда. В то время как Мессалина вела в танце обнажённых девушек, Силий, увенчанный короной из плюща, наблюдал за этим зрелищем и грезил о славе. Когда танец завершился, перед собравшимися было поставлено ложе, где Мессалина с Силием совершили акт любви.

С этого момента рассказ становится столь невероятным, что сам Тацит предупреждает: «Я знаю, покажется выдумкой, что в городе, всё знающем и ничего не таящем, нашёлся среди смертных столь дерзкий и беззаботный, притом — консул на следующий срок, который встретился в заранее условленный день с женой принцепса, созвав свидетелей для подписания их брачного договора, что она слушала слова совершавших обряд бракосочетания, надевала на себя свадебное покрывало, приносила жертвы перед алтарями богов, что они возлежали среди пирующих, что тут были поцелуи, объятия, наконец, что ночь ими была проведена в супружеской вольности. Но ничто мною не выдумано, чтобы поразить воображение, и я передам только то, о чём слышали старики и что они записали».

Однако выдвиженцы-вольноотпущенники Клавдия прекрасно понимали, что с ними сделают, если аристократия придёт к власти. Один из них — Нарцисс — поспешил и предупредил Клавдия, который находился в Остии, о том, что ему грозит смерть. Император тотчас вернулся в Рим и приказал арестовать всех заговорщиков. Нарцисс перестарался и схватил всех 160 любовников Мессалины!

Тем временем Клавдий приказал казнить Силия и Мнестера. Потом, отяжелев от вина и смягчившись, он решил, что сначала выспится, а уж потом определит меру наказания неверной супруге. Нарцисс, почувствовав, что задержка может спасти жизнь

императрице и поставить под угрозу его собственную, передал страже, что император приказал казнить Мессалину немедленно.

Заговорщиков умерщвляли без суда и следствия. Силий даже не пытался оправдаться, наоборот, он настаивал на скорой казни. От Мессалины же все сразу отвернулись. Никто из римских аристократов не пришёл на помощь молодой императрице, которую, скорее всего, они использовали в своих целях, хотя она до самой смерти так и не поняла этого.

Её нашли в саду и сообщили волю императора. Мать подала ей кинжал. Она попыталась нанести себе удар, но рука предательски дрогнула. Тогда некий трибун шагнул вперёд и вонзил ей меч в грудь.

На следующий день Клавдий, услышав о смерти императрицы, «потребовал чашу с вином и ни в чём не отклонился от застольных обычаев».

Екатерина II Алексеевна (1729–1796)

Четвёртая и последняя самодержавная императрица. До принятия православия — София-Августа-Фредерика, принцесса Ангальт-Цербстская. Родилась в Штеттине и прибыла в Петербург 3 февраля 1744 года. Провозглашена императрицей в 1762 году после свержения с престола Петра III. Оформила сословные привилегии дворянам. Проводила политику просвещённого абсолютизма. Активно участвовала в борьбе против Французской революции, преследовала свободомыслие в России. Оставила после себя большое литературное наследие.

* * *

О любовных приключениях Екатерины сложено немало легенд. Императрицу часто представляют российской Мессалиной. Граф М. Щербатов говорил: «Её пороки суть: любострастна и совсем вверяющаяся своим любимцам».

Один из историков сообщает нам о первых опытах Екатерины на любовном поприще во времена, предшествующие приезду её в Россию. Уже в Штеттине у неё был любовник, некто граф Б., имевший серьёзные намерения, однако приведший к алтарю одну из её подруг… Скорее всего, это плод фантазии автора. Малые германские дворы, разумеется, не были храмами добродетели, но их принцессы не предавались в четырнадцать лет разврату. Позднее этот историк писал, что в Москве и Санкт-Петербурге Екатерина отдавалась чуть ли не первому встречному в доме графини Д*, где многочисленные любовники, овладевшие ею, даже не подозревали, с кем имели дело.

В то же время Сабатье де Кабр, свидетель серьёзный и беспристрастный, писал в 1772 году: «Не будучи безупречной, она далека от тех излишеств, в которых её обвиняют. Ничего не было доказано в этом отношении, кроме трёх её привязанностей: Салтыкову, королю польскому Понятовскому и графу Орлову».

После смерти Петра I фаворитизм в России был таким же, как и в других странах. Однако во времена царствования Екатерины он стал чем-то вроде государственного учреждения. На этот раз на престол вступила женщина, способная перешагнуть все общепринятые границы. Она, как и Елизавета, имела фаворитов, но её темперамент, чрезмерность во всём и обыкновение всё

ставить на карту придали традиционному порядку, или, точнее, беспорядку вещей, поистине размеры необычайные. Анна сделала из конюха Бирона герцога Курляндского, Екатерина из Понятовского — короля Польского. Елизавета имела двоих официальных фаворитов — Разумовского и Шувалова, Екатерина насчитывала их дюжинами.

В детстве она читала Лакальпренеда, мадемуазель Скюдери, «Астрею» и «Дафниса и Хлою». Чувственные описания, которые она там нашла, распутство — не благоприятствовали ли они развитию известных наклонностей? По крайней мере, многие историки приводят фрагмент этого замечательного эротического романа, где Ликсония даёт уроки любви несведущему Дафнису, поделившемуся впоследствии своим новообретённым опытом с Хлоей.

В 1754 году Екатерина стала матерью. Кому она обязана материнским счастьем? Этот вопрос вызывает среди историков самые горячие споры. Прошло десять лет со времени замужества великой княгини, в течение которых союз с Петром оставался бесплодным. Отношения между супругами становились всё более и более холодными.

До 1772 года Екатерина была государыней, предававшейся развлечениям, как и все предшественницы. О её сердечных увлечениях говорили так же, как говорили об увлечениях Елизаветы, не больше. Десять лет императрица жила с графом Григорием Орловым, пытаясь привить ему собственные взгляды, вкусы и интересы.

В письме к Фридриху граф Сольмон пишет: «Благодаря усиливающейся страсти императрица пожелала ввести его (Орлова) в дела правления; она ввела его в комиссию, учреждённую для преобразования государства». Разумеется, вельможи, принцы, генералы чувствовали себя оскорблёнными тем, что им приходится ждать в приёмной господина Орлова, дабы присутствовать потом при его выходе. Граф Шереметев, обер-камергер, один из знатнейших и богатых русских вельмож, и другие, обязанные по своей должности сопровождать верхом экипаж императрицы, с горечью смотрели, как фаворит сидел рядом с государыней, тогда как они скакали верхом подле кареты. Впрочем, вельможи, которые помнили царствование Анны и ненавистную «бироновщину», находили нынешний режим довольно сносным. К тому же граф Орлов был от природы ленивым человеком. Екатерина сделала его командующим всей артиллерией русской армии, поставила во главе Вольного экономического общества.

С Орловым Екатерина рассталась в 1772 году, послав его в

Фокшаны на переговоры с турками, заранее зная, что задание ему не по плечу. Этот человек рисковал ради неё жизнью, дал ей корону; и она любила его, или думала, что любит не одной только чувственной любовью. Расставшись с ним, она сильно страдала и в час его смерти оплакивала его искренними слезами.

После разрыва с Орловым в её жизнь вместе с Васильчиковым вошла роскошно-грубая и бесстыдная чувственность. В 1774 году при Потёмкине начался делёж власти с первыми встречными любовниками. Далее тянется целый ряд непрочных привязанностей: в июне 1778 года англичанин Гарри извещал о возвышении Корсакова, а в августе — о соискателях, которые добивались её внимания, поддерживаемые, с одной стороны, Потёмкиным, с другой — Паниным или Орловым. В сентябре её увлёк Страхов — шут низшей пробы, четыре месяца спустя — майор Семёновского полка Левашов; молодой человек, протеже графини Брюс, Свейковский заколол себя шпагой в отчаянии, что ему предпочли этого майора. Казалось, Корсаков снова займёт место любовника. Но ему противостоял Стоянов, затем он капитулировал перед Ланским, которого впоследствии сменил Дмитриев-Мамонов — тот, в свою очередь, уступил Милорадовичу и Миклашевскому… В 1795 году, в 63 года, Екатерина начала с Платоном Зубовым и, вероятно, также с его братом новую главу романа, который она «читала» уже с двадцатью другими предшественниками…

Екатерина хотела любить и быть любимой. Незаурядная женщина, исключительно одарённая интеллектуально, духовно и физически, она пользовалась неограниченной властью, свободой, независимостью. И в то же время это был не только призыв страсти. Как бы ни велика была её энергия, как бы ни твёрд был её ум и как бы ни высоко было её мнение о себе и своих достоинствах, она всегда испытывала необходимость в мужском разуме и мужской воле. Когда она писала Потёмкину, что она без него как без рук — это была не пустая фраза. В 1788 году фаворит был в Крыму, и Екатерина, умоляя его вернуться, писала, что его отсутствие повлекло за собой беспорядки в делах правления и отразилось на состоянии духа императрицы, «смущённой, подверженной постоянной боязни и колеблющейся без поддержки». И это ещё не всё. Когда Николай Салтыков, сохранивший за собой право говорить с императрицей откровенно, высказал своё удивление насчёт Зубова, отметив, что этот выбор не соответствует возрасту государыни, она ответила ему: «Ну что же! Я оказываю услуги государству, воспитывая молодых даровитых людей».

Действительно, императрица проводила с фаворитами время

не только в любовных утехах, она также приобщала их к своим интересам и интеллектуальным занятиям. Ею руководило желание открыть в них задатки государственных деятелей, воспитать образцовых слуг Отечества и обрести близких себе по духу людей.

Вышколенный, прошедший через всю иерархию высших административных и военных должностей Потёмкин стал в конце концов видной исторической фигурой, всемогущим министром и немало сделал для прославления царствования своей повелительницы.

Когда по прихоти государыни Зорич поселился на несколько месяцев в специально предназначенных апартаментах, сообщавшихся с покоями императрицы потайной лестницей, он был просто гусарским майором. Впоследствии же он сыграл важную роль в истории развития народного образования. Фаворит создал план военной школы по образцу заграничных учреждений подобного рода.

17 сентября 1778 года Корберон отправил из Санкт-Петербурга депешу на имя графа Верженна: «В делах России замечается нечто вроде междуцарствия, которое происходит в промежутке времени между смещениями одного фаворита и водворением другого. Это событие затмевает всё остальное… Даже министры, на которых отражается это влияние, приостанавливают свои дела, пока окончательно утверждённый выбор фаворита не приведёт их умы в нормальное состояние и не придаст машине её обычный ход».

Правда, такие «междуцарствия» обычно бывали очень кратковременны. Только одно продлилось несколько месяцев — между временем Ланского в 1784 году и вступлением Ермолова. Чаще всего имя нового избранника объявлялось в течение суток после отставки предыдущего. В гвардейском полку всегда находилось два-три красавца офицера, мечтавших об объятиях императрицы. Счастливчик появлялся при дворе, представленный каким-нибудь вельможей. Последний же стремился лишь к одному — протолкнуть своего человека на пост, служивший источником богатства и почестей.

Племянник графа Чернышёва, князь Кантемир, молодой беспутный, обременённый долгами, но красивый малый, в течение нескольких недель кружил вокруг императрицы. Два раза притворившись, что ошибся дверьми, он входил в покои императрицы, но они были пусты; в третий раз князь добрался-таки до неё, упал к её ногам и умолял ответить на его страсть. Екатерина велела его арестовать, посадить в экипаж и отправить к дяде, чтобы тот образумил племянника. Императрица

снисходительно относилась к такого рода безумствам. Потёмкину повезло больше: он добился своего положения временщика такой же дерзкой выходкой, хотя чаще всего положение фаворита достигалось путём придворных интриг.

С 1776 года Потёмкин, сделавшись первым фаворитом, начал выдвигать намеченных им заместителей, вышколенных и находившихся под его влиянием, и представлял их государыне. Но как ему, так и избранникам было очень трудно удержать завоёванное место. Само название «временщик» очень точно указывает на эфемерность их счастья.

В 1772 году Григорий Орлов, находясь в Фокшанах, узнал о водворении Васильчикова на его место. Он взял почтовых и помчался во весь дух, как курьер, без сна и отдыха, чтобы поскорее приехать в Петербург. Но было поздно — ещё за городом вчерашнего фаворита остановил курьер с письмом от государыни: Орлову запрещалось въезжать в столицу и предписывалось отправиться в одно из своих имений.

В 1784 году Ланской, уже больной, стремясь избежать царской немилости, которой он так боялся, стал прибегать к искусственным возбуждающим средствам, погубившим навсегда его здоровье.

Иногда опьянённые стремительным взлётом и неограниченной властью баловни судьбы начинали терять голову. Зорич считал, что ему позволено всё, и получил отставку из-за чрезмерного увлечения карточной игрой. Дмитриев-Мамонов наивно думал, что ему разрешат отдать свою любовь фрейлине императрицы. Смена фаворитов происходила очень быстро: на вечернем приёме замечали, что императрица начинает засматриваться на какого-нибудь лейтенанта, накануне представленного, но пока незаметного в толпе придворных. На другой день узнавали, что он назначен флигель-адъютантом Её Величества. Днём молодого человека коротким извещением призывали ко двору: он представлялся лейб-медику государыни, англичанину Роджерсону; затем его поручали графине Брюс, а позднее мадемуазель Протасовой, о чьих щекотливых обязанностях лучше умолчим. После чего его отводили в специально приготовленные покои, где пребывание фаворитов было столь же кратковременно, как и пребывание в министерских отелях. Апартаменты были уже свободны и готовы принять вновьприбывшего. Его ожидали комфорт и роскошь, полное содержание и прислуга. Открыв письменный стол, он находил там сто тысяч рублей золотом, дар императрицы на первое время. Вечером императрица появлялась перед придворными, фамильярно опираясь на его руку, и ровно в десять часов, по

окончании игры, удалялась в покои, куда новый фаворит проникал вслед за ней… Теперь он выходил из дворца не иначе, как рядом с августейшей подругой. С этой минуты любовник, как птица, оказывался в золотой клетке, правда, клетке прекрасной, но всё же строго охраняемой. Фаворит никого не посещал и не принимал приглашений. Однажды Дмитриев-Мамонов, в бытность свою фаворитом, получил приглашение поехать на обед к графу Сегюру. Но и тогда Екатерина забеспокоилась. Выйдя из-за стола, французский посланник и его гости увидели под окном карету императрицы… Екатерина боялась даже на минуту остаться одна, без возлюбленного.

Надо сказать, что все избранники Екатерины были в полном расцвете лет и большей частью богатырского сложения. Старея, Екатерина старалась выбирать всё более и более молодых. На братьев Зубовых императрица обратила внимание, когда одному было двадцать два года, а другому — восемнадцать. Назвать точное количество временщиков с 1762 по 1796 год, то есть со дня её восшествия на престол и до её кончины, не представляется возможным. Точно известно лишь то, что десять из них занимали официальные посты.

Григорий Орлов (с 1762 по 1772 год), Васильчиков (1772–1774), Григорий Потёмкин (1774–1776), Завадовский, 37 лет, украинский полковник (1776–1777), Зорич, 32 года (1777–1778), Римский-Корсаков, 24 года (1778–1780), Ланской, 22 года (1779–1784), Ермолов, 30 лет (1785–1786), Дмитриев-Мамонов, 26 лет (1786–1789), П. Зубов, 22 года (1789–1796). Все они были молодыми гвардейскими офицерами из не слишком богатых дворянских семейств, причём показательно, что среди фаворитов не было ни одного иностранца. И это вполне объяснимое политическими воззрениями Екатерины обстоятельство вызвало немало досужих домыслов. Так, например, английский посол в России Д. Макартни приписывал его особым мужским достоинствам русских юношей, о чём их нянюшки якобы проявляли заботу с раннего детства.

В эпоху фавора Корсакова был в жизни Екатерины момент, когда выдвинулись сразу несколько воздыхателей. Причём один из них — Страхов пользовался особенной благосклонностью государыни, хотя и не занимал отведённых для фаворитов покоев, но, без сомнения, временно замещал официального фаворита. Таких случаев было немало. Осматривая Зимний дворец спустя несколько лет после смерти Екатерины, один путешественник был поражён убранством двух небольших салонов, прилегавших к спальне императрицы. Стены одного из них были сверху донизу увешаны драгоценными миниатюрами в золотых рамках,

изображавшими сладострастные сцены. Убранство другого салона было такое же, только все миниатюры были портретами мужчин, знакомых или возлюбленных Екатерины. Некоторые из них отплатили императрице неблагодарностью за все благодеяния, которыми она их осыпала. В 1780 году она застала Корсакова в объятиях графини Брюс, а в 1789 году Дмитриев-Мамонов предпочёл ей фрейлину Щербатову. Её увлечения часто были увлечениями женщины, срывающей цветы удовольствия повсюду, где их находила.

До своего решения порвать с Орловым Екатерина прощала ему то, что редкая женщина способна простить. Уже в 1765 году, за семь лет до разрыва, Беранже писал из Петербурга герцогу Праслину: «Этот русский открыто нарушает законы любви по отношению к императрице; у него в городе есть любовницы, которые не только не навлекают на себя негодование императрицы за свою угодливость Орлову, но, по-видимому, пользуются её расположением. Сенатор Муравьёв, заставший с ним свою жену, едва не учинил скандала, потребовав развода. Царица умиротворила его, подарив земли в Ливонии».

Вынужденный удалиться в своё поместье, Орлов не считал себя побеждённым. Он умолял, грозил, прося, чтобы ему позволили повидаться с государыней. Одного слова Екатерины было достаточно — и Потёмкин упрятал бы всех Орловых в подземелье, но она вступила с экс-фаворитом в переговоры и оставила ему ежегодное содержание в 150 000 рублей, сверх того он получил 100 000 рублей для постройки дома. Екатерина вспомнила, что она обещала ему 4000 душ крестьян за Чесменскую победу, и она прибавляет ещё 6000. Кроме того, Екатерина одарила Орлова щедрыми подарками, включая дом на Троицкой набережной. Взамен она просила у него лишь одного: в течение года не приезжать в столицу. Екатерина никогда не забывала, чем она была обязана роду Орловых.

Участник переворота 1762 года, Григорий Потёмкин вошёл в жизнь Екатерины в 1774 году, уже прославившись на полях сражений. «Ах, какая славная голова у этого человека!.. И эта славная голова забавна как дьявол», — восклицала императрица в письме к Гримму. Потёмкин ей писал: «Кроме того, что осыпала меня своими благодеяниями, ты поместила меня в своё сердце. Я хочу быть там один, выше всех, кто мне предшествовал, потому что ни один из них не любил тебя так, как я». Екатерина покоряла фаворита своей рассудительностью, тот же увлекал её своей горячностью. Они часто ссорились. У Потёмкина был тяжёлый характер. Он дулся и раздражался по малейшему поводу. Тогда ему императрица писала: «Если сегодня ты не будешь любезнее,

чем вчера, то я… я… я… правда не буду обедать!»

В 1776 году Потёмкин уступил место Завадовскому. Любовник исчез, но остался друг. В сентябре 1777 года Потёмкин получил от государыни в дар 150 000 рублей, через два года авансом 75 000 рублей, кроме того, его годовая пенсия составляла 75 000 рублей.

В 1783 году Екатерина велела выдать Потёмкину 100 000 рублей, чтобы он побыстрее закончил строительство дворца, затем купила дворец за несколько миллионов, после чего ему же и подарила. Он был фельдмаршалом, первым министром, князем, имел все чины, ордена, почести, власть. При завоевании Крыма, во время Турецкой войны он командовал исключительно единовластно. Екатерина же выглядела маленькой девочкой, подчинённой воле высшего гения. Императрицей она была для него лишь в минуты душевной слабости. Когда, например, в сентябре 1787 года после штурма турками Кинбурна он чуть было не сложил с себя обязанности главнокомандующего. Екатерина же и слышать об этом не хотела. «Закалите свой ум и свою душу против всех случайностей и будьте уверены, что вы победите терпением». Но иногда требовались воля императрицы и её личное вмешательство. Тогда ни дружба, ни любовь не препятствовали авторитету Екатерины брать верх.

Когда же на горизонте появился Зубов, которого Екатерина выбрала в фавориты, не посоветовавшись с «другом», Потёмкин пришёл в ярость. Он пообещал приехать в Петербург, чтобы вырвать «больной зуб». Вместо этого он присутствовал при триумфе врага. Поражённый в самое сердце, Потёмкин вернулся на юг, скрывая досаду, и вскоре умер. Смерть избавила его от последнего позора — опалы.

Среди фаворитов был один, кого Екатерина любила так, как никого и никогда прежде не любила. Но Екатерине не суждено было долго наслаждаться счастьем. В течение четырёх лет этот красивый юноша был её радостью, в Ланском сосредоточились все её помыслы, мечты, желания, она ласкала его нежнее всех своих прежних фаворитов. Но 19 июня 1784 года юноша почувствовал приступы болезни. Доктор-немец Вейкард определил: «Злокачественная лихорадка». Через десять дней Ланской скончался на руках Екатерины. Ему было всего двадцать шесть… «У меня нет более счастья! Я думала, что умру сама от невозвратной утраты, которую я перенесла неделю тому назад, когда умер мой лучший друг!»

Если фаворитизм и не останавливал государственных дел, то случалось, что эти дела вручались людям, не способным к управлению, например, Дмитриеву-Мамонову или Зубову.

Фаворитизм дорого обходился государству. Десять главных фаворитов, вместе с Высоцким, стоили громадной суммы в 92 миллиона (!) рублей. Пять братьев Орловых получили 17 миллионов, кроме того, 40–50 тысяч душ крестьян, дворец, драгоценности. Зорич за год — имение в Польше, стоимостью в 500 000 рублей, имение в Ливонии за 100 000 рублей, 500 000 рублей наличными, на 200 000 рублей драгоценностей и командорство в Польше с 12 000 рублей дохода. Не менее щедро были облагодетельствованы и другие фавориты.

Один из соратников по оружию Костюшки, некто Цимиевич рассказывал в своих записках 1794 года о посещении тех домов, которые были выстроены для императрицы по дороге в Крым во время её крымского путешествия в 1787 году. «Спальни императрицы везде были устроены по одинаковому плану; возле её кровати помещалось громадное зеркальное панно, двигающееся посредством пружины; когда оно подымалось, то за ним показывалась другая кровать — Мамонова…» Екатерине тогда было 59 лет!

В последние годы царствования Екатерины обвинения стали более откровенными: осуждали главным образом её вкусы и постыдные привычки. Говорили, что, кроме общества, собиравшегося на малых приёмах, было организовано другое, более ограниченное, состоявшее из обоих Зубовых, Петра Салтыкова и нескольких женщин.

Внезапная смерть Екатерины, постигшая её в гардеробной, была, быть может, также своего рода искуплением. В 1774 году Дюран спросил о симптомах, беспокоивших лейб-медиков Её Величества, и получил в ответ: «Эти потери вызваны прекращением месячных очищений или переутомлением ослабевшего органа».

Жанна-Антуанетта Пуассон, Маркиза де Помпадур (1721–1764)

Фаворитка французского короля Людовика XV. Играла важную роль в политической и культурной жизни не только Франции, но и Европы. Покровительствовала наукам и искусствам.

* * *

Отец Антуанетты Пуассон был одно время лакеем, потом поставщиком провиантского ведомства, причём неумелым и нечестным. В судьбе Антуанетты принимал большое участие синдик Ленорман де Турнэм. Возможно, он был настоящим её отцом. Благодаря Ленорману, Жанна-Антуанетта получила отличное образование. Она прекрасно знала музыку, рисовала, пела, играла на сцене, декламировала.

Среди пансионерок будущей маркизы де Помпадур была некая мадам Лебон, гадалка на картах, которая предсказала девятилетней Жанне, что она будет любовницей Людовика XV. Эти слова Жанна никогда не забывала, и, когда предсказание сбылось, с благодарностью вспоминала о нём.

Девочка от природы отличалась живым умом. И если самый ожесточённый её враг, Аржансон, говорил о ней, что она была блондинкой со слишком бледным лицом, несколько полновата и довольно плохо сложена, хотя и наделена грацией и талантами, то другой её современник, Леруа, обер-егерьмейстер лесов и парков Версаля, описывал её с гораздо большей симпатией: среднего роста, стройная, с мягкими непринуждёнными манерами, элегантная. Безукоризненно овальной формы лицо. Прекрасные с каштановым отливом волосы, довольно большие глаза, прекрасные длинные ресницы. Прямой, совершенной формы нос, чувственный рот, очень красивые зубы. Чарующий смех. Всегда прекрасный цвет лица, а глаза неопределённого цвета. «В них не было искрящейся живости, свойственной чёрным глазам, или нежной истомы, свойственной голубым, или благородства, свойственного серым. Их неопределённый цвет, казалось, обещал вам негу страстного соблазна и в то же время оставлял впечатление какой-то смутной тоски в мятущейся душе…»

С холодным расчётом 19-летняя Антуанетта дала согласие на

брак с племянником своего покровителя, Ленорманом д'Этиолем. Её невзрачный супруг был на пять лет старше, однако, как наследник главного откупщика, очень богат. При нём она могла вести беззаботную жизнь, и Жанна открыто объявила, что никто на свете не мог бы сбить её с пути истинного, кроме самого короля…

Она умела с блеском подать себя в высшем свете, и скоро о ней заговорили. Председатель парламента Эно, постоянный участник вечерних приёмов у королевы, упоминал о ней как о прелестнейшей женщине, которую он когда-либо видел. «Она прекрасно чувствует музыку, очень выразительно и вдохновенно поёт, наверное, знает не меньше сотни песен. Она также играет в комедиях Этиоля в прекрасном театре, где механическая сцена и смена декораций».

Однако этой молодой и очаровательной даме было мало оставаться в центре внимания великосветского общества, что она в первую очередь связывала с богатством своего мужа. Жанна старалась обратить на себя внимание короля, который в это время находился под влиянием чар честолюбивой герцогини де Шатору. Она стала постоянно попадаться Людовику на глаза в Сенарском лесу, где он охотился, в наиболее кокетливых и изысканных туалетах: то в небесно-голубом платье и в розовом фаэтоне, то во всём розовом и в небесно-голубой карете — в конце концов ей посчастливилось быть замеченной им, тем более что король уже что-то слышал о «малютке Этиоль» и она возбудила его любопытство. Однако фаворитка быстро положила конец притязаниям урождённой Пуассон, просто-напросто запретив ей показываться в местах охоты короля. И только когда де Шатору внезапно скончалась, госпожа д'Этиоль поняла, что путь к сердцу короля свободен.

Во время грандиозного бала-маскарада, который был дан 28 февраля 1745 года в Парижской ратуше по случаю свадьбы дофина с испанской принцессой Марией-Терезией, Жанне представилась возможность приблизиться к королю.

Людовик на балу заинтересовался одной прелестной маской, которая его явно поддразнивала. По его просьбе незнакомка открыла лицо. Она явно намеренно уронила свой платок, король тотчас бросился его поднимать, возвратил ей, и это было началом их любовной связи, которую они поддерживали через доверенного камердинера Людовика Бине.

В начале апреля госпожа д'Этиоль появилась в Версале на представлении итальянской комедии в ложе, находившейся у сцены совсем рядом с ложей короля, и, когда Людовик приказал подать ему ужин прямо в кабинет, весь двор не сомневался, что

единственной его сотрапезницей будет «малютка Этиоль». Здесь же она отдалась ему, однако после этого свидания интерес Людовика к ней уменьшился. Король сказал Бине, что госпожа д'Этиоль ему очень понравилась, но ему показалось, что ею во многом двигало честолюбие и корыстный интерес… Камердинер, наоборот, стал уверять короля, что Жанна без памяти влюблена в него, но она в отчаянье, так как разрывается между любовью к королю и долгом перед мужем, который полон подозрений и боготворит её.

При следующем свидании с Людовиком госпожа д'Этиоль повела себя осторожнее и выступила в роли всего лишь очаровательной и добродетельной женщины, которую король хотел в ней видеть. Словно в хорошо разыгранном спектакле она с ужасом рассказывала об ожидавшей её мести мужа и сумела убедить Людовика оставить её в Версале. Таким образом ей удалось заложить основы своего влияния на короля, пресыщенного любовными интрижками и напрасно пытавшегося развеять скуку в обществе своей супруги. Ей также без особых трудов удалось убрать из Парижа своего мужа: в качестве компаньона своего дяди он был направлен его представителем в провинцию.

Точно так же ей сразу посчастливилось упрочить покровительство короля и нейтрализовать интриги со стороны наследников. Вскоре повелитель объявил ей, что произведёт её в официальные фаворитки как только вернётся с театра военных действий во Фландрии.

Пока в Версале готовили апартаменты для преемницы де Шатору, Жанна оставалась в Этиоле. Король часто писал ей нежные письма, обычно заканчивавшиеся словами «Любящий и преданный», и она тотчас отвечала в таком же духе, а аббат де Берни придавал им законченный вид с точки зрения стилистики и остроумия. Наконец в одном из писем она прочитала: «Маркизе де Помпадур». Итак, он издал указ о присвоении ей этого титула, ранее принадлежавшего одному угасшему роду из Лимузена.

14 сентября 1745 года состоялось её представление при дворе. Людовик выглядел весьма смущённым, то краснел, то бледнел. Королева, уже давно привыкшая к подобным унижениям со стороны своего супруга, восприняла появление новой фаворитки значительно дружелюбнее, чем ожидалось. Только дофин что-то процедил сквозь зубы.

Однако положение маркизы при дворе было не таким уж и устойчивым. До сих пор король выбирал себе фавориток из высших слоёв общества. Урождённая Пуассон нарушила это правило. За ней следили тысячи враждебных глаз, и тысячи злых

языков тотчас приходили в движение при малейшей забывчивости, при самых незначительных погрешностях в этикете, при ошибках в придворном языке этой Гризетки, как презрительно называли новоиспечённую маркизу у неё за спиной.

В первую очередь Жанне, естественно, надо было подумать о том, как в этой чреватой непредвиденными опасностями ситуации добиться полной поддержки короля, чтобы упрочить своё положение. Это была самая трудная и чрезвычайно важная задача.

Из всех любовниц Людовика только Помпадур обладала способностью развеять его скуку. Она старалась каждый раз быть по-новому привлекательной и каждый раз придумывала для него новые развлечения. Она пела и играла специально для него или рассказывала со свойственной только ей пикантностью новые анекдоты. А когда какой-нибудь министр надоедал ему докладами, что, естественно, раздражало короля, она старалась побыстрее выпроводить докладчика. Например, если это был Морепа: «В вашем присутствии король прямо желтеет. Прощайте, господин Морепа!»

Она гуляла с Людовиком по роскошным садам летних замков и постоянно сопровождала его из Версаля в Кресси, а оттуда в Ла-Сель, а оттуда в Бельвю, а потом в Компьен и Фонтенбло.

На Святой неделе она развлекала его концертами духовной музыки и литургиями, в которых участвовала сама. А когда она играла на сцене в театре Этиоля или Шантемерле у госпожи де Вильмур, ей удалось пленить Людовика своим исполнительским искусством, и она даже создала в Версале в одной из примыкавших к Медальному кабинету галерей небольшой театр, названный «Камерным театром».

Со временем положение её упрочилось настолько, что она со снисходительным высокомерием стала принимать у себя министров и послов. Теперь она жила в Версале, в апартаментах, принадлежавших когда-то могущественной фаворитке Людовика XIV маркизе де Монтеспан. В комнате маркизы де Помпадур, где она принимала посетителей, было только одно кресло — все должны были стоять в присутствии сидящей фаворитки.

Ложа Помпадур в театре вплотную примыкала к ложе короля, где они время от времени запирались. Мессу в капелле Версаля она слушала на специально для неё устроенной трибуне на балконе ризницы, где она появлялась одна во время больших праздников. Её быт был обставлен с небывалой роскошью. Молодой дворянин из старинного рода нёс её шлейф, по её знаку подставлял ей кресло, ждал её выхода в прихожей. Она добилась

награждения своего гофмейстера Коллена орденом Святого Людовика. На её карете красовался герцогский герб. Прах своей матери она распорядилась перевезти в купленный ею у семьи Креки склеп в монастыре Капуцинов на Вандомской площади и затем построила там роскошный мавзолей. И, естественно, она в пределах своего могущества постоянно заботилась о своей семье.

Однако маркиза не забывала и себя. Она владела таким огромным недвижимым имуществом, которым ни до неё, ни после неё во Франции не владела ни одна королевская фаворитка. Она купила поместье Кресси в Дрё за 650 тысяч ливров, выстроила здесь роскошный замок — строительство было вообще её коньком, — а также заново обустроила огромный парк. Она купила Монретон, однако тотчас выгодно перепродала его, купила Сель в миле от Версаля по дороге в Марли (небольшой замок — в противоположность помпезному Кресси) и здесь тоже перестроила в соответствии со своими вкусами всё то, что ей не понравилось. Недалеко от небольшого Версальского парка она построила уединённый домик с персидскими занавесями, расписными панелями, большим садом с кустами роз, в центре которого возвышался храм со статуей Адониса из белого мрамора. Такой же домик она построила в Фонтенбло и в Компьене, а в Версале возвела отель, по специальному коридору из него можно было пройти прямо в замок. В Париже, в отеле Поншартрен, где обычно останавливались послы высшего ранга, ей принадлежали роскошные апартаменты. За 700 000 ливров она купила находившийся в квартале Сен-Оноре отель графа д'Эвре, где полностью перестроила первый этаж. Каждое такое мероприятие само по себе требовало огромных денег. И каждый раз это была целая толпа людей искусства и мастеровых, им тоже надо было платить…

Как чудо вырос на песчаниках прекрасный замок Бельвю. 2 декабря 1750 года в декорированном в китайском стиле маленьком театре был показан балет «Амур-архитектор». На сцене можно было увидеть парящую в воздухе гору Лафонтена, на неё спускался замок фаворитки, а с улицы на сцену въезжала повозка с закрытым коробом, который опрокидывался, и из него высыпались хорошенькие женщины, это были балерины…

Однако всех этих дворцов маркизе было мало. Она взяла в аренду у герцога де Лавальера его дом в Шам, у герцога де Жевра — его поместье в Сент-Уэне, купила Менар, Бабиоль, владение Севр и землю в Лимузене. И в королевских замках она также многое меняла в соответствии со своим вкусом. Это было основной заботой и развлечением госпожи де Помпадур — постоянно и с большой выдумкой заниматься перестройкой, так

что для скучавшего короля всё совершённое ею было развлечением и походило на постоянные сюрпризы из шкатулки.

В своём доме и в королевских покоях волшебница Жанна переносила Людовика в мир великолепной архитектуры, причудливых дворцов, под своды аллей столетних деревьев, где, впрочем, всё было обустроено в соответствии со здравым смыслом, и каждый дом нёс на себе отпечаток модной пасторали. Сады Помпадур, далёкие от обычной помпезности, представляли собой живописный мир из заросших жасмином и миртом уютных беседок, клумб с розами, статуй Амуров в самых неожиданных местах, полей нарциссов, гвоздик, фиалок, тубероз… В этих чудных декорациях король снова начинал чувствовать вкус к жизни. Маркиза вновь и вновь покоряла его своей способностью представать перед ним всякий раз новой и неожиданной. В этом ей помогали изысканные макияжи и костюмы, целый калейдоскоп костюмов! То она переодевалась в костюм султанши с картин Ван Лоо, то являлась в костюме крестьянки. Именно этот образ сохранила нам живопись. Портрет, где она изображена в кокетливой соломенной шляпке, в голубом платье с корзиночкой цветов в левой и букетом гиацинтов в правой руке, Помпадур считала лучшим своим изображением. Кстати, именно с лёгкой руки Помпадур, голубые платья стали называть «платьем маркизы».

Специально для короля она придумала ещё один необыкновенный костюм, он был назван «неглиже а ля Помпадур»: что-то вроде турецкого жилета, который облегал шею, застёгивался на пуговицы на предплечье и облегал спину до бёдер. В нём маркиза могла показать всё то, что хотела, и лишь намекнуть на всё, что желала скрыть.

Свою жизнь при дворе Жанна называла постоянной борьбой против врагов, и она вряд ли могла надеяться, что когда-нибудь для неё наступят мир и покой. И в то же время она должна была всегда выглядеть жизнерадостной и беззаботной в присутствии короля и придворных.

Фаворитка изматывалась в постоянной борьбе за сохранение своего влияния и своей власти. В угоду честолюбию приносилось хрупкое здоровье. Маркиза употребляла всевозможные средства, чтобы в глазах Людовика её уже несколько поблёкшие молодость и красота выглядели всё так же привлекательно. Ей приходилось прибегать к различным ухищрениям, чтобы по-прежнему возбуждать чувственность короля.

Но в конце концов Жанна пришла к разумному выводу, что не должна мешать Людовику заводить новых любовниц. Лучше будет, если она останется просто его другом и будет держать под

контролем его мимолётные увлечения. И постоянно следить за ним. Так ей скорее удастся не пропустить появления опасной его привязанности к женщине, превосходящей её по уму и красоте. И первую из этих девочек она привела сама. Это была малышка Марфи, чей портрет кисти Буше всем известен.

Утратив власть над сердцем короля, маркиза попыталась подобраться к высшей власти с другой стороны. Так как её брат поощрял культурную жизнь государства и к тому же должен был заниматься этим по долгу службы, она старалась окружить себя поэтами, учёными и философами.

Вне конкуренции среди них был Вольтер, старый друг маркизы и д'Этиоля. Маркиза оказывала ему явное предпочтение, сделала его академиком, главным историком Франции, главным камергером. В свою очередь он написал для придворных праздников «Наваррскую принцессу», «Храм Славы», посвятил маркизе «Танкреда» и прославил её в стихах и прозе. «Помпадур, вы украшаете своей особой двор, Парнасс и остров Гетер!» — восклицал он с восхищением и благодарностью, а когда она безвременно умерла, он написал Сидевилю: «Я глубоко потрясён кончиной госпожи де Помпадур. Я многим обязан ей, я оплакиваю её. Какая ирония судьбы, что старик, который только и может, что пачкать бумагу, который едва в состоянии передвигаться, ещё жив, а прелестная женщина умирает в 40 лет в расцвете самой чудесной в мире славы…»

Она сделала немало и для Руссо, особенно тогда, когда он не мог защитить свои собственные интересы. Она поставила на сцене его «Сибирского прорицателя» и имела большой успех в мужской роли Коллена. Однако Жан-Жак считал её недостаточно внимательной к нему, так как он не был представлен королю и не получал пенсию. Зато маркиза устроила пенсию для старого Кребильона, когда-то дававшего ей уроки декламации. Теперь он был беден и всеми покинут… Маркиза поставила его пьесу «Кателина», способствовала монументальному изданию в королевской типографии его трагедий, а после смерти Кребильона — строительству для него мавзолея.

Её друзьями были Бюффон, которому она завещала своих зверей — обезьянку, собаку и попугая, — и Монтескьё, хотя и не в такой степени, как Мармонтель. Последний добился милости маркизы, сочинив стихотворение в честь создания ею Военного училища. Она, несмотря на неудачи на сцене, сделала его академиком.

Маркиза также помогла обоим энциклопедистам — д'Аламберу (для него она выхлопотала пенсию) и Дидро, которого она неоднократно призывала к умеренности и осторожности.

С именем Помпадур связаны и другие не менее славные деяния. Она основала знаменитые севрские фарфоровые фабрики. Желая создать серьёзную конкуренцию знаменитому и дорогостоящему саксонскому фарфору, Помпадур перевела фабрики из Венсенна в Севр, неутомимо занималась экспериментами, приглашала искусных ремесленников и талантливых художников, скульпторов, устраивала выставки в Версале и во всеуслышанье объявляла: «Если тот, у кого есть деньги, не покупает этот фарфор, он плохой гражданин своей страны».

Прекрасные нежные розы — её любимый цветок — которые она сажала, где только могла, со временем были названы «розами Помпадур».

Почти 20 лет продержалась маркиза у трона, хотя её положению часто грозили опасности. Она не была слишком жизнерадостным человеком, хотя хотела казаться им. На самом же деле Помпадур обладала холодным рассудком, честолюбивым характером и к тому же железной волей, что удивительным образом сочеталось с её слабым, уставшим от тяжёлого недуга, телом…

«Чем старше я становлюсь, — писала она в одном из своих писем брату, — тем более философское направление принимают мои мысли… За исключением счастья находиться с королём, что, конечно же, радует меня больше всего, всё остальное только переплетение злобы и низости, ведущее ко всяким несчастьям, что свойственно людям вообще. Прекрасный сюжет для размышлений, особенно для такой, как я».

И ещё она писала: «Где бы ни встретили вы людей, вы обязательно найдёте у них фальшивость и любые возможные пороки. Жить в одиночестве было бы слишком скучно, поэтому приходится принимать их такими, какие они есть, и делать вид, как будто не замечаешь этого…»

В последующие годы ей больше не приходилось обольщаться чувствами короля к ней. Маркиза знала, что была для него теперь всего лишь снисходительным и преданным другом, а не возлюбленной. Он держал её при себе по привычке и из жалости. Он знал, как она впечатлительна и ранима, и опасался, что, если он распрощается с ней, она способна в отчаянии наложить на себя руки.

«Я боюсь, дорогая, — сказал как-то Шуазель своей камеристке, — что меланхолия овладеет ею и она умрёт от печали».

В одной из поездок в Шуазель она упала в обморок, однако нашла в себе силы поправиться, вопреки ожиданиям окружающих.

Затем наступил рецидив, и надежды больше не стало. Людовик приказал перевезти её в Версаль, хотя до сих пор, как писал Лакретель, только принцам разрешалось умирать в королевском дворце. Однако маркиза сохраняла своё могущество даже с уже похолодевшими руками. После её смерти в столе у неё нашли всего 37 луидоров. Финансовое положение женщины, которую народ обвинял в том, что она перевела за рубеж значительные суммы, было таким тяжёлым, что, когда она заболела, её управляющий был вынужден взять в долг 70 000 ливров.

Время господства маркизы де Помпадур в течение 20 лет стоило Франции 36 миллионов франков. Её увлечение строительством, многочисленные приобретения, драгоценные камни, произведения искусства, мебель требовали значительных затрат. Однако её содержание, обходившееся вначале в 24 000 ливров в месяц, к 1760 году уменьшилось в восемь раз, и уже в 1750 году она не получала от короля богатых подарков. Иногда ей удавалось выкрутиться за счёт карточных выигрышей и продажи драгоценностей.

Её единственным наследником был брат. В завещании были также упомянуты её многочисленные друзья и слуги. Королю она оставила свой парижский отель и свою коллекцию камней.

Маркиза умерла в 43 года. Однако остаётся только удивляться, что при её тревожной жизни она ещё протянула так долго. В ранней юности у неё нашли туберкулёз лёгких, и она должна была придерживаться предписанного ей лечения молоком.

Указ строго запрещал оставлять тела усопших в королевском замке. Ничего не должно было напоминать о конце человеческой жизни. Едва остывшее тело женщины, ещё недавно видевшей у своих ног всю Францию, перенесли почти обнажённым по переходам замка и улицам Версаля и оставили до погребения в специально выбранном для этого доме.

Король, как всегда, хорошо владел собой и не показывал свои истинные чувства, однако было видно, что он глубоко скорбит.

В день похорон разразилась страшная буря. В 6 часов вечера траурный кортеж свернул на большую дорогу к Парижу. Король в задумчивости и с грустным выражением лица наблюдал за ним с балкона своей комнаты и, несмотря на дождь и ветер, оставался там до тех пор, пока траурная процессия не скрылась из виду. Затем он вернулся к себе, слёзы катились у него по щекам, и, рыдая, он воскликнул: «Ах, это единственная честь, которую я мог ей оказать!»

Если в чём-либо влияние маркизы де Помпадур зачастую можно оспаривать, то уж в области искусства, художественных

ремёсел и моды её превосходство было неоспоримым, и с полным основанием говорят, что грациозность и вкус, свойственные всем без исключения произведениям её времени, являются плодом её влияния и что она по праву может считаться крёстной матерью и королевой рококо.

Мэрилин Монро (1926–1962)

Настоящее имя — Норма Джин Мортенсон (Бейкер). Американская киноактриса. Секс-символ Америки 1950-х годов. Снималась в комедиях «Джентльмены предпочитают блондинок» (1953), «Как выйти замуж за миллионера» (1953), «Зуд седьмого года» (1955), «Остановка автобуса» (1956) и «Некоторые любят погорячее» («В джазе только девушки») (1959). Её последний фильм — «Неприкаянные» (1960), поставленный по сценарию её третьего мужа Артура Миллера.

* * *

Мэрилин родилась 1 июня 1926 года в Дженерал-госпитале Лос-Анджелеса. По иронии судьбы он был расположен в двух шагах от «фабрики грёз» — Голливуда. Её мать, Глэдис Монро Бейкер, работала на знаменитой киностудии монтажницей фильмов, часто болела и ещё задолго до рождения дочери пристрастилась к алкоголю, что приводило её к тяжёлым приступам истерии. Её неоднократно помещали в психиатрическую лечебницу. Своего отца Мэрилин Монро так и не увидела, хотя всю жизнь горела искренним желанием встретиться с ним.

С детства она была безумно влюблена в Кларка Гейбла, талантливого и обольстительного голливудского актёра. Выдавая желаемое за действительное, Мэрилин одно время пыталась доказать, что он и является её настоящим отцом… Незадолго до смерти она вместе с ним снялась в фильме «Неприкаянные».

С раннего детства девочка была лишена настоящего домашнего уюта, и лишь ангельская красота спасала её от того, чтобы быть выброшенной на улицу…

Её рост был 165 сантиметров, объём груди — 96, талия — 57, бёдер — 96 сантиметров, вес — 53,3 килограмма…

В первый раз Мэрилин Монро вышла замуж, когда ей исполнилось шестнадцать лет. Вернее, была выдана замуж по настоянию одной из её тёток. Мужем стал симпатичный двадцатилетний сосед Джим Доуэрти.

Если он чем-то и отличался от своих друзей, то только своим олимпийским спокойствием. Он даже не реагировал на то, что его жена совсем не умела готовить: в чашку кофе она могла всыпать

вместо сахара соль… Через год они развелись.

В августе 1952 года в Мексике Мэрилин Монро и начинающий кинопродюсер Роберт Слетцер тайно оформили брак. По возвращении в Голливуд, молодожёны были вызваны «на ковёр» к главе студии, всемогущему Зануку и… вечером того же дня вылетели в Мексику. Заплатив 50 долларов священнику, оформившему их брак, они вновь стали свободными…

Что же произошло? Оказывается, Занук сказал: «Мы готовим Мэрилин для миллионов мужчин. Мы вложили в неё колоссальные деньги. По контракту она не имеет права быть женой неизвестного человека…»

Незадолго до смерти Мэрилин Монро сказала: «Я любила Роберта шестнадцать лет… После трагического разрыва мы остались друзьями. Но в моём сердце поруганная любовь не угасла».

Третий брак Мэрилин — с Джо Ди Маджо, бейсболистом, «столь же известным, как и президент Соединённых Штатов», — также не принёс ей заветного счастья, хотя она возлагала на него большие надежды: «Я верила в наш брак с Джоном… В нашу любовь, в нашу обоюдную теплоту и во взаимопонимание. Между прочим, всё закончилось взаимным отчуждением и равнодушием».

«Мэрилин оставляет Джо!» Газетные заголовки протрубили о конце их брака. Через 263 дня совместной жизни Мэрилин Монро и Джо Ди Маджо решили разорвать супружеские узы.

Джо Ди Маджо молчаливо прошёл сквозь строй оголтелых журналистов, его лицо выражало печаль, в глазах отсутствовала та весёлая искорка, которая и приворожила Мэрилин Монро… Однако через несколько дней он произнёс слова, которые тогда многим показались неестественными: «Я хочу быть похороненным с моей единственной и последней женщиной…» По завещанию, и после его смерти на могиле Мэрилин Монро появлялись свежие цветы, которые так любила «богиня экрана».

И Джо Ди Маджо больше никогда не женился. Несмотря на то что его брак с Мэрилин Монро длился всего девять месяцев, он остался верен своим словам.

Голливуд гудел слухами о причинах развода. Говорили, например, что Джо вышел из себя, когда Наташа Лайтес явилась в их дом среди ночи, чтобы репетировать. «Убирайся отсюда и занимайся своими делами на студии», — будто бы сказал жене Джо и выгнал её за порог. Согласно другой версии Джо приревновал Мэрилин к учителю пения Холу Шэферу. Когда тот попал в больницу, она несколько раз приходила его навещать; поползли слухи — Джо пришёл в ярость. Болтали ещё, что Джо

пришлось не по душе, что его жена стала «возлюбленной Америки», публичным достоянием.

Мэрилин Монро принадлежала зрителям. И, расторгнув брак с Джо, она вернулась к ним. «Публика, — писали газеты, — её первая и единственная любовь».

Согласно легенде, ещё будучи восходящей старлеткой и женой Джо Ди Маджо, Мэрилин четыре долгих года была тайно влюблена в драматурга Артура Миллера. А что же Миллер?

А Миллер якобы тоже страдал от мук любви. Его положение осложнялось браком с Мэри Грейс Слаттери, в котором были рождены сын и дочь, а железные моральные принципы, которыми он руководствовался, не оставляли ни малейшей надежды на то, что он всем этим пожертвует. Артур Миллер переживал свои муки в стоическом молчании.

Первая их встреча состоялась в 1951 году. Они, разумеется, и раньше знали друг друга и друг другом восхищались, но каждый шёл своим путём, пока судьба не свела их вместе.

Они познакомились на коктейле в Голливуде, куда Миллер пришёл с другом, режиссёром Элиа Казаном, в поисках продюсера для фильма, который они с ним затевали. Продюсера они не нашли, зато познакомились с Мэрилин. Миллер, блестящий рассказчик, и Мэрилин, благодарная слушательница, сразу же прекрасно поладили. Во время этого визита Миллера в Голливуд они встречались ещё раза три. Мэрилин была покорена его умом.

Четыре года спустя Мэрилин, одержимая желанием овладеть актёрским мастерством, целые дни проводила в классах Ли Страсберга. Её вхождение в мир театра естественно привело её к драматургу Миллеру. И прежнее знакомство легко возобновилось.

О чём они разговаривали? В темах не было недостатка. Душа Мэрилин не сводилась к внутреннему миру её голливудских героинь, а Миллер не был холодным высоколобым интеллектуалом. Он любил бейсбол и Бартока, ходил на охоту и занимался рыбной ловлей. Но, конечно, главной его страстью был театр. Получив в 1947 году Пулитцеровскую премию за «Смерть коммивояжёра», он занял своё неоспоримое место на драматургическом Олимпе.

Получив каждый свой развод, они решили пожениться.

В конце 1955 года её собственная студия «Мэрилин Монро продакшнз» начала переговоры со студией «20-й век — Фокс» о восьмимиллионном контракте, рассчитанном на семь лет. За это время предполагалось снять четыре фильма с участием Мэрилин. Ей также разрешалось ежегодно сниматься в одном фильме любой другой студии и участвовать в четырёх телешоу.

24 февраля 1956 года она с триумфом прилетела в Голливуд. Чёрное закрытое платье и норковое манто в руках придавали ей неотразимо изысканный блеск. Кто-то протянул ей дюжину роз. Она с улыбкой швырнула цветы в толпу. Этот жест вызвал рёв восторга.

На съёмках «Автобусной остановки» она впервые проявила симптомы примадонны. Придирчиво перебирала партнёров: тот слишком молод, а этот староват; тот не вышел ростом, а этот верзила и тому подобное.

Когда дошло до съёмок «Займёмся любовью», оказалось, что никто из знаменитостей — Кэри Грант, Рок Хадсон, Грегори Пек — не хотел с ней работать. И когда она уже начала паниковать, на выручку пришёл европейский знакомец Миллера — Ив Монтан. Он приехал в Нью-Йорк с концертами. Все газеты писали о нём с восторгом. Вместе с ним приехала его жена, Симона Синьоре, известная американцам по фильму «Путь в высшее общество».

Ив и Симона составляли странную пару. Она была явно старше его *<вообще-то, Монтан и Синьоре — ровесники. — Прим. читателя>*, и в её лице не было ничего яркого. Почти никакой косметики, короткая стрижка, грузная фигура. Но сразу бросался в глаза её незаурядный ум. Не успев встретиться, они с Артуром тут же заговорили о политике.

Ив почти не говорил по-английски, и Симоне приходилось переводить. Мэрилин вообще молчала. Она только смотрела на Ива и улыбалась, а он улыбался в ответ.

Когда гости ушли, Мэрилин сказала своей подруге Лине Пепитоун: «Правда же, он вылитый Джо? И мне так нравится его голос. Очень сексуальный. Но как он с ней живёт? Она совсем не красивая. И много старше. Клянусь, он женился на ней из-за карьеры. Но она всё равно милая. Лина, он просто гений! Ах, если бы Джо умел петь!» И она затанцевала по комнате, напевая «C'est si bon», пытаясь подражать Монтану.

Кроме Ива, в это же время Мэрилин познакомилась с советским премьером Хрущёвым, посетившим Голливуд. Мэрилин, которая никогда не читала газет и не слушала радионовостей, понятия не имела, кто такой Хрущёв. Ей сказали, что в России знают об Америке только то, что там есть кока-кола и Мэрилин Монро. Это ей понравилось, и она согласилась встретиться с главой России.

Студня хотела, чтобы на эту встречу она надела самое узкое, самое сексапильное платье. «Боюсь, — смеялась она, — в России не так уж много места для секса!»

От знакомства с Хрущёвым она вынесла лишь одно впечатление: «Он толстый, уродливый и весь в бородавках». Она

никак не могла уразуметь, как он стал лидером огромной страны. «Кому мог понадобиться в президенты коммунист, да ещё такой страшный, — шутила она и добавляла: — Я ему понравилась. Он всё улыбался мне на банкете и так долго тряс руку, что чуть не сломал. Но это всё же лучше, чем целоваться с ним».

Симона Синьоре получила «Оскара». На церемонии пел Ив. Они с Симоной стали самой популярной парой в Америке. Мэрилин не могла скрыть зависти: «У неё и „Оскар“. И Ив. Она умная. Её уважают. У неё всё. А что я?»

Между тем роман между Ивом и Мэрилин стремительно развивался. «Это естественно, — говорила она, — мы созданы друг для друга. Артуру нужны интеллектуалки, с которыми он мог бы беседовать. Вроде Симоны. А Иву нужна я».

Но дело обернулось самым худшим образом. «Он пытался быть милосердным. Он целовал меня. Но он сказал, что идея оставить Симону… смешна. Так и сказал: смешна. Он ещё сказал, что надеется, что мне было с ним хорошо, и что он „приятно провёл со мной время“. Я, я любила его, а он „приятно провёл время“! Так всегда: я вечно чего-то жду и что получаю в итоге — дерьмо! дерьмо! дерьмо!»

В январе Миллеры вернулись в Нью-Йорк. Пошли слухи о том, что Мэрилин беременна. Они усилились, когда стало известно, что студия «МГМ», ставившая «Братьев Карамазовых» и предложившая Мэрилин роль Грушеньки, о которой она давно мечтала, получила отказ.

В мае Артура вызвали в Комиссию по расследованию антиамериканской деятельности, чтобы он назвал имена людей, с которыми встречался на коммунистических митингах в 1939–1940 годах. Он отказался давать показания.

Миллеру грозило тюремное заключение сроком на год и штраф в тысячу долларов. Пытаясь избежать исполнения приговора, они уединились в маленьком домике на мысе Код. Здесь Мэрилин впервые сыграла роль хозяйки дома: она ходила за покупками, вытирала пыль, стряпала и каждую минуту наслаждалась этой жизнью. А Миллер засел за пишущую машинку и продолжил работу над романом, который начал год назад.

В августе мирное течение жизни прервал вой сирены «скорой помощи». Мэрилин потеряла своё нерождённое дитя.

В апреле 1958 года Мэрилин Монро, в то время жившая в Нью-Йорке, получила из Голливуда сценарий комедии Билли Уайлдера «Некоторые любят погорячее», где ей отводилась роль певицы джаза Милочки Ковальчик.

Монро не спешила с ответом. «Надо ли мне делать новую

картину или остаться дома и снова попытаться забеременеть? — спрашивала она себя. — Думаю, больше всего на свете мне хочется малыша. Но, может быть, Господь подаёт мне какой-то знак, в смысле моей беременности? Вероятно, из меня получилась бы чокнутая мать; я бы до смерти любила своё дитя. Я так хочу его и в то же время боюсь. Артур тоже говорит, что хочет, но его пыл проходит. Он считает, что я должна сделать картину. В конце концов, я ведь кинозвезда, правильно?»

Но у Мэрилин не проходило дурное настроение. Мэрилин не нравилась роль. Уайлдер был любезен, но не без язвительности. Монро представляла, что он о ней думает: «Грудь из камня. Мозг из ваты».

Монро едва не привела режиссёра к нервному срыву. Позже Уайлдер заявит: «Мы находились в полёте, и с нами на борту был псих».

В фильме есть длинная сцена, когда Тони Кёртис разыгрывает из себя миллионера, добиваясь от Мэрилин побольше поцелуев и ласк. Актёра спросили, что он чувствовал в этот момент. Кёртис мстительно ответил: «Никогда в жизни я не испытывал такой скуки. Целовать Мэрилин — всё равно что целовать Гитлера». Когда его слова передали Монро, она только пожала плечами: «Это его проблемы».

Завершающие сцены картины, снимавшиеся в начале ноября 1958 года, потребовали от больной Мэрилин неимоверных физических усилий. Выписавшись из больницы, она лежала в отеле, «чтобы не растрясти ребёнка».

А между тем её партнёры не пожелали даже преподнести ей жалкий букетик в честь премьеры. Ни Тони Кёртис, ни Джек Леммон не скрывали своего нерасположения к Мэрилин — или, по крайней мере, к её манере работать. Мало того что она регулярно опаздывала на площадку, а то и вовсе отсутствовала, она требовала по 30 раз переснимать один и тот же дубль, и фильм превысил бюджет примерно на полмиллиона. Однако, как выяснилось, не зря. В апреле, мае и июне 1959 года он неизменно возглавлял список самых популярных лент. К концу 1960 года чистая прибыль от него составила 18 миллионов. Это был кассовый и художественный триумф Мэрилин.

Но профессиональный успех совпал с личной трагедией, горькой, опустошившей душу жизненной катастрофой. Мэрилин в третий раз пришлось отказаться от надежды стать матерью.

Последним подарком судьбы стала для неё встреча на съёмочной площадке с королём актёров — Кларком Гейблом в фильме «Неприкаянные». А в сентябре газеты сообщили: Мэрилин выбрала адвоката для ведения бракоразводного процесса.

В октябре закончились съёмки «Неприкаянных». Мэрилин и Артур возвратились в Нью-Йорк. На разных самолётах.

Версий развода родилось множество. Возможно, истинную его причину знала только сама бывшая миссис Миллер. Но вот что написала журналистка Шейла Грэм: «Самая важная причина заключалась в том, что Миллеру ужасно наскучило жить с секс-символом, с женщиной, которую он считал недалёкой и невероятно закомплексованной. Она же пыталась сделать его своим отцом, матерью, дядей. Чтобы справиться с этой задачей, нужно было положить все силы, но тогда ничего не оставалось бы для творчества».

Выход на экраны «Неприкаянных» почти не привлёк к себе внимания прессы, зато газетчики с готовностью откликнулись на известие, что Мэрилин Монро тайно проходит лечение в психиатрической больнице в Нью-Йорке, скрываясь под именем Фей Миллер.

Затем вместе с Джо Ди Маджо Мэрилин улетела сперва во Флориду, набраться сил и погреться на солнышке, а оттуда — через Голливуд — в Лас-Вегас, чтобы принять участие в шоу Фрэнка Синатры, с которым, как утверждали злые языки, их связывала не только дружба (что они в один голос отрицали).

Мэрилин после лечения разительно отличалась от той, которой была в последние месяцы. К ней вернулась неутомимая энергия прошлых лет. «Я чувствую себя гораздо счастливее, — говорила она, — а главное — свободнее».

Но вскоре после того, как она отпраздновала своё 35-летие, «скорая помощь» вновь доставила её в больницу. В четвёртый раз за пять месяцев.

К тому же заметно пошатнулись её денежные дела. На текущем счету значилось всего 96 долларов 54 цента. Надежды на новый контракт не оправдались.

Мэрилин впала в глубочайшую депрессию.

Её смерть стала величайшей мировой сенсацией. Все строили догадки: как могла женщина такой редкой красоты, пользовавшаяся невиданной славой и, как считалось, обладавшая несметным богатством, так возненавидеть жизнь или бояться её, что предпочла покончить с нею счёты? Для того чтобы ответить на этот вопрос, перенесёмся в 1954 год.

В один из тёплых летних дней актёр Питер Лоуфорд устроил в доме своего агента Чарлза Фельдмана вечеринку в честь молодого амбициозного сенатора от штата Массачусетс Джона Фицджеральда Кеннеди и его супруги Жаклин.

Лоуфорд сделал всё возможное, чтобы на вечеринку к Фельдману вместе с Джоном Кеннеди была приглашена также и

Мэрилин Монро. В то время Мэрилин была ещё замужем за Джо Ди Маджо. Впоследствии Мэрилин скажет о первой встрече с Кеннеди: «Он ни на секунду на сводил с меня глаз, и в какой-то момент мне даже стало неловко».

Вплоть до начала 1955 года и даже после развода с Ди Маджо Мэрилин никому не рассказывала ни о своих отношениях с Кеннеди, ни о постоянных поездках в Нью-Йорк. Любить Кеннеди и пользоваться взаимностью означало разделять с ним одну прекрасную тайну. А какая женщина — включая и Мэрилин — не мечтала делить всё с одним из самых обольстительных мужчин Соединённых Штатов?

В течение всех 50-х годов Мэрилин не прекращала своего интимного общения с Кеннеди. Даже её свадьба с Артуром Миллером в 1956 году практически не повлияла на её отношения с Джоном. В январе 1960 года, когда Кеннеди выставил свою кандидатуру на выборах в Белый дом, Мэрилин присоединилась к актёрам и актрисам, задействованным в его предвыборной кампании и вносившим в неё личные денежные вклады.

Мэрилин продолжала следовать за Кеннеди от ранчо в Коннектикуте до квартиры в Нью-Йорке или номера гостиницы, где кандидат в президенты устроил свою штаб-квартиру. Что же он ей обещал? Может, он пользовался её наивностью, её простодушной готовностью всегда верить в сказку? Ничего подобного. В натуре Мэрилин было много привлекательного. С ней — никакого лицемерия, никаких уловок. С ней он мог расслабиться, быть самим собой, ей он мог доверить самые сокровенные тайны. Именно в этот период на пути Мэрилин стали встречаться весьма необычные личности. Фрэнк Синатра, друг клана и крёстный отец мафии; Сэм Муни Джанкана, которого великий певец ввёл в круг Кеннеди и который открыто пользовался властью низводить политиков «из князей да в грязь»; Джудит Кэмпбелл, одна из главных фигур в окружении Кеннеди, также принадлежавшая к кругу Джанканы и Синатры.

На второй день после открытия съезда демократической партии, 13 июля 1960 года, Джон Кеннеди пригласил Мэрилин Монро и ещё нескольких близких людей отужинать в его номере отеля «Беверли-Хиллз». Но прежде Мэрилин и Кеннеди уединились.

«Кеннеди был не в себе, — язвительно заметила Лина Пепитоун, которая некоторое время прислуживала звезде. — Мэрилин призналась мне, что он всё время гладил её бёдра и щипал за талию. В тот вечер, как она сказала, его рука преодолела запретный рубеж и оказалась глубоко у неё под юбкой. Но, обнаружив, что на ней не было трусиков, он страшно

смутился, покраснел и отдёрнул руку. Она же только звонко рассмеялась».

Питер Лоуфорд тоже присутствовал при этой сцене. Зять Кеннеди испытывал к Мэрилин искреннюю дружбу, однако опасался, что молодая актриса, весьма неуравновешенная и всегда готовая залить шампанским и транквилизаторами своё отчаяние и свои любовные неудачи, могла повредить человеку, имевшему все шансы стать президентом США.

Кеннеди не принимал в расчёт душевной хрупкости самой прекрасной женщины в мире. Став президентом в ноябре 1960 года, он и думать перестал о разводе.

Но чего стоит моральный облик Кеннеди? Этого вопроса Лоуфорд себе не задавал, и, когда президент приказал ему найти Мэрилин, он её нашёл. Задание было не из лёгких: сначала нужно было разбудить актрису, спавшую в своей новой квартире в районе Брентвуд на окраине Лос-Анджелеса. Вместе с ней там жила и сестра-сиделка Юнис Мюррей, приставленная к Мэрилин её психиатром, доктором Гринсоном. Для актрисы эта квартира была её убежищем, её гнёздышком, местом, где она могла уединяться с Кеннеди. Лоуфорд долго стучал в дверь комнаты. Наконец, всё ещё сонная, появилась Мэрилин. «Поторапливайся!» — крикнул раздражённый Питер. После долгих сборов сияющая Мэрилин вновь появилась в дверях, её прекрасные волосы цвета платины были убраны под пышный чёрный парик.

Кеннеди в это время гостил в Палм-Спрингз у актёра и певца Бинга Кросби. У Кросби собралось много влиятельных политиков-демократов, но единственное, чего хотел Кеннеди, — это расслабиться и развлечься. Юрист Филипп Вэстон рассказывал: «Меня поразило то, что не было предпринято никаких мер, чтобы сохранить её инкогнито. Этот маскарад с париком был просто ребячеством. Кеннеди, казалось, совершенно расслабился. На нём был лёгкий свитер с воротничком „под горлышко“, а на ней что-то вроде туники. Мэрилин выглядела немного странно. Вместе они производили впечатление заговорщиков. Ту ночь они провели вдвоём».

Жаннетт Корман, родственница актрисы, утверждала, что «Мэрилин никогда не переставала верить в то, что сумеет подняться до уровня Джона Кеннеди как в физическом, так и в интеллектуальном плане. Она надеялась стать настоящей леди, которой бы он мог не стыдиться».

Несмотря на предупреждения советников и давление политиков, Кеннеди не порвал с Монро. Как же мог он отказаться от этого чудесного существа, которое волновало его как мужчину, жадно ловило каждое его слово и облегчало тяжесть его нелёгких

обязанностей?

На праздновании сорокапятилетия Джона Кеннеди в Мэдисон-Сквер-Гарден в Нью-Йорке Мэрилин должна была появиться на слоне — эмблеме демократической партии — и спеть «Happy birthday to you, Mr. President!» («С днём рождения, господин президент!»). На ней должно было быть платье от Джин-Льюис, повторявшее наряд Марлен Дитрих. Питер Лоуфорд, исполнявший роль церемониймейстера, вызвал Мэрилин на сцену. Один раз… второй. Никого. Он попробовал ещё раз, уже с раздражением: «А сейчас, дамы и господа, покинувшая нас Мэрилин Монро». Эта ужасная шутка (построенная на двойном значении английского слова late, которое может означать «опаздывающая» или же «покинувшая нас», мёртвая) заставила Мэрилин выйти из своей уборной… Потом, несмотря на отговорки Мэрилин, Лоуфорд прислал к ней Роберта Кеннеди. Молодой министр юстиции и отец семи детей оставался с ней примерно четверть часа. Конечно же, он ободрил актрису, сказав, что президент остался доволен, но, возможно, у него были и другие причины, чтобы задержаться с ней… «Роберт Кеннеди словно обезумел, бегал вокруг неё с вытаращенными глазами, как будто загипнотизированный её вызывающим платьем», — рассказывал один из присутствовавших. После этого случая в Мэдисон-Сквер-Гарден Мэрилин и Роберт несколько раз встречались. Что его в ней привлекало? Возможно, загадка человека, балансировавшего между отчаянием и желанием соблазнять.

Тем не менее она на несколько часов уединилась с Джоном. Мэрилин ещё не знала, что видит его в последний раз. Она впадала во всё большую зависимость от алкоголя и таблеток. И вдруг заметила, что Джон её избегает. Он перестал отвечать на её письма и телефонные звонки. Она стала обузой для человека, который рассчитывал быть переизбранным на второй срок. То, что она считала настоящей любовью, было для него лишь приключением, льстившим его мужскому самолюбию.

Ещё раз она с горечью убедилась в том, что никогда не будет любима, а навсегда останется лишь предметом вожделения. Однако он опять объявился и пригласил её на одну закрытую вечеринку. Но когда Мэрилин узнала, что туда приглашены две известные «девицы по вызову», она отказалась прийти. В её доме всё чаще стал появляться Роберт Кеннеди. «Когда я приходила к Мэрилин, — рассказывала Жаннетт Кармен, — дверь почти всегда открывал Бобби. Меня поразили блокноты с записями Мэрилин. Она писала что-то о Фиделе Кастро, о Джимми Хоффа (коррумпированном лидере профсоюза водителей грузовиков,

убитом в 1975 году) и о других занятных личностях. Мэрилин подслушивала телефонные разговоры Бобби и потом их записывала».

Тем временем агенты ФБР уже взялись за дело. Телефон Мэрилин стали прослушивать. 24 июля поздним вечером в овальном зале Белого дома собрались четыре человека: президент, его брат и два представителя ФБР. Знаком ли господин президент с актрисой Мэрилин Монро? Известно ли господину президенту, что мисс Монро намеревается снять фильм о «ходе работы» над автобиографией? Не стоит ли немедленно остановить этот проект? Президент дал своё согласие, при этом, по словам одного из агентов, он прошептал: «Храни её Господь». После того как люди из ФБР ушли, Джон и Роберт до шести утра беседовали с глазу на глаз. Они были ошеломлены и подавлены. На следующий же день после этой драматической ночи Роберт прекратил свои «визиты» в дом Мэрилин.

Братья Кеннеди пользовались ею. Теперь они хотели от неё избавиться. Но у Мэрилин ещё оставались силы для борьбы, и она собиралась это продемонстрировать. «Всё, что у неё было, — продолжала рассказ Жаннетт Кармен, — это магнитофонные плёнки и блокноты с записями. Уговорив Пэт Лоуфорд, жену Питера Лоуфорда, заступиться за неё перед Бобби, она окончательно утвердилась в решении сдать братьев с потрохами».

За неделю до смерти Мэрилин побывала в гостиничном комплексе Кал-Невада на берегу озера Тахо, принадлежавшем Фрэнку Синатре и «крёстному отцу» Сэму Джанкане. Мэрилин напилась, плакала и злилась на братьев Кеннеди, для которых, по её словам, «она была лишь плотью». Джанкана, гангстер с «бандой из двухсот головорезов», которому Мэрилин предложила свои услуги на одну ночь, торжествовал. Через неё он мог добраться и до президента и напомнить ему о своей неизменной преданности. Собирался ли он убить Мэрилин и тем самым скомпрометировать Роберта Кеннеди, который оттуда вскоре должен был отправиться в Калифорнию? Четверо его людей постоянно наблюдали за её квартирой в Лос-Анджелесе, за которой также присматривал и Питер Лоуфорд, и один частный детектив. «Бобби Кеннеди в Калифорнии не было, — уверял актёр. — И я не шпионил за домом Мэрилин». Однако мэр Лос-Анджелеса и шеф полиции опровергли его слова: «Бобби Кеннеди был в отеле „Беверли-Хиллз“. Можно дать голову на отсечение, что он встречался с Мэрилин, а Лоуфорд сделал всё возможное, чтобы он как можно быстрее покинул Лос-Анджелес. Для слишком усердного зятя Кеннеди последние часы жизни Мэрилин

были настоящим кошмаром. Постоянные звонки Мэрилин, паника со стороны Бобби, приказ — с какой целью? — чтобы вертолёт был готов в любой момент вылететь из аэропорта Лос-Анджелеса».

Согласно официальной версии, смерть актрисы наступила вследствие самоубийства…

Однажды вечером, несколько месяцев спустя после смерти актрисы, парикмахера Мики Сонга пригласили на одну вечеринку, где среди прочих гостей был и Роберт Кеннеди со своей супругой Этель. «Знаете, кого мне сейчас не хватает?» — спросил Сонг. — «Кого же?» — «Мэрилин Монро», — ответил он с грустью в голосе. Гнетущая тишина повисла над действующими лицами этой драмы, которая навсегда останется в памяти того, кто обладает ключом к разгадке её роковой тайны.

Нинон де Ланкло (1615–1705)

Знаменитая французская куртизанка. Её дом посещали знать и интеллигенция; поэты и учёные советовались с ней о своих произведениях. Ей приписывается небольшое сочинение «La coquette vengée» (1649?).

* * *

Одна из самых очаровательных женщин XVII столетия, — имя которой до сих пор остаётся синонимом прелести, грации, ума и наслаждения, — воплощавшая в себе все пороки и добродетели эпохи, когда весь мир с плохо скрываемой завистью смотрел на Францию, ставшую во главе цивилизованной Европы. Нинон де Ланкло, прожившая 90 лет, на диво сохранившая до последнего вздоха всё обаяние своего ума и красоты, прекрасно характеризует великий век, век безумного легкомыслия и величайшей мудрости.

Вполне независимая, свободная от предрассудков, она проводила жизнь, одинаково удовлетворяя потребности сердца и ума, не обращая внимания на общественное мнение и презирая лицемерие. Нинон могла занять место рядом с Аспазией, супругой Перикла, являясь для современников образцом тех качеств ума, которыми тогда могли похвастаться немногие. Она не хотела казаться лучше, чем была, но на самом деле была лучше, чем казалась. Она считала любовь прихотью тела, чем приводила в отчаяние своих многочисленных обожателей, горько жаловавшихся на её непостоянство; зато друзья гордились её дружбой, не будучи в состоянии послать ни одного упрёка по адресу верной и преданной подруги.

Прозвище «царицы куртизанок», данное Нинон, не вполне справедливо. Бесспорно, она была куртизанкой, но только по причине своей страстной натуры, не делая из этого профессии, как, например, Марион Делорм. Деньги не играли для неё никакой роли, она не торговала своими прелестями, — а торговать было чем, — а дарила их тем, кто ей нравился, и сразу бросала любовника, как только проходил каприз её тела. Она жила для любви, но не любовью.

Однажды кардинал Ришельё, известный своей слабостью к женщинам, предложил Нинон де Ланкло пятьдесят тысяч экю, если та согласится принять его ласки. Однако, несмотря на

значительность суммы, предложение было отвергнуто. Граф де Шавеньяк пишет об этом в своих мемуарах: «Этот великий человек (Ришельё), умевший доводить до конца самые крупные начинания, тем не менее потерпел поражение в этом деле, хотя Нинон никогда на страдала от избытка целомудрия или благопристойности; напрасно он предлагал через её лучшую подругу Марион Делорм пятьдесят тысяч экю, она отказалась, потому что в то время у неё была связь с одним советником Королевского суда, в объятия которого она бросилась добровольно…»

Если Нинон когда-нибудь и молилась, то вовсе не о том, чтобы Господь создал из неё «честную женщину», нет, она желала быть честным человеком. «Ещё в детстве, — вспоминала она, — я часто задумывалась о несправедливости судьбы, предоставившей все права мужчинам и совершенно забывшей о нас, — с тех пор я стала мужчиною!» «Царица куртизанок» обладала поистине мужской силой духа. По меткому определению Сен-Эвремона, в ней счастливо соединились качества Эпикура и Катона. Легкомысленная куртизанка и глубокий философ, Нинон была неистощима на новые оригинальные идеи, заслужив бессмертие наравне с Ла-Брюйером и Мольером, так как они часто писали то, что она говорила.

Её салон, куда жаждали попасть самые выдающиеся люди того времени, чтобы насладиться красотой и беседой этой удивительной женщины, заставил померкнуть славу отеля Рамбулье, где всё отличалось жеманством, тогда как здесь царили непринуждённость и простота.

Анна, или Нинон, — уменьшительное имя, данное ей в детстве, которое она сохранила, — была единственной дочерью туренского дворянина Генриха де Ланкло и его супруги, урождённой Ракони, из древней орлеанской фамилии. Слабая, хрупкая, похожая на изящную миниатюру, Нинон родилась в Париже 15 мая 1615 года. Её отец, философ-эпикуреец, жил, как говорится, в своё удовольствие, мало заботясь о том, что скажет свет. Мать же была самых строгих правил, высокой нравственности и крайне религиозной. Она мечтала, что Нинон станет монахиней, в то время как отец внушал дочери лёгкую и приятную философию. Музыка, пение, танцы, декламация, — словом, все изящные искусства стали её любимыми предметами. Она делала такие успехи, что учителя назвали её восьмым чудом света. Библиотека Нинон состояла из сборников стихотворений: эллегических, любовных и шуточных и таких сочинений, как «Искусство нравиться и любить». «Истории знаменитых своим легкомыслием или любовью женщин» и многими другими.

Обладая изумительной памятью, она знала почти наизусть все прочитанные книги, огорчая мать вкусами, казавшимися греховными женщине, проводившей время в молитвах и постах.

В квартале Марэ в Париже располагался отель, где сосредоточивалось всё, что было в столице прекрасного, изящного и богатого, чтобы наслаждаться всевозможными удовольствиями. Юная Нинон, казавшаяся прелестным розовым бутоном, готовым при малейшем ветерке распуститься, введённая отцом в «Дом Эпикура», сразу всех очаровала, и её немедленно провозгласили первой красавицей. Последовало несколько атак на руку и сердце красавицы. Но ничто не пугало молодую девушку больше, как законный брак. Связать свою судьбу, подчинить себя мужчине казалось ей чудовищным покушением на собственное «я». «Благоразумная женщина не избирает себе мужа без согласия своего рассудка, как любовника без согласия своего сердца», — говорила она. На красавицу смотрели как на «полное собрание человеческих совершенств».

К сожалению, её отцу не удалось насладиться успехами своей Нинон, он скончался, когда ей едва минуло шестнадцать лет. За ним вскоре последовала и мать, моля Бога наставить дочь на путь истинный. Итак, в шестнадцать лет молодая девушка оказалась предоставленной самой себе и владелицей весьма приличного состояния, оставленного отцом. Нинон сумела разумно распорядиться и собой, и капиталом. Она обратила деньги в «пожизненную ренту», таким образом удвоив капитал, получая ежегодно 10 000 ливров, и так ловко и экономно вела дела, что впоследствии оказывала помощь нуждающимся друзьям.

«Изящная, превосходно сложённая брюнетка, с цветом лица ослепительной белизны, с лёгким румянцем, с большими синими глазами, в которых одновременно сквозили благопристойность, рассудительность, безумие и сладострастие, с ротиком с восхитительными зубами и очаровательной улыбкой, Нинон держалась с благородством, но без гордости, обладая поразительной грацией». Так описывал тридцатилетнюю куртизанку один из её современников. Можно себе представить, какова она была в шестнадцать лет!

Несомненно, такая красавица не могла не привлекать к себе поклонников, и на первых порах, если верить Сен-Эвремону, её бывшему любовнику, другу и панегиристу, она и сама увлеклась герцогом Шатильонским, Гаспаром Колиньи, внучатым племянником великого адмирала, погибшего в Варфоломеевскую ночь. Когда он познакомился с Нинон, уже шли переговоры о его браке с Елизаветой-Анжеликой де Монморанси, сестрой герцога Люксембургского. Однако молодой человек был так очарован

девицей Ланкло, что решил жениться на ней. Красавица же нашла, что его отец совершенно прав, настаивая на браке с Монморанси, ибо между Монморанси и Ланкло слишком большая разница, к тому же, по её мнению, «брак и любовь — это дым и пламя».

«Я и сама люблю вас», — призналась она поражённому такой откровенностью Гаспару Колиньи. И в тот же вечер он стал её любовником. Но так как «женщины чаще отдаются по капризу, чем по любви», в один прекрасный день Нинон объявила, что её каприз прошёл, и любовники расстались.

С каждым днём убеждаясь, что философия отца самая приятная и легко применимая в жизни, Нинон всецело отдалась ей, сумев, однако, придать всем своим поступкам, даже самым рискованным, какую-то необыкновенную пристойность. «Скромность везде и во всём, — проповедовала она. — Без этого качества самая красивая женщина возбудит к себе презрение со стороны самого снисходительного мужчины».

Купив домик на улице Турнелль, она собрала вокруг себя не только воздыхателей и обожателей, но и выдающихся по уму людей, привлекая их, как бабочек, ярким огоньком своего ума. Посетители её салона получили прозвище «турнелльских птиц», которым гордились не меньше, чем посетители отеля Рамбулье кличками «дражайших» и «жеманниц». Дебарро, Буаробер, супруги Скаррон, Дезивто, Саразэн, Шапель, Сен-Эвремон и Мольер были постоянными гостями Нинон.

В это время Нинон познакомилась со знаменитой куртизанкой Делорм. Знакомство, наверное, перешло бы в тесную дружбу, если бы не та скандальная история с 50 000 франками, за которые кардинал Ришельё хотел купить де Ланкло. Нинон не принимала, кроме цветов, подарков от своих многочисленных любовников.

Одним из «капризов тела» Нинон, когда ей уже было двадцать четыре года, явился 19-летний граф Филибер де Граммон. Стройный блондин под удивительно скромной внешностью скрывал порочные инстинкты, и красавица, думая, что отдаётся ангелу, попала в когти к дьяволу. Вероятно, именно поэтому он и пользовался расположением де Ланкло дольше других, ибо «пороки, так же, как и достоинства, иногда имеют свою привлекательность». Граммон жил за счёт любовницы. Однажды ночью, полагая, что Нинон спит, он украл из её шкатулки сто пистолей. Утром, уходя, граф как ни в чём не бывало нежно простился со своей любовницей.

«До свидания», — добавил он.

«Нет, не „до свидания“, — сухо ответила Нинон, — а

прощайте»…

«Но почему?»

«Ответ в вашем кармане».

Она не могла быть любовницей вора.

Постепенно слава о красоте, грации и изяществе де Ланкло распространилась по всему Парижу. Модные и знатные дамы добивались знакомства с нею, чтобы, как они говорили, научиться у неё хорошим манерам. Матери не стеснялись приводить к ней с этой же целью своих дочерей, только что выпущенных из монастырей. К чести Нинон, она никогда не пускала их дальше прихожей, не желая, чтобы невинность дышала воздухом, отравленным страстью и заряженным легкомыслием.

Связь Нинон с герцогом Энгиенским, впоследствии великим Кондэ, завязавшаяся вскоре после битвы при Рокруа (1643), продолжалась всего несколько недель.

«Его поцелуи замораживают меня, — говорила она. — Когда он подаёт мне веер, кажется, что вручает маршальский жезл». Тем не менее он остался её другом и оказал немало услуг.

Нинон имела массу врагов, завидовавших её красоте, молодости, независимости, которым удалось убедить Анну Австрийскую, тогда регентшу Франции, положить конец распутству девицы де Ланкло. Королева-мать через своих приближённых предложила куртизанке добровольно уйти в монастырь кающихся девушек. Нинон возражала: во-первых, она не девушка, во-вторых, ей не в чем каяться. И только вмешательство великого Кондэ отвело от неё угрозу.

Маркиз де Севинье, муж знаменитой писательницы, также воздал должное красоте и уму де Ланкло, но не сумел удержать очаровательную змейку, выскользнувшую из его неловких рук в объятия маркиза Эдма де ла Шатра, одного из самых красивых вельмож двора Людовика XIV. Нинон совершенно изменилась. Чтобы не огорчать нового любовника — настоящего Отелло, — она нигде не показывалась и никого не принимала. Де ла Шатр, чтобы постоянно наблюдать за любовницей, поселился напротив её дома. Однажды ночью он увидел свет в её окне. Ревнивец быстро оделся, но впопыхах вместо шляпы с такой силой водрузил на голову серебряный кувшин, что еле освободился. Объяснения Нинон его не удовлетворили, и, мучимый ревностью, вернувшись домой, он захворал. Тогда красавица в знак клятвы принадлежать только ему отрезала свои роскошные волосы и послала де ла Шатру. Лихорадка у маркиза вскоре прошла. Нинон поспешила к возлюбленному и провела с ним наедине целую неделю. Египтянка Родопа и фараон Амазис, ухитрившиеся когда-то устроить ночь, продолжавшуюся двое с половиной суток, в

сравнении с ними кажутся детьми!

Когда маркиз получил распоряжение выступить в Германию, он перед отъездом потребовал от неё расписки такого содержания: «Париж. Число. Год. Клянусь остаться верной маркизу Эдму де ла Шатру». Де Ланкло охотно подписала бумагу, и маркиз отправился на поле брани. Через две недели красавица стала любовницей графа де Миосана. Но её нельзя в этом обвинять: слепой случай заставил Нинон, возможно, первый раз в жизни не сдержать своего слова.

Во время грозы, когда граф уже взялся за шляпу, чтобы удалиться, она невольно прижалась к нему. Она боялась остаться одна. Гроза прошла, де Ланкло даже не заметила, как очутилась в объятиях своего нового любовника. Совершенно успокоенная его ласками, она вдруг в середине ночи громко расхохоталась: «Славный векселёк у де ла Шатра!..»

И скоро весь Париж повторял слова Нинон, а де ла Шатр, узнав обо всём, послал де Ланкло её вексель с припиской: «Уплачено после банкротства».

В один прекрасный день граф д'Эстре, гуляя с аббатом д'Эффиа, братом несчастного Сен-Мара, встретил Нинон и оба страстно влюбились в неё. Они были молоды и красивы, а де Ланкло симпатизировала обоим и придумала великолепное средство, чтобы не сердить друзей: одного она ласкала днём, другого ночью. Результатом их «сотрудничества» явился младенец мужского пола. Оба любовника претендовали на почётный титул отца, и, чтобы решить этот курьёзный спор, молодые люди доверились судьбе: кто на костях выкинет большее количество очков, тот и будет считаться отцом малютки. Судьба улыбнулась д'Эстре. У него оказалось 14 очков, у его соперника — 11. Де Ланкло не отличалась материнскими чувствами, и граф д'Эстре воспитал ребёнка, получившего фамилию де ла Бюсьер. Он блестяще служил во флоте, получив чин капитана. Раз в год она принимала сына, как совершенно постороннего, играла на лютне, которую он считал своим долгом дарить ей при каждом визите…

После смерти Марион Делорм в 1650 году количество посетителей салона ле Ланкло увеличилось. Двор и аристократия прислушивались к голосу Нинон, побаиваясь её крылатых словечек. Сам «король-солнце», Людовик XIV. находился под влиянием очаровательной женщины, с которой не был ещё знаком, и по поводу всевозможных придворных событий интересовался: «А что сказала об этом Нинон?». Её решения принимались без обсуждений. Скажи Нинон, что солнце светит по ночам, и все согласились бы с этим.

В 1653 году, когда де Ланкло была уже несколько месяцев любовницей маркиза де Жерсея, незадолго до того овдовевшего, человека порядочного и очень богатого, она почувствовала себя беременной. Маркиз был в восторге и, окружив её нежнейшими заботами, увёз в своё тихое провинциальное поместье. В течение пяти месяцев Нинон пришлось прожить там в одиночестве. Однажды, гуляя по роскошному парку, она нашла на дёрновой скамье томик «Идиллий Фиокрита», очевидно, кем-то забытый. Она невольно углубилась в чтение, и когда дошла до места, где пастушки с цветочными венками на головах танцевали вокруг статуи Амура, Нинон громко воскликнула:

«О, как вы были прекрасны, юные пастушки!..»

«Но не так, как вы, клянусь Венерой!..» — послышалось вдруг в ответ.

Нинон оглянулась. Рядом стоял, смущённо улыбаясь, молодой человек, которому позавидовал бы сам Адонис. Книга принадлежала ему. Встреча с Аристом произвела на куртизанку сильное впечатление. Мысль о прекрасном юноше преследовала её весь день. На следующее утро она поспешила к скамейке, Арист уже ждал её там. Они гуляли, разговаривали о чём придётся. После нескольких свиданий куртизанка начала скучать без красивого юноши. Она полюбила его, полюбила первой искренней любовью, как когда-то Делорм Сен-Мара, но — о ирония судьбы! — в такое время, когда не имела права любить. Арист относился к ней с глубоким почтением. Вскоре Нинон, по настоянию маркиза, вернулась в Париж, причём так спешно, что даже не успевает предупредить об отъезде юношу. Спустя несколько дней по прибытии на улицу Турнелль, когда куртизанка мечтала о прогулках с Аристом, он сам неожиданно предстал перед ней.

«Сударыня, — сказал он печальным голосом, — я позволил себе явиться, чтобы поблагодарить за то счастье, которое вы мне дали, и попрощаться с вами навсегда…»

Силы изменили Нинон, и она потеряла сознание. Вечером ей принесли записку: «Сударыня, до сих пор я не знал вашего настоящего имени, а когда узнал его, все мои надежды рухнули. Я мечтал о бесконечной любви, чтобы безраздельно владеть вами, но это невозможно для прекрасной Нинон. Прощайте, забудьте меня, если уже не забыли. Вы никогда не узнаете моего имени и никогда больше не увидите. Арист». Нинон поставила всех на ноги, чтобы разыскать молодого человека, но все усилия были напрасны. Подозревали, что это был испанский или итальянский вельможа, бежавший на родину в отчаянии от разрушенных надежд. Всю жизнь Нинон вспоминала его и, перечитывая его

последнюю записку, смахивала слёзы. Вскоре после этого она благополучно разрешилась мальчиком, которого маркиз де Жерсей тотчас увёз к себе. Мать не возражала.

Непостоянный, как и сама Нинон, герцог де Ларошфуко недолго был любовником красавицы и быстро встал в ряды её самых преданных друзей. Его сменил некий Гурвилль, состоявший на службе у великого Кондэ. Спасаясь от Мазарини, он накануне отъезда из страны вручил Нинон 20 000 экю с просьбой сохранить их до его возвращения, так же как и его расположение. Такую же сумму он передал одному из своих друзей, настоятелю монастыря, пользовавшегося репутацией святого. Гурвилль, вернувшись на родину, первым делом поспешил к настоятелю, однако тот заявил, что ничего от него не получал, следовательно, и возвращать ему нечего. Выслушав ответ, Гурвилль не счёл нужным идти к де Ланкло. Она сама разыскала его. Нинон объяснила ему, что он потерял своё место в её сердце, что же касается 20 000 экю, то, слава Богу, память относительно этого не изменила ей. И она предложила ему взять деньги из той самой шкатулки, в которую Гурвилль сам когда-то их положил.

«Если любовница изменила вам, — сказала де Ланкло в заключение, — вы приобрели друга… Одно стоит другого, поверьте мне…»

Восхищённый Гурвилль тотчас рассказал повсюду о поступке Нинон, которую сразу прозвали «прекрасной хранительницей шкатулки».

В 1664 году в салоне де Ланкло Мольер впервые прочитал своего «Тартюфа», вызвав горячее рукоплескание. Нинон аплодировала громче всех, в каждой сцене встречая собственные рассуждения, превосходно схваченные гениальным комедиантом. Вообще, Мольер часто выводил её в своих пьесах. Очаровательная Селимена в «Мизантропе» не кто иная, как «царица куртизанок».

Сын маркиза де Севинье пошёл по стопам отца и спустя 24 года после отца был у ног Нинон, которой шёл пятьдесят первый год. Его мать, знаменитая маркиза де Севинье, благодаря которой получили известность ничем не знаменитые муж и сын, очень часто в шутку величала любовницу сына «своею невесткой», будучи на десять лет моложе её.

Несмотря на то что де Ланкло было уже за пятьдесят, она, как и в молодости, продолжала очаровывать окружающих. В пятьдесят три года она сошлась с молодым, красивым и изящным графом Фиеско, из известного генуэзского рода. Разница лет, по-видимому, не играла здесь роли, так как любовники обожали друг друга. Однажды, после страстной ночи, граф прислал Нинон

записку: «Дружок, не находите ли вы, что мы достаточно насладились любовью и пора прекратить наши отношения? Вы по натуре непостоянны, я по природе горд. Вы, вероятно, скоро утешитесь, потеряв меня, и мой поступок не покажется вам слишком жестоким. Вы согласны, не правда ли? Прощайте!» Куртизанка вместо ответа послала ему свой длинный локон. Через несколько минут граф Фиеско снова был у её ног. Следующая ночь была ещё восхитительнее. Но, когда он вернулся домой, ему подали записку: «Дружок! Вы знаете, что я по натуре непостоянна, но вы не знали, что я так же горда, как и вы. Я не собиралась расставаться с вами, но вы сами навели меня на эту мысль. Тем хуже для вас. Вы, вероятно, скоро утешитесь, потеряв меня, и это послужит мне утешением. Прощайте!» Граф Фиеско, скрывая досаду, немедленно разделил присланный накануне локон: одну половину оставил у себя, а другую послал Нинон: «Спасибо за урок. Предполагая, что локон может пригодиться и для моего преемника, я счастлив дать вам возможность не обрезать снова роскошных волос. Для меня это не лишение: локон был очень густой».

В пятьдесят пять Нинон суждено было в третий раз стать матерью. На этот раз она родила дочку, умершую вскоре после рождения. Но девочка была до такой степени красива, что виновник её появления на свет, — имя которого неизвестно, но во всяком случае лицо высокопоставленное, — приказал забальзамировать маленький трупик и под стеклянным колпаком поставил его в своём кабинете.

Зимой 1667 года Нинон, гуляя в Тюильри, встретила своего давнишнего обожателя маркиза де Жерсея, в сопровождении молодого человека, внешность которого поразила её. Красивый юноша, представившийся Альбером де Вилье, был её сыном. Нинон заговорила с ним и, получив разрешение маркиза, пригласила юношу к себе в гости, не предполагая печальных последствий этого шага. Де Ланкло шёл пятьдесят шестой год, но выглядела она гораздо моложе. Хорошо принятый на улице Турнелль, Альберт де Вилье вскоре стал частым гостем в салоне, влюбившись в де Ланкло, как Эдип в Иокасту. Любовь мальчика забавляла Нинон, но, когда он признался ей в своих чувствах, ей пришлось открыть, что она его мать. Несчастный юноша убежал в сад и покончил с собой. Безутешная мать искренне оплакивала своего сына и в течение некоторого времени вела себя скромно, но нет на свете такого горя, которое не забылось бы!

Граф Шуазель, впоследствии маршал Франции, стал ухаживать за Нинон, когда ей минуло шестьдесят лет. Шуазель был безумно влюблён в куртизанку, наверное, потому, что он был

на двадцать лет моложе предмета страсти и вместе с любовью питал к красавице величайшее уважение. Прошло полтора месяца, а дело ни на шаг не продвинулось. Нинон не привыкла, чтобы её так уважали, поэтому встречала его то в неглиже, то заставляла его искать муху под рубашкой, но ничего не помогало… В это время в «Опере» особенным успехом пользовался танцовщик Пекур, великолепно сложённый, молодой и красивый. Однажды Пекур, распечатывая корреспонденцию, покраснел от удовольствия, прочитав: «Вы танцуете великолепно, — говорят, что вы так же умеете любить. Мне хотелось бы убедиться в этом. Приходите завтра ко мне. Нинон де Ланкло». Пекур не нашёл возможным отказать красавице и доказал ей, что слухи о его способностях ничуть не преувеличены. Как-то утром Шуазель столкнулся у дверей спальни с танцором.

«Что вы там делали?» — спросил граф.

«Командовал корпусом, с которым вы не сумели поладить», — сострил Пекур.

Намёк был более чем прозрачен, и граф спешно ретировался.

В 1686 году в Париж приехал молодой барон Сигизмунд Банье, сын шведского генерала. Граф Шарлеваль, его двоюродный брат, один из отвергнутых поклонников неувядающей красавицы, предложил познакомить его с нею. Барон, ещё в детстве слышавший о красавице Ланкло, решил, что семидесятилетняя женщина вряд ли представляет для него какой-либо интерес. Однако граф настаивал, и швед скрепя сердце согласился, поддержав пари: если даже Нинон и обратит на него внимание, он останется совершенно равнодушным к её прелестям. Познакомившись с куртизанкой, барон признал, что был глупцом. Он часто посещал салон де Ланкло, не в силах оторвать восторженного взгляда от хозяйки. Коварный граф Шарлеваль рассказал Нинон о пари, и куртизанка решила его наказать.

«Да-да, поступите с ним так же, как и со мной. Покажите ему рай, но не впустите туда…»

Когда в полночь барон выходил из её спальни, он готов был поклясться, что Нинон не более восемнадцати. Молодой человек поделился своим счастьем с кузеном, который вызвал его на дуэль и убил. Куртизанка упрекала себя в том, что не предотвратила трагедии.

Последним любовником Нинон был аббат де Жедуаэн, восьмидесяти лет, тем не менее весьма крепкий мужчина. Куртизанка целый месяц томила возлюбленного и отдалась ему в тот день, когда ей исполнилось восемьдесят. Целый год длилась эта связь, но ревность аббата заставила Нинон расстаться с ним.

Наконец и «король-солнце» пожелал увидеть это чудо своего века, и однажды, по просьбе тайной супруги монарха Франции, госпожи Ментенон, выстоял обедню в придворной церкви. Людовик XIV долго её рассматривал и выразил сожаление, что эта удивительная женщина отказалась украшать его двор блеском своей иронии и весёлостью. Действительно, когда Ментенон предложила ей место при дворе, «царица куртизанок» ответила: «При дворе надо быть двуличной и иметь раздвоенный язык, а мне уже поздно учиться лицемерию…»

Умея угадывать таланты, Нинон за год до смерти познакомилась с десятилетним мальчиком по имени Аруэ, начинающим поэтом, которому впоследствии суждено было прославиться под псевдонимом Вольтера, и по завещанию оставила ему 2000 франков на покупку книг. Вольтер навсегда сохранил самые тёплые воспоминания о женщине, которую не называл иначе, как «моя красивая тётя».

Нинон умерла 17 октября 1705 года, в возрасте девяноста лет, в своём маленьком домике на улице Турнелль. Рассказывают, что, умирая в полном сознании, она сказала: «Если бы я знала, что это всё так кончится, я бы повесилась».

Нефертити

Египетская царица (начало XIV века до н. э.), супруга Аменхотепа IV. В 1912 году в Амарте были найдены поэтичные портреты Нефертити, созданные скульптором Тутмесом.

* * *

Изображения этой женщины дошли до нас из XIV–XV веков до нашей эры. Стройная шея, миндалевидные, даже в камне глядящие томно глаза, мечтательно улыбающиеся губы — эти черты признаны идеально прекрасными, а сама женщина, изображённая в камне, называется именем Нефертити, что означает «красавица грядёт». До наших дней через все века прошла легенда о красивейшей и счастливейшей египетской царице, любимой и единственной жене фараона Эхнатона. Но раскопки XX века привели к тому, что легенды вокруг имени Нефертити и её царственных супругов разрослись. Однако есть и достоверные сведения о её жизни, любви и смерти.

Нефертити не египтянка, как принято считать. Она происходила из Месопотамского государства Митанни, страны ариев. Можно сказать, что она явилась в Египет от самого Солнца. Арии — народ Нефертити — поклонялись солнцу. И с появлением на египетской земле 15-летней принцессы по имени Тадучепа пришёл и новый бог — Атон. Брак Нефертити с фараоном Аменхотепом III был чисто политическим. Юную красавицу обменяли на тонну украшений, золота, серебра и слоновой кости и привезли в египетский город Фивы. Там назвали её новым именем Нефертити и отдали в гарем фараону Аменхотепу III.

После смерти отца юный Аменхотеп IV получил иноземную красавицу по наследству. Любовь фараона вспыхнула не сразу, но она вспыхнула. В результате молодой фараон распустил огромный гарем отца и объявил жену своей соправительницей. Принимая иноземных послов и заключая важные договоры, он клялся духом бога Солнца и любовью к жене.

В историю Египта супруг Нефертити вошёл как один из самых гуманных правителей. Иногда Аменхотепа изображают слабым, странным, болезненным юношей, одержимым идеями общего равенства, мира и дружбы между людьми и разными народами. Однако именно Аменхотеп IV провёл смелую религиозную реформу. На это не решался до него ни один из 350

правителей, занимавших египетский престол.

Из белого камня был построен огромный храм Атона. Началось строительство новой столицы Египта — города Ахетатон («Горизонт Атона»). Он был заложен в живописной долине между Фивами и Мемфисом. Вдохновительницей новых планов была супруга фараона. Теперь самого фараона называли Эхнатоном, что значит «Угодный Атону», а Нефертити — «Нефер-Нефер-Атон». Это имя переводится очень поэтично и символично — «прекрасная красотой Атона», или, другими словами, «ликом подобная солнцу».

Французские археологи восстановили облик египетской царицы: чёрные брови, волевой подбородок, полные, изящно изогнутые губы. Её фигура — хрупкая, миниатюрная, но прекрасно сложённая — сравнивается с выточенной статуэткой. Царица носила строгие одежды, чаще всего это были белые прозрачные платья из тонкого полотна. По легенде и по многим расшифрованным иероглифам, солнечная красота Нефертити распространялась и на её душу. Она воспевалась как нежная красавица, любимица Солнца, умиротворявшая всех своим милосердием. Иероглифические надписи восхваляют не только красоту царицы, но и её божественную способность внушать к себе уважение. Нефертити называли «владычицей приятностей», «умиротворяющей небо и землю сладостным голосом и добротой».

Сам Эхнатон называл свою жену «усладой своего сердца» и желал ей жить «вечно-вековечно». В папирусе, где записано поучение о семье мудрого фараона, повествуется об идеальном семейном счастье царственной четы до самой смерти. Этот миф кочевал во времени от античных греков к римлянам и стал всемирным. Сердечные отношения царя и царицы были запечатлены в десятках и сотнях рисунков и барельефов. На одной из фресок есть даже одна чрезвычайно смелая и откровенная картина, которую мы вполне можем назвать эротичной. Эхнатон нежно обнимает и целует Нефертити в уста. Это первое изображение любви в истории искусства.

Но дотошные археологи докопались до трагедии, без которой не обошлась, оказывается, жизнь солнцеподобной и счастливой Нефертити. И у неё в Древнем Египте при любящем и мудром муже была соперница.

Узнать эту тайну археологам помогли всё те же иероглифы и изображения на каменных плитах. Царь и царица обычно изображались как неразлучная пара. Они были символами взаимного уважения и государственных забот. Супруги вместе встречали знатных гостей, вместе молились диску Солнца,

раздавали подарки своим подданным.

Но в 1931 году в Амарне французы нашли таблички с иероглифами, на которых имя Нефер-Нефер-Атон кто-то тщательно соскрёб, оставив лишь имя фараона. Затем появились и более удивительные находки. Известковая фигура дочери Нефертити с уничтоженным именем матери, профиль самой царицы с залепленным краской царским головным убором. Это могло быть совершено только по указу фараона. Египтологи пришли к выводу, что в счастливом доме фараонов произошла драма. За несколько лет до смерти Эхнатона семья распалась. Нефертити изгнали из дворца, она жила теперь в загородном доме и воспитывала мальчика, предназначенного в мужья её дочери — будущего фараона Тутанхамона.

Под изображениями царственной четы появилось другое женское имя, вписанное вместо Нефертити. Это имя Кийа. Так звали соперницу Нефертити. Подтвердил догадку и керамический сосуд с именами Эхнатона и его новой жены Кийа. Нефертити там уже не значилась. Позднее, в 1957 году, нашли изображение новой царицы — юное лицо, широкие скулы, правильные дуги бровей, невозмутимость взгляда. Черты, привлекательные лишь обаянием молодости… Эта женщина не могла стать легендой, хотя сменила женщину-легенду и любящую супругу в объятиях Эхнатона. Она не просто покорила сердце фараона. В последние годы правления он сделал Кийа вторым (младшим) фараоном. Для неё был даже изготовлен золотой, роскошно инкрустированный гроб. Но за год до смерти Эхнатон отдалил и вторую свою жену.

Нефертити прожила в опале до восшествия на престол Тутанхамона. Умерла она в Фивах. После смерти Эхнатона жрецы Египта вернулись к старому богу. Вместе с богом Солнца — Атоном было предано проклятьям имя солнцеподобной Нефер-Нефер-Атон. Поэтому его и не внесли в летописи. Захоронение Нефертити остаётся тайной, видимо, оно было скромным. Но образ царицы остался жить в сказках и легендах её народа. Народ оставил в них только красоту, согласие и счастье.

Существует и другая, не менее правдоподобная версия истории жизни Нефертити, где царица предстаёт перед нами совершенно в другом образе. Это опытная в любви, сластолюбивая и жестокосердная устроительница оргий, постоянно ищущая всё новые и новые жертвы. Эта Нефертити рассказывала влюблённому в неё, несчастному юноше басню о женщине, которая не хотела быть «презренной». Поэтому за свою любовь она потребовала, чтобы возлюбленный её отдал ей всё, что имеет, прогнал жену, убил детей и бросил их тела собакам.

Он должен был отдать даже могилу престарелых своих родителей и право на бальзамирование их тел после смерти и погребальные ритуалы. Царица не только рассказывала, она сама воплощала сюжет басни и, в конце концов, прогнала несчастного, вознаградив его холодным соитием, а не пламенным жаром своего прекрасного тела. Эта Нефертити уже была не жертвой дворцовых интриг, а сама раздувала огонь вражды в супруге Эхнатоне, ненавидела его, желала ему смерти. Эта Нефертити — царственная гетера Египта, в украшенных драгоценными каменьями маленьких сандалиях. Каждый год она дарила фараону дочерей, обвиняя его в том, что это он не может иметь сына. Она обладала телом девственно юным и прекрасным, ненасытным и порочным.

Эти две Нефертити до сих пор спорят друг с другом. Однако Долина Царей ещё пока надёжно хранит свои прекрасные и страшные тайны.

Елена Прекрасная

Прекраснейшая из женщин. Жена царя Спарты Менелая. Похищение Елены Парисом послужило поводом к Троянской войне.

* * *

Из многочисленных куртизанок древности первое место бесспорно принадлежит Елене, «прекрасной, лилейно-раменной» супруге Атрида Менелая, женщине, из-за обладания которой разгорелась война, погубившая Трою.

Однажды ко двору царя Тиндарея прибыл какой-то знатный чужеземец, молодой и красивый. По обычаю того времени хозяин дома обязан был уступить свою жену на ночь гостю. Радушный и гостеприимный Тиндарей, разумеется, не пошёл против обычая, и Елена явилась последствием этого гостеприимства. Ребёнок родился такой поразительной красоты, что слухи о нём прошли от Элиды до Малой Азии. Так как братья и сёстры Елены внешностью мало чем отличались от простых смертных, красота новорождённой была признана божественной.

Елена росла и становилась всё красивее. Чтобы уберечь девушку от нежелательных случайностей, к царевне приставили специальную охрану, от которой ей пришлось защищаться в первую очередь.

Елене было всего двенадцать лет, когда вместе с подругами она совершала торжественные пляски у алтаря Артемиды и её похитил Тезей с помощью верного своего друга Пирифоя, увезя в Афины. Эллений утверждает даже, что в момент похищения красавице было всего семь лет, но с этим вряд ли можно согласиться. Возможно, похищение — всего лишь дань традициям того времени, а сопротивление Елены было притворным, ибо похищение это соответствовало её тайным желаниям. Плутарх, как бы желая примирить разногласие относительно возраста Елены, умалчивает о годах, а говорит только, что похищенная Тезеем ещё не достигла брачного возраста.

Братья Елены, диоскуры Кастор и Поллукс, тщетно искали сестру и уже готовы были отказаться от дальнейших поисков, когда, на их счастье, афинянин Академ сообщил им, где спрятана красавица. Молодые люди немедленно отправились освобождать сестру из плена, не казавшегося ей тяжёлым. Освобождённая Елена рассказала братьям, что, увезённая Тезеем в Афины, она

была передана им на попечение его матери, и уверяла, что благодаря этому избавилась от покушений Тезея и сохранила свою честь незапятнанной. Но это было скорее оправданием перед родными, возмущёнными её чересчур легкомысленным поведением.

По дороге в Лакедемонию Елена остановилась в Микенах, у своей старшей сестры Клитемнестры, супруги «царя царей» Агамемнона. Дурис Самосский и Павзаний в один голос утверждали, что в это время она уже носила под сердцем тайный плод своей связи с Тезеем, грациозную Ифигению, впоследствии воспетую поэтами, которая и родилась в Аргосе. Не желая появиться в Спарте, где её ожидали женихи, с фактическим доказательством своего бесчестия, Елена отдала Ифигению Клитемнестре, и та воспитала девочку, как собственную дочь. Агамемнон, вернувшись из путешествия, нисколько не удивился прибавлению семейства и признал себя её отцом. Правда, другие историки утверждали, что глава Атридов потребовал от своей жены серьёзных объяснений относительно ребёнка, которого она выдавала за своего, и только получив их, согласился сохранить тайну его происхождения.

Так или иначе, но первое приключение юной дочери лакедемонского царя стало притчей во языцех и создало Елене громкую известность. Женщина, ступившая на тропу любви в столь раннем возрасте, конечно, не могла стать достоянием одного, и каждый втайне мечтал когда-нибудь обладать ею. Боги не часто награждали женщину красотой, способной поссорить два десятка военачальников. Действительно, красотой вряд ли кто мог сравниться с Еленой. Цедрений говорил, что «у неё большие глаза, в которых светится необыкновенная кротость, пурпуровый ротик, сулящий самые сладкие поцелуи, и божественная грудь». Недаром же по форме её грудей вылили чаши, предназначенные для алтарей Афродиты. Овидий говорил, что её лицо не нуждалось ни в каких приукрашивавших средствах, к которым прибегали почти все гречанки. Даже если бы целомудрие Елены было спрятано в железной башне, рано или поздно его всё равно похитили бы!..

Елена вернулась в Лакедемонию как раз в тот день, когда Тиндарей хотел решить её судьбу. Претендентов на божественную ручку прекрасной царевны оказалось великое множество, поэтому, чтобы избежать дурных последствий, Тиндарей взял со всех клятву стать союзником того, кому посчастливится стать его зятем, и только после этого назвал мужа дочери. Гигин, правда, доказывал, что выбор был предоставлен самой Елене и что счастливцем оказался белокурый спартанец Менелай, брат

Агамемнона. Возможно, при выборе он показался ей проще остальных, и красавица предугадала, что с таким мужем нетрудно будет договориться, когда она пожелает отдаться понравившемуся ей мужчине. Не вызывает сомнений, что ни один из неудачников не нарушил данной клятвы, и Менелай торжественно увёз Елену к себе на родину.

Увы, их семейное счастье оказалось недолгим. После того как Елена подарила супругу дочь Гермиону, Афродита приготовила ему неприятный сюрприз в лице Париса.

Парис, или Александр, как его называет Гомер, был сыном царя Приама и Гекубы, которой за несколько дней до его рождения приснилось, что она родила горящий факел, сжёгший древний Илион до основания. Оракул разъяснил, что у Гекубы родится сын, который станет причиной гибели его родного города. Мудрый старец Приам, чтобы избежать грозившего несчастья, тотчас же после рождения Париса призвал пастуха и приказал отнести ребёнка на вершину горы Иды и оставить там на произвол судьбы. Однако судьба сжалилась над малюткой: в течение восьми дней брошенное дитя кормила медведица. Поражённый пастух взял ребёнка на воспитание.

Через несколько лет, когда Парис был уже женат на Эноне, когда-то любимице Аполлона, обладавшей даром прорицания, он отправился в Элладу, где в царских чертогах Атрида Менелая, в Спарте, надеялся встретить прекраснейшую из женщин. Энона предсказала Парису гибель всей его семьи и страшное бедствие отечества, если он не откажется от поездки в Спарту. Но Парис, решив, что предсказание внушено обыкновенной ревностью не послушался. Для того чтобы завоевать прекраснейшую из женщин ему необходимо было добиться признания Приама. Вскоре после победы на состязаниях по борьбе ему удалось это сделать, и Приам даже возложил на него поручение, хотя и почётное, но и очень опасное — потребовать в Греции выкуп за увезённую Гесиону сестру Париса.

Окружённый блестящей свитой, с богатыми подарками, юноша, не заботясь вовсе об отцовском поручении, поспешил прямо в Спарту, во дворец Атрида Менелая, где и был радушно принят.

По окончании обеда, когда Парис рассказывал Менелаю об Илионе и его сокровищах, вошла Елена. Троянский ловелас сразу узнал в ней тот образ будущей супруги, который мысленно нарисовал.

Елена влюбилась в Париса, который рассыпался в комплиментах, не подозревая, как легко достанется ему эта победа. Когда торжественное жертвоприношение отозвало

Менелая на остров Крит, влюблённые решились на побег. Очевидно, знакомство с Тезеем развило в Елене вкус к приключениям, куртизанка брала в ней верх над царицей. После того как она приняла любовь чужестранца, любовники на всех парусах полетели к берегам Трои, прихватив с собой сокровища. Они с нетерпением ждали очаровательной ночи в прекрасном царстве Приама.

Менелай, вернувшись во дворец и не застав жены, пришёл в ярость. Он призвал на помощь своих прежних соперников по сватовству. Снова их всех объединило одно желание — найти ту, которой хотели овладеть.

Перед отплытием в Трою Менелай пожертвовал в храм дельфийского оракула массивное золотое ожерелье, принадлежавшее Елене. Только при этом условии оракул обещал победу. Окрылённые будущим успехом, военачальники Элиды, снарядив корабли, поспешили к берегам Илиона, где аргивянка Елена, став супругой своего похитителя, вовсе не жаждала увидеть своего обманутого мужа. Она без труда могла под покровом ночи сбежать в греческий лагерь. Или она ждала, когда её похитят в третий раз?

Её красота по-прежнему сохраняла свою чистоту и благородство, никто не решался бросить ей упрёк.

В это время Парис, постыдно бежавший с поля брани, спешил насладиться любовью с Еленой. Возмущённая его трусостью, она осыпала мужа оскорблениями.

Когда Парис погиб под стенами Илиона. Елена не долго горевала, став супругой его брата Деифоба, ни на минуту не прервав любовных утех, зажжённых в ней златокудрой Кипридой.

И всё-таки воины Менелая проникли в город. Деифоб упал под разящим ударом самого Атрида Менелая. Обманутый муж, найдя Елену, уже занёс меч над головой неверной, чтобы отомстить за свой позор; но при виде её лица в расцвете красоты любовь вспыхнула в нём с новой силой, меч выпал из рук, и он заключил Елену в объятия. Дочь Тиндарея, возвращённая любезным мужем в Спарту, заняла свои дворцовые покои. В Элиде торжественно отпраздновали её возвращение. Повсюду раздавались песни в честь Менелая, счастливейшего владельца той, которую Гомер называет «благороднейшей из женщин».

Еврипид в своих «Тропиках» утверждал, что Менелай хотел убить Елену, но она повинилась перед мужем за своё прошлое поведение, уверив, что пыталась бежать к нему в греческий лагерь, но часовые не пропустили её, и что Деифоб после смерти Париса насильно сделал её своей супругой. Павзаний в подтверждение сообщал, что видел статую, изображавшую

Менелая, преследовавшего Елену с мечом в руках. В данном случае художник перешёл границы истины: гнев Менелая моментально угас при виде обнажённой и трепетавшей груди, которую он не мог не поцеловать.

Елена в течение нескольких лет спокойно жила с Менелаем. Увы, судьба, покровительствовавшая этой очаровательной куртизанке, уготовила ей ужасный конец. После смерти царя незаконные сыновья Атрида, Никострат и Мегапенф, изгнали Елену из Спарты. Очевидно, Менелай во время пребывания супруги в Трое нашёл утешение с другой женщиной, поэтому причиной Троянской войны вернее будет считать не похищение Елены, а нарушение Парисом священных прав гостеприимства.

Изгнанная из Спарты, Елена искала убежища на острове Родос. Там царствовала до совершеннолетия своих двух сыновей Поликса, вдова Тлеполема, погибшего под стенами Трои. Считая Елену виновницей гибели своего мужа, Поликса задумала жестокую месть. Однажды, когда Елена купалась, Поликса подослала к ней убийц — женщин, наряженных фуриями. С громкими криками бросились они на красавицу, и подруга Тезея, вдова Менелая, Париса и Деифоба, почувствовала на своей шее верёвочную петлю. Страшная казнь была придумана той, которая не могла спокойно смотреть на женщину, не потерявшую своей красоты даже в несчастье.

Но Елена оставила после себя не только память о своей неземной красоте. На том же самом Родосе, где она провела свои последние дни, ей воздвигли храм, по словам Павзания, называвшийся храмом «Елены Дендритийской», и основали культ красоты, переживший века. Этот же источник утверждает, что храм в честь Елены был воздвигнут и в Лакедемонии. Геродот рассказывал, что в храмах совершались чудеса, как, например, ослепление поэта Стезихора, дурно отозвавшегося в своей поэме о Елене, и о возвращении ему зрения после того, как он написал полинодию, и о даровании красоты уродливой девушке.

Многочисленные легенды, тесно связанные с жизнью царицы-куртизанки, служат лишним доказательством того, как преклонялись перед красотой в античном мире…

Маргарита Валуа (1553–1615)

Дочь Генриха II и Екатерины Медичи. В 1572 году вышла замуж за короля Наваррского, который позже под именем Генрих IV занял французский престол. Когда Генрих бежал из Парижа, она ещё долго оставалась при дворе. По инициативе короля их брак был расторгнут. Последние годы жизни Маргарита провела в Париже, окружив себя учёными и писателями. О своей жизни она оставила мемуары.

* * *

В полдень 14 мая 1553 года королева родила девочку.

«Мы назовём её Маргаритой», — сказал король Франции Генрих II.

Уже в одиннадцать лет у Маргариты появилось два любовника — Антраг и Шарен. Кто из них стал первым? По-видимому, мы никогда не узнаем, кому из них выпала честь быть первопроходцем.

В пятнадцать лет она стала любовницей своих братьев Карла, Генриха и Франциска. А когда Маргарите исполнилось восемнадцать, красота её стала так привлекать мужчин, что у неё появился большой выбор. Брюнетка с глазами цвета чёрного янтаря, она была «способна одним своим взглядом воспламенить всё вокруг», а кожа её была такой молочной белизны, что Маргарита из желания похвастаться, да и забавы ради, принимала своих любовников в постели, застеленной чёрным муслином…

В это время она влюбилась в своего кузена герцога Генриха де Гиза, двадцатилетнего белокурого красавца. Оба темпераментные и лишённые какой бы то ни было стыдливости, они отдавались любовным играм там, где их настигало желание, будь то в комнате, в саду или на лестнице. Однажды их застали даже в одном из луврских коридоров, где «они занимались вселенским грехом…»

При одной только мысли, что этот фат, придававший столько блеска и без того могущественному Лотарингскому дому, смог соблазнить его сестру, король Карл IX впал в настоящее безумие. Марго убедила герцога жениться на Екатерине Клевской, вдове принца Поркена…

После этого случая королева-мать решила выдать дочь замуж и подумала в связи с этим о сыне Антуана де Бурбона, молодом

Генрихе Наваррском, который тогда ещё не имел репутации донжуана. Мать Генриха, Жанна д'Альбре, была горда тем, что сможет женить сына на сестре короля Франции, и быстро обо всём договорилась с Екатериной.

На свадьбу, естественно, съехалось множество протестантов, которые спустя пять дней, в Варфоломеевскую ночь, все до одного были убиты католиками.

После Варфоломеевской ночи Генрих Наваррский, отрёкшийся от протестантства ради сохранения жизни, находился под неусыпным наблюдением Екатерины Медичи.

Пока Маргарита наслаждалась ласками любовников, Генрих Наваррский плёл заговоры. Он создал тайную организацию, целью которой было свергнуть с престола Карла IX, устранить герцога Анжуйского, ставшего в 1573 году королём Польши, и посадить на престол Франции герцога Алансонского, младшего сына Екатерины Медичи.

В числе фаворитов герцога Алансонского был сеньор Бонифаций де ла Моль, блестящий танцор и любимец дам.

Этот богобоязненный развратник был просто создан для Маргариты, которая с необычайной лёгкостью переходила из церкви в альков и укладывалась в постель со своими любовниками, в то время как волосы её ещё благоухали ладаном. Когда он увидел её, одетую в платье из брокара с большим вырезом, позволявшим «видеть эту высокую и полную грудь, по которой обмирали все придворные», то сразу в неё влюбился…

Маргарита тут же устремилась к нему, схватила за руку и повлекла в свою комнату, где они занялись любовью, да так шумно, что через два часа уже весь двор знал, что у королевы Наваррской появился ещё один любовник.

Ла Моль был провансальцем. В постели он проболтался Маргарите о заговоре, который замышлял Генрих Наваррский, и о той важной роли, которую в этом заговоре должны были сыграть он сам и один из его друзей по имени Коконас, любовник герцогини Неверской.

Маргарита, выслушав признание, пришла в ужас. Как дочь короля, она знала, что заговоры наносят ущерб королю, и потому, несмотря на любовь к де ла Молю, рассказала всё Екатерине Медичи.

Апрельским днём 1574 года де ла Молю и Коконасу отрубили головы на Гревской площади. Тела же их были четвертованы и вывешены на городских воротах на потеху черни. С наступлением ночи герцогиня Неверская и Маргарита послали одного из своих друзей, Жака д'Орадура, выкупить у палача головы казнённых. Поцеловав их в охладевшие уста, они затем старательно уложили

головы в ящики и на другой день приказали забальзамировать.

Уже через неделю Маргарита стала ощущать какое-то необычное возбуждение, из-за которого стала неразговорчивой и не находила себе места. Ей требовалось что-то успокоительное. И она нашла такое средство в лице молодого придворного по имени Сен-Люк, который славился неистощимой мужской силой. За несколько встреч он совершенно избавил Марго от мучений. После этого молодая женщина снова стала появляться на придворных балах. В один из вечеров она познакомилась с красавцем, которого звали Шарль де Бальзак д'Антраг, и стала его любовницей…

Екатерина Медичи отказалась от мысли посадить и тюрьму обоих принцев, справедливо полагая, что это вызовет бурные волнения в королевстве; однако она сделала Наваррца и герцога Алансонского пленниками Лувра. Им было запрещено покидать дворец без сопровождения, а множество тайных агентов записывали буквально каждое сказанное ими слово.

Герцог Анжуйский после смерти брата, Карла IX, вернулся в 1574 году из Польши, чтобы занять престол. При Генрихе III возобновились религиозные войны. В 1576 году под руководством Генриха Гиза из строгих католиков образовалась священная лига, поставившая целью окончательное истребление протестантизма.

Генрих Наваррский слыл большим хитрецом. 5 февраля 1576 года, усыпив бдительность Екатерины и Генриха III, он добился от них разрешения отправиться на охоту в лес, окружавший город Санлис. В следующий раз парижанам суждено было его увидеть только через двадцать лет.

Генрих III, который со дня побега Наваррца всё не мог успокоиться, отказался отпустить Марго, мотивируя тем, что она является самым лучшим украшением его двора и что он не в силах расстаться с ней.

Фактически же он превратил её в пленницу. Несчастная не имела права выйти из свой комнаты, у дверей которой день и ночь находилась стража, а все её письма прочитывались.

Несмотря на неусыпное наблюдение, под которым находилась Маргарита, ей удалось переслать записочку герцогу Алансонскому и сообщить, в каких ужасных условиях её удерживают в Лувре. Герцог пришёл от этого известия в сильное волнение и отправил Екатерине Медичи протестующее письмо.

Королева-мать давно хотела устранить Франциска, поэтому не могла не воспользоваться случаем. Теперь она подумала, что в обмен на свободу Маргариты её мятежный сын покинет протестантов и откажется от противоборства с короной. Она предложила Генриху III вступить с герцогом в переговоры при

посредничестве Маргариты и получила согласие.

Путешествие было для Марго тягостным, так как их карету сопровождали красивые и потому соблазнительные офицеры, каждый из которых охотно успокоил бы ей нервы.

На следующий день вечером, после первых переговоров, когда все улеглись спать, она бесшумно выскользнула из своей комнаты и направилась к герцогу Алансонскому, который с жаром, вряд ли уместным в данном случае, выказал ей более чем братские чувства.

После этой ночи, принёсшей Маргарите огромное облегчение, переговоры возобновились, и Франциск, уверенный в своих силах, выставил собственные условия. А через несколько дней Генрих III, чьё лицемерие было ничуть не меньше его пороков, встретил брата с почётом и при всех помирился с ним. Маргарита возвратилась в Париж вместе с Франциском.

Весной 1577 года Мондусе, агент короля во Фландрии, перешедший на службу к герцогу Анжуйскому, сообщил, что фламандцы стонут под игом испанцев и что можно легко завоевать Фландрию, послав туда опытного человека.

Герцог Анжуйский сразу подумал о Маргарите.

Отъезд во Фландрию состоялся 28 мая 1577 года. Маргарита в сопровождении многочисленной свиты выехала из Парижа через ворота Сен-Дени, восседая в носилках, «над которыми на пилонах высился балдахин, подбитый пурпурным испанским бархатом с золотым и шёлковым шитьём…»

В Намюре дон Хуан Австрийский, незаконнорождённый брат Филиппа II и губернатор Нидерландов, принял Маргариту с особым почётом. За полгода до этого он побывал инкогнито в Париже. Благодаря помощи испанского посла ему удалось проникнуть во французский двор, где в тот вечер давали бал, и увидеть Маргариту Наваррскую, о которой говорила вся Европа. Само собой разумеется, он в неё влюбился, хотя молнии, сверкавшие в её взоре, его немного напугали. После бала дон Хуан признался друзьям: «Она обладает скорее божественной, нежели человеческой красотой, но в то же время она создана для погибели мужчин, а не для их спасения…»

Маргарита рассчитывала использовать свои чары, чтобы заручиться невмешательством дона Хуана во время переворота в стране, который попытается совершить герцог Анжуйский. «Поднимайте мятеж, — говорила она тем временем местной знати, — и призывайте на помощь герцога Анжуйского!»

В результате её пропаганды в стране вскоре начались сильнейшие волнения. В Льеже ей оказали горячий приём фламандские и немецкие сеньоры, которые устроили в её честь

грандиозные празднества.

Всё шло по намеченному плану, когда из письма брата она узнала, что королю донесли о её переговорах с фламандцами. Придя в неописуемую ярость, он предупредил о готовящемся перевороте испанцев, надеясь, что они арестуют Маргариту.

Уже через два часа Маргарита и вся её свита во весь опор мчались в сторону Франции.

Маргарита вернулась ко двору. Как ни странно, её там прекрасно встретили…

Вскоре она обратилась к Генриху III с просьбой разрешить ей уехать к своему мужу в Нерак. И 15 декабря 1578 года въехала в свою резиденцию.

Старый замок, принадлежавший дому Альбре, конечно, нельзя было сравнить с Лувром. Не было в нём и привычного веселья. Принцы-гугеноты, окружавшие Генриха Наваррского, отличались суровым нравом, демонстрировали сверхдобродетель и презрительное безразличие к увеселениям.

Марго же обожала роскошь, удовольствия, балы. Под её «благотворным» влиянием замок в Нераке очень скоро превратился в настоящий дом терпимости, а единоверцы Наваррца, избавившись от своих комплексов, вошли во вкус иной жизни.

В это время Марго была любовницей молодого и красивого виконта де Тюренна, герцога Бульонского, преданнейшего друга Генриха Наваррского.

Вместе с пылким виконтом она устраивала бесконечные балы и маскарады. Разумеется, Марго хватало такта не требовать у мужа денег на развлечения, во время которых она ему же наставляла рога. Нет, за деньгами она обращалась к добряку Пибраку, давно влюблённому в неё и потому постепенно разорявшемуся без малейшей надежды на взаимность.

Но в одно прекрасное утро, оскорблённый тем, что Маргарита и Тюренн постоянно подсмеивались над ним, Пибрак возвратился в Лувр и рассказал Генриху III, какие безобразия творятся при дворе Генриха Наваррского.

Король пришёл в ярость, обозвал сестру потаскухой и тут же послал Беарнцу письмо, в котором сообщал ему о беспутстве его жены Маргариты.

Генрих Наваррский, которому впору было замаливать собственные грехи, сделал вид, что ничему из написанного не верит, однако не отказал себе в удовольствии показать письмо французского короля Тюренну и Маргарите. Марго, возмущённая очередной выходкой брата, решила отомстить ему, убедив мужа объявить королю войну. И повод для войны быстро нашёлся:

города Ажан и Кагор, преподнесённые ей мужем в качестве приданого, были незаконно присвоены Генрихом III. Надо было только слегка раззадорить Наваррца…

В начале 1580 года Наваррец созрел для войны. К военным действиям преступили немедленно, сражались яростно по всей Гиени. И только в ноябре герцог Анжуйский предпринял несколько попыток договориться о мире, в результате чего во Флексе был подписан договор.

Война влюблённых закончилась. Она отомстила за поруганную честь ветреных дам Наваррского дворца и унесла пять тысяч жизней…

Маргарите тогда было тридцать лет. Её и без того вулканический темперамент, кажется, только усилился из-за чрезмерно пряной пищи, которая была в обычае при дворе в Нераке. Внешность молодого красавца Жака Арле де Шанваллона, сопровождавшего герцога Анжуйского, привела её в такое состояние, будто всё нутро объяло пламенем, и от этого она потеряла покой.

Впервые в жизни Марго действительно влюбилась. Преобразившаяся, излучающая счастье, позабывшая всех — мужа, любовника, брата, — она жила с одним лишь чувством обожания молодого, элегантного сеньора, которого она называла «своим прекрасным солнцем», «своим бесподобным ангелом», «своим несравненным чудом природы…»

Эта страсть до такой степени ослепила её, что она утратила ту последнюю каплю осторожности, которая у неё ещё оставалась, и Шанваллону приходилось удовлетворять её желания и на лестницах, и в шкафах, и в садах, и в полях, и на гумне…

Но вот Франсуа решил покинуть Нерак и вернуться к себе. Через несколько дней он уехал и увёз с собой верного Шанваллона.

Маргарита едва не сошла с ума. Она заперлась у себя в комнате, чтобы пролить слёзы и заодно сочинить стансы на отъезд возлюбленного.

Все её письма к нему заканчивались одинаково: «Вся моя жизнь в вас, моё прекрасное всё, моя единственная и совершенная красота. Я целую миллион раз эти прекрасные волосы, моё бесценное и сладостное богатство; я целую миллион раз эти прекрасные и обожаемые уста».

Королева Наваррская решила вернуться в Париж, где надеялась увидеть Шанваллона.

Для встреч Маргарита сняла дом. Получив возможность делать то, что ей хочется, она окружила виконта заботой, украшала его комнату зеркалами, обучалась новым утончённым

ласкам у итальянского астролога и заказывала повару для своего любовника остро приправленные блюда.

Острые блюда, которыми королева Маргарита потчевала несчастного Шанваллона, побудили его на такие излишества, что в один прекрасный день, обессилевший, исхудавший, раздражённый, он тайком покинул Париж и укрылся в деревне, где вскоре женился на девушке спокойного нрава.

Маргарита обезумела от горя. Она писала ему письма, выдававшие её отчаяние. И молитвы её были услышаны.

Прекрасным июньским днём 1583 года Шанваллон, изгнанный герцогом Анжуйским в наказание за болтливость, явился с опущенной головой искать убежища у Маргариты.

В течение нескольких недель они, уединившись на улице Кутюр-Сент-Катрин, проводили время в таком дурмане, что Маргарита забыла о необходимости появляться в Лувре.

Генрих III, заинтригованный исчезновением сестры, расспросил о ней горничную, и та сообщила ему о возобновившейся связи Маргариты с Шанваллоном, а затем выдала королю имена всех её любовников.

В воскресенье 7 августа при дворе должен был состояться большой бал. Генрих III пригласил на него и сестру.

Внезапно, в самый разгар праздника, король приблизился к Маргарите и громким голосом отчитал её при всех, обозвав «гнусной потаскухой» и обвинив в бесстыдстве. Пересказав все подробности её интимных отношений, вплоть до самых непристойных, он приказал сестре немедленно покинуть столицу.

Всю ночь королева Марго занималась уничтожением компрометирующих писем, которые ей писали неосторожные любовники, а на рассвете спешно покинула Париж.

В Нераке на протяжении нескольких месяцев Генрих Наваррский и Маргарита виделись не часто, поглощённые каждый своими делами: пока жена принимала у себя в комнате офицеров Нерака, муж щедро одаривал своих любовниц плотскими радостями.

После смерти герцога Франциска Алансонского в 1584 году наследником Генриха III стал Генрих Наваррский. Он взошёл на престол после смерти короля в 1589 году и стал Генрихом IV.

Вскоре между супругами возникли разногласия, которые переросли во враждебность. Вот тут-то фаворитка короля графиня де Грамон, мечтавшая женить Беарнца на себе, начала вести себя с Марго вызывающе и попыталась даже отравить её.

Королева вовремя была предупреждена, но это её напугало. Марго через несколько дней уехала из Нерака под предлогом провести Пасху в Ажане, католическом городе своего удела.

Едва Марго устроилась, как к ней явился посланник от герцога де Гиза, который просил помочь Священной Лиге в Лангедоке и начать войну против Наваррца.

Страшно обрадовавшись возможности расплатиться за все обиды, нанесённые ей в Нераке, Марго приняла предложение и поручила своему новому любовнику Линьераку набрать из местных жителей солдат и укрепить город.

К несчастью, поход окончился катастрофой: плохо подготовленные и неорганизованные люди Линьерака были наголову разбиты армией Наваррца.

После этой неудачи Марго пришлось снова набирать солдат и приобретать оружие. Чтобы раздобыть денег, она ввела новые налоги. Жители Ажана подняли бунт, перебили большую часть солдат Лиги и сдали город королевским войскам.

Марго, сидя на лошади позади Линьерака, проделала пятьдесят лье и, совершенно разбитая, обессилевшая прибыла в хорошо укреплённый замок Карла, неподалёку от Орильяка.

Вскоре она избрала для своих утех собственного шталмейстера, благородного и обаятельного Обиака.

Не прошло и нескольких дней после её приезда, как у потайного входа в замок появился отряд, которым командовал маркиз де Канильяк, губернатор Юссона.

Обиака тут же передали в руки стражи, которая препроводила его в Сен-Сирк.

Канильяк провёл Марго в охраняемую карету и под надёжным эскортом приказал доставить её в замок Юссон, построенный на неприступной вершине скалистой горы.

Марго поместили в самых отдалённых покоях. Затем Канильяк приказал казнить Обиака.

Некоторое время никто не знал, что происходит в крепости Юссон, и даже распространился слух, будто Генрих IV приказал убить жену.

Однажды утром Марго попросила передать Канильяку, что будет счастлива повидать его у себя. Маркиз застал свою пленницу в постели почти без одежды. Взгляд его единственного глаза «утратил достоинство, уступив место вожделению».

С этого дня королева Наваррская стала властительницей укреплённого города и любовницей маркиза де Канильяка.

В это время Габриэль д'Эстре, ещё одна фаворитка, настаивала на разводе короля с Марго, которая по-прежнему жила в изгнании. В конце концов Генрих IV отправил в Юссон посла, чтобы он встретился с его женой. Что предложил он Маргарите в обмен на корону? Двести пятьдесят тысяч экю для оплаты долгов, которые у бедняжки накопились за десять лет,

пожизненную ренту и безопасное проживание. Взамен он требовал от королевы доверенность и устное заявление в присутствии церковного судьи о том, «что её брак был заключён без обязательного разрешения и без добровольного согласия», и потому она просит его считать недействительным.

Посол прибыл в Юссон после недельного путешествия. Глазам его открылась престранная картина. Марго, всегда обожавшая занятия любовью, имела привычку ложиться на постель обнажённой, оставляя при этом открытым окно, «чтобы всякий, кто, проходя мимо, заглянет в него, почувствовал желание зайти и поразвлечься с нею».

Мысль о разводе ничуть не огорчила Марго, единственным желанием которой было вырваться из Юссона. К тому же она отдавала себе отчёт, что Генрих IV никогда не призовёт её к себе.

Удивительно, но к Габриэль д'Эстре Марго испытывала даже расположение. Узнав, что Генрих IV отдал фаворитке великолепное аббатство, принадлежавшее когда-то ей, она написала королю: «Мне доставило удовольствие знать, что некогда принадлежавшая мне вещь сможет засвидетельствовать этой благородной женщине, как мне всегда хотелось сделать ей приятное, а также мою решимость всю жизнь любить и почитать то, что будете любить вы».

После развода Марго общалась с королём только в дружеской и почти любовной переписке. Он ей писал: «Мне бы хотелось заботиться обо всём, что имеет к вам отношение, больше, чем когда бы то ни было, а также чтобы вы всегда чувствовали, что впредь я хочу быть вашим братом не только по имени, но и по душевной привязанности…»

Он распорядился выплачивать ей хорошую пенсию, оплатил её долги, настаивал на том, чтобы к ней относились с уважением, в то время как она желала ему счастья с новой королевой — Марией Медичи.

Вечером 18 июля 1605 года Марго въехала в Мадридский замок в Булони.

26 июля Генрих IV навестил её. Разумеется, он с трудом её узнал — некогда очаровательная Марго, со стройным и гибким станом, превратилась в дородную даму. Король поцеловал ей руки, назвал «своей сестрой» и пробыл с ней целых три часа.

На следующий день Маргарита отправилась с визитом к Марии Медичи.

В Лувре король встретил её с почестями и выразил неудовольствие Марии Медичи, которая не пожелала пойти навстречу дальше парадной лестницы.

«Сестра моя, моя любовь всегда была с вами. Здесь вы можете

чувствовать себя полновластной хозяйкой, как, впрочем, повсюду, где распространяется моя власть».

В конце августа Маргарита покинула Мадридский замок и поселилась в особняке на улице Фигье.

Не прошло и нескольких дней, как по Парижу пронёсся слух, что какой-то молодой человек живёт с королевой Марго. Действительно, после шести недель вынужденного целомудрия она, чтобы не напугать двор, вызвала из Юссона двадцатилетнего лакея по имени Деа де Сен-Жюльен.

Но, на его беду, другой паж, восемнадцатилетний Вермон, стал заглядываться на пятидесятилетнюю королеву. В один из апрельских дней 1606 года ревность толкнула его на убийство фаворита…

Марго перебралась в поместье, которое недавно приобрела на левом берегу Сены, около аббатства Сен-Жермен-де-Пре.

Её любовником стал юный гасконец по имени Бажомон, которого доброжелательные друзья прислали ей из Ажана. Как любовник он отличался силой и неутомимостью, заставлявшей Маргариту просить пощады, но умом его Бог обидел.

Надо ли удивляться, что духовник Маргариты, будущий святой Венсан де Поль, почувствовав себя в этой обстановке неуютно и не сумев преодолеть отвращения, покинул её дом и отправился жить среди каторжников, предпочтя спасать их души…

Пока Екатерина Медичи всё своё время и все свои заботы посвящала Кончино Кончини, маленький король жил один в своих апартаментах.

Только один человек проявлял внимание и нежность к брошенному ребёнку, и этим человеком была добрая королева Марго. Она заходила к нему в комнату, осыпала его подарками, рассказывала ему сказки и забавные истории.

Когда она уходила, он сразу делался грустным и упрашивал поскорее снова прийти. Марго в такие моменты казалось, что сердце её разрывается, и, совершенно расстроенная, она осыпала маленького короля поцелуями.

Правда, старая любовница согревала своими нерастраченными материнскими чувствами не одного только Людовика XIII. Вместе с ним щедротами этого любвеобильного сердца пользовался молодой певец по имени Виллар. Разумеется, в отношении последнего она проявляла свои чувства несколько иначе, потому что он был её любовником.

Весной 1615 года Марго простудилась в ледяном зале дворца Малый Бурбон. 27 марта духовник предупредил Марго, что дело её плохо. Тогда она вызвала Виллара, приложилась к его губам

долгим поцелуем, будто хотела насладиться этим последним прикосновением, и через несколько часов скончалась.

Маленький Людовик XIII пережил огромное горе. Он понял, что из жизни ушло единственное существо в мире, которое его по-настоящему любило.

Аспазия (ок. 470 до н. э. — ок. 400 до н. э.)

Знаменитая греческая гетера. Прославилась умом, образованностью и красотой. В её доме собирались художники, поэты, философы. С 445 года до н. э. — жена Перикла.

* * *

Приблизительно в 455 году до н. э., в 82 Олимпиаду, из Мегары в Афины приехала красивая девушка, чтобы основать свою школу риторики. Её сопровождали несколько молодых гречанок. Появление их вызвало сенсацию. Тотчас выяснилось, что новоприбывшие — коринфские куртизанки, во главе которых стояла милетская гетера по имени Аспазия. Они поселились все вместе, занимались политикой, философией, искусствами и охотно допускали всех желающих на свои собрания. Непривычные к подобным зрелищам афиняне из простого любопытства начали наведываться в гостеприимный дом, куда их привлекла красота приезжих женщин, а затем стали посещать его, увлечённые обсуждавшимися там вопросами. В салоне Аспазии можно было встретить философов Анаксагора с его учеником Еврипидом, убеждённым женоненавистником, Зенона, Протагора, врача Гиппократа, ваятеля Фидия и, чаще других, Сократа. Какие речи произносились там, какие возникали споры! Сколько наслаждений обещали красивые коринфянки афинским мужам, посещавшим их собрания, которыми руководила «прелестная милезианка» Аспазия! Её ум, здравый смысл, красноречие, умение слушать и вести споры невольно заставляли присутствующих с благоговением внимать речам необыкновенной красавицы.

Аспазия живо интересовалась новыми философскими течениями и умела так использовать их в своей беседе, что все невольно отмечали животворную оригинальность её ума. Сократ, двадцатилетний юноша с грубоватой внешностью и пылкой душой, влюбился в Аспазию и не отходил от неё ни на шаг, а позднее, когда стал известным философом, говорил, что обязан этим Аспазии.

Многие затворницы — законные супруги — хотели познакомиться с удивительной женщиной. Самые решительные

посещали собрания Аспазии. Главной темой разговоров женщин был брак. «Милетская гетера» находила возмутительным условия современного брака. «Каждая женщина, — внушала она, — должна быть свободной в выборе мужа, а не выходить за назначенного ей родителями или опекунами: муж обязан воспитать свою жену и разрешать ей высказывать свои мысли». Мужчины не разделяли смелых взглядов Аспазии, но их жёны были в восторге и внимали гетере, словно оракулу.

О Перикле Аспазия слышала давно, ещё в Милете. Но знала она о нём то, что известно было всем: он был одним из десяти афинских вождей, или стратегов, и формально власть его была не так уж велика, однако именно он решал многие важные вопросы, объявлял войны соседним государствам, заключал с ними союзы. Она знала также, что происходил Перикл из знатного рода Алкмеонидов.

Как истинная женщина, она хотела не только слышать о нём, но и видеть его. Аспазия встретила вождя на улице, и, надо сказать, он ничем не поразил её воображения. Перикл не был ни красивым, ни величественным, шёл спокойным, ровным шагом и, отвечая на приветствия, поднимал вверх правую руку так, чтобы не нарушилась линия, обрисовывавшая складки его плаща.

Некоторые историки склонны считать, что Аспазия приехала в Афины с единственной целью — покорить Перикла, этого «достойнейшего из эллинов».

Разумеется, в свою очередь, такая женщина не могла не заинтересовать Перикла. В то время ему давно перевалило за сорок, он имел двух сыновей от законной супруги, и, исполнив свой долг перед обществом, стал тяготиться брачными узами, втайне мечтая найти подругу сердца.

Однажды Сократ, близкий друг правителя, не стеснявшийся называть «прелестную милезианку» своей «несравненной учительницей», предложил Периклу посетить её салон. Предложение отвечало желаниям государственного мужа, и Аспазия имела удовольствие принять у себя того, кого афиняне называли Олимпийцем. Зевс нашёл свою Геру! Эти два великих ума эпохи сразу почувствовали влечение друг к другу. Кто знает, кем бы стали Перикл без Аспазии и Аспазия без Перикла!

Правителю Афин казалось, что никто уже ничему не может его научить. Но в обществе этой женщины он вдруг открывал для себя многое, о чём раньше и не подозревал. Глаза Аспазии, этой новой Афродиты, осветили мрак его собственной жизни, теперь она показалась Периклу убогой и одинокой.

Однако положение любовницы не удовлетворяло честолюбивую Аспазию. Ей казалось унизительным быть только

сожительницей Перикла, не имея права на уважение, которым пользовались законные супруги афинских граждан, на деле способные только рожать детей. Перикл, очарованный умом и красотой своей любовницы, вполне разделял её мнение и в один прекрасный день развёлся с женой, дав ей приданое и подыскав достойного мужа, хотя сыновей оставил при себе. Таким образом, желание Аспазии исполнилось! Она стала супругой Олимпийца и, поселившись в его доме, тотчас превратила его в политический салон, разрешив знаменитым гостям Перикла переступать священный порог женской половины.

Была ли она супругой Перикла? Одни подтверждают, другие отрицают возможность подобного брака. Известно, что любому афинскому гражданину разрешалось открыто иметь любовницу-куртизанку, к какой национальности она бы не принадлежала, однако запрещалось жениться на чужеземке. Преступивших закон сурово карали: жена продавалась как наложница, муж, кроме уплаты огромного денежного штрафа, терял все свои гражданские права, а их дети признавались незаконными и лишались звания афинянина. В значительной мере сам Перикл был создателем таких шовинистских законов. До знакомства с Аспазией он был яростным поборником «чистоты» брака. Любовь заставила его забыть обо всём. В первый раз он поставил под сомнение свои собственные принципы.

Афиняне придерживались тогда следующего принципа: «… куртизанки нужны для того, чтобы ублажать нашу плоть, гетеры — для наслаждения, а жёны — для того, чтобы рожать нам законных детей» (Демосфен). И вдруг все увидели воплощение большой, искренней любви, не предугаданной даже поэтами. Нежность этих двух людей, помнивших о каждой мелочи в жизни друг друга, была способна облагородить самое низменное. Мужская суровость Перикла по-гречески гармонично сочеталась с мягкостью и утончённой женственностью Аспазии.

Когда Аспазия родила сына, его признали незаконным, из чего следует, что Аспазия была только любовницей правителя Афин, а не женой. Однако, с другой стороны, Перикл открыто называл «прелестную милезианку» своей супругой, публично, при встречах и прощаниях, целовал её, и вряд ли бы он рискнул это делать, зная суровые афинские законы…

Но если даже Аспазия была только любовницей Олимпийца, большинство афинян уважало её, как жену своего покровителя, обладавшую вместе со свободой гетеры положением законной супруги. Для Сократа, Фидия и Анаксагора она была преданной, умной подругой, для Перикла — любовницей и женой, радостью его жизни, очарованием его домашнего очага и поверенной в его

делах. Она знала тайну речей, разглаживающих морщины, любви, утешающей всякое горе, и ласки, опьяняющей ум.

Связь Перикла с Аспазией была предметом насмешек и оскорблений со стороны его политических врагов. В частности, они утверждали, что дом Перикла превратился в дом терпимости, наполненный куртизанками и даже замужними афинянками, которые своим развратом помогали мужьям в их политической карьере. Аспазию считали злым гением Перикла, вдохновительницей его неосторожной политики и самовластных поступков.

Откуда же взялась женщина, перевернувшая взмахом руки все Афины? Биографию Аспазии составляют в основном из слухов и домыслов.

Сожительница Перикла была дочерью некоего Аксиоха, человека выдающегося ума, имевшего благотворное влияние на своих близких, чем и объясняются таланты и способности его дочери. Аспазия родилась в 76-ю Олимпиаду, около 470 года до н. э., в городе Милете, одном из самых процветающих на Ионийском берегу. Милет славился своими философами и куртизанками.

Если верить поэтам, в детстве её похитили и увезли в Мегару или Коринф, где она росла в качестве невольницы своих похитителей, постаравшихся развратить её. Но благодаря красоте и уму ей удалось понравиться богатому афинянину, который выкупил девушку и дал ей свободу. По другим сведениям, Аспазия до прибытия в Афины никуда не выезжала из Милета, где вела жизнь куртизанки. Она старалась подражать знаменитой Фаргелии, имевшей четырнадцать любовников, правителей города, и отдававшейся только самым знатным гражданам. Впрочем, говоря об Аспазии, большинство древних авторов никогда не называют других мужчин, кроме Перикла и Лизикла.

Аспазия была красива. Нигде не сохранилось описание её внешности. Но сохранился бюст, на котором значится её имя. Скульптор запечатлел молодую женщину в наброшенном на голову плаще, в знак того, что это матрона. В этом прекрасном лице нет ничего мистического, оно трогает глубоко человечным выражением сдержанной радости и ничем не нарушаемой безмятежностью…

В 440 году до н. э. Милет и Самос не поделили между собой город Приен. Перикл предложил враждующим сторонам прислать в Афины своих делегатов, однако правители Самоса ответили отказом. Афиняне стали готовиться к войне. Говорят, что Аспазия сопровождала Перикла во время этой кампании со множеством куртизанок, которые заработали большие деньги, ибо война

продлилась девять месяцев, пока наконец Самос не сдался на милость победителю. Враги Перикла стали распространять слухи, что дело разрешилось бы мирно, если бы не вмешалась «милетская хищница с собачьими глазами, погубившая столько храбрых граждан и заставившая матерей проливать горючие слёзы». Аспазию обвинили в сводничестве, развращении молодых девушек, что по афинским законам каралось смертью, а также в том, что она, потеряв былую красоту и пытаясь удержать Олимпийца, поставляла ему куртизанок, замужних женщин и юных афинянок.

Аспазия храбро предстала перед народным собранием. Сам Перикл выступил защитником возлюбленной, чьё красноречие достигло небывалых высот. Слёзы ручьём лились из глаз вождя, умолявшего оправдать Аспазию. «Он бы не пролил столько слёз, — говорил Эсхил, — если бы речь шла о его собственной жизни». Судьи потеряли дар речи. Они привыкли к слезам и даже сердились, если кто-нибудь пренебрегал этим смягчающим сердца средством, но никто из них не ожидал, что увидит перед собой плачущего Перикла, этого шестидесятилетнего государственного мужа, человека редкой выдержки, всегда невозмутимого и бесстрастного. Обвиняемая была оправдана.

В 431 году до н. э. разгорелась Пелопоннесская война между Спартой и Афинами. Войну ждали давно, но теперь, когда она разразилась, стали искать виновных. Гнев недовольных обрушился на Перикла. Женщины говорили, что война затеяна им в угоду Аспазии. Повторял эти вымыслы даже Аристофан, не любивший ни Перикла, ни его жену. Перикл потерял свою власть над народом.

Кровопролитная война ещё продолжалась, когда на Афины обрушилось новое несчастье, — чума, угрожавшая уничтожить весь город. Ряды друзей Перикла и Аспазии заметно редели. Вслед за сестрой Олимпийца чума унесла в могилу двоих его сыновей от первого брака. Аспазия в трудную минуту была рядом.

Перикл выступил на народном собрании с предложением: признать законным сына, рождённого Аспазией. К тому времени народные симпатии вновь принадлежали Олимпийцу и его желание осуществилось, явившись равносильным утверждению его брака с иностранкой, в чьей нравственности никто уже не сомневался.

Но события последних лет расшатали здоровье Перикла, и он скончался в середине 429 года до н. э. Аспазия осталась одинокой, в стране, относившейся к ней после смерти Перикла далеко не дружелюбно. Она должна была иметь защитника и вышла замуж за Лизикла, бывшего когда-то её учеником и

ставшего полководцем. Через полтора года Аспазия, имевшая уже от Лизикла сына, вторично овдовела: её муж погиб в одном из сражений. Тогда она вместе с сыном удалилась из Афин, где когда-то царила, и умерла в неизвестности.

Марион Делорм (1606–1650)

Знаменитая французская куртизанка, прославившаяся в Париже во времена Людовика XIII. Среди её обожателей были кардинал Ришельё, герцог Бекингэм, Сен-Мар, принцы Кондэ и Конти и Людовик XIII. Во время Фронды в её доме собирались вожди этой партии. Мазарини приказал её арестовать, но она внезапно умерла. Героиня романа А. де Виньи «Сен-Мар», драмы В. Гюго «Марион Делорм» и др.

* * *

Все её любовники делились на четыре категории: одних она ласкала по влечению сердца, других — ради денег, третьих — из политических расчётов, четвёртых — скуки ради. Её нельзя отнести к тем развратницам, которыми были переполнены в то время улицы Парижа. Она, скорее, героиня романа, прославленная и воспетая поэтами и писателями, и иногда даже принятая великосветским обществом благодаря красоте, уму и популярности.

В начале XVII века в небольшом городке Шалоне-на-Марне, в Шампани, проживала чета Граппэн. Мужу шёл сорок восьмой год, его жене Франсуазе было за тридцать, и, хотя они состояли в браке двенадцать лет, детей у них не было, что огорчало обоих. Наконец случилось чудо: жена объявила мэтру Граппэну (к нему обращались именно так, поскольку он занимал должность судебного пристава), что готовится стать матерью.

5 марта 1606 года Франсуаза произвела на свет дочку. Её восприемниками стали маркиз де Вилларсо и его двоюродная сестра графиня Сент-Эвремон, которые, возвращаясь из путешествия по Германии, решили отдохнуть в Шалоне. Не найдя в городе приличной гостиницы, знатный вельможа и прекрасная дама попросились на ночлег в дом судебного пристава. В благодарность за гостеприимство аристократы окрестили дочь Граппэнов, названную, по желанию графини, Марией-Анной.

Девочка росла и хорошела, ей готовили блестящую карьеру, однако смерть Франсуазы всё изменила. Двенадцатилетняя девочка очутилась на попечении служанки, которая весь день или спала, или ела. Мэтр Граппэн, находившийся в постоянных разъездах, не имел времени заниматься воспитанием дочери.

В пятнадцать лет Марии-Анне пришла фантазия брать уроки

музыки у сына суконщика Лемудрю, превосходно игравшего на лютне. Молодой учитель не мог нахвалиться способностями своей очаровательной ученицы. Однажды он рискнул поцеловать её, и подобному удовольствию они стали предаваться на каждом уроке. Впрочем, дальше поцелуев дело не продвинулось. Лемудрю сказал, что слишком беден, чтобы назвать Марию-Анну своею женой, и слишком уважает, чтобы сделать своей любовницей, и, грустно вздохнув, отправился за счастьем в Париж.

Девушка заскучала в маленьком Шалоне и написала крёстной матери, не видевшей её со дня рождения, письмо с просьбой разрешить ей погостить в Париже. Вскоре за Марией-Анной прислали экипаж.

Шестнадцатилетняя девушка приятно поразила графиню Сент-Эвремон: высокая, стройная брюнетка, с густыми вьющимися волосами, смуглая, с большими выразительными синими глазами. Вечером, когда собрались гости, все они пришли в восторг от Марии-Анны, и на следующий день в аристократических салонах Парижа только и говорили о прелестной девушке.

На четвёртой неделе пребывания Марии-Анны в Париже пришло трагическое известие о скоропостижной смерти отца. Она искренне его оплакивала. Но долго предаваться печали в шумном весёлом Париже было невозможно, тем более на горизонте появился Жак Валлэ-Дебарро, сын министра финансов Генриха IV. Красивому и очень богатому Дебарро было двадцать пять лет, он прославился своими эпикурейскими наклонностями и соперничеством в искусстве со скабрёзным поэтом Теофилем де Вио. Весёлый и остроумный молодой человек сразу понравился Марии-Анне. Этот повеса предложил услуги в качестве преподавателя пения, и ему ответили согласием. Таким образом Жак получил возможность ежедневно два часа проводить с красавицей. Но страстное признание в любви не произвело впечатления на девушку. И тогда он пошёл на хитрость.

Однажды, когда графиня Сент-Эвремон и Мария-Анна прогуливались по бульвару, несколько мужчин, подкупленных Дебарро, окружили дам и принялись осыпать издевательскими шуточками. В это время, словно из-под земли, появился сам Дебарро и без труда разогнал нахалов, после чего вызвался проводить перепуганных дам домой. А ночью… ночью он наслаждался ласками благодарной Марии-Анны. Дебарро провёл с девушкой, вкусившей наконец запретный плод, целую неделю — днём скрывался в чулане, куда возлюбленная носила ему пищу, а ночь проводил с красавицей.

Вскоре они перебрались в его замок Остров Кипр. За ужином,

представляя любовницу друзьям, Дебарро дал ей более благозвучное имя — Марион Делорм.

Полгода любовники наслаждались безмятежным счастьем, но Дебарро вскоре пресытился ласками молодой женщины.

Однажды за завтраком речь зашла о музыканте, игрой которого на лютне восхищался весь Париж. Этим музыкантом оказался Лемудрю. Марион, покраснев, попросила привести к ней музыканта.

Она встретила друга детства в роскошном костюме, вся усыпанная драгоценностями. Он упал перед ней на колени и признался в любви, сгорая желанием искупить свою первую ошибку. Увы, внезапное появление Дебарро, стоявшего за дверью, нарушило идиллию. Лемудрю позорно бежал через окно, а между любовниками произошло бурное объяснение, положившее конец их отношениям…

Встав на тернистую дорожку, Мария-Анна скользила по ней всё дальше и дальше, завязывая интрижки и связи, правда, весьма непродолжительные, например, с неким Рувиллем, дравшимся из-за неё на дуэли с ла Фертэ-Сенектером, президентом де Шеври, поэтом Клавдием Киллье, пока, наконец, не упала в объятия к всесильному герцогу Ришельё.

Кардинал любил общество хорошеньких женщин. В глубине его сада для тайных встреч была устроена беседка, куда прелестная Марион Делорм тайно пробиралась, переодетая пажом, — что чрезвычайно шло ей, — и в упоительные часы весеннего утра отвечала на горячие ласки кардинала. Когда «каприз» кардинала прошёл, он не прервал добрых отношений со своей любовницей, которая в будущем могла оказать ему немало важных услуг. Но в 1625 году произошло событие, приведшее к разрыву Марион со всесильным покровителем.

К французскому двору прибыл посланник английского короля Карла, его любимец герцог Бекингэм. Он сопровождал в Лондон невесту своего монарха, Генриетту, сестру Людовика XIII. Весь двор был поражён его обольстительной внешностью, необыкновенной щедростью, а главное — дерзким ухаживанием за королевой Анной Австрийской, чем тотчас вызвал ревность Ришельё, который был безумно влюблён в свою королеву, относившуюся к нему с насмешкой.

Однажды, гуляя в «Cours la Reine», Бекингэм увидел Делорм. Сопровождавший англичанина граф ла Фертэ, её содержатель, вызвался познакомить герцога с прекрасной дамой за 25 000 экю. Бекингэм, познакомившись с Марион, выложил сумму без сожаления: что такое деньги в сравнении с красавицей, обладание которой стоило в десять раз дороже?

Когда после ужина гости снова расположились за карточными столами, Марион увлекла Бекингэма в ярко освещённый будуар. Не успел он и глазом моргнуть, как красавица предстала перед ним в костюме Евы. Герцог замер от восхищения. Делорм могла не бояться даже солнечного света, поскольку обладала совершенным телом…

Ришельё, узнавший о том, что его бывшая любовница и тайный агент отдалась послу Карла I, отвернулся от неё, поклявшись уничтожить герцога. Кардинал сдержал обещание, и спустя три года, 23-го августа 1628 года. Бекингэм был убит.

После смерти графини Сент-Эвремон в 1635 году постоянные посетители салона, большей частью молодёжь, перебрались в дом Марион Делорм на Королевской площади. В это время она пользовалась покровительством маршала де Мейре. Но стоило ему отправиться в поход, как куртизанка сошлась с министром финансов д'Эмри, польстившись на его щедрое предложение.

Когда маршал вернулся домой, он был взбешён поведением своей любовницы и резко упрекал её в неблагодарности.

«Милый маршал, — мягко отвечала Марион, — вы там завоёвывали чужие владения, здесь завоевали ваше… Это в порядке вещей, стоит ли так сердиться?»

Дом куртизанки посещали учёные и литераторы, среди них Скюдери, Мильтон, Рене Декарт, Корнель и очень юный Поклен, сын королевского камердинера, прославившийся позднее под псевдонимом Мольер. В начале 1641 года «отец философии» Декарт привёл с собой на вечер своего земляка, прибывшего из Турени, молодого Генриха Куафье де Рюзэ маркиза д'Эффиа, более известного под именем Сен-Мар, по приказу Ришельё назначенного состоять при особе Людовика XIII, чтобы развлекать меланхоличного монарха и доносить кардиналу обо всех его словах, действиях, планах, проектах. Сен-Мар, быстро заслуживший расположение короля, который пожаловал ему звание «великого конюшего», не оправдал надежд кардинала, за что в конце концов поплатился головой.

При первой встрече Сен-Мар не понравился Марион, впрочем, как и она ему. Двадцатилетний маркиз д'Эффиа, красавец, относился ко всему свысока, что было не по душе куртизанке, привыкшей к поклонению. Эта смуглая женщина со взглядом более насмешливым, чем нежным, с немного резким тоном и манерами, привыкшая повелевать, возбуждала в нём любопытство. Но оказалось достаточно одной ничтожной искры, чтобы воспламенить эти два сердца. По странному совпадению молодого человека звали «Cinq-Mars», то есть «пятое марта», а Мария-Анна Граппэн родилась именно в этот день. Знак судьбы?

В течение целого месяца он ежедневно посещал салон. Сен-Мар был без памяти влюблён в Марион, а она его просто обожала. В течение месяца она испытывала чувства этого красавца, опасаясь, что, получив желаемое, он сразу же охладеет к ней. Фаворит Людовика XIII выдержал испытание, ибо всем сердцем любил Марион и унёс эту любовь с собой в могилу.

Делорм порвала все связи со своими друзьями и поклонниками, желая принадлежать лишь одному «обожаемому Анри». Она никуда не выходила. Питая страсть к туалетам, Марион каждый раз встречала любовника в новом наряде, и таким образом промотала почти всё отцовское состояние. В то же время она наотрез отказывалась принять от Сен-Мара хотя бы один су, внушив себе, что это будет равносильно концу их любви.

О связи «великого конюшего» говорили повсюду. Поползли нелепые слухи о тайном браке Сен-Мара с Марион Делорм. Недруги надеялись таким образом опорочить фаворита в глазах Людовика XIII и добились своего: король решил вмешаться. У маркиза не было иного выхода, как пообещать порвать с куртизанкой. Но только пообещать. Теперь он пробирался к возлюбленной ночью через сад и попадал в покои Марион с помощью верёвочной лестницы. На рассвете он возвращался домой. Но счастье их было недолгим… В 1642 году Сен-Мар сложил голову на эшафоте.

Делорм больше года провела в уединении, оплакивая свою первую и единственную любовь, пока вдруг с ужасом не обнаружила, что средства к существованию подходят к концу. Марион больше всего на свете боялась нищеты. И снова началась беспорядочная жизнь. Она продалась ростовщику, старому некрасивому еврею Натану Розельману.

Умер Ришельё, а в следующем году — Людовик XIII, на престол взошёл его малолетний сын под регентством Анны Австрийской, находившейся под влиянием кардинала Мазарини. Марион Делорм встала на сторону врагов королевы-матери и плела интриги против кардинала. Но придворная партия оказалась сильнее. Фронда была раздавлена, герцоги Кондэ, Конти и Лонгвиль были арестованы, та же участь угрожала и куртизанке, если бы не внезапная смерть, освободившая её от мести Мазарини. Она умерла в 1650 году, когда ей было всего сорок четыре. Забеременев в пятый или шестой раз, она прибегла к слишком сильному средству и простилась с жизнью. Делорм болела всего три дня, однако за это время она исповедывалась по меньшей мере десять раз, поминутно вспоминая о каком-нибудь грехе, в котором забыла признаться священнику.

Некоторые историки не могли смириться с тем, что

куртизанка так рано ушла из жизни, и подхватили легенду, в которой утверждалось, будто накануне ареста Марион Делорм, чтобы избежать Бастилии, распустила слух о своей смерти и, полюбовавшись из окна замка на собственные похороны, уехала в Англию, где вскоре вышла замуж за какого-то богатого лорда. Овдовев в 1661 году, она решила вернуться во Францию, но по дороге в Париж угодила в руки разбойников. Предводитель шайки, ослеплённый её красотой, увёз Марион в Померанию, где женился на ней. Вскоре он был убит. Делорм поселилась во Франции, в третий раз сочетавшись браком с прокурором-фискалом Франсуа Леорэном, которого пережила, как и двоих первых мужей. В 1705 году, овдовев в третий раз, 99-летняя женщина была обворована собственными слугами. Она прожила ещё 18 лет, получая при посредстве услужливого друга старые долги, которыми раньше пренебрегала. Но в 1723 году, лишившись всех источников дохода, она рискнула обратиться непосредственно к Людовику XV с просьбой выделить ей пенсию. Монарх вместе с кардиналом Флери несколько раз навещал старую женщину, видевшую его прапрадеда, и назначил ей хорошую пенсию. Марион Делорм умерла в возрасте 134 лет.

Самое удивительное, что в знаменитых «Летописях Круглого Окна» можно прочитать: «Смерть Марион Делорм, в 1741 году, за два месяца до сто тридцать пятого года её жизни, почти удивила парижан, привыкших смотреть на неё, как на незыблемый памятник, упоминая одинаково башни собора Нотр-Дам и Марион, если говорили о том, что не поддаётся разрушительному времени…»

Элизабет Тейлор (родилась в 1932 г.)

Американская актриса английского происхождения, одна из самых блистательных звёзд 1950-х и 1960-х годов. Начала карьеру с исполнения ролей юных девушек, позже стала играть серьёзные драматические роли. Снималась в фильмах «Баттерфилд, 8» (1960, премия «Оскар»), «Клеопатра» (1963), «Кто боится Вирджинии Вульф?» (1966, «Оскар») и др.

* * *

«Жить с ней всё равно, что жить с ураганом…» — говорил последний муж Тейлор, Лэрри Фортенски.

Как же вспоминают свою жизнь с Лиз другие мужья (а их было у Лиз семь)?

Муж 1 — Ник Хилтон. Ему было 24, ей 18, их брак длился 205 дней: «Мне нечего сказать».

Муж 2 — Майкл Уилдинг: «Это были лучшие дни моей жизни… Но я не могу понять, зачем таким красавицам столько косметики!»

Муж 3 — Майкл Тодд: «Мы любили маленькие вечеринки. Но лучше всего нам было вдвоём. Мы отмечали юбилей свадьбы каждую субботу».

Муж 4 — Эдди Фишер: «Элизабет была моей единственной любовью…»

Муж 5 и 6 — Ричард Бартон: «Когда-то Элизабет сказала, что наша беда в том, что мы слишком любили друг друга. Теперь я понимаю, как она была права».

Муж 7 — Джон Уорнер: «Она умная, яркая, во многом неповторимая. Она верная, любящая жена, преданная мужу на 100 % — что бы ни случилось. Но жить с ней совсем не легко».

Друзья ласково зовут её Лиз. Она очень любит красоту. У неё богатые и со вкусом обставленные дома и виллы. Местом её постоянного проживания является Беверли-Хиллз — трёхэтажный особняк, закрытый от посторонних глаз высокой оградой.

На прогулки Элизабет Тейлор выезжает в роскошных автомобилях. Наряды ей шьют величайшие модельеры, признанные асами своей профессии: канадец Ллойд Дэвид Клейн, считающийся одним из самых эффектных дамских портных,

способный из любой женщины создать «сказочное зрелище», и итальянец Валентино Гаравани, «признанный аристократ из аристократов мира» в своей профессии, как величают его постоянные клиентки — Софи Лорен, Джейн Фонда, Джина Лоллобриджида.

Появляясь на великосветских приёмах, она продолжает вызывать восхищение даже у женщин.

Красивая причёска — это фирменный знак любой женщины. Элизабет Тейлор, понимая это, обращается к услугам «легендарного Александра», владельца самого уникального салона красоты, расположенного в центре Парижа.

Элизабет Тейлор любит не просто драгоценности, а украшения, являющиеся музейной редкостью. Она их обожает. Грудь, уши, шею, пальцы рук украшают алмазы и бриллианты. Майкл Тодд подарил ей в двадцать четыре года бриллиант в 30 карат, диаметром полтора дюйма, а в придачу автомашину марки «роллс-ройс» и картины Дега… На тридцать первом году её жизни Ричард Бартон преподнёс бриллиант Круппа 23,3 карата, жемчужину «Прегрина», подаренную Марии Тюдор в 1554 году, и уникальное колье, где царствует бриллиант «Тадж-Махал»…

Но, несмотря на свою страсть к «золотым погремушкам», Элизабет легко расстаётся с ними, когда необходимо дать крупные суммы на благотворительные цели…

«Верьте мне, с бурными романами покончено навсегда». Эти красивые слова Элизабет Тейлор опрометчиво произнесла в мае 1950 года перед журналистами. Ей было восемнадцать лет, и первым мужем, приведшим юную красавицу в подвенечном платье к алтарю, стал миллионер Ник Хилтон, сын знаменитого короля не менее знаменитых отелей, выстроенных его фирмой во многих странах мира. Так Элизабет стала обладательницей большого количества акций, автомобиля марки «кадиллак», обручального кольца стоимостью в 50 тысяч долларов и уникальных норковых шуб…

«В любви нужна гармония… Как только она улетучивается, наступает охлаждение и становится довольно жёстко и неуютно. Апатия возникает от будничных впечатлений, которые наслаиваются ежедневно. Наступает момент, когда от них нужно избавляться…» — рассуждала Тейлор.

С Хилтоном она смогла выдержать всего лишь около года. Эмоции и любовь прошли быстро. Молодой, стройный и на вид скромный красавец в семейной жизни раскрылся: он был алкоголиком. А слова, сказанные ею на пороге церкви, ещё долго цитировались журналистами.

После первого развода Элизабет Тейлор в двадцать лет

влюбилась в Майкла Уилдинга, сорокалетнего английского актёра. Этот брачный союз был более прочен и продолжался пять лет — с 1952 по 1957 год. Элизабет Тейлор родила двоих сыновей. В эти годы совместной жизни с «абсолютным джентльменом» актриса интенсивно снималась в фильмах, и у неё почти не оставалось времени для семьи. Вновь наступает разрыв… — и новый брак.

«За всю свою жизнь я по-настоящему любила двоих человек: Майкла Тодда и Ричарда Бартона», — эти слова Элизабет Тейлор произносила неоднократно до встречи с Лэрри Фортенски, её последним мужем.

К глубокому сожалению, жизнь с Майклом Тоддом была у Элизабет недолгой. На третий брак судьба отпустила всего лишь полтора года — 1957–1958. Майкл, который был на двадцать пять лет старше Элизабет, трагически погиб под обломками горящего самолёта, подаренного жене и в её честь названного «Счастливая Лиз». Жестокая ирония судьбы… В память об их любви осталась девочка, также названная именем матери.

«Мы жили с такой интенсивностью, — вспоминала Элизабет, — что многим любящим парам хватило бы на целую жизнь. Я страстно любила Майкла с его порой безумными причудами…»

Майкл Тодд был крепким и уважаемым продюсером в Голливуде. Любил не только финансировать фильмы, но и устраивать пышные премьеры, созывая на «гулянку» многочисленных гостей. На этих банкетах, как писали газеты, «кроме знаменитостей, демонстрировались индийские и африканские слоны, а шампанское для гостей поставлялось цистернами…»

Элизабет Тейлор тяжело переживала трагедию. И само страшное событие, и толпы пришедших на похороны и жаждущих увидеть воочию кинозвезду в её горе вывели Элизабет Тейлор из нормального состояния.

После похорон Майкла Тодда она никого не хотела видеть и принимать, находилась в глубоком трансе. На помощь пришёл молодой певец Эдди Фишер, который был её соседом. Своим постоянным присутствием он смог вывести Элизабет Тейлор из депрессии и одиночества. А в 1959 году он стал её четвёртым мужем.

Это был очень спокойный, стеснительный, интеллигентный мужчина, без памяти влюблённый в Элизабет. Он разорвал свой брак с известной актрисой Дебби Рейнольд и с мая 1959 года стал сопровождать свою новую жену. В это время начались съёмки фильма «Клеопатра», и Тейлор добилась, чтобы ему также

платили зарплату — 1200 долларов в месяц.

Везде, где бы Эдди Фишер ни находился — в самолёте, поезде, ресторане, на улице, — он тихо напевал новую американскую песенку «Ой, мой папочка…»

Пресса, информирующая о скандалах, происходивших на съёмочной площадке фильма «Клеопатра», решила заинтересовать своих читателей взаимоотношениями между Элизабет и её мужчинами: Эдди, Джозефом Манкевичем, режиссёром, и Ричардом Бартоном, исполнителем роли Марка Антония.

В одних статьях утверждалось, что Элизабет любит Фишера, в других — Джозефа Манкевича. Ведь это она добилась, чтобы он снимал фильм «Клеопатра».

На самом деле рядом с Элизабет находился совсем другой мужчина, о котором она уже давно тайно мечтала. В его коренастой, ловко скроенной фигуре, ощущалась земная сила, во взгляде — испепеляющая страсть, в характере — несгибаемая твёрдость и эмоциональность. Элизабет Тейлор не могла оставаться равнодушной. Да, Эдди Фишер — интеллигентный муж, но его ценность заключалась только в том, что он никому не доставлял хлопот: беспрекословно ходил за женой и носил её тяжёлое норковое манто. Элизабет Тейлор высоко ценила его старания, но её тайная страсть всё росла, и в 1964 году она из любовницы стала законной женой Ричарда Бартона. Его второй женой, а он её пятым мужем…

Первая встреча с женщиной его мечты произошла у Ричарда Бартона в 1953 году в Голливуде и закончилась эротическим фиаско для «британского петуха», писал П. Штолль в журнале «Зеркало». Они встретились в компании на одной из вечеринок. С отсутствующим взглядом обворожительно прелестная Элизабет возлежала на одном из диванов, потягивая крепкий напиток и совершенно игнорируя его. Ричарду удалось поймать лишь один беглый взгляд, в то время как он делал ставку на энергичный флирт. Юная Элизабет Тейлор находила его заносчивым, дерзким. Ричард Бартон — «восходящая звезда» — был, что называется, разочарован до слёз.

Он уже тогда пользовался дурной репутацией, его считали агрессивным и вспыльчивым, парнем с действительно животной сексуальной энергией и одним из самых горьких пьяниц. Он у своего коллеги Стюарда Гранжо без особого труда отбил очаровательную и изысканную Жанну Симон, а в его апартаментах не раз видели обнажённых женщин…

Когда он начал «амурную аферу с американской мадонной» Элизабет Тейлор — суперзвездой, ему пришлось разорвать

контракт с шекспировским театром, где его законно считали единственным наследником великого Лоренса Оливье, главным исполнителем в пьесах Шекспира.

«Клеопатра» — суперфильм Голливуда — свёл Элизабет и Ричарда в 1961 году в Риме. Бартон был женат на актрисе, однако это ему не мешало уверенно и непоколебимо преследовать красивых женщин.

И на глазах у публики началось представление в духе сексуальной революции. Это было неслыханно, почти чудовищно: Бартон и Тейлор открыто нарушали супружескую верность, прелюбодействуя, «служили дьяволу». Звёзды бездумно освободили себя от лицемерия, стали символами для прорыва нового времени — эры раскрепощения сексуальности.

Когда Бартон представлял свою возлюбленную и говорил: «Моя маленькая еврейская ветреница», или «мисс бюст», то ему аплодировали и молодые, и старые, люди с консервативным мышлением и без всяких комплексов…

Ватикан был шокирован этими эротическими выходками. В конгрессе США существовало серьёзное мнение, что нужно немедленно отказать греховодникам во въездной визе.

Бартон блаженствовал: он завоевал «лучшую, красивейшую и известнейшую женщину мира».

Они оба развелись и заключили между собой новый брачный союз. Венчание состоялось в канадском городе Торонто. Они восхитительно провели свой медовый месяц.

Друзьям и покровителям Бартона всё это очень не понравилось. Из Лондона с предостережением телеграфировал Оливье: «Ты хочешь быть известным драматическим актёром или стать фирменным товаром?»

Все предостерегали Бартона относительно Тейлор, этого «чудовища», и напоминали ему, что он заключил фаустовский союз и продал свой талант за богатство и любовь…

Но Ричард и Элизабет находились в любовном опьянении, длившемся долго и ставшем достоянием средств массовой информации.

Элизабет тоже была очень активной в сексе: как и Бартон, она пользовалась дурной славой «винного клапана». Ричард называл её «океаном», так как она была «без границ»…

Супружеская пара оставалась секс-аттракционом десятилетия. В Нью-Йорке необходимо было перекрывать улицы, когда выезжала чета Бартонов: перед отелями патрулировали охранники с автоматическим оружием. Люди зачарованно смотрели на этот чувственный союз…

«Я хочу быть богатым, богатым, богатым…» — провозглашал

Ричард и постоянно увеличивал свою казну.

Элизабет купила мужу одну из оригинальных картин Ван Гога за 275 тысяч долларов. Приобрели сверкающую белизной яхту, реактивный самолёт… Он «увешал» её шикарными драгоценностями, купленными у одного римского ювелира. Ричард заявлял: «Моя божественная, тяжеловесная, невыносимая, тронная жена коллекционировала бриллианты и алмазы…»

Ричард был на шесть лет старше Элизабет. Чем же он стал для знаменитой звезды?

«Моё счастье, что я стала его женой, — откровенничала Элизабет. — Хочу быть женой Ричарда Бартона… Хочу быть его тенью. Может, мои слова вам покажутся смешными, но с ним я могу жить в пустыне и в шалаше…»

На специальных самолётах из разных стран им доставляли те продукты и напитки, которые влюблённые желали. Свободное время они проводили в экзотических странах. В общем, они ни в чём себе не отказывали.

Супруги дополняли друг друга не только в сексе, но и в творчестве. Ведь Ричард Бартон, сойдясь с Тейлор, вынужден был уехать в Америку, где его не знали, и начать сначала свою жизнь в искусстве.

Вместе с Элизабет они снялись в фильмах, которые принесли им признание: «Отель „Интернациональ“», «Кто боится Вирджинии Вульф?», «Укрощение строптивой».

С Ричардом Бартоном Лиз стала приобщаться к горячительным напиткам… Постепенно пристрастие к выпивке превратилось в длительные и порой безобразные запои. После очередной пьянки они решили разойтись…

Уже после развода Элизабет Тейлор, отвечая на вопрос: «Как вы относитесь к браку?», сказала: «В первый брак девушка обычно вступает от помрачения рассудка… И только во второй — от настоящей любви…» — «А что с третьим браком?» — «В третий — по страсти… А в четвёртый — от опытности…» — «А как же с пятым?» — «В пятый — с надеждой…» — «А в шестой?» — допытывались дотошные журналисты. Божественная Лиз удивилась: «Минуточку, вы знаете женщину, которая вступила в брак шестой раз? — спросила она и воскликнула: — Дайте мне её адрес!»

Очень скоро, через каких-то пару недель, она сама вышла замуж в шестой раз — и вновь за Ричарда Бартона. Весёлые журналисты послали ей её собственный адрес.

Элизабет и Ричард дважды разводились и дважды вступали в брак, интуитивно чувствуя, что жить и творить друг без друга им очень тяжело. Да и божественная Лиз признавалась, что

панически боится дня, когда она останется без Бартона: «Каждый день меня ждёт опасность потерять его. Он нужен мне, чтобы я была счастливой… Он является центром моей жизни…»

Первый брак Элизабет и Ричарда длился десять лет — с 1964 по 1974 год, второй — с 1975 по 1976-й.

Когда у Ричарда Бартона в так называемые «фазы самокритики» художника возникала непреодолимая меланхолия, она зачастую выливалась в необъяснимые приступы гнева, алкогольные эксцессы. «В хорошие дни, — писал он в дневнике, — проглатывал по три бутылки волки, однако на этом, естественно, вечер не заканчивался…» Ежедневный расход табака возрастал до ста сигарет. В «тихие» дни в своём доме у Женевского озера, где он хранил богатейшую библиотеку, читал романы и стихи, философские трактаты и эссе — Камю, Джойса, Бодлера.

В августе 1984 года его похоронили. Несмотря на то, что Бартон был уже мужем актрисы Сэлли Хэй, а Элизабет Тейлор женой своего очередного мужа, для неё смерть Бартона явилась ударом. Её нервная система, подточенная большим количеством спиртного, была настолько истощена, что встал вопрос о жизни и смерти…

Через несколько месяцев после похорон Ричарда Тейлор сочеталась браком с богатым и умным Джоном Уорнером.

Обаятельный стройный джентльмен с безукоризненными манерами, видный республиканец выдвинул свою кандидатуру в Сенат и в 1978 году был избран.

Знаменитый бал 1982 года, на который поздравить Элизабет Тейлор приехала вся Америка, стал для неё особенным не только по этой причине. Она последний раз публично появилась с Джоном Уорнером…

И хотя с сенатором был уговор не высказываться об их разводе в печати, Лиз не выдержала: «Быть женой сенатора совсем не легко. Существование ужасно одинокое, я бы никому не пожелала… Я действительно любила его, на самом деле любила. Я хотела быть лучшей женой на свете. Ходила на все приёмы, слушала все эти скучные речи. Но для Джона жизнь — это работа. В ней ни для кого нет места. А моя жизнь не имеет смысла — всё что мне оставалось, сидеть дома и смотреть телевизор».

Многочисленные романтические увлечения… Если верить прессе, то «голландец Генри Уайнберг судился с нею за то, что кинозвезда якобы незаконно пользовалась его любимыми духами! С мексиканским адвокатом Виктором Луна она объехала весь свет в начале 80-х годов. Киноактёр Уоррен Битти, символ секса в Голливуде, также был её мимолётным увлечением…»

Лиз была в дружеских отношениях (возможно, перераставших в кратковременные связи) с мультимиллионером Малкольмом Форбстом, актёрами Роком Хадсоном, Энтони Перкинсом и певцом Майклом Джексоном…

Удивительно бурной и не всегда счастливой была личная жизнь суперзвезды, в которой любовные приключения ежечасно соседствовали с сердечными разочарованиями…

У Лиз Тейлор четверо детей. Трое своих и один приёмный — девочка Мария родом из Германии. Она родилась в очень бедной семье и чудом после операции осталась в живых. Двое сыновей рождены от второго брака — с Майклом Уилдингом, а отцом дочери является Майкл Тодд.

«Я всегда мечтала о большой семье, — говорила актриса. — Дети самое лучшее для меня утешение в жизни. Хочу признаться, я никогда не ощущала себя лучше, чем в период, когда ждала ребёнка. Его рождение — самое таинственное и непередаваемое земное чудо. Чудо из чудес!»

Есть женщины, которые утверждают: мужчина — это ошибка природы. Элизабет Тейлор всю свою жизнь отдала им и думает совсем иначе: «Если он — настоящий мужчина, то создан для того, чтобы возбуждать нашу кровь. В своей жизни я не была обижена вниманием красивых мужчин. Они любили меня. Я отвечала им тем же…»

Из её семи мужей четверо находятся в «царстве теней». Впервые Элизабет Тейлор соприкоснулась со смертью в 1955 году, когда трагически погиб её друг Джеймс Дин, блистательный актёр, ставший после смерти «идолом» для многих поколений американцев. Тогда ей было двадцать три года…

После развода с Джоном Уорнером Элизабет Тейлор приняла решение пройти курс лечения в спецклинике Центра имени Бетти Форд.

Большая часть клиентов были молоды. В этой молодёжной толпе, лечившейся и веселившейся, она своим острым взглядом выделяет мужчину средних лет. Им оказался тридцатидевятилетний строительный рабочий Лэрри Фортенски. Элизабет Тейлор влюбилась в него.

В 1991 году Лэрри Фортенски стал мужем Элизабет Тейлор. Медовый месяц они отпраздновали на берегу Тихого океана, поселившись в скромном уютном отеле. Каждое утро Элизабет Тейлор в длинном марокканском платье, купленном после грандиозной свадьбы, состоявшейся на вилле Майкла Джексона, который стал её посажёным отцом, появлялась на пустынном пляже. Она подставляла своё нежное лицо под ласковые лучи южного калифорнийского солнца, радуясь новой жизни. Жизни

без алкоголя и наркотиков… Они питались гамбургерами, обильно политыми кетчупом…

«Рядом с Лэрри я, кажется, счастлива, как со своей первой любовью. Я нахожусь сейчас в прекрасной душевной и физической форме», — утверждала Лиз Тейлор.

Увы, разводом завершился и восьмой брак Элизабет Тейлор. Кто станет следующим избранником кинозвезды?

Феодора (500–548)

Знаменитая византийская императрица, супруга Юстиниана Великого. Молодость её отмечена многочисленными любовными похождениями. Будучи императрицей, Феодора принимала активное участие во всех государственных делах и во многом определяла внутреннюю и внешнюю политику Византии.

* * *

Судьба Феодоры необыкновенна: из куртизанки она сумела возвыситься до престола, став могущественной императрицей Византии.

Христианка по происхождению, Феодора в душе была убеждённой язычницей, культ любовных наслаждений был присущ ей настолько же, насколько чужды евангельские заветы. Она беспощадно уничтожала своих врагов и в то же время возводила церкви святым угодникам. Нежность и деспотизм, страсть и холодность, малодушие и мужество легко уживались в ней. Она то казнила, то миловала.

Будущая императрица родилась в 500 году на Кипре, подарившем мифологии Афродиту, чьей жрицей Феодора и была, пока не взошла на престол. Её отец, простолюдин Акациус, имел ещё двоих дочерей — Комиту и Анастасию. Затем семья перебралась в Византию, где отец получил место сторожа при зверинце на ипподроме. Акациус умер приблизительно около 511 года, а его вдова, сойдясь с помощником сторожа, занялась почтенным в то время и выгодным ремеслом: она сводила всех желающих со своими дочерьми, продавая ласки юных дев за несколько оболов.

Вскоре сторожу было отказано в месте, и он вместе с сожительницей оказался на улице. Бедной женщине удалось разжалобить на одном из представлений публику. В антракте девочки, облачённые в жертвенные одежды, протягивали руки, умоляя о помощи. Отчима определили на место сторожа цирка.

Старшая сестра Феодоры, красавица Комита, начала карьеру танцовщицы, появляясь в обольстительных позах в пантомимах и живых картинах. Феодора же носила табурет, на котором сестра отдыхала во время антрактов. Уже тогда Феодора ловила на себе страстные взгляды ценителей женской красоты. Вечером она прислуживала дома гостям Комиты, развивая свои порочные

инстинкты в компании развратной византийской молодёжи. Через некоторое время на публичных представлениях начала выступать и юная Феодора. Она была очень ловкой акробаткой и мимом, к тому же отличалась остроумием и находчивостью.

В 15 лет Феодора расцвела греческой красотой. Её пышные белокурые волосы вились локонами, рот с сочными пурпурными губами на матовом лице казался пламенной магнолией, а большие зеленоватые глаза, цвета морской волны и такие же изменчивые, как и она сама, манили к себе точно волшебное пение сирены. Обладая совершенным телом, Феодора появлялась на арене только в шёлковом шарфе, наподобие пояса, завязанном спереди. Феодора сожалела, что ей запрещают появляться перед публикой нагой, ведь во время репетиций она не стеснялась появляться совершенно обнажённой.

К профессии акробатки Феодора ещё до достижения брачного возраста добавила ремесло куртизанки. Сначала она занималась любовью только с коллегами, затем с рабами, ожидавшими своих господ у ворот амфитеатра. Постепенно она стала необходимой приправой роскошных ужинов, где отдавалась с удивительной лёгкостью и с одинаковой страстностью патрициям, акробатам, рабам, носильщикам, матросам… Количество её любовников исчислялось сотнями. Несколькими годами позднее весь город только и говорил о роскошном пире, где красавица, побывав в объятиях десяти молодых византийцев, отдалась в ту же ночь тридцати их рабам. Молодая куртизанка сделалась притчей во языцех всей столицы. Она расточала ласки всем желающим.

При встречах с куртизанкой на улицах прохожие отворачивались или переходили на другую сторону, чтобы не осквернить себя прикосновением к её одежде. Встреча с ней утром считалась дурным знаком. Однако вскоре случилось то, что должно было случиться: её шикарное тело в результате чудовищного разврата истощилось. Красавица вернулась на Кипр и там собиралась принести себя в жертву вечно юной Афродите.

Но тут счастливый случай свёл Феодору с префектом провинции Эсеболом, человеком вовсе не суеверным и равнодушным к общественному мнению, который, увлёкшись чарующей красотой знаменитой куртизанки, увёз её к себе домой. Феодора наслаждалась и утопала в роскоши, богатстве и удовольствиях. Эсебол, обезумевший от её ласк, забыл все свои обязанности, из-за чего очень скоро лишился должности. Он выгнал любовницу, поскольку уже не имел средств на её содержание.

Пробыв несколько месяцев фавориткой префекта провинции, Феодора, падая всё ниже и ниже, стала дешёвой проституткой.

Она вернулась в Византию, торгуя по дороге своим усталым телом. Феодора была близка к отчаянию: ей было уже 24 года, впереди — никаких перспектив.

Она поселилась в предместье у старухи-ворожеи, которая предсказала ей блестящую судьбу, но несчастная уже ни на что не надеялась. Однажды ночью ей приснилось, что она выходит замуж за самого «князя тьмы» и становится обладательницей несметных сокровищ. Сон как бы подтверждал предсказания ворожеи, которая, толкуя его, утверждала, что счастье рядом, но советовала Феодоре честным трудом искупить ошибки порочной жизни. Красавица послушно принялась ткать холст, ожидая появления «князя тьмы». Им оказался Юстиниан (483–565), впоследствии прозванный Великим, племянник императора Юстина I. В то время, когда судьба готовила ему византийский престол, фортуна поставила на его пути бывшую куртизанку.

Однажды, когда Феодора сидела за ткацким станком, перед нею, точно в сказке, появился прекрасный Юстиниан. Очарованный её красотой, снова расцветшей роскошным цветком, он тут же признался ей в любви. И, что самое удивительное, женщина, встреча с которой сулила несчастья, оказалась для него добрым гением.

В первый год связи с Феодорой Юстиниан получил консульство, а два года спустя его провозгласили наследником престола. Обретая всё большую и большую власть, будущий император выхлопотал для своей любовницы знание патрицианки. Она была допущена к императорскому двору, сенаторы и знать преклонялись перед могуществом её молодости и красоты. Однако Феодора по-прежнему была только любовницей Юстиниана. Суровая императрица Евфимия, сохранившая воспоминание о скандальном прошлом акробатки, и мать будущего императора, простая крестьянка, предостерегали его от этого рискованного шага. Кроме того, законы империи тогда запрещали гражданам, заседавшим в сенате, вступать в брак с комедиантками, их дочерьми и вообще женщинами низшего класса.

Но судьба снова покровительствовала Феодоре. Императрица Евфимия скончалась в 523 году, и Юстин I на следующий же год отменил неугодный племяннику закон. Юстиниан, несмотря на слёзы матери, по некоторым свидетельствам, умершей от горя, женился на Феодоре. Три года спустя, в Великий четверг 527 года, император, чувствуя приближение смерти, призвал супругов к своему ложу и в присутствии сената торжественно пожаловал Юстиниану и Феодоре титул «августейших». В день Святой Пасхи патриарх Епифан короновал в базилике Святой Софии

иллирийского крестьянина с бывшей проституткой, призванных на императорский трон. Духовенство, войска, народ не возмутились этой комедией и на своих плечах внесли будущих правителей Византии во дворец.

Через несколько месяцев скончался Юстин I. Юстиниан и Феодора фактически заняли престол. Феодору сразу окружили льстецы, восхвалявшие её добродетели. Она завладела всеобщими симпатиями, став символом красоты и гармонии, будучи раньше олицетворением распутства и скандала.

Византия принадлежала ей, а ведь ещё вчера она принадлежала Византии. Циркачка и куртизанка была облечена императорской властью.

Феодора была безумной вакханкой, помешанной на поцелуях, любви и наслаждениях в силу своего слишком страстного темперамента, но, став женою Юстиниана, она старалась быть достойной высокого положения, которое ей вручила судьба. Обладая огромным честолюбием и воспользовавшись добродушием мужа, Феодора быстро взяла бразды правления в свои прекрасные руки.

Четыре года прошли спокойно, но на пятый в Византии начались беспорядки, угрожавшие не только трону, но и жизни монархов. Весь город был охвачен мятежом.

Юстиниан вёл себя непоследовательно: то шёл на уступки мятежникам, то грозил им судебной карой, и тут же обещал им полное прощение… В конце концов, напуганный масштабами волнений, Юстиниан собрался бежать. Три дня корабль, нагруженный сокровищами, стоял на якоре около императорского сада.

Вот тут-то проявились хладнокровие, сила воли и авторитет Феодоры. Возмущённая трусостью мужа и нерешительностью властей, она произнесла перед сановниками пламенную речь: «Беги, самодержец, корабль готов, море свободно, но бойся, чтобы это бегство, в котором ты ищешь спасения, не превратилось в изгнание, а жизнь, которой ты так дорожишь, не окончилась бы позорной смертью!.. Мне же императорский пурпур нравится больше холщового савана!..»

Мужественное красноречие Феодоры воодушевило окружающих, воспламенило их сердца. Велизарий снова обрёл в себе гений полководца. В это время бунтовщики заняли ипподром, где решали судьбу императора. Велизарий с войсками окружил ипподром и устроил кровавую расправу. Из заговорщиков никто не ушёл. Спокойствие вскоре было восстановлено.

Юстиниан не скрывал, что во всех делал он всегда

советовался с Феодорой, а в манифестах называл её не иначе, как «благочестивейшей супругой, ниспосланной нам Господом Богом». Императрица охотно вмешивалась в супружеские дела, стараясь помирить супругов, любила устраивать браки, но не проявляла ни малейшего послабления к мужчинам, словно памятуя всё зло, которое они ей когда-то причинили. И в то же время питала жалость и сострадание к женщинам.

Испытав мытарства куртизанки, Феодора убедила Юстиниана издать множество законов в пользу женщин: закон о разводе, об усыновлении незаконнорождённых, о наказании за похищение монахинь, о надзоре за своднями, об освобождении комедианток от рабства… Она восстановила разрушенную мятежом и пожаром столицу, строила крепости, церкви, приюты, ясли, больницы и знаменитый босфорский монастырь для раскаявшихся грешниц. Порой сострадание Феодоры граничило с тиранией. Рассказывают, что несколько проституток, заключённых в монастырь, отчаявшись, бросились в море.

Феодора вела дипломатическую переписку с иностранными владыками и во многом определяла политику страны, объявляя войны и заключая мир. Это она уговорила Юстиниана начать кампанию против готтов и вандалов, прославившую царствование Юстиниана и храбрость его войск, присоединив к империи все территории, когда-то принадлежавшие Риму.

Феодора была честолюбива, жадна к богатству, как и многие люди, вышедшие из нищеты, мстительна, благодаря наветам дурной наперсницы Антонины и слишком рабской любви мужа, потакавшего всем её желаниям. Приск Пафлогонийский, личный секретарь императора, пользовавшийся его полным доверием, позволил себе относиться к августейшей Феодоре только как к супруге Юстиниана. Тогда она приказала ночью захватить чересчур запальчивого служаку и отправить его в Африку. Юстиниан сделал вид, что ничего не произошло.

Феодора пренебрегала честными людьми, бескорыстно предлагавшими ей свои услуги, и одобряла подлости. Тем не менее она была больше главою государства, чем император, лучше понимала политику, необходимую империи.

Франсуаза Атенаис де Монтеспан (1641–1707)

Фаворитка короля Людовика XIV. В связь с королём вступила в 1667 году. До 1687 года пользовалась расположением монарха. От Людовика XIV имела троих детей, впоследствии узаконенных. Её место с помощью интриг заняла де Ментенон.

* * *

О самых знаменитых куртизанках Людовика XIV Французского довольно метко сказано, что Лавальер любила его, как любовница, Ментенон — как гувернантка, а Монтеспан — как госпожа. Последняя, среди многих других, которым удалось завоевать сердце любвеобильного короля, пожалуй, представляет наибольший интерес.

Происходила она из старинного рода (её отцом был Габриэль де Рошешуар, герцог де Мортемар), как и другие знатные дамы того времени, воспитывалась в монастыре. Её мать, Диана де Грансень, старалась привить дочери принципы благочестия.

Когда в девятнадцать лет Франсуаза-Атена стала придворной дамой королевы и прибыла в Версаль, она ходила к причастию каждый день, чем внушила набожной королеве-испанке очень высокое мнение о своей добродетели. Однако в то же время она сочетала набожность со светским непостоянством и полной снисходительностью к своей особе.

В возрасте двадцати двух лет она вышла замуж за дворянина из своей провинции, маркиза де Монтеспана. Он был моложе её на год. Это был блестящий брак, который соединил родовитость, положение и могущество. Супругам была предоставлена возможность жить вместе или поблизости друг от друга.

Но маркиза де Монтеспан решила рискнуть и подняться ещё выше, когда увидела, какой роскошью окружена любовница короля Луиза де Лавальер. Считая, что во всём превосходит соперницу, маркиза сделала её мишенью своих острот и откровенно явила свою зависть во многих злобных проделках.

В скором времени старания прекрасной интриганки увенчались успехом — она была замечена Людовиком и сделала всё для того, чтобы вытравить образ спокойной и нежной Лавальер из сердца короля. И это тоже удалось ей, а что именно

она для этого предприняла, стало известно лишь значительно позднее узкому кругу её современников и самому королю…

Однако открытой связи с королём предшествовали долгие супружеские баталии. Маркиз де Монтеспан оказался весьма неуступчивым мужем. Как рассказывает мадам де Монпансье, это был необыкновенный человек, который при всех непочтительно высказывался в адрес короля, проявлявшего склонность к его супруге, устраивал ей бурные сцены и награждал пощёчинами.

Правда, и Людовик вёл себя крайне несдержанно, ссылаясь при этом на Библию, а именно на пример царя Давида. Он без обиняков заявил маркизу, что тот должен отдать ему жену, иначе Бог покарает его. Маркизу страшно злило, что муж откровенно рассказал о её проказах всем придворным: «Я стыжусь, что моя обезьяна вместе с ним развлекает чернь!»

Высказывания маркиза произвели сенсацию при дворе, и даже Людовик, при всём его властолюбии, почувствовал себя задетым и оскорблённым тем, что не осмеливается открыто преследовать человека, чья жена стала его любовницей…

Когда маркиз узнал, что его старания получить обратно жену бесполезны, а хлопоты при дворе грозят ему преследованиями со стороны тайной службы короля, он одел в траур весь свой дом, сам сел в чёрную карету, распрощавшись с родственниками, друзьями и знакомыми. Он вовремя скрылся, так как в это самое время король уже искал любой предлог, чтобы подвергнуть его судебному преследованию.

Итак, признанная всеми новая куртизанка короля с её безграничным влиянием, самовлюблённая и честолюбивая, стала надеждой и ужасом придворных, министров, генералов.

Она тотчас добилась возвышения своей родни. Само собой разумеется, её отец стал губернатором Парижа, брат — маршалом Франции.

В её салоне собирались сливки аристократии и мира искусств. Она покровительствовала Расину и Буало, добилась пенсии для старого Корнеля. Она помогала Люлли. Она знала, в чём нуждались художники и поэты. Сен-Симон со всей возможной скрупулёзностью и объективностью описывал события при дворе: «Она всегда была превосходной великосветской дамой, спесь её была равна грации и благодаря этому не так бросалась в глаза…»

Мадам де Севинье в письме к своей дочери описывала платье, подаренное одним из богатых и галантных придворных фаворитке: «Золото на золоте. Вышитое золотом, окаймлённое золотом, а всё это перевито золотом, и всё это перемешано с золотыми вещичками, а всё вместе составляет платье из необыкновенной ткани. Надо быть волшебником, чтобы создать

такое произведение, выполнять эту немыслимую работу…»

В Версале маркиза занимала на первом этаже двадцать комнат, а королева на втором — одиннадцать. Старшая статс-дама де Ноай несла шлейф маркизы, а шлейф королевы — простой паж. При выездах Монтеспан сопровождали лейб-гвардейцы. Если она отправлялась куда-либо по стране, её должны были приветствовать лично губернаторы и интенданты, а города посылали ей подношения. За её запряжённой шестёркой каретой следовала такая же с придворными дамами. Затем следовали тележки со скарбом, 7 мулов и 12 человек конного конвоя…

Такой женщине, конечно же, были необходимы и подобающие апартаменты. И она получила их. Её резиденцией стал замок в Кланьи, второй Версаль, кстати, расположенный совсем недалеко от первого. Правда, сначала Людовик велел построить в Кланьи лишь небольшой загородный дом для своей возлюбленной, но, когда маркиза увидела его, она объявила, что для какой-нибудь оперной певички его бы вполне хватило…

Маркиза родила королю семерых детей, которые по указу парламента были признаны его законными детьми: старшего сына он произвёл в герцоги Мэна и дал ему поместья и привилегии, старшую дочь он выдал замуж за герцога Бурбонского, а другую — за своего племянника, герцога Шартрского, будущего регента.

Но при этом великолепии и могуществе, при всех этих бесконечных празднествах, которые устраивались самой маркизой или устраивали в её честь, только в первые годы её влияние было несомненным. Зная непостоянство Людовика, ей следовало опасаться появления более молодой, а также более красивой и умной соперницы. Маркиза никогда и ни в чём не была уверена, она постоянно была окружена толпой врагов и завистников. Многих раздражало её высокомерие, её острый язык, за ней постоянно следили, чтобы обо всём доносить королю и таким образом спровоцировать тихий дворцовый переворот. К этому заранее велись приготовления, и всегда под рукой была какая-нибудь дамочка, заветным желанием которой было занять место фаворитки.

Любовь и страсть Людовика к маркизе длились годы. Но уже в 1672 году гордая маркиза страдала от ревности. Она пребывала, как замечала мадам де Севинье, в неописуемом состоянии духа: в течение двух недель не показывалась перед двором, писала с утра до вечера и всё рвала в клочья перед сном… И никто не сочувствовал ей, хотя делала она немало добра. Через три года, когда все тревоги как будто улеглись и Людовик к ней вернулся,

всё повторилось — и значительно серьёзнее. Людовик вдруг впал в глубокую набожность, наблюдательные люди сделали вывод — он пресытился маркизой…

Час окончательного прощания Людовика с Монтеспан ещё не наступил, так же как и окончательное воцарение Ментенон. И даже когда мадам де Людр была облагодетельствована королём, он снова вернулся к своей прежней возлюбленной и даже, похоже, с прежними чувствами.

Король и его возлюбленная в последующие месяцы были более близки и общались чаще, чем когда-либо прежде. Казалось, чувства прежних лет вернулись, все былые опасения исчезли и любой мог с уверенностью утверждать, что никогда не видел более прочного её положения.

«Мадам де Монтеспан с недавних пор всё больше покрывается бриллиантами, и стоит немало труда не отступить перед сиянием этой божественности. Их любовь, похоже, достигла наивысшей точки, кажется, она усиливается на глазах. Невиданное дело, чтобы такая страсть могла возобновиться…»

Однако, несмотря на все неожиданные и большие победы и почитание, какая-то тайная мысль терзала фаворитку, выражалось это в постоянном беспокойстве. Она всегда была страстным игроком в карты, а в 1678 году её азарт стоил ей более 100 000 экю ежедневно. В Рождество она потеряла уже 700 000 талеров, однако поставила на три карты 150 000 пистолей и отыгралась.

Ей исполнилось тридцать восемь лет, и её могла вытеснить соперница, годящаяся ей в дочери. В марте 1679 года она просила аббата Гоблена помолиться за короля, стоявшего на краю глубокой пропасти. Этой глубокой пропастью была восемнадцатилетняя мадемуазель де Фонтанж, с волосами цвета спелой ржи, огромными светло-серыми бездонными глазами, молочной кожей, розовыми щёчками. По словам современников, она вела себя как настоящая героиня из романов. Как и Людр, и Лавальер, она была придворной дамой королевы и, по свидетельству Лизелотты фон дер Пфальц, прелестна, как ангел, от кончиков пальцев ног до корней волос. Родственники послали её ко двору, чтобы она составила себе счастье как раз благодаря своей красоте.

«Неожиданно маркиза оставила двор по причине своей ревности к мадемуазель де Фонтанж», — указывал современник в своих заметках за март.

Однако Людовик любил своих подруг не так, как они хотели, а так, как ему больше нравилось. Он не разрешил ей покинуть его по её желанию. И как прежде Лавальер должна была послужить

триумфу Монтеспан, так теперь она сама должна была служить фоном для новой фаворитки. Она хотела удалиться, надеясь что, возможно, в будущем, через определённое время, король опять обратит на неё внимание.

На озарённом королём-Солнцем небосклоне всходила новая ослепительная звезда. Нежные чувства, проявляемые Людовиком к юной маркизе де Фонтанж, ни для кого уже не были секретом, и промедление грозило Монтеспан безжалостной отставкой.

Трижды она пробиралась в заброшенную церковь, чтобы возлечь нагой на холодную каменную столешницу. Перерезав во славу Асмодея и Астарота горло очередному младенцу, аббат Гибур трижды наполнял кровью колдовскую чашу, которую, согласно ритуалу чёрной магии, ставил между ног королевской любовницы, а колдовство всё не действовало.

Господство Фонтанж длилось не более двух лет. Уже в конце июня 1681 года она умерла от воспаления лёгких, осложнённого потерей крови при родах. Она умерла, убеждённая, что отравлена своей соперницей. Людовик думал так же и хотел было распорядиться произвести вскрытие, однако родственники герцогини выступили против этого. Установить истинную причину смерти не удалось. Несмотря на это, версия об отравлении получила распространение, и многие склонялись к ней.

Ещё в 1676 году, в период заигрывания короля с Субиз и Людр, Монтеспан прибегла к помощи месс прямо в жилище Монвуазен, чародейки и изготовительницы ядов. На два кресла был уложен матрац, рядом поставлены два табурета, а на них — светильники со свечами. Гибур прибыл в своём одеянии для месс и прошёл в заднюю комнату, а затем Монвуазен впустила маркизу, над телом которой он должен был служить мессу. Монтеспан пробыла у Монвуазен с одиннадцати часов вечера до полуночи. Снова был принесён в жертву ребёнок, а при заклинаниях произнесены имена Людовика де Бурбона и Монтеспан. Подробности жертвоприношения настолько ужасны, что можно было бы усомниться в их правдивости, если бы они не были ещё раз подтверждены различными свидетельскими показаниями…

В 1676 году маркиза не ограничилась только «чёрной мессой» для поддержания своего могущества, она послала двоих колдуний в Нормандию, к некоему Галле, занимавшемуся производством ядов и любовных напитков. Галле дал свой порошок. И снова маркиза ощутила волшебное могущество применённого ею средства: Людр потеряла благоволение короля, и Людовик вернулся к ней, своей прежней возлюбленной. Затем король

увлёкся молодой и прекрасной Фонтанж, и позднее во время следствия дочь Монвуазен рассказывала Ларейни, что, когда она стала старше, мать заставляла её присутствовать на читаемых для Монтеспан «чёрных мессах». Мать говорила, что в это время маркиза беспокоилась больше всего и требовала от неё помощи, а матери было очень сложно осуществить это. Можно было догадаться, что речь шла о жизни короля… У Монтеспан в самом деле была мечта — лишить жизни оставившего её любовника и его новую пассию. Сначала Монвуазен хотела пропитать порошком его одежду или то место, где он должен был сидеть, чтобы он в конце концов ослабел и умер. Однако потом она выбрала другое средство, показавшееся ей более надёжным.

Когда всё открылось, король был сражён. Его многолетняя возлюбленная, мать его детей, обожаемых им, обвинялась в ужасных преступлениях! В августе 1680 года Лувуа, желавший во что бы то ни стало спасти Монтеспан, устроил ей встречу с королём. Ментенон, наблюдавшая за ними издали, заметила, что она очень волнуется. Сначала маркиза плакала, затем засыпала всех упрёками, заявила, что всё это ложь и что она пошла на эти преступления только потому, что её любовь к королю была необъятной.

Не только Лувуа, но и Кольбер, который незадолго до этого выдал свою младшую дочь замуж за племянника Монтеспан, и даже сама Ментенон пытались смягчить судьбу когда-то всемогущей фаворитки. И прежняя возлюбленная короля не была отлучена от двора, только сменила свои огромные апартаменты на первом этаже Версаля на другие, подальше от основной резиденции короля. Теперь король посещал её и беседовал с ней в присутствии других дам…

Однако Севинье, которая, конечно, не могла заглянуть за кулисы, отмечала, что Людовик очень сурово поступил с Монтеспан. Маркиза получила королевскую пенсию в 10 000 пистолей (100 000 франков) и с тех пор уединённо проводила свои дни в Бурбоне, в Фонтрево, в своих родовых владениях в Антене, но прошло много лет, прежде чем она окончательно покорилась своей судьбе. Ей было очень трудно отказаться от блеска высшего света, в котором проходила её жизнь. Однако в конце концов маркиза решилась на это. Она посвятила себя раскаянию и искуплению. В 1691 году она поселилась в ею самой основанном монастыре Святого Иосифа и здесь, как рассказывает Сен-Симон, ежедневно каялась и пыталась искупить свои грехи.

В мае 1707 года пришёл день, которого она боялась долгие годы. Она исповедалась в присутствии слуг, попросила прощения за все свои злодеяния, получила отпущение грехов и умерла.

Король очень холодно воспринял известие о её кончине, и когда герцогиня Бургундская заметила ему это, он отвечал, что, с тех пор как изгнал маркизу, он решил больше никогда не встречаться с ней, как будто она умерла для него ещё тогда…

Мата Харри (1876–1917)

Собственное имя — Маргарета (Грета) Гертруда Зелле. Экзотическая танцовщица, знаменитая своими скандальными и сенсационными выступлениями в обнажённом виде, Мата Хари прославилась на всю Европу в начале 20-го столетия. В 1917 году была расстреляна французами за шпионаж в пользу Германии, хотя до сих пор не доказано, что она была двойным агентом.

* * *

Её отец, Адам Зелле, был богатым фабрикантом-шляпником. Когда Грете было 10 лет, умерла её мать. Потом разорился отец, и она переехала жить к своему дяде в Гаагу. В школе девочка отличалась необычайной одарённостью и способностью к наукам, но учёбу бросила, так как хотела вырваться из-под семейной опеки и начать самостоятельную жизнь.

Однажды в газете Маргарета обнаружила брачное объявление: капитан голландской армии Рудольф Мак-Леод искал себе спутницу жизни. В июле 1845 года они поженились. Два года прожили в Голландии, у них родился сын Норман. Затем семья отправилась к новому месту службы капитана Мак-Леода на остров Яву в Индонезии, которая тогда была нидерландской колонией.

Там у Маргареты родилась дочь Джин. Маргарета начала флиртовать с молодыми офицерами и плантаторами, вызывая приступы ярости у мужа, и полюбила танцы, которые исполняли танцовщицы в храмах. Мак-Леод пил, изменял Маргарете и часто бил её. Однажды он даже угрожал ей заряженным пистолетом. Существует версия, правда, недоказанная, согласно которой сын Мак-Леодов был отравлен каким-то местным солдатом, поскольку этот солдат был сильно недоволен Мак-Леодом за то, что тот соблазнил его девушку, которая была нянькой мальчика. Позже Маргарета утверждала, что лично задушила отравителя. Сделала она это, естественно, голыми руками.

Мак-Леоды вернулись в Голландию. В 1899 году они развелись, грудного ребёнка забрал себе Мак-Леод, и вскоре Маргарета, не имевшая ни средств к существованию, ни образования, в поисках счастья отправилась в Париж. Её натура искала бурной жизни, приключений, любовных романов — всё

это она рассчитывала найти во французской столице. Потом она говорила: «Мне казалось, что все женщины, которые сбежали от своих мужей, должны ехать непременно в Париж».

Она стала танцовщицей после того, как на сцене увидела номер в исполнении Айседоры Дункан. Грета решила построить свою карьеру на экзотике и эротике.

В Париже Маргарета познакомилась с Эмилем-Этьеном Гиме, владельцем музея восточного искусства. Именно в этом музее и состоялся дебют Маргареты в качестве исполнительницы восточных танцев. Выступала она практически обнажённой среди пальм, бронзовых статуэток и колонн, украшенных гирляндами.

Спустя несколько месяцев полицейский инспектор Кюрнье рапортовал своему начальству о том, что мадемуазель Зелле по прибытии в Париж для пополнения своих скудных ресурсов завела себе любовников и позировала художникам. Если с первым не возникало никаких проблем, то живописцы — в частности, известный импрессионист Гийоме — находили, что она слишком «плоская», и не желали запечатлевать её на своих полотнах. Маргарета запомнила эти слова и в дальнейшем, выступая с танцевальными номерами и став родоначальницей современного стриптиза, никогда полностью не открывала свою грудь.

К моменту своего дебюта Маргарета стала уже называть себя Мата Хари (в переводе с малайского — «глаз дня», солнце). Она придумала себе и соответствующее жизнеописание. Мата Хари утверждала, что её матерью была 14-летняя индианка, танцовщица в храме, умершая при родах. Её саму якобы воспитывали жрецы в храме, которые и научили её священным индуистским танцам, посвящённым Шиве. Она также утверждала, что впервые танцевала обнажённой ещё в 13-летнем возрасте перед алтарём индуистского храма. Внешность Маты Хари соответствовала придуманной ею легенде. Она была высокой, смуглой, с выразительными чертами лица и тёмными глазами. Выступления Маты Хари вызывали восторг и скандалы в крупных европейских городах.

Шпионские страсти, связанные с именем Маты Хари, начались в тот день, когда была объявлена Первая мировая война. В этой драматической истории многие события чрезвычайно запутаны и неясны: в ней нашлось место и для бутылочек с проявляющимися чернилами, которые ей дали немцы (а сама Мата Хари потом утверждала, что она выбросила их в реку), и для кода H-21, который был закреплён за ней как за немецким агентом, и для любовных связей Маты Хари с высокопоставленными военными и политическими деятелями. Что ею двигало: деньги? любовь? секреты?

Французская контрразведка на Мату Хари имела досье со множеством показаний, свидетельствующих о том, что она являлась немецким агентом. Неопровержимых доказательств её вины, впрочем, не существовало. У неё нашли флакончик с проявляющимися чернилами, но выяснилось, что это цианид ртути, укол которого Мата Хари делала себе, используя его как противозачаточное средство. Мэтр Клюне, один из любовников Мата Хари, выступал на суде в качестве защитника. Другой её любовник, Жюль Камбон, сотрудник министерства иностранных дел, давал на процессе показания от её имени и по её поручению. Ещё один её любовник, генерал Месими, прислал на процесс письмо, написанное его женой, в котором он просил освободить его от дачи показаний, поскольку он совершенно не знал обвиняемую. Мата Хари, услышав это, рассмеялась: «Ну да, конечно! Он меня не знает! Ну и нервы у старичка!» Весь суд захохотал, но чувство юмора не спасло Мату Хари.

Процесс над Матой Хари открылся 24 июля 1917 года. Все её попытки рассказать о том, что она служила Франции, с негодованием отвергались. «Я не виновна, — заявила Мата Хари на суде. — В какие игры играет со мной французский контршпионаж, которому я служила и инструкции которого я выполняла?» Для самой Маты Хари, наверное, самым тяжёлым разочарованием было то, что страстно любимый ею Вадим Маслов, вызванный в качестве свидетеля, в суд не явился. После этого она потеряла всякую охоту бороться за своё спасение. Да и никакая защита не повлияла бы на исход процесса. Он продолжался при закрытых дверях всего два дня и завершился приговором — расстрел.

Последнюю попытку спасти Мату Хари — или, по крайней мере, выиграть время — предпринял её бывший любовник 75-летний адвокат Эдуар Клюне, утверждавший, что она ждёт от него ребёнка. Грета Зелле поблагодарила старого друга, но отказалась от его помощи.

Мату Хари расстреляли на военном полигоне около города Венсенн.

Мата Хари охотно принимала деньги за оказываемые ею сексуальные услуги. Вместе с тем ей так нравились люди в военной форме, что она часто спала с солдатами совершенно бесплатно. С Мак-Леодом, например, она вступила в интимную связь задолго до того, как стала его женой. Позже у неё было множество любовников-военных из самых разных стран и армий, которые в то время находились в состоянии войны друг с другом. Когда секс был результатом делового соглашения с очередным партнёром, Мата Хари брала за услуги 7500 долларов за ночь.

Так, по крайней мере, утверждала она сама. Иногда Мата Хари отвечала на очередное предложение отказом. Так, она отказала одному американцу, торговцу оружием. Ей крайне не понравилось то, как он вёл себя за столом.

Первым известным любовником Маты Хари стал богатый женатый немецкий офицер Альфред Киперт. В 1906 году он поселил её в хорошей квартире, где они в течение года постоянно встречались, после чего распрощались. Мата Хари вернулась в Париж, где рассказывала всем о том, что ездила поохотиться в Египет и Индию. В 1914 году они, однако, снова были вместе. В выборе любовников претензии Маты Хари не уступали сценическим амбициям. Предпочтение она отдавала высшим военным чинам.

В 1910 году Мата Хари стала любовницей Ксавьера Руссо, богатого биржевого дельца. Она жила в замке, все расходы нёс Руссо, но сам появлялся там только в выходные. В начале недели он возвращался в Париж, где жил с женой и детьми и занимался бизнесом. Хотя их связь длилась всего несколько месяцев, его банковские дела вскоре стали приходить в упадок. Ему пришлось отказаться от аренды замка и вместе с Матой Хари переехать в Париж. До банкротства банкир не жалел на любовницу никаких средств, щедро осыпая подарками. Так, он купил ей четыре превосходные лошади чистых кровей, чтобы она могла кататься верхом в окрестном лесу. Но когда для Руссо наступили трудные времена, любовники начали ссориться. Вскоре он покинул её и закончил карьеру как жалкий торговец шампанским.

После Руссо её любовником стал Эдуард Виллен ван дер Капеллен, который, естественно, был богат и женат. Кроме того, он был и полковником голландской армии.

В отношениях с мужчинами Мата Хари славилась решительностью. Например, генерала Мессими она буквально забрасывала приглашениями и письмами, даже приезжала в дом военного министра, чтобы подружиться с его женой, с которой он впоследствии развёлся. Однажды он пытался избежать нежелательной встречи с Матой Хари в Ницце. Когда же они встретились, генерал, сославшись на срочную поездку в Париж, отклонил предложение о встрече. Ничуть не смущённая ложью, Мата Хари устроилась в его купе, словно это был её собственный дом, где Мессими и обнаружил её на следующее утро.

Самым страстным романом в жизни Маты Хари стала её связь с капитаном русской армии Вадимом Масловым, к которому она приехала в 1916 году в Виттель, французский курорт, находившийся в то время в зоне боевых действий. Он залечивал там раны, полученные в бою, а она, возможно, занималась там

шпионажем. Офицеров Мата Хари считала просто превосходными любовниками. «Они уходили с чувством радости, они никогда не говорили со мной о войне, и я никогда не задавала им нескромных вопросов. Единственный, к кому я привязалась, был Маслофф, потому что я обожала его». Когда Мату Хари арестовали, в её гостиничном номере было найдено несколько фотографий Маслова. На обратной стороне одной из них было написано: «Виттель, 1916 год. На память о самых прекрасных днях моей жизни, проведённых с моим Вадимом, которого я люблю больше всего на свете».

Маслов, правда, позже утверждал, что их отношения были обычной несерьёзной любовной связью, ничем особенно не выделявшейся среди других.

Мата Хари однажды заявила: «Я никогда не умела хорошо танцевать. Люди толпами приходили посмотреть на меня только потому, что я была первой, осмелившейся показаться перед публикой обнажённой».

Она остаётся одной из самых загадочных, мифических и обольстительных, словно Саломея, женщин, одной из тех, кто неподвластен времени.

Грейс Келли (1929–1982)

Американская актриса. Снималась в фильмах «Ровно в полдень» (1952), «Деревенская девушка» (1954, «Оскар»), «Высшее общество» (1956), в трёх фильмах А. Хичкока. Оставила карьеру в кинематографе, выйдя замуж за принца Монако Ренье III. Погибла в автокатастрофе.

* * *

Грейс была третьим ребёнком в семье трёхкратного олимпийского чемпиона по гребле Джека Келли, преуспевающего главы фирмы «Келли. Кирпичные работы», владельца трёхэтажного особняка на самой престижной Генри-Авеню в Филадельфии. Отец всегда поклонялся спорту и бизнесу, но не считал серьёзным делом театр и кино, которые избрала Грейс. В 1947 году, когда брат Келли выиграл «Королевскую регату», Грейс была принята в Американскую академию драматического искусства в Нью-Йорке — самую знаменитую частную театральную школу.

Незадолго до отъезда из родного города, будущая звезда Голливуда почти случайно лишилась девственности: она зашла к подружке, которой не оказалось дома, и очутилась в постели с её мужем.

В Нью-Йорке Грейс поселили в респектабельную «Барбизонскую гостиницу для женщин», но именно туда, словно магнитом, тянуло молодых вертопрахов. В первый же день занятий в Академии в Грейс влюбился Херби Миллер. «Моим глазам предстало ангельское создание», — вспоминал он. Они встречались в «Барбизонке», в комнате отдыха… Но они не забывали и об учёбе: вместе оттачивали мастерство, упражнялись в постановке голоса. Херби подрабатывал как манекенщик и однажды взял Грейс к своему фотографу. Тот сразу же обратил на неё внимание и сделал несколько снимков. Так фотография Грейс появилась на обложке журнала «Редбук», а потом и других. Не приложив к тому никаких усилий, она стала манекенщицей. С того времени Грейс сама стала зарабатывать на жизнь и на учёбу. Девушка, которая казалась совершенно беспомощной, умела прекрасно о себе позаботиться.

Когда Грейс в 1948 году встретила на вечеринке Алекса д'Арси, она не сказала, что готовится стать актрисой, хотя её

новый знакомый был уже актёром с именем и снялся более чем в двадцати фильмах. Он был любимцем богемы, и особенно — женщин, но, по его словам, ни разу не ложился с девушкой в постель, если она сама этого не хотела. Он был почти вдвое старше Грейс и говорил с лёгким французским акцентом. Грейс произвела на него впечатление робкой застенчивой девушки из хорошей семьи, поэтому д'Арси не решился сразу предложить ей пойти к нему. Но когда он осторожно прикоснулся в такси к её колену, девушка прямо-таки бросилась в его объятия. Эта ночь стала первой в череде их страстных ночей. Алекс вспоминал, что Грейс была очень сексуальной, нежной и страстной. Она распрощалась с ним, когда актёр уехал работать в Париж.

На второй курс академии, после строгого отбора, попали лишь самые лучшие — и Грейс в их числе. Она оказалась в группе тридцатилетнего режиссёра Дона Ричардсона, еврея, чьё настоящее имя было Мелвин Шварц. Однажды в лифте Дон заступился за Грейс, над которой подшучивали однокурсники. На улице было холодно, а режиссёр никак не мог поймать такси чихающей и замёрзшей студентке. В конце концов он пригласил её к себе домой — настолько трогательной и беспомощной она ему показалась. В холостяцкой квартире было очень холодно. «Вскоре я разжёг камин, — вспоминал Дон, — и пошёл сварить кофе. Когда я вошёл в комнату, Грейс уже ждала меня на раскладушке. Она сняла всю одежду… Я никогда не видел ничего более прекрасного».

Их роман продолжался в тайне от посторонних, ведь Дон был её преподавателем. Вот почему в академии они едва замечали друг друга, но по выходным Грейс старалась обычно улизнуть к Ричардсону, чтобы провести с ним субботнюю ночь в его убогой квартирке. Но она не только занималась любовью со своим учителем — студентка строила честолюбивые планы по поводу их совместного будущего: она мечтала о театре в Филадельфии, где Дон будет главным режиссёром, а она — ведущей актрисой. Однако Ричардсон смотрел на неё придирчивым взглядом прожжённого импресарио и понимал, что у Грейс ещё недостаточно профессионализма, чтобы реализовать себя на сцене, да и ехать в провинцию ему не хотелось. И он решил попытаться устроить карьеру своей возлюбленной здесь, в Нью-Йорке. Дон нашёл ей влиятельного театрального агента — Эдди ван Клив.

На выпускном спектакле Грейс присутствовала вся её семья, и мать сразу догадалась, что у дочки роман с кем-то из участников спектакля. Так Дону пришлось поехать с визитом в Филадельфию. Ужин в семье Келли, по словам режиссёра, стал одним из самых

чудовищных событий в его жизни. Во-первых, отец семейства, ирландский католик, ненавидел евреев. Во-вторых, бесцеремонно обыскав его вещи, родители узнали, что «жених» их дочери ещё не закончил бракоразводный процесс с первой женой. Он с позором был выставлен из благородного дома Келли, а дочери было запрещено ехать в Нью-Йорк.

Но Грейс, как одна из лучших выпускниц академии, получила роль в спектакле театра округа Бакс, блестяще с ней справившись, была приглашена для участия в спектакле на Бродвее. Родители вынуждены были отпустить её в Нью-Йорк. Здесь Грейс возобновила свидания с Доном Ричардсоном. Но семья не оставила их в покое: отец и брат постоянно донимали любовника Грейс угрозами и оскорблениями. Постепенно свидания становились всё более редкими. Наконец, Дон обнаружил, что он не единственный любовник молодой актрисы.

Клодиуса Шарля Филиппа, распорядителя банкетов знаменитого отеля «Уолдорф-Астория», трудно было назвать красавцем, но он обладал особым шармом и магнетизмом, и женщины находили его совершенно неотразимым. Сорокалетний Филипп совершенно околдовал Грейс, однако, судя по всему, влечение было взаимным. Он был из тех мужчин, к которым начинающая актриса Бродвея питала слабость. Зрелый, опытный, большой любитель пускать пыль в глаза, он вёл себя с юной женщиной как диктатор и покровитель. Он открыл для неё мир изысканных лакомств и вин, и ей хотелось с его помощью попасть в высший свет Нью-Йорка. Филипп, который порвал со своей второй женой, готов был жениться на Грейс. Но отец девушки, узнав о её новом романе, пришёл в ярость. Он и слышать не хотел о дважды разведённом муже для своей дочери, да ещё и заведовавшем банкетами. Так отец уже во второй раз помешал скоропалительному браку дочери, но она ещё некоторое время встречалась с Филиппом. Именно поэтому, проводя много времени в отеле «Уолдорф-Астория», Грейс сумела познакомиться с шахом Ирана Пехлеви, прибывшим для переговоров с президентом. Филипп представил её шаху на торжественном приёме, и Пехлеви пригласил её немного развлечься. Грейс и не подумала отказаться.

Роман симпатичной блондинки и красавца-шаха был замечен репортёрами светских хроник. Из газет мать Грейс узнала, что дочь получила в подарок от монарха несколько драгоценных вещиц. Она прилетела в Нью-Йорк и потребовала, чтобы дочь вернула подарки. Это были золотая косметичка, украшенная бриллиантами, золотой браслет с часами, тоже с бриллиантами и жемчугом, и брошь из золота в виде птички в клетке с

бриллиантовыми крылышками и сапфировыми глазками. Перед отъездом шах сделал Грейс предложение, но она отказала, правда, оставив себе на память драгоценности на сумму в десять тысяч долларов. Позже, перед своей свадьбой, она раздарила их подружкам.

На Бродвее дебют Грейс состоялся 16 ноября 1949 года, спустя четыре дня после её двадцатилетия. Юная актриса полностью оправдала надежды режиссёра, с убедительностью и шармом сыграв растерянную, несчастную дочь. Но спектакль в целом был мрачноват и быстро сошёл с подмостков. После этого Грейс долго не могла получить роль: для того чтобы успешно конкурировать на жестоком, не знающем снисхождения бродвейском рынке рабочей силы, начинающей актрисе не хватало голоса и умения подать себя. Единственное, в чём ей нельзя было отказать, — это в целеустремлённости. Она учила роль за ролью, обивала пороги продюсеров, но безуспешно. Ей не хватало выразительности, огонька, — внешне она была слишком робка и застенчива — «заторможенная», говорили агенты. Но на театре свет клином не сошёлся: телевидение быстро набирало силу. Телепостановки, начиная с 1948 года, стали регулярно выходить в эфир. Грейс играла в спектаклях Си-би-эс и Эн-би-си. Видеозапись ещё не была изобретена, спектакли шли «вживую», и у актёров не было права на ошибку. Именно на телевидении Грейс Келли прошла хорошую актёрскую школу. С 1950 по 1953 год она сыграла более чем в шестидесяти телепостановках, она буквально хваталась за каждую новую роль, выучивая реплики за пару дней. О ней вспоминают как о настоящем профессионале, кроме того, она всегда была дружелюбно настроена и поднимала всем настроение своим присутствием.

Летом она играла в театре «Элитч гарденс» на гастролях, но её агент — та самая Эдди ван Клив, с которой её познакомил Дон Ричардсон — продолжала искать для неё более престижные контракты. И однажды она вызвала Грейс в Голливуд — на пробы на главную роль в фильме с Гари Купером. До этого она снялась один раз в крохотном эпизоде в фильме, который не имел успеха. На этот раз продюсер Стенли Крамер искал на главную роль ещё никому не известную актрису, поэтому он выбрал Грейс. Она произвела впечатление скованной, боязливой и невыразительной девушки. Именно такой и должна была быть героиня фильма — жена шерифа, который в одиночку вступает в борьбу с бандой негодяев. Пятидесятилетний Гари Купер в то время остро переживал затянувшуюся размолвку с супругой. Его донимал артрит, боли в спине и язва желудка. Но, благородный и обаятельный, он словно был создан для романа с Грейс. Однако

этого не произошло.

Купер получил за эту роль «Оскара», как и композитор фильма. Блестящей была и работа оператора. Лишь Грейс была страшно недовольна собой. Она была в ужасе, посмотрев «Полдень», и поступила в класс к величайшему мэтру американского драматического искусства Мейснеру. Грейс снова училась актёрскому мастерству.

Предложенная вскоре роль в фильме «Могамбо» студии «Метро-Голдвин-Майер» (МГМ) была весьма заманчивой для Грейс. Ей предстояло сниматься со знаменитыми Кларком Гейблом и Авой Гарднер, но она должна была ради этого подписать семилетний кабальный контракт с МГМ. Грейс пошла на это и в результате оказалась на съёмках в Африке. Кларк Гейбл был на двадцать восемь лет старше Грейс Келли, и ему явно недоставало красноречия. Однако он был большой мастер хитро улыбаться в усы и без труда покорил сердце Грейс. Парочка и не думала притворяться, они почти всё время были неразлучны. Но когда труппа вернулась в Лондон, о романе прослышала мать Келли. Она прилетела к дочери, и Кларк Гейбл решил дать «отбой» молоденькой любовнице. Четырежды женатый, переживший бессчётное количество романов, Гейбл, умудрённый опытом, знал, когда нужно поставить точку.

Сразу же после съёмок в «Могамбо» великий Хичкок предложил Грейс роль в своём фильме «В случае убийства набирайте „М“». Юная актриса была единственной женщиной во всём актёрском составе. Хичкок снимал фильм для компании «Уорнер бразерс», которая вынуждена была заплатить за Грейс двадцать пять тысяч долларов студии МГМ. Однако, прежде чем сниматься у Хичкока, актриса успела поработать в телеспектакле с французским актёром Жан-Пьером Омоном, который ненадолго стал очередным её любовником. Хичкок, наблюдая за Грейс на съёмках, назвал её «заснеженным вулканом».

Озабоченная тем, чтобы всегда выглядеть респектабельно, Грейс Келли в частной жизни позволяла себе редкостное безрассудство. Когда дело доходило до секса, в ней просыпалось нечто от отцовского авантюризма, и она безоглядно отдавалась физическому и эмоциональному влечению, представлявшему собой полное противоречие тем моральным и религиозным принципам, которым искренне старалась следовать. На этот раз её роман с Реем Милландом получил широкую скандальную огласку, поскольку он был женат, и его жена имела многих влиятельных друзей. Родители бросились спасать Грейс и увезли из Голливуда. Но она тут же получила два новых заманчивых предложения и выбрала фильм Хичкока «Окно во двор». Этот

фильм стал первым, вошедшим в разряд неповторимой классики Грейс Келли, первый фильм, пронизанный ею и только ею. «Окно во двор» вызвал единогласный хор восторженных отзывов и побил все кассовые рекорды. Грейс Келли в том образе, в каком её запечатлел Хичкок, была удивительным, упоительным созданием: лёгкая, порывистая, сияющая чистотой и здоровьем.

Следующим фильмом Грейс был «Мосты у Токо-Ри», и её партнёр по съёмкам Уильям Холден в очередной раз стал её партнёром по сексу. И ещё раз Грейс попыталась выйти замуж, и в очередной раз её жениха выставил за дверь её отец. Хотя последний фильм Грейс не вызвал ажиотажа, но его постановщики Пелберг и Ситон рассчитывали на молодую звезду в своём следующем фильме «Деревенская девушка». За пятьдесят тысяч долларов студия «Парамаунт» выкупила Грейс у МГМ, и она начала сниматься в новом фильме с пятидесятилетним бывшим певцом, — а теперь пьяницей — Бингом Кросби. Он трогательно ухаживал за своей партнёршей и даже сделал ей предложение, но Грейс отказала ему.

И снова Хичкок «выкупил» Грейс для своего очередного фильма «Поймать вора», съёмки которого состоялись в Каннах. Туда же вылетел давний поклонник Грейс модельер Олег Кассини — самый утончённый, изобретательный и весёлый из кавалеров новой голливудской звезды. Он был сыном русского дворянина-эмигранта, обосновавшегося в Италии. Олег довольно долго домогался Грейс, посылая цветы, короткие весёлые письма и регулярно звоня по телефону. Наконец актриса решила, что пора вознаградить поклонника за его старания. В списке любовников Грейс Олегу Кассини должно по праву принадлежать одно из первых мест. Он резко отличался от других мужчин, встречавшихся ей прежде. Что бы он ни предпринимал, любое его действие несло на себе отпечаток мысли и изобретательности. Этот роман оказался самым долгим и самым серьёзным, а в какой-то момент — самым общепризнанным из романов Грейс.

Когда съёмки подошли к концу и приблизился день возвращения в Голливуд, Кассини сделал актрисе предложение. Она с восторгом приняла его: ей было уже двадцать четыре года. Но семья Келли в очередной раз не одобрила выбор дочери. Они выдвинули своё требование: шестимесячный испытательный срок. Грейс согласилась. Она даже не пыталась защитить свою любовь и своего возлюбленного, которого мужчины её семьи буквально унижали. Но и сам Кассини не проявил достаточно настойчивости и характера. Дело в том, что два его предыдущих брака оказались неудачными. Он не был уверен, что, поступив вопреки воле родителей невесты, сумеет сделать её счастливой.

В начале 1955 года Грейс Келли была удостоена «Оскара» за лучшую женскую роль 1954 года.

Грейс вернулась в своё бунгало в отеле «Бель-Эр» уже под утро. Она была одна, и лишь «Оскар» составлял ей компанию. Грейс поставила миниатюрную фигурку на туалетный столик, а сама забралась на кровать. Она смотрела на статуэтку, воплощавшую столько усилий, надежд и самопожертвования. Грейс никогда в жизни не чувствовала себя так одиноко.

На Каннский фестиваль 1955 года Грейс Келли пригласили в качестве главы голливудской делегации. Там же оказался её бывший любовник Жан-Пьер Омон. Они возобновили свой роман. Влажный песок, красная пыль, обеды в увитых виноградом ресторанчиках на холмах… Однажды, беседуя за ленчем с Жан-Пьером Грейс сказала, что не сможет встретиться с ним сегодня ещё раз. Ей предстояло нанести визит князю Монакскому Ренье в его дворце. Эта идея пришла фотографу «Пари матч» Пьеру Галанту: ему хотелось сделать оригинальную фотографию для обложки журнала.

Князь Монакский опаздывал. Когда же тем майским днём около четырёх часов пополудни мисс Келли наконец обменялась рукопожатием с князем Ренье III, она, несомненно, была образцом изысканности. Его Светлейшее Высочество — тридцати одного года от роду и холостой — явно пришёл в восторг от встречи с кинозвездой.

В пятницу вечером, 23 декабря 1955 года, Грейс прилетела в Нью-Йорк и, оставив вещи швейцару, отправилась на рождественскую вечеринку к друзьям. Она лучилась энергией и весельем и без умолку щебетала о своей новой картине «Лебедь». Но на протяжении всего вечера в окружении ближайших подруг и словом не обмолвилась, что через день её должен навестить в Филадельфии, у родителей, Его Светлейшее Высочество князь Ренье Монакский.

В тот рождественский день Грейс вся превратилась в комок нервов. Ренье, со своей стороны, пытался отогнать от себя мысли о том, что он устраивает отнюдь не личное, а государственное дело. Но едва переступив порог дома Келли, князь тотчас же завязал с Грейс разговор. Гостя оставили ночевать в доме по соседству, у старшей сестры Пегги, где Ренье и Грейс получили возможность побыть вдвоём, играя в карты. Когда парочка наконец вышла из соседней комнаты, оба счастливо улыбались. Оставалось только завершить формальности, и на этот раз никто из семейства Келли не воспротивился браку дочери, хотя все они были уверены, что Ренье для Грейс — практически незнакомый человек. Однако это было не совсем так. На самом деле после её

визита во дворец князя голливудская кинозвезда догадалась написать ему ещё из Канн коротенькое вежливое послание с благодарностью за гостеприимство. Так завязалась переписка, и на протяжении последних шести месяцев актриса общалась с этим противоречивым и ужасно застенчивым человеком. Ей нравилось читать его длинные письма, в которых он предстал перед ней мудрым и остроумным, обезоруживающе честным человеком.

Князь Ренье стремился избежать шумихи в прессе, но будущий тесть объяснил ему, что это невозможно. Пришлось устроить встречу для журналистов прямо в особняке Келли. 5 января дом был заполнен журналистами и фоторепортёрами. Князь выдержал эту пытку, но когда то же самое повторилось в Нью-Йорке, он держался с газетчиками натянуто и сухо. Грейс же парила на крыльях. Её помолвка развязала все сложные узлы: желание создать семью и в то же время оставаться на виду, страх потерять популярность, запутанные отношения с возлюбленными… Всё так удачно решалось для неё.

Правда, возникла ещё одна сложность: Грейс боялась предстоящего медицинского обследования. Дело в том, что врач князя должен был убедиться, что будущая княгиня Монако способна выносить наследника престола. Голливудскую звезду смущало то, что медики обнаружат, что она не девственница. Выход подсказал преданный друг Дон Ричардсон: «Скажи, что ты „порвалась“, занимаясь физкультурой в школе». И уловка удалась. Разумеется, Грейс даже и в голову не пришло, что она должна быть честной с будущим мужем. Она очень хотела этого блестящего брака и понимала, что для монарха или князя добродетель супруги была неотъемлемым требованием. Ренье поверил в образ чистой, непорочной, застенчивой звезды, и этого было достаточно. Казалось, Грейс совершенно не заботило то, что почувствует её муж, если он узнает или догадается… Она надеялась, что любовные приключения Грейс-кинозвезды постепенно забудутся и канут в Лету. К двадцати шести годам Грейс больше всего на свете хотела стать женой и матерью. На кинокарьере, по желанию жениха, она решила поставить крест.

Около десяти часов утра 12 апреля 1956 года путешествие длиной в четыре тысячи миль на океанском лайнере «Констанция» подошло к концу. Ровно в пол-одиннадцатого из гавани вынырнуло небольшое белое судно — старинная княжеская яхта. Его Светлейшее Высочество князь Ренье прибыл за своей невестой. Грейс выглядела потрясающе. На ней было длинное элегантное пальто из тёмного шёлка и круглая белая шляпка из накрахмаленного муслина, бросавшая на её лицо

загадочную тень. Из самолёта над головами Грейс и Ренье посыпался дождь из красных и белых гвоздик — подарок от Аристотеля Онассиса. Свадебная церемония должна была состояться ровно через неделю, и все семь дней были посвящены приёмам и вечерам.

18 апреля в тронном зале монакского дворца Грейс Патриция Келли прошла первую из трёх свадебных церемоний — гражданскую. Потом ритуал повторили для киносъёмок. Заключительная — религиозная — церемония в соборе должна была состояться на следующий день. В этот же день был устроен шикарный приём в дворцовом саду для всех совершеннолетних жителей княжества, которых угощали гигантским свадебным тортом. Завершилось грандиозное празднество фейерверком. День венчания ознаменовался ясным солнечным утром. Ренье был в псевдомундире, расшитом золотыми листьями, весь усыпанный орденами и медалями. Грейс была сама элегантность под облаком фаты, оборок, складок, тафты и кружев. В тот день в облике невесты было нечто мистическое, словно она пребывала в трансе.

После венчания гости были приглашены во дворец. Вскоре жених с невестой незаметно исчезли, а через час вернулись в дорожной одежде. Молодых провезли в открытой машине к гавани, они взошли на яхту Ренье и вскоре отчалили. Большую часть медового месяца они провели в плавании вокруг Корсики. Они вернулись из морского путешествия, где Грейс часто испытывала приступы тошноты, и врачи подтвердили: княгиня ждёт ребёнка.

Грейс успела почувствовать тяжёлый характер Ренье ещё во время их помолвки в Америке, однако она вовсе не ожидала, насколько вспыльчивым и несдержанным окажется князь. Полгода романтической переписки и нескольких дней рождественского веселья было недостаточно, чтобы хорошо узнать спутника жизни. Но, с другой стороны, имел ли князь достаточно верное представление о характере и натуре своей будущей жены?

В те дни, когда они ожидали своего первенца. Ренье проявил себя заботливым мужем. Грейс родила здоровую девочку весом почти четыре килограмма. По этому случаю в Монако был объявлен национальный праздник. Спустя год и два месяца Грейс обеспечила семью и страну законным наследником.

Появление в Монако Грейс Келли существенно повлияло на финансовое положение княжества. Грандиозный спектакль, каким была свадьба князя, главную роль в котором сыграла звезда Голливуда, награждённая «Оскаром», привлёк в княжество тысячи

новых туристов. Освещение в прессе помолвки и бракосочетания Ренье и Грейс, за которыми последовало регулярное подглядывание за их личной жизнью со стороны «глянцевых» журналов, — всё это было началом создания мощного современного массового рынка, которым ныне окружена каждая знаменитость.

Грейс занялась благотворительностью в первый же год в Монако, когда была беременна Каролиной. Зимой 1956 года она организовала рождественскую ёлку в княжеском дворце для детей княжества от трёх до двенадцати лет. Это стало ежегодной традицией, как и чаепитие для престарелых и инвалидов, каждого из которых княгиня Грейс лично одаривала чем-нибудь. Она открыла в Монако больницу, детский сад, навещала дома престарелых и приюты для сирот.

Собственные дети, Каролина и Альбер, были для матери источником несказанного счастья. Она их баловала и мечтала ещё иметь детей. Но у неё случилось два выкидыша, и Грейс загрустила. Она решила вернуться в кино, но газеты подняли такую шумиху, что ей пришлось отказаться от заманчивого предложения Хичкока.

Грейс великолепно справлялась с ролью княгини, она ослепительно улыбалась, была модной и исполненной достоинства, воплощением человеческой отзывчивости и доброты. Но она понимала, что возможности реализовать себя как зрелую личность у неё были крайне мизерными.

После сорока пяти Грейс начала полнеть. Дети выросли и превратились — особенно дочери — в неукротимых и независимых искательниц приключений, не признающих никакие условности. Неудачный роман старшей, Каролины, полное отсутствие стремления создать семью со стороны сына Альбера, совершенно вызывающее поведение младшей, Стефании, отдаление мужа, — вот к чему пришла в конце концов полная самоотречения и любви к ближним княгиня Монако. И тогда в её жизни появились её «плюшевые мальчики». Тридцатилетний режиссёр-документалист Роберт Дорнхельм, двадцатидевятилетний американский бизнесмен Джеффри Фитцджеральд… Неожиданно для себя самой Грейс снова вышла на сцену: она стала читать стихи. На протяжении шести лет княгиня регулярно принимала участие в поэтических чтениях. Она колесила по Европе с одного фестиваля на другой, и её везде встречали восторженно, лишь князь Ренье проявлял полное равнодушие к её выступлениям. Но её это уже не смущало. Грейс вынашивала проект собственного театра в Монако, куда хотела пригласить лучших английских актёров.

Понедельник 13 сентября 1982 года был ясным и солнечным. Шофёр Грейс стоял возле «ровера», готовый увезти мать с дочерью в Монако, однако княгиня заявила ему, что сядет за руль сама. Вообще-то она терпеть не могла ездить по этой извилистой горной дороге, да и водила автомобиль плохо, но в этот день ей нужно было поговорить со Стефанией, которая отказывалась ехать в Парижский институт моделирования модной одежды, куда Грейс с огромным трудом удалось её устроить. Но дочь решила посещать с Полем Бельмондо (сыном знаменитого актёра Жан-Поля Бельмондо) курсы вождения гоночных автомобилей.

Через десять минут, за деревней Ля-Тюрби, «ровер» Грейс не вписался в правый поворот и на огромной скорости полетел в пропасть. Стефания отделалась шоком и ушибами, а княгиня Монако Грейс была доставлена в больницу без сознания. Учитывая серьёзность черепно-мозговых травм, врачи сочли её состояние безнадёжным и спустя сутки после аварии, с позволения Ренье, отключили системы искусственного дыхания.

Эми Лайон, леди Гамильтон (1763–1815)

Известная авантюристка. Служила горничной, затем опускалась всё ниже и ниже. По счастливому стечению обстоятельств вышла замуж за Вильяма Гамильтона — английского посла в Неаполе. Будучи поверенной испанской королевы Каролины, влияла на дела королевства. Позднее её любовником стал знаменитый адмирал Нельсон. Мемуары её были опубликованы после смерти (1815). Ей приписывают изобретение танца с шалью.

* * *

Её богатую приключениями жизнь можно чётко разграничить на этапы: бедность и нищета, блеск и богатство, горе и смерть…

Судьба послала ей очень бедных родителей. Детство не было обласкано счастьем. Как и многое в её изменчивой жизни, не известны точно год и день её рождения. По всей вероятности, она родилась 26 апреля 1763 года в Честере, столице графства Чешир. Её крестили 12 мая 1765 года в церкви в Грейт-Нистоне. Вскоре после этого умер её отец. После непродолжительного замужества её мать осталась в самом бедственном положении. Ещё молодая женщина, она возвратилась со своей малышкой на родину, в Гаварден в Флинтшире. Здесь она трудилась до изнеможения, чтобы прокормить себя и ребёнка. Тяжёлой была её судьба. Но, несмотря ни на что, малышка расцвела. Она стала гордостью всего городка. Все, кто её видел, забывали о её низком происхождении. Одетая в лохмотья, она тем не менее была похожа на принцессу. Её невинное благородное личико было обрамлено каштановыми волосами и очаровывало окружающих блестящими голубыми глазами. Она часто и заразительно смеялась, так как уже понимала, как красивы её зубки в разрезе пухлых губ. Наряду с классическими формами девичьей фигуры она подкупала естественностью характера и мелодичным звуком голоса. Никакая нарочитость или искусственность не нарушала гармонии общего впечатления.

После непродолжительного обучения в местной школе — она едва умела читать, а ещё хуже — писать, Эми Лайон получила место в доме уважаемого всеми жителями местного врача Томаса.

Через три года Эми отправилась в своё первое путешествие в Лондон. Она получила место у доктора Ричарда Блада. Спустя некоторое время девушка нашла более прибыльное место — в магазине, хозяин которого, вероятно, хотел благодаря необыкновенной красоте девушки привлечь внимание к своему заведению благородных покупателей. Одной из богатых покупательниц очень понравилась миловидная продавщица, и она предложила ей место компаньонки в своём доме.

И неожиданно жизнь бедной девушки резко переменилась. Она надевала теперь элегантные платья с дорогими украшениями. Это ещё больше подчёркивало её прелесть и грацию.

В новом для неё окружении, как оказалось, царили весьма свободные нравы. Теперь было лишь вопросом времени, кто из многочисленных ловеласов первым сорвёт дорогой цветок.

Интимная жизнь девушки началась довольно банально. Побудительной причиной её вступления в лабиринт любви были, как кажется, благородные мотивы. Достаточно заурядное событие послужило поводом к первой любовной связи, которая вначале носила элементы жертвенности. В начале войны за независимость американских колоний двоюродного брата Эми забрали в армию и послали служить матросом на военный корабль. Она обратилась непосредственно к капитану корабля, будущему адмиралу Джону Виллету Пейну. Эми умоляла его отпустить юношу. Такую очаровательную просительницу капитан не мог отпустить, не выполнив её просьбы. В то же время он выдвинул встречное условие: Эми должна стать его любовницей. Родственные чувства победили. Кузена освободили. Девушка выкупила его. И интимная жизнь началась. Это было упоение сладострастия. Как капитану завидовали! Но он и не подумал о том, чтобы узаконить эти отношения. Когда кораблю пришла пора поднимать паруса, последовало короткое прощание. Любовные грёзы растаяли. Беспомощная Эми вернулась обратно.

Наступила беспросветная нужда. Ведь Эми была к тому же в положении. Обременённая всеми этими заботами, в возрасте 17 лет, она вернулась к своей матери в Гаварден. Родилась девочка, плод мимолётной любви. В возрасте пяти лет она была отдана на попечение бабушки, некоей миссис Кидд.

Однако оптимистичная Эми быстро преодолела все горестные заботы и снова отправилась в Лондон, чтобы попытать счастья. После рождения дочери она стала ещё красивее. Но теперь никто не обращал внимания на её до того общепризнанную красоту. Только забулдыги преследовали её по пятам. Доведённая до последней степени отчаяния, она была вынуждена выставить на

продажу своё тело. И в самый мрачный час её жизни вмешалось счастливое провидение.

Эми попалась на глаза одному авантюристу. Своим опытным взглядом тот оценил красоту в потрёпанной одежде. Доктор Джеймс Грехэм, «эмпирик и шоумен», знахарь и шарлатан, был вне себя от счастья. И его реклама не осталась без внимания. И дворяне, и простолюдины, и бродяги — все клюнули на многообещающие афишки чудесного доктора. Каждый своими глазами хотел увидеть богиню здоровья, полюбоваться на её прелести. Предприимчивый Грехэм заказал лучшим рисовальщикам гравюры своей «Богини». Среди них был, скорее всего, и Джордж Ромни, впервые здесь увидевший свою натурщицу, которая позже помогла ему заложить основы будущей славы.

Как долго служила Эми Лайон необыкновенному бизнесмену, точно не известно. А когда она его покинула, её судьба приняла новое, совершенно непредвиденное направление. Путь её лежал в старинный замок. «Богиня» Грехэма пробудила высшие чувства в молодом баронете сэре Гарри Фезерстоунхофе, постоянном посетителе «чудесного замка». В нескольких словах он объяснился красотке в пламенной любви. Он был внимательно выслушан, и они очень быстро пришли к согласию.

Уже почти забытый комфорт манил с волшебной силой. И Эми последовала за бароном в его родовой замок Ап-Парк в Сассексе. Для искательницы приключений началась новая, до сих пор совершенно не известная жизнь. Перед ней открывались неограниченные возможности. Она стала любовницей баронета. В ней тотчас проснулось высокомерие. Только теперь её характер предстал в обнажённом виде. К многочисленной прислуге она относилась презрительно.

А балы следовали один за другим. Огромные суммы проходили через руки прекрасной куртизанки. Богатство легкомысленного владельца замка казалось неистощимым. Но совсем скоро беззаботная жизнь закончилась, и радость улетучилась. Молодому баронету надоела легкомысленная красотка. За несколько недель она так облегчила его казну, что привела на грань разорения.

По примеру таких же повес он снял ей в глухом квартале Лондона скромную квартиру…

Ещё одна смена декораций! После комфорта и блеска — ужасающая монотонная жизнь. Произошёл разрыв. Ни одно из многочисленных писем, которые прекрасная Эми написала своему кавалеру, не было удостоено ответа. И снова жуткая нищета стояла у порога. А к тому же ещё и беременность.

Родившийся ребёнок вскоре умер.

Между тем во время этого тяжёлого испытания произошло чудо: во время недолгого пребывания в замке Ап-Парк покинутая женщина познакомилась с английским дворянином, сэром Чарльзом Гревиллем из знатного рода Варвиков. Гревилль, пламенный поклонник изящных искусств и обладатель знаменитой коллекции картин, находился в дружеских отношениях с известнейшими художниками своего времени. Он взял на себя полное содержание нищей любовницы своего друга. Теперь, чтобы скрыть свою прежнюю жизнь, она решила воспользоваться другим именем. Отныне она звалась мисс Эмили Харт.

Эмили должна была учиться хозяйничать. Кроме того, сэр Чарльз почти что по-отечески заботился о её довольно поверхностном воспитании. Её обучали иностранным языкам, музыке, пению, литературе и рисованию. Выезжали очень редко. День был заполнен до предела. Но не только одним обучением. Гревилль лелеял свою новую подружку, как ювелир редкую драгоценность.

Суровый воспитательный метод оказался успешным. Легкомысленная и сумасбродная Эмили стала прилежной, домовитой и экономной. А её мать, которая по неизвестным нам соображениям тоже изменила фамилию, образцово вела домашнее хозяйство. К числу друзей Гревилля принадлежал также Джордж Ромни. Его глаз художника выделил молодую, яркую девицу Эмили.

Почти четыре года длилась эта идиллия. За это время Эмили родила «дражайшему Гревиллю» троих детей — двоих девочек и мальчика. А жениться на своей возлюбленной Гревилль так и не решился — отчасти по соображениям экономии, отчасти из-за недостатка решительности и отсутствия одобрения со стороны своих родственников. К тому же хозяйственные расходы стали намного превышать ограниченный доход.

Летом 1784 года, в разгар тягостных раздумий — что делать дальше — в доме Гревилля появился его дядя, сэр Вильям Гамильтон, посол Двора Святого Якоба в Неаполе. Он решил провести на родине длительный отпуск. Познакомившись с прекрасной Эмили, он стал постоянно бывать в Инджвар-Роу, чтобы полюбоваться на грациозность и миловидность подружки своего племянника. В разговоре с ним он как-то признался: «Она красивее, чем что-либо, созданное природой».

Постепенно отношения Гамильтона с Эмили становились всё теплее и откровеннее. Почти всегда в послеобеденное время, бывая в Лондоне, отправлялся он на Паддингтон-Грин, чтобы

взглянуть на «прекрасную подавальщицу чая из Инджвар-Роу», как он её называл, и насладиться общением с ней.

Гревилль положительно относился к сближению дяди с Эмили. Это улучшало его отношения с ним и давало надежды на будущее наследство. Обдумав заранее все ходы, Гревилль как-то откровенно поговорил с дядей о своём тяжёлом материальном положении. Сэр Вильям помог. Но не бескорыстно. Он, в свою очередь, сделал предложение: чтобы как следует поправить бюджет племянника, он должен увезти с собой «прекрасную подавальщицу чая из Инджвар-Роу».

Прекрасная Эмили покинула Лондон в качестве любовницы Гревилля, чтобы стать любовницей сэра Вильяма. Гревилль методично следовал разработанному плану. Он замкнулся в абсолютном молчании, которое не могли пробить даже самые нежные любовные письма Эмили…

Однако постепенно Эмми прозрела. Её недоверие росло. 1 августа 1786 года она писала Гревиллю: «Я была бы значительно спокойней, если бы вернулась к тебе… Я никогда не буду его любовницей! А если ты оттолкнёшь меня, я заставлю его жениться на мне!» Но и теперь Гревилль промолчал, и в ноябре 1786 года Эмма стала любовницей сэра Вильяма.

Неаполитанское общество приняло красивую женщину с распростёртыми объятиями. Только неаполитанский двор отказался принять её. Королева Мария-Каролина, дочь Марии-Терезии, не собиралась признавать любовницу английского посла. Чтобы положить конец этому щекотливому положению, сэр Вильям решил жениться на Эмме. Это было как раз то, к чему она стремилась!

И в 1791 году чета совершила путешествие в Лондон, чтобы освятить свой брак на родине. 6 сентября 1791 года в церкви Св. Марии в Лондоне в присутствии многочисленных представителей английской знати произошло венчание. Эмма подписала брачный договор «Эмми Лайон», в то время как в объявлении о брачной церемонии была указана «мисс Эмма Харт». Что ж, теперь она стала супругой английского посла сэра Вильяма Гамильтона и в качестве таковой имела право на все знаки почтения, принятые в обществе.

Сразу после церемонии сэр Вильям получил аудиенцию у английского короля. Король сказал: «Мне сообщили, что вы собираетесь жениться, но, я надеюсь, это только слухи». «Ваше Величество, — возразил Гамильтон, — я уже обручился с мисс Эммой Харт». Королева также отклонила представление леди Гамильтон. Однако, чтобы не возвращаться в Неаполь непризнанной европейскими дворами, Эмма пошла на хитрость.

Она заставила сэра Вильяма отправиться в Париж и получить для неё аудиенцию у Марии-Антуанетты, сестры неаполитанской королевы. После этого все сословные препятствия были устранены.

Предприимчивость леди Гамильтон в сочетании с её яркой красотой помогли растопить сердце королевы Марии-Каролины. Через короткое время она уже была с королевой в «доверительных» отношениях. Наконец-то её честолюбивое стремление играть в обществе определённую роль было удовлетворено.

С тех пор как она подружилась с леди Гамильтон, которая стремилась войти в придворный круг, королева частенько устраивала весёлые вечеринки. И изысканный вкус леди Гамильтон пришёлся очень кстати. К тому же она великолепно танцевала. Благодаря её вкусу ещё и сегодня известен танец с вуалью. Танцуя тарантеллу, она была неутомима. Страстность её была такой, что в конце концов ни один партнёр не выдерживал её ритма в этом стремительном, страстном танце, и в конце танца она оставалась одна. Здесь она проявляла себя как настоящая вакханка.

Со временем она стала позволять себе слишком много, что не находило одобрения королевы и даже вело к некоторой натянутости отношений. Но Эмма была теперь супругой посла могущественной Британской империи, и никто не осмеливался возражать ей. И хотя у неё не было чёткого представления о большой политике в Европе, она всегда имела возможность о многом узнать из тайной деятельности сэра Вильяма и использовала это в своих интригах или в качестве посредницы по своему усмотрению. Она хотела господствовать в обществе и быть почитаемой как дворянством, так и простым народом в качестве высокородной дамы, влияние которой котируется очень высоко. Эмма, пожалуй, переоценивала это влияние, однако в глазах общественности оно выглядело значительным. Это окружало её персону определённым ореолом загадочности, который она старалась поддерживать всеми средствами актёрского мастерства.

Многие попались в эти сети. И нельзя с уверенностью судить о её безупречной супружеской верности. Её несколько легкомысленная манера поведения нравилась мужской половине светского общества и была причиной появления у неё тайных почитателей. Большие связи её мужа тоже были причиной домогательств некоторых людей, любителей половить рыбку в мутной воде. Именно этому обстоятельству можно приписать то, что деятельность сэра Вильяма в Неаполе стала не всегда встречать одобрение на родине…

Сентябрь 1793 года. Английский капитан Горацио Нельсон впервые прибыл в Венецию и здесь познакомился с супругой сэра Вильяма. Сопровождаемый своим пасынком Джошуа Нисбетом, он приплыл в Неаполь на корабле «Агамемнон» и передал сэру-Гамильтону послание английского правительства. Сэр Вильям широко распахнул перед ним двери своего дома и представил его королеве Марии-Каролине, встретившей гостя с распростёртыми объятиями. Она не стала скрывать своей ненависти к Франции, что полностью совпадало с политикой британских властей…

На Нельсона Эмма произвела самое благоприятное впечатление, и он написал своей жене: «Леди Гамильтон очень благосклонна к Джошуа. Это очень любезная молодая дама, которая с честью несёт своё тяжёлое бремя».

А у леди Гамильтон теперь была только одна мысль: любым способом заставить своё имя зазвучать рядом с именем Нельсона. Адмирал должен стать её другом! И она не успокоится, пока не добьётся своего. С помощью его победоносного блеска, его всемирной славы она хотела удовлетворить своё ненасытное честолюбие, вознестись ещё выше!

Ей и в голову не приходило, что она может разрушить счастливый брак Нельсона. И по представлению Нельсона тщеславная женщина была в 1799 году награждена Великим Магистром Мальтийского Ордена русским императором Павлом I крестом за «Особые заслуги»…

Прямо на глазах её супруга отношения Эммы с Нельсоном становились всё интимнее. Она уже забыла, что за всё должна благодарить сэра Вильяма. Теперь она и не думала о своих обязанностях. Ей хотелось погреться в лучах чужой славы. Её эгоизм и болезненное тщеславие на всех этапах побеждали любые проявления благородных чувств…

Летом 1800 года сэр Вильям Гамильтон оставил свой пост и в сопровождении Нельсона и своей супруги через Вену, Дрезден и Гамбург возвратился на родину. Здесь победоносный герой морей был встречен с небывалым почётом и отмечен многими наградами. Во время официальных торжеств Эмма не отходила от него. Она присутствовала рядом с ним на всех приёмах, несмотря на явное осуждение жены Нельсона и её родни, а также общественности. Она просто перенесла место действия своих спектаклей из Неаполя в Лондон. Она ещё не хотела уходить со сцены.

Славный герой морей в руках этой женщины превратился в тряпку. Он полностью попал под её влияние, а она получила возможность безгранично руководить его поступками и даже злоупотреблять этим.

Но прославленная красотка понимала, что годы её уходят. Поэтому она всё сильнее оплетала своими сетями Нельсона. Эмма вдруг стала холодна с ним, а потом окончательно привязала его к себе: 29 января 1801 года она родила девочку, плод их любви. Нельсон с наилучшими чувствами признал своё отцовство. Ребёнок, рождённый в абсолютной тайне 13 мая 1803 года, при крещении в церкви Св. Марии получил имя Горации Нельсон-Томпсон.

6 апреля 1803 года умер сэр Вильям Гамильтон. В последние шесть предсмертных ночей Нельсон постоянно был с ним. И сэр Вильям умер в убеждении, что Нельсона с Эммой связывает только искренняя дружба. От него скрыли факт рождения ребёнка, который носил имя Нельсона. До последней минуты умирающий почитал Нельсона как добродетельнейшего человека.

В день смерти своего мужа леди Эмма написала в свойственной ей театральной манере: «6 апреля — несчастливый день для осиротевшей Эммы. В 10 часов 10 минут утра верный сэр Вильям навсегда покинул меня!»

Одних этих строк вполне хватило бы, чтобы нарисовать портрет типичной легкомысленной женщины.

Начался последний этап её полной приключений жизни. Теперь она всему миру была известна как любовница известного героя Горацио Нельсона!

В мае 1803 года Нельсон отправился в длительное плавание по Средиземному морю. Он оставил свою любовницу в мрачном настроении. Эмма, которая постепенно теряла прежнее очарование, воспользовалась этим, чтобы рассеять своё одиночество. Она жила то в Лондоне, то в Мертон-Плейс, как и прежде — на широкую ногу: давала балы и, как много лет назад в Ап-Парке, пускала деньги на ветер, на всякую ерунду и бесконечные наряды, на чрезмерную роскошь и пышные приёмы. В то же время это не мешало ей засыпать своими прошениями парламент, чтобы ей, несчастной вдове заслуженного посла сэра Вильяма Гамильтона, пожаловали пожизненную пенсию. Её не привели в чувство даже холодные отказы. Ей не хватило довольно значительных сумм, которые получала по завещанию. Она делала долги за долгами. И скоро дом в Мертон-Плейс был так заложен и перезаложен, что ей больше не принадлежало ни одного кирпича…

20 августа 1805 года Нельсон наконец-то возвратился в Мертон-Плейс из своего долгого путешествия. У него было только одно желание — найти покой и порадоваться жизни с Эммой и маленькой Горацией. Но всего через две недели появился капитан Лэквуд. Адмиралтейство спрашивало Нельсона, готов ли он

принять командование над всем английским флотом и тотчас отправиться по назначению.

И храбрец Нельсон уехал, чтобы больше никогда не вернуться… Через несколько недель, 21 октября 1805 года, он пал в знаменитой битве при Трафальгаре, разгромив французский флот.

Своей любовнице он оставил значительные средства. После смерти Нельсона она располагала ежегодным доходом в 50 000 марок на себя, свою старую мать и дочь, и это не считая недвижимости. Вскоре она продала Мертон-Плейс и приобрела новую виллу в Ричмонде. Однако Эмма продолжала тратить немыслимые суммы и вскоре совершенно разорилась. Она не знала меры в роскоши, к тому же начала пить и играть в карты. От её прежней элегантности и красоты ничего не осталось. Её тело стало тучным и потеряло прежние формы. С блеском и славой тоже было покончено.

Только однажды пробился луч света. Старый герцог Куинсберри вдруг открыл так долго скрываемую симпатию к когда-то прославленной женщине и пригласил её к себе в Ричмонд, где подарил ей дом, который, впрочем, тоже вскоре пошёл с молотка. Она надеялась на богатое наследство после смерти благодетеля. И вот герцог умер.

Вскрытие завещания принесло горькое разочарование. Кроме не имеющих ценности украшений, она получила ничтожную сумму, которая в её руках быстро растаяла. Теперь все источники помощи были исчерпаны. Кредиторы больше не давали отсрочки. И летом 1813 года супруга благородного знатного посла сэра Вильяма Гамильтона, любовница знаменитого английского героя морей лорда Нельсона отправилась в долговую тюрьму. Кингс-Бенч стал прибежищем когда-то гордой леди. Здесь она провела около десяти месяцев.

Весной или летом 1814 года адвокату Джошуа Джонатану Смиту удалось добиться её освобождения под залог и помочь ей бежать во Францию, в Кале.

Жизнь великой куртизанки закончилась в горе и нужде. В Кале она прожила всего несколько месяцев в ужасающей нищете. 15 января 1815 года леди Гамильтон умерла от водянки. Могила её неизвестна.

Екатерина I Алексеевна (Скавронская Марта Самуиловна) (1684–1727)

Императрица всероссийская с 1725 по 1727 год. Пётр Великий встретил её в 1705 году и больше с ней не расставался. У Петра и Екатерины были две дочери — Анна и Елизавета. В 1711 году сопровождала государя в Прутском походе и своими советами оказала Петру и России неоценимую услугу. Брак между ними был заключён в 1712 году, тогда Пётр узаконил обеих дочерей. После смерти Петра была возведена на престол А. Д. Меншиковым, который фактически был правителем страны.

* * *

Марта, дочь литовского крестьянина, принадлежала к римско-католической церкви. (Начиная с Анны Монс Пётр отдавал предпочтение женщинам-иноземкам, которые в обхождении с мужчинами были менее чопорны и застенчивы.) Мать её, овдовев, переселилась в Лифляндию, где вскоре умерла. Судьбою сироты занялась её тётка, которая отдала её в услужение пастору Дауту. Марта приняла лютеранство. Вскоре она поступила к суперинтенданту Глюку. На семнадцатом году жизни Марта обручилась со шведским драгуном Раабе, который накануне свадьбы отбыл на войну. При взятии Мариенбурга к ней воспылал любовью сначала генерал Боур, затем Шереметев, и, наконец, ею завладел фаворит Петра I Меншиков.

В 1705 году Пётр, будучи в гостях у своего любимца Александра Даниловича Меншикова, увидал девушку, которая наружностью своею, но ещё более бойкими движениями и остроумными ответами на вопросы царя обратила на себя его внимание. На вопрос, кто она, Меншиков отвечал, что это одна из мариенбургских пленниц, а когда Пётр потребовал подробностей, рассказал, что при взятии Мариенбурга русскими войсками 25 августа 1702 года в числе пленных оказался Глюк, у которого эта девушка находилась в услужении.

Двадцатилетняя красавица в том же 1705 году была перевезена из дома Меншикова к Петру Алексеевичу во дворец.

Марта приняла православие, её нарекли Екатериной Василевской. 27 января 1708 года новая связь государя закрепилась рождением дочери.

Положение мариенбургской пленницы упрочилось в кругу лиц, близких к Петру, народ же и солдаты выразили недовольство связью цари с безвестною красавицей. «Неудобь сказываемые» толки катились по Москве.

«Она с князем Меншиковым его величество кореньем обвела», — говорили старые солдаты.

«Катеринушка» действительно словно «кореньем обвела» Петра. В разгаре борьбы своей с Карлом, полагая жизнь свою в опасности, государь не забыл её и назначил выдать ей с дочерью 3000 рублей — сумма значительная в то время, особенно для бережливого Петра.

Любовь выражалась не в одних посылках цитрусовых да бутылок с венгерским — она выказывалась в постоянных заботах государя о любимой женщине: забывая первенца-сына и его воспитание, решительно изгладив из своей памяти образы злополучной первой супруги и первой метрессы Анны Монс, Пётр как зеницу ока хранил вторую и более счастливую фаворитку.

Суровый деспот, человек с железным характером, смотревший спокойно на истязание родного сына, Пётр в своих отношениях к Катерине был неузнаваем: посылал к ней письмо за письмом, одно другого нежнее, и каждое — полное любви и предупредительной заботливости, замечает историк Семевский.

Пётр тосковал без неё. «Горазда без вас скучаю», — писал он ей из Вильно; а потому, что «ошить и обмыть некому…» «Для Бога ради приезжайте скорей, — приглашал государь „матку“ в Петербург в день собственного приезда. — А ежели зачем невозможно скоро быть, отпишите, понеже не без печали мне в том, что не слышу, не вижу вас…» «Хочется мне с тобою видеться, а тебе, чаю, гораздо больше для того, что я в двадцать семь лет был, а ты в сорок два не была…»

Приглашения приезжать «скорее, чтоб не скучно было», сожаления о разлуке, желания доброго здоровья и скорого свидания пестрили чуть не в каждой цидульке сорокадвухлетнего царя.

Чем поддерживала «Катеринушка» такую страсть в Петре, что приносила с собой в семейный быт деятельного государя?

С нею являлось веселье: она, кстати, и ловко могла потешить своего супруга. Более всего подкупала его страстность Екатерины. Он любил её сначала как простую фаворитку, которая нравится, без которой скучно, но которую он не затруднился бы и оставить, как оставлял многочисленных и малоизвестных «метресс»; но, с

течением времени, он полюбил её как женщину, тонко освоившуюся с его характером, ловко применившуюся к его привычкам.

Лишённая не только всякого образования, но даже безграмотная, она до такой степени умела являть пред мужем горе к его горю, радость к его радости и вообще интерес к его нуждам и заботам, что Пётр постоянно находил, что жена его умна, и не без удовольствия делился с нею разными политическими новостями, размышлениями о происшествиях настоящих и будущих.

Эта безграмотная и необразованная женщина, впрочем, с самого начала знала, чего хотела. Именно она после смерти мужа оказалась на троне.

Со всем тем Екатерина была верной исполнительницей желаний мужа и угодницей его страстей и привычек.

В 1712 году Пётр, не решавшийся долго преступать обычая своих предков, открыто объявил Екатерину своею второю, Богом данною женою. Дочерей, родившихся от неё, — Анну и Елизавету, — признал царевнами. А в мае 1724 года он короновал её.

Страстная Марта частенько оказывалась слабой рабой своих чувств, которые переполняли её. Кроме Петра, она одаривала горячими ласками и своего благодетеля Меншикова. Знал ли государь, что в последние двадцать лет своей жизни он плясал под дудочку этой пары, этих «сановных особ». Вероятно, нет.

Сердце Марты было крайне любвеобильно, и она рассыпала дары этого сокровища на все стороны, не обращая внимания на звания и происхождение. Не храня верности Петру, она сама прощала его любовные увлечения.

При дворе её появлялись красавицы, приглянувшиеся Петру. Желая угодить властелину и своему «хозяину». Екатерина тепло принимала своих соперниц, более или менее опасных, особенно в первое время. Среди них — генеральша Авдотья Ивановна Чернышёва, которую Пётр называл «Авдотья бой-баба», славившаяся удивительной красотой княгиня Марья Юрьевна Черкасская, Головкина, Измайлова… Список этот можно дополнить именами Анны Крамер. Марии Матвеевой, княгини Кантемир… Авдотья Чернышёва по словам Вильбоа, беспорядочным поведением своим имела вредное влияние на здоровье Петра. Наиболее опасной соперницей была камер-фрейлина Гамильтон. Когда страсть Петра к жене сменилась чувством глубокой привязанности, Екатерина стала благоволить к своему новому придворному Виллиму Монсу, старшему брату Анны Монс. Вскоре она так привязалась к нему, что

внимательные царедворцы начали заискивать перед фаворитом и оказывать ему знаки внимания. Пётр узнал о связи Екатерины с Монсом лишь в 1724 году. Получив донос и проведя расследование, Пётр был взбешён. Вскоре Монсу было предъявлено обвинение во взяточничестве, а 16 ноября 1724 года, на Троицкой площади, в десять часов утра, Виллиму Монсу отрубили голову. Екатерина была в тот день очень весела. Вечером, в день казни её фаворита, Пётр прокатил царицу в коляске мимо того столба, на который была посажена голова Монса. Государыня, опустив глаза, произнесла: «Как грустно, что у придворных столько испорченностей».

Пётр скончался через два с половиной месяца. Екатерина без строгой опеки предавалась разгулу все ночи напролёт со своими избранниками, сменявшимися каждую ночь: Левенвольдом, Девиером, графом Сапегой… Её царствование продолжалось всего шестнадцать месяцев, впрочем, настоящими правителями были Меншиков и другие временщики.

Лукреция Борджа (1480–1519)

Дочь папы римского Александра VI и сестра Цезаря Борджа. Была послушным орудием в их политической игре. Славилась необыкновенной красотой. Женщина развращённая и жестокая, она тем не менее не без основания слыла покровительницей литературы и искусства, особенно когда была замужем за герцогом Феррары Альфонсом д'Эсте.

* * *

Отец Лукреции, испанский дворянин Родриго Ленцуоли Борджа, впоследствии папа Александр VI, тщеславный и жадный к славе и богатству, проживая у себя на родине в Валенсии, ещё юношей сошёлся с молодой вдовой Еленой Ваноцци, подозреваемой в убийстве мужа, заставшего её в объятиях любовника. Елена имела двоих дочерей: старшую, очень некрасивую, имя которой неизвестно, и младшую — Розу, красавицу, знавшую о преступлении матери, но до поры до времени хранившую тайну, выжидая момент, чтобы отомстить за смерть обожаемого отца… С каждым годом она становилась всё прекраснее. Наконец, увлечённый её красотой, Борджа потребовал, чтобы Роза отдалась ему. Девушка, ничуть не смущённая этим требованием, ответила загадочно: «До тех пор, пока жива моя мать, я не могу отдаться тебе». И на следующий день Елена Ваноцци скоропостижно скончалась, отравленная любовником. Младшую её дочь постригли в монахини, а старшая отдалась Родриго.

В течение семи лет любовники наслаждались безмятежным счастьем, пока в 1455 году кардинал Альфонсо Борджа, дядя Родриго, не занял папский престол под именем Каликста III и не потребовал его к своему двору. Родриго отправился в Рим, оставив любовницу в Валенсии. Через некоторое время он получил звание кардинала и перевёз Розу в Венецию, где она одарила покровителя тремя сыновьями — Франческо, Цезарем и Джованни — и дочерью Лукрецией.

Получив прекрасное образование, Лукреция уже в одиннадцать лет осознала силу своей красоты и в совершенстве освоила искусство кокетства. Её родители с восторгом глядели на очаровательную девочку, мечтая со временем воспользоваться её красотой для достижения корыстных целей.

Во время одного из пиров, внимание Лукреции привлёк красивый юноша Марчелло Кандиано. Но на следующий пир Марчелло не пришёл: при выходе из дворца Ваноцци он пал от рук неизвестного убийцы. Лукреция только вздохнула и уже вовсю кокетничала с феррарским дворянином Николо Дальберджетти, чуть ли не вдвое старше убитого Кандиано, но зато и вдвое богаче его. Этот поклонник, умудрённый опытом, действовал весьма напористо и в одну из следующих ночей прокрался в покои Лукреции, но шум в соседней комнате вынудил его ретироваться. На улице несостоявшийся любовник получил смертельный улар кинжалом от незнакомца. Кто же был этот хладнокровный убийца, охранявший целомудрие юной дивы?

После ухода Дальберджетти девушка быстро разделась, села у открытого окна, мысленно возвращаясь к сцене, окончания которой жаждала юным трепещущим телом. Вдруг кто-то обнял её… Обернувшись, она увидела родного брата Цезаря и попыталась вырваться. Юноша пал на колени и признался в любви к сестре, а также в убийстве двоих её воздыхателей. Он ждал ответа. Другая девушка на месте Лукреции предпочла бы смерть занятию любовью с родным братом, но дочь Розы Ваноцци оказалась менее щепетильной. Цезарь был красив, умён, ловок, а узы крови ничего не говорили её сердцу. Лукреция уже отдавалась его ласкам, как вдруг в комнату вошёл старший брат — Франческо, стоявший за дверью. Выяснилось, что братья мечтали об одном и том же. В эту ночь они возненавидели друг друга, что не мешало им делить ласки любвеобильной сестры. От этой связи у Лукреции родилась дочь, которую Роза Ваноцци поспешила передать на воспитание крестьянам, жившим в окрестностях Вероны, а затем, чтобы избежать нового скандала, упросила Родриго отправить Цезаря в пизанский, а Франческо в падуанский университеты, подальше от соблазнительной сестры.

Сам же Родриго перебрался в Рим, где стал хлопотать о браке обесчещенной дочери. Лукреция после родов расцвела неземной красотой, и взоры сладострастного шестидесятилетнего кардинала всё чаще стали останавливаться на дочери, он видел в ней только женщину. Он превратился в самого нежного обожателя, осыпая подарками развратную девушку и исполняя её малейшие прихоти и капризы. Лукреция расточала ласки отцу, как настоящая куртизанка, оценивая их количеством и ценностью подношений. В 1492 году Родриго, чтобы соблюсти хоть видимость приличий, обвенчал дочь с арагонским дворянином доном Эстебаном, единственным достоинством которого была молодость.

В этом же году произошло событие, вознёсшее семью Борджа

на невиданную высоту. 25 июля после продолжительной болезни скончался Иннокентий VIII, и 12 августа на папский престол взошёл Родриго под именем Александра VI.

Первым делом он позаботился о детях. Франческо получил герцогство Гандийское, Цезарь — Валентинуа, о Джованни, вследствие его малолетства, пока не думали. Новый папа проявил особую заботу о дочери-любовнице. Быстро покончив при помощи знаменитого «яда Борджа» с доном Эстебаном, который явно не подходил на роль мужа дочери Александра VI, Родриго выдал Лукрецию замуж за Джованни Сфорца, владетеля Пезаро, внука Александра Сфорца, брата миланского герцога Франческо Великого.

Присутствующие на свадьбе Франческо и Цезарь полагали, что Лукреция сама захотела выйти замуж. Цезарь напомнил сестре, что убьёт каждого, кто захочет обладать ею. Двухлетняя разлука не охладила его страсти. Питала ли Лукреция ко второму мужу нежные чувства или просто захотела избавиться от него, но она в таких мрачных красках описала мужу готовящееся на него покушение, что Джованни Сфорца счёл за благо бежать и больше никогда не возвращаться в семью, где отравления и убийства были обыденным явлением.

Оставшись «соломенной вдовой», 15-летняя Лукреция, получая огромные средства от отца, жила совершенно свободно в собственном дворце, на улице дель-Пеллегрино. Всё самое дорогое, роскошное было собрано там, каждая безделушка являлась шедевром. Она наверняка разорила бы отца, если бы тот не имел сокровищ, добываемых конфискацией имущества при помощи яда или кинжала.

Однажды вечером Цезарь, возобновивший близкие отношения с сестрой, направился в её покои и был неприятно поражён, застав там Франческо. Оказалось, Лукреция ждала любовника, и братья отказались покидать комнату сестры, пока не узнают, кто их таинственный соперник. И тут на пороге появился их отец…

Лукреция отдавала предпочтение старшему брату, на которого заглядывались все женщины. Для удовлетворения своей похоти в июне 1497 года Лукреция объявила о своём желании отправиться в монастырь Св. Сикста, чтобы постом и воздержанием искупить свои грехи. Однако Цезарь, снедаемый ревностью, велел установить за старшим братом слежку, и вскоре ему донесли, что Франческо ежедневно тайно посещает монастырь. Цезарь жестоко отомстил брату. Он убил его и бросил труп в Тибр, а сам уехал в Неаполь.

Убийство как громом поразило семью Борджа, никто не сомневался, кто был убийцей. Александр VI пролил искренние

слёзы над трупом герцога Гандийского, смерть которого разрушила многие папские планы. Трое суток он провёл в уединении, отказываясь от пищи и никого не принимая. Лукреция покинула монастырь и поспешила утешить отца. На четвёртые сутки отец разрешил вернуться Цезарю в Рим и не только простил его, но и передал ему все права и имущество герцога Гандийского. Это странное трио в течение одиннадцати лет господствовало на папском троне. Только Роза Ваноцци не простила убийцу своего первенца.

Необходимость породниться в политических целях с арагонской династией, царствовавшей в Неаполе, заставила папу обратить внимание на семнадцатилетнего Альфонса, герцога Бишельи, побочного сына короля Альфонса II, арагонского. И Александр VI добился своего: герцог Бишельи безумно влюбился в распутную женщину. В сентябре отец развёл Лукрецию со сбежавшим Джованни Сфорца под предлогом неспособности того выполнять супружеские обязанности, и повенчал её с юным Альфонсом, который недолго наслаждался супружеским счастьем, так как правитель отправил его с важном миссией в Неаполь, где продержал два года. По брачному договору Лукреция стала правительницей Сполетто и получала в пожизненное владение город Сермонетто со всеми угодьями.

Владея состоянием, которому могла бы позавидовать любая принцесса, Лукреция поселилась в Ватикане, в великолепных апартаментах, окружённая роскошью. Днём она развлекалась охотой, боем быков и соревнованиями по бегу среди женщин, ночью давала балы, маскарады и пиры в присутствии «его святейшества» папы. Чтобы поддержать эту неслыханную роскошь, требовалось много золота. Семейка нашла выход: приглашённые на вечера знатные вельможи, выпив кубок вина, преподнесённый прекрасной Лукрецией, умирали, не успев даже встать из-за пиршественного стола, или же Цезарь убивал жертву кинжалом. Имущество вельмож конфисковывалось Александром VI.

11 ноября 1499 года папа распорядился привести во двор Ватикана двух кобыл, а затем пустить к ним четырёх жеребцов. Вместе с Лукрецией он с неподдельным восторгом следил за совокуплением животных.

В это время Лукреция приобрела неограниченное влияние на Александра VI. Она давала аудиенции кардиналам, принимала участие во всех политических и церковных делах, вскрывала отцовскую переписку, подписывала приказы, наказывала и награждала.

Осенью Лукреция обратила внимание на красивого миланца

Фабрицио Бальони. Молодой человек, кроме здравого смысла, не имевший никаких богатств, думал, что ничем не рискует, отвечая на любезности Лукреции. В течение недели он пользовался её расположением, не встречая ни малейших препятствий. Но ревнивый Цезарь потребовал расстаться с любовником, сестра, вспылив, окружила Фабрицио слугами. Тем не менее ревнивец снова взял верх, угостив соперника отравленной долькой апельсина, и красавец юноша через час скончался. Лукреция несколько дней дулась на брата, но празднества, устроенные по случаю приезда её супруга, заставили её забыть о печали.

Вступив в союз с королём Франции, Карлом VIII, семье Борджа пришлось нарушить дружественные отношения с неаполитанской династией, а значит, муж Лукреции уже был не нужен. 2 января 1500 года на лестнице храма Св. Петра четверо людей в масках напали и смертельно ранили герцога Бишельи. Целый месяц Лукреция ухаживала и охраняла мужа. Цезарь, навестив однажды больного, произнёс роковые слова: «Что не успели сделать за обедом, можно окончить за ужином». Через несколько дней герцог Бишельи был задушен в своей постели.

После третьего вдовства Лукреция родила мальчика. От кого? В одной булле, хранящейся в моденском архиве, Александр VI признал ребёнка сыном Цезаря, в другой — своим собственным.

Прошёл год со дня смерти Бишельи, и Лукреция сочеталась браком с четвёртым супругом, Альфонсом д'Эсте, герцогом Феррарским, вместе с которым уехала в свои владения. Удалившись от безумных оргий двора, она вела в Ферраре скромный образ жизни, окружив себя блестящим двором, художниками, учёными и поэтами, щедро поощряя искусства. Последним её любовником был известный поэт Пьетро Бембо, которого, если судить по сохранившимся письмам, она очень любила. В числе её поклонников был и знаменитый Лудовико Ариосто, посвятивший дочери Александра VI октаву в XIII песне «Неистового Роланда». Наивные восторги поэта, однако, не могли обелить запятнанной репутации Лукреции.

После смерти Александра VI (1503), Розы Ваноцци (1504) и Цезаря (1507) Лукреция вспомнила о дочери. Она разыскала семью Маццителли и спросила о девочке Джулии, которую девятнадцать лет назад отдали им на воспитание. Крестьяне с грустью сообщили ей, что воспитанница умерла в прошлый четверг, в 9 часов вечера. Это был как раз тот день и час, когда мать впервые вспомнила о дочери…

Личность Лукреции давно привлекает историков, поэтов, художников. В драме «Лукреция Борджа» Виктор Гюго создал образ контрастный: «Ну а что такое „Лукреция Борджа“?

Представьте нравственное уродство, самое отвратительное, самое отталкивающее, самое полное, поместите его там, где оно будет выделяться всего сильнее, — в сердце женщины, наделённой всеми дарами физической красоты и царственного величия… и прибавьте ко всему этому нравственному уродству чувство чистое, какое только женщина может испытывать — материнское чувство».

Александр Дюма придерживался такого мнения: «Распутница по складу ума, нечестивица по темпераменту и честолюбивая по расчёту, она всегда страстно желала удовольствий, дифирамбов, почестей, золота, драгоценных камней, шелков и роскошных дворцов. Испанка, несмотря на белокурые волосы, куртизанка, несмотря на невинную внешность, Лукреция обладала головкой Рафаэлевой Мадонны и душою Мессалины. Она была дорога Родриго и как дочь, и как любовница — в ней, как в волшебном зеркале, он видел отражение собственных страстей и пороков».

Изабелла Баварская (1371–1435)

Французская королева, дочь герцога Стефана III Ингольштадтского, в 1385 году была помолвлена с королём Франции Карлом VI. Когда последний впал в безумие, Изабелла предалась распутной жизни. С 1402 года, при поддержке своего любовника герцога Людовика Орлеанского и брата Людовика Баварского, стала принимать участие в политических интригах.

* * *

Узнав, что у герцога Этьенна Баварского есть восхитительная четырнадцатилетняя дочь Изабо, Филипп Смелый обратился с просьбой выдать её замуж за короля Франции.

Карлу VI было тогда семнадцать. Он был наделён чуть ли не болезненной чувственностью, которая похожа была на сексуальную одержимость, по поводу которой так сокрушались церковники. Поэтому у него так засияли глаза, когда ему описали красивую германскую принцессу.

14 июля нарядно одетая Изабо приехала в Амьен, и её сразу привели к королю. Фруассар захватывающе описал эту встречу и вспыхнувшую с первого взгляда любовь Карла к Изабо. «Когда она, смущаясь, подошла к нему и отвесила низкий поклон, король бережно взял её под руку и нежно посмотрел ей в глаза. Он почувствовал, что она ему очень приятна и что его сердце наполняется любовью к этой молодой и красивой девушке. Он мечтал лишь об одном: чтобы она стала скорее его женой».

Свадьба состоялась 17 июля в соборе в Амьене. Всё так поспешно произошло, что у большинства придворных дам не хватило времени на то, чтобы роскошно приодеться, как это было принято при подобных церемониях. И даже у Изабо Баварской не было свадебного платья.

Тем не менее празднества прошли роскошно. В епископском дворце состоялся пышный банкет, где прислуживали графы и бароны. Карл VI, стремившийся уже в течение трёх дней познать радости любви, увлёк молодую супругу к себе в спальню.

После свадьбы молодые супруги обосновались в замке Ботесюр-Марн, который Карл VI выбрал своей постоянной резиденцией.

Изабо, с одной стороны, взволновала интриганов, с другой — доставила молодому государю полное сексуальное

удовлетворение. И то, что ему подобным образом удалось обуздать свои чувства, было для него весьма полезно. Он стал рассудительным, им овладела большая жажда действий. И это позволило ему наконец заняться государственными делами.

Однажды утром после обычных ночных забав, в которых он выглядел превосходным мужчиной, опьянённый собственной гордостью, он поднялся с постели полный честолюбивых идей. Карл решил возобновить военные действия против Англии…

Через несколько дней он отбыл во Фландрию на смотр своего флота…

Изабо осталась в Боте одна…

Эта страстная принцесса, уже привыкшая к любовным развлечениям, почувствовала, что одиночество тяготит её. И, устав вглядываться в даль, ожидая, не появится ли на горизонте Карл, она решила присмотреться к мужчинам, окружавшим её. Первым, на которого она обратила внимание, был хорошо сложённый, очень обходительный молодой человек. Его звали Буа-Бурдон.

В этого красивого вельможу и влюбилась Изабо. Ей было лишь пятнадцать лет, но она быстро принимала решения. На следующую ночь после объяснений она стала любовницей Буа-Бурдона. После нескольких дней близости молодой фаворит не только покорил властолюбивую Изабо, но и ознакомил её с интригами в Боте, а также подкинул ей несколько коварных советов.

Королева без малейшего колебания согласилась участвовать в дворцовых интригах и откровенно призналась, что готова использовать любое средство, чтобы добиться своего возвышения.

Она начала обдумывать план борьбы за престол. На глазах изумлённого Буа-Бурдона молодая государыня превратилась в коварного политика. Она хладнокровно предложила варианты устранения троих регентов, которые могли воспрепятствовать её возвышению. Затем Изабо решила, что необходимо добиться более тесных связей с герцогом Туреньским, братом короля, — красивым, пылким и страстным молодым человеком. Ему исполнилось пятнадцать лет, но выглядел он на все восемнадцать. Он уже имел некоторый опыт в любовных делах.

Молодой герцог Туреньский, поняв, что от него требовалось, постарался доказать своей восхитительной королеве, что он мастер, как тогда говорили, в деле «посадки своего генеалогического древа». Они провели настолько бурную ночь, что Изабо, покорённая пылким молодым человеком, вся отдалась сладострастию и совсем забыла о политических планах, которые заставили её избрать брата короля своим любовником.

Изабо не сразу решила избавиться от регентов. Не желая ускорять события, она терпеливо ждала, когда время начнёт работать на неё. А пока королева продолжала развлекаться.

Как раз в то время Изабо создала в Венсенне очень непристойный «салон любви», где царил ужасный разврат. В отсутствие короля проводились своеобразные празднества с переодеванием. Кто-то переодевался в птицу (с перьями, приклеенными к телу), кто-то — в рыбку или просто являлся в костюмах Адама и Евы. Эти вакханалии с обильными возлияниями длились целыми ночами. Молодая и страстная королева неоднократно сама принимала в них участие…

Подобные развлечения способы были изнурить любую женщину самого крепкого здоровья. Они были, безусловно, рассчитаны для удовлетворения чувственной Изабо, самой сильной и уверенной в себе женщины Франции.

Иногда она находила в себе силы покинуть эти буйные сборища, чтобы вновь участвовать в политических интригах и начать беспощадную борьбу с мешавшими ей регентами.

Внебрачные связи не мешали королеве проявить себя доброй и страстной супругой. За первые два года замужества у неё родились сын и дочь, за что Карл VI был ей признателен.

Король был с ней так же нежен, как и в первые дни их совместной жизни. Хотя Карл часто увлекался и ухаживал за хорошенькими фрейлинами, он всё же заботился и о своей жене, без конца преподнося ей великолепные подарки.

Король решил организовать карательный поход против герцога Бретани, у которого скрывался маркиз де Краон. Увы! Во время этого похода страшное горе потрясло Францию.

Карл VI проявлял весьма сильную нервозность. Его неоднократно видели, «делающим жесты, недостойные Его Величества Короля», его выводил из себя крик ребёнка или шум открываемой двери.

Изабо решила воспользоваться его болезненным состоянием и добиться, чтобы короля Франции признали сумасшедшим. В дороге с королём должен был произойти инцидент, все детали которого она тщательно предусмотрела и который внушил бы королю такой страх, что никакой врач никогда бы не смог его вылечить.

Герцог Туреньский знал о плане в мельчайших подробностях, поскольку миссия возлагалась на него. И план этот чуть было не удался. С королём действительно случился припадок, во время которого Карл VI убил четырёх человек.

Королева тотчас придала событию большую огласку, дабы вынудить Карла VI отказаться от престола. «На престол нужно

возвести герцога Туреньского», — говорила всем Изабо. Однако опекуны Карла VI не собирались отдавать бразды правления, ссылаясь на малолетство Людовика.

В конце августа по приказу своих опекунов Карл VI был доставлен в замок города Крей.

15 июня 1394 года у бедного государя произошёл рецидив болезни, и, как сообщает летописец, «его разум стал очень неповоротливым».

Изабо покинула резиденцию Сен-Поль и обосновалась со своим любовником, герцогом Туреньским, в особняке в Барбетте, который она приобрела.

В то время как король Франции в своих грязных лохмотьях слонялся по коридорам Сен-Поля, Изабо вела очень приятную жизнь в своей резиденции в Барбетте. Однако пышные празднества и бурные ночи не заставили её забыть о властолюбивых планах. Узнав о том, что болезнь Карла VI стала отступать, она его навестила, нежно с ним поговорила и согласилась даже разделить ложе, несмотря на отвратительно грязную простыню. Обнимаясь с ним, она внушила королю мысль об увеличении владений для герцога Туреньского за счёт отделения от королевских владений герцогства Орлеанского. Король дал согласие, и его брат стал герцогом Орлеанским.

Связь королевы и герцога Орлеанского, так возмутившая народ, вызвала ещё большее негодование у вельмож, которые хотели воспользоваться болезнью Карла VI для того, чтобы добиться желанных титулов и привилегий. Среди них самым недовольным был Иоанн Бесстрашный, герцог Бургундии, кузен короля. Королева терпеть не могла этого карьериста, мешавшего осуществлению её планов. Но потом она поняла, что герцог Бургундии был храбрым, хитрым, коварным, циничным и развратным. С таким любовником и союзником она могла быть уверенной в достижении целей и решила заменить Людовика (который, впрочем, начинал ей уже надоедать) на герцога Бургундского. Но ей предстояла нелёгкая задача — обольстить этого грозного молодого человека. И Изабо это удалось.

Однажды тёмной ночью герцог Орлеанский был убит. Разразился ужасный скандал. Вскоре всему городу стало известно, что герцог был убит по приказу своего кузена. Иоанну Бесстрашному чудом удалось бежать из Парижа.

В конце концов королевство оказалось разделённым на два лагеря: одни поддерживали герцога Бургундского, другие были на стороне герцогини Орлеанской. А в это время английский король готовился к вооружённым действиям.

Первое сражение этой междоусобной войны, которая длилась

двадцать шесть лет и разрушила королевство, состоялось при Азенкуре 25 октября 1415 года. В нём были убиты тридцать тысяч человек, кавалерия полностью уничтожена, герцог Орлеанский и герцог де Бурбон попали в плен.

Несмотря на разразившуюся в стране трагедию, королева не желала изменять своим привычкам и принялась организовывать празднества, о которых все летописцы сообщают с негодованием.

Иногда ей в голову приходили просто непристойные идеи. Например, она любила с несколькими фрейлинами, переодевшись в проституток, ходить по улицам Парижа, «удовлетворяя похотливые желания» профессоров университета…

После тайного расследования было установлено, что вдохновителем всех интриг и фаворитом был Буа-Бурдон. Король приговорил его к смертной казни.

Через несколько дней после казни Буа-Бурдона дофин Карл вместе с коннетаблем д'Арманьяком отдал приказ об аресте королевы, и её отправили под надёжной охраной сначала в Блуа, потом в Тур.

Там она влачила весьма тягостное существование.

Ей удалось вырваться оттуда с помощью герцога Бургундского. Но вскоре Иоанн Бесстрашный погиб при попытке переворота. После гибели любовника Изабо ещё больше возненавидела своего сына, 16-летнего дофина Карла. Она распустила слухи о том, что он незаконнорождённый, и в результате её сын Карл VII был лишён наследства.

Действительно, королева глубоко скорбела о гибели своего любовника. Она оплакивала не просто любовника, а своего последнего любовника. Ей было уже пятьдесят лет, за несколько месяцев она невероятно располнела. Изабо прекрасно понимала, что не было никаких шансов заманить в свою постель красивых молодых страстных кавалеров.

Выдвинув против сына обвинение в убийстве Иоанна Бесстрашного в то время, когда бургундская группировка была самой значительной во Франции, она была уверена, что ей удастся поднять против дофина почти всё королевство.

В то время как дофин пытался в Пуатье собрать всех своих сторонников, Изабо приехала в Париж для того, чтобы завязать ещё более близкие отношения с Филиппом Бургундским, сыном своего любовника.

В другое время она, несомненно, стала бы его любовницей, что и делала всегда, чтобы подчинить себе мужчину и приобрести союзника. Но она прекрасно понимала, что уже не годится для этого. И тогда Изабо выдала за Филиппа свою дочь Мишель, очаровательную блондинку с голубыми глазами и гибким станом.

Герцог Бургундский сразу влюбился в эту прекрасную особу и с радостью на ней женился. Он уделял ей много внимания. А Изабо радовалась их браку. Но вскоре старая королева заметила, что Мишель, чьё влияние на Филиппа возрастало с каждым днём, питала нежные чувства и к своему брату дофину. Изабо боялась, как бы дочь не попыталась примирить двоих мужчин и тем самым не нарушила её планы.

Она отдала приказ, и через три дня прелестная герцогиня Бургундская умерла от отравления… Горе Филиппа было безутешным. Подозревал ли он о чём-то? Неизвестно. Но, во всяком случае, его отношение к королеве с этого дня резко изменилось.

Едва похоронили Мишель, как у английского короля, на помощь которого рассчитывала Изабо, внезапно начались сильные боли, от которых он скончался.

А через два месяца, 21 октября 1422 года, в резиденции Сен-Поль, отдал Богу больную душу Карл VI.

В это же время в Пуатье её сын, который, как считала Изабо, был окончательно отстранён от престола, был коронован своими приверженцами под именем Карла VII. Королевство официально было разделено на две части. В одной из них правил французский король, отвергнутый своей матерью; в другой от имени иностранного младенца — регент…

Гражданская война между арманьяками и бургиньонами разгорелась с новой силой.

Именно Изабо подала англичанам идею сжечь Жанну д'Арк, которую она ненавидела за помощь её сыну Карлу VII. После смерти Орлеанской Девственницы был коронован девятилетний Генрих VI, внук Изабо. Она всё ещё мечтала править во Франции и Англии. Но её планы потерпели крах — был заключён мирный договор между Генрихом VI и Карлом VII.

На этот раз Изабо признала себя побеждённой. Старая королева провела последние дни в Сен-Поле в нищете и полном забвении.

30 сентября 1435 года Изабо испустила дух. Ей было шестьдесят четыре года.

Брижит Бардо (родилась в 1934 г.)

Французская киноактриса. Признанный секс-символ 1950–1960-х годов. Снималась в фильмах «…И Бог создал женщину» (1956), «Бабетта идёт на войну» (1959), «Истина» (1960), «Частная жизнь» (1962), «Медведь и кукла» (1969) и др.

* * *

Как и история Франции, женская жизнь Бардо делится на периоды мужского царствования: это было при Роже Вадиме, это — при Жане-Луи Трентиньяне, вот это — при Жильбере Беко, а то — при Жаке Шарье… В юности она часто влюбляется в партнёров по фильмам. Со временем её мужчины становятся всё моложе, а род их занятий — всё невнятней. Некоторые уж очень смахивают на альфонсов.

После мучительного романа с Жильбером Беко она поклялась никогда больше не влюбляться в женатого. От мужчины она требовала полной отдачи. В свою очередь, сама Бардо готова была отдаться без остатка. «Это была безумная любовь, любовь, о которой мечтают, любовь, которая сохранилась в нашей памяти и в памяти других. С этого дня, с этой ночи, с этой минуты никто другой, никакой мужчина не мог больше на меня рассчитывать. Он был моей любовью, он возвращал мне жизнь, он снова сделал меня красивой, я была его музой», — писала она о Серже Гинзбурге. Своё непостоянство она объяснила с прелестным женским лукавством: «Лучше каждый раз отдавать себя на время, чем одалживать себя на всю жизнь». Мужчины, поглощённые собой, ей не нравятся. Например Ален Делон: «Он интересовался только тем, как освещали его лицо и знаменитые голубые глаза, а вовсе не своей партнёршей. Конечно, Ален красив. Но комод в стиле Людовика XVI в моей гостиной тоже красив».

Между мужчинами Брижит не делает паузы, одна любовная история неизменно накладывается на другую, и схема до смешного одинакова: взаимный удар грома, невозможность сопротивляться новой страсти, водевильный треугольник, слёзы. Как женщина, рождённая под знаком Весов, она каждый раз колеблется и оттягивает разрыв, пытаясь примирить двоих, потом долго оплакивает побеждённого в объятиях победителя: «Я запуталась во вранье, я чувствовала себя ужасно, но я хотела видеть Беко, не потеряв при этом Жана Луи Трентиньяна. Я

никогда не могла легко порвать с мужчиной, потому что боялась потерять синицу в руках ради журавля в небе. Чем более виноватой перед мужчиной я себя чувствую, тем больше внимания к нему проявляю. Чтобы Жан Луи не испытывал никакого беспокойства, я купила ему мечту всей его жизни — спортивный „Остин“, который, к сожалению, был цвета зелёного яблока — цвета надежды!» Цвет надежды не спас Трентиньяна, заставшего Брижит в объятиях Жильбера Беко. Но Бардо и тут обескураживающе трогательна: «Что сказать? Что делать? Лгать? Опять лгать?»

С каждым новым любовником связана новая боль, но без мужчин она не мыслит своей жизни. Брижит панически боится одиночества: «Моя индивидуальность, моя воля, моя сила — ничто, если я оказываюсь наедине с собой». Она уверяет, что только любовь к мужчине и любовь мужчины делают её красивой: «Без любви я сдуваюсь, как воздушный шарик». Она боится показаться любовнику без косметики, ложится в постель, не смывая туши для ресниц, и просыпается с чёрными пятнами на лице.

Рождение сына Николя было связано с мучительной болью. Никакого счастья юная Бардо не ощутила. Она всю жизнь испытывала страх перед материнством, который портил ей самозабвенные занятия любовью. («Мне достаточно увидеть, как мужчина раздевается, чтобы забеременеть».)

Мужчины слишком часто причиняли ей боль. К словам Бардо: «Собака приносит боль, лишь когда умирает», — кто-то отнёсся иронично, сочтя её страсть к животным ловким предлогом, чтобы поддерживать интерес к себе. Кому-то всё это казалось невыносимо сентиментальным. Кто-то считал, что такая любовь к четвероногим — оборотная сторона нелюбви к людям.

Несмотря на многочисленных любовников и на богемный образ жизни, Бардо в глубине души навсегда осталась девочкой из буржуазной семьи. Она свято верит в брак, причём её завораживает символика обряда. Она с трудом переносит путешествия и перелёты, её утомляют огромные города, которые отменили смену времён года, она мечтает о жизни на природе, о большой и красивой любви с большим и красивым мужчиной в большом и красивом доме… Кумир богемы, она ненавидит богемную жизнь.

Фильм Роже Вадима «И Бог создал женщину» вывел её в звёзды международной величины — в Америке по кассовому сбору он превзошёл нашумевшие «10 заповедей». Этот фильм «сделал» Брижит Бардо. В том же году по результатам опроса общественного мнения в 47 случаях из ста разговоры французов

были посвящены ей, и только в 41 случае — вопросам политики. В 1957 году она развелась с Вадимом, человеком, которому приписывали открытие новой кинозвезды.

Никто из её мужчин не задерживался надолго. Сначала она отвергала их. Потом начали бросать её. Вечером того дня, когда Брижит исполнилось 49, её нашли плывущей в море в состоянии наркотического опьянения. Это была её третья попытка самоубийства. Должно быть, смерть казалась ей более привлекательной, чем жить в забвении.

«После этого я жила в одиночестве семь лет, — говорила она. — Я — человек, не созданный для одиночества и не умеющий переносить одиночество. Но я ни о чём не жалею. Жалеть не о чем. Я всегда сама делала свой выбор. Всегда».

В детстве, сбитая с толку буржуазными устремлениями своих родителей, — её отец был влиятельным бизнесменом, мать — несостоявшейся актрисой, — она без оглядки бросилась в руки первого подвернувшегося мужчины. Всё банально, но ей было всего 15 лет. У неё никогда не было особых амбиций: «Я была никем и хотела немного известности, немного денег. Я никогда не желала того, что со мною стало, всё это превзошло мои ожидания и желания». Брижит могла бы сделать многое. Скажем, стать танцовщицей — в 13 она была одной из восьми девочек, отобранных из 130 кандидаток и принятых в Национальную консерваторию музыки и танцев в Париже. Через несколько лет ей встретился Роже Вадим. И однажды, когда родителей не было дома, она засунула голову в газовую духовку, угрожая покончить самоубийством, если не заполучит его.

И она получила, что хотела. Через три месяца после того, как ей исполнилось 18, они поженились. Брижит сейчас называет этот поступок протестом, объясняя его во многом той строгой обстановкой, в которой она росла. «Мои родители были чудесными людьми, но не такими, с которыми дети находятся в тесном контакте. Они были очень строги. Я и моя сестра воспитывались гувернантками. В детстве я была немного застенчивым, неуверенным в себе ребёнком и боялась своих родителей. Они были такими людьми, с которыми гораздо легче общаться, будучи взрослым».

Поэтому неудивительно, что вынужденная быстро повзрослеть, она большую часть жизни прожила с таким чувством, что всё ещё остаётся ребёнком. «Я взяла с собой многое из моего детства. Я по-прежнему не уверена в себе и всегда считала себя некрасивой. Правда, смешно?»

Вадим, без сомнения, должен был как-то учитывать такие особенности, но, когда он перестал это делать (или это перестало

у него получаться), она затеяла страстный роман с артистом Жаном-Луи Трентиньяном прямо на глазах у мужа. И когда Жан-Луи предпочёл остаться со своей женой и двумя детьми, Брижит быстро переключилась на Сашу Дистеля, малоизвестного певца, которому связь с Бардо помогла быстро сделать карьеру. А когда Дистель решил продолжить её в Америке, Брижит нашла себе Жака Шарье, ещё одного молодого актёра, ставшего её вторым мужем. После двух нервных расстройств, двух попыток самоубийства с его стороны и серьёзной попытки самоубийства с её стороны, брак распался. Он длился четыре года, и от него родился ребёнок.

Так оно и продолжалось. Брижит всегда была окружена множеством любовников, но при этом никогда не была частью любовного романа. «Я люблю свободно и ухожу свободно», — говорила она.

Однако это не значит, что её никогда не бросали. Она была любящей, но не возлюбленной, соблазняющей, но не соблазнённой. «Всю свою жизнь я искала любви. Это единственное, что имеет смысл в жизни, это единственная отрада. И каждый раз я пыталась поверить, что нашла любовь. И когда я люблю, я отдаю всё. Нельзя отдавать не всю любовь, а только её часть. Всегда отдаёшь или всё или ничего. И каждый раз я доходила до самого конца. Но сейчас всё кончено, всё кончено. Конец».

Она никогда не относилась к мужчинам хорошо, но впоследствии почувствовала, что и к ней относятся не лучшим образом. «Я думаю, что мужчины обожали меня, когда я была знаменита, за мой образ, за то, что я была Брижит Бардо. Но меня, саму мою сущность? Я не думаю, что они любили меня». Она говорила, что для неё ничего не значило, когда полмира сходило из-за неё с ума. «Весь мир или никто — это одно и то же, — считает Брижит. — Неужели вы думаете, что когда ночью лежишь в постели одна, тебе одиноко и у тебя проблемы, то мысль о том, что тебя любит полмира, может утешить? Полмира — это ничто. Что мне нужно — это один человек, который любит меня больше всего на свете. Я требую всё или ничего».

Возможно, она никогда и не нуждалась в любви. Это звучит странно, но судить об этом её сыну. Без сомнения, её сын Николя Шарье заслуживал её любви. Но, когда Брижит развелась с его отцом в 1963 году, право опекунства над трёхлетним сыном получил Жак. Тогда писали, что Бардо заявила о своей неспособности воспитывать сына, так как сама ещё по натуре ребёнок, и мальчик рос у тёти со стороны отца.

«Он просил, чтобы я не говорила о нём, и я должна считаться

с этим, — сказала она. — Он всегда очень страдал от того, что был сыном Брижит Бардо. Сейчас он достиг равновесия в своей жизни и не хочет иметь ничего, связанного с моей известностью. Он счастлив в браке, у него семья, и он ведёт тихую жизнь. Две его дочки прелестны, очаровательны, восхитительны, но, к сожалению, я редко с ними вижусь. Они живут за границей и не говорят по-французски».

Гюнтер Сакс — её третий муж — был просто создан для жизни с Бардо. Он был красив, как она. Очень богат, как она. Кроме того, он, как и она, был искушённым соблазнителем. Он вёл отчасти традиционную игру, но играл так, чтобы победить: посылал корзины цветов в Ла Мадраг, а когда решил, что ей можно надоесть, нанял вертолёт и буквально обрушил цветочный дождь на её сад.

В 1966 году после 7-недельного знакомства они поженились в Лас-Вегасе. В возбуждении Брижит забыла сообщить об этом событии своего любовнику — бразильскому бизнесмену Бобу Загури, с которым у неё была связь на протяжении трёх лет. Утверждают, что Боб воспринял это известие такими словами: «Хорошенькая шутка! А я-то думал, что она ходит по магазинам в Париже!»

Брижит и Сакс никогда не жили вместе. Сакс не хотел переезжать в Ла Мадраг, а у неё по каким-то причинам никогда не было ключей от его квартиры. Он отказывался сопровождать её, и она не ездила с ним в его деловые поездки. Брижит старалась, чтобы у них всё получилось. Но, откровенно говоря, она никогда не прилагала к этому больших усилий. «Когда я выходила замуж за плейбоя, я знала, что мы не будем жить в дальнем уголке моего сада вместе с моими свиньями и овцами. Но я думала: „Посмотрим. Может быть, всё получится“. Он почти не уступал мне в богатстве и известности. Нам обоим было за 30. Думалось, что мы хорошая пара. Но в конце концов всё вышло не так. Двух лет было достаточно».

Ей всегда казалось, что она чужая в мире вещей. По словам Брижит, вещи для неё — мёртвые объекты. «Я не создана для этого мира. Я дикое животное». Видимо, она была слишком «дикой» для Сакса. Супруги развелись в 1969 году из-за того, что она «подрывала устои брака». Наверное, так оно и было.

Свадьба Брижит Бардо с бизнесменом Бернаром д'Ормалем, близким другом Ле Пена, состоялась внезапно, в августе 1992 года. «Прошлого для меня не существует, — говорила Бардо. — Я живу одним днём. Единственное, что имеет для меня значение, — это то, что я делаю сию минуту. Я живу настоящим моментом. Кино для меня ничего не значит. Я его не помню. Мой первый

муж меня ничуть не волнует. Единственный, кто для меня существует, это человек, за которым я сейчас замужем. Бернар — человек, который близок мне, который меня успокаивает. И, когда я волнуюсь, он утешает меня. Можно сказать, что моя жизнь началась после встречи с ним. Всё остальное — это как бы другое бытие в другой жизни. Проходит молодость, проходит красота, но, если женщина отвечает на эту любовь, она прекрасна, несмотря на годы».

Фредегунда (ок. 540/545–597)

Королева нейстрийских франков, олицетворение кровожадных страстей и грубых пороков франкского общества VI века. Красивая, чувственная, честолюбивая, она мечтала о наслаждении, славе, власти и поставила целью подчинить себе легкомысленного и развращённого короля. До самой смерти предавалась любовным приключениям, но твёрдо отстаивала права малолетнего сына Хлотаря II.

* * *

В VI веке сыновья Хлотаря I разделили свои владения на три королевства: Парижское (Нейстрия) принадлежало Хильперику, Менское (Австралия) — Сигберту, Отен (Бургундия) — Гонтрану. Все три государя завидовали друг другу. Каждый из братьев мечтал завладеть чужими землями. Хильперик, к примеру, несколько раз пытался убить братьев. Свободное от интриг время они приводили в безудержных оргиях.

Особенно распутный образ жизни вёл Хильперик. Однажды он увлёкся служанкой королевы Одоверы. Эту молодую и очень красивую женщину звали Фредегундой. Правда, вскоре король был вынужден покинуть любовницу и отправиться на войну с саксонцами.

Пока Хильперик доблестно сражался, Одовера родила дочку. У королевского двора появился повод для очередного многодневного веселья и пиршества. В конце одной из трапез Фредегунда посоветовала королеве стать крёстной матерью своей же малышки, заметив, что Хильперик будет восхищён этим.

Одовера, не заподозрив подвоха, последовала совету. Через месяц вернулся со своим войском Хильперик. Сияя от счастья, Фредегунда сообщила ему, что королева — крёстная мать его дочери, после чего кокетливо спросила: «С кем монсеньор проведёт эту ночь?» (в те времена близкие отношения между отцом и крёстной матерью ребёнка были запрещены церковью). Хильперик удивлённо посмотрел на Фредегунду, потом громко расхохотался.

Всего через три часа Фредегунда стала неофициальной королевой Нейстрии. А Одоверу выгнали из дворца и заключили в монастырь.

Сигберт, в отличие от брата, вёл в Меце не столь бурную

жизнь. У него было всего пятнадцать любовниц, не считая похотливых служанок и часто менявшихся «ночных королев». Такая жизнь ему вскоре надоела, и он объявил, что женится на дочери короля вестготов, правящего в Испании, и что новая его жена будет единственной его женщиной. Вскоре в Меце сыграли столь пышную свадьбу, что ей позавидовал Хильперик. Он решил последовать примеру брата Сигберта и обратился к королю вестготов с просьбой отдать ему в жёны вторую дочь.

Король ответил Хильперику, что даст разрешение на этот брак, когда тот расстанется со всеми своими любовницами. Хильперик, быстро выполнив условие короля вестготов, женился на красавице Галесвинте.

Фредегунда пристроилась во дворце прислугой. Она не упускала случая попасться на глаза королю, всем своим видом показывая, до чего же она несчастна, а он, проходя мимо, посылал ей томные взгляды.

Король не смог долго противиться страстному желанию и возобновил отношения с Фредегундой. Королева Галесвинта проводила все ночи одна, её жизнь во дворце стала невыносимой. Она попросила Хильперика отпустить её к родителям, но он боялся лишиться её богатого приданого и пообещал исправиться. Король сдержал обещание: ночью с помощью слуги он задушил Галесвинту.

Через восемь дней Хильперик женился на Фредегунде, которая наконец стала официальной королевой Нейстрии.

Тем временем жена Сигберта Брюнеота поклялась отомстить за смерть любимой сестры. Сначала братья обменивались угрозами. В 573 году Хильперик вторгся на территорию Австразии, но был разбит и с позором бежал. Сигберт с триумфом вошёл в Париж. Он был счастлив от одной только мысли, что может стать королём Нейстрии. Сигберт отправился в королевский город Витри у Арраса, чтобы официально взойти на трон. Увы, именно здесь его убили подосланные Фредегундой люди. Некоторые историки утверждают, что острия ножей убийц королева сама смазала ядом.

Хильперик праздновал победу, а Брюнеота стала его узницей.

Вернувшись в Париж, Фредегунда не могла не заметить, что король расцветает при одном взгляде Брюнеоту. Фредегунду охватила ревность. Эта молодая вдова, о прелестях которой так много говорили, действительно была очень соблазнительной и имела неплохие шансы остаться во дворце рядом с любвеобильным королём. Однако судьба распорядилась иначе: Брюнеоту влюбился сын Одоверы и Хильперика молодой Меровей. Она ответила взаимностью.

Известие, что сын женится на своей тётке, привело Хильперика в ярость. Фредегунда же ликовала. Она давно искала повод избавиться от сыновей Одоверы, втайне мечтая видеть своих детей на троне Нейстрии. Она уже организовала убийство Теодобера — старшего из сыновей. Теперь легко было устранить Меровея. На сей раз Фредегунда добилась пострижения его в монастырь, так как не сомневалась, что несчастный не сможет пережить позора. Действительно, бедняга покончил с собой.

От Одоверы остались ещё сын и дочь. С помощью любовников кровавая королева подстроила убийство юноши и зверское изнасилование девушки. А потом в монастыре была убита и сама Одовера.

Брюнеота, вернувшись в Австразию, правила от имени семилетнего Хильдебера. Мысли же Фредегунды были заняты новыми кознями, чтобы заставить страдать даже тех, чьи лица ей почему-то не нравились. Однажды она заставила привязать к колесу и забить до смерти управляющего дворца и через пять часов отправилась посмотреть на свою жертву. До неё донеслись крики: «Достаточно! Достаточно!» Приблизившись, она увидела, что кричали палачи, уставшие бить префекта и просившие о снисхождении. Тогда разъярённая Фредегунда приказала отрезать им кисти рук и ступни ног, а префекту вонзить иглы под ногти и оставить умирать.

В 577 году во Франции страшная эпидемия оспы унесла миллионы жизней. Все дети Фредегунды умерли. Королева, оплакивая их, не могла понять, чем провинилась перед Богом.

В голове у неё созревал новый план. Она сказал Хильперику, что им нужен наследник, и увлекла его в спальню. Король, как всегда, подчинился воле жены. Фредегунда, засомневавшаяся в возможностях супруга, обратилась с деликатной просьбой ещё к нескольким вельможам и даже стражникам. В результате в положенный срок у неё родился сын, названный Хлотарем.

Вздохнув свободнее, Фредегунда почувствовала себя молодой и прекрасной. В ней проснулась страсть, и, чтобы удовлетворить её, пропустила через свою спальню всех знакомых мужчин. Королева настолько увлеклась, что забыла об осторожности. Утром в спальню вошёл Хильперик и в шутку слегка дотронулся до плеча жены. В это время королева занималась туалетом и сидела спиной к двери. «Потише, Ландри!» — вскрикнула Фредегунда и, полагая, что это её любовник, добавила несколько крепких словечек, не предназначенных для ушей короля. Фредегунда спохватилась слишком поздно — разгневанный муж уже выскочил из комнаты.

Прикусив губу, она с тоской подумала, что Хильперик

замучает её суровыми упрёками, а в худшем случае отправит в монастырь. Фредегунда не выносила сцен ревности и поэтому в тот же вечер распорядилась убить мужа во время охоты. Теперь никто не мешал ей открыто проводить время в любовных приключениях и скандальных интригах.

За одну ночь она истощала по десять — пятнадцать мужчин в самом расцвете сил. Те, которые не могли её удовлетворить, подвергались жестокой расправе — оскоплению шпагой.

В 597 году Фредегунда безмятежно умерла в своей постели. Единственное, что она не успела сделать, — это убить Брюнеоту.

Роксолана (ок. 1506 — ок. 1558)

Любимая жена султана Сулеймана I Великолепного. Рабыня, ставшая законной супругой Сулеймана благодаря своей красоте, уму и хитрости.

* * *

Слава и гордость Турции, гроза и ужас Южной и Юго-Восточной Европы Сулейман I принадлежит к числу тех властителей-исполинов, явление которых на земле можно уподобить явлению кометы или страшного метеора на небе. Эта личность весьма противоречива. Сулейман соединял в себе добродетели и пороки: образованный ум и необузданные страсти, великодушие и жестокость, непреклонную волю и детскую уступчивость, подозрительность и доверчивость, коварство и открытость.

Если Пётр Великий — альфа русской славы, то Сулейман — омега славы турецкой: при нём оттоманский месяц светил необычайно ярко, а после него стал блёкнуть.

И этот могущественный человек в течение двадцати пяти лет был игрушкой в руках женщины!

Некоторые историки, обманываясь созвучием имён — собственного и нарицательного, видят в Роксолане русскую, так как роксоланами называли в Западной Европе славян, живших по побережьям Дона; другие, преимущественно французы, основываясь на комедии Фавара «Три султанши», утверждают, что Роксолана была француженкой. То и другое совершенно неверно: Роксолана — истинная турчанка. Ещё девочкой она была куплена для гарема на невольничьем базаре одалыками.

В начале царствования Сулеймана султаншей-валилде была грузинка Босфорона, родившая ему наследника Мустафу; Босфорону сменила Зулема, а её — Роксолана, очаровавшая его молодостью, красотой и горячими ласками. В первые пять лет Роксолана родила сыновей Мехмеда, Баязида, Селима и Джангира и дочь Мириам. Они ещё более привязали султана к любимице, и тогда Роксолана приступила к осуществлению своего тайного замысла — возвести на престол Оттоманской империи вместо Мустафы сына своего, Баязида, обожаемого ею до безумия, особенно после смерти его старшего брата, скончавшегося в младенчестве.

Роксолана действовала с тем умом и тактом, которые

свойственны женщине, не сомневающейся в своей власти над мужчиной. Выдав четырнадцатилетнюю дочь Мириам за великого визиря Рустама-пашу, Роксолана без труда склонила его на свою сторону и приобрела в нём самого верного клеврета и сподвижника.

Осенью 1542 года в отсутствие Сулеймана, бывшего в походе в Венгрии, Роксолана, призвав к себе муфтия, стала советоваться с ним о своём намерении построить великолепную мечеть с богадельней (имаретом) ради спасения души своей и в угоду Аллаху. Муфтий, одобрив благое намерение, заметил любимице султана, что постройка мечети не может послужить ей во спасение души, так как по закону всякое доброе деяние рабыни вменяется в заслугу её повелителю и что только свободная женщина властна в своих поступках. Роксолана прекрасно знала о существовании этого закона, тем не менее выказала глубокое огорчение и в течение нескольких дней была грустна и задумчива.

Сулейман, вернувшись в Константинополь, не узнал в Роксолане прежней весёлой, страстной красавицы. Равнодушный к недавнему зрелищу проливаемой крови, глухой к мольбам матерей и жён и воплям истязаемых младенцев, Сулейман был тронут слезами и воздыханиями своей Роксоланы и спросил о причине её грусти.

«Причина моей тоски, — отвечала фаворитка, — мысль, что я раба и лишена всех прав человеческих!»

Сулейман, готовый за улыбку Роксоланы поработить целое царство или, наоборот, освободить из-под своего ига тысячи невольников, тотчас же объявил ей, что слагает с неё позорное звание рабыни и дарует ей желанную свободу. Прежняя улыбка засветилась на лице Роксоланы, и с небывалой нежностью, осыпав поцелуями руку повелителя, она быстро удалилась в свои покои. Настала ночь. Евнух, присланный к Роксолане с приглашением в опочивальню повелителя правоверных, принёс ему решительный отказ. Разгневанный Сулейман потребовал привести ослушницу на свою половину и спросил, что значит это неповиновение?

«Оно означает мою покорность велениям Аллаха! — отвечала Роксолана. — Раба исполняет приказания господина, но женщина свободная грешит, разделяя ложе с незаконным мужем… Ты ли, высокий образец для всех правоверных, нарушишь заповедь пророка?»

Сулейман призадумался, послал за муфтием, и тот одобрил действия Роксоланы, подтвердив, что они согласуются с законом Магомета.

Через два дня Роксолана была объявлена законной супругой

своего государя с предоставлением ей всех привилегий султанши-валиде. Так Роксолана достигла той высоты, с которой могла властвовать над Оттоманской империей, направляя волю султана. Говоря о Роксолане, можно всерьёз подумать, не «обнесла» ли султанша Сулеймана каким-нибудь приворотным зельем, тем самым словно цепями приковав к себе его сердце.

Отправив сына Джангира в Диарбекир, где он сошёлся с Мустафой, Роксолана принялась восторженно восхвалять своему супругу добродетели его наследника тем вкрадчивым голосом и в таких выражениях, которые даже в отцовском сердце могут возбуждать зависть и ревнивые опасения. Она говорила, например, что народ ждёт не дождётся дня, когда их обожаемый Мустафа взойдёт на отцовский престол, что войска готовы пролить за него кровь, что даже соседние персияне, где правит Мустафа, готовы сражаться за него, если понадобится. Роксолана напомнила, как горько было султану Баязиду II, когда против него взбунтовался Селим, отец Сулеймана, хотя кроткий и благородный Мустафа, конечно, на это не способен…

Разжигая этими речами в сердце отца ненависть и подозрительность к сыну, Роксолана приказала своему зятю уведомить пашей, подвластных Мустафе, чтобы они как можно чаще извещали Сулеймана о его добрых делах и заботах о народе. Правители малоазиатских областей, повинуясь великому визирю, засыпали диван посланиями, переполненными похвалами наследнику Сулеймана. Эти послания Роксолана показывала султану в те минуты, когда ему казалось, что сын не способен поднять мятежа. «Как его все любят! — говорила при этом Роксолана. — Его, право, можно назвать не наместником, но государем; паши повинуются ему, как велениям самого султана. Хорошо, что он не употребляет во зло своего влияния, но, если бы на его месте был человек лукавый, честолюбивый, тот мог бы…»

Коварная женщина жадно следила за действием яда своих речей на Сулеймана и видела, что каждое слово жгучей каплей впивалось в его сердце. С другой стороны, Баязид и Селим, допущенные отцом ко двору, выказывали ему покорность, осыпая его нежными ласками…

Волнения, возникавшие в Персии, заставили Сулеймана послать в соседние области наблюдательный корпус. Им командовал Рустам-паша, который имел также тайный приказ умертвить Мустафу. Зять Роксоланы по прибытии на место отписал султану, что в Сирии настроение умов самое враждебное, что не только все паши, народ и войска намерены провозгласить Мустафу турецким султаном, но даже в полках, подчинённых ему, Рустаму, ощущается опасное волнение. Усмирить грозящее

восстание, по мнению доносчика, может только сам Сулейман.

Сулейман перед отъездом в Алеппо получил от муфтия фетфу (разрешение) умертвить мятежника, без страха ответить за то на страшном суде. Участи Мустафы подвергся в Бруссе и его малолетний сын; путь для Баязида к престолу был открыт. Одновременно с устранением наследника Сулеймана умер и друг Мустафы, Джангир, сын Роксоланы; от горя — говорят романисты, от яда — свидетельствуют историки. Кровавые эти события совершились летом 1553 года.

По наущению матери Баязид вскоре после смерти Мустафы отыскал человека одних с ним лет и удивительно на него похожего. Золотом и клятвенными уверениями в совершенной безопасности Баязид убедил двойника Мустафы выдать себя за убиенного, якобы спасшегося от смерти. Весной 1554 года Никополис, прибрежья Дуная, Валахия и Молдавия были взволнованы вестью, что Мустафа жив, его видели многие, он призывал к восстанию и к свержению Сулеймана. Видевшие и слышавшие самозванца, обманутые сходством, передавали жителям городов и деревень, будто Мустафа, в прошлом году приглашённый отцом в Алеппо, не сам явился к нему, а послал вместо себя раба, как две капли воды похожего на него: сам же бежал из азиатской Турции в европейскую. Появились отряды мятежников, вскоре слившиеся в целую армию. Самозванец, как говорила молва, намеревался идти прямо на Константинополь, захватить Сулеймана и расправиться с ним, с Роксоланой и всем её семейством.

Ахмет-паша с войсками двинулся навстречу войску лже-Мустафы, рассеял его, самозванца же захватил в плен — чего никак не ожидали ни Баязид, ни Роксолана. Они рассчитывали на одно из двух: либо самозванцу удастся овладеть Сулейманом и тогда после смерти того и другого Баязид займёт место отца, либо двойник Мустафы, убитый в сражении, унесёт тайну заговора в могилу, а Сулейман окончательно убедится в виновности сына, убитого по подозрению.

Пленение самозванца разрушило все эти планы. Под пытками самозванец чистосердечно сознался в обмане и указал на Баязида как на главного виновника восстания. Лже-Мустафу по повелению Сулеймана утопили, а Баязид был призван к ответу. Ахмет-паша, ненавидевший его и Роксолану, уличил изменника; чауши ждали только знака султана, чтобы накинуть на Баязида позорную петлю… Но Сулейман медлил, тронутый мольбами и слезами Роксоланы, — и Баязид был помилован, и сама Роксолана не утратила в глазах своего супруга своей прелести!..

С этой минуты Роксолана, не боясь ни врагов, ни соперников,

смотрела на своего Баязида, как на государя, хотя и будущего. Но другого мнения придерживался второй её сын Селим, завидовавший брату и выжидавший удобного момента для расправы с ним. Об этом соперничестве, погубившем Баязида, возможно, и не подозревала, казалось, всё предусмотревшая, Роксолана. Она умерла в 1558 году, оплаканная неутешным Сулейманом, и была погребена с подобающими почестями. Да и кто осмелился бы запятнать память Роксоланы в глазах её супруга?

Сулейман не разочаровался в ней ни при её жизни, ни после её смерти…

Габриэль д'Эстре (1570–1599)

Возлюбленная Генриха IV. Красивая и остроумная, Габриэль имела большое влияние на короля, он даже намеревался развестись с Маргаритой Валуа и жениться на фаворитке. Получив титул герцогини де Бофор, Габриэль тем не менее не злоупотребляла положением и пользовалась расположением двора. Её дети от короля — Цезарь и Александр Вандом и Генриетта-Екатерина, выданная за герцога Эльбёф.

* * *

Маркиз Антуан д'Эстре, отец Габриэли, был хороший солдат, честный гражданин и убеждённый католик, проведший большую часть своей жизни в походах. Супруга маркиза, Франсуаза, урождённая де ла Бурдезьер, принадлежала к семье, женщины которой издавна славились во Франции своим легкомыслием. В этом достойном роду насчитывалось не менее двадцати пяти особ прекрасного пола, частью замужних, частью посвятивших себя служению Богу, которые, не стесняясь ни положения, ни сана, имели открыто несколько любовников. В те времена такие дамы считались настоящими женщинами. Антуан и Франсуаза д'Эстре имели многочисленное потомство — двоих сыновей и шесть дочерей.

Габриэль в шестнадцать лет вполне оправдывала звание «прекрасной»: стройная, с чудесным цветом лица, густыми белокурыми волосами, большими голубыми глазами, высокой грудью, с изящными руками и миниатюрными ногами. Отсутствие глубокого ума искупалось чарующей улыбкой, а в образовании, обладая божественной внешностью, она не нуждалась, имея в своей библиотеке всего одну книгу — «Часослов», да и ту перелистывала не особенно усердно.

Несомненно, судьба предназначала её не простому смертному, и вот мать, при посредничестве герцога д'Эпернона, предложила прекрасную Габриэль самому Генриху III. Сводник такими красками описал красоту молодой девушки, что возбудил в холодном к женским ласкам короле желание обладать ею. И вскоре маркизе д'Эстре через другого королевского вельможу, маршала Монтиньи, было послано 6000 экю, из которых посланник, по-видимому, найдя плату слишком высокой, удержал 2000 в свою пользу. Невинность Габриэли была продана всего за

4000 экю! Однако Генрих III недолго наслаждался объятиями юной любовницы, заявив, что «ему незачем искать худобы и белизны тела у других женщин, этого добра в достаточном количестве имеется у жены».

Чтобы не терять времени даром, огорчённая маркиза д'Эстре тотчас же предложила свою дочь, удостоившуюся королевского внимания, что, несомненно, подняло её престиж, известному финансисту и тайному агенту герцога тосканского итальянцу Себастьяну Замету, но, не сойдясь с ним в цене, показала Габриэль кардиналу лотарингскому, герцогу Людовику Гизу, который влюбился в красавицу и не торгуясь выложил требуемую сумму. Его страсть длилась около года и, быть может, продолжалась бы и дольше, если бы мамаше не понадобились деньги, ради чего она тайно от кардинала свела свою дочь с герцогом де Лонгвилем. Узнав об этом, Гиз оставил Габриэль за три или четыре дня до «Баррикад» (12 мая 1588 года). Переходя из рук в руки, молодая девушка стала любовницей «великого конюшего» Генриха III, красавца герцога Бельгарда, к которому и сама не оставалась равнодушной. Король, который всячески угождал фавориту, осыпал любовников своими милостями: одевал их в одинаковые цвета, заставлял на балах танцевать вместе и очень гордился, имея возле себя такую очаровательную пару. Внезапная смерть короля, убитого Жаком Клеманом, положила конец этому блаженству.

В смутное время воцарения Генриха IV «прекрасная Габриэль» была увезена своей матерью в родовой замок Кёвр, неподалёку от Манта, ставшего негласной столицей Франции после отказа парижан открыть свои ворота королю-гугеноту. Герцог Бельгард, находившийся безотлучно при Беарнце, только изредка имел возможность навещать любовницу, жившую в замке с отцом и сёстрами.

В Кёвре «прекрасная Габриэль», чтобы не скучать в одиночестве, по врождённой склонности к прелюбодеянию, попала в объятия соседних дворян Брюнэ-де-ла-Бюсьером и Станэ и не отказала в ласках своему старому приятелю герцогу де Лонгвилю, случайно проезжавшему через Кёвр.

Однажды герцогу Бельгарду под весёлую руку пришла мысль похвастать своей любовницей перед Генрихом IV. Он так красноречиво описал её красоту и очарование, что король заочно влюбился в прекрасную Габриэль. Когда на следующий день король-гугенот пожелал отправиться в Кёвр вместе с герцогом, последний понял свою ошибку, но слишком поздно. Надежды на то, что дама не понравится Генриху, не было никакой. Бриллиант остаётся бриллиантом, и только слепые могут отрицать его блеск.

Король же, будучи знатоком женской красоты, обладал отличным зрением.

В это время госпожа де Ноа вызвалась погадать сестре. Перетасовав карты, она велела Габриэли вытащить одну. Красавица с улыбкой вытащила карту и неловким движением уронила другую, оказавшуюся валетом (Бельгардом), первая же была королём Августом. Сёстры, смеясь, начали выпрашивать у Габриэли комнаты в Лувре, когда она станет почти королевой Франции и Наварры. В этот момент цепи подъёмного моста загремели, и Габриэль увидела через окно Бельгарда, въезжающего во дворец вместе с незнакомым мужчиной.

«Да это же наш король!..» — вскричала госпожа де Баланьи, узнавшая Генриха IV, которого годом раньше видела в Компьене.

Габриэль с первого взгляда очаровала Генриха IV. Влюблённый монарх не хотел, чтобы с этого дня она принадлежала другому, и ревниво оберегал своё сокровище. На следующий день перед отъездом Генрих IV взял слово с маркиза д'Эстре в ближайшем будущем вместе с дочерью приехать погостить в Мант.

Пока король Франции завоёвывал маленькие и большие города своего королевства, не имея возможности овладеть Парижем, прекрасная Габриэль, проживавшая уже в Манте, возобновила связь с Бельгардом, который долго упорствовал, ибо не желал обмануть доверие короля Наваррского, и с герцогом де Лонгвилем, мало беспокоившемся о Генрихе IV. Возвращение короля положило этому конец.

При первой же встрече с королём она объявила, что не признаёт никаких препятствий, что она любит герцога Бельгарда, и тот обещал на ней жениться. А на следующее утро красавица в сопровождении двух слуг отправилась в Кёвр. Влюблённый король поспешил за ней. Подобное путешествие для него было сопряжено с немалыми опасностями, и мили за три до замка король переоделся в крестьянское платье и с мешком соломы на спине вошёл в Кёвр. Прекрасная Габриэль была поражена, увидев монарха Франции в таком странном виде, но вместо того, чтобы оценить его жертву и ответить на его любезности, резко объявила: «Государь, вы так некрасивы в этом наряде, что мне противно смотреть на вас!..» И с этими словами захлопнула дверь перед самым носом обескураженного Генриха IV, которому по возвращении в Мант пришлось ещё терпеливо выслушивать нотацию от своих друзей, маршала Морнэ и герцога Сюлли, обеспокоенных его внезапным исчезновением.

Маркиз д'Эстре отправил дочь обратно в Мант, что несколько приободрило короля. Отец, единственный порядочный человек в

семье, находил своё положение щекотливым, так как король осыпал его незаслуженными почестями, и, чтобы снять с себя ответственность, решил выдать Габриэль замуж. Вскоре нашёлся кандидат на её руку — Никола д'Амерваль, сеньор де Лианкур, очень богатый и родовитый, непроходимо глупый и горбатый до уродства. Король одобрил выбор, желая отомстить красавице за холодность и надеясь позднее заслужить её расположение. Он пообещал в день свадьбы встать между нею и уродливым женихом.

Брачное торжество состоялось в Манте в феврале 1591 года, в отсутствие Генриха IV, задержавшегося по делам в соседнем городе Шони. Горбун пожирал глазами красавицу. Наступила полночь, а король так и не появился. Однако Габриэль умудрилась, выйдя замуж в четверг, до воскресенья ещё не стать женой собственного мужа. В первую ночь она притворилась больной и прогнала горбуна из спальни, во вторую — уложила на свою постель подругу, которая будто бы почувствовала себя дурно, а в третью — не сказав мужу, уехала ночевать в соседний замок. Горбун уже хотел силой вступить в свои права, когда пришёл королевский приказ немедленно явиться в Шони для представления супругов.

Они нашли короля, готовящимся к осаде Шартра. Наваррец без церемоний отправил д'Амерваля назад в Мант, а Габриэль увёз с собой. Когда пушечные ядра пробили брешь в воротах Шартра, нежные ласки короля разбили лёд, сковывавший сердечко Габриэли. Генрих IV праздновал двойную победу.

Вскоре после этого Наваррец формально развёл Габриэль с де Лианкуром по причине его неспособности к брачной жизни (и это несмотря на то, что от первого брака у того было 14 детей!). Статс-дамой королевской фаворитки была назначена маркиза де Сурди, родная тётка Габриэли, а маркиз д'Эстре получил место шартрского губернатора.

Маленький двор Генриха IV встретил фаворитку не особенно дружелюбно. Приближённые короля и в первую очередь герцог Сюлли опасались влияния Габриэли на короля, что представляло угрозу всему государству. Придворные же дамы ненавидели любовницу по той простой причине, что сами мечтали занять это место. Все сходились во мнении, что король явно поспешил, выбрав девицу, принадлежавшую доброму десятку мужчин и по-прежнему благоволившую герцогу Бельгарду. Генрих IV слухам не верил, к тому же он так любил Габриэль, что, наверное, простил бы ей измену. Несмотря на то, что финансы страны были почти исчерпаны, король осыпал подарками прекрасную Габриэль, утопавшую в роскоши замка Куси, тогда как сам он часто

голодал.

Почти через три года фаворитка родила королю сына, названного Цезарем. Наконец-то он имеет потомство! Чем отблагодарить осчастливившую его женщину? Да он женится на ней!

Однако развести его с Маргаритой Валуа, с которой он прожил 17 лет, мог только римский папа. Генрих IV был гугенотом, отлучённым от римской церкви. Ему предстояло вернуться в лоно католической церкви. К тому же это положило бы конец смутам в государстве.

25 июля 1593 года в церкви Сен-Дени король покаялся в своих заблуждениях и принёс торжественную клятву вернуться в лоно истинной римско-католической церкви.

Между тем положение Габриэли при дворе значительно ухудшилось. Ненависть, окружавшая красавицу, была тем более опасна, что скрывалась под льстивыми улыбками. Мысль, что выскочка станет королевой Франции, возмущала придворных Генриха IV. Сплетни, клевета, поддельные письма были пущены в ход для компрометации фаворитки. Генрих IV же в ответ 22 марта 1593 года, в день, когда Париж открыл перед ним свои двери, пожаловал любовнице титул маркизы де Монсо и узаконил Цезаря, который стал герцогом Вандомским.

В торжественной процессии при вступлении в столицу Франции прекрасная Габриэль ехала в носилках перед королём, увешанная драгоценностями, справа и слева от неё гарцевали на конях высшие придворные чины, составившие её эскорт. Генрих Наваррский немедленно стал хлопотать о разводе. Государственный канцлер Силлери был отправлен в Рим для переговоров с Климентом VIII, которые, увы, слишком поздно увенчались успехом.

В это время король составил приданое своей будущей супруге, подарив ей со всеми землями и доходами графства Вандейль и Кресси, маркизет Монсо и герцогство Бофор, графства Жонкур и Луазинкур, принадлежавшие герцогине Гиз, и, наконец, графства Монретон и Сен-Жан и герцогство д'Этамп. Таких владений не имела ни одна французская королева.

В 1596 году в Руане, в монастыре Сент-Уэн, герцогиня де Бофор, как теперь величалась фаворитка, подарила королю дочь Екатерину-Генриетту, которую окрестили с торжественностью, подобавшей настоящей дофине. С этих пор прекрасной Габриэли стали оказывать почести, как законной королеве Франции, что, конечно, не прибавляло ей популярности.

В 1598 году король праздновал рождение своего второго сына Александра. Все видели, что фаворитка вскоре станет королевой.

Завистники не могли допустить этого и ждали только случая. И вот на страстной неделе 1599 года прекрасная Габриэль, будучи на четвёртом месяце беременности, собралась поехать с королём в Фонтенбло, но её духовник Ренэ Бенуа потребовал, чтобы она на время рассталась с Генрихом и перед Пасхой провела время в посте и покаянии. Габриэль, словно чувствуя опасность, со слезами простилась с королём, умоляя того позаботиться о детях.

По желанию Генриха IV она поселилась в Париже в доме Замета, с которым король находился в самых дружеских отношениях. Однако врагам фаворитки удалось уговорить его совершить «подвиг» — освободить Францию от ненавистной королевы, которую ей хотят навязать, и этим открыть дорогу к престолу племяннице его покровителя герцога тосканского, Марии Медичи, портрет которой недаром ужасал Габриэль. Франция и Тоскана, конечно, сумеют отблагодарить Замета.

Уже на следующий день фаворитка почувствовала недомогание, которое объяснила слишком обильным ужином. Однако с каждым днём здоровье её ухудшалось. Прекрасной Габриэли не стало в субботу 10 апреля 1599 года. Её дивное тело почернело, а лицо было обезображено страданиями. Говорят, именно такую смерть предсказал ей астролог. Однажды в Тюильри она спросила о своей судьбе. «У вас есть всё, чтобы стать счастливой, но когда вы пожелаете большего, то умрёте. Если хотите узнать, какой смертью, — взгляните в зеркало». Габриэль посмотрела в зеркало и отшатнулась. Ей показалось, что её душит дьявол. Предсказание сбылось. Только такой дьявол, как Замет, мог решиться на подобное преступление, оставшееся безнаказанным и не принёсшее ему обещанных благ.

Известие о смерти возлюбленной повергло короля в шок. Он плакал как ребёнок и почти полтора месяца не желал никого видеть. Однако мог ли легкомысленный король вечно оплакивать ушедшую из жизни женщину? 12 декабря флорентийка Мария Медичи стала его супругой, и он подарил ей все богатства, раньше принадлежавшие герцогине де Бофор.

Лола Монтес, графиня фон Ландсфельд (1821–1861)

Известная авантюристка, дочь офицера и креолки. В 16 лет обвенчалась с ирландским офицером Джемсом, но скоро развелась с ним и сделалась балетной танцовщицей. Много гастролировала. В Мюнхене она стала фавориткой Людвига I.

* * *

Лола Монтес, или, как она себя называла, Мария-Долорес Порис-и-Монтес, до своего появления в Мюнхене вела беспокойную и авантюрную жизнь. Никто не знал ничего определённого о её происхождении. В своих мемуарах она утверждала, что она ирландка по отцу, испанка по матери, англичанка по воспитанию, француженка по характеру и космополитка в зависимости от обстоятельств. Примечательно её замечание, «что она принадлежит всем нациям и никакой в особенности».

Родилась Лола в Монтрозе, в Шотландии, в семье английского офицера колониальных войск Джилберта. Её мать происходила из старинного испанского рода. В младенческом возрасте девочка отправилась с родителями в Андалузию. Но в Испании они оставались недолго, так как отец был послан в Индию, где вскоре умер. Обладавшую взрывным и необузданным характером девочку отдали в пансион в Бате, между Бристолем и Лондоном…

Уже в ранней юности началась её любовная и скитальческая жизнь. Лола танцевала на сценах Лондона, Парижа, Варшавы, Петербурга и Москвы, а потом через Петербург отправилась в Берлин, где выступала на сцене дворцового театра в Сан-Суси. Потом направилась в Лейпциг, Вену, Париж, Венецию, Феррару, Рим, Капую и Неаполь. В третий раз за свои 23 года она побывала в Париже, а затем в Марселе, Барселоне и Мадриде. Но на своей родине не задержалась. Она посетила Севилью и некоторые испанские города, а потом отправилась во Францию, танцевала в Бордо и, после небольших остановок в Париже, Баден-Бадене и Гамбурге в сентябре 1846 года прибыла в Мюнхен.

В баварской столице никто поначалу не обратил внимания на иностранку. Кто бы мог подумать, что она приведёт в смятение

целый город! Везде, где бы она ни была, она поражала очарованием своей экзотической красоты.

Лола Монтес попросила короля Людвига принять её. Тот посчитал это дерзостью. Но когда Людвиг I, король Баварии, романтик и ценитель искусства, увидел красотку Лолу, одетую как испанка, его гнев моментально испарился. Его чувствительную к женским прелестям натуру тотчас очаровал её шарм, и он решил выслушать девушку. Видимо, его особая склонность ко всему испанскому и решила дело. Аудиенция длилась значительно дольше, чем обычно, и имела далекоидущие последствия.

Если Лола и не удостоилась благоволения публики, то этим вечером она имела тот самый успех, перед которым меркнут все другие: она заслужила бурные аплодисменты одного человека — самого короля. Его взгляд знатока радовали грациозность её тела, милое личико с ярко-голубыми глазами, тяжёлые чёрные косы, соблазнительный ротик с перламутровыми зубками. Глядя на этот андалузский цветочек, стареющий король забыл о грузе прожитых лет, о достоинстве монарха. В его чувствах смешались ревность и страсть.

Она высоко оценивала свои прелести и уже не раз опробовала их: её взрывной темперамент, соблазняющие движения, оригинальная манера поведения позволяли ей без труда завоёвывать мужские сердца.

В придворных кругах эта связь короля с испанской танцовщицей осуждалась довольно снисходительно. Лола была не первой красоткой, воспламенившей сердце короля. Но когда она магической силой своего влияния полностью подчинила его и поссорила с придворными, официальное мнение резко изменилось. Даже королевские советники увидели, что такое положение серьёзно задевает их.

А вскоре слухи о разнузданности иностранки поползли по городу. В Лоле уже видели немецкую Помпадур, которая хотела разрушить взаимопонимание и дружбу между повелителем и народом.

Естественно, король, которому она подарила позднее счастье, защищал её от всех посягательств и даже в таких случаях, когда она действительно была в чём-то виновата. Появление Лолы на улицах Мюнхена было зачастую вызовом обычаям и нравам. Она выходила с кнутом, с сигаретой или даже с сигарой во рту и уже одним этим нарушала все приличия. Кроме того, у Лолы была очень тяжёлая рука! Пресловутые истории о её оплеухах стали постоянным предметом рассмотрения полицейскими властями и послужили причиной публичных скандалов, которые королю

удавалось замять только личным вмешательством.

Создавалось впечатление, что отношения короля с дамой стали делом государственной важности! Поздняя страсть короля высмеивалась во всех слоях общества, и каждый считал себя вправе критиковать их.

С одной стороны, всё это раздражало Лолу, а с другой — заставило задуматься о том, что её положение при короле должно стать более прочным. Постепенно она стала даже подумывать о том, что ей, иностранке, предназначено играть определённую политическую роль в Баварии.

Лола думала, что, если она занимает такое высокое положение, ей и надлежит заниматься чем-либо серьёзным. Лола хотела помочь своему другу королю в управлении государством, а для этого надо было ознакомиться с механизмом управления. Она также одолевала короля просьбами прибавить к её имени и положению титул графини, втайне надеясь стать одним из советников короля.

Людвиг был готов исполнить и это её желание. Он уже подарил своей фаворитке небольшой дворец на Барерштрассе и назначил ей ежегодную пенсию в 70 000 гульденов, а также пожизненную пенсию как артистке придворного театра, купил дорогие платья, драгоценности, экипаж и небольшую придворную конюшню, заказал её портрет для дворцовой галереи… Так пусть же завистники злятся, услышав о её возвышении, которое будет только венчать все эти сокровища!

Красотка Лола упивалась своим триумфом и приставала к королю с просьбами привести к ней в салон всех министров. Людвиг, как всегда, безоговорочно поддержал её притязания.

Лола Монтес использовала красоту и очарование своего тела для достижения собственных целей. Она знала, чего добивается! А король просил министров почаще бывать у Лолы, хотя так и не встретил у них понимания.

Фон Маурер совершенно откровенно объявил, что будет держаться как можно дальше от общества так называемой графини. Лола посчитала это оскорблением. Король вскоре уволил министра.

Лолу уже совершенно открыто обвиняли в грубом вмешательстве в государственные дела. Её упрекали в наглом и вызывающем поведении и жаловались на роковое влияние этой гетеры на повелителя, который променял любовь своего народа на заезжую артистку. Во всех концах города и во всех слоях общества скандальные пересуды стали обычными. Конечно, нашлись и лизоблюды, которые одолевали красотку Лолу просьбами. Она и вправду начала думать, что действительно

обладает властью. Народ называл её «Правительницей».

Свои письма она сначала подписывала по-французски «Мэтресс дю руа» (куртизанка короля), пока король не запретил ей это безобразие…

Мюнхенские студенты образовали общество «аллеманов», члены которого, принадлежавшие к баварской знати, обязались защищать короля и его возлюбленную от любых нападок. Они сопровождали Лолу на прогулках. Однажды на Монтес напала возмущённая толпа, и, несмотря на защиту аллеманов, она с трудом добралась до королевского замка. Нападение было приписано студентам, противникам аллеманов, и университет был закрыт. На экстренном собрании в ратуше было решено потребовать от короля удаления фаворитки, в случае же отказа 30 000 горожан обещали взяться за оружие. На следующий день, 11 февраля 1848 года, толпа пошла на штурм дома Монтес. Уже трещала железная решётка на окнах, и Лола приготовилась отстреливаться, но прислуга силой вывела её через чёрный ход и усадила в приготовленный полицией фиакр, который умчал её из Мюнхена. После отречения Людвига (20 марта 1848 года) новое правительство признало недействительным выданный Монтес диплом на графское достоинство. Монтес перебралась в Лондон, где вышла замуж за поручика Гульда.

Последние годы своей жизни Монтес постоянно выступала в печати с идеями эмансипации женщин. Хотя её жизнь вряд ли могла служить примером для пропаганды этих идей.

После изгнания из Мюнхена Лола Монтес вела беспутную бродячую жизнь. Везде её окружали старые и молодые франты. Она жила то в Лондоне, то в Париже и наконец вместе со своим импресарио Виллисом отправилась в 1852 году в Америку, где выступала в Нью-Йорке, Бостоне, Филадельфии и в Нью-Орлеане. А в Сан-Франциско она появилась на сцене в качестве освободительницы баварцев от ига ультрамонтанов!

Когда-то прославленная и талантливая танцовщица умерла всеми забытая в глубокой нищете. На церковном дворе в Гринвуде под Нью-Йорком ещё и сегодня можно увидеть надгробную плиту с надписью: «Мисс Элиза Джилберт, умерла 17 января 1861 года в возрасте 42 лет».

Анна-Констанция Козель (1680–1765)

Фаворитка Августа II, короля польского и курфюрста Саксонского, дочь датского полковника Брокдорфа. Была одной из красивейших и одарённейших женщин своего времени.

* * *

Леди Монтегю рассказывала, что, когда Август Сильный первый раз пришёл к госпоже фон Гойм, в одной руке у него была подкова, которую он при ней сломал, а в другой — мешок с сотней тысяч талеров. Таким образом он силой и деньгами домогался милости женщины, которая среди всех его куртизанок занимала особое место. Это, конечно, только одна из легенд, сложенных об известнейшей куртизанке польско-саксонского короля.

Анна-Констанция фон Брокдорф происходила из старинного голштинского дворянского рода. Её отец был датским кавалерийским полковником, мать — богатой голландкой. У неё было два брата, поступивших на польско-саксонскую службу, сестра её рано умерла. Сама Анна уже в возрасте пятнадцати лет была принята в свиту дочери герцога Кристиана-Альберта Голштейн-Готторпского. При этом миниатюрном дворе Анна прославилась тем, что энергично защищалась оплеухами от нежных приставаний наследника. Здесь же она познакомилась с дворянином Адольфом фон Гоймом. Он был старше её на двенадцать лет и женился на ней через много лет после помолвки, когда ей шёл уже двадцать третий год. Однако брак этот не был счастливым. Очень скоро муж стал вызывать отвращение у молодой жены, она отказалась от совместного с ним проживания. 8 января 1706 года брак был расторгнут.

Позднее именно Август был назван разрушителем этого брака, и тому есть свидетельство некоторых современников, среди которых сам Гойм, утверждавший, что его жена превосходила всех придворных дам в красоте и грации.

Судя не только по воспоминаниям современников, но и по сохранившимся живописным портретам, баронесса, должно быть, была тем редким типом женщин, в которых сочеталась природная красота и грация с мужским умом, силой характера и

решительностью. Пельниц пишет, что у неё было овальное лицо, прямой нос, маленький рот, удивительной красоты зубы, огромные чёрные блестящие лукавые глаза. Походка её всегда была грациозна, а смех — чарующим и способным пробудить любовь даже в самом холодном из сердец… «Волосы у неё были чёрные, руки и плечи — само совершенство, а цвет лица — всегда натуральный. Фигуру её можно было сравнить с произведением великого скульптора. Выражение лица у неё было величественным, а в танце она была непревзойдённой».

Подробно и с восхищением рассказывает нам о ней Хакстаузен, сын гофмейстера Августа, который общался с ней и был одним из немногих, кто остался ей верен даже после её падения: «Красивая, хорошо сложённая, прекрасно владевшая собой, с прекрасным цветом лица, с красивыми глазами, ртом, зубами, которые, правда, начали портиться. Она была очень умной, очень живой, всегда в одинаковом расположении духа и очень остроумной. Говорила много, но никому это не надоедало. Очень откровенная, она никогда не лицемерила и всем говорила правду, поэтому у неё было много врагов. Резкая и вспыльчивая, храбрая, одинаково хорошо владевшая саблей и пистолетом, Анна-Констанция не была злопамятной. Очень экономная, она умела копить деньги, однако не принимала взяток. Ревнивая до умопомрачения, она преследовала своих соперниц как только могла и старалась изгнать их из королевского двора. Сам король побаивался её и относился к ней с большой осторожностью. Так как у него было множество любовниц, он был вынужден выдумывать тысячи увёрток, чтобы отделаться от её постоянного наблюдения. Она так командовала им и так за ним наблюдала, что ему зачастую удавалось с большим трудом свободно располагать своим собственным временем, и совещания с министрами, строительство, охота и многое другое служило ему поводом, чтобы сбежать от неё». Хакстаузен прибавляет, что она спала с Августом каждую ночь и так хорошо развлекала его, что он часто обо всём забывал.

Уже в конце бракоразводного процесса начались отношения баронессы с Августом: в июне 1705 года она стала получать подарки от короля — вино, мебель, дома, турецкие ковры, а из русских субсидий ей было выплачено 30 000 талеров. После развода она потребовала, чтобы он окончательно расстался со своей прежней любовницей княгиней фон Тешен и выплачивал полное содержание в 15 000 талеров, которое та до сих пор получала, а также торжественно пообещал, что после смерти королевы она займёт её место, а родившиеся у них дети будут признаны законными детьми Августа.

«Капитуляция» Августа была принята 12 декабря 1705 года, а драгоценнейший для неё документ, составленный по этому поводу, был передан для хранения в семейный архив одному из родственников, графу Рантцау. Этот важный документ сохранился не полностью, а отрывок из него гласит: «Мы из достаточно веских и особых соображений, по примеру королей Франции и Дании, а также других европейских властителей, признаём её (баронессу) нашей законной супругой и при этом обещаем помогать ей всеми возможными способами, а также сердечно любить её и всегда оставаться ей верными…»

Чрезмерно честолюбивая баронесса сразу же после того, как стала официальной любовницей короля, потребовала своего возвышения, и в феврале 1706 года она стала уже графиней фон Козель. Кроме того, теперь к ней надо было обращаться «Ваша светлость»… Чтобы подчеркнуть её высокое положение перед всем белым светом, специально для неё на Кляйнен Брудергассе был сооружён дворец, к которому от замка был построен проход. С обеих его сторон были поставлены часовые.

С февраля 1706 года она начала получать содержание княгини фон Тешен. Анна получила также поместье Пильниц, виноградник, право на медицинское обслуживание при дворе, на получение рыбы из придворных прудов, на получение строительных материалов из королевских лесов, а из сокровищницы короля — драгоценной утвари: столов, зеркал, шалей, гобеленов, турецких ковров, кружев, драгоценностей, а кроме того (что было ей важнее всего при её несомненной бережливости и что часто называли просто жадностью), огромных сумм наличными. Она постоянно думала только о собственной выгоде, и при всём её стремлении к роскоши, чему потворствовал и сам король, была очень экономной в самых мельчайших деталях. Графиня постоянно требовала у него денег и стоила Августу столько же, сколько целая армия. Она давала взаймы значительные суммы знатным господам с весьма сомнительной репутацией, а затем ей приходилось участвовать в длительных судебных процессах и нести большие убытки…

Графиня постоянно сопровождала Августа. Смелая и искусная наездница, хороший стрелок, она — единственная женщина, принимавшая участие в его путешествиях, в поездках на охоту, во всех соревнованиях по стрельбе, а 1 августа 1707 года она стала чемпионом и получила в качестве награды подзорную трубу из слоновой кости и денежную премию в 7 талеров.

Через полгода после рождения первого ребёнка, девочки, и непродолжительного визита в город и горную крепость Штольпен, где впоследствии Анна в качестве изгнанницы должна была

провести почти половину века (а пока она вместе с Августом развлекалась охотой на дичь), король из Пильница, где он проводил лето у графини, тайно отправился в увеселительное путешествие в Голландию, «чтобы отдохнуть от забот, которые уже давно одолевают меня», — как он писал своим министрам. Видимо, ему хотелось на какое-то время вырваться из-под строжайшего контроля графини.

Однако, хотя Август и нашёл кратковременную отдушину в лице танцовщицы Дюпарк из Брюсселя, графиня полностью сохранила присутствие духа, несмотря на несомненные доказательства его неверности. Ей не надо было опасаться женщин типа Дюпарк, так как она привязывала к себе короля не только своей совершенной красотой, но и своим умом. Она вела себя как настоящая королева, при случае охотно задевала своим тщеславием жён министров и придворных.

Когда в 1709 году в Дрездене появился датский король, он тотчас обратил на неё особое внимание, и Анна стала центральной фигурой всех устраиваемых им балов. Её усыпанное бриллиантами платье сияло ярче, чем платье королевы.

В октябре жизнь её долго висела на волоске после рождения второго ребёнка, снова дочери, однако её сильная натура победила, и вскоре она уже принимала депутацию саксонских прелатов, знати, представителей города и других высших слоёв общества и просила их быть крёстными её ребёнка. В результате чего Анна получила «на зубок» 4000 талеров. Обе дочери были признаны «законными королевскими дочерями и высокородными графинями».

Графиня была достаточно умной, чтобы, несмотря на все любовные письма Августа и его уверения в бесконечной преданности, не задумываться об охлаждении его страсти к ней, и, наученная горьким опытом своих предшественниц, хотела по возможности упрочить своё положение. После одного из своих визитов в Варшаву, когда она получила новые доказательства неверности короля, Анна отправилась в Голштинию к своим родителям и депонировала в банк Гамбурга 31 большой ящик с различными ценностями…

В 1712 году, когда Анна должна была вот-вот родить третьего ребёнка, она добилась от Августа юридических гарантий своего положения, «что она, а также её наследники могут беспрепятственно владеть всем тем, что значится в перечне недвижимого имущества, а также всем движимым имуществом, которое она имеет теперь, а также всем тем, что может быть пожаловано ей Нашей Милостью в будущем. Без оговорок она может пользоваться этим в дальнейшем, так же как и её

наследники, не внося за это никакой платы, в том числе и в случае утраты. А также обладать полной властью над всем этим и по желанию продать, обменять или, другими словами, рассматривать как наследное имущество и иметь возможность завещать кому угодно и т. д.».

Почти 8 лет Анна была фавориткой чрезвычайно изменчивого Августа, что является доказательством её необычайной энергии и ума, и надеялась, что так будет продолжаться и дальше: она была уверена в своём влиянии на него. Однако примерно через 9 месяцев после рождения третьего ребёнка, на этот раз сына, вопреки всяким ожиданиям Анны господство её сильно пошатнулось. Её положение нельзя было сравнить с положением других фавориток Августа — Кёнигсмарк, Эстерле, Тешен — они были для него всего лишь любовницами, тогда как она была названа его супругой, дети других были бастардами, а её — официально признаны. Однако графиня приобрела много могущественных противников, и её ошибкой было то, что она отпустила Августа в Варшаву, где интриганы смогли развернуться вовсю. Уже давно изменчивому сластолюбцу-королю разъясняли: для того чтобы поляки не чувствовали себя обиженными, он должен наряду с саксонками взять себе любовницу-польку. И ему тотчас представили некую графиню Марию-Магдалину фон Денхоф. Козель была в курсе всех этих интриг, но почему-то колебалась, несмотря на предупреждения друзей и сторонников, и не ехала в Варшаву, чтобы, как обычно, следить за королём.

Когда новости из Варшавы стали совсем уж тревожными, графиня летом 1713 года решилась-таки на поездку. Хотя она и объявила, что собирается в Гамбург, чтобы купить там дом, её противники догадались об истинной цели поездки и сумели убедить короля, больше не питавшего к ней никаких чувств, воспрепятствовать этому. Если бы Анна не задержалась больше положенного во Вроцлаве, она смогла бы, несомненно, противостоять козням врагов. Однако именно там её и застали посланные королём ей навстречу в сопровождении гвардейцев камер-юнкер и подполковник и передали ей приказ возвращаться в Дрезден. Дело кончилось грандиозным скандалом, графиня не хотела подчиняться и позднее сожалела, что не воспользовалась пистолетом, чтобы проложить себе дорогу в Варшаву. Однако в конце концов она сдалась и в сопровождении своей обезоруженной свиты повернула обратно.

Так как Август в декабре собирался вернуться в Дрезден вместе с Денхоф и больше не хотел видеть там Анну, она была вынуждена отправиться в Пильниц. Флемминг просил передать ей второй приказ короля: Денхоф не хотела перебираться в Дрезден

до тех пор, пока там будет находиться Козель.

Однако, услышав, какая участь ей угрожает, Козель пришла в неописуемую ярость, изругала короля в пух и прах. «В какой помойной яме он теперь сидит?» — кричала она, намекая на Денхоф. Она припомнила, как они с Августом были счастливы в любви, как много он для неё сделал, как он клялся ей, как много радости они доставляли друг другу, какую любовь она к нему испытывала и как невероятно жестоко он с ней поступил.

Ещё недавно могущественная фаворитка, теперь была одинокой и всеми покинутой. Она ломала голову, как вернуть милость короля, изгнать ненавистную соперницу и отомстить недругам. Что касается милости короля, то тут она попробовала различные магические средства: приказывала варить приворотные зелья и произносить заклинания, чтобы «наслать напасть» на своих врагов.

В июле 1714 года она, казалось, была готова уступить, отдала ключ от своего дрезденского дворца, однако забрала мебель. Она отдала, правда, с большой неохотой, кольцо, которое Август подарил ей, видимо, вместе с жалованной грамотой. Кроме того, она подписала обязательства никогда не появляться в Польше и в Саксонии в тех местах, где собирался бы остановиться король.

«Я обязуюсь, — следует далее, — никогда не говорить и не делать ничего такого, что может быть неприятно королю или противно его интересам. А также воздерживаться от участия в любых интригах и сплетнях, никогда более ни в письмах, ни в разговорах не вмешиваться в дела, касающиеся короля, и вообще постоянно вести себя так, как следует из этой грамоты, которую я подписала. А если я в чём-либо нарушу данные условия, то вызову справедливый гнев короля и признаю, что тогда Его Величество имеет полное право лишить меня всех своих милостей, которые он мне оказал при условии, что я не нарушу условия договора.

И да поможет мне Бог до конца дней моих».

К французскому оригиналу договора прилагался длинный постскриптум, в котором графиня протестовала против клеветы в свой адрес и просила короля сохранить её привилегии и имущество.

В 1715 году она, видимо, согласилась по предложению Августа кончить дело миром и вернуть драгоценный документ. Затем сомнения вернулись, и она решилась бежать.

12 декабря Анна тайно покинула Пильниц. Сначала она жила в Берлине, затем в Галле. Кроме торговцев провизией, Анну посещал прилично одетый господин, которого считали её любовником. «Невозможно представить себе более прекрасной и

возвышенной картины. Тоска, снедавшая её, проявлялась изысканной бледностью у неё на лице и грустью в глазах… Это была смуглая тридцатишестилетняя красавица, у неё были огромные живые глаза, белоснежная кожа, красиво очерченный рот, безукоризненной формы нос. Во всём её облике было нечто величественное и проникновенное. Наверное, королю было не так просто освободиться от её чар…»

Здесь, в Галле, решилась её судьба. Прусский король согласился на её арест, и возле дома, где она проживала, была выставлена стража. В её берлинской квартире был проведён обыск с целью обнаружить эти бумаги, но Анна успела их перепрятать.

Затем её перевели в Лейпциг, потом — в замок Носсен, где стерегли как особо опасную преступницу. Здесь у неё началось умственное расстройство, она фантазировала, беспричинно смеялась и плакала. После того, как Анна немного поправилась, её под усиленной стражей переправили в крепость Штольпен. Её Анна покинула только после своей смерти, почти через 50 лет. Без суда и следствия она была приговорена к пожизненному заключению как жертва мести и страха короля, ведь не подлежит сомнению, что Август Сильный боялся графини. Он обещал ей жениться и гарантировал неприкосновенность её имущества, однако обманул её и бросил.

Своё заключение она, что вполне понятно при её темпераменте и той бездеятельности, к которой её приговорили, переносила с большой горечью и не переставала везде, куда обращалась за помощью, подчёркивать это. Однако всё было напрасно…

В 1727 году, после одиннадцатилетнего заключения, она увидела короля из окна своего дома. Он прибыл, чтобы присутствовать на стрельбах. Графиня окликнула его, однако он только слегка приподнял шляпу и ускакал, не сказав ни слова.

1 февраля 1733 года Август умер в Варшаве. Но и тогда её не освободили. Почему — совершенно непонятно. Хотя и были сделаны некоторые послабления режима заключения. Графиня Козель могла принимать гостей, несколько раз в году встречаться с детьми, которым она стала совершенно чужой…

Графиня так и не была освобождена и ясным весенним днём конца марта 1765 года тихо угасла. Естественно, повсюду искали деньги и драгоценности, но после долгих поисков в волосяном матраце нашли только завёрнутые в бумагу 105 гульденов…

Диана де Пуатье (1499–1566)

Герцогиня де Валентинуа, фаворитка короля Генриха II. Своё влияние на короля сохранила до самой его смерти в 1559 году, несмотря на сопротивление его законной супруги Екатерины Медичи.

* * *

Диана вышла замуж за великого сенешаля Нормандии, луи де Брезе, но в 1531 году овдовела. Путь ко двору был свободен. Впрочем, она сошлась с королём Франциском ещё до смерти мужа. Когда её отец был приговорён к смерти за участие в заговоре против Франциска, она обратилась к королю и добилась отмены приговора. Говорят, что она купила эту милость ценой своей супружеской верности.

Герцог Генрих Орлеанский, второй сын Франциска I, был по природе слаб и робок. Молодость его прошла печально. Когда его отец был взят в плен после сражения у Павии, ему пришлось вместе с братом провести в монастыре целых четыре года в качестве заложника. Вернувшись в Париж, он был ослеплён его блеском. Ему хотелось приобщиться к радостям жизни, и вскоре они явились в лице Дианы Пуатье, которая, по словам Брантома, «одевалась красиво и величественно, но только в чёрное и белое». Это был траур по мужу. Сам принц не думал сближаться с ней, поскольку считал её образцом добродетели и ума, но Диана сразу поняла, какое она может иметь на него влияние. Она была намного старше принца — на 18 лет, но красота скрашивала этот недостаток. Между нею и принцем завязались близкие отношения, а вскоре старший сын короля умер, и Генрих сделался дофином. Говорят, что в смерти принца повинна Диана, которая дала ему яду, но это не доказано.

С той минуты, как Генрих сделался наследником престола, при дворе началась отчаянная борьба между двумя женщинами — Дианой, пользовавшейся расположением дофина, и герцогиней д'Этамп, любовницей Франциска I, не довольствовавшейся влиянием, которое она имела на короля, и твёрдо решившей приковать к себе и его будущего преемника. Весь двор разделился на два лагеря. Диана была на десять лет старше герцогини д'Этамп, и поэтому приверженцы последней начали уже говорить об увядшей красоте. Даже поэты и художники приняли участие в раздорах. Так, художник Приматиччио постоянно рисовал

герцогиню д'Этамп, его картины украшали королевскую галерею. Бенвенуто Челлини выбрал в качестве модели прекрасную охотницу Диану. Поэты лагеря герцогини возвеличивали её красоту, не щадя красок, а Диану называли беззубой и безволосой, обязанной своей внешностью только косметическим средствам. Всё, конечно, было ложью, потому что Диана до конца жизни оставалась красавицей. Но это страшно злило фаворитку дофина. Впоследствии, когда она достигла вершин власти, её враги жестоко поплатились за свои едкие замечания. Так, по приказу Дианы был удалён от двора министр финансов Бояр, один из наиболее горячих клевретов герцогини д'Этамп, а вскоре та же участь постигла и герцогиню.

Диана постепенно прибирала дофина к рукам. Он не расстался с ней даже после женитьбы на молоденькой и прелестной Екатерине Медичи, дочери герцога Урбино во Флоренции. Этому, впрочем, способствовал характер самой Екатерины, которая не вмешалась в государственные дела и жила исключительно для удовольствия в кругу преданных весёлых дам, так называемой «маленькой шайки», занимавшейся только охотой, выездкой, балами…

После смерти Франциска на престол вступил Генрих. Королева не изменила своего образа жизни, и править практически стала Диана. Но она была больше, чем королева. Диана держала в своих руках судьбу государства, раздавала посты, преобразовывала министерства и парламент, решала вопросы о помиловании, управляла финансами, влияла на решения судей. Король беспрекословно исполнял её волю. В одном из писем Генрих умолял её всегда смотреть на него только как на верного слугу, он гордился именем слуги, которым она его окрестила.

Конечно, Диана была прекрасна. Казалось, красота её никогда не угаснет. У неё были правильные черты лица, красивый цвет кожи, чёрные, как смоль, волосы. Болезней она не знала и даже в самую холодную погоду умывалась водой из колодца. Фаворитка вставала в 6 часов утра, садилась на лошадь и в сопровождении своих гончих собак проезжала 2–3 мили, после чего возвращалась и до полудня проводила время в постели с книгой. Она была умна, живо интересовалась литературой и искусством. Утверждали, что Диана завоевала сердце короля не столько красотой, сколько советами, которые ему давала, и своей любовью к искусству, в котором прекрасно разбиралась. Родственники её всячески отрицали существование интимной связи между нею и королём, считая, что поведение Дианы в супружестве было безукоризненным, что, даже находясь на

вершине власти, она никогда не снимала с себя траура. В качестве доказательства приводилось и то, что между королём и Дианой была большая разница в возрасте, что могло вызвать только уважение со стороны монарха, и она не была расточительна, подобно другим куртизанкам… Однако они не упоминали о том, что Диана была честолюбива и мстительна.

Историк де Ту осуждал её за гонения на протестантов и разрыв мирных отношений с Испанией. Тем не менее она могла считаться лучшей из фавориток, и Брантом справедливо заметил: «Французский народ должен просить Бога, чтобы никогда не было фаворитки хуже, чем эта».

В 1548 году король сделал её герцогиней Валентинуа и поручил знаменитому архитектору Делорму построить для неё дворец Анэ, который Диана великолепно обставила. С королевой она поддерживала добрые отношения, даже ухаживала за её детьми, правда, не бесплатно. По словам Брантома, когда король хотел узаконить одну из дочерей, прижитых им с Дианой, фаворитка сказала: «Я родилась для того, чтобы иметь законных детей от вас. Мне вовсе не хочется, чтобы парламент объявил меня вашей сожительницей».

Здесь, пожалуй, Брантом ошибается. У девочки, о которой идёт речь, Дианы Французской, была другая мать, молодая пьемонтка, с которой Генрих сошёлся ещё во время похода 1537 года. Король узаконил её в 1547 году. Позднее она сделалась герцогиней, благодаря браку с герцогом Монморанси.

Солнце Дианы закатилось в тот же день, когда умер Генрих. Ещё задолго до его смерти распространились два предсказания. Знаменитый итальянский астролог Лука Гаврико возвестил, что король умрёт на сороковом году жизни, и причиной тому послужит дуэль. Предсказание это вызвало насмешку, так как у королей дуэлей не бывает. Вскоре появилось ещё одно похожее предсказание. Окружение монарха встревожилось. Сам король в шутку выразился, что предсказания очень часто сбываются и что он примет такую смерть столь же охотно, сколь и всякую другую, лишь бы противником его оказался храбрый человек. Он, конечно, не предполагал, что действительно погибнет в поединке.

30 июня 1559 года около дворца Турнелль состоялся турнир. Король облачился в цвета Дианы и дрался храбро, но копьё графа Монтгомери попало ему в глаз и проникло до самого мозга. Через несколько дней Генрих скончался.

Брантом рассказывает, что король ещё дышал, когда Екатерина Медичи приказала Диане удалиться от двора, отдав прежде драгоценности, подаренные фаворитке королём. Диана спросила, умер ли король, а когда ей ответили, что он ещё

дышит, но не проживёт и дня, она гордо воскликнула: «В таком случае, мне никто не смеет приказывать! Пусть знают мои враги, что я их не боюсь! Когда короля не будет, потеря эта доставит мне слишком много горя для того, чтобы я была чувствительна к досаде, которую мне хотят причинить».

Молодой король Франциск II приказал довести до её сведения, что, вследствие пагубного влияния Дианы Пуатье на короля, она заслужила строгое наказание, но в своей королевской милости он решил оставить её в покое и потребовал только, чтобы она возвратила драгоценности, полученные от Генриха II. Таким образом, бриллианты и другие украшения, перешедшие от графини Шатобриан к герцогине д'Этамп, а затем Диане Пуатье, вернулись в королевскую казну, чтобы украшать в будущем головы других фавориток.

Диана покорно подчинилась судьбе. Она удалилась в свой замок Анэ, где и умерла 26 апреля 1566 года на шестьдесят седьмом году жизни, покинутая почти всеми друзьями. По свидетельству Брантома, она была прекрасна до последней минуты. Перед смертью Диана основала несколько больниц, отдав, по выражению Шатонефа, Богу то, что взяла у мира. В церкви замка Анэ ей поставили памятник — статую из белого мрамора. Статуя эта теперь находится в Луврском музее. Одна из её дочерей от брака с графом Брезе вышла замуж за герцога Бульонского, другая — за герцога Омальского. Диана увековечена на многих портретах и в скульптурных произведениях. Жан Гужон изобразил её в виде торжествующей обнажённой охотницы, обнимающей шею таинственного оленя.

Жозефина Мария-Роза де Богарне (1763–1814)

Французская императрица, первая жена Наполеона I (с 1796 по 1809 год). Родилась на острове Мартиника. Первый муж Жозефины пал жертвой террора в 1794 году. От него имела двоих детей. Евгений стал впоследствии вице-королём Италии, а Гортензия — женой голландского короля Людвика Бонапарта и матерью Наполеона III. После развода с Наполеоном I Жозефина поселилась вблизи Эвре и вела роскошную жизнь.

* * *

Наполеон, 26-летний молодой генерал, быстро осознал: чтобы заручиться поддержкой одного из главных деятелей 9 термидора, Барраса, этого «короля Республики», необходимо прежде добиться расположения его знаменитой любовницы мадам Тальен, а для этого надо было появиться в свете. И вот сентябрьским вечером 1795 года он отправляется в салон той, кого называли «Термидорской Богоматерью». Именно здесь он впервые увидел другую королеву парижских салонов, нежную и страстную Жозефину де Богарне и сразу же без памяти влюбился в неё.

Среди гостей Наполеон был одет беднее всех. Мюскадены (так называли роялистов, одевавшихся с подчёркнутой роскошью) щеголяли белокурыми париками (шла молва, будто их изготовляли из волос казнённых) и гордо выставляли напоказ свои броские наряды. Ни для кого из них не прошло незамеченным появление «черномазого» генерала с пронзительным взглядом.

Наполеон решительно прокладывал себе путь среди разряженных офицеров, украшенных трёхцветными поясами членов Конвента. В погоне за высокими чинами виконт Баррас де Фокс-Анфу, депутат от Вара, оставил королевскую армию и уже 1 августа 1875 года получил звание бригадного генерала в армии Республики. Хотя профессиональным военным он так и не стал. Его дама была в простом муслиновом платье, свободно ниспадающем широкими складками. Под платьем угадывались очертания груди и бёдер. Остальные дамы были такие же соблазнительные. Хозяйка вечера, чувственная креолка,

окидывала настойчивым взглядом каждого мужчину, словно предлагала им вести себя смелее.

Совершенно очарованный красотой полуобнажённых дам, Наполеон почтительно приблизился к Терезе Тальен. Баррас что-то шептал ей на ухо. Быть может, рассказывал о взятии Тулона. Наполеон почувствовал себя смелее. Обольстительное окружение придало ему храбрости. В мгновение ока этот худой и малозаметный офицер стал убедительным, ярким, напористым…

Каждую фразу Наполеон подхватывал буквально на лету, не упуская возможности показать себя во всём блеске. Он уже чувствовал себя здесь как дома, как будто всю жизнь учился придворным манерам. Разглагольствуя, он в пылу смело хватает за руку Терезу Тальен… Обменялся парой слов и с Жозефиной де Богарне, вдовой генерала де Богарне, обезглавленного в годы террора, которая оценивающе оглядела этого худощавого, низкорослого и нервного человека. Говорили, что с мадам Тальен они познакомились в тюрьме и что раньше она тоже была любовницей Барраса, впрочем, время от времени продолжала выступать в этой роли. Обеим женщинам молва приписывала многочисленных любовников, распутный образ жизни и крупное состояние. Наполеон был так остроумен, что она невольно забыла о том, как жалко он одет.

Постепенно все дамы одна за другой отошли от них, словно признав за Жозефиной де Богарне право на генерала, которому не было ещё и 27 лет. Она пригласила его навестить её дома, на улице Шантерен, 6.

У неё за плечами была уже целая жизнь. Ей было за 30. Но тело, но кожа, её манера двигаться словно в танце! Все дружили с ней. Она занимала центральное место в том мире, в который он едва вошёл.

28 октября к нему в штаб, оттесняя адъютантов, протолкался солдат с пакетом. Пока Наполеон вскрывал конверт, присутствовавшие офицеры скромно отступили в сторону.

Ему был незнаком этот круглый почерк с жирными прямыми линиями, неуверенный и прилежный одновременно. Письмо было подписано «Вдова Богарне». «Вы совсем не навещаете любящего вас друга, — пишет Жозефина. — Совершенно забыли его, и напрасно, потому что друг этот вам искренне и нежно предан. Приходите завтра ко мне обедать…» Наполеон сложил письмо и отослал адъютантов.

Наконец-то у него появилась женщина!

Наполеон принял приглашение возлюбленной.

Он прижал к себе Жозефину, и та подалась к нему, такая мягкая и послушная. Наполеон отнёс её в постель.

Наконец-то она принадлежала ему, эта умелая женщина с длинными пальцами, с шёлковой гладкой кожей. Он с жаром сжимал её и так горел желанием, что она едва не лишилась чувств. Жозефина делала вид, будто хочет оттолкнуть его, но, словно признав своё поражение, уступала и становилась нежной. Однако почему-то генерала не покидало ощущение, что она выскальзывает из его рук, что она как будто не здесь, а где-то далеко…

Едва расставшись с ней, он тотчас же писал письмо:

«Моё пробуждение полно тобой. Твой облик и пьянящий вечер, проведённый с тобой вчера, не оставляют в покое мои чувства. Нежная, несравненная Жозефина! Что за странные вещи творите Вы с моим сердцем! Стоит мне представить, что Вы сердитесь, или грустите, или встревожены, как душа разрывается от боли, и Ваш друг не знает более покоя».

Впрочем, Жозефина к нему не спешила. Поджидая её в приёмной нотариуса господина Рагидо, где она назначила ему свидание, Наполеон подошёл к приоткрытой двери и услышал, как ворчит нотариус: «Что это вам вздумалось! Выходить замуж за генерала, у которого нет ничего, кроме плаща и шпаги!»

7 февраля 1796 года о предстоящем бракосочетании сообщили публично, а уже 2 марта состоялось официальное назначение молодого генерала на пост главнокомандующего армией, которой предстояло действовать в Италии. «Приданое Барраса», — шипели завистники.

Следовало составить брачный контракт. Жозефина убавила себе четыре года. (Ему об этом было известно.) Сам он прибавил себе полтора года. Что значили все эти мелочи! Он желал этого брака.

9 марта 1796 года (19 вантоза IV года), в день свадьбы, назначенной на 9 часов вечера в мэрии на улице Антэн, Наполеон провёл совещание с адъютантами. Каждому он объяснял его задачу. На 11 марта планировался отъезд в Ниццу, где располагался главный штаб армии. Адъютантам предстояло подготовить все этапы следования, позаботиться о квартире для Наполеона, созвать его генералов.

Внезапно Наполеон поднял голову и едва не подскочил на месте. Шёл уже десятый час. А ведь в мэрии его ждали Баррас, Тальен и Жозефина!

В сопровождении одного из адъютантов, Ле Маруа, Наполеон торопливо отправился в путь. Он уже преподнёс Жозефине маленькое кольцо с сапфирами в качестве свадебного подарка. Внутри кольца было выгравировано: «Это судьба».

Когда он входил в здание мэрии, было уже 10 часов. По

ступенькам Наполеон не всходил, а прыгал. Его уже давно ждали. Горели свечи. Мэр Ле Клерк клевал носом.

Наполеон потряс его за плечо. Наконец церемония началась. Жозефина едва слышно прошептала слова согласия. Наполеон звонким голосом произнёс: «Да». И сейчас же увёз Жозефину. Она целых две ночи была с ним. Спустя два дня он покинул её, чтобы принять участие в итальянской кампании.

От Парижа до Ниццы — одиннадцать ночёвок, и с каждой ночёвкой, почти с каждой почтовой станции, на которой он менял лошадей, летело письмо на улицу Шантерен, в отель гражданки Богарне.

«Когда я бываю готов проклясть жизнь, я кладу руку на сердце: там твой портрет, я на него смотрю, и любовь для меня — безмерное лучезарное счастье, омрачаемое только разлукой с тобой. Ты приедешь, правда? Ты будешь здесь, около меня, в моих объятиях! Лети на крыльях! Приезжай, приезжай!»

Почему же она медлила?

Дело в том, что перспектива мотаться с солдатами по полям нисколько не привлекала её. Насколько лучше пользоваться, сидя в Париже, всеми их трудами и достигнуть наконец цели посредством простой ставки в игре и стать одной из самых высокопоставленных львиц, одной из цариц нового Парижа! Бонапарт прислал ей доверенность, да, впрочем, кто отказал бы в кредите жене главнокомандующего Итальянской армии? Она была участницей всех празднеств, всех увеселений, всех приёмов в Люксембурге, где при Баррасе была восстановлена королевская пышность и где рядом с хозяйкой, госпожой Тальен, ей отводилось лучшее место.

Но нужен был всё-таки какой-нибудь предлог. Что же придумать? Болезнь — это старо, но болезнь, вызванная началом беременности, — прелестно. Узнав эту новость, Бонапарт потерял голову. «Я так виноват перед тобой, — писал он, — что не знаю, как искупить мою вину».

Но он не мог больше ждать; грозил, если его жена не приедет, подать в отставку, всё бросить и приехать в Париж. Жозефина поняла, что с отговорками кончено, тем более что последнего предлога — беременности — нет. Ссылками на болезнь больше нельзя провести мужа: ведь она продолжала выезжать, не отказывалась ни от одного праздника и прекрасно переносила все развлечения. Бонапарт в это время вынужден был идти навстречу армии Вурмсера и умолял Жозефину приехать к нему в Верону: «Ты нужна мне, — писал он ей, — потому что я скоро сильно заболею». Но она ждёт его в Милане, куда он и помчался. Два дня сердечных излияний, любви, страстных ласк — и тотчас же —

тяжкий кризис, связанный с Кастильоне.

Когда она была с Бонапартом, он проводил день в поклонении ей, словно божеству; когда она уезжала, он слал гонца за гонцом. Из каждой из этих безвестных деревень, названия которых он сделал бессмертными, летели письма с уверениями в любви, в доверии, в признательности, с проклятьями ревности, с безумными ласками. Ей, любовнице уже пожившей, светской и опытной, принадлежали его ненасытные чувства — совсем молодого, совсем свежего, чувства двадцатишестилетнего мужчины, жившего до тех пор целомудренно.

Эта вечная экзальтация тяготила её и надоедала ей. Конечно, мило — быть так любимой; сначала это казалось интересным и новым, но постепенно утомило. Его безрассудная страсть, с её грубостью и наивностью, не способна была разбудить уже притупившиеся чувства. Шарль был развлечением, лучше которого и желать нельзя: он был из того Парижа, который любила Жозефина, — Парижа разгульного, шумного, весёлого, Парижа-кутилы. Ей нужен был Шарль, чтобы легче переносить скуку, которая её изводила.

К Бонапарту Жозефина вернулась только в конце декабря. Хотя любовь Наполеона теперь уже не была бешеной и страстной, но его жена оставалась единственной женщиной, которую он любил.

Между тем она уже не была так красива. Ей было далеко за тридцать, но, даже когда прошла страсть, от прежней любви у Бонапарта осталась к ней горячая благодарность.

Жозефина обедала в Люксембурге, у президента Директории Гойе, когда пришло совершенно неожиданное для неё известие, что Бонапарт высадился во Фрежюс. Она как бы забыла о существовании Бонапарта, казалось, даже не думала, что он может вернуться, устроила свою жизнь по своему вкусу и вела себя как вполне утешившаяся вдова.

А Наполеон, решивший порвать с Жозефиной после того, что он узнал в Египте, уже три дня расспрашивал своих братьев, сестёр, мать. У него не осталось никаких сомнений насчёт поведения Жозефины в Милане, насчёт её ещё более предосудительной жизни в течение последних семнадцати месяцев. Решение Наполеона было твёрдым, и вся семья горячо одобряла его. Никакие доводы не могли ни тронуть, ни смягчить его. Никакие интересы, в важности которых его старались убедить, не могли заглушить в нём справедливое негодование. Чтобы избежать встречи, которая могла, пожалуй, его растрогать, — потому что он знает власть этой женщины над

собой, — он оставил у привратника её вещи и драгоценности.

Наконец приехала Жозефина, совершенно потерявшая голову. Ей предстояло сыграть последнюю игру, которая была на три четверти проиграна. В пути, быть может, впервые в жизни, она задумалась о своём положении, и весь ужас его внезапно престал перед нею. Если ей не удастся увидеть его снова, завоевать его, куда она пойдёт? Что будет с нею?

Она проникла в отель, но теперь ей нужно было попасть в комнату Бонапарта. Перед дверью, в которую тщетно стучалась, она опустилась на колени; послышались её стоны и рыдания.

Он не отпирал. Сцена длилась много часов, целый день.

Наконец дверь открылась, появился Бонапарт с протянутыми руками, безмолвный, с лицом, искажённым долгой и жестокой борьбой с собственным сердцем. Это было прощение, и не то прощение, о котором потом сожалеют, которое не мешает возвращаться к прошлому, пользоваться им как оружием; нет, это было прощение, полное великодушия, прощение окончательное, забвение всех совершённых ошибок.

Жозефина задумалась: муж, который без колебаний оплатил более двух миллионов долгов, — это такой содержатель, какого нелегко найти и который заслуживал, чтобы для него кое-чем пожертвовать. Жозефина это сделала, и её видимое поведение до развода не давало её противникам повода для нареканий. Она слишком боялась потерять своё *положение*.

Вспыхнувшая в сердце Наполеона любовь к полячке Марии Валевской отодвинула образ Жозефины на второй план.

После возвращения из Тильзита всё шло к разводу: впервые император задумался об этом. Но какой длинный путь отделял замысел от его осуществления! В других делах, делах ума, а не сердца, если решение было принято, он не допускал никаких промедлений и шёл к цели, не останавливаясь ни перед чем. Здесь же его ум взвесил все неудобства, создаваемые бесплодием Жозефины, все выгоды развода и второго брака, но сердце его противилось политическим замыслам, и в течение целых двух лет, с июля 1807 года до октября 1809 года, он колебался.

Он сам начал в Париже неприятный разговор, считая своим долгом известить Жозефину о принятом им решении. Она ждала этого, ждала не только с 1807 года, но всегда, всё время. Значит, он разразился, этот удар, защищаясь от которого она пускала в ход всю свою ловкость, ужас предчувствия которого отравил всю её жизнь — значит, наступил момент развода.

Она прибегла всё-таки к обморокам и слезам, без всякой надежды снова овладеть им, только для того, чтобы извлечь наибольшие выгоды из положения, в которое попала. Она желала

устроить сына, желала, чтобы было исполнено то, что ей обещали для него. Что же касается её самой, то она не желала уезжать из Парижа, затем она потребовала, чтобы были уплачены её долги, потом, чтобы за ней сохранили ранг и прерогативы императрицы, потом ещё, чтобы у неё были деньги, много денег. И она получила всё, чего желала: Елисейский дворец, как городскую резиденцию, Мальмезон, как летнюю, Наваррский замок — для охоты, три миллиона в год, тот же почёт, каким пользовалась раньше, титул, гербы, охрану, эскорт, все внешние атрибуты царствующей императрицы.

Но деньги, дворцы, титулы — всё это ничто не значило для него; он дал больше — свои слёзы. И как встревоженный, самый верный и самый нежный любовник, он писал письмо за письмом, желал знать до мельчайших подробностей, как живёт отвергнутая им жена. Однако когда он явился в Мальмезон, чтобы повидать её и постараться утешить, он даже не вошёл в её покои, старался всё время держаться на виду у всех, потому что хотел, чтобы и Жозефина, и все знали, что между ними всё кончено навсегда. И тщательно избегая давать кому-либо повод думать, что та, которая вчера была его женой, состоит теперь при нём любовницей, он выказывал ей этим новый знак своего уважения. И потом, кто знает? Может быть, он и сам всё ещё не был уверен в своих чувствах; в таком случае он проявлял к ней не только уважение; он показывал этим, какой живой, и глубокой, и крепкой, способной пережить всё, даже молодость и красоту, была и осталась его любовь, зародившаяся тринадцать лет назад, такая страстная вначале, такая непоколебимая, несмотря на случайные измены, самая властная и самая слепая, какую испытывал когда-либо человек.

Марина Мнишек (ок. 1588 — ок. 1614)

Известная авантюристка. Дочь польского магната Ежи Мнишека. Жена Лжедмитрия I и Лжедмитрия II. Была выдана яицкими казаками русским правителям. Умерла, по-видимому, в заточении.

* * *

«Выслушай моления любви, дай высказать всё то, чем сердце полно». Это слова Лжедмитрия из пушкинского «Бориса Годунова», когда он в саду у фонтана клянётся в своей страсти Марине Мнишек.

Кто же такая эта Марина Мнишек, которая с первого взгляда безумно влюбила в себя самозванца-претендента на российский престол, да так, что он ради неё готов был от всего отказаться? Ангельской красоты женщина или демон, перед которой не смог устоять пылкий авантюрист?

Нет, Марина далеко не красавица, в ней не видно женского обаяния. Но внешность, как известно, бывает обманчива, а может, художник намеренно на первый план вынес в портрете не миловидность или обаяние, а другие свойства её натуры — сильную волю, обострённое честолюбие, гордость. Иначе как объяснить, что у Марины не было недостатка в кавалерах, причём самых знатных? Все они нещадно боролись между собой за её руку и сердце. Дело доходило даже до дуэлей. Но холодная панна оставалась равнодушна, словно чувствовала, что ещё не пришёл её час, что будущий её избранник поможет ей достигнуть, пусть не небесного престола, но самого высокого на земле — царского. И терпеливо ждала.

Она была дочерью сандомирского воеводы Ежи Мнишека и жительницы Самбора Анны Тарловны. Её родители имели десять детей, в то числе пять девочек. Марина была предпоследней дочерью. Сандомирский воевода был в высшей степени честолюбивым человеком и мечтал видеть всех дочерей замужем только за богатыми и знатными людьми. Старшую Урсулу он выдал за известного князя Константина Вишневецкого. Естественно, не рассчитывала на меньшее и Марина.

Лжедмитрий впервые оказался в Самборе в 1603 году. В то время с помощью польского короля Сигизмунда III он уже был

готов к осуществлению дерзкой авантюры — захвату власти в московском государстве. Он был уверен, что Борис Годунов, который не был царского рода и которым был недоволен народ, не сможет ему всерьёз противостоять. Тогда-то и произошла встреча мятежника с Мариной Мнишек. Полячка догадалась, что он самозванец, но это, похоже, её не смутило.

Многие польские богачи, которые торопили самозванца с походом, вовсе не хотели, чтобы он в столь ответственный момент связывал себя с женщиной. Но Лжедмитрий был уже безумно влюблён. В мае 1604 года состоялась помолвка авантюриста с Мариной. По одной версии это произошло в самом Самборе, в костёле, по другой — в остроге. Но так или иначе счастливый избранник подписал тогда брачный договор, по которому в знак благодарности дарил отцу Марины Ежи Мнишеку один миллион злотых плюс Смоленское и Новгород-Северское княжество. Невесте же — города Новгород и Псков.

Примерно через полгода Лжедмитрий, получив благословение в Бернардинском костёле от архиепископа львовского Яна Деметрия Соликовского, вместе с 15 тысячами польского войска двинулся на Москву. Как известно, военная компания удалась. Собственно, воевать и не пришлось. Было триумфальное шествие, трон оказался незанятым — Борис Годунов умер, а народ рад был, что наконец-то получил царя.

21 июля 1605 года состоялась торжественная коронация Лжедмитрия. А вот пышная церемония венчания его с Мариной происходила уже в Польше в Краковском костёле, где по столь необычному случаю собралась вся королевская и шляхетская рать.

Лжедмитрий возвратился в Москву с новой царицей. Первой дамой московского государства Марина побыла ровно 9 дней. Ещё голова кружилась от шумных и пышных праздников, когда началось первое восстание. Причины его известны. Но в чашу народного недовольства Марина добавила и свои капли. Она потребовала, чтобы короновали не только мужа, но и её, а в русской деревне это восприняли, как кощунство. Кроме того, она готовилась выйти на церемонию не в московском национальном одеянии, а в европейском — с полуобнажённой грудью, чем шокировала даже царское окружение.

Лжедмитрий был убит. Но Марина и после этого не собиралась уступать своё место другой. Как только на историческую сцену вышел Лжедмитрий Второй, она тут же закрутила и с ним роман. Они тайно обвенчались, и Марина на весь свет заявила, что отныне она — московская царица. От него у неё родился сын Иван. Но вторая авантюра закончилась также

быстро, и «тушинский вор», как прозвали второго самозванца, тоже был убит. А Мнишек уже вошла в роль и никак не хотела примириться с крушением. Авантюристка фанатично верила в свою звезду и сделала очередную ставку на нового кандидата. Польский король пытался было образумить её, пообещав взамен московского царства маленькое, но своё владение — Самбор или Гродно. На что Марина ответила, что когда станет московской государыней, то преподнесёт ему более дорогой подарок — Варшаву.

В это время любвеобильная Марина стала женой одного из сподвижников Лжедмитрия Второго — казацкого атамана Ивана Заруцкого, который был родом из Тарнополя. Он поклялся ей, что вернёт ей московскую корону. Но казака преследовали неудачи. Известно одно — молодая женщина, как уверяют очевидцы, и в самом деле полюбила этого храброго человека, имея уже двух детей — мальчиков (второго она родила, когда Лжедмитрий был убит). В конце концов Заруцкий кончил свою жизнь на плахе.

После этого следы Марины Мнишек теряются. Одни историки считают, что ей отрубили голову, другие, что утопили в реке, третьи, что отправили в монастырь. А вот судьба её двоих детей от Лжедмитрия Второго известна: младшего сына задушили, а старшему повезло — его приютил литовский канцлер.

Бьянка Капелло (1548–1587)

Самая красивая венецианка своего времени. Почти четверть века за этой женщиной с пристальным вниманием следил весь мир. Нищета, унижения, затем небывалое восхождение и роскошь были неразрывно связаны с именем Бьянки Капелло, Великой герцогини Тосканской.

* * *

Шестнадцатилетняя красавица венецианка, Бьянка встретила в одном из церковных коридоров Пьетро Бонавентури. Этот смазливый легкомысленный юноша, банковский служащий в торговом доме Сальвиати, стал судьбой девушки. Он был невероятно честолюбивым, жаждущим славы, падким на роскошь. До него дошли слухи о прекраснейшей дочери города в Лагуне, прелестной венецианке Бьянке Капелло. Чтобы фортуна улыбнулась ему, он украл деньги, купил пурпурно-красную шёлковую куртку и такого же цвета берет и стал искать встречи с Бьянкой. Когда девушка выходила из собора Св. Марка, она увидела его. Всего лишь взгляд, всего лишь безмолвное «да» из-под целомудренно опущенных ресниц — и судьба обоих была решена.

К шутовскому наряду прибавилась фальшивая фамилия. Имя Пьетро Сальвиати звучало для девушки особенно привлекательно…

А в великолепном палаццо Бартоломео Капелло жил только одной мыслью — выдать свою прекрасную дочь замуж за достойного человека. От своей умершей матери, урождённой Морозини, Бьянка получила богатое наследство.

Бьянку Капелло охраняли с неслыханной строгостью. Она ни под каким видом не смела показываться у окон, выходивших на канал. Она вознаграждала себя тем, что каждый вечер подходила подышать воздухом к маленькому, высоко расположенному окну, выходившему на улицу, где жил Бонавентури. При помощи знаков Пьетро удалось признаться в любви, но он не мог проникнуть в палаццо. За малейшую попытку наказанием обоих любовников была бы смерть. Но любовь заставила надменную красавицу достать ключ от калитки и выйти на свидание.

Долгими глухими ночами беспечно отдавалась обманутая девушка своему счастью. Но вот всё рухнуло: беззаботная юность,

роскошь и счастье. Бьянка ждала ребёнка… Она с ужасом поняла, что единственным спасением для неё и Пьетро будет бегство. Законы венецианского общества были очень суровыми и обрекали на изгнание и отлучение от церкви девушку, которая сознательно отдавалась любимому человеку.

Наступил день бегства. Когда Бьянка стояла перед алтарём церкви, чтобы обручиться с Пьетро, она узнала, что была подло обманута возлюбленным, присвоившим чужое имя.

А в Венеции в это время готовилось возмездие. Высший Совет под председательством дожа собрался на суд. В этот Совет входил также дядя Бьянки — Гримани, епископ Аквилен.

Совратитель Бьянки Пьетро Бонавентури был единодушно приговорён Сенатом к смертной казни. За поимку беглецов была назначена сумма в 1000 дукатов. Такую же сумму со своей стороны назначил глубоко оскорблённый отец Бартоломео Капелло.

Этот приговор был хуже мгновенной смерти! Впоследствии Бьянка поняла весь ужас своего положения. Она, избалованный, ухоженный ребёнок из богатого и старинного рода, была вынуждена скитаться как простая нищенка.

Золотой дождь из 2000 дукатов манил сыщиков, и они не прекращали преследование.

Однако случилось чудо. Беглецы добрались до Флоренции. Они нашли прибежище у родителей Пьетро. Девушка глубоко разочаровалась в родственниках мужа. Старшие Бонавентури, тупые ханжи, ненавидели жену своего сына.

Бьянка училась молчать… Она родила дочь, но положение молодых людей не менялось. Они были по-прежнему беглецами и не могли выходить из грязной убогой каморки. Эти мучения многому научили Бьянку. В её душе умерли мягкость и нежность. Однако страдания не коснулись её внешности. Ещё привлекательнее стала она после рождения ребёнка.

Пришёл день, ставший поворотным в судьбе Бьянки. Однажды она забыла об осторожности и выглянула в окно. Проезжающий в это время на лошади дворянин заметил её. Он был мгновенно очарован её красотой. Дон Франческо ди Медичи не мог забыть прекрасную незнакомку у окна бедного жилища. Он был богат и обладал огромной властью. Марчеза Мандрагоне, одна из его придворных дам, с готовностью взяла на себя нелёгкую роль посредницы.

И всего за несколько дней участь беглецов совершенно изменилась. Они получили виллу. Дон Франческо ди Медичи выхлопотал у Сената право на жительство для обоих беглецов.

Прекрасная Бьянка сильно изменилась в своём новом

жилище. Из милой девушки она превратилась в хладнокровную Цирцею. Испытав страшную нищету, теперь она хотела только одного: выйти замуж за дона Франческо! Но до этого было далеко. Ведь её мужем был Пьетро, а католическая церковь не разводила тех, кого соединила. К тому же в старом дворце Медичи Поджио э'Кайяно жил её злейший враг, герцог Козимо, отец дона Франческо.

Герцог-отец в своём замке проклинал её. Он не одобрял увлечения сына. Бьянка мешала его планам! К тому же Франческо должен был вот-вот жениться. Отец выбрал ему в супруги благородную эрцгерцогиню Иоганну Австрийскую, сестру императора Максимилиана. По матери герцогиня была очень знатного происхождения. И, не отличаясь особой привлекательностью, должна была стать достойной супругой Медичи, его сына.

Бьянка, узнав о планах Козимо, дала Франческо полную свободу, чтобы он мог жениться на навязанной ему женщине. Этой уловкой она ещё крепче привязала к себе влюблённого вельможу.

Во время свадебных торжеств, обставленных Флоренцией с невиданной роскошью, на малопривлекательную сестру императора из Вены едва обратили внимание. Всеобщее восхищение вызывала Бьянка. Она блистала своей победоносной красотой. И другая женщина, сидевшая на троне, бледная и всеми покинутая, не могла быть ей соперницей. И Франческо тоже понял это очень скоро, так скоро, что через несколько дней после свадьбы отправил к Бьянке своих придворных с ценными подарками. Это означало, что именно она была непризнанной повелительницей дона Франческо ди Медичи. Но её притязания на этом не заканчивались. Конечной целью был дворец Питти с его сокровищами и роскошными залами, воплощённое в камне могущество Медичи…Франческо был без ума влюблён, а Бьянка немного скучала, ибо и в Венеции, и во Флоренции вынуждена была вести жизнь затворницы. Дон Франческо под разными предлогами увеличивал состояние её мужа и постепенно привязал к себе Бьянку простотой и нежностью обхождения. Она долго сопротивлялась; наконец Франческо Козимо удалось образовать то, что в Италии называется tringolo equilatero (равносторонний треугольник).

Тем временем Пьетро Бонавентури превратился в проклятье для флорентийцев. Богато одетый, сорящий деньгами направо и налево, он проводил дни и ночи в укромных будуарах прелестных флорентийских дворянок. И когда Пьетро в одну из ночей возвращался от знатной флорентийки Кассандры Риччи, на него

напали и убили.

Бьянка была потрясена. Он был отцом её ребёнка. Бьянка относилась к нему как старшая сестра, всегда готовая прийти на помощь. Она давала ему всё, что он хотел. Но всё это не мешало мелкому искателю приключений глумиться над ней в объятиях своих любовниц!

Принц Франческо прекратил по просьбе Бьянки преследование убийц Пьетро. Но, конечно, всё это было подстроено. Он был доволен, что Бьянка стала свободной, и поклялся, что женится на ней, когда оба будут свободны. Любовница успокоилась.

В 1569 году по указу папы Пия V Козимо стал Великим герцогом Тосканским. Все итальянские властители заявили протест. Но это ни к чему не привело.

Бьянка подружилась с римским кардиналом Фердинандом, братом Франческо, и их сестрой, прекрасной Изабеллой, женой Джордано Орсини. И если даже они не очень ей нравились, она научилась не подавать вида. У неё было завидное самообладание, железная выдержка облегчала ей жизнь, и Бьянка никогда не позволяла себе расслабиться.

Между тем герцог Козимо умер, и Франческо занял его место. Теперь он был свободен во всех отношениях и засыпал свою куртизанку ценными подарками. Обычно довольно скупой, для неё он не жалел денег.

Бьянка приступила к реализации своих честолюбивых планов. Для этого ей нужны были мужчины, ну и что? Их можно купить за золото!

По Флоренции пошли слухи: любовница герцога беременна! Бьянка внимательно следила за этим.

«Великий герцог обезумеет от радости!»

«Вот тогда уж он отблагодарит её!»

«Да ведь у неё выкидыш, и она больше никогда не забеременеет!»

Бьянка написала в Рим кардиналу Фердинанду, что она подарит своему повелителю сына. С помощью подкупленных врачей и двоих служанок Бьянка довела своё мошенничество до конца. Это был блестящий успех её сильной натуры.

Болезненные схватки тяжёлой беременности вскоре так измучили Бьянку, что она едва могла протянуть руки своему повелителю. А уж когда ей позднее пришлось совсем не вставать с постели, он окружил её безграничной заботой. Из-под полуопущенных ресниц она наблюдала за выражением его лица и успокаивалась. В притворстве она была актрисой, ей удавалось провести всё своё окружение.

И пришёл час, когда служанка в футляре от скрипки принесла купленного младенца. Через несколько минут радостная процессия обошла дворец, провозглашая: «Донна Бьянка только что родила здорового мальчика!»

И по Флоренции пополз слух: «У любовницы родился сын!»

«Великий герцог уже пожаловал новорождённому такие права и титулы, на которые любой принц может иметь право только значительно позже…»

«Во славу Святого Антония, которому Великий герцог дал обет, его сын назван Антонио!»

Когда Бьянка вышла из своих покоев, на лице её не было заметно и тени беспокойства. Она тотчас дала распоряжение устроить особенно пышный праздник. Скороходы собрали к вечеру в её дворце лучших артистов и циркачей. Она хотела обставить этот праздник с возможно большей изысканностью, чтобы ещё раз очаровать холодного по натуре герцога.

Франческо был очень доволен этим вечером. Когда Бьянка поднялась с ним в свои покои, герцог был обласкан как никогда. В эту ночь его любимая была очень соблазнительна… Будучи в прекрасном расположении духа, он обещал признать Антонио своим сыном и позаботиться о том, чтобы Его Испанское Величество присвоил ему титул. У Бьянки больше не было опасений. Великий герцог Тосканский был так могущественен, что мог даже это. И Бьянка была благодарна ему. Она угрозами заставила молчать врачей и служанок, свидетелей обмана.

Она написала в Венецию своему отцу, и вскоре получила ответ, в котором Бартоломео Капелло был готов протянуть руку примирения своей преуспевающей и могущественной дочери. Вскоре он нанёс ей визит и убедился, что дочь с честью выбралась из ужасного положения, в которое забросила её судьба. Трудно было встретить такую же красивую женщину, обладающую подобной силой духа, умением владеть собой в самых тяжёлых обстоятельствах.

В 1577 году Великая герцогиня родила сына. Ликование народа было неслыханным. Много дней и ночей Флоренция не могла успокоиться. И Франческо был счастлив. Он, скупой деспот, приказал раздавать деньги народу. Все должны были разделить его радость!

Бьянка пережила едва ли не самые трагичные часы своей жизни, но никто не заметил этого. Выражение её прекрасного лица в последующие дни было предметом пристального наблюдения. Однако никаких чувств оно не выражало…

В апреле 1578 года Великая герцогиня тяжело заболела. Смерть быстро прибрала к рукам эту измождённую женщину.

Великий герцог вернулся во Флоренцию. В тот же вечер он появился у своей возлюбленной. Бьянка всё рассчитала заранее и хорошо подготовилась. Поддерживаемая монахом, Бьянка так эмоционально рассказала ему обо всех последних неприятностях, что он был растерян и потрясён и тотчас приказал перевести Бьянку и её свиту в… Питти.

Новая выходка Великого герцога вызвала ещё более сильную вспышку народного гнева. Франческо едва обратил на это внимание и вскоре обвенчался с Бьянкой.

Роль тайной супруги не очень подходила ей. Да и обстановка в Питти ей не нравилась. Там, на улицах — враждебный ей народ, а за пределами Флоренции — такая же враждебная знать: она везде была чужой…

Франческо был уязвлён и оскорблён враждебным отношением народа и знати к Бьянке и согласился с планом, который она ему предложила. Она решила послать в Венецию тосканских дворян Сфорца и официально объявить Сенату о своём замужестве. В то же время она хотела просить Сенат признать её «Дочерью Республики». С этим титулом Бьянка Капелло могла возвыситься над всеми итальянскими принцессами, так как становилась в ряды высшей знати!

И её план удался. Итальянские властители не могли ничего возразить против коронации Бьянки. Могущественная Венецианская республика присвоила ей наивысший титул. Отцу и сыну Капелло был присвоен титул рыцарей «Золотой Звезды».

И всё это было делом рук умной женщины. Только её железной воле, её хитрости, её гибкости в щекотливых дипломатических отношениях, её безграничному терпению можно было приписать весь этот огромный успех, этот благополучный конец. Все те, кто ещё совсем недавно открыто злословили в её адрес, теперь должны были низко кланяться Великой герцогине Тосканской. В дни коронации произошла помолвка её дочери Пеллегрины с графом Бентивольо.

В 1587 году тосканский двор переехал в Поджио э'Кайяно. Здесь со всем подобающим блеском встретили кардинала Фердинанда. Братья окончательно помирились, и каждый благодарил за это Бьянку. Правительница подумала об удовлетворении малейших желаний гостя. Театр, любовные игры, прогулки на лодках по реке и другие подобные развлечения приносили необходимую разрядку. День и ночь не гасли свечи, и факелы расцвечивали замок, превратившийся как бы в символ чувственной радости жизни…

Она собиралась отправиться в Венецию и предстать там во всём блеске неслыханной роскоши, как вдруг неожиданно тяжело

заболел Франческо. И сама Бьянка, почувствовав странное недомогание, моментально потеряла выдержку. В мучительном страхе сидела она у постели своего повелителя до тех пор, пока её в бессознательном состоянии не перенесли в её покои.

А через несколько часов после мучительной агонии Великий герцог Тосканский Франческо скончался.

Как ураган обрушилась страшная весть на Флоренцию. Ходили самые необычные слухи. Они расползались всё дальше… Ещё не улеглись первые волнения, а пришла новая весть:

«Бьянка Капелло умерла!»

Вскоре после повелителя, не достигнув 40 лет, умерла и повелительница.

Сложилось много легенд. В течение веков вокруг прелестной головки Бьянки Капелло свивался их пышный венок. Никто не верил в естественную смерть герцогской четы из Тосканы.

Стендаль в «Истории живописи в Италии» приводит свою версию гибели Бьянки и герцога.

Бьянка захотела подарить мужу наследника. Обратилась к придворным астрологам, отслужили несчётное количество месс. Всё было бесполезно. Тогда герцогиня прибегла к помощи своего духовника, францисканца с длинными рукавами из монастыря «Всех святых». У неё появилось отвращение к еде, её тошнило, она даже слегла. Весь двор её поздравлял, герцог был в восторге.

Когда пришло время родов, Бьянка среди ночи почувствовала такие сильные боли, что в волнении потребовала к себе духовника. Брат герцога, кардинал Медичи, встав с постели, спустился к невестке в переднюю и начал там спокойно прохаживаться, читая требник. Великая герцогиня попросила его удалиться: она якобы не могла допустить, чтобы он слышал её крики. Но жестокий кардинал холодно ответил: «Передайте её высочеству, что я прошу её делать своё дело; я буду делать своё».

Когда пришёл духовник, кардинал, обняв его, сказал:

«Добро пожаловать, святой отец, герцогиня очень нуждается в вашей помощи».

И, продолжая сжимать его в своих объятиях, он без труда нащупал младенца, которого францисканец принёс в своём рукаве. «Слава Богу, — воскликнул кардинал, — великая герцогиня счастливо разрешилась от бремени, к тому же ещё и мальчиком». И показал своего мнимого племянника остолбеневшим придворным.

Бьянка, лёжа в постели, услыхала эти слова и была в бешенстве. Она тут же начала вынашивать планы мести. Вскоре они все трое (Великий герцог, Бьянка и кардинал) собрались на прекрасной вилле Поджио э'Кайяно, где обедали за общим

столом. Герцогиня, заметив, что кардинал очень любит бланманже, приказала приготовить это кушанье и положить в него яду. Кардинала предупредили. Он явился к столу, как обычно, но, несмотря на многократные уговоры невестки, не притронулся к блюду. Великий герцог воскликнул: «Ну что ж! Если мой брат отказывается от своего любимого кушанья, я им полакомлюсь». И наполнил свою тарелку.

Бьянка не могла его удержать, так как этим она обнаружила бы своё преступление и навсегда утратила бы любовь мужа. Увидев, что для неё всё кончено, она положила себе бланманже.

Оба они скончались 19 октября 1587 года.

Почти четверть века держала эта женщина в напряжении весь мир! И навсегда осталась загадкой смерть гордой и умной куртизанки Бьянки Капелло…

Марлен Дитрих (1901–1992)

Собственное имя — Мария Магдалена фон Лош. Американская киноактриса. Снималась в фильмах «Голубой ангел» (1930), «Марокко» (1930), «Желание» (1936), «Свидетель обвинения» (1957), «Прекрасный жиголо — бедный жиголо» (1978) и др. Известна и как эстрадная певица. Выпустила книгу мемуаров.

* * *

В её образе главным была тайна. Свою жизнь кинозвезда превратила в профессию: её манера одеваться, манера испытывать судьбу — скандалом или риском — создавали легенду о Дитрих.

В 1929 году в Берлин приехал из Голливуда американский кинорежиссёр Джозеф фон Штернберг, которого называли «Ренуаром кинематографа». Это был не запланированный поворот сценария судьбы Марлен Дитрих. Она не знала человека по фамилии фон Штернберг, не слышала об его успехе, но дружила с секретаршами студии УФА — крупнейшего германского киноконцерна.

Фон Штернберг заявил руководству студии, что нашёл актрису для своего фильма «Голубой ангел». Но в УФА у Марлен была скандальная слава, и режиссёру сказали, что у Дитрих нет таланта. Но талант у неё был, а вот в любовной связи ни с кем из руководства компании она не состояла. Дело дошло до скандала: после одной из проб очередной дамы Штернберг закричал: «Либо утверждаете Дитрих, либо я уезжаю в Америку». Штернберг не представлял, какую актрису он утвердил на главную роль…

В то время особой популярностью в Берлине пользовался бар-кафе «Экселент». Мужчины туда приходили нарумяненные и с подкрашенными губами. Марлен появилась в «Экселенте» в мужском фраке. Костюм ей шёл. К фраку она добавила тоже исключительно мужскую деталь туалета — монокль, который со скандалом был взят напрокат у собственной матери. Там Марлен познакомилась со своим будущим мужем Рудольфом Зибером, начинающим кинопродюсером.

Дитрих вышла замуж после ожесточённой борьбы с семейством. Мать не столько согласилась с её аргументами, сколько уступила её упрямству. Были приглашены свидетели с двух сторон, и в лютеранской кирхе повенчали Рудольфа Зибера с

Марией Магдаленой фон Лош — Марлен Дитрих. Радости брака поначалу поглотили её целиком, у неё родилась дочь Мария, та Мария, которая потом вышла замуж за известного мебельного фабриканта румынского происхождения Рива, устраивала в Нью-Йорке знаменитые шоу со слонами и в конце концов написала скандальную книгу о жизни матери.

«Голубой ангел» был первым звуковым фильмом в Европе. Когда «великий немой» заговорил, оказалось, что хрипловатый голос Марлен полон эротики. А ещё оставалось тело… которое уже целиком принадлежало Джозефу фон Штернбергу. В домашнем кругу Марлен говорила о нём: «Этот в брюках-гольф, который обожает чудачества».

Штернберг соблазнил Дитрих Голливудом. Марлен несколько переигрывала в своём ироническом отношении к нему. Джозеф был её первым героем-любовником, которому она подчинялась беспрекословно. Образ, который он придумал для Марлен, — аристократка, равнодушная к аристократическим принципам, — был приятен снобистской публике. Штернберг научил Марлен красоте порока. Увлечённая этой мрачной красотой, актриса создала свой знаменитый имидж «покорительницы сердец».

Молодая немка, приехавшая сниматься в незнакомую страну, не думала, что задержится в Америке. Фон Штернберг убедил хозяев «Парамаунта 2» в том, что им необходима суперзвезда. Дитрих должна была выдержать тяжёлую борьбу за сердца зрителей, хотя её настроение победу не предвещало: она относилась к себе очень скептически: «Вы видели когда-нибудь такие бёдра?» — жаловалась она костюмершам. После первой пробы к «Марокко» фон Штернберг тихо сказал ей, что в ней нет ничего от секс-бомбы. Новый имидж нужно было создавать. Этой задаче Джозеф отдался полностью и немного переусердствовал: когда Марлен увидел один из директоров «Парамаунта», он тут же попытался её соблазнить. Перспектива стать игрушкой администратора испугала Марлен, и она окончательно вверила себя «голливудскому маркизу» — Штернбергу.

Марлен оказалась победительницей. Зрителям её любовь показалось подлинной. Но одержанная победа не осталась без последствий.

В 1932 году фон Штернберг подарил ей «роллс-ройс» (вторая машина в её жизни) с условием: пользоваться услугами шофёра. Штернберг боялся, что такая скрытная женщина, как Марлен, в один прекрасный день захочет уехать куда глаза глядят. Марлен подчинилась его условиям, но купила себе белую кожаную шофёрскую куртку, белые перчатки и белые с чёрными носами ботинки. Так выглядели шофёры и гангстеры в фильмах. Колёса

машины были тоже белыми, были заказаны и специальные шины. Марлен садилась за спиной шофёра на заднее сиденье и пугала Штернберга тем, что когда-нибудь сядет на переднее.

Штернберг назвал свой подарок «кораблём, на котором Парис похитил Елену». Не он один отмечал эту психологическую близость Марлен к той, которая соблазнила Менелая, потом Париса, и в сущности всегда поступала так, как того хотела она, а не влюблённые в неё мужчины.

Подарок Штернберга стал темой многочисленных газетных публикаций. Журналисты описали машину, заметили, что она имеет мистический номер из двух семёрок, тройки и ноля, а к бамперу прикреплена статуэтка богини Ники. После этого «роллс-ройс» той же модели в течение нескольких дней купили сразу десятки богатых людей.

После феноменального успеха «Марокко» Марлен купила себе дом в Беверли-Хиллз, на углу проспекта Роксборо и бульвара Сансет. Дома на перекрёстках стоили обычно дороже, чем в середине улицы. «Угловые» считались архитектурными флагманами, начинали шеренгу каменных строений, и продавались по флагманским ценам. Дом Марлен был двухэтажный, в колониальном стиле. Позже его копию выстроил Дэвид Селзник для фильма «Унесённые ветром».

Все стены нового жилища Марлен приказала обить белым мехом. Там, где это было невозможно, клеила белые обои. Туалетная комната представляла собой выставку-парад парфюмерных изделий от лучших фирм мира и занимала солидную площадь. В это время Марлен стала принимать приглашения позировать перед фотографами. В новый дом стали просачиваться репортёры светской хроники.

Единственно, куда их допустили с фотокамерами, была туалетная комната. Марлен вышла позировать в белом халате на фоне белых стен с зеркалами. Репортажи о новом доме звезды студии «Парамаунт» сделали имя дизайнеру интерьеров Марлен. Но с ним-то она и сыграла великолепную шутку.

Марлен попросила молодого маэстро остаться отдохнуть на несколько дней в доме, который он так блестяще декорировал. Молодой человек согласился. Однажды днём Марлен позвала к себе кое-кого из знакомых, а также фоторепортёров: оценивать работу дизайнера. Гости проходили комнату за комнатой, заглядывая во все углы. Дошли до ванной, Марлен гостеприимно распахнула дверь.

В великолепной белой ванне в пене сидел дизайнер. Смутившийся мужчина встал во весь рост, как бы предпринимая попытку улизнуть. Женщины прикрыли глаза. Неловкую сцену

разрядило упавшее сверху холщовое покрывало, скрывшее от посторонних глаз купающегося.

Марлен была довольна. Она пояснила: «Всё предусмотрено на тот случай, если репортёры проникнут ко мне в момент, когда я принимаю ванну».

Гениального дизайнера наградили аплодисментами. Из-под холщового покрывала тот ответил смущённым «спасибо». Этого смешного случая было достаточно, чтобы дизайнера завалили аналогичными заказами состоятельные обитатели Беверли-Хиллз. Марлен умела приносить счастье тем людям, с которыми она работала.

В её жизни менялись любовники, но не менялось правило: все они знамениты и каждый носит свою маску: Ремарк пил, Габен играл на аккордеоне… Марлен казалась лишь деталью большого любовного механизма, в жизни она была сама холодность и отстранённость, и лишь на сцене и экране — живая яркая женщина. Но именно холодность и замкнутость, возможно, помогли ей победить жизнь. И она вышла победительницей. Та, с которой она соперничала — Грета Гарбо — намного раньше сошла со сцены.

В 1939 году Дитрих приняла американское гражданство.

Марлен всегда старалась выглядеть сильной. Поэтому у неё не получилась дружба с Чарли Чаплином, который сам всегда оставался преуспевающим и самоуверенным. Она же подмечала слабости за каждым человеком, могла быть злым и ироничным комментатором поступков любого мужчины из своего окружения. Может быть, только Синатра и Хемингуэй не пострадали от её острого языка. С Хемингуэем её навсегда связали воспоминания о самых светлых минутах в жизни. Она боготворила его подарки, повсюду возила фотографию с интимной надписью: «Моей милой капусте».

С Ремарком же она ссорилась, заставляя его выходить в свет, вместо того, чтобы пить с ним любимое красное вино. Она называла его изменником, когда он часами слушал музыку Чайковского, не давая Марлен уснуть. Он ходил в пиджаке с пузырями на локтях, и Марлен это так раздражало, что, когда в её жизни появился Жан Габен, предпочитавший дома ходить в толстом рыбацком свитере, Марлен показалось это счастьем.

В середине февраля 1941 года Жан Габен покинул оккупированную немцами Францию и переехал в США. Габен грустил, чувствовал себя одиноким и никому не нужным в этом городе, ему нечего было делать с его старыми парижскими привычками и скверным английским. В одном из модных магазинов Нью-Йорка, естественно, называвшемся «Парижская

жизнь», он встретил… Марлен Дитрих. Ещё до войны они были знакомы, но совсем коротко… «Габен был мужчиной, супермужчиной, какого ищет каждая женщина, — написала Марлен в своих „Воспоминаниях“. — У него не было недостатков. Он был совершенством и намного превосходил всё то, что я тщетно искала или пыталась себе вообразить».

Ещё одним важным обстоятельством в развитии истории было следующее: Жан Габен был французом, а французский язык был вторым языком Марлен. Она никогда не уставала повторять, что была воспитана французской гувернанткой и что в глубине души всегда ощущала себя европейкой. Боль от того, что Франция оказалась поверженной и несчастной страной, была глубокой и искренней в Марлен. Габен же появился в Голливуде не как бедный эмигрант, а в самом расцвете своего таланта и в энергичном поиске новой кинематографической славы. Соперница Греты Гарбо, Марлен умела восхищаться своими возлюбленными и уважать их. Жан Габен не был интеллектуалом. В опере он непременно зевал; когда Марлен советовала ему прочитать роман Хемингуэя, он пожимал плечами и бормотал: «Здесь не над чем даже подумать!» — «У тебя пустая голова! Послушай, как пусто внутри, — смеялась Марлен, стуча его по лбу. — Но не меняйся. Ты — совершенство».

Не преуспев в приобщении Габена к литературе, Дитрих рискнула энергично взяться за его карьеру. Карьера самой Марлен в этот период была в некотором упадке. Она с энтузиазмом исполняла все роли, которые ей предлагали, но фильмы почему-то терпели финансовый крах. К счастью, неудачи мало её трогали: у неё было столько творческих сил…

Энергии и обаяния Марлен было вполне достаточно, чтобы убедить продюсера Даррила Занука заинтересоваться одним из её проектов. «Что ж, возможно, это поможет ему наконец выучить английский», — пробормотал Занук, услышав имя Габена.

Марлен взвалила на себя всё.

Влюблённые сняли домик в Брентвуде, недалеко от киностудии. Соседнее владение принадлежало Грете Гарбо. Габен был немало изумлён, отметив, что каждый день в 18 часов «Божественная» (Гарбо), скрываясь за копной волос и чёрными очками, спускалась в сад и наблюдала за «передвижениями» соседствующей парочки. Женщина, которой поклонялись во всём мире, любила подсматривать! Габен был разочарован. Не меньшим разочарованием была пища. Гамбургеры и кока-кола! Марлен встала к плите. Фаршированная капуста и варёное мясо стали её фирменными блюдами. Впоследствии Марсель Дало, работавший бок о бок с Жаном Габеном в фильме «Великая

Иллюзия» Жана Ренуара, в своих воспоминаниях подтрунивал над Дитрих, принимающей гостей в своей «золотой кухне» в дорогущем фартуке от фирмы «Гермес».

Для того чтобы атмосфера ещё более походила на парижскую, Марлен брала фисгармонию Габена, а он надевал на шею платочек и кепку на голову. И под солнцем Калифорнии звучали песенки из мюзиклов времён её молодости. Он называл её «Великая», а она говорила: «Я стала для него матерью, сестрой, другом и всем на свете». Для журналистов стало очевидным её намерение бросить сцену и посвятить себя полностью этому мужчине.

Марлен витала в облаках, а Габен подписал контракт с компанией «Фокс».

Мария Зибер, дочь Дитрих и Рудольфа Зибера, доставляла много хлопот своей знаменитой матери. Семнадцатилетняя девица прекрасно помнила свои первые шаги в кино в «Красной императрице» (где сыграла роль маленькой Екатерины) и в «Саде Аллаха». Теперь она мечтала завоевать популярность и избавиться от унизительного положения дочери знаменитости. Она более не хотела находиться в тени гигантской и всепроникающей славы Марлен. Конфликт разразился из-за намерения Марии выйти замуж за одного режиссёра. Разговор с матерью о замужестве не привёл ни к чему хорошему. Марлен возмутилась. Никогда! Мария слишком молода! Габен вмешался в конфликт, встав на сторону бунтарки, надеясь смягчить ситуацию. Габен уже не мог скрывать своего раздражения.

Европа находилась в огне сражений, а он был так далеко, он был всего лишь «баловень Великой», прохлаждался в Голливуде! Марлен подлила масла в огонь: её экстравагантность как секс-символа Голливуда, эмансипированность поведения, — всё это было слишком, особенно для такого человека, как Габен. В конце 1942 года он решил покинуть Соединённые Штаты и распрощаться с кинематографом, чтобы примкнуть к французским освободительным войскам. «Прекрасно понимаем ваши намерения, — сказали ему в компании „Фокс“, — но было бы гораздо лучше последовать примеру своих коллег, которые участвуют в борьбе с нацизмом, создавая патриотические фильмы».

Но Габен всё же добился своего: вскоре после завершения работы в фильме Жюльена Девивьера «Обманщик» он встретился в Нью-Йорке с представителем Морских вооружённых освободительных сил Франции и поступил на военную службу. Марлен была безутешна. На прощанье Габен подарил ей три картины: Сислея, Вламинка и Ренуара… Каким был прощальный

дар Марлен? Когда Габен покидал американскую таможню, некая упаковка — «роскошный подарок», с которым он обращался с великой осторожностью, — породила в коридоре слухи, что это «алмазное ожерелье». В середине апреля 1943 года Габен получил приказ явиться в порт Норфолк на борт судна, предназначенного для эскорта. Его сопровождала Марлен. Они просто поужинали в ресторане, посмотрели фильм о войне с участием Хэмфри Богарта и расстались в два часа ночи.

Марлен казалось, что она умирает от горя. Она не могла и думать о возвращении в Голливуд к ролям на английском языке. Её душа была в постоянном беспокойстве, она бродила по дому, который отныне казался ей навсегда опустевшим, и задерживалась подолгу перед фотографиями времён их счастья.

Тридцать лет спустя Дитрих сказала: «Он зажёг во мне огонь, который никогда не погаснет». Но актриса не относилась к числу тех женщин, которые готовы утопить себя в своём горе. Пройдя все военные инстанции, Марлен решила завербоваться в женский отдел WAF. Конечно, несмотря на её пышные речи о патриотизме, всё это делалось с одной-единственной целью: найти Габена. Возможно, мысль пересечь Атлантику, чтобы увидеть Марлен, посещала и Габена. Но он был в Алжире по военному заданию. Объявление о возможном приезде актрисы не было для Габена сюрпризом: он-то знал, как она упряма.

Во время войны Дитрих стала воплощением мечты солдата. В её облике было что-то греховное. В этой порочности солдаты видели черты тех из своих возлюбленных, которые не ждали их с фронта. В части, где побывала Марлен, вербовались охотнее, чем туда, где она не была. Повсюду Марлен ездила со своим фотографом, всюду дарила свои бесчисленные фотографии. Её фото с солдатами подтверждали, что аристократка Марлен «сидела» в окопах, хотя её дочь Мария Рива утверждала впоследствии, что это вымысел. Во время войны рассказывали анекдот. Марлен спрашивают: «Правда ли, что на войне у вас был роман с Эйзенхауэром?» «Что вы! — отвечает Марлен. — Генерал никогда так близко не подходил к передовой».

Зимой Дитрих оказалась в самом центре битвы за Бастонь — там же, посреди разрывающихся бомб и рёва пикирующих самолётов, был и Габен. Однажды вечером, исколесив линию фронта в поисках «серых волос под каской морского стрелка», Дитрих внезапно увидела знакомую фигуру и закричала: «Жан!» В автобиографии Марлен описала эту сцену в драматическом стиле Голливуда. В реальной жизни Габен, похоже, был обескуражен, увидев «Великую», столь взволнованную встречей. «Какого дьявола ты тут делаешь?» — пробормотал он.

Оба уже были увенчаны славой. Но время чуть-чуть дрогнуло и покатилось от них прочь… Соединённые Штаты вручили звезде медаль Свободы; Франция вручила ордена «Кавалер Почётного легиона» и «Офицер Почётного легиона». Габену был вручён Крест за участие в войне. Но всё это не устраивало «Великую». Габен был слишком скромен, французы — слишком безразличны, они недооценивали мужество её мужчины и всё то, что он сделал, чтобы помочь своим соотечественникам, находившимся в плену в Германии.

В освобождённом Париже с изумлением увидели седые волосы Габена. Молодой бунтарь из фильма «Знамя» повзрослел и постарел. Для него не оказалось места в послевоенном кинематографе. Почти то же говорилось в отношении Марлен, которая после отъезда в Америку для лечения обморожений, полученных в морозную военную зиму, вернулась к Жану в Париж. Она сняла квартиру на авеню Монтанья, которую не покидала до самой смерти в мае 1992 года. Отношения Марлен и Габена изменились. Они стали относиться друг к другу с юмором. О них язвительно говорили: «Странная пара». Победитель в войне рядом с немкой: какая провокация! Но Жан Габен был упрям. Он согласился сняться в фильме «Двери в ночи» Марселя Карне, но с тем непременным условием, что в нём будет сниматься и «Великая». Сделка не состоялась. Роль отдали Иву Монтану. В 1946 году они намеревались вместе участвовать в съёмках фильма «Мартин Романьяк терпит банкротство». Марлен потом со злостью цитировала в воспоминаниях чей-то вердикт: «Имён Жана Габена и Марлен Дитрих ещё недостаточно, чтобы привлечь зрителя». Она была подавлена. Он — спокоен: «Немного подождём».

Марлен, состояние финансов которой несколько расстроено, возвратилась в Голливуд для съёмок в фильме «Золотые годы», который практически ничего не добавил к её предыдущим успехам. Что они говорили друг другу, стоя у трапа самолёта? Может, он пытался убедить её выйти за него замуж? Он хотел семью, детей. Бунтарский дух молодости остался за плечами. Она, возможно, отвергла его предложение. Марлен ещё не развелась с Рудольфом Зибером, которому регулярно поверяла свои кинематографические и личные тайны. Она обожала Париж и Францию… но принадлежала всему миру.

Когда Марлен вернулась в Париж, чтобы быть поближе к Жану, она снова стала рабой своей любви. Ещё надеясь возродить магию их отношений, она была в шоке, узнав, что Габен был замечен в обществе актрисы Мартин Кэрол. Жан постепенно отдалялся от Марлен, которая уже не была ему так необходима.

Однажды вечером, в кабаре, они случайно оказались рядом за столиками. Не имея возможности избежать встречи, он поприветствовал её, приподнявшись из-за стола. И ничего больше. Он уходит, шагая своей морской походкой, не поворачивая головы и ничего не выражая своим взглядом.

«Моя любовь, которую я доказала ему, велика и нерушима», — уверяла Марлен. Она по-настоящему запаниковала лишь тогда, когда прочла о женитьбе Габена в марте 1949 года на Доменик Форнье, манекенщице из Ланвина, которая впоследствии дала ему то, о чём он мечтал: троих детей и нормальную жизнь, лишённую помпезности. В отчаянии Марлен решила во что бы то ни стало увидеться с Габеном. Однажды она последовала за супружеской четой и, когда те уселись в ресторане, села за столик рядом, надеясь, что Габен с ней заговорит. Он же приветствовал её так нарочито громко, что привёл в замешательство. В течение нескольких лет она продолжала звонить ему, но ей так и не удалось ни нарушить, ни понять его ледяного молчания. «Я потеряла его, как теряют все идеалы». Габен умер в 1976 году. Марлен Дитрих, чей муж ушёл из жизни чуть раньше, сказала: «Я овдовела во второй раз».

Дитрих искала новых рецептов жить и пробуждать внимание. Она решила подарить своим зрителям остановившееся время — ту Марлен, которую они запомнили в эпоху своей молодости, в расцвете её карьеры, Дитрих из легенды. Она решила вернуться на театральные подмостки со своим шоу.

Её первое выступление состоялось в Лас-Вегасе в 1954 году. Ни в каком другом городе она не могла бы назначить сразу столь высокие цены на билеты. На сцену она вышла в платье золотого цвета с металлическими нитями весом 36 килограммов. А ей было уже 53 года. Но тяжесть надо было понимать символически: тяжесть прожитого времени и пройденного за годы пространства, которые шлейфом тянулись за плечами Марлен. Её героиням это дарило ощущение трагизма, и это больше всего нравилось публике…

Последние годы её жизни Марлен часто видели, сидящей на балконе своего дома и смотрящей вниз. О чём она думала? Может быть, просто спала в кресле-качалке на третьем этаже парижского дома на улице Монтань, 12, в полном одиночестве, без служанок и консьержек.

Мария-Жанна дю Барри (1743–1793)

Фаворитка французского короля Людовика XV. Специально для неё был построен дворец Люсьенн, где она давала балы. После смерти короля была удалена от двора. Но во время революции предстала перед судом и по сфабрикованному обвинению казнена.

* * *

2 октября 1762 года парижский полицейский инспектор Сартин записал в свой дневник, что граф дю Барри тайно забрал у некоей владелицы магазина модной одежды на рю Монмартр какую-то мадемуазель Трико, чтобы «соответствующим образом одеть её и направить в хорошее воспитательное заведение, где из неё сделают будущую куртизанку, которую он потом сможет предложить знатному господину».

Это была родившаяся 19 августа 1743 года в Вокулёре внебрачная дочь некоей Анны Бекю, по прозвищу Кантина, которая после смерти своего любовника в Париже стала искать покровительства знакомого ей ранее богатого армейского интенданта Дюмонсо.

В пятнадцать лет Жанна торговала на улицах и сделала первые шаги на любовном поприще. Некий граф Жанлис через несколько лет был немало удивлён, когда в очаровательной женщине, которой он был представлен в Версале, узнал маленькую продавщицу, которую как-то слуга привёл ему на часок поразвлечься…

При посредничестве своего опекуна Гомара Жанна устроилась на службу в замке вдовы одного королевского откупщика, затем вернулась в Париж, где стала модисткой в ателье некоего господина Лабиля на рю Сент-Оноре. Естественно, что при её красоте и молодости у неё завелось много поклонников.

В конце концов она стала любовницей дю Барри, благодаря которому из гризетки и модистки превратилась в «светскую» даму. Теперь у неё появилась возможность бывать в модных салонах, где проводили время опытные женщины.

Дю Барри был достаточно умён, чтобы понять, что в лице Жанны он владеет настоящим сокровищем, и решил извлечь из этого выгоду.

Дю Барри открыто объявил фавориту короля Ришельё, что

Жанна предназначается именно Его Величеству и что он именно тот человек, который готов отнести её прямо в кровать короля, если для этого не найдётся никого другого. Через некоторое время Ришельё ответил, что граф должен обратиться к Лебелю — может быть, малышка на денёк и заинтересует короля… Лебель с интересом выслушал дю Барри. Во время ужина у него на квартире Жанна, разгорячённая шампанским, вела себя совершенно раскрепощённо, в то время как король сначала тайно наблюдал за ней, затем приказал привести её к себе и, после того, как она отдалась и показала, на что способна, так влюбился в неё, что Лебель получил приказ найти ей подходящую партию для замужества и устроить её дела.

Подходящий супруг был скоро найден в лице брата графа дю Барри, было также облагорожено происхождение Жанны, и в качестве благородного отца был назван Жан-Жак Гомар де Вобернье.

Через месяц после заключения брачного контракта была отпразднована свадьба, и сразу после этого супруг вернулся к себе в Тулузу. А новоиспечённая графиня дю Барри поселилась во дворце. Её апартаменты в Версале находились в непосредственной близости от королевских, так что Людовик мог незаметно проникнуть к ней в любое время.

Жанна тотчас обнаружила склонность к драгоценностям и предметам роскоши и быстро устроила у себя в комнатах настоящий склад произведений искусства из мрамора, бронзы, фарфора.

Однако только через девять месяцев после своего замужества, преодолев разного рода интриги, смогла она в апреле 1769 года добиться своего представления при дворе. Её красота в сочетании с ослепительным туалетом и подаренными ей Людовиком бриллиантами ценой в 100 000 франков произвели сенсацию. При пепельно-сером цвете волос у неё были тёмные брови и тёмные, загибающиеся почти до бровей, ресницы, оттенявшие голубые, почти всегда подёрнутые дымкой глаза, совершенно прямой нос над изгибом чувственного рта, цвет лица, напоминавший «лепесток розы в молоке», длинная и полная шея и круглые низкие плечи.

И вскоре Жанну стали окружать настоящие друзья, придворные, верные слуги, и даже придворный шут, герцог де Трем, зачастил к ней.

С изъявлениями преданности не заставили себя ждать и литераторы. Так, например, шевалье де ла Морльер посвятил ей свою книгу о фатализме…

Когда король в июле 1769 года отправился в военный лагерь

в Компьене, Жанна поехала вместе с ним в его свите в запряжённой шестёркой карете. И точно так же, как для Людовика, на всех почтовых станциях для неё были подготовлены сменные лошади.

Вместе с королём она присутствовала на смотре войск, стала настоящей королевой лагеря, и командир полка полковник Бос приветствовал её точно так же, как членов королевской семьи. Жанну чествовали в Шантийи, куда она в следующем месяце сопровождала Людовика. Парис, который на выставке в Лувре увидел два её портрета кисти известного портретиста Друэ, мог только констатировать, что у неё другой тип красоты, чем у Помпадур, однако прелести в ней нисколько не меньше, чем у прежней великой куртизанки короля…

Жанна начала также привлекать внимание иностранцев. Когда английский литератор Уолпол, который оставил нам такие интересные мемуары, прибыл в Версаль, он в первую очередь хотел встретиться с новой фавориткой. Уолпол отыскал её у подножия алтаря. Она была без грима и в весьма скромном туалете. Она вообще предпочитала кокетливые неглиже пышным официальным туалетам, чаще всего носила платья из мягких струящихся тканей и достаточно легкомысленного покроя, и к праздничному столу являлась в простых нарядах по сравнению с другими дамами в глубоко декольтированных придворных туалетах. Она носила также придуманную ею довольно легкомысленную причёску, вскоре ставшую повсеместно известной как «шиньон а ля дю Барри».

Однажды она вмешалась в один судебный процесс — её приятель Эгийон подозревался в растрате общественных денег. Отделавшись лёгким испугом, он отблагодарил её роскошным подарком — великолепно отделанной каретой. На ней можно было увидеть новые фамильные цвета Жанны и её девиз: «Нападает первой!», окаймлённый ветками роз, на которых были изображены голуби, пронзённые стрелами сердца, факелы и другие символы любви.

Однако ей никогда не приходило в голову заняться политикой, как это было с Помпадур. Её интересовала только роскошь. Из её бухгалтерских книг мы узнаём о множестве подробностей живущей в роскоши молодой женщины, которая взмахом руки приводила в движение целый штат портных, модисток, вышивальщиц, мастеровых. Так, например, у знаменитого Лепота она купила костюмы из сукна, расшитого незабудками, с рисунком мозаикой, украшенные золотой тесьмой и обшитые бахромой из мирта; платья для верховой езды из белого индийского муслина, стоившие 6000 ливров. Её

вышивальщик Даво по эскизам Мишеля де Сент-Обена вышил суконное платье прекрасными разноцветными рисунками. Переделку её туалетов с богатой фантазией осуществлял для неё знаменитый модный закройщик Пажель с рю Сент-Оноре. Кроме того, огромные суммы постоянно приходилось тратить на заколки. Принадлежавшие ей платья стоили от 1000 до 15 000 ливров.

На фабрике в Севре она покупала великолепный фарфор, в том числе столовую посуду в китайском стиле, над живописным оформлением которого лучший художник часто работал месяцами. Ротье поставлял ей для туалетов и убранства стола все изделия из золота и серебра, и его самый опытный подмастерье месяцами тратил дни и ночи, чтобы успеть только отполировать их. Она заказала столовый сервиз из чистого золота с ручками из кроваво-красной яшмы, а также золотой туалетный столик, который так и не был закончен, так как это требовало совсем уж небывалых расходов.

Таким же роскошным, как и всё, что её окружало, был построенный за три месяца архитектором Леду «дворец-будуар» Люсьенн, который являлся настоящим памятником искусства и ремёсел этой эпохи. Столовую этого воистину сказочного замка, заполненного блестящей и веселящейся публикой, мы ещё и сегодня можем увидеть на прекрасной акварели Моро Младшего, которому Жанна сначала назначила ежемесячную пенсию в 30 000 ливров, однако вскоре эта сумма была удвоена.

Ко всему прибавлялись ещё богатые подарки и подношения. Благодаря бесконечно преданному ей генеральному ревизору Террею, Жанна имела возможность неограниченного доступа в государственную казну, так как он проводил все её счета под видом королевских.

Теперь она давала балы в своём Люсьенне, но совершенно в другом стиле, чем это было во времена Помпадур: при своём дворе она внедряла обычаи и вкусы парижской улицы. Здесь играли комедианты с бульвара Тампль по репертуару Гимара, причём непристойная комедия Колле «Истина в вине» вводила в краску великосветских дам из Версаля. Ларрье и его жена пели такие неприличные куплеты, что подруги Жанны не знали, куда деваться от смущения. Здесь выступал Одино, звезда парижского дна, и ставили «Фрикассе» («Смесь») с эротическими танцами. Постепенно весь внешний лоск фаворитки пропал окончательно, и она стала разговаривать с королём как торговка со знаменитого рынка «Чрево Парижа», однако Людовик нашёл в этом свой шарм, как будто это была уличная проказница, которая забавляется со всем, что попадает ей в руки, не боясь, что это может разбиться…

Она не знала, что такое стыдливость или сдержанность: утром, едва проснувшись, ещё лёжа полуодетой в кровати, она принимала модных художников и мастеровых, опираясь на руку своего негра Заморы, в таком же виде принимала канцлера Мопу, который в своём парике, по свидетельству герцога де Бриссака, был похож на высохший померанец, а затем, при появлении посланников самого папы, вставала с постели в ночной рубашке и с обнажённой грудью…

При этом Жанна осталась добродушной женщиной из народа, не была злопамятной, не знала предрассудков, иногда по-детски сердилась, но быстро обо всём забывала, с открытой душой встречала всех, кто ей нравился и был готов услужить, была привязана к своей семье и заботилась о ней как только могла…

У неё самой детей не было — во всяком случае, мы ничего определённого об этом не знаем, — и она женила и выдавала замуж детей всех своих родственников, а также устраивала все их дела и очень радовалась, когда для сына своего прежнего возлюбленного, виконта Адольфа, нашла подходящую партию в лице прелестной мадемуазель де Турнон.

Единственное, что омрачало её существование и причиняло глубокую обиду, было отношение Марии-Антуанетты, расположения которой она напрасно искала. Когда Жанна представляла своего племянника королю в Компьене, Мария-Антуанетта только слегка кивнула в её сторону. Чего бы только она не сделала, чтобы поймать всего лишь дружеский взгляд, услышать всего лишь приветливое слово от жены дофина — Жанна даже пришла к достаточно оригинальной мысли смягчить её подарком в виде украшения с бриллиантами, — однако всё было напрасно…

Между тем Людовику стали постоянно приходить в голову весьма странные мысли, и с годами его всё больше преследовал призрак пресловутой хандры. Жанна чувствовала, что король больше не привязан к ней так, как раньше. К сожалению, у неё не было таких, как у Помпадур, талантов, чтобы очаровать его новыми и изысканными развлечениями. В любой момент её могла вытеснить новая фаворитка, и было немало придворных, которые благодаря возвышению своей ставленницы мечтали сделать себе карьеру. Девочки исчезали так же быстро, как и появлялись. Король, очень постаревший, стал принимать сильнодействующие средства, но вскоре и они перестали помогать. «Я вижу, что уже немолод и должен остановиться», — сказал он как-то с печальным вздохом своему придворному врачу.

Чтобы хоть немного поднять его настроение, Жанна велела дать представление эротической оперы. Однако это помогло

только на очень короткое время. Жанна затевала путешествие в Трианон, чтобы развеселить его, однако уже на второй день он почувствовал себя очень плохо. Болезнь быстро прогрессировала, и вскоре короля не стало.

Жанна Бекю, графиня дю Барри доиграла свою роль королевской куртизанки. Её господство пришло к концу.

12 мая курьер передал ей письмо из Версаля, где ей предписывалось отправляться в аббатство бернардинцев Пон-о-Дам.

«Проклятое правительство, которое начинает борьбу с женщиной такими приказами!» — воскликнула она в ярости.

И Жанна возликовала, когда в ноябре 1775 года получила разрешение отправиться в Люсьенн. Здесь в её жизни вскоре произошли примечательные перемены…

Она завела роман с английским послом лордом Сеймуром, и в своих письмах использовала такие проникновенные слова для выражения своих чувств, которые было непривычно слышать из её уст. Впрочем, эта любовная история была короткой.

Жизнь её продолжалась в окружении высокопоставленных и высокородных иностранцев, её старых и вновь приобретённых друзей, в привычной для неё роскоши и со всеми привязанностями и занятиями, свойственными её жизненной философии, и учитывая её новые условия жизни. Однако со временем друзья умирали и уезжали, посетителей становилось всё меньше…

Редкие гости нарушали её одиночество, и очень часто Жанна, погружённая в воспоминания, прогуливалась в одиночестве по парку и окрестностям, где она частенько занималась благотворительностью.

И замок, и сама его хозяйка были разбужены неумолимым ходом истории. Пришёл 1789 год и взятие Бастилии, а когда гром орудий достигал Люсьенна, Жанна с грустью повторяла: «Если бы Людовик XV был жив, ничего такого бы не произошло!»

События последнего времени — гибель Бриссака во время сентябрьских бесчинств, самоубийство её покровителя Лаваллери, смерть на гильотине многих известных ей и близких людей повергли её в ужас… Она предчувствовала, какая судьба ей уготована.

6 декабря её вызвали в суд. В официальном обвинении говорилось о спрятанных ею сокровищах и о явном доказательстве её связи с контрреволюцией — большом собрании антиправительственных листовок, карикатур, найденных у неё в замке, а также о её совершенно открытом трауре в Лондоне после казни тирана Людовика XVI и о её оживлённой переписке со

злейшими врагами Республики, такими, как Калонн, Пуа, Бово…

По словам официального защитника, председатель суда Дюма собрал все имеющиеся в деле факты и сделал из «куртизанки предшественника Людовика XVI» орудие Питта, соучастницу выступления против Франции иностранных держав и бунтов внутри страны.

Через пять часов пятнадцать минут судебного разбирательства Жанна была приговорена к смертной казни, так же как и её банкир Ванденивер, которому было предъявлено обвинение в том, что он является связующим звеном между бывшей графиней и эмигрантами.

Однако она не верила в конец, не верила даже тогда, когда ей обрезали волосы. Когда ей пришлось садиться в повозку, которая должна была везти её на казнь, лицо её было таким же белым, как платье. И как во сне, перед ней в течение какой-то минуты промелькнула вся её жизнь: нищета, беззаботная юность, блеск, Версаль, Люсьенн…

Анна Монс (1672–1714)

В течение десяти лет была фавориткой Петра Великого. Государь даже развёлся с женой Евдокией, чтобы жениться на ней. В 1704 году произошёл разрыв Петра с Монс. В 1711 году она вышла замуж за прусского посланника Кейзерлинга, а после его смерти вступила в связь со шведским капитаном фон Миллером.

* * *

Её фамилию произносят по-разному: Монст, Мунст, *domicella Monsiana*, как называл её Корб.

До переезда в Москву её отец занимался в Миндене винной торговлей, или, по другим сведениям, игрой в карты. Очевидно, семейство это вестфальского происхождения, несмотря на их попытки разыскать свою родословную во Фландрии, прибавить к своей фамилии частицу *де* и называть себя вместо Монс, Моэнс де ла Кроа.

Сначала Анна была любовницей Лефорта, пока не променяла фаворита на Петра I. Новое положение принесло ей немало выгоды. Она всюду сопровождала царя, даже была рядом на торжественных общественных собраниях. Любовники словно бросали обществу вызов, не скрывая своей связи.

Эта чувственная красавица, не знающая кокетства, образец женских совершенств, какою её изображали немцы, вряд ли любила Петра (его горячность возбуждалась её холодностью к нему), она и отдалась-то ему из соображений выгоды. Знала, что Пётр не поскупится для неё и обеспечит всю её семью. (Скорее всего, она пересказывала свои разговоры с государем Лефорту. Таким образом, Пётр и ночью, можно сказать, был «виден» своим друзьям. И о сокровенных мыслях его, ежели он говорил о них Анне Монс, они узнавали на другой день.)

Однажды, во время крестин у датского посланника, Пётр пожелал, чтобы Монс стала крёстной матерью младенца. Он приказал выстроить для неё в Немецкой слободе роскошный дворец, и в скорбных архивах Преображенского Приказа зафиксировано неподдельное изумление немецкого портного Фланка при виде роскошного убранства опочивальни, которая была «красою всего дворца» и в которой часто бывал царь.

Не без колебаний царь в 1703 году преподнёс в дар Монс большое поместье Дудино в Козельском уезде. Запросы Монс

росли. Пользуясь расположением к ней царя, она всё выпрашивала у него через своего секретаря, которому диктовала послания Петру, безграмотно подписываясь под ними по-немецки. Причём часто фаворитка прибегала к хитрым приёмам. Например, писала: «Умилостивись, государь царь Пётр Алексеевич! Для многолетнего здравия цесаревича Алексея Петровича своя милостивый приказ учини — выписать мне из дворцовых сёл волость».

Ничем не выказывая своей любви к государю (после разгрома стрельцов, теперь государю Петру Алексеевичу), кроме разве что посылки ему «четырёх цитронов и четырёх апельсинов», чтобы Питер «кушал на здоровье», да некоей цедроли в двенадцати скляницах («больше б прислала, да не могла достать»), Анна тем не менее спешила вмешиваться в разные тяжбы, начинала ходатайствовать за немцев и русских.

Ходатайствуя, конечно же, не забывала и себя. Знала: Пётр не откажет ей ни в одной просьбе. Так оно и было. Более того, он осыпал красавицу дорогими подарками (все знали, как он скуп в отношении к женщинам). Однажды она получила его портрет, осыпанный драгоценными камнями на 1000 рублей! Другие подарки были менее ценны, но им не счесть числа. Анна Монс выхлопотала себе ежегодный пансион.

Пётр серьёзно подумывал жениться на ней, не прекращая в то же время отношений с её подругой, Еленой Фадемрех, от которой он также получал записки.

Неизвестно, чем бы завершились сложные отношения Петра с Анной Монс, если бы в один из солнечных дней 1703 года в кармане саксонского посланника Кёнигзека, только что вступившего на царскую службу и случайно утонувшего в начале кампании, нашли любовные записки, автора которых Пётр без труда узнал по стилю и почерку. Царь пришёл в неописуемую ярость и повелел заключить *domicella Monsiana* под арест.

Анна и сестра её (возможно, способствовавшая новой связи) были отданы под строжайший надзор Ф. Ю. Ромодановского. Им запрещено было даже посещать кирху.

Удар был настолько сильным, что Пётр долгие годы (пожалуй, вплоть до смерти Анны Монс) не мог прийти в себя.

Любовь Петра к красивой немке — дочери виноторговца из Немецкой слободы — была, бесспорно, очень сильна, и, имей госпожа Монс больше ума, не исключено, что она, а не Марта Самуиловна Скавронская (после крещения ставшая Екатериной Алексеевной), была бы первою русской императрицей.

Три года томилась Анна Монс в заточении, и только в 1706 году была выпущена на волю, благодаря своей настойчивости и

различным ухищрениям.

Вышла, для того чтобы вступить в новую связь, на этот раз с прусским посланником Кейзерлингом, который впоследствии на ней женился.

Анна Монс увлеклась политикой, да так неудачно, что снова угодила в тюрьму. От прежних милостей монарха у неё почти ничего не осталось. Она наотрез отказывалась отдавать портрет Петра, как полагают, из-за бриллиантов.

Пётр так и не простил ей измену. Расследование этой грязной истории продолжалось вплоть до 1707 года. В тюрьме томилось более тридцати узников, даже косвенно связанных с этим делом. Некоторые из них не знали, почему оказались в неволе.

Спустя год Кейзерлинг, уже женатый на Монс, воспользовавшись хорошим настроением царя, решил выпросить у него место для брата его бывшей фаворитки. Однако Пётр резко оборвал посла: «Я держал твою Монс при себе, чтобы жениться на ней, а коли ты её взял, так и держи её, и не смей никогда соваться ко мне с нею или с её родными».

Пруссак был настойчив. Тогда вмешался фаворит Петра Меншиков: «Знаю я вашу Монс! Хаживала она и ко мне, да и ко всякому пойдёт. Уж молчите вы лучше, с нею!»

Надо сказать, что эта беседа состоялась после ужина на пиру у польского пана в окрестностях Люблина. Кончилось всё скверно для Кейзерлинга: Меншиков и Пётр вытолкали беднягу за дверь и спустили с лестницы. Он подал жалобу, но обвинили его, и его же заставили извиниться.

В 1711 году госпожа Кейзерлинг овдовела и, одержав ещё одну победу над шведским офицером Миллером, пережила мужа только на несколько лет.

Скончалась Анна Кейзерлинг 15 августа 1714 года в Немецкой слободе, на руках больной матери-старухи и пастора; в беспамятстве предсмертной агонии она пожалела только о некоей сироте.

Айседора Дункан (1877–1927)

Американская танцовщица. Основоположница школы танца «модерн». Выработала эмоционально экспрессивный стиль танца. Танцевала босиком в лёгкой тунике, следуя идеалам эстетики эллинизма. Выступала с сольными танцами под музыку Бетховена и других великих композиторов, считая, что музыка должна соответствовать величию танца. Погибла в результате несчастного случая. В своей биографии «Моя жизнь» она поведала о своих связях с художниками, промышленниками, о браке с русским поэтом Есениным…

* * *

Айседора родилась у моря, её родители развелись, когда она была ещё грудным ребёнком. Девочку воспитывала мать. Она была музыкантшей и ради заработка давала частные уроки, часто задерживаясь допоздна. Айседора была свободна, предоставлена самой себе и могла блуждать на морском берегу одна, предаваясь фантазиям. Она танцевала свои фантазии, подражая ветру и морским волнам.

Благодаря матери вся жизнь девочки была проникнута музыкой и поэзией, но самым главным для Айседоры были танцы. Она не могла жить без них.

Закончив школу, Айседора уговорила мать поехать в Чикаго. Там они вели полуголодную жизнь и счастья не нашли. Айседора выступала в «Богеме», клубе, где собирались поэты, артисты, композиторы, которых объединяло одно — бедность. Среди них был сорокапятилетний поляк Мироцкий. Копна рыжих курчавых волос, рыжая борода и проницательные голубые глаза… Он по большей части сидел в углу, курил трубку, с иронической улыбкой наблюдая за «дивертисментами» собравшихся. Мироцкий был беден, что не мешало ему приглашать Айседору в ресторанчики или отвозить на фаэтоне за город, где они завтракали на траве.

Прошло много времени, прежде чем Дункан узнала о его неразделённой страсти. Этот солидный человек влюбился бешено, безумно в невинную девочку. Однажды во время прогулки он, не в силах противиться искушению поцеловать Айседору, попросил её выйти за него замуж. Девушка тогда

искренне верила, что он окажется единственной великой любовью в её жизни.

Наконец счастье улыбнулось Дункан: её ангажировал на небольшую роль в нью-йоркском театре знаменитый Августин Дэли. Это был шанс.

Иван Мироцкий впал в отчаяние при мысли о разлуке. Они поклялись в вечной любви. Девушка пообещала, что, как только она достигнет успеха в Нью-Йорке, они сразу поженятся. В то время Айседора ещё не была ярой сторонницей свободной любви, за которую сражалась впоследствии.

В Нью-Йорке её приняли в труппу. Через год она уехала с театром на гастроли в Чикаго. Айседора предвкушала встречу с наречённым. Стояло жаркое лето, и каждый день, свободный от репетиций, они уезжали в лес и предпринимали длительные прогулки. Перед отъездом в Нью-Йорк брат Айседоры выяснил, что у Мироцкого есть жена в Лондоне. От этого известия мать невесты пришла в ужас и настояла на разлуке…

Уникальный стиль, который отличал танцевальные номера Айседоры Дункан, возник после изучения ею танцевального искусства Греции и Италии и основывался на некоторых элементах системы ритмической гимнастики, разработанной Франсуа Дельсартом. В 1898 году весь гардероб Айседоры был уничтожен страшным пожаром в гостинице «Виндзор» в Нью-Йорке, поэтому во время своего очередного выступления она вышла к публике в импровизированном костюме, который сама же и придумала. Публика была шокирована — Айседора появилась на сцене практически обнажённой.

Сильное стройное тело юной танцовщицы с этого времени стали облегать знаменитые струящиеся одежды, прихваченные под грудью и на плечах по античному образу. Она не признавала пуантов и танцевала, подобно Афродите, на пальцах. Её босые ноги были прекрасны, сильны и легки.

Айседора отправилась в большое турне по Европе и стала вскоре любимицей всего континента. Она заключила контракт с импресарио Александром Гроссом, который организовал её сольные выступления в Будапеште, Берлине, Вене и других европейских городах. Шокированная, но возбуждённая публика толпами осаждала театры, чтобы увидеть страстное танцевальное выступление полуобнажённой Айседоры, импровизировавшей под музыку знаменитых композиторов («Голубой Дунай» Штрауса или «Похоронный Марш» Шопена).

Прекрасный Будапешт был тогда весь в цвету. За рекою в каждом саду благоухала сирень. А вечером неистовая венгерская публика устраивала овации знаменитой Айседоре.

В один из вечеров среди рукоплескавших её таланту находился молодой венгр, которому суждено было, по словам Дункан, «превратить целомудренную нимфу, какой я была, в вакханку».

Как-то в дружеской компании Дункан встретилась взглядом с большими чёрными глазами, «сверкавшими таким безграничным поклонением и такой венгерской страстью, что в одном взгляде таился весь смысл весны в Будапеште». Мужчина был высок, великолепно сложён и вполне мог позировать в качестве Давида для Микеланджело. Он передал Айседоре билеты в ложу Королевского национального театра. В спектакле он был занят в роли Ромео. Этот венгр со временем стал величайшим актёром. Его звали Оскар Береги.

О молодость, весна, Будапешт!

В одну из встреч, актёр, потеряв самообладание, подхватил Айседору на руки и отнёс на кровать, где всё и свершилось.

Утром, на рассвете, влюблённые вышли из гостиницы, остановили извозчика и отправились в деревню, где в лачуге крестьянина провели весь день. И Оскар осушал поцелуями слёзы, когда Айседора начинала плакать. Кто знает, о чём она плакала…

После последнего спектакля Айседоры в Будапеште влюблённые снова уехали в деревню, где провели несколько упоительных дней. Здесь Айседора впервые познала счастье спать всю ночь в объятиях мужчины. «Я испытала ни с чем не сравнимую радость, проснувшись на рассвете, увидеть, что мои волосы запутались в его чёрных душистых кудрях, и чувствовать вокруг своего тела его руки».

В декабре 1904 года Айседора познакомилась с художником-декоратором Гордоном Крэгом, сыном известной английской актрисы Эллен Терри. Она заметила мужчину во время выступления. Он сидел в первом ряду. После спектакля, ворвавшись в её гримёрную, он выразил ей свой восторг и своё негодование: «Вы чудесны, вы удивительны, но зачем вы украли мои идеи, откуда вы достали мои декорации?»

«О чём вы говорите? — возражала она. — Это мои собственные голубые занавеси. Я придумала их, когда мне было пять лет, и с тех пор я всегда танцую перед ними». И тогда Гордон Крэг заявил, что она принадлежит его декорациям. Он буквально выкрал Айседору с семейного ужина, куда его любезно пригласила мать актрисы.

Они забыли обо всём — выступлениях, публике, контракте. Она оказалась в студии Крэга. Там не было ни дивана, ни глубокого кресла. Эту ночь они провели на полу. У них не было ни гроша, но их ослепляла страсть, она была подобна

неутихающей буре.

В это время мать Айседоры и её импресарио безуспешно разыскивали танцовщицу в полицейских участках, во всех посольствах, гостиницах и ресторанах. Публике благоразумно объяснили, что Айседора серьёзно заболела воспалением горла.

Крэг был гибок, высок. Его глаза, очень близорукие, сверкали стальным огнём за стёклами очков. Это был один из гениев нашей эпохи, с которого начался весь современный театр, с многообразием его школ и направлений. Гордон пребывал в состоянии постоянной экзальтации. Иступлённый восторг сменялся то гневом, то страхом!

Влюблённые вели бесконечную битву, каждый отстаивал первенство своего искусства. «Почему ты не бросишь театр? Почему ты желаешь появляться на сцене и размахивать вокруг себя руками? Почему бы тебе не оставаться дома и не точить мне карандаши?» И никто из них не хотел уступать. Они расстались.

1906 год. Сын знаменитого магната Парис Зингер предложил Айседоре свою любовь и покровительство. Она согласилась. Она называла его Лоэнгрином. Айседора с ученицами своей танцевальной школы уехала на Ривьеру — к морю, к свету. Он встречал их на вокзале во всём белом. Лоэнгрин подарил Айседоре семь лет безмятежного счастья и сына Патрика. Но и великодушный Парис требовал, чтобы Айседора принадлежала только ему, чтобы она оставила сцену. Расставание было неизбежно.

1913 год. В Париже произошла трагедия, которой суждено было повториться. Автомобиль! Автомобиль, в котором сидели дочь и сын Айседоры со своей няней, тронулся с места, когда в нём не было водителя, скатился со склона холма и утонул в Сене. Айседора была потрясена, сломлена, убита. Она так и не оправилась от этого удара до конца своей жизни.

Последней её любовью был знаменитый русский поэт Сергей Есенин. Они познакомились в России, во второй приезд Айседоры в Москву.

…По всему миру рассылала Айседора Дункан письма с просьбой поддержать её школу танцев. Ответ пришёл лишь из России, от министра культуры Луначарского. Она приехала. Её встретила потрясённая революцией страна. Приглашение в Россию она восприняла как подарок судьбы. Она была вдохновлена идеей русской революции и искренне верила, что революция сделает людей гармоничными — «через музыку Бетховена и греческий стиль».

На одном из приёмов, устроенных в её честь, в студию художника Якулова ворвался Есенин: «Где Айседора?» И Айседора

увидела глаза своего Патрика. Есенин напомнил ей сына. В её любви к Есенину жили страсть и материнская жалость. Айседору покорили детскость и незащищённость души поэта. А Есенин называл её Изадорой, на ирландский манер.

Не гляди на её запястья
И с плечей её льющийся шёлк.
Я искал в этой женщине счастья,
А нечаянно гибель нашёл…

Три года, проведённые в России, были счастливейшими в её жизни. Накануне регистрации брака Айседора помолодела на десять лет и изменила дату своего рождения в паспорте. Она была старше Есенина на семнадцать лет.

В 1922 году они поженились. У Айседоры в Париже умерла мать, не было средств к существованию. Советское правительство перестало субсидировать школу. Она должна была ехать в турне по Европе. Она звала Есенина с собой. Он будет читать стихи, она танцевать! Но по Европе их сопровождали скандалы. В танцовщице и русском поэте видели большевистских агитаторов. Из Берлина через Париж они отправились в Америку. Но и здесь пресса называла Айседору не иначе как «красная Айседора и её русский муж». После скандалов и газетной шумихи продолжение гастролей стало невозможным. Айседора и Есенин возвратились в Москву, чтобы расстаться.

Кризис в их отношениях назревал давно. Поэт уходил, уединялся, пил. Она не понимала, требовала объяснить, устраивала сцены. Впрочем, они встретились ещё раз, почти перед самой смертью Есенина. Он пришёл к ней за кулисы, чтобы сказать, что любит свою Изадору.

Известие о смерти поэта застало Айседору в Париже. Она прожила ещё два года. Её смерть в Ницце — дикая и прекрасная, была очень похожа на самоубийство. Автомобиль! Она погибла в автомобиле. Длинный шарф, летевший по ветру, был втянут ветром в колесо, она умерла мгновенно. Последней фразой её было: «Прощайте, друзья, я иду к славе!»

Баффо (1558–1605)

Венецианка Баффо была захвачена в плен турецкими корсарами и оказалась в гареме турецкого султана Мурада III. Очаровав его, она полностью подчинила султана своей воле и поднялась на небывалую для женщин Востока высоту.

* * *

В ясный февральский день 1576 года в Отрантском проливе при попутном северном ветре, по направлению к Ионическим островам показалась небольшая флотилия под флагами светлейшей Венецианской республики.

Триста лет тому назад проплыть по Адриатическому морю к архипелагу было трудно и опасно.

Турецкие корсары, подобно жадным чайкам, высматривающим добычу, стерегли европейские суда и всё чаще овладевали ими после более или менее отчаянного сопротивления. Груз захваченного корабля доставался победителям; храбрейших из пленников постигала казнь, трусливых ожидало рабство. Женщин и детей перепродавали в гаремы пашей, даже султанов, так что из всего экипажа убитые едва ли не были счастливее остававшихся в живых…

Капитан, человек бывалый, повиновался старику лет шестидесяти, судя по одеянию и манерам, знатному сеньору. Капитан, говоря с ним, снимал шляпу: при его приближении торопливо вставал с места; в его присутствии, отдавая приказания матросам, избегал крепких выражений. Старый синьор, в свою очередь, повиновался своей спутнице, молоденькой красавице, которую Тициан, несомненно, взял бы в натурщицы для своей Венеры. Сравнивая фрегат с человеческим телом, можно сказать, что капитан был его рукой, синьор Баффо — сердцем, а красавица, его дочь, — душою. Весь экипаж признавал дочь Баффо своею царицей.

Синьор Баффо по повелению светлейшей республики отправлялся губернатором на остров Корфу, тогда принадлежавший Венеции. Опасность, угрожавшая этому острову со стороны турок и неразбериха в управлении требовали назначения губернатором человека храброго, энергичного, решительного, и всеми этими качествами, по мнению венецианской синьории, обладал Баффо.

Синьора Баффо можно было бы обвинить только в одной слабости — в безмерной любви к единственной дочери… Впрочем, она не злоупотребляла своим влиянием на отца, но не было в мире жертвы, на которую не пошёл бы старик ради неё. Ей шёл шестнадцатый год, и в течение десяти лет не было дня, чтобы старик Баффо не вспоминал об одном странном предсказании.

Десять лет назад, возвращаясь домой с карнавала, он повстречал старуху, которая предрекла, что синьор погибнет в море, а его дочь станет царицей.

Баффо снова увидел старуху через три года, когда в Венеции свирепствовала чума. Болезнь не пощадила и жену синьора. В день похорон Баффо услышал знакомый голос: «Будет царицей». Предсказание старухи в столь скорбный час показалось ему насмешкой. Он приказал схватить колдунью, но та уже исчезла.

А ещё через шесть лет Баффо получил назначение отправиться губернатором на остров Корфу, и день его отплытия вместе с дочерью и всем имуществом из родной Венеции был ознаменован ещё одной встречей с колдуньей. Уже ступив на трап фрегата, Баффо заметил в толпе старуху. Низко кланяясь проходившему мимо неё синьору, она прошамкала тем же голосом, как и шесть лет тому назад: «Будет царицей!»

Часу во втором пополудни губернатор с дочерью вышел из каюты на палубу подышать свежим воздухом и полюбоваться великолепной картиной взморья. Рядом со старым отцом дочь, опиравшаяся на его руку, казалась ещё прелестнее. Личико девушки дышало детской вёселостью, серебристым колокольчиком заливался её звонкий смех, и щебетала она, как весенняя птичка. Отец, глядя на неё, улыбался, но улыбался как-то растерянно… Какая-то тяжёлая дума не давала ему покоя.

…За час до рассвета несколько оружейных выстрелов сверкнули на галере, следовавшей за фрегатом. Затем послышались вопли корсаров, настигавших свою добычу.

Два часа длился кровопролитный бой, пока турки не одержали полную победу.

В капитана фрегата попало несколько пуль; из двадцати человек свиты губернатора Баффо в живых осталось меньше половины, да и та состояла из одних раненых. Старый синьор во время триумфа турок не успел ни поджечь пороховую камеру, ни застрелить свою несчастную дочь. Сражённый кинжалом во время абордажа, он был брошен за борт и поглощён пучиной. Туркам достался фрегат и весь караван губернаторских галер. Кроме невольниц — молодых служанок дочери Баффо, корсары нашли тюки драгоценных тканей, парчи, бархата, ящики с серебряной посудой, оружие… Но самым ценным сокровищем была дочь

Баффо, попавшая в плен к победителям.

Во время сражения она выбежала из трюма на палубу; вокруг свистели пули, ноги её скользили в крови, лившейся ручьями… Двадцать раз она была на волосок от смерти, которой искала, и двадцать раз смерть щадила красавицу. Увидев, что корсары овладели фрегатом, что они вяжут пленных, добивают раненых, бросают в море убитых, дочь Баффо решила заколоться попавшимся под руку кинжалом, но, побеждённая страхом смерти, лишилась чувств…

Месяца через четыре после этого рокового дня синьорина Баффо, облачённая в богатейший восточный наряд, осыпанный бриллиантами и жемчугами, сияющая своей чарующей красотой, была представлена турецкому султану Мураду III. Когда его мать, султанша-валиде, сняла с прелестной венецианки покрывавшую её с головы до ног кисейную чадру, повелитель правоверных онемел от удивления, не веря глазам: в венецианской своей пленнице он нашёл гурию рая Магомета и ради Баффо забыл весь свой гарем с десятками одалык из всех стран земного шара. В течение первого года жизни в султанском гареме Баффо сумела совершенно подчинить своему влиянию внука Сулеймана I. При этом Мурад III вёл непрерывные войны с её родиной; кроме Венеции, ему подчинялась Венгрия; данницей султана была и Австрия.

Любовь Мурада к Баффо возрастала с каждым днём, а после рождения сына-первенца любовь эта уже не имела границ, к зависти забытых одалык и к досаде старой султанши-валиде. Выросшая в гареме и с детства приученная к рабству, старуха не могла объяснить себе, каким образом женщина может иметь влияние на мужчину вообще и на султана в особенности? Предания о Роксолане были ещё живы в её памяти… Но Роксолана, по словам верных людей, была колдунья, с помощью злых духов очаровавшая Сулеймана I. А что если и Баффо ведьма?

Султанша-валиде поделилась подозрениями с подчинёнными. Вскоре к зависти и ненависти, которую питали к Баффо обитательницы султанского дворца, присоединился суеверный страх, выражавшийся бегством при каждом её появлении. Желая уверить сына, что он околдован венецианкой Баффо, султанша-валиде усердно принялась наговаривать ему на любимицу. Сначала Мурад отвечал смехом, потом начал задумываться; наконец, видя в чувствах своих к Баффо действительно что-то сверхъестественное, а в её неувядаемой красоте какую-то странную, обаятельную прелесть, султан объявил матери, что он серьёзно займётся исследованием этого вопроса.

Султан, не сказав ни слова своей любимице, велел арестовать и подвергнуть пыткам её служанок. Допрашивали их о соучастии в чародействе Баффо, но несчастные жертвы, не понимая даже, чего у них требуют, отвечали лишь стонами и мольбами о пощаде… Пять прислужниц Баффо погибли в истязаниях, прочие были изувечены, но ничего подозрительного открыто не было. Стыдясь своего легковерия и желая вознаградить Баффо за свои подозрения, Мурад объявил матери и членам дивана, что он намерен предоставить своей любимице те же самые права, которые были предоставлены султаном Сулейманом I — Роксолане… Никто не осмелился возразить…

Таким образом, предсказание старой венецианской колдуньи сбылось: Баффо сделалась настоящей царицей. Её вознесению на высоту, недостижимую для женщины Востока, кроме красоты, в немалой степени способствовало её умение приспосабливаться к характеру султана и потакать его слабостям. Сластолюбие и скупость были главными страстями Мурада; Баффо, неутомимая в нежных своих ласках, при каждом удобном случае стремилась угодить Мураду или сокращением каких-нибудь дворцовых расходов, или предложением экономических реформ, или, наконец, указанием на новый источник казённого дохода. По её советам количество гаремных одалык было сокращено на две трети; подарки и денежные награды чиновникам были заменены милостивыми словами и похвальными отзывами из уст повелителя правоверных; многие должности были упразднены, жалованье войскам — уменьшено… Плоды и цветы из серальских садов продавались частным лицам, и вырученные за продажу деньги поступали в султанскую казну. Всё это возбуждала крайнее негодование среди его подданных; в войсках начался ропот.

Со смертью Мурада III (15 января 1595 года) могущество султанши Баффо не уменьшилось, более того, в лице сына её Мехмеда III она была настоящей государыней и правительницей империи. По её совету Мехмед ознаменовал восшествие своё на престол удавлением девятнадцати своих братьев и утоплением десяти одалык, оставшихся после Мурада в интересном положении. Это зверство, по мнению Баффо, было необходимо. Оно устраняло возможность свержения нового султана одним из его сводных братьев. Усыпляя в своём сыне всякое стремление к государственной деятельности пирами, праздниками и ласками его многочисленных наложниц, Баффо управляла империей с умом и тактом, которым мог бы позавидовать и талантливейший государственный деятель. Перед Роксоланой Баффо имела важное преимущество: не ограничиваясь семейными интригами, она

неустанно занималась делами политическими.

Подвиги Мехмеда III в Венгрии напомнили ей времена Сулеймана. Известие о раскрытии заговора в Константинополе побудило Мехмеда поспешить с возвращением в столицу и учинить суд и расправу. Душою заговора, как оказалось, был младший сын Баффо Селим, намеревавшийся (без ведома матери) свергнуть брата и провозгласить себя султаном.

Баффо могла бы вымолить ему прощение, но она не пощадила мятежника, и Селим в 1600 году был повешен. Казнь Селима, нисколько не устрашившая заговорщиков, заставила их только быть осторожнее, и заговор тлел, как огонь под золой. Главной целью мятежников было удаление Баффо от участия в государственных делах и предоставление неограниченной власти самому султану.

Баффо могла предотвратить готовившийся бунт, уступив требованиям мятежников, но эта женщина в свои 42 года держалась за власть с редким упрямством и готова была предпочесть смерть своему изгнанию. Положение султана было щекотливым: победитель венгров и австрийцев дрожал и перед своей матерью, и перед народом. Он не мог не сознавать, что требования народа более чем справедливы и разумны, что женщина во главе правительства страны, где религия лишает женщину всяких прав, — явление непозволительное… Но Мехмед не мог убить свою мать.

Тем временем заговор распространился по всей империи, проник в азиатские области и угрожал революцией. Народ не отважился бы на восстание, если бы не имел надёжной поддержки у янычар. Бунт вспыхнул летом 1602 года почти одновременно в европейских и азиатских владениях султана. В течение нескольких дней Константинополь представлял собой страшную картину пожаров, грабежей, резни и всех ужасов, с которыми неразлучно сопряжены бунты.

Одна Баффо — женщина! — была истинным героем в эти решительные минуты. Ободряя малодушных, напоминая сыну о прямой его обязанности силой усмирить бунтовщиков, не входя с ними ни в какие переговоры, Баффо в то же время командовала небольшими отрядами телохранителей, защищавшими вход в сераль. Она вспоминала тот роковой день двадцать шесть лет тому назад, когда её, взятую в плен корсарами, увезли в неволю; как, представленная Мураду, она с первого взгляда очаровала его и из невольницы стала любимой султаншей, царицей, властительницей Оттоманской империи. Бунт и осада дворца заставили Баффо вспомнить морскую битву с корсарами: тогда вместо гибели она нашла счастье… Неужели теперь её ожидают

позор и смерть?

Султан был мрачен, его сердце сжималось от негодования к мятежникам и виновникам мятежа. Но он понимал, что Баффо — главная виновница последних событий. Мехмед не мог не сознавать, что та власть, которую приобрела султанша при его покойном отце, которую и сам он дал своей матери, — главная причина бунта, принявшего угрожающие размеры. Султан высказал матери всё, что за семь лет накипело у него на душе.

С этого дня Мехмед правил сам. Визирь и многие паши, по повелению султана, были повешены, и смерть их усмирила народное волнение в Константинополе… Мятежи в азиатских областях продолжались до самой смерти Мехмеда III — 22 декабря 1603 года.

Старинная летопись умалчивает о последних годах жизни султанши Баффо… Скорее всего, она умерла в своём заточении.

Матильда Кшесинская (1872–1971)

Звезда русского балета. Первой освоила фуэте, заставила отступить приезжих знаменитостей и открыла дорогу целой плеяде русских танцовщиц — Преображенской, Трефиловой, Павловой, Карсавиной, Спесивцевой. Она была женщиной-легендой, у многих вызывавшей восхищение и страсть. Дожив почти до ста лет, она до последних дней сохранила в своей душе любовь и волю к жизни.

* * *

Дед Кшесинской был знаменитым скрипачом (его сравнивали с самим Паганини), певцом и драматическим актёром. Отец — прекрасным танцовщиком. Мать — актрисой.

В своих воспоминаниях Кшесинская писала: «Я была любимицей отца. Он угадывал во мне влечение к театру, природное дарование и надеялся, что я поддержу славу его семьи на сцене. С трёхлетнего возраста я любила танцевать, и отец, чтобы доставить мне удовольствие, возил меня в Большой театр, где давали оперу и балет. Я это просто обожала…»

Никого не удивило, что Матильда решила стать танцовщицей и поступила в императорское театральное училище.

На выпускном экзамене в училище в 1890 году почётными гостями была вся царская семья, после состоялся торжественный обед. Александр III усадил Кшесинскую рядом с собой, пожелал ей быть «украшением и славой нашего балета». С другой стороны от Матильды он посадил своего сына Николая, при этом, улыбаясь, сказал: «Смотрите только, не флиртуйте слишком».

Вскоре Кшесинская была зачислена в балетную труппу Императорских театров. Первые спектакли, первые роли. Кшесинская очень хотела танцевать Эсмеральду и обратилась с этой просьбой к Мариусу Петипа. Мэтр ответил ей, что, только испытав страдания любви, можно по-настоящему понять и исполнить роль Эсмеральды, и отказал.

…Однажды Кшесинская с сестрой прогуливалась по городу. Недалеко от Дворцовой площади мимо них проехал в коляске наследник Ники. «Он узнал меня, обернулся и долго смотрел мне вслед. Какая это была неожиданная и счастливая встреча!» А вот запись из дневника великого князя Николая Романова: «Кшесинская мне положительно очень нравится».

Вскоре наследника отправили в кругосветное путешествие, а когда он вернулся осенью 1891 года стал ухаживать за Матильдой. Ники дарил ей подарки. Первым из них был золотой браслет с крупным сапфиром и двумя бриллиантами. Следующим стал прелестный особняк на Английском проспекте, № 18, построенный великим князем Константином Николаевичем для балерины Кузнецовой, с которой он раньше жил.

Кшесинская вспоминала: «…Ники меня поразил. Передо мною сидел не влюблённый в меня, а какой-то нерешительный, не понимающий блаженства любви. Летом он сам неоднократно в письмах и разговоре напоминал насчёт более близкого знакомства, а теперь вдруг говорил совершенно обратное, что не может быть у меня первым, что это будет его мучить всю жизнь… Он не может быть первым! Смешно! Разве человек, который действительно любит страстно, станет так говорить? Конечно нет, он боится просто быть тогда связанным со мной на всю жизнь, раз он будет первый у меня… В конце концов мне удалось почти убедить Ники… Он обещал, что это совершится через неделю, как только он вернётся из Берлина…»

Надо заметить, что этот роман был заранее срежиссирован в царском дворце, была расписана партитура, и наследник, и Кшесинская с удовольствием исполнили приготовленные им роли. Дело в том, что Николай стал вялым и апатичным. Императрица Мария Фёдоровна забеспокоилась: что с ним? Угнетённое состояние его духа даже обсуждали на семейном совете. Советник императора Константин Победоносцев порекомендовал венценосным родителям, чтобы их сын «перебесился до свадьбы», то есть погулял бы вволю и выпустил бы таким образом «скопившийся эротический пар».

По общему мнению, юная Матильда Кшесинская оказалась лучшей кандидатурой. Свести их вместе не составило никакого труда. Для обольщения балерины наследнику выделили большую сумму денег. Аппетиты Кшесинской постоянно возрастали — подарки, лошади, особняк…

Однако у этой любви не было перспектив. Наследник понимал, что для трона нужен династический брак с особой королевских кровей. К тому же он влюбился в принцессу Алису Гессен-Дармштадтскую, и 7 апреля 1894 года была объявлена их помолвка.

«Хотя я знала уже давно, что это неизбежно, что рано или поздно наследник должен будет жениться на какой-либо иностранной принцессе, тем не менее моему горю не было границ», — вспоминала Кшесинская.

Николай написал письмо своей «дорогой панне»: «Что бы со

мною в жизни ни случилось, встреча с тобою останется навсегда самым светлым воспоминанием моей молодости».

Кшесинская была в отчаянии. «Что я испытала в день свадьбы Государя, могут понять лишь те, кто способен действительно любить всею душою и всем своим сердцем и кто искренне верит, что настоящая, чистая любовь существует. Я пережила невероятные душевные муки»…

Пути Матильды и Николая II разошлись. Но он не забыл о своей бывшей пассии, часто посещал спектакли с её участием. В 1914 году она в последний раз исполнила в присутствии императора свой знаменитый «Русский танец». «Я танцевала отлично, я это чувствовала, а чувство никогда не обманывало меня, и уверена, что должна была произвести на Него хорошее впечатление…»

Все письма Николая к ней Кшесинская хранила в заветной шкатулке. Но во имя безопасности во время революции одна из её преданных подруг сожгла эти письма. Об этом Кшесинская узнала лишь через 10 лет…

«Я многое потеряла — и состояние, и дом, и драгоценности, лишилась счастливой, беззаботной жизни. Но из всего потерянного я ничто так не оплакиваю, как эти письма… Я потеряла самое драгоценное воспоминание, свято хранившееся у меня…»

Но это было уже много лет спустя… А вот что писала Кшесинская в 1892 году: «Великий Князь Владимир Александрович любил присутствовать на репетициях. Он заходил в мою уборную посидеть, поболтать. Я ему нравилась, и он шутя говорил, что жалеет о том, что недостаточно молод».

Ещё одно признание Кшесинской: «В моём горе и отчаянии я не осталась одинокой. Великий Князь Сергей Михайлович, с которым я подружилась с того дня, как Наследник его впервые привёз ко мне, остался при мне и поддержал меня. Никогда я не испытывала к нему чувства, которые можно было бы сравнить с моим чувством к Ники, но всем своим отношением он завоевал моё сердце, и я искренне его полюбила. Тем верным другом, каким он показал себя в эти дни, он остался на всю жизнь, и в счастливые годы, и в дни революций и испытаний. Много лет спустя я узнала, что Ники просил Сергея оберегать меня, когда мне будут нужны его помощь и поддержка».

А «помощь и поддержка» были нужны постоянно. Приглянулась великолепная дача в Стрельне — тут же великий князь Сергей Михайлович купил её на имя балерины. Хлопотливая Кшесинская, любящая уют, немедля привела дачу в порядок, отменно обставила и даже построила собственную

электростанцию для её освещения, что было большой редкостью в те времена.

Количество поклонников Кшесинской постоянно росло. В список её камер-пажей входили князь Никита Трубецкой, князь Джамбакуриани-Орбелиани, офицер лейб-гвардии конного полка Борис Гартман, красавец гусар Николай Скалон и многие другие.

Однажды вечером после спектакля Кшесинская давала у себя торжественный обед. Присутствовали сплошь великие князья. Здесь она впервые познакомилась с Андреем Владимировичем, кузеном императора.

«Великий Князь Андрей Владимирович произвёл на меня сразу в этот первый вечер, что я с ним познакомилась, громадное впечатление: он был удивительно красив и очень застенчив, что его вовсе не портило, напротив. Во время обеда нечаянно он задел своим рукавом стакан с красным вином, который опрокинулся в мою сторону и облил моё платье. Я не огорчилась тем, что чудное платье погибло, я сразу увидела в этом предзнаменование, что это принесёт мне много счастья в жизни…»

Великий князь был на шесть лет моложе Кшесинской, и это дало повод подруге Кшесинской, артистке Марии Потоцкой, спросить Матильду: «С каких это пор ты стала увлекаться мальчиками?».

С «мальчиком» Кшесинская отправилась в Европу. Он был мил, трогателен и, главное, предан. Может быть, поэтому Матильда Кшесинская решилась на отчаянный шаг: 18 июня 1902 года родила сына. Роды были трудные, и врачи опасались, что ни мать, ни ребёнок не выживут. Но всё обошлось — спасли обоих. Мальчика назвали Владимиром в честь отца великого князя Андрея.

«Когда я несколько окрепла после родов и силы мои немного восстановились, у меня был тяжёлый разговор с Великим Князем Сергеем Михайловичем. Он прекрасно знал, что не он отец моего ребёнка, но настолько меня любил и так был привязан ко мне, что простил меня и решился, несмотря на всё, остаться при мне и ограждать меня как добрый друг… Сергей вёл себя бесконечно трогательно, к ребёнку относился, как к своему, и продолжал меня очень баловать. Он всегда был готов меня защитить…»

В 1904 году Кшесинская уволилась со службы в Мариинском театре и стала гастролировать по Европе. Когда отмечали её 20-летний сценический юбилей (13 февраля 1911 года), то вечер превратился в праздник всего русского хореографического искусства. Кшесинскую называли «российского балета первой балериной» и даже «генералиссимусом русского балета».

Весной 1906 года, вернувшись из-за границы, Матильда купила участок земли на углу Кронверкского проспекта и Большой Дворянской улицы и заказала проект дворца архитектору Александру фон Гогену. Мебель поставил известный фабрикант Мальцер. Люстры, бра, канделябры и всё такое прочее, вплоть до шпингалетов, было выписано из Парижа.

Дом с прилегающим садом — маленький шедевр фантазии Матильды Кшесинской. Вышколенные горничные, французский повар, старший дворник — георгиевский кавалер, винный погреб, экипажи, автомобили и даже коровник с коровой и женщиной-коровницей, чтобы было свеженькое молочко для сына Вовы. И любимый фоксик Джиби.

Кроме особняка в Петербурге, Кшесинская приобрела собственную виллу «Алам» на юге Франции. Жила попеременно то во Франции, то в России, выступала то в Петербурге, то в Лондоне, то в Париже.

Грянула Первая мировая война. Кшесинская на свои деньги устроила лазарет на 30 кроватей для раненых солдат. После событий в октябре 1917-го Кшесинская вынуждена была бежать.

Оделась она скромно — в чёрное пальто, на голове — платок. В саквояж положила какую-то часть драгоценностей. Прихватила любимого фоксика Джиби и бросилась в омут страшной улицы. Потом какое-то время жила у знакомых.

В июле 1917 года Матильда Кшесинская с сыном Володей, преданной горничной Людмилой Румянцевой и старым слугой Иваном Курносовым покинула Петербург. Началось скитание по югу России. Через год были убиты два человека, с которыми Кшесинская была связана тесными узами воспоминаний: Николай II и великий князь Сергей Михайлович.

В конце февраля 1920 года на итальянском пароходе «Семирамида» Матильда Кшесинская покинула русскую землю и больше она на неё никогда не ступала. Конечным пунктом стала Венеция: в 8 часов вечера 22 марта пароход бросил якорь против Дворца Дожей. Началась эмиграция.

Первые годы Кшесинская провела с великим князем Андреем на французской вилле «Алам». В их доме часто бывали Сергей Дягилев, Тамара Карсавина, великий князь Дмитрий Павлович и многие другие.

«Мы часто обсуждали с Андреем вопрос о нашем браке. Мы думали не только о собственном счастье, но и главным образом о положении Вовы… Ведь до сих пор оно было неопределённым».

Брат Андрея, Кирилл Владимирович, дал согласие на их брак, и 30 января 1921 года в Русской церкви в Каннах состоялось венчание. В день свадьбы князь Андрей записал в своём дневнике:

«Наконец сбылась моя мечта — я очень счастлив».

Счастлива была и Матильда Кшесинская: наконец ей был дарован титул и фамилия княгини Красильниковой.

Она продолжала вести светскую жизнь, встречалась с Вирджинией Цукки, Айседорой Дункан, Анной Павловой, Фёдором Шаляпиным. Часто выезжала в Монте-Карло, где любила играть в рулетку, неизменно ставя на цифру «17», за что и получила прозвище «Мадам Семнадцать».

Однако для подобных развлечений постоянно требовались деньги. Пришлось продать виллу и перебраться в Париж. Кшесинская организовала свою танцевальную студию, и 6 апреля 1929 года начались занятия. Она оказалась талантливым педагогом и открыла дорогу в балет многим знаменитостям, таким как Марго Фонтейн, Иветт Шовери, Памела, Мей и другие.

Сама Матильда постоянно поддерживала форму, выступая в спектаклях. В 1936 году (ей было уже 64 года!) тряхнула стариной и выступила в благотворительном концерте в лондонском «Ковент-Гардене». Она станцевала свой «Русский танец» с большим успехом и вновь была наречена «королевой русского балета».

Когда Кшесинская узнала о вторжении фашистских войск в Россию, она сделала запись в своём дневнике: «Что будет с нашей несчастной родиной, что будет с нами!»

Кшесинская прожила долгую жизнь, а её коллеги по творчеству уходили один за другим: Сергей Дягилев, Анна Павлова, Вера Трефилова, Вацлав Нижинский…А 30 октября 1956 года её настиг самый большой удар: умер великий князь Андрей, муж и отец её сына.

«Словами не выразишь, что я пережила в этот момент. Убитая и потрясённая, я отказывалась верить, что не стало верного спутника моей жизни. Вместе с Верой мы горько заплакали и, опустившись на колени, начали молиться… С кончиной Андрея кончилась сказка, какой была моя жизнь».

…В 1958 году Большой театр приезжал на гастроли в Париж. «Хотя со смертью мужа я никуда больше не выезжаю, проводя дни или в студии за работой, для добывания хлеба насущного, или дома, я сделала исключение и поехала на него посмотреть. Я плакала от счастья…Это был тот самый балет, который я не видела более 40 лет. Душа осталась, традиция жива и продолжается. Конечно, техника достигла большого совершенства…»

Свои воспоминания Матильда Кшесинская закончила осенью 1959 года. «В моей жизни, — написала она, — я видела и любовь, и ласку, и заботу…Не хочу ни с кем сводить каких бы то ни было

счётов, ни о ком не хочу говорить скверно…»

В её мемуарах нет зла, обвинений. Она так и осталась до конца своих дней гордой прима-балериной императорского театра. Последний период своей жизни она прожила в небольшом парижском домике с весьма скромным достатком, но умудрялась тем не менее помогать многим людям, особенно русским эмигрантам. И до конца своих дней поражала всех своей энергией и жизнерадостностью.

Матильда Кшесинская скончалась 6 декабря 1971 года, не дожив всего лишь девять месяцев до своего 100-летнего юбилея. Последний приют она нашла на парижском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа — кладбище русских «звёзд первой величины».

Сафо (или Сапфо) (ок. 612 до н. э. — ок. 572 до н. э.)

Древнегреческая поэтесса. Жила на острове Лесбос. Возглавляла кружок знатных девушек, которых обучала музыке, декламации, танцам. В центре её лирики — темы любви, нежного общения подруг, девичьей красоты. Смерть её приписывают несчастной любви.

* * *

Если любовь — божественная страсть, более сильная, чем энтузиазм дельфийских жриц, вакханок и жрецов Цибеллы, то Сафо, или Сапфо — лучшее её олицетворение.

Страстная Сафо, как называли её современники, родилась на острове Лесбос в городе Эросе в Сорок вторую Олимпиаду, за 612 лет до н. э. Отца её звали Скамандронимом, мать — Клеидой. Кроме Сафо у них было трое сыновей: Харакс, Ларих и Эвриг.

Когда Сафо исполнилось шесть лет, она осталась круглой сиротой. В 595 году до н. э. начались волнения, приведшие к ниспровержению аристократии. Молодая девушка вместе с братьями бежала в Сицилию и только спустя пятнадцать лет смогла вернуться на Лесбос. Она поселилась в Митиленах, почему впоследствии её и стали называть Сафо Митиленской, в отличие от другой Сафо — Эресской, обыкновенной куртизанки, жившей гораздо позднее знаменитой поэтессы.

Сафо, воспитывавшаяся в школе гетер, рано почувствовала призвание к поэзии. Её страстная натура не могла таить в себе чувства, волновавшие её. Она писала оды, гимны, элегии, эпитафии, праздничные и застойные песни стихом, названным в честь её «сапфическим». С лирой в руках, она декламировала свои жаркие строфы. Все её произведения — или призывы к любви, или жалобы на неё, полные страстной мольбы и горячих желаний. Она оказала огромное влияние на Горация и Катулла, родственного ей по духу певца нежных чувств и страстей. Страбон не называл её иначе, как «чудом», утверждая, что «напрасно искать во всём ходе истории женщину, которая в поэзии могла бы выдержать хотя бы приблизительно сравнение с Сафо». Сократ величает её своей наставницей в вопросах любви.

Увы, боги, даровавшие ей благородный и чистый гений поэзии, не позаботились о её внешности. По свидетельству

современников, Сафо была небольшого роста, очень смуглая, но с живыми блестящими глазами, а если Сократ и называл её «прекраснейшей», то исключительно за красоту стиха. Вот что говорил Овидий устами Сафо: «Если безжалостная природа отказала мне в красоте, её ущерб я возмещаю умом. Я невелика ростом, но своим именем могу наполнить все страны. Я не белолица, но дочь Кефая (Андромеда) нравилась Персею». Однако можно поверить, что лицо поэтессы в моменты высшего вдохновения преображалось и становилось действительно прекрасным.

По возвращении Сафо из Сицилии между «десятой музой» (по выражению Платона) и «ненавистником тиранов», поэтом Алкэем, соратником её по изгнанию, завязался роман, не имевший, правда, серьёзных последствий. Алкэй, конечно, не мог не увлечься изящной, богато одарённой талантами девушкой. Поэт заявил ей, что хотел бы признаться ей в любви, но не решался: «Сказал бы, но стыжусь». На что Сафо отвечала: «Когда бы то, что высказать ты хочешь, прилично было, стыд навряд смутил тебя». Несомненно, они были близки, но насколько — останется тайной.

Вскоре Сафо вышла замуж, за кого — неизвестно, и спустя год родила дочь, названную в честь бабушки Клеидой. Но безжалостная судьба не долго позволила ей наслаждаться семейным счастьем. Муж и горячо любимая дочь вскоре один за другим опустились в мрачное царство Галеса. Лишённая семьи, Сафо всецело отдалась поэзии и перенесла всю страстность своей натуры на лесбийских девушек.

Женщины в те далёкие времена не удовлетворялись одними мужчинами и заводили отношения между собой. Лесбиянки, кроме любовников, имели любовниц, возле которых возлежали на пирах, засыпали ночью в их объятиях и окружали их нежнейшими заботами. Лукиан писал в «Диалогах»: «Женщины Лесбоса действительно были подвержены этой страсти, но Сафо нашла её уже в обычаях и нравах своей страны, а вовсе не изобрела сама». Трудно отрицать существование «лесбийской любви», когда «царица поэтов» является прямой её выразительницей. Сафо должна была любить, обожать, поклоняться всему, что истинно прекрасно. А что прекраснее женщины?

Сафо возглавила школу риторики в Митиленах, хотя некоторые писатели утверждают, что она сама основала её, назвав Домом муз, куда стремились попасть не только лесбиянки, но и чужеземки. Страсть к подругам возбуждала в Сафо необыкновенный экстаз. «Любовь разрушает мою душу, как вихрь, опрокидывающий нагорные дубы, — говорила поэтесса. — Что касается меня, я буду отдаваться сладострастью, пока смогу

видеть блеск лучезарного светили и восторгаться всем, что красиво!»

Сафо обожала и мужчин, и женщин, которые могли дать ей наслаждение и сладкое опьянение чувств.

В разгар пира, когда в кубке кипело вино, называемое «молоком Афродиты», Сафо в страстной позе возлежала около Аттиды, Иорго или Телезиппы, «прекрасной воительницы», упиваясь сладостью любовных отношений. Впрочем, она жаждала и присутствия мужчин, к которым также была неравнодушна. И, конечно, муза опьяняла её и приводила в восторг.

Некоторые исследователи предполагают, что стихотворение Сафо «К моей любовнице» посвящено Родопе, которую поэтесса ревновала к своему брату Хараксу. Из рассказа Апулея следует, что Харакс, занимающийся виноторговлей, однажды в городе Навкратисе увидел красавицу, в которую сильно влюбился. Он за огромную сумму выкупил её из рабства и привёз в Митилены. Сафо, познакомившись с девушкой, воспылала к куртизанке жгучей страстью, однако та и не подумала на неё отвечать. Эта холодность сводила с ума поэтессу, сгоравшую от желания. Постоянные ссоры между братом и сестрой заставили Харакса вернуть Родопу в Навкратис, где он надеялся быть единственным обладателем красавицы. Но судьба была против него: когда Родопа «погружала своё разгорячённое тело в студёные нильские воды», орёл унёс одну из её сандалий и по невероятной случайности уронил перед Амазисом, стоявшим в преддверии храма в ожидании жертвоприношения. Сандалия оказалась такой маленькой, что фараон приказал найти её владелицу, обладавшую, без сомнения, восхитительными ножками. Придворные отправились на поиски и, после долгих странствий, отыскали красавицу и привезли к своему владыке. Очарованный Родопой Амазис то ли женился на ней, то ли сделал её своей любовницей. В любом случае она оказалась потерянной для Харакса. Несомненно, эта легенда послужила сюжетом для «Золушки». В Греции египетскую куртизанку прославили под именем Дорика, а стихи Сафо обессмертили любовницу её брата.

Полагают, что Сафо умерла около 572 года до н. э., покончив жизнь самоубийством. Кто же внушил Сафо такие страстные чувства? Легенды указывают на молодого грека Фаона, перевозившего пассажиров с Лесбоса или Хиоса на противоположный азиатский берег. Сафо страстно влюбилась в него, но, не найдя взаимности, бросилась с Левкадской скалы в море. По преданиям, тот, кто страдал от безумной любви, находил на Левкаде забвение.

Однако некоторые писатели, не упоминая даже, при каких

обстоятельствах умерла Сафо, похождения с Фаоном относят к Сафо Эфесской.

В честь Сафо митиленцы отчеканили её изображение на монетах. Можно ли сделать что-нибудь больше даже для царицы?

Эдит Пиаф (1915–1963)

Французская эстрадная певица и автор песен. Начала петь в парижском кабаре в конце 30-х годов. Наиболее известны песни: «Я ни о чём не жалею» и «Жизнь в розовом свете».

* * *

Эдит Джованна Гассьон родилась прямо на тротуаре в бедном районе Парижа. Отец Эдит — уличный акробат — вскоре после рождения дочери был призван в армию. Мать — певичка в кабачках — бросила её через два месяца, отдав на воспитание своей матери, содержавшей притон. Поскольку местом работы отца был тротуар, он таскал семилетнюю Эдит с собой. В пятнадцать лет она ушла от отца, — мало того, взяла на попечение сводную сестру Симону, которая была младше её на два года. Они были неразлучны до конца дней.

Эдит любила блатной мир, ей нравились взломщики, торговцы краденым, шулера, словом, «крутые парни». Сутенёры не посылали к Эдит и Симоне клиентов, ибо как женщин их не воспринимали. Девушки неплохо зарабатывали уличными концертами. Из всех мужчин, перебывавших у Эдит в то время, пожалуй, достоин внимания некто Луи по прозвищу «Малыш» — ничем не примечательный светловолосый паренёк из рабочего района. Как-то раз Луи заглянул в дешёвый кабачок за вином и присел за столик Эдит. В тот же вечер он перебрался к ней. Спали втроём в одной постели. Симона позже написала: «Душа Эдит была чистой. Ничто не могло её испортить. Может быть, это и не очень хорошо, когда в одной и той же постели спят сразу трое, но в 17 лет любовь кажется такой чистой и прекрасной, что я не обращала на них никакого внимания и засыпала, как ребёнок».

Спустя два месяца Эдит забеременела. В положенный срок родилась девочка, её назвали Марсель. Отправляясь на улицу петь, Эдит брала дочь с собой. Она устраивалась работать в грязный кабачок в надежде, что туда случайно заглянет импресарио и предложит контракт. Луи стал ей мешать. Пытаясь образумить Эдит, он ушёл и забрал дочь с собой, хотя воспитанием её не занимался. В два с половиной года девочка умерла от менингита. Больше у Эдит никогда не было детей…

Куда большую роль сыграл в жизни Эдит другой Луи — директор популярного в те годы в Париже кабаре «Жернис». Луи

Лепле. В 1935 году состоялась их встреча. Эдит начала выступать в кафе на Елисейских Полях.

Он сменил ей имя. Она напоминала ему воробья, поэтому для её сценического имени Луи взял слово «пиаф» — на парижском жаргоне значит «воробышек». У неё был великолепный голос, который часто доводил публику до слёз. Услышав однажды её пение, Морис Шевалье воскликнул: «У этой девочки голос живёт где-то внутри!»

6 апреля 1936 года её покровителя убили, и подозрение пало на девчонку из трущоб. Но Эдит снова выручил мужчина.

Раймон Ассо — поэт, длинный, худой, нервный, с чёрными как смоль волосами. «Тебе нужен не импресарио, а тот, кто сделает тебя целиком», — говорил он. Ассо влюбился в эту мятежную женщину. Через некоторое время она ответила согласием на предложение поэта заняться ею. Эдит относилась к Раймону иначе, чем к другим мужчинам. Он был тем, кто писал для неё хорошие песни, подыскивал контракты, заботился о ней. Она не сразу поняла, что любит его. Почти на глазах у его жены Пиаф завела с Ассо роман. Раймон ушёл от жены и поселился в отеле «Альсина». Если Лепле открыл Пиаф, то Ассо создал её. Именно благодаря ему она постигла основы певческого мастерства. В 1937 году состоялся её ошеломляющий дебют на сцене театра «ABC», где выступали самые популярные артисты мюзик-холла.

Но вскоре оказался в прошлом и Ассо. Его место занял холодный красавец Поль Мерисс. Но Эдит до конца жизни не забывала, чем обязана Раймону. А он, много лет спустя, тяжелобольной, когда Пиаф уже не было в живых, корил себя за то, что не смог удержать Эдит… Умирая, он всё ещё жил жизнью Пиаф.

Худенькая, хрупкая и маленькая, Пиаф никогда не считалась красавицей. Она и сама говорила: «У меня маленькая грудь и маленький зад… Но я всё же привлекаю к себе мужчин!»

На протяжении многих лет она злоупотребляла алкоголем. Несколько раз попадала в тяжёлые автомобильные аварии. Жизнь Пиаф всегда была бурной и весьма эмоциональной. Всё это, вместе взятое, привело к трагическому исходу. Эдиф Пиаф умерла в возрасте 48 лет. На похороны певицы в Париже собрались тысячи людей. На могиле Пиаф на кладбище Пер-Лашез всегда лежат живые цветы, а память о ней живёт в сердцах её поклонников и во Франции, и в других странах мира.

Эдит была романтичной и влюблялась в каждого из своих партнёров. Она терзалась, ревновала, тиранила любимых, запирала их на ключ. Такова была её манера любить… Позже,

когда концертные турне по Европе и в США приносили ей миллионы франков и тысячи долларов, она тратила почти все эти деньги на своих друзей и любовников — покупала, к примеру, им целые гардеробы одежды и всегда щедро раздавала деньги нуждающимся друзьям, таким как Шарль Азнавур. Когда певица умерла, она практически не оставила никакого имущества и денег.

Пиаф в шутку делила мужчин на следующие категории: «мужчины с улицы», «моряки», «сутенёры», «весельчаки», «учителя» и «ребята с моей фабрики». К последним она относила молодых, никому не известных певцов, которых часто сама и находила. Имена их уже стали историей: Ив Монтан, Шарль Азнавур, Робер Ламуре. Одни из них становились её «патронами» и получали право на её постель, другие были только друзьями — она никогда не смешивала чувства с работой. Пиаф как-то сказала: «Никогда не говори, что ты хорошо знаешь мужчину, пока не испытала его в постели. За одну ночь, проведённую с мужчиной в постели, ты узнаешь о нём больше, чем за несколько месяцев самых задушевных бесед. Уж в постели-то они не врут!»

Эдит любила одевать своих возлюбленных. Все через это прошли. Она наряжала их по своему вкусу — их собственный её не интересовал. Эдит выбирала фасоны, костюмы, ткани, цвет. Ей нравились яркие, кричащие тона, но особенно она любила голубой. Однажды она пригласила к себе несколько «бывших» и, чтобы доставить ей удовольствие, все пришли в голубом. Восемь мужчин!

Поль Мерисс стал для неё не меньшим испытанием, чем Раймон Ассо. Одетый с иголочки, всегда невозмутимый… Жить с ним было непросто, он был до тошноты чистоплотным и порядочным. Неистовая Пиаф стала задыхаться в чопорной обстановке нового дома. Вскоре они стали играть вместе в пьесе Жана Кокто «Равнодушный красавец», после которой Мерисс начал самостоятельную аристократическую карьеру…

Эдит Пиаф по-настоящему любила лишь одного мужчину. Марсель Сердан, застенчивый, мускулистый и грациозный француз арабского происхождения, боксёр по кличке «марокканский бомбардировщик», был женат, и у него было трое детей. Они познакомились в конце 1946 года. Когда Эдит нравился мужчина, он не мог ей сказать «нет». Так началась пылкая связь, как никакая другая, отвечающая романтической натуре Эдит. «Он полюбил меня, и всё остальное потеряло для него значение», — говорила она. Двухметровый гигант становился перед ней робким, как дитя.

Он стал чемпионом мира по боксу в среднем весе, победив

Тони Зейла в Нью-Йорке 21 сентября 1948 года. Даже во время подготовки Сердана к поединку с Зейлом Пиаф не хотела покидать его ни на один день. Для отвода глаз она сняла номер в гостинице «Уолдорф-Астория», но в нём жила её сестра, а Пиаф целыми днями была вместе с Серданом.

Год спустя Пиаф опять оказалась в Нью-Йорке, а Сердан в это время выступал с показательными боями в Европе. Пиаф страшно скучала по нему и умоляла его вырваться хотя бы на несколько дней. Она настояла, чтобы он прилетел в США самолётом, а не плыл пароходом. Самолёт, в котором полетел Сердан, разбился на Азорских островах. В этот вечер Пиаф должна была выступать в театре-кабаре «Версаль». Глубина её горя, отчаяния граничила с безумием. Эдит едва держалась на ногах. Под занавес она пела «Гимн любви» — песню, которую написала в самые счастливые дни своего романа и которую посвятила Серданy. Пиаф унесли со сцены в глубоком обмороке…

Позднее она говорила: «После смерти моего бесценного Марселя Сердана, ровно через шесть месяцев, я пустилась во все тяжкие и докатилась до самой глубины бездны. Я обещала быть мужественной. Но я не выдержала удара и обратилась к наркотикам. Это наложило печать на всю мою последующую жизнь, которая и без того началась с ужаса и грязи…»

Как всегда, Пиаф спасла работа. И любовь. Без неё актриса не могла ни жить, ни петь. Именно поэтому её было так легко обмануть, и всё чаще она говорила: «Это ужасно. Ни на мгновение нельзя забыть, что ты Эдит Пиаф. Всё время хотят что-то урвать, а на тебя саму всем глубоко наплевать! Даже тот, кто лежит с тобой в постели, в голове крупными буквами держит: „Пиаф“».

Если она влюблялась в мужчину, то это всегда была любовь с первого взгляда. В любовь Пиаф вкладывала все свои душевные силы и всю свою страсть и нежность. Симона позже написала: «Она становилась просто дикой. Становилась требовательной, ревнивой, в ней просыпался собственник. В общем, когда она влюблялась, она была невыносимой».

Среди любовников Пиаф были также актёры Эдди Константин, Ив Монтан (один из немногих, кому она оставалась верна на всём протяжении их связи) и Джон Гарфилд.

…Однажды на квартиру к Эдит пришёл некий Эдди Константин. Высокий парень объяснил, что написал английский вариант «Гимна любви». Эдит всегда нравились мужчины, которые без рассуждений приступали к делу. Она пригласила парня прийти ещё раз. Выяснилось, что у него бас, что он хотел бы петь и что в Америке у него остались жена и дочь. Эдит подготовила певца и уже через месяц взяла с собой в турне по

США… Ни один мужчина не пощадил её, каждый отметил своим шрамом. Много лет спустя после кончины великой француженки популярный певец во всеуслышание заявил: связь с Эдит была «ошибкой его молодости».

Пиаф всегда утверждала, что не верит в брак, но сама дважды была замужем. Первым её мужем стал певец Жак Пиль, за которого она вышла замуж в 1952 году. Тогда она облачилась в венчальное платье бледно-голубого цвета. Марлен Дитрих подарила невесте золотой крестик, украшенный изумрудами, который Эдит не снимала с груди всю жизнь.

Эдит Пиаф и Жак Пиль виделись редко — оба путешествовали с гастролями по всему миру. В один из редких свободных вечеров Эдит заглянула к Жаку в гримёрную перед его концертом. Они болтали ни о чём. И вдруг гримёрша сказала Жаку: «Не забудьте снять обручальное кольцо перед выходом, месье Пиль». Эдит услышала эти слова, и что-то надломилось в ней, она уже не могла безгранично доверять мужу. После пяти лет супружества они расстались.

И снова одиночество и тоска. Пиаф была в отчаянии, она начала пить. «Пьют потому, что хотят забыть кого-то, забыть свои неудачи, слабости, страдания, свои дурные поступки. Я тоже пила, чтобы забыть того или другого человека, причинившего мне страдания. Я знаю, что разрушаю себя, но удержаться не могла».

Однажды, когда в Нью-Йорке её бросил очередной любовник, для которого она много сделала, Пиаф после выступления в кабаре «Версаль» потребовала шампанского. Опьянев, упала на пол и на четвереньках, с лаем, поползла через зал. «Я — собака!» — кричала она. На следующий день Пиаф сгорала от стыда и поклялась не пить в течение года. Но вскоре встретила другого мужчину, и всё закрутилось сначала.

В Рио-де-Жанейро она влюбилась в музыканта. «Это был один из лучших людей, встречавшихся в моей жизни. Я вела себя с ним отвратительно, а он всё терпел. И вдруг я почувствовала отвращение к себе. Я заперлась одна в своей комнате, поставила около себя длинный ряд бутылок с пивом и пила, пила, чтобы уснуть, забыться…»

Ей удалось вылечиться от алкоголизма в специальной клинике.

На последнем году жизни Пиаф вышла замуж за Теофаниса Ламбукаса. 26-летнего парикмахера и певца греческого происхождения, страстно любившего её. Своим друзьям она представляла его как Тео Сарапо («сарапо» в переводе с греческого — «Я люблю тебя»). Это позже биографы Эдит стали называть Тео «греческим богом», а поначалу он производил

невыгодное впечатление: грубые черты лица, нарочито взлохмаченная чёрная шевелюра, толстые губы и томный взгляд. Он казался каким-то чересчур мягким, слишком любезным и услужливым. Казалось, он у неё долго не задержится. Но вышло иначе.

Что могло сблизить познавшую успех сорокасемилетнюю женщину и этого красивого простоватого парня, к тому же на двадцать лет моложе её? Пиаф нужен был человек, который любил бы её. Тео же был слабохарактерным и нуждался в авторитетной и сильной женщине. Она давала ему шанс стать другим. Он стал для неё последним шансом быть любимой.

Венчались Пиаф и Сарапо 9 сентября в русской церкви — так захотел Тео, исповедовавший православную веру. Эдит выглядела вполне счастливой — в розовом костюмчике от Шанель. Рядом возвышался Тео. Жить Пиаф осталось чуть больше года…

Когда Пиаф умерла, Тео несколько часов держал её тело в руках, не желая никому отдавать свою возлюбленную.

Как-то Эдит Пиаф сказала сестре: «Момон, я просто не могу, когда в доме нет мужчины. Это даже хуже, чем день без солнечного света. Без солнца, в конце концов, можно и обойтись — есть электричество. Но вот дом, в котором не висит где-нибудь мужская рубашка и в котором не валяются где-нибудь мужские носки или галстук… это просто как дом какой-нибудь вдовы — он тебя просто убивает!»

Жорж Санд (1804–1876)

Собственное имя — Амандина Аврора Лион Дюпен. Французская писательница, автор многочисленных романов, которые часто автобиографичны. Среди них «Индиана» (1832), «Орас» (1842), «Консуэло» (1843) и др. Проповедовала теорию эмансипации женщин.

* * *

Аврора Дюдеван, урождённая Дюпен, была правнучкой знаменитого маршала Морица Саксонского. После смерти возлюбленной он сошёлся с актрисой, от которой у него родилась девочка, получившая имя Авроры. Впоследствии Аврора Саксонская, молодая, красивая и непорочная девушка, вышла замуж за богатого развратника графа Готорна, который, к счастью для молодой женщины, вскоре был убит на дуэли. Затем случай свёл её с одним чиновником из министерства финансов — Дюпеном. Это был любезный, уже пожилой господин, представитель старофранцузской школы вежливости и образования. Несмотря на свои шестьдесят, ему удалось расположить к себе тридцатилетнюю красавицу и вступить с ней в брак, оказавшийся очень счастливым. От этого брака родился сын Мориц. В бурные дни Наполеона I он влюбился в женщину сомнительного поведения и тайно обвенчался с ней. Мориц, будучи офицером, не мог прокормить жену и жил больше на средства матери.

В это тяжёлое время, почти безвыходное для легкомысленного Морица и ещё более легкомысленной его жены, и родилась дочь, названная при крещении романтическим именем — Аврора. Это и была знаменитая Жорж Санд. Рано потеряв отца, она осталась на иждивении матери и бабушки, причём ей пришлось быть невольной участницей их беспрерывных дрязг и раздоров. Бабушка то и дело упрекала мать девочки за то, что она низкого происхождения, а также за её легкомысленное отношения с молодым Дюпеном до брака. Девочка принимала сторону матери, и ночью они частенько проливали вместе горькие слёзы.

В восемнадцать лет Аврора вышла замуж за молодого артиллерийского поручика Казимира Дюдевана. Это был незаконный сын одного полковника, барона, от которого, вследствие незаконности происхождения, он не унаследовал ни

титула, ни состояния. Однако отец усыновил его и ассигновал некоторую сумму на его женитьбу. Аврора унаследовала от бабушки имение с замком Ноан. Имение считалось более крупным, чем было на самом деле, и, несомненно, послужило главной причиной разлада между супругами, который впоследствии привёл к полному разрыву. Правда, первые годы брачной жизни носили на себе печать счастья. Сын, также названный Морицем в память знаменитого маршала, и дочь Соланж стали для Авроры истинным утешением. Она шила на детей, хотя плохо владела иголкой, заботилась о хозяйстве и всеми силами старалась сделать мужу приятной жизнь в Ноане. Увы, ей не удавалось сводить концы с концами, и это послужило новым источником пререканий и неприятностей. Тогда она занялась переводами и начала писать роман, который, впрочем, вследствие многих недостатков был позднее брошен в огонь. Всё это, конечно, не могло способствовать семейному счастью. Ссоры продолжались, и в один прекрасный день муж позволил тридцатилетней жене уехать в Париж с дочуркой и поселиться на чердаке.

Чтобы избавиться от расходов на дорогостоящие женские наряды, она стала носить мужской костюм, который ещё тем был удобен, что давал ей возможность ходить по городу в любую погоду. В длинном сером (модном в то время) пальто, круглой фетровой шляпе и крепких сапогах бродила молодая женщина по улицам Парижа, счастливая своей свободой, которая вознаграждала её за лишения. Она обедала на один франк, сама стирала и гладила бельё, водила девочку гулять. Муж, наезжал в Париж, непременно посещал жену и водил её в театр или какой-нибудь аристократический ресторан. Летом она возвращалась на несколько месяцев к нему в Ноан, главным образом для того, чтобы повидаться со своим горячо любимым сыном. Мачеха мужа тоже иногда встречалась с ней в Париже. Узнав однажды, что Аврора намеревается издавать книги, она пришла в сильную ярость и просила, чтобы имя Дюдеван никогда не появлялось на какой бы то ни было книге. Аврора с улыбкой обещала исполнить эту просьбу.

Аврора стала называть себя Жорж Санд. Это имя и осталось её литературным псевдонимом. Весной 1823 года был опубликован первый роман Жорж Санд «Индиана», который с одобрением и интересом встретили и читатели, и критика.

Современники считали Санд непостоянной и бессердечной, называли её лесбиянкой или, в лучшем случае, бисексуальной, и указывали, что в ней прятался глубоко скрытый материнский инстинкт, не реализованный в жизни полностью, поскольку Санд

всегда выбирала мужчин моложе себя.

Жорж Санд постоянно курила сигары, а её движения были резки и порывисты. Мужчин притягивали её интеллект и жажда жизни.

Живя в Париже, Аврора познакомилась с молодым писателем Жюлем Сандо. Говорили, что Сандо был первой любовью Авроры Дюдеван и что литературная общность их имела своей первопричиной именно эту любовь. Однако из признаний Жорж Санд видно, что ещё задолго до знакомства с Сандо она была влюблена, и притом совершенно платонически, в одного человека, который был от неё далеко, которого она украшала всеми добродетелями и прелестями своей романтически настроенной фантазии. Она ещё жила тогда в Ноане. До глубокой ночи засиживалась иногда над пламенными письмами к нему. Он не довольствовался платоническими воздыханиями и от «брака душ», как она называла их привязанность, хотел перейти к другим отношениям. Но Аврора была неумолима и, в конце концов, должна была согласиться, чтобы её далёкий друг поискал у другой женщины того счастья, которого она сама не могла или не хотела ему дать. Так кончился её первый роман.

Героем второго романа был, как уже говорилось, Жюль Сандо, с которым она познакомилась в числе прочих студентов, окруживших молодую женщину тотчас по приезде её в Париж. Сандо был младше Авроры на семь лет. Это был хрупкий, светловолосый, с аристократической внешностью мужчина. Вместе с ним, между прочим, она написала свой первый роман. В чём причина их разрыва? Трудно сказать, но Сандо в своём романе «Фердинанд» указывает на то, что разрыв произошёл с согласия обеих сторон.

Санд не могла наслаждаться сексом, если не была влюблена в своего партнёра. Очень непродолжительным экспериментом оказалась, например, её чисто сексуальная связь с писателем Проспером Мериме, к которому она не испытывала абсолютно никаких чувств. Некоторые любовники Санд утверждали, что она фригидна. На самом деле, она, вероятно, был просто похожа на многих других женщин, которые становятся страстными под влиянием чувств и бывают абсолютно холодными и равнодушными, когда этих чувств не испытывают. Санд тоже могла быть страстной и чувственной женщиной. Она призналась, например, что обожала Мишеля де Бурже, одно их своих любовников, женатого некрасивого мужчину, именно потому, что он заставлял её «трепетать от желания».

Роман Авроры с Альфредом де Мюссе был по счёту третьим. Об Альфреде де Мюссе она много слышала от своего друга и

горячего поклонника Сент-Бёва, который давно мечтал их познакомить. Но Аврора не спешила. «Он слишком большой франт, мы не подошли бы друг другу сердцами», — говорила она. В то время, когда Мюссе был ещё в зените красоты и славы, она уже успела выпустить под псевдонимом «Жорж Санд» четыре романа, которые тотчас привлекли к ней всеобщее внимание. Публика была в восторге, и деньги обильно посыпались под крышу чердака, на котором жила молодая женщина, начинавшая уже думать, что несчастье и бедность навсегда останутся её уделом.

Однако с первой минуты знакомства она должна была признать, что «большой франт» очень красив и обаятелен. Моложе её на шесть лет, худой, со светлыми волнистыми волосами, он мастерски вёл шутливый диалог, чуть-чуть приправляя его сарказмом.

Была ли Жорж Санд красива? Одни говорили, что да, другие считали её отвратительной. Сама она открыто причисляла себя к уродам, доказывая, что у неё нет грации, которая, как известно, заменяет иногда красоту. Современники изображали её женщиной невысокого роста, плотного телосложения, с мрачным выражением лица, большими глазами, но рассеянным взглядом, жёлтым цветом кожи, преждевременными морщинами на шее. Одни только руки её они признавали безусловно красивыми. Сам Мюссе, впрочем, описал её совершенно иной. «Когда я увидел её в первый раз, она была в женском платье, а не в элегантном мужском костюме, которым так часто себя безобразила. И вела она себя также с истинно женским изяществом, унаследованным ею от своей знатной бабушки. Следы юности лежали ещё на щеках, великолепные глаза её ярко блестели, и блеск этот под тенью тёмных густых волос производил поистине чарующее впечатление, поразив меня в самое сердце. На лбу лежала печать бесконечности мыслей. Говорила она мало, но твёрдо».

Мюссе впоследствии рассказывал, что он как бы переродился под влиянием этой женщины, что ни до неё, ни после он никогда не испытывал такого восторженного состояния, таких приступов любви и счастья, как в дни близкого знакомства с ней.

Пламенная страсть Мюссе не сразу разогрела сердце Авроры, и она медленно уступала его настойчивым ухаживаниям. Сначала на неё произвели приятное впечатление изящные манеры молодого человека, который относился к ней, как к представительнице высшего света, забывая, что она вращалась среди студентов и вела бедную жизнь. Затем ей польстило, что знаменитый поэт обращался к ней с просьбами высказать мнение о его произведениях и любезно предоставлял ей критиковать

себя. Красота его и любовь имели для неё второстепенное значение. Позднее, впрочем, и она поддалась всепожирающему пламени страсти.

О строгости и неуступчивости тут уж не могло быть и речи, тем более что она к тому времени успела развестись с мужем и, следовательно, сделаться совершенно свободной.

Различие характеров, конечно, обнаружилось не сразу, и первое время после сближения любовники были счастливы.

Но скоро Мюссе стал несносен, проявились все его комплексы, капризность, переменчивость настроения. Временами его преследовали приступы галлюцинаций, при которых он терял сознание и разговаривал с духами. Это было невыносимо для обоих. В минуты злости он называл её «монашкой» и говорил, что она должна жить в монастыре. Обвинения в холодности больно ранили Жорж Санд. Слишком глубоко сидела в ней вера в благородную, возвышенную и одновременно скромную любовь.

Они отправились в Венецию, где остановились в самом элегантном отеле. По мере того как Альфред де Мюссе всё больше и больше пил радости жизни на груди возлюбленной, угасала его страсть, а вместе с ней и поэтическое творчество. Между любовниками начались ссоры — обычные спутники пресыщения. Споры были резкие, неслыханные, продолжавшиеся иногда целые дни и ночи.

В эти тяжёлые дни для обоих возлюбленных больше мужества и самоотверженности обнаруживала Жорж Санд. После бурных ссор, продолжавшихся иногда, как уже говорилось, целый день, она садилась за работу, чтобы на вырученные деньги обеспечить Альфреду комфорт, без которого он не мог жить, как рыба без воды. Если верить ей, то Мюссе начал было продолжать в Венеции беспутную жизнь, которую вёл прежде в Париже. Здоровье его опять пошатнулось, врачи подозревали воспаление мозга или тиф. Она хлопотала возле больного днём и ночью, не раздеваясь и почти не притрагиваясь к еде. И тогда на сцене появился третий персонаж — двадцатишестилетний врач Паджелло. Совместная борьба за жизнь поэта сблизила их настолько, что они отгадывали мысли друг друга. Болезнь была побеждена, но врач всё не покидал поста возле пациента.

Однажды вечером Жорж Санд передала Паджелло конверт. Он спросил, кому его вручить. Тогда она отобрала конверт и надписала: «Глупышке Паджелло».

В конверте находился искусно составленный список ошеломляющих вопросов, «Только ли хочешь меня, или любишь? Когда твоя страсть будет удовлетворена, сумеешь ли ты меня отблагодарить? Знаешь ли ты, что такое духовное желание,

которое не может усыпить никакая ласка?» Позднее он писал, что попал в силки к прекрасной ведьме.

Поправившись, Мюссе потребовал объяснений. Она напомнила ему, что перед болезнью поэт заявил о разрыве с ней, так что считает себя свободной. Альфред засобирался в Париж, а любовники хотели отправиться в Альпы.

Вскоре Жорж Санд вместе с Паджелло приехала в Париж. Он чувствовал себя здесь чужим. Связь стала обременительной для обоих, тем более что Паджелло с самого начала предполагал вернуться в Венецию без неё. Троица распалась. Мюссе выехал в Баден. Жорж Санд укрылась в своём имении. Они переписывались, и Мюссе сгорал от страсти. «…О, страшно умирать, страшно так любить. Что за желание, мой Жорж, что за желание тебя!.. Я умираю. Прощай!» — писал поэт.

Мюссе, конечно, не умер, а благополучно возвратился в Париж, где они встретились и стали жить вместе. И сразу ожили кошмары подозрений и ревности, повторились обвинения и терзания. Они снова расстались и снова вернулись друг к другу. Наконец Жорж Санд написала ему: «Мы должны от этого излечиться». На этот раз они разошлись окончательно. И оба освобождались от горьких воспоминаний, наполняя ими свои литературные произведения.

Перед тем как сойтись с Жорж Санд, Шопен получил жестокий удар от невесты. Она решила, что великий композитор создан для любви и страсти, а не для серой прозы семейной жизни, и предпочла композитору некоего графа.

Шопен хотел заглушить своё горе, он думал утопить отчаяние в любви к другой женщине, но ошибся, так как попал из огня в полымя. Спасения не было.

Случилось это так. Погода была скверная, шёл дождь. Надо было куда-нибудь пойти, развеять грусть, которая так часто посещала Шопена. Куда? Он вспомнил, что у графини К* в этот вечер приём, и так как часы показывали десять, он, недолго думая, отправился туда.

Только после того, как часть гостей удалилась и остались наиболее близкие друзья дома, Шопен, несколько развеселившись, уселся за фортепиано и начал импровизировать. Окончив свою музыкальную сказку, он поднял глаза. Перед ним, опершись на инструмент, стояла просто одетая дама; от неё веяло ароматом фиалок. Она смотрела так, словно старалась проникнуть тёмными глазами в его душу.

Через некоторое время, собираясь уходить, он увидел ту же даму. Она подошла к нему вместе с Листом и стала рассыпаться в похвалах по поводу блестящей импровизации. Шопен был

польщён. Он кое-что знал о Жорж Санд, знал, что она пользуется большой известностью, что у неё было несколько любовных связей, что она вообще необыкновенная женщина, но, взглянув на неё, остался совершенно спокоен. Знаменитая писательница ему даже не понравилась.

Но не красотой одной побеждает женщина. Если принять во внимание, что Жорж Санд не только часто меняла любовников, но и нисколько не церемонилась с ними, в её характере, в её умении держаться с мужчинами было, вероятно, нечто настолько притягательное, против чего не могли устоять даже те, кто явно не симпатизировал ей и не любил её. Лучшего доказательства, чем любовь Шопена, нельзя и сыскать. Нежный, хрупкий, с женственной душой, проникнутый благоговением ко всему чистому, идеальному, возвышенному, он вдруг влюбился в женщину, которая курила табак, носила мужской костюм и вела открыто самые свободные разговоры.

Когда она сблизилась с Шопеном, местом их совместного проживания стала Мальорка. Сцена другая, но обстановка та же, и, как мы увидим, даже роли оказались одинаковыми с одним и тем же грустным концом. В Венеции Мюссе, убаюкиваемый близостью Жорж Санд, одевал стройные стихи в искусные рифмы, на Мальорке Шопен создавал свои баллады и прелюдии. В разгар страсти Мюссе заболел, заболел также в минуты высшего любовного экстаза и Шопен. Когда у композитора появились первые признаки чахотки, Жорж Санд стала тяготиться им. Красота, свежесть, здоровье — да; но как любить больного, хилого, капризного и раздражительного человека? Так думала Жорж Санд. Она сама признавалась в этом, стараясь, конечно, смягчить причину своей жестокости, ссылаясь и на другие мотивы…

Нужно было заканчивать. Но как? Шопен слишком к ней привязался и не хотел разрыва. Знаменитая женщина, опытная в таких делах, испытала все средства, но тщетно. Тогда она написала роман, в котором под вымышленными именами изобразила себя и своего возлюбленного, причём героя (Шопена) наделила всеми мыслимыми слабостями, а себя возвеличила до небес. Казалось, теперь конец неизбежен, но Шопен медлил. Он ещё думал, что можно вернуть невозвратное. В 1847 году, через десять лет после их первой встречи, любовники расстались.

Спустя год после разлуки Шопен и Жорж Санд встретились в доме одного общего друга. Полная раскаяния, она подошла к бывшему возлюбленному и протянула ему руку. Красивое лицо Шопена покрылось бледностью. Он отшатнулся и вышел из зала, не промолвив ни слова…

Среди любовников Жорж Санд были гравёр Александр Дамьен Мансо, который познакомился с ней, когда ему было 32 года, в то время как ей 45, и который тихо и мирно прожил с ней вместе 15 лет, а также художник Шарль Маршал, которого Санд называла «мой толстый ребёнок». Когда они повстречались, Шарлю было 39 лет, а Санд 60.

Ходили упорные слухи о её связях и с другими мужчинами, в частности, с литературным критиком Гюставом Планше, который однажды даже вызвал на дуэль другого критика, позволившего себе отозваться без должного почтения об очередном романе Жорж Санд. Правда, нет доказательств того, что между ними существовала иная любовь, кроме любви к литературе. Нет ясности и относительно того, были ли у Жорж Санд сексуальные связи с женщинами. Своей близкой подруге, актрисе Мари Дорваль, она писала письма, которые сегодня считались бы эротическими, хотя в те далёкие и славные времена были достаточно распространённым явлением и часто встречались в переписке между подругами. Маленький отрывок из одного письма Жорж Санд, адресованного Мари Дорваль, может служить примером того, какая тесная, глубокая и горячая дружба связывала этих женщин: «…в театре или в твоей постели… я просто умираю от желания поскорее увидеть и горячо поцеловать тебя, моя леди, либо я совершу что-нибудь совершенно безумное!»

Сара Бернар (1844–1923)

Собственное имя — Разин Бернар. Французская актриса, блиставшая на сцене «Комеди Франсез» в Париже. Воплотила трагические образы Корделии в «Короле Лире» Шекспира, заглавную роль в «Федре» Расина, играла также мужские роли — Гамлета и сына Наполеона в ростановском «Орлёнке». С 1898 по 1922 год возглавляла «Театр Сары Бернар».

* * *

Сара Бернар завоевала широчайшее признание и всемирную славу как великая театральная актриса. Её игра на сцене была гениальна, зрители её обожествляли, критики писали о ней восторженные рецензии, а поэты посвящали стихи.

Сара была дочерью куртизанки. Она с детства страдала от туберкулёза, и врачи предрекали, что девочка проживёт недолго. В 16 лет она мечтала стать монахиней. Тогдашний любовник её матери, граф де Морни, единокровный брат Наполеона III, распознал в Саре задатки таланта актрисы. Он использовал своё влияние при дворе и сначала устроил Сару в консерваторию — актёрскую школу французского правительства, а через два года помог ей попасть в знаменитый театр «Комеди Франсез». Оттуда она была вынуждена уйти в 1863 году, после того как в припадке гнева ударила другую актрису. Эмоциональная, худая, с копною вьющихся волос, Сара добилась первого шумного успеха в театре «Одеон», сыграв главную роль в одной из пьес Александра Дюма-отца. Каждая новая роль удавалась Саре, «прекрасно отполированному скелету», как её называли недоброжелатели, лучше прежней, она получила признание и широкую известность, а 1880 году создала собственную театральную труппу и начала ездить по всему миру с собственными театральными постановками.

Несмотря на свою всё возрастающую славу, Сара так и не смогла избавиться от страха перед выходом на сцену. В каждое своё выступление она вкладывала всю себя без остатка. Её нервное возбуждение было столь велико, что иногда в конце выступления после закрытия занавеса Сара падала в обморок. До конца жизни актриса так и не смогла излечиться от туберкулёза. Сара много работала над своей физической формой. Говорят, что её энергии хватило бы на десятерых. Даже после того, как в 1915

году ей ампутировали ногу, она продолжала выступать почти до последних дней жизни. Сара Бернар умерла в марте 1923 года в возрасте 78 лет в своём доме в Париже.

Современники утверждали, что у Сары были тысячи любовников. Сама «Божественная Сара» однажды заявила: «Я была одной из самых величайших любовниц своего века». Мать Сары рассчитывала сделать из неё куртизанку, но девочка отказалась от этой роли, хотя и назвала её «очень доходной формы работы». Радости любви Сара познала в восемнадцать лет с графом де Кератри, но первым мужчиной, который действительно завоевал её сердце, стал принц Анри де Линь. У Сары от Анри родился сын Морис, которому до конца жизни она отдавала всю свою любовь.

В двадцать лет она стала европейской знаменитостью. Среди её поклонников были Гюстав Доре, Виктор Гюго, Эдмон Ростан, Оскар Уайльд, Эмиль Золя. Её всегда притягивали талантливые мужчины, и ей всегда нравилось, когда они отдавали должное её гениальности в своих произведениях. Сара была страстной любовницей, однако никогда не отдавала себя всю, без остатка. Возможно, эта осторожность по отношению к мужчинам появилась у неё ещё в детстве. Однажды она написала: «Дом моей матери всегда был полон мужчин, и чем больше я их видела, тем меньше они мне нравились».

Сара обладала магическим воздействием и на мужчин, и на женщин, а весь высший свет Европы просто обожал её. В одной из книг о великой актрисе и любовнице делалось смелое предположение: Бернар соблазнила всех глав государств Европы, включая и папу римского. Существуют доказательства того, что у неё действительно были «особые отношения» с принцем Уэльским и с принцем Наполеоном, племянником Наполеона I, с которым её познакомила Жорж Санд. Что касается других первых лиц Европы… если даже она и не делила с ними постель, то сердца их Бернар завоевала. Её осыпали подарками император Австрии Франц Иосиф, король Испании Альфонсо и король Италии Умберто. Король Дании Кристиан IX предоставлял в её распоряжение свою яхту, а герцог Фредерик позволял ей пользоваться своим родовым замком.

Театральные партнёры Сары обычно становились её любовниками. И эти романы продолжались до конца постановки той или иной пьесы. Многие бывшие любовники Сары оставались на всю жизнь её верными друзьями. Самые близкие из них — Филипп Гарнье и Пьер Бертон, которые играли с Сарой в пьесах «Теодоро» и «Тоска». Сара и Бертон были так озарены охватившим их чувством, что «могли бы освещать улицы Лондона». Самым

лучшим её партнёром и на сцене, и в жизни был великолепный актёр Жан Муне-Сюлли. Один из самых талантливых французских актёров-трагиков, Жан сыграл с Сарой в нескольких пьесах. Их часто называли просто «парой», даже не упоминая при этом их имён, а появление «пары» в театральной афише гарантировало аншлаг и шумный успех.

В возрасте 66 лет во время продолжительного турне по США Сара Бернар познакомилась с Лу Теллегеном, американцем голландского происхождения, который был младше её на 35 лет. Их любовная связь продолжалась в течение четырёх лет. Позже в своей автобиографии «Женщины были добры ко мне» Теллеген признал, что эти годы были «самыми лучшими годами» его жизни.

Первый и единственный раз Бернар вышла замуж в 1882 году за Аристидиса Жака Дамала, греческого дипломата, который был моложе её на 11 лет. Аристидис, по меткому выражению его знакомых, представлявший собой нечто среднее между Казановой и маркизом де Садом, похвалялся перед актрисой своими любовными победами и получал огромное удовлетворение, если ему удавалось унизить Сару публично. Они развелись через несколько месяцев, но в последние месяцы его жизни Сара заботливо опекала бывшего мужа, умиравшего от морфия и кокаина. Умер Аристидис в 1889 году.

Бернар отличалась эксцентричным поведением. Чего стоит только широко разрекламированный гроб красного дерева, который сопровождал её во всех поездках. Когда доктора вынесли маленькой Саре страшный вердикт, девочка уговорила мать купить ей гроб, чтобы её не положили «в какой-нибудь уродец». Иногда Сара спала в этом гробу, и её часто в нём фотографировали. Актриса Мари Коломбье вспоминала, что Сара иногда занималась любовью в этом узком ящике, правда, у мужчин в столь экзотической обстановке случались сбои…

Незадолго до Первой мировой войны писатель Октав Мирбо спросил у Сары Бернар, когда она собирается прекратить освещать свою жизнь пламенем любви. Актриса ответила коротко: «Когда перестану дышать».

Франсуаза д'Обинье, маркиза Ментенон (1635–1719)

Фаворитка Людовика XIV. После смерти мужа, поэта Скаррона, воспитывала детей фаворитки де Монтеспан от короля. В 1684 году сочеталась тайным браком с Людовиком XIV. Оказывала заметное влияние на короля до самой его смерти.

* * *

По распоряжению Ришельё д'Обинье вместе с женой был заточён в крепость Ниор, где 27 ноября 1635 года у них родилась дочь Франциска. По повелению кардинала она была крещена по католическому обряду. Восприемниками её были герцог Ларошфуко, губернатор Пуату и графиня ле Нейльян, супруга коменданта крепости Ниор.

Тётка Франциски маркиза де Вильет хотела воспитать её в правилах кальвинизма, но девочку передали на воспитание отцу, переведённому в тюрьму Шато-Тромнетт. Отсюда всё семейство д'Обинье отправили в ссылку на остров Мартиника. Франциску воспитывали строго. Мать читала ей Библию, «Жизнеописания великих людей» Плутарха. Отец её вскоре умер, оставив жену и дочь в крайней нищете.

С большим трудом они возвратились во Францию, где их приютила маркиза де Вильет, возобновившая свои попытки обратить племянницу в кальвинизм, причём явно в этом переусердствовала: Анна Австрийская вынуждена была вмешаться и приказала передать Франциску другой её тётке, госпоже де Нейльян, а та устроила её в женский монастырь на улице Сен-Жак.

Потеряв мать, пятнадцатилетняя Франциска возвратилась к госпоже де Нейльян, которая начала вывозить её в свет. Франциска познакомилась с Мере, о котором сохранила самые тёплые воспоминания на всю жизнь. Именно Мере ввёл молодую индианку (так называли Франциску, намекая на долгое пребывание на острове Мартиника) в гостиную Нинон де Ланкло, где собирались и блистали многие поэты и острословы того времени. Там девушка встретила поэта Скаррона.

Зависимость от тётки мучила её, поэтому она охотно приняла предложение поэта, пользовавшегося известностью во Франции

благодаря своим сатирическим произведениям. И хотя рука его была поражена параличом, молодой девушке не пришлось жаловаться на судьбу. Талант мужа и её редкая красота в соединении с природным умом сделали дом будущей фаворитки короля центром аристократической знати того времени. О госпоже Скаррон начали говорить как о редкой женщине. Представителя высшего общества заискивали перед ней. Десять лет прожила она со своим мужем, скончавшимся в 1660 году и не оставившим ей в наследство ничего, кроме своего известного имени.

Франсуаза сразу почувствовала тяжесть нового положения. Она впала в бедность, так как после смерти мужа ей прекратили выплачивать пенсию поэта. Спасла её маркиза де Монтеспан, с которой она познакомилась, уже будучи вдовой. Маркиза выхлопотала ей у короля ежегодную пенсию в 2000 лир (200 пистолей), а вскоре взяла её к себе воспитательницей к своим детям от Людовика. Впоследствии маркиза жалела об этом, как оказалось, опрометчивом шаге.

Хитрая Франсуаза сразу поняла, что, пользуясь положением, можно достичь блестящих успехов. Она повела атаку на короля, однако потерпела неудачу: пресыщенный король не проявил к ней интереса. Тогда вдова сменила тактику. Она притворилась, будто сильно привязалась к детям короля, которых Людовик любил больше законных. Очевидно, он любил тех и других, однако к любви к детям госпожи Монтеспан примешивалось чувство жалости, что они, в отличие от детей королевы, лишены прав и преимуществ, которыми пользовались его законные дети. И госпожа Скаррон которыми пользовались его законные дети. И госпожа Скаррон воспользовалась этой слабостью короля. Однажды Людовик XIV был искренне растроган представшей перед его глазами картиной: вдова поэта одной рукой поддерживала больного герцога де Мэна, а другой качала мадемуазель де Нант, а на коленях держала спящего графа Вексенского. В результате «самоотверженная» вдова получила прибавку к пенсии и щедрый подарок в 100 000 ливров.

В 1674 году вдове Скаррон уже было сорок лет. Как обратить на себя внимание короля? Она заметила, что королю начинает приедаться легкомыслие и порочность Монтеспан. И вдова Скаррон стала образцом благочестия и добродетели. Все её мысли были обращены к Богу. Её уста шептали молитвы. Из её груди то и дело вырывались тяжёлые вздохи. Она оплакивала грехи человечества и свои слабости. Король был заинтригован, а Монтеспан даже в голову не могло прийти, что такая добродетельная особа станет любовницей Людовика. Вскоре

король дал вдове Скаррон титул маркизы де Сюжер, а затем подарил имение, от которого она и получила имя Ментенон. Она увлекала и приковала к себе Людовика своим смиренным видом, мягкими речами, вдохновенными проповедями. Она указывала королю на его ошибки, не забывая при этом очень искусно и с самым незлобивым видом разоблачать слабости Монтеспан. Король не привык к таким речам. Они действительно на него неотразимо.

Ему нравились эти «откровенные» речи, и ему нравилась… сама Ментенон. Да, во время частых бесед с ней он успел увлечься её тихим, вкрадчивым голосом, её красивой фигурой, плавными движениями и необыкновенными глазами. Подвижная, она в то же время умела быть сдержанной, и эта сдержанность очень нравилась королю, который часто заигрывал с придворными дамами, иногда даже обнимал их, чтобы запечатлеть на их устах мимолётный поцелуй, но к госпоже Ментенон всегда чувствовал почтение и при встрече вежливо её приветствовал. Когда он признался Ментенон в своих чувствах, хитроумная женщина решила, что время ещё не наступило, и ответила отказом, вместе с тем дав понять, что сама влюблена в короля, но, увы, её понятия о добродетели не сообразуются с преступной любовью. «К тому же, — добавляла она, — у вас есть супруга. Ей одной принадлежит ваша любовь. И если вы обратитесь к другим, от вас отвернётся небо». Это окончательно заставило короля понять, какая пропасть лежит между порочной, жаждущей одних только земных благ Монтеспан и богобоязненной Ментенон. Судьба метрессы была решена.

Но Монтеспан уже не дремала. Она поняла, какая опасность исходит со стороны бывшей гувернантки. В это время король, чтобы освободить Ментенон от фаворитки, назначил вдову почётной дамой при супруге дофина, что ещё больше настроило против неё маркизу Монтеспан. Она начала упрекнуть свою бывшую гувернантку, обвиняя её в вероломстве и неблагодарности, в ответ же услышала тихие, решительные слова: «Если вы упрекнёте меня в любви к королю, то не забудьте, что этот упрёк касается ошибки, к которой вы же мне подали пример».

В отчаянии Монтеспан бросилась к монарху. Она устроила ему мелодраматическую сцену ревности, указывала на детей, но и от него она не услышала ничего, кроме грустных слов: «Сударыня, я ведь уже сказал вам, что ценю спокойствие. Насилия же не терплю».

Однако Монтеспан не успокаивалась. В её интригах участвовали министр Лувра и герцогиня Ришельё, почётная дама

супруги дофина. От них последняя узнала о далеко не ангельской жизни Ментенон в молодости, её браке с калекой Скарроном, о сомнительных любовных историях во время вдовства и таинственных свиданиях с Людовиком XIV. Супруга дофина решительно выступала против новой придворной дамы. Чтобы погасить конфликт, потребовалось вмешательство короля, который, естественно, решил дело в пользу Ментенон, а интриганов велел удалить от двора. Но новая фаворитка, продолжая играть роль воплощённой добродетели, выхлопотала у короля прощение и сама известила соперницу, что избавила её от позора изгнания из стен дворца. Она скромно, но с затаённым злорадством сообщила, что пресечь тайные свидания между ней и королём невозможно, и Людовик согласен и впредь исполнять справедливые требования и просьбы маркизы, но последние она должна сообщать прежде ей, Ментенон, которая и будет передавать их королю.

В этом ужасном положении Монтеспан решилась на отчаянный шаг. Она добровольно удалась от двора в надежде, что король вернёт её и примет её условия. Старший сын Монтеспан, герцог Мэн, поддерживал её решение, но как только мать уехала, сообщил о её планах Ментенон, находя для себя более выгодным вступить в союз с восходящей звездой, чем пользоваться расположением матери.

Они сделали возвращение Монтеспан ко двору невозможным. Герцог Мэн распорядился выбросить из окна мебель матери, вещи её отправить в Париж, а комнаты, которые она занимала, использовать для других целей. Маркизе Монтеспан негде было жить и ей пришлось довольствоваться пенсией в 12 000 луидоров, которые король приказал выплачивать ей ежегодно.

Только после этого Ментенон решилась уступить требованию короля и сделаться его любовницей. Началось царствование Ментенон. Она жила во дворце уединённо, редко выезжала, но все государственные дела вершились в её спальне. Король ежедневно направлялся к ней в определённый час, чтобы поработать с министрами в присутствии фаворитки. Если король спрашивал у неё мнения, она отвечала тихо, как будто это её мало интересовало, хотя на самом деле она была в курсе всех дел, так как ни один министр не осмеливался идти с докладом к королю, не обсудив его прежде с фавориткой. И только в министерстве иностранных дел она не обладала безграничной властью, поскольку вопросы внешней политики находились в ведении государственного совета. Тем не менее с большим правом, чем сам король, госпожа Ментенон имела право воскликнуть: «Государство — это я!»

Даже над принцессами имела власть коварная фаворитка, и придворным не раз приходилось видеть, как дочери Людовика XIV, повздорившие с метрессой, с трепетом входили по приказу к ней в комнату, откуда через некоторое время появлялись со слезами на глазах…

Тридцать лет прожил Людовик XIV с Франсуазой Ментенон. Он умер в 1715 году. Через несколько лет умерла и его возлюбленная.

Мари Дюплесси (1824–1847)

Собственное имя — Альфонсина Плесси. Знаменитая парижская куртизанка. История любви Дюплесси и Александра Дюма-сына послужила сюжетом для его романа, а затем пьесы «Дама с камелиями». Джузеппе Верди позже написал на этот сюжет оперу «Травиата».

* * *

В театре «Варьете» Александр Дюма больше времени посвятил разглядыванию в театральный бинокль броско одетых красивых женщин, сидевших в ложах, чем тому, что происходило на сцене. В тот сентябрьский вечер среди публики было несколько дам полусвета. Хотя они и были на содержании у богатых мужчин, как правило, более зрелого возраста, чем они сами, многие из них страстно желали истинной любви с привлекательными, хоть и бедными юношами.

Особенно ему понравилась одна женщина. «Она была высокой, очень стройной, черноволосой, с бело-розовым цветом лица, — писал он позже. — У неё была маленькая головка и удлинённые глаза, которые делали её лицо похожим на лицо фарфоровой статуэтки, что часто встречается у японок. Но было в этих глазах что-то, что указывало на гордую и живую натуру… Она могла бы быть дрезденской фарфоровой статуэткой». Эта женщина была самой знаменитой куртизанкой своего времени — Мари Дюплесси.

«Вокруг неё говорили только о её красоте, о её победах, о её хорошем вкусе, о модах, которые она выдумывала и устанавливала, — писал член Французской академии, влиятельный театральный критик Жюлю Жанен. — Эта молодая женщина пригоршнями разбрасывала золото и серебро, увлекаемая как своими капризами, так и своей добротой».

Мари также обратила внимание на 20-летнего Дюма, поскольку скоро стала делать знаки своей подруге Клеманс Пра, с которой молодой человек был знаком. В конце спектакля мадам Пра любезно пригласила Дюма и его друга к себе домой. Её дом был очень удобно расположен, прямо по соседству с домом Мари на фешенебельном бульваре Мадлен. Через какое-то время Мари из окна сообщила соседке, что устала от гостившего у неё графа. Мадам Пра поспешила к Мари в сопровождении двоих молодых людей. Выпроводив графа, хозяйка дома устроила для новых

друзей поздний ужин с шампанским. Однако к концу трапезы на неё напал кашель, и она была вынуждена выйти из комнаты. Дюма последовал за ней и нашёл её лежащей на диване. В серебряной чаше с водой, стоявшей рядом, была кровь.

«Вам больно?» — спросил молодой человек. «Чуть-чуть. Я начала привыкать к подобным вещам», — сказала очаровательная женщина. «Но вы же убиваете себя», — забеспокоился он. «Откуда эта внезапная забота? Вы влюблены в меня?» — спросила она. Дюма был в нерешительности. Она заставила его признаться, но предупредила: «Или я отказываю вам, и в этом случае вы затаите на меня обиду, или же соглашаюсь, и тогда у вас на руках окажется мрачная любовница-неврастеничка, к тому же женщина больная и меланхоличная».

Встреча Александра Дюма с Мари Дюплесси произошла ранней осенью 1844 года. Затем последовал короткий, счастливый, но в чём-то и печальный роман. Приведённый же выше диалог взят из романа, который Дюма опубликовал четыре года спустя, «Дама с камелиями».

Альфонсина Плесси родилась в 1824 году, в один год с Дюма. Она была дочерью фермера, который, по слухам, продал её цыганам. В конце концов она объявилась в Париже в качестве модистки под именем Мари Дюплесси. Приставив к своей подлинной фамилии аристократическую частицу «дю», она, вероятно, вспомнила бабушку по материнской линии, которая, будучи дворянкой, бесстрашно пошла ради любви на мезальянс. А имя «Мари» Альфонсина позаимствовала у матери, кстати, тоже не отличавшейся смиренным нравом.

Ей не пришлось долго шить платья, так как её изысканная красота вскоре привлекла внимание одного владельца ресторана, который обеспечил её квартирой. Вскоре первого любовника сменил герцог де Гиш, богатый молодой повеса, бросивший военную службу якобы для учёбы в политехнической школе. О Мари Дюплесси как о любовнице герцога заговорил весь Париж. А ей было всего шестнадцать лет.

Днём прогулки в экипаже, вечером опера или театр, за которыми следовали блестящие приёмы и романтические встречи с мужчинами, желающими дать денег на её содержание, — вот что представляла собой жизнь любой куртизанки. Довольно скоро Мари Дюплесси стали так хорошо платить за услуги, что, как говорили, могла тратить 100 000 золотых франков в год, ведя роскошную жизнь. Она прекрасно одевалась и утопала в цветах. Поскольку от запаха роз у Мари кружилась голова, она носила на платье камелии, и её дом был полон этих изысканных цветов. Мари прочитала много книг из своей библиотеки. Она могла

наизусть прочесть стихотворение Мюссе. Мари смеялась над приключениями незадачливого Дон Кихота, восхищалась Гюго. Она также была превосходной пианисткой. Её единственным недостатком, как она сама признавалась, была лживость. Но на это Мари весело замечала: «От лжи — зубы белее».

В то время, когда она встретила Дюма, ей покровительствовал престарелый граф де Штакельберг, поскольку, вдохновенно сочиняла Мари, она напоминала ему об умершей дочери. О вечерах, которые Мари проводила с Дюма, она, не мудрствуя, рассказывала Штакельбергу как о времени, проведённом с подругой Зелией. Ни одному ни другому она, очевидно, не говорила о третьем любовнике, графе Перрего. Казалось, что-то гонит её от одного мужчины к другому, «мучимую страстным желанием мира, спокойствия и любви», сказал один из тогдашних критиков. Стройная и бледная, по моде того времени, Мари была неземной красавицей. Но она была больна, и её преследовал страх скорой смерти. Врачи ей предписывали тишину и покой, её же часто видели в пьяных компаниях или летящей верхом на лошади на самых опасных дорожках. Она словно бы летела навстречу своему концу, дабы избежать другого конца, куда более страшного — «старости, этой первой смерти куртизанок».

Александр знал, что «мог на каждом шагу встретиться с человеком, который был любовником этой женщины или будет завтра». Но это не пугало пылкого влюблённого, — он был «полон снисходительности к её образу жизни». Он восхищался её красотой, хотя трудно было найти в то время кого-нибудь, кто бы ею не восхищался. «Тем, кто любил её, не было счёту, она же не любила никого». Что, впрочем, не мешало ей дарить ласки мужчинам, имевшим толстые кошельки.

Александр Дюма в «Даме с камелиями» написал: «В ней была видна непорочная девушка, которую ничтожный случай сделал куртизанкой, и куртизанка, которую ничтожный случай мог превратить в самую любящую, самую чистую женщину».

Счастливая любовь продолжалась всего несколько месяцев, а Дюма уже вынужден был залезть в огромные долги. Он начал отдаляться от Мари. Открытая связь с куртизанкой, пусть даже и блестящей, льстила мужскому самолюбию, вызывала зависть и восхищение, но одновременно бросала тень на её постоянного спутника. А Дюма был молод, и ему предстояло утвердиться в обществе, чему явно не способствовали его отношения с Дюплесси.

Сначала он просто исчезал — на день, два, неделю… Мари, женщина гордая, тем не менее посылала ему изредка записки,

называя его «Аде», сократив до трёх букв длинное «Александр Дюма». Она интересовалась, когда же он объявится.

30 августа 1845 года Александр написал ей: «Я не настолько богат, чтобы любить Вас так, как хотелось бы мне, и не настолько беден, чтобы быть любимым так, как хотелось бы Вам. Вы слишком благородны, чтобы не понять причин, побудивших меня написать Вам это письмо, и слишком умны, чтобы не простить меня».

После разрыва с Дюма Мари Дюплесси сначала сошлась с композитором Ференцем Листом, а затем, в начале 1846 года, приняла неожиданное предложение руки и сердца от графа де Перрего. 21 февраля они обвенчались в Лондоне.

Некоторые предполагали, что граф просто пожалел Мари, так как она стремительно сгорала от чахотки. Вскоре после возвращения в Париж они развелись, и Мари осталась одна. У неё уже не было сил, чтобы участвовать в водовороте светской жизни. Она была вынуждена распродать большую часть своего имущества, чтобы кредиторы оставили её в покое. В спальне она поставила скамеечку для коленопреклонения и молитв и наконец позвала священника. Куртизанка скончалась 3 февраля 1847 года. Ей было всего двадцать три… А за стенами на бульваре Мадлен пел и смеялся захлестнувший улицы карнавал.

Вместе со своим отцом Александром Дюма, знаменитым автором «Трёх мушкетёров», «Графа Монте-Кристо» и других произведений, Александр Дюма-сын тем временем путешествовал по Испании и Алжиру. По дороге домой он узнал о смерти Мари. Проходя мимо дома, где они впервые встретились, Дюма увидел объявление об аукционе по распродаже оставшегося имущества. Он купил золотую цепочку, которую Мари когда-то носила на шее, поскольку не мог позволить себе приобрести более роскошную вещь. Кстати, денег от распродажи хватило не только на то, чтобы оплатить оставшиеся долги Мари, но и на небольшое наследство для любимой племянницы в Нормандии. Единственным условием завещания было то, что молодая женщина никогда не должна приезжать в Париж с его соблазнами, оказавшимися столь губительными для её тёти.

В мае Александр Дюма снял комнату в отеле, перечитал письма Мари и принялся писать роман, который сделал его знаменитым.

Опубликованная в 1848 году «Дама с камелиями», где Дюплесси выведена под именем Маргариты Готье, имела колоссальный успех, и молодого Дюма осаждали профессиональные драматурги с просьбами о разрешении переделать роман для сцены. Вместо этого он уединился в

деревенском доме и лихорадочно писал свою пьесу. Но когда он предложил отцу поставить её в парижском театре, главным режиссёром и автором которого тот был, старший Дюма отказался. Сюжет не подходил для сцены, нечего и думать о его постановке. Сын настоятельно попросил его прочесть рукопись. «Очень хорошо», — сказал отец, прочитав первый акт. В это время молодой Дюма был вынужден отлучиться по делам. Когда он вернулся, то нашёл отца в слезах. «Мой дорогой мальчик, — воскликнул он, — я был не прав. Твоя пьеса должна быть поставлена…»

Первая постановка была осуществлена в 1852 году и имела ещё больший успех, чем роман. А когда на следующий год Джузеппе Верди написал на этот сюжет оперу «Травиата», где Мари являлась уже под именем Виолетты, Мари Дюплесси обрела бессмертие. Конечно, слава о ней дошла и до XX века. По роману Дюма было снято не менее пяти фильмов, самым знаменитым из которых стал фильм «Камелия» с Гретой Гарбо в главной роли.

Тереза Тальен (Кабаррюс) (1773–1835)

Одна из выдающихся женщин времён французской революции. Благодаря красоте и уму пользовалась огромным успехом в обществе. Её салон был одним из самых популярных. Во время революции была обвинена Робеспьером в предательстве её идеалов. Пытаясь спасти Терезу от казни, её любовник Тальен сыграл одну из главных ролей в перевороте 9 термидора.

* * *

Июньским утром 1785 года в замке Сен-Пьер де Караваншель де Арриба, близ Мадрида, прелестная девочка читала роман в тени эвкалипта.

Она выглядела семнадцатилетней, хотя ей было всего двенадцать. Высокая, великолепно сложённая, с волосами до пояса и плутоватыми глазами, эта девочка была обладательницей такой груди, что о ней с восхищением говорила вся округа…

Вот как описывал её Луи Гастин: «Руки у неё не худые, напротив, их очаровательные округлости обещают будущую красоту; в скором времени эта девочка сдержит свои обещания. У неё очаровательная шея и великолепные плечи. Икры полные, колени совершенно лишены детской угловатости, а грудь под строгим корсажем облегает двух пленниц, чья неукротимость заранее обещает жаркие схватки».

Этого соблазнительного ребёнка звали Тереза Кабаррюс.

Она родилась в 1773 году от французских родителей, но была испанской подданной: её отцом был мадридский банкир Франсуа Кабаррюс.

В двенадцать лет Терезу невероятно волновали мужчины, иногда она смотрела на них так пристально, что люди вокруг шептались.

Первые уроки любви ей преподал дядя Максимильен во время прогулки в парке Караваншели. Всё произошло на траве, и Тереза начала в семейной обстановке свою любовную карьеру, которая приведёт её на необыкновенные высоты.

Почувствовав угрызения совести, Максимильен на следующий день попросил у Франсуа Кабаррюса руки Терезы.

Вместо ответа финансист выбросил шурина за дверь.

В начале января 1786 года Франсуа Кабаррюса назначили испанским послом во Франции, и он вместе с семьёй переехал в Париж.

Февральским днём карета Кабаррюса остановилась на набережной Анжу, на острове Сен-Луи, перед особняком господина де Буажелу. Из кареты вышла вся семья. Однако несколько минут спустя они вернулись в экипаж. Хозяин дома умер за несколько дней до их приезда, и ужасные завывания вдовы ясно указывали на то, что они выбрали неудачный момент для визита.

Покинув этот дом скорби, семья Кабаррюс отправилась в частный дом на площадь Победы. Они начали посещать светские салоны.

Маленькая Тереза с раскрытым ртом слушала скабрёзные истории, а ведь в парижских салонах того времени к эвфемизмам не прибегали, рассказывая анекдоты в очень фривольных выражениях.

В течение лета 1785 года тринадцатилетнюю девочку часто принимали вместе с родителями в доме маркиза де Лаборда, знаменитого банкира Людовика XVI. Тереза была ослепительно хороша собой, и однажды вечером один из сыновней маркиза под каким-то предлогом увлёк её в тёмные аллеи огромного парка. Девочка, казалось, только и ждала подобного случая, чтобы доказать молодому человеку всё богатство своей натуры.

С этого дня юные любовники почти каждую ночь встречались в зарослях парка и под лунным светом предавались любовным играм. К несчастью, один из слуг выследил их, предупредил маркиза, и тот разлучил сына с Терезой, сурово отчитав юношу.

Сын маркиза в отчаянии заявил отцу, что хочет жениться на Терезе. Банкир расхохотался: «Жениться на девочке, которой всего тринадцать, а она уже так развратна?! Сын мой, вы что, хотите всю жизнь быть рогоносцем?..»

Отец говорил с сыном языком здравого смысла; молодой человек подчинился и вскоре покинул Францию, чтобы забыть девочку.

Господин де Лаборд ничего не скрыл от отца Терезы, и господин Кабаррюс почёл за лучшее найти дочери мужа — её поведение начинало всерьёз беспокоить его. Однако удалось это ему не сразу: все потенциальные женихи стремились уложить в постель эту женщину-ребёнка, а жениться не спешили. Наконец в 1787 году в доме Кабаррюсов появился молодой советник короля Жан-Жак Девен де Фонтене, у которого были серьёзные намерения.

Соблазнённый наследством и красотой Терезы, молодой

человек сделал предложение, и Франсуа Кабаррюс с радостью принял его — он был счастлив выдать дочь замуж за аристократа.

Свадьба состоялась 21 февраля 1788 года. Жаку Девену де Фонтене было двадцать шесть лет, а Терезе Кабаррюс — всего пятнадцать с половиной…

Молодожёны поселились в роскошном доме на острове Сен-Луи и немедленно начали устраивать блестящие приёмы, привлекавшие всю аристократическую молодёжь Парижа.

Но супружеская любовь и законные ласки не могли удовлетворить вулканический темперамент Терезы. Вскоре она начала искать более изощрённых удовольствий и внесла некоторые изменения в свои приёмы, «любезно предоставляя „семейное сокровище“ любому из пожелавших её гостей». Все они были хорошо воспитаны и, как свидетельствуют современники, «пользовались ею с большой деликатностью».

Любой другой человек на месте господина де Фонтене был бы шокирован таким великодушием супруги. Он же просто не обращал на это внимания. Автор «Галантной хроники» пишет, что «этот молодой человек был очень ветреным и обладал пылким темпераментом. Он поселил в доме миленькую белошвейку и занимался с ней любовью, пока его жена развлекалась со своими любовниками».

Тереза, красота которой расцветала с каждым днём, никогда не отказывала в ласках понравившемуся ей мужчине.

Взятие Бастилии и первые революционные выступления никак не изменили жизнь маркизы де Фонтене. Она по-прежнему укладывала в постель всех мужчин, которых ей представляли, и слухи о её любовных приключениях занимали весь Париж.

В апрельском номере «Скандальной хроники» за 1791 год анонимным автор писал, что «госпожа де Фонтене радостно и легко отдаётся всем близким друзьям дома». «Придворная и городская газета» подхватила эстафету, напечатав весьма скабрёзные подробности интимной жизни Терезы, и вскоре весь Париж был в курсе «малейших движений бёдер прекрасной маркизы», как шутил юморист.

Осенью 1792 года Тереза внезапно испугалась гильотины. То, что она когда-то была просто гражданкой Кабаррюс, а теперь забыла о титуле маркизы и называла себя просто гражданкой Фонтене, не слишком успокаивало, она не чувствовала себя в безопасности. 5 брюмера стала известна новость, подтвердившая опасность: Конвент подписал декрет, предписывавший арест всех бывших советников при парламенте, которые «не высказали революционных взглядов». Господин де Фонтене оказался под угрозой.

Перепуганные супруги решили покинуть Париж вместе с трёхлетним сыном. С огромным трудом им удалось получить паспорта, и 3 марта они уехали в Бордо, где Тереза надеялась разыскать своего дядю Максимильена Галабера, сделавшего её женщиной в двенадцать лет…

Попав в Бордо, супруги немедленно расстались. 25 апреля состоялся развод, Жан-Жак де Фонтене эмигрировал, а Тереза, вернувшая себе девичью фамилию, кинулась в новые любовные приключения.

В июле молодая женщина решила совершить путешествие в Баньер с Максимильеном Галабером, братом и двумя влюблёнными в неё друзьями — Эдуаром де Кольбером и Огюстом де Ламотом.

Однако для Терезы не впервой было путешествовать сразу с четырьмя кавалерами…

Увы! Каждый её кавалер ревновал к другому, и ситуация быстро осложнилась. Однажды вечером путешественники остановились на ночлег в трактире, где было всего три свободные комнаты. Дядя немедленно решил, что племянница должна занять первую комнату, во второй разместятся слуги, а в третьей — четверо мужчин. На пол положили четыре матраса, и все улеглись. Вот уже несколько дней Тереза выказывала особое расположение к Огюсту де Ламоту, и трое остальных с подозрением следили за ним.

А тем временем в Бордо прибыл самый кровожадный, самый грубый и бесстыдный из всех деятелей революции.

Звали его Жан-Ламбер Тальен.

Этот бывший типографский рабочий прославился такой жестокостью во время сентябрьской резни, что восхищённый и благодарный Конвент назначил его в Комитет общественной безопасности, несмотря на молодость, — Тальену было тогда всего двадцать шесть лет.

Именно в этом качестве он и должен был усмирять бордоских сторонников жиронды.

Равнодушный к горю, мужеству и великодушию друзей или родственников своих жертв, Тальен велел 25 октября расклеить по стенам домов следующий плакат-приказ: «Гражданки или любые другие французы, пришедшие просить за заключённых, будут задерживаться как подозрительные или враги революции».

Несмотря на это предупреждение, 13 ноября, в тот момент, когда весь город дрожал от страха, Наблюдательный комитет получил прошение, в котором кто-то ходатайствовал за вдову де Буайе-Фонфреда, жирондиста, казнённого в Париже 31 октября. Тальен и его помощники пришли в изумление. Кто же осмелился

бросить им вызов в разгар террора?

Выяснилось, что это была некая гражданка Кабаррюс.

Именно Тереза, с беспечностью своих двадцати лет и привычной дерзостью, вступилась за подругу.

Тальен, как истинный ловелас, хорошо знал легкомысленную репутацию бывшей маркизы. Он немедленно вызвал её к себе.

Два часа спустя слегка встревоженная Тереза явилась в Наблюдательный комитет. Войдя в кабинет человека, наводившего ужас на весь город, она не смогла сдержать возглас удивления. Тальен, тоже узнавший молодую женщину, улыбнулся.

Комиссар вполне откровенно продемонстрировал ей свои намерения, и Тереза не стала сопротивляться. Первое свидание закончилось к обоюдному удовольствию.

Однажды Тереза сказала о Тальене: «Когда попадаешь в шторм, не приходится выбирать средства спасения».

Но в это время в её жизнь вошёл будущий маршал Брюн. Ей нравилась его учтивость на людях и неукротимость в постели.

Тальен, естественно, довольно скоро узнал, что у него появился соперник. Решив избавиться от него раз и навсегда, он послал в Париж длинный доклад, в котором доказывал абсолютную бесполезность армии в Бордо.

Конвент, полностью доверявший своему представителю, издал 20 фримера года II (10 декабря 1793 года) декрет, которым распускался генеральный штаб армии, находившийся в департаменте Бек-д'Амбез.

И опечаленный Брюн вынужден был покинуть свою драгоценную Терезу…

Избавившийся от соперника Тальен решил доказать всем тем, кто осуждал его связь с Терезой, что гражданка Кабаррюс — истинная революционерка. 30 декабря он устроил Праздник Разума, во время которого был зачитан трактат «Об образовании», написанный его любовницей.

Успех был полный; не столько из-за текста, который присутствующие слушали вполуха, сколько благодаря красоте Терезы, на которую они с удовольствием глазели.

Надо сказать, что эта тонкая штучка сделала всё, чтобы привлечь к себе внимание. «Она была одета, — писала герцогиня д'Абрантье, — в костюм амазонки из тёмно-синего кашемира с жёлтыми пуговицами, лацканы и манжеты были из алого бархата. На её прекрасных чёрных кудрявых волосах кокетливо сидел чуть сдвинутый набок бархатный чепчик пурпурного цвета, отороченный мехом. Она была изумительно хороша в этом наряде».

После устроенного праздника связь Тальена с Терезой признали все, бывшая маркиза де Фонтене теперь афишировала свою близость с представителем Конвента. Орельен Виви пишет: «Почти каждый день её видели вместе с проконсулом в коляске, они ездили по городу, Тереза всегда была кокетливо одета, на голове — красный чепец». Иногда молодая женщина развлекалась, изображая Свободу. Она надевала фригийский колпак, брала в руку пику, а другой обнимала за плечи «народного представителя» Тальена.

Такие прогулки в открытом экипаже оказывали на Терезу очень странное действие, они волновали её чувства… Разве не могла она, изобразив Свободу, сама стать более свободной в поведении?.. Едва доехав до дому, она скидывала одежду и представала совершенно голой перед изумлённым Тальеном. Он немедленно срывал с себя редингот и красивую форму и — очень просто и естественно — плевал на условности…

Хорошо зная революционные нравы, Тереза решила, что может использовать своё влияние на Тальена, чтобы создать собственное доходное дельце и составить капитал. Она организовала в своём особняке «Бюро помилований», которое Сенар описывал следующим образом: «Дама Кабаррюс открыла в своём доме бюро, в котором раздавались всяческие милости и свободы, стоившие, правда, баснословно дорого. Чтобы спасти голову, богачи с радостью отдавали по 100 000 ливров; один из них, осмелившийся похвалиться этим, был на следующий же день вновь арестован и немедленно казнён».

Однако все остальные были осторожнее. Многие аристократы были помилованы и получили паспорта для выезда за границу благодаря посредничеству очаровательной гражданки. С восьми часов утра родственники заключённых выстраивались в длинную очередь возле особняка Франклина. Увидев вошедшую Терезу, люди бросались на колени и униженно спрашивали, сколько они должны заплатить, чтобы спасти сына, мать или мужа… Видя отчаяние, боль и траур, молодая женщина в конце концов прониклась подлинным сочувствием к несчастным. Забыв о выгодной «торговле», она отныне употребляла всё своё влияние, чтобы бесплатно спасти как можно больше народу.

Каждый вечер она приходила к Тальену с кипой умоляющих писем, доказывая, как ужасны убийства, которые он готовит. Лаская Тальена, Тереза добивалась от него всего, чего хотела…

В конце концов гильотину вообще разобрали, и Бордо, вздохнул спокойно. Бывшая маркиза остановила террор.

В этом утверждении сходятся все историки.

Несколько месяцев Тальен совершенно не интересовался

революционной жизнью Бордо, полностью отдавшись прекрасному телу Терезы.

В пять часов вечера комиссар Конвента стремительно покидал свой кабинет. Его озабоченный вид и нахмуренные брови заставляли окружающих думать, что он направляется на заседание военного суда. На самом же деле он спешил в особняк Франклина, где его ждала бывшая маркиза: обычно она лежала голая на мягкой широкой кровати.

Иногда они занимались любовью пять или шесть часов без остановки. «Тереза, — писал Арсен Прива, — была наделена от природы бурным и требовательным темпераментом. Ей необходимо было впасть в бессознательное состояние, чтобы почувствовать себя удовлетворённой. Очень часто одному мужчине не удавалось довести её до этого состояния. Тогда она прибегала к помощи любезного соседа, гостя или даже прохожего».

Робеспьер, разумеется, очень скоро узнал, что его комиссар оказался в сетях Терезы и пренебрегает интересами Великого Дела. Каждый день из Бордо в Париж уходили доносы, сообщавшие не только о поведении Тальена, но и о его снисходительности по отношению к аристократам, о вымогательствах, интригах и роскошной жизни с бывшей маркизой.

В один прекрасный день комиссар узнал, что Конвент подозревает его в «умеренности». Перепуганный Тальен начал слать в столицу длинные письма, пытаясь оправдаться. Робеспьер, не признававший ни малейшей слабости, ответил, что назначил расследование.

Тальен, чувствовавший, что оказался в смертельной опасности, понял, что единственный выход для него — отправиться в Париж и попробовать защититься.

В конце февраля 1794 года он отправился в столицу, беспокоясь только о том, что оставляет любовницу одну.

Одиночество Терезы продлилось недолго. На следующий же день она впустила в постель Изабо, помощника Тальена.

Счастливая от обретённой свободы, она стала любовницей Лакомба, председателя военного суда, а потом ещё некоторых высокопоставленных чиновников.

В особняке молодой женщины устраивались такие фантастические оргии, что эмиссар Робеспьера был совершенно потрясён открывшимися ему деталями и подробностями.

Молодому человеку, приехавшему из Парижа, было девятнадцать лет, звали его Марк-Антуан Жюльен. Тереза решила обвести его вокруг пальца, пользуясь, если можно так сказать,

«подручными средствами».

Все дни своего пребывания в городе Жюльен приходил в особняк бывшей маркизы, и любовница проконсула, чья эротическая фантазия была необычайно богата, окончательно покорила его.

Подчинив себе молодого республиканца, Тереза, не чувствовавшая себя в безопасности после отъезда Тальена, предложила Жюльену бежать с ней в Америку.

Жюльен был чистым республиканцем. «Изысканные удовольствия, которые дарила ему Тереза, не заставили его забыть о долге». Он сделал вид, что согласен бежать, но поспешил отправить в Париж донос на свою любовницу.

Узнав об этой попытке «соблазнения чиновника», Робеспьер пришёл в бешенство. Гражданка Кабаррюс давно раздражала его. Неподкупный прекрасно знал, что именно эта женщина изменила характер Тальена, ему доносили, что она превращает Изабо и Лакомба в кротких ягнят, что самые жестокие депутаты Конвента попадают под её влияние. Он решил покончить с этой опасной для революции женщиной.

Но как поступить? Арестовать её в Бордо? В этом городе у Терезы слишком много друзей, любовников и защитников…

Чтобы бросить её в тюрьму, а потом казнить, необходимо было выманить бывшую маркизу в Париж.

Робеспьер долго раздумывал и наконец 27 жерминаля года II (16 апреля 1794 года) он составил и опубликовал закон, изгоняющий всех бывших аристократов из приморских и пограничных городов, мотивировав это тем, что «все лица, подпадающие под действие этого закона, могут тайно способствовать роялистским заговорам, направляемым из-за рубежа».

Тереза, бывшая маркиза де Фонтене, вынуждена была немедленно покинуть Бордо.

В нескольких лье от Блуа случилось маленькое забавное происшествие, которое повлияло на будущее молодой женщины. Луи Соноле писал: «У городка Шоссе-Сен-Виктор необходимо было сменить лошадей. Выйдя на минутку из дилижанса, Тереза уселась на поперечную перекладину большого придорожного креста, как раз на высоте роста мужчины. За ней наблюдал какой-то молодой человек, очарованный её красотой и грацией. В конце концов он подошёл к прелестной путешественнице и спросил со всей учтивостью, не хочет ли она освежиться. Этот молодой человек был графом Жозефом де Караманом, его отец, маркиз де Караман, владел Менарским замком, его поместье было одним из самых богатых в провинции. Беглянка приняла учтивое

предложение графа». (Одиннадцать лет спустя она выйдет за него замуж, и в честь их первой встречи будет установлен большой красивый крест.)

Остановившись на несколько дней в Орлеане, гражданка Кабаррюс и её юный любовник 20 мая прибыли в Париж.

Робеспьер вздохнул с облегчением. Не теряя ни минуты, он принял следующее постановление: «Комитет общественного спасения арестует некую Кабаррюс, дочь испанского банкира, жену гражданина Фонтене, бывшего советника парижского парламента. Она должна быть немедленно заключена под стражу, а её бумаги опечатаны. Молодой человек, живущий с ней, а также все те, кто окажется в доме, должны быть задержаны».

Несколько дней спустя Тереза оказалась в тюрьме Птит Форс. Робеспьер решил, что навсегда избавился от «опасной самки». На самом же деле он подписал смертный приговор революции… Желание во что бы то ни стало спасти любовницу от гильотины побудило Тальена сыграть одну из главных ролей в перевороте 9 термидора, в результате которого Робеспьер был низвержен…

После революции Тереза вышла замуж за Тальена.

Теперь её называли «Термидорианской Богоматерью», она владела маленьким домиком с соломенной крышей и небольшим садиком на углу улицы Кур-ла-Рен и аллеи Вдов.

Эта «хижина» была местом встреч всего светского и распутного Парижа того времени.

Госпожа Тальен устраивала вечера с танцами, во время которых гости быстро забывали благочестивое прозвище хозяйки дома…

Над столицей в то время витал дух безумия. С тех пор как помощники палача разобрали гильотину, неистовая жажда удовольствий охватила не только аристократов, спасённых переворотом, но и честный народ, весьма демократично разделивший опасность со знатными людьми.

Опьяневшие от счастья парижане хотели только танцевать.

Прелестная Тереза, которой к тому времени исполнилось двадцать два года, предпочитала более пикантные развлечения. Она приглашала к себе друзей, подходивших ей по темпераменту. Позволяя свободно разыгрываться фантазии любого гостя, она умело управляла невероятными оргиями…

Речь, конечно, не шла о вакханалиях дурного тона. В «испорченности» вечеров в доме Терезы чувствовался возврат к духу монархии.

Тереза, которой безумно надоел Тальен, стала любовницей Барраса, будущего члена директории.

В своих «Воспоминаниях» Баррас писал: «Связи госпожи

Тальен доставляли ей истинное удовольствие, в них она вкладывала весь свой пылкий темперамент».

Попав однажды вечером в знаменитый салон, Бонапарт был ослеплён элегантностью госпожи Тальен, которая как раз в тот момент ввела в моду полупрозрачные и очень открытые платья. Он смотрел, на неё с вожделением неофита и немедленно решил стать её любовником, что позволило бы ему не только безбедно жить, но и проводить пылкие ночи.

Репутация бывшей маркизы завораживала Бонапарта. Он знал, что она проводит весьма фривольные вечера в компании Барраса и нескольких близких подруг. Рассказывали, что он просил Терезу и Мари-Роз раздеваться перед ним, приглашал их танцевать и просил принимать весьма фривольные позы.

Но будущему императору не удалось завоевать сердце Терезы…

В 1802 году она развелась с Тальеном и вскоре вышла замуж за Карамана. В жизни французского общества она уже больше не играла заметной роли…

Луиза-Франсуаза де Лавальер (1644–1710)

Фаворитка Людовика XIV. Была фрейлиной Генриетты Орлеанской. Несмотря на то, что она не отличалась красотой и немного прихрамывала, ей удалось очаровать короля своей миловидностью и приветливым нравом. От короля у неё было четверо детей, выжили двое. Когда Людовик приблизил к себе маркизу де Монтеспан, Лавальер удалилась в монастырь кармелиток в Париже, где написала несколько книг.

* * *

Не сразу, не вдруг завладела Лавальер сердцем Людовика XIV. Он любил многих. Тут была и девица Шемеро с большими чёрными глазами, и девица де Понс, приехавшая из провинции и представленная королеве её родственником, маршалом д'Альбером. Но всё-таки полюбил он в конце концов Луизу Лавальер. Она по выражению госпожи Кайлюс, любила Людовика как мужчину, а не Его Величество.

Луиза Франциска де ла Бом ле Блан де Лавальер родилась в 1644 году в Туре и в детстве, потеряв отца, воспитывалась в замке Блуа, принадлежавшем Гастону Орлеанскому. В пятнадцать лет она поступила фрейлиной к Генриетте Английской и обратила на себя внимание всего двора красотой, умом и грацией, несмотря на маленький физический недостаток: она прихрамывала. Вот что говорил о ней один из современников: «Девица эта, роста посредственного, но очень худощава: походка у неё неровная, хромает. Она белокура, лицом бела, рябовата, глаза голубые, взгляд томный и по временам страстный, вообще же весьма выразительный. Рот довольно велик, уста румяные. Она умна, жива; имеет способность здраво судить о вещах, хорошо воспитана, знает историю и ко всем этим достоинствам одарена нежным, жалостливым сердцем».

Охладев к своей супруге, Людовик XIV в Сен-Жермене стал часто навещать невестку Генриетту Английскую, чем дал ей повод думать, что сочувствует её безответной любви к нему. Король же отыскивал в толпе фрейлин предмет страсти, и его пламенный взор особенно часто останавливался на молоденькой Лавальер. Однажды он заговорил с ней, и было заметно, что разговор этот

доставил удовольствие и ему, и ей.

Вначале король вёл себя с Лавальер настолько осторожно, что о его чувствах никто из придворных даже и не догадывался. Любовь свою к Лавальер он маскировал ухаживанием за Генриеттой Английской.

Так началась одна из трогательнейших любовных историй, трогательных потому, что она была освещена истинным чувством, — обстоятельство редкое при французском дворе того времени, где бриллианты, цветы, кружева играют главную, если не единственную роль в сердечных делах.

Лавальер не была красавицей. На лице у неё были заметны следы оспы. Лафайет, написавший краткую биографию герцогини Орлеанской, рассказывал, что в Лавальер был влюблён и граф де Гиш. Но он благоразумно отступил, когда увидел, что король к ней неравнодушен, и обратил взоры к Генриетте Стюарт, к которой Людовик охладел. Связь эта кончилась романтически: граф был выслан, а Генриетта умерла — история, вполне соответствовавшая эпохе романтизма.

Почти такой же жребий выпал и на долю министра финансов Фуке, полюбившего Лавальер не менее страстно, чем Гиш. Молодой, красивый собою, образованный Николя Фуке построил великолепный дворец в Во с мраморными лестницами, позолоченными залами и волшебным садом, дворец, достойный богов, как пел поэт того времени. Французский меценат чуть ли не открыто бравировал перед королём, хвастаясь своими победами над красавицами, и дерзнул домогаться благосклонности Лавальер. Он добыл прекрасный портрет фаворитки, на котором она была изображена в виде Дианы, и украсил им стены своего великолепного кабинета.

В августе 1661 года Фуке устроил в честь короля роскошный праздник, на котором была впервые исполнена комедия Мольера «Сварливые». Ночью сад освещался сотнями светильников, имевших форму больших лилий с открытыми чашечками. Во время этого праздника Людовик открыл Луизе своё сердце. Она ничего не сказала, но её обворожительный взгляд был красноречивее любых слов.

Этот же праздник погубил Фуке. Влюблённый в Лавальер, он через свою подругу Дюплесси-Бельер хотел передать ей 20 000 пистолей. Однако Лавальер, кстати, ещё очень небогатая, так как недавно приехала из провинции и не имела связей при дворе, спокойно, но решительно ответила, что она не продаст свою любовь даже за 20 миллионов.

Прохаживаясь вместе с матерью по роскошным чертогам замка Во, король вдруг увидел в кабинете хозяина портрет

Лавальер и… судьба могущественного министра была решена.

Через две недели король со всем двором отплыл в Нант, но перед отъездом отдал приказ арестовать Фуке. Исполнение этой королевской воли было возложено на д'Артаньяна. Во время обыска в доме арестанта нашли список всех красавиц, над которыми ловелас одержал победу, и коллекции любовных писем и женских локонов. Имя Лавальер было также включено в этот скандальный список побед счастливого Фуке… Бывшего интенданта финансов заключили в Пиньероль, где он и провёл остаток жизни. На гербе его знаменитого дворца красовалась надпись: «Quo non ascendam» (куда я не взберусь). Фуке действительно хотел взобраться на такую же высоту, которой достигли Ришельё и Мазарини; но смог подняться только до окон пиньерольской тюрьмы.

Сблизившись с Лавальер, Людовик словно ожил душой. Он писал ей нежные мадригалы, расточал любезности при встречах, осыпал подарками. Луиза любила его всем сердцем. Когда Людовика не было рядом, она утешалась тем, что рассказывала про него своей единственной подруге Монталэ, остроумной девушке, мечтавшей играть не последнюю роль в высшем обществе. Ещё в Блуа она жила вместе с Луизой при дворе овдовевшей герцогини Орлеанской и тогда уже была посвящена во все её тайны. Между прочим, Монталэ знала и о том, что в Луизу влюбился один провинциальный дворянин, написавший ей несколько любовных писем. Но мать Луизы, проведав о поклоннике дочери, отослала провинциальному воздыхателю его письма. Монталэ всё-таки проболталась об этой чисто платонической связи, и её рассказ дошёл до ушей Людовика. Как вспылил король, когда услышал эту историю! Он бросился к Луизе, произошла бурная сцена. Как же так, она клялась ему, что он её первая и единственная любовь, что у неё нет и не будет никаких тайн от него, а вот, оказывается, тайна есть! Она его обманула! Ни слёзы, ни мольбы, ни клятвы не помогли. Людовик ушёл.

Лавальер ждала его до полуночи, помня клятву, которую они дали друг другу, — никогда не оставлять ссоры до следующего дня. Но он не явился. Измученная, больная, с разбитым сердцем, она отправилась на рассвете в монастырь Сен-Клу. Во время обедни королю сообщили о её бегстве. В сопровождении трёх лиц, закутав голову плащом, Людовик помчался в монастырь. Через час влюблённые уже вели нежную беседу. Всё было забыто, и оба торжественно вернулись во дворец.

С этого дня началось возвышение Лавальер. Для неё был построен Версаль, где устраивались торжества и сочинялись

песни. Этот волшебный замок — памятник любви короля французского к Лавальер, любовная поэма, созданная из мрамора и вместо иллюстраций украшенная статуями, фонтанами, террасами, цветниками и рощами. Всё, что могло придумать воображение, пускалось в ход, лишь бы угодить фаворитке, которой, впрочем, ничего не нужно было, кроме королевской любви.

Любовь Людовика была безмерна. Он сам поддерживал её во время родов. В страшных мучениях Луиза обхватила его шею и разорвала ворот из драгоценных английских кружев, стоивших 10 000 фунтов, после чего потеряла сознание.

«Она умерла!» — воскликнула в ужасе госпожа де Шуази, оказывавшая ей помощь.

У короля брызнули слёзы.

«Верните её мне и возьмите всё, что у меня есть!» — крикнул он.

Но как ни любила Лавальер короля, их отношения приносили ей и немало огорчений. Она тяготилась незаконностью этой связи и всегда краснела, когда королева устремляла на неё свой взор. Вечером того дня, когда у неё родился первый ребёнок, она явилась на бал к герцогине Орлеанской в бальном платье и с цветами в волосах.

«Лучше умру, — заявила она врачу, — чем вызову подозрение, что стала матерью».

Тогда ещё была жива Анна Австрийская, и Людовик XIV из боязни перед ней скрывал, что у него от Лавальер есть дети. Свидетелями при крещении пригласили простых, никому не известных людей, один из которых поставил даже рядом со своим именем в церковном списке слово «бедняк», как бы этим обозначив своё звание.

К стыду, который испытывала Лавальер, добавились ещё и интриги. Ей завидовали. Её хотели унизить, погубить. Королеве посылались анонимные письма, в которых сообщалось о похождениях Луизы, чтобы сделать её положение при дворе невыносимым.

Когда Анна Австрийская принялась читать королю нравственную проповедь, тот в ответ философски заметил: «Когда нас утомит любовь, когда мы пресытимся ею и состаримся, тогда и мы в свой черёд ударимся в ханжество и пустимся в нравоучения». И Лавальер сохранила за собой место официальной фаворитки, к досаде матери и супруги короля и к ещё большей злобе многочисленных завистниц.

Когда однажды Лавальер проходила мимо королевы, последняя по-испански сказала госпоже Мотвиль: «Видите эту

девушку с драгоценными серьгами? Она любовница короля».

Но Лавальер действительно любила короля. И любовь её была искренна. Она никогда не пользовалась своим влиянием, никогда не просила о каких-либо милостях ни для себя, ни для родных. Даже к тем, кто её оскорблял, она относилась благосклонно, ходатайствуя за всех, кто попадал в немилость из-за неё.

В 1667 году Людовик возвёл в герцогство имения Вожурэ и два баронства в Турени и Анжу и подарил их Луизе «за её добродетель, красоту и редкое совершенство», как знак его расположения к ней, иными словами, сделал придворную даму герцогиней. Затем признал обоих детей (ещё двое умерли в нежном возрасте) — графа Вермандуа и Анну Бурбонскую.

Луиза Лавальер опечалилась. «Отныне, — воскликнула она с отчаянием, — все знают мой позор!»

Увы, счастье Лавальер оказалось недолгим. В Людовике было слишком много огня и страсти, чтобы он мог много лет подряд оставаться рядом с ней. Он охладел. Он стал равнодушен к ней. На горизонте придворной жизни появилась новая звезда — Монтеспан, женщина с удивительными формами и столь же удивительным умом. Монтеспан действовала как опытная кокетка, вставляя в разговоре с монархом язвительные замечания в адрес Лавальер. Подруга детства и юности Лавальер, она сообщила королю несколько анекдотов из жизни фаворитки, бросающих на неё тень. Не забыла и о Фуке, назвав его счастливым соперником. Монтеспан удалось уронить фаворитку в глазах короля, что было верным признаком близкого падения последней.

Терзаемая ревностью, в сознании своего бессилия вырвать короля из сетей соперницы, Лавальер вспоминала о тех страданиях, которые пережила королева в те дни, когда Людовик, покинув жену, глухой к её мольбам и убеждениям матери, лежал у ног её самой. «Вправе ли я требовать постоянства от человека, для меня изменившего своей доброй и любящей жене?» Для скромной Луизы места в сердце Людовика уже не было. Она хотела примириться с новым положением и безропотно переносила господство другой женщины: её даже нередко можно было видеть в одном экипаже с королевой и Монтеспан. «Три королевы», — говорили в народе. Однако так долго продолжаться не могло. Лавальер видела единственный выход — удалиться в монастырь. Но как отречься от жизни в двадцать пять лет?

В феврале 1671 года Луиза бежала в монастырь Св. Марии в Шальо. Это была последняя отчаянная попытка задеть чувства короля. Перед бегством она сообщила ему через своего друга, маршала Бельфона, что уходит от света, потому что потеряла

милость короля, которому подарила свою юность. Король послал к ней в монастырь Кольбера. Она вернулась и долго плакала на груди у Людовика. Но звезда Монтеспан всходила всё выше и выше. К тому же красота Лавальер начала увядать, и две болезни, едва не унёсшие её в могилу, ещё более отразились на её внешности.

«Двор променять на монастырь, — писала она 8 февраля 1674 года маршалу, — для меня не имеет значения; но увидеть короля ещё раз — вот моя забота и горе». Свидание состоялось. Король холодно расстался с Луизой. Надежды больше не было.

Последний вечер в Версале (19 апреля 1675 года) Лавальер провела в комнате Монтеспан. Там же с ней попрощались принцессы. Рано утром следующего дня она выслушала мессу, села в экипаж и поехала в монастырь кармелиток. Отвесив настоятельнице глубокий поклон, она сказала, что навсегда вручает ей свободу, которой так дурно пользовалась до сих пор. Она приняла монашеское имя — сестра Луиза Милосердная. Всё было кончено. «Теперь, — писала по этому поводу принцесса Монпансье, — она уже забыта. Она превосходная невеста неба, и, как говорят, у неё теперь поприбавилось ума. Милость Божья творит больше, чем природа».

Лавальер удалилась от света, но сам свет иногда врывался к ней. Так, в 1676 году её посетили королева и фаворитка короля Монтеспан.

В монастыре Луиза вела строгий образ жизни и искренне замаливала грехи. Когда в 1683 году умер её сын, граф Вермандуа, она была неутешна, но потом неожиданно сказала епископу: «Столько слёз по поводу смерти сына, рождение которого я недостаточно ещё оплакала!»

Там же в монастыре она написала книгу «Размышления о милосердии Бога», проникнутую глубоко религиозным настроением. Монахини считали её святой, и когда она умерла, в 1710 году, им казалось, что тело её благоухало и было окружено ореолом.

Вольтер имел полное право воскликнуть: «Кто наказал бы такую женщину даже в том случае, если бы она совершила самый дурной поступок, тот был бы тираном, и тысячи женщин добровольно выбрали бы её участь!»

Мария-Аврора, графиня Кёнигсмарк (1668–1728)

Фаворитка короля-курфюрста Августа II. В 1694 году после внезапного исчезновения своего брата, саксонского генерала, обратилась за помощью в Дрезден к курфюрсту. В 1696 году родила сына Морица Саксонского. Затем удалилась на покой в монастырь Кведлинбург, настоятельницей которого стала в 1700 году.

* * *

Аврора, по описаниям современников, в свои юные годы — совершенная красавица, была высокой и стройной. Её цветущее, округлой формы лицо было окаймлено пышными белокурыми волосами. У неё был открытый высокий лоб над огромными глазами с каким-то необыкновенным отливом, которые казались неуловимо отрешёнными под густыми бровями. А нос её был идеально красив, как и маленький рот и ослепительно белые зубы…

Аврора получила такое прекрасное образование во всех искусствах и науках, какое только можно было бы желать для знатной дамы. Утверждают, что она бегло говорила не только по-немецки, но и по-французски, по-шведски и по-итальянски. Она даже могла читать в подлиннике древние латинские стихи. Её ставили высоко как поэтессу, которая сочиняла и комедии, переложенные на французский стихами, и оперетты на немецком. Она прекрасно разбиралась не только в истории, географии и генеалогии, но и в законах музыки и сочиняла её для виолы и лютни. Она бесподобно пела и танцевала, занималась живописью и рисовала. Как писал в своих воспоминаниях Хакстаузен, сын гофмейстера Августа Сильного, «она была необыкновенно умна, одинаково покладиста и противоречива и всегда прелестна, по-новому возбуждённо-радостна… Она, случалось, терпеливо убеждала какого-нибудь молодого, но уже сумасбродного вельможу, новичка в искусстве, приобщиться к нему и полюбить его…»

Она обладала всеми качествами для общественной деятельности и умела вовремя и к месту применить их. В то же время она была настоящей великосветской дамой, которой только

беспокойный характер рода Кёнигсмарков мешал занять подобающее ей место в самых высоких слоях общества. Её брат Филипп-Кристоф не без оснований называл её «авантюристкой»…

В соответствии со своим происхождением и воспитанием она была подготовлена для жизни в высшем свете и очень рано произвела сенсацию своей красотой и умом. Уже в возрасте двенадцати лет на костюмированном балу она, одетая цыганкой, вызвала всеобщее восхищение. А когда ей было шестнадцать, она вместе со своей сестрой в Стокгольме приняла участие вместе с придворными дамами в постановке для королевской семьи драмы Расина «Ифигения», исполнив роль Клитемнестры. В том же 1684 году из-за неё произошёл спор, а затем и дуэль между двумя дворянами. Она должна была давать показания в Верховном суде, и один из дуэлянтов, Клас-Густав Хорн, был вынужден бежать от грозившего ему сурового наказания. Он так и не вернулся на родину, однако их с Авророй пути время от времени пересекались, и он в своей бурной жизни неоднократно пользовался поддержкой с её стороны. Может быть, она питала к нему, мечтателю и поэту, не только дружеские чувства…

После смерти старого графа, скончавшегося в возрасте пятидесяти трёх лет в Стокгольме, которому Аврора написала глубоко прочувствованную эпитафию, она вместе со своей сестрой графиней Левенхаупт возвратилась в Гамбург, покинутый ею десять лет назад. Теперь она была в полном расцвете молодости и красоты, и её всюду приветствовали как «шведскую графиню». Она стала центральной фигурой здешнего высшего общества, и остаётся только удивляться, что она тотчас не нашла выгодную партию.

Однако готова ли была Аврора вступить в брак, с уверенностью сказать нельзя. В то же время она охотно и благосклонно принимала все знаки почитания своей персоны, исходили ли они со стороны такого пожилого господина, как галантный герцог Антон-Ульрих фон Брауншвейг-Вольфенбюттель, или от богатого полковника Мейера, или от семнадцатилетнего герцога Фридриха-Вильгельма фон Мекленбург-Шверинского.

В Гамбурге она познакомилась с герцогиней фон Брауншвейг Целле, француженкой по национальности, с её дочерью, будущей супругой Георга-Людвига, наследного принца Ганноверского, а также с его матерью, курфюрстиной Софией, которая состояла в оживлённой переписке со своей племянницей, знаменитой Лизелоттой фон дер Пфальц, герцогиней Орлеанской.

При дрезденском дворе во всём задавала тон графиня фон Ройслиц, куртизанка курфюрста Иоганна-Георга IV, который

вскоре неожиданно умер, а его возлюбленная быстро последовала за ним, так что трон достался брату курфюрста, Фридриху-Августу. Его восшествие на престол Аврора, как и все другие, приветствовала, причём в стихах. И вполне естественно, что эти неординарные люди довольно быстро сблизились…

Сегодня невозможно установить, сколько любовных романов и с кем было у Авроры. Однако то, что они случались и что слухи об этом ходили, мы знаем из различных источников. Есть сведения и о её связи с ганноверским наследным принцем Георгом-Людвигом, будущим королём Англии Георгом I. Понятно, почему её брата так благосклонно принимали при этом дворе…

Однако все планы замужества прекрасной графини пришлось отложить, когда её брат Филипп-Кристоф неожиданно был убит в замке курфюрста в Ганновере.

Смерть брата перевернула всю её жизнь.

Сёстры обратились к ганноверскому курфюрсту, но безуспешно. Тогда Аврора попыталась заинтересовать печальной судьбой брата своего почитателя, мекленбургского герцога Фридриха-Вильгельма, однако в ответ получила только письмо от 18 июля, выражавшее вежливое сочувствие.

Для двадцатишестилетней Авроры наступило время расцвета молодости и красоты, а возвращение к дрезденскому двору совпало с кульминационным моментом в её жизни: её благосклонности стал добиваться молодой курфюрст, который был моложе её на два года…

Август Сильный, давший своим современникам обильную пищу для анализа и суждений, во многих отношениях был значительной, очень интересной личностью.

Он был таким сильным, что двумя пальцами поднимал с земли, как иголку, большое, длинное и тяжёлое ружьё. Рассказывают множество вполне достоверных историй о его силе: в Раве летом 1698 года он одним ударом сабли отрубил голову быку, а клинок подарил Петру Великому, что должно было означать: вот как надо поступать с его бунтующими боярами!

Половая зрелость у него наступила рано, и уже в возрасте семнадцати лет он познакомился с главными по части развлечений городами тогдашней Европы — Парижем и Венецией, причём любовных похождений у него насчитывались сотни.

Графиня фон Кёнигсмарк не была чужой при дрезденском дворе. Август, который был на короткой ноге с её братом Филиппом-Кристофом, уже видел Аврору раньше, однако так и не сблизился с ней. На этот раз он в неё влюбился и стал добиваться

её расположения. Когда она приехала, чтобы просить о помощи в деле брата, он был в Лейпциге, потом отправился на охоту под Мейсен, и только через месяц Аврора смогла поговорить с ним, уже обеспечив себе благоволение его матери и супруги. Он обещал ей своё содействие и попросил остаться в Дрездене, пока ситуация не прояснится.

В конце концов Аврора оказала Августу своё расположение, после чего он начал задаривать её дорогими подарками и пригласил в свой охотничий замок Морицбург, чтобы достойно принять там.

Когда она вскоре после этого последовала туда в окружении красивейших придворных дам, одетых как амазонки, Аврора увидела, к своему удивлению, что недалеко от находившегося рядом с Морицбургом леса появился дворец. Его совсем недавно здесь не было. Когда её карета подъехала к этому замку, ворота распахнулись, появилась Диана (госпожа фон Байхенлиген), окружённая своими нимфами, приветствовала богиню Аврору и пригласила её в замок, чтобы принять клятву верности лесных богов. Аврора со своей свитой проследовала в огромный зал, увешанный картинами, представлявшими различные сцены из жизни богов охоты, как, например, «Смерть Эндимиона» и «Наказание Актеона».

А когда приблизился час обеда, пол раздвинулся и появился стол, уставленный дорогими яствами, на котором также возлежали обе богини со своей свитой. Вскоре зазвучали гобои, флейты и дудки, возвестившие прибытие бога Пана (самого Августа) с его фавнами и другими лесными богами, роль которых исполняли самые галантные придворные. Пан уселся перед Авророй и стал забавлять её с таким же рвением и пылом, как его свита амазонок и нимф.

После обеда во дворе раздался собачий лай и звуки рожков: егеря со сворой собак подняли огромного оленя. Пан, Аврора, Диана и их свита вскочили на лошадей и тоже приняли участие в охоте. Олень, преследуемый собаками, бросился в лежащее неподалёку от Морицбурга озеро, и, когда дамы в гондолах переплыли на лежащий в центре озера остров, они смогли присоединиться к остальным охотникам. Тут они отправились в раскинутый на острове роскошный турецкий шатёр, где их встречали двадцать четыре богато одетые турчанки, предложившие им прохладительные напитки в серебряных кувшинах. За этим шатром оказался ещё один, в котором, окружённый янычарами, их встречал сам султан (курфюрст) в сверкающих драгоценными камнями одеждах. Он с Авророй опустился на подушки, в то время как все остальные расселись на

полу за низенькие столики, чтобы полюбоваться живописными турецкими танцами.

После этого интермеццо последовала прогулка с музыкой на лодках, а потом отъезд в Морицбург. Август проводил свою даму в спальню, где было устроено великолепное ложе: окаймлённые серебром занавеси из сукна цветов родового герба Кёнигсмарков были разрисованы амурами, а само ложе было усыпано цветками мака, розами и анемонами. Стены спальни и других покоев были увешаны картинами с изображением сцен любви Авроры и Титана.

«Здесь вы настоящая королева, — сказал галантный курфюрст, — и каким великим повелителем я бы ни был, я буду всего лишь вашим рабом».

Во время ужина Аврора обнаружила на своей тарелке букет из бриллиантов, рубинов, смарагдов и жемчуга, а затем она с Августом открыла бал. Однако в разгар веселья они неожиданно исчезли, и все были достаточно тактичны, чтобы не обратить на это внимания.

В Дрездене, где она в качестве официальной куртизанки заняла роскошный дом, праздники продолжались всю зиму. Курфюрст каждый вечер ужинал у своей возлюбленной, а также устраивал банкеты, на которых присутствовал весь двор. В январе 1695 года Август устроил свой первый грандиозный карнавал, на который съехались гости со всей Германии.

Отправившись в Варшаву, Август взял с собой троих куртизанок — Аврору, Ламберг и Шпигель, красивую и знатную черкешенку, доставшуюся Августу в качестве добычи. Аврора взяла её себе в служанки, и она повсюду сопровождала графиню, а потом была выдана замуж за камердинера Августа, который получил дворянство и чин подполковника.

Всех троих поселили в Варшавском замке. Аврора думала, что только она — фаворитка, однако курфюрст в то же время жаловал своим вниманием двоих других, о чём не подозревала ни одна из них. После возвращения Авроры в Дрезден её роль официальной фаворитки курфюрста уже закончилась. Со свойственной ей мягкостью и тактом она приняла это как должное, не стала устраивать сцен ревности и осталась в хороших отношениях с другими дамами. Аврора была умной и снисходительной и, прекрасно зная характер Августа, никогда не строила иллюзий насчёт длительности их отношений. Однако она была теперь связана с ним ребёнком, которого ждала. И в том же октябре 1696 года, когда родился законный сын Августа, Аврора родила сына. В память о прекрасных, но теперь забытых Августом днях в Морицбурге, он был назван Морицем. Это имя стало потом

прославленным именем солдата и маршала Франции и ассоциировалось в истории войн XVIII века с победами в битвах под Фонтенэ, Руко и Лаффельдом.

Курфюрст по достоинству оценил поведение своей покинутой возлюбленной и остался с ней в дружеских отношениях, которые, правда, с годами становились всё холоднее. Во всяком случае, среди его фавориток она единственная, кого он потом не выдал замуж…

После рождения сына Аврора в ноябре 1696 года получила от Августа богатые подарки: драгоценные камни, материи, зеркала «и другую галантерею» и 50 000 талеров к Новогодней мессе. Позднее она тоже получала значительные суммы.

Будучи великосветской дамой и обладая к тому же связями в самых высоких слоях общества, Аврора решила сама позаботиться о своей дальнейшей и по возможности независимой жизни: она хотела стать аббатисой Кведлинбургского монастыря. На этот высокий пост обычно назначались принцессы или представительницы самых родовитых домов. Август был покровителем монастыря, и Аврора могла рассчитывать на его поддержку.

Чтобы обеспечить помощь умной и опытной в интригах Авроры, настоятельница в своей грамоте подтвердила её права на наследование и назначила её пробстиной монастыря. Однако Аврора обманула её надежды и ожидания. Она редко бывала в Кведлинбурге, пренебрегала советом аббатисы «отрешиться от света и следовать монастырским заповедям» и всё своё время проводила в путешествиях. У неё снова было множество поклонников, и она получала множество писем от самых томящихся и самых неожиданных почитателей.

Даже теперь, перешагнув своё тридцатилетие, она могла соперничать по красоте с более молодыми женщинами.

Один из поклонников Авроры, уже знакомый нам герцог Антон-Ульрих фон Вольфенбюттель, увенчанный ею короной Аполлона за стихи и к этому времени овдовевший, сделал ей в 1704 году официальное предложение выйти за него замуж и позднее повторил его. Но из этого ничего не вышло, и Аврора продолжала играть уже привычную роль отцветающей светской дамы, вынужденной постоянно вести нелёгкую борьбу за достойное существование.

Между тем Аврора продолжала быть в центре внимания высшего общества. Отстаивая интересы Кёнигсмарков, она обратилась к золовке Карла XII, герцогине Голштейн-Готторпской, которая после смерти Анны-Доротеи фон Заксен-Ваймар была выбрана аббатисой Кведлинбургского монастыря. Аврора

надеялась с её помощью добиться возвращения своих шведских поместий. Её собственное отношение к монастырю осталось прежним. Она проиграла в борьбе со своими высокопоставленными соперницами в Кведлинбурге и должна была удовлетвориться назначением на пост пробстины. Она чувствовала себя не в своей тарелке в монастыре и охотно покидала его, как только появлялись деньги, чтобы отправиться в путешествие. Однако, как только красота стала увядать, а деньги иссякать, Августа превратилась в домоседку. Сын её тем временем рос и довольно рано во многом стал похож на своего отца, с которым у него так и не сложилось доверительных отношений. Ей пришлось пережить скороспелый брак и быстрый развод её Морица, его курляндскую авантюру, в результате его легкомыслия закончившуюся так же неудачно, как польская — для его отца, и отъезд в Париж, однако она не дожила до его победоносного восхождения как полководца на французской службе…

На сороковом году жизни это была всё ещё красивая статная дама, хотя несколько располневшая, сохранявшая постоянную доброжелательность во всех жизненных передрягах. Она по-прежнему получала множество галантных писем, однако все её мимолётные и глубокие увлечения как и прежде покрыты мраком. Некий граф фон Фризен писал ей: «Как только мне будет оказана милость пребывать в Вашем обществе не на общих основаниях, как до сих пор, Вам будет достаточно только бросить на меня взгляд, чтобы я кинулся выполнять всё, о чём бы он меня ни попросил… Всё то время, что я провожу вдали от Вас, я считаю напрасно прожитым и очень скучаю… Я строю многочисленные планы, и только от Вас зависит их осуществление… Примите мои горячие заверения в глубочайшем почтении и благодарность, с которыми я остаюсь Вашим навсегда преданным рабом».

Однажды герцог Людвиг-Рудольф Брауншвейгский послал ей тушу оленя, заявив при этом, что не мог найти ей лучшего применения, чем подарить богине и нимфе. На её благодарственное письмо он ответил: «У оленя не могло быть лучшей судьбы, чем быть съеденным в настоящем храме, принадлежащем такой красоте… С гончими собаками охочусь я по лесам за моей богиней, и эта богиня — Вы, прекрасная Аврора… И Вы, Аврора, мне дороже самого Солнца…»

Покой её кведлинбургской жизни иногда нарушался высокопоставленными визитёрами, и особое удовлетворение доставил ей приезд сына царя Петра Великого Алексея с невестой, дочерью почитателя Авроры Людвига-Рудольфа Брауншвейгского, со всей его семьёй и другими важными

вельможами.

В последующие годы она почти не выезжала из Кведлинбурга, радовалась любому визиту, постоянно принимала у себя гостей, играла и пела на устраиваемых ею самой концертах и продолжала по мере возможности свою прежнюю великосветскую жизнь, к негодованию набожных монастырских дам, всё больше страдая от охвативших её недугов: астмы и водянки.

В последние годы жизни появились сочинённые ею стихи, вошедшие в «Северный фимиам, или Сборник стихов шведских женщин». После того как в конце 1727 года её состояние значительно ухудшилось и врачи не могли ей ничем помочь, она написала завещание и умерла в ночь с 15 на 16 февраля 1728 года.

Наследство от неё осталось очень скудное: небольшая, но хорошая библиотека, много нотных тетрадей, несколько драгоценных украшений, 52 талера денег и очень много долгов в разных городах и странах. Её завещание пропало, и адвокат её сына Морица обвинял людей Левенхауптов в его похищении.

Её саркофаг из белого мрамора, поставленный во второй саркофаг, обитый чёрным бархатом с золотой тесьмой, был постоянно открыт, чтобы удовлетворять любопытство посетителей — через много лет после её смерти увидеть прекрасную Аврору, которая была известнейшей великосветской дамой и быстро забытой возлюбленной повелителя, имевшего самый блестящий в Европе того времени двор. Она также была матерью великого полководца. Его беспокойная и горячая кровь проявилась у одного из потомков, в честь его матери тоже названной Авророй — у Авроры Дюпен, знаменитой писательницы Жорж Санд…

Маргарита-Полина Фуре (Белиль) (1778–1869)

Любовница Наполеона I. Наполеон хотел даже развестись с Жозефиной и жениться на Полине. После разрыва с Наполеоном I она вела бурную жизнь: занималась коммерцией, сочиняла романы, принимала любовников.

* * *

Во время египетской кампании, в сентябре 1798 года, когда Наполеон I ехал верхом в сопровождении своего генерального штаба на праздник, организованный недалеко от Каира, дорогу пересёк отряд солдат, верхом на ослах весело возвращавшихся в город с каких-то работ. Среди них была голубоглазая блондинка; ветерок, играя её платьем, открывал очаровательные ноги. Её серебристый смех заставил обернуться Бонапарта, который уставился на неё, как говорят, «ошеломлёно и восторженно».

Вечером, возвратившись в свой дворец, он спросил о встреченной молодой женщине. Адъютант быстро вернулся с подробным докладом: «Это гражданка Полина Фуре, которая в мужском костюме приехала в Египет со своим мужем. Ей всего двадцать лет, но она пересекла пустыню под палящим солнцем без единой жалобы, хотя и крепкие солдаты падали на этом пути обессиленные. Весь 22-й стрелковый полк, где служит её муж, влюблён в неё, но относятся к ней с уважением. Она и муж — идеальная пара».

Маргарита-Полина Белиль, ученица модистки в Каркасоне, женила на себе племянника своей хозяйки, хорошенького лейтенанта 22-го полка конных егерей и стала госпожой Фуре. В самый разгар медового месяца её муж получил приказ отправляться в Египет.

…На одном из праздников два молоденьких лейтенанта главнокомандующего, Мерлен и Евгений Богарне, показывали друг другу госпожу Фуре; они восхищались ею так шумно, что Бонапарт тоже обратил на неё внимание. В тот же вечер он снова встретил её в Tivoli egyptien, бросив на неё выразительный взгляд, подошёл к ней, говорил любезности, долго стоял около неё. Потом в дело включились услужливые люди, в которых не было недостатка.

Расчёт ли то был или добродетель, но дама не сдалась сразу. Понадобились уверения, объяснения, письма, богатые подарки. Наконец дело наладилось. 17 декабря Фуре получил приказ доставить (на этот раз в одиночестве) на корабле «Охотник» в Италию депеши Директории; в Париже он должен был повидать Люсьена и Жозефа Бонапартов, после чего вернуться в Дамьетт. Он вернулся скорее, чем думали.

Тотчас же после отъезда Фуре Бонапарт пригласил его жену, а также многих других французских дам на обед. Она сидела рядом с ним, и он очень любезно потчевал её. Но вдруг, симулируя неловкое движение, опрокинул на неё графин с водой и увлёк её в свои апартаменты под тем предлогом, что ей необходимо привести в порядок туалет. Приличия были соблюдены. Только отсутствие генерала и госпожи Фуре длилось слишком долго, чтобы гости, оставшиеся за столом, могли сомневаться насчёт действительного характера происшествия.

Последние сомнения улетучились, когда увидели, что спешно меблируется дом по соседству с дворцом Эльфи-Бей, в котором жил Бонапарт. Полина только что успела поселиться в нём, как неожиданно вернулся Фуре.

…«Охотник» поднял паруса 28 декабря и на другой же день был захвачен английским судном «Лев»; у англичан, прекрасно осведомлённых о том, что творится во французской армии, хватило ехидства отпустить Фуре, взяв с него слово, что он не будет служить во враждебной армии, пока длится война.

Фуре, узнавший обо всём, приехал в Каир совершенно взбешённый и заставил свою супругу жестоко поплатиться за все вольности, которые она себе позволила. Чтобы избавиться от его вспышек, Полина потребовала развода, который и был объявлен в присутствии военного комиссара при армии. Фуре был отправлен в экспедицию в Сирию, а затем ему предписывалось вернуться во Францию.

После развода Полина, — которая снова приняла свою прежнюю фамилию Белиль, а в армии она была известна только под красивым именем Белилот, — вела себя как фаворитка Бонапарта. Она роскошно одевалась, обставила дом с невероятной роскошью, угощала у себя обедами генералов, с придворными почестями принимала армейских француженок, на прогулках или каталась с Бонапартом в карете, или гарцевала в генеральской форме, треуголке и на арабской лошади, обученной для неё. «Вот наша генеральша», — говорили солдаты. Остряки называли её Клиупатрой.

На шее на длинной цепочке она носила миниатюрный портрет своего любовника. Это была открытая связь, никого,

впрочем, не шокировавшая. При каждом генеральном штабе республиканских армий можно было встретить, после 1792-го года, молодых женщин в мужском платье, служивших иногда адъютантами (например, девица де Ферниг), а чаще нёсших иную службу (как Иллирина де Моранси, Ида Сент-Эльм и многие другие).

Мужской костюм был тогда необходимым предметом в гардеробе женщины, жившей свободно, и обычай привозить с собой на войну любовницу или даже жену укоренился среди генералов так глубоко, что во время испанских походов, вплоть до конца Империи, ни один из них не отступил от него. Бонапарт был так влюблён в Белилот, что не скрывал от неё намерения развестись с Жозефиной и жениться на ней — на ученице из мастерской каркассонской модистки, — если только она родит ему ребёнка. Но — вот беда! «Глупенькая не умеет этого сделать», — говорил он с досадой. Тем, кто передавал ей эти слова, она отвечала: «Право же, я тут ни при чём!»

Во время экспедиции в Сирию она оставалась в Каире, и Бонапарт писал ей самые нежные письма. По возвращении, отправляясь во Францию, генерал приказал, чтобы бывшая госпожа Фуре приехала к нему как можно скорее, на первом же судне, которое будет готово. Он оставил ей тысячи луидоров на путешествие.

Клебер, преемник Бонапарта в командовании армией, посмотрел на это дело иначе. Он считал обладание Белилот одной из прерогатив главнокомандующего и всеми средствами препятствовал её отъезду.

Наконец он всё-таки отправляет её к Мену, коменданту Розеты.

Белилот попала в плен, затем была освобождена и наконец доставлена во Францию. Она приехала туда, когда уже произошло примирение между Жозефиной и Бонапартом, и 18 брюмера сделало её любовника первым сановником Республики, человеком, который должен был всем подавать пример достойной жизни и строгих нравов.

Утверждают, что он запретил тогда Белилот приезжать в Париж. Тем не менее, она появлялась с приятелями и во французском, и в других театрах. Но консул отказался принять её.

Зато Бонапарт был щедр на деньги: их он посылал ей каждый год и каждый раз, когда она просила. Он купил для неё дачный дом в окрестностях Парижа и помог устроить её брак с одним очень странным и малоразборчивым господином — Анри де Раншу, бывшим пехотным офицером.

Она занимала прекрасную квартиру на улице Наполеон, жила на широкую ногу, тратила деньги направо и налево, безумно отдавалась светской жизни, порхала по балам, спектаклям, принимала у себя многих русских, между прочим, Чернышёва, Нарышкина, Демидова, Тетенборна, хотя не пренебрегала при этом и французами. Любовниками её были в 1811 году майор Полен, адъютант Бертрана, и почти в то же самое время — Пейрюсс, брат кассира государственного Казначейства. Это не мешало ей часто показываться на глаза императору, ловить его взгляды, ждать его улыбки. На всех публичных зрелищах, на которых можно было ожидать его появления, она сидела в первом ряду. Однажды вечером, на одном из маскарадов, она узнала его, хотя на нём было домино, заговорила с ним, кокетничала, и по одному слову, которое он ей сказал или которое, может быть, только ей послышалось, решила, что ей удалось разбудить в нём воспоминание о прошлом. «Описать то радостное состояние, в котором я её нашёл на другой день, — не в моей власти», — писал Полен. Кто знает? Может быть, именно на другой день император послал ей 60 000 франков.

Полен, украшенный эполетами с крупными кистями, которые добыла ему Белилот, уехал в Иллирию, а она нашла себе другого любовника, даже двоих любовников! Один из них, Реверон Сен-Сир, помогал ей писать роман (под названием «Лорд Уэнтуорт»). Корректуру романа она послала Полену, чтобы развлечь его. Другим любовником был корсиканец Лепиди, адъютант герцога Падуанского, хорошенький, как ангел, но довольно глупый. «Люблю красивых животных», — говорила она.

Но вот Раншу раскрыл наконец обман и сослал супругу в Крапонн, в дом нотариуса, у которого снял для неё комнату. Там она представила себя жертвой Наполеона, выдала себя за фрейлину императрицы, жила с одной прислугой и забавлялась тем, что удивила местное общество своими манерами. Она усаживалась читать газеты перед домом, в котором жила, курила у окна своей комнаты, водила на прогулку большую собаку и брала её с собою даже в церковь. Не было такой эксцентричности, которой она не позволила бы себе. Всё это закончилось разводом и разделом имущества. Тем самым она лишилась пристанища, туалетов и денег.

Последние она, впрочем, нашла и приехала в 1813 году в Верону к Полену: в один прекрасный день, во время большого смотра, он получил таинственную записочку, уведомлявшую его о её приезде. Их жизнь была полна восторженной, пылкой любви, но вскоре Полену пришлось сопровождать своего генерала в германскую армию. Госпожа де Раншу вернулась в Париж. Она

поддерживала, по-видимому, наилучшие отношения с братьями Пейрюсс и с некоторыми из их друзей; в то же время её видели в модных клубах. Она бывала у баронессы Жирар, у графини Сюси, у баронессы Буайе. Дело в том, что она была очень умна и очень привлекательна и нравилась женщинам так же, как и мужчинам. Она выпустила у Долона свой роман «Лорд Уэнтуорт» и сразу прослыла писательницей.

Она также рисовала, и недурно, о чём можно судить по мило исполненному портрету, на котором она изобразила себя обрывающей маргаритку. Она прелестна на этом портрете — с живым лицом, немножко полноватым, но очень свежим и эффектным; с белокуро-пепельными волосами, заплетёнными и завитыми по-детски; с большими светло-голубыми, деланно-целомудренными глазами, которым чёрные как смоль брови придают какой-то особенный блеск; с нежным и привлекательным телом, с поистине прекрасными руками; всё вместе это очень мило, очень приятно, а недостаток благородства заменяется свежестью, эффектностью, грацией.

В 1814 году в Париже снова её друзьями стали русские. Она, по-видимому, хорошо жила эти два года, 1814-й и 1815-й, но к 1816 году началась нужда, потом — почти нищета. Тогда она распродала свою обстановку, очень дорогую, и уехала в Бразилию с неким Жаном-Августом Белляром, отставным офицером гвардии. В Париже ходили слухи, что деньги от продажи имущества она собиралась употребить на то, чтобы завязать сношения с островом Святой Елены и устроить Наполеону побег. Но она и не думала об этом. Когда госпожа Абрантес рассказала в своих мемуарах об этих слухах в хвалебном тоне, госпожа де Раншу протестовала. Это могло повредить ей: полиция следила за ней, как за «старой подругой Бонапарта». В 1825 году она вернулась с Белляром в Париж. Полиция ни на минуту не упускала её из виду.

На самом деле целью её путешествий было желание поправить свои дела. Она набрала с собой множество всевозможных дешёвых товаров, выменивала их в Бразилии на палисандру и аламу и вернулась с запасом дерева. Продала его, купила мебель, возвращалась, чтобы продать её, и так ездила взад и вперёд до 1837 года, когда навсегда обосновалась в Париже. Она продолжала писать, издала новый роман «Une Chatelaine de XIIe siecle», и в своей скромной квартире на улице Виль л'Эвек, окружённая обезьянами и птицами, прожила более девяноста лет. Она вполне сохранила свои умственные способности, писала, рисовала, играла на арфе, скупала картины, поддерживала отношения с женщинами, с которыми некогда была знакома,

завязывала даже новые дружеские связи.

Госпожа де Раншу — графиня де Раншу, как она себя называла, — перед смертью сожгла все письма, которые писал ей генерал Бонапарт.

Адриенна Лекуврёр (1692–1730)

Знаменитая французская актриса. Дебютировала в «Комеди Франсез» с большим успехом. Была одинаково талантлива как в комедийных ролях, так и в трагических, где сочетала высокий пафос с удивительной простотой и непринуждённостью. Смерть её приписывают отравлению.

* * *

Адриенна Лекуврёр была дочерью бедного шляпного фабриканта в Фисме, провинция Шампань, который для лучшего сбыта своих изделий переехал в Париж и нанял квартиру около знаменитого французского театра. Маленькой Адриенне очень хотелось играть на сцене, и 14 марта 1717 года она уже дебютировала в роли Монимы, а через несколько дней — в роли Электры и Береники; через месяц Адриенна была принята в королевскую театральную труппу. В течение тринадцати лет она блистала на сцене.

Вольтер искренне восхищался прекрасной и одарённой Адриенной Лекуврёр. Привязанность поэта к этой прелестной, но несчастной женщине была долгой, хотя и она не была лишена горьких случайностей, сыгравших роковую роль в жизни Вольтера. Таким стало большое торжество у президента Демезона, богатого покровителя бедных знаменитостей. Его великолепную дачу выстроил тот самый Мансард, который изобрёл мансарды. На сцене этого дома и должна была выступать Адриенна Лекуврёр в новой пьесе Вольтера, и приглашения были разосланы представителям высшего парижского общества. Все с нетерпением ждали, когда поднимется занавес, как вдруг с Вольтером случился припадок горячки. Врачи установили, что у него чёрная оспа, и в одну минуту гости поднялись с мест и бросились к выходу. Никто не остался в чудном здании Демезона, кроме Адриенны Лекуврёр, которая самоотверженно ухаживала за больным поэтом и поставила его на ноги. Дружба между Вольтером и Адриенной перешла постепенно в нежную любовь. Бедняжка, она и не предполагала, что всего через несколько лет Вольтер заплатит ей такой же любовью, но только при ужасных обстоятельствах, которых она и представить себе не могла.

Артистка эта вскоре сделалась знаменитой, правда, больше благодаря своей трагической любви к графу Морицу

Саксонскому, чем своему таланту. Приведём только один из случаев, наделавший много шума. Когда в 1726 году граф Саксонский, её обожатель, был избран герцогом Курляндским, Адриенна Лекуврёр, чтобы помочь ему получить этот титул, который оспаривали у него Россия и Польша, заложила всю свою столовую и кухонную посуду за 40 000 ливров. Граф Саксонский, нуждаясь в деньгах, одобрил этот поступок своей фаворитки и рассказал о нём во всех знатных домах, в которые был вхож. Но легкомысленный сын короля, находясь в связи с артисткой, крутил также романы с двумя другими дамами, и одна из них отравила бедную Адриенну, послав ей пропитанный ядом букет (по другой версии — коробку конфет).

За один или два месяца до смерти Адриенны Лекуврёр герцогиня Бульонская влюбилась в графа Саксонского. Герцогиня слыла натурой пылкой, страстной, легко увлекающейся. Однако граф не хотел отвечать ей взаимностью. Женщина, чья любовь отвергнута, всегда старается отыскать причину. Герцогиня сделала вывод, что причиной холодности к ней графа является Адриенна Лекуврёр, и решила отомстить ей. Поэтому, когда Лекуврёр умерла, подозрение пало на герцогиню Бульонскую.

Артистка умирала в одиночестве, покинутая всеми. И только Вольтер явился к ней в предсмертный час, закрыл ей глаза и проводил в последний путь. Артисты, как известно, отлучались тогда от церкви, и хоронить их, как прочих смертных, не полагалось. Без траурной церемонии, без свечей и ладана, даже без гроба знаменитую Адриенну Лекуврёр предали земле. Вольтер был возмущён этим и написал эпитафию, которая стала прекраснейшим, поистине нерукотворным памятником актрисе.

Вскоре после этого Вольтер отправился в Лондон, где присутствовал на торжественных похоронах артистки Сиддонс, что дало ему повод сравнить Францию и Англию по степени толерантности. Величественные похороны Ньютона, гроб которого несли, шесть герцогов и шесть графов, также произвели на него сильное впечатление. Он негодовал против французского правительства, которое не признавало культа гения. Вернувшись на родину, Вольтер обрушился на власть имущих со всей силой могучей сатиры. Вполне естественно, что ему опять пригрозили Бастилией. И чтобы теперь избежать этой опасности, Вольтер покинул Париж и под чужим именем поселился в Руане.

Лайза Минелли (родилась в 1946)

Американская актриса и певица, дочь Джуди Гарланд и режиссёра Винсента Минелли. Стала звездой после участия в бродвейском мюзикле «Флора, красная угроза» (1965) и фильме «Кабаре». Позже снялась в фильмах «Нью-Йорк, Нью-Йорк!» (1977), «Артур» (1981). Обладательница престижных премий «Эмми», «Оскар», «Золотой глобус».

* * *

12 марта 1946 года в Лос-Анджелесе родилась новая принцесса Голливуда, единственная дочь режиссёра Винсента Минелли и знаменитой Джуди Гарланд — Лайза. Первым её пришёл поприветствовать Фрэнк Синатра, дети Чаплина стали её друзьями детства, а район Беверли-Хиллз — площадкой для игр. Ни у кого не было сомнений, что эта очаровательная черноволосая девочка с огромными карими глазами с самого рождения принадлежит Голливуду.

Безоблачное счастье в семье Миннелли и Гарланд оказалось хрупким. Подверженная бессоннице и стрессам, Джуди начала принимать наркотики. Они привели к резким перепадам настроения, срывам, которые начали мешать и её карьере, и семейной жизни. Лайзе было всего 14 месяцев, когда её мать была вынуждена пройти курс лечения в санатории «Лас-Кампанас». И позже ей не раз приходилось бывать в подобных заведениях. Когда Лайзе было три года, её родители оформили развод. Суд постановил, что ребёнок должен проводить с каждым из родителей по полгода. Так она стала жить в двух совершенно разных мирах. Винсент делал всё возможное и невозможное, чтобы доставить дочери удовольствие. Брал её на съёмочную площадку и обращался с ней как с равной. Каждый год в день рождения дочери Винсенте дарил ей пять платьев, которые были точными копиями костюмов актрис в самых известных фильмах. А главное, Лайза навсегда запомнила многие полезные советы отца-профессионала.

Тем временем Джуди быстро нашла замену Винсенте, вышла замуж за актёра Сида Люфта и переехала в Лондон. Но и второй муж Джуди не смог побороть её пагубную страсть. Маленькая Лайза в эти и последующие годы, подобно детям многих наркоманов, научилась делать вид, будто всё в порядке. Ей

приходилось быть сиделкой матери, секретарём, защищать и охранять её репутацию, а подчас и удерживать от попыток покончить с собой…

Ничего не изменило и рождение сестры Лайзы — Лорны Люфт, к которой Лайза относилась с трогательной любовью.

Так что неудивительно, что Лайза искала защиты у обожавшего её отца. Но и он женился во второй раз. Это известие Лайза восприняла с большой горечью. Её отношения с Жоржетт Мартель (так звали новую жену Винсента Минелли) и с её вскоре родившейся дочерью были весьма напряжёнными.

В 1961 году Лайза поступила в Высшую школу искусств в Нью-Йорке, а затем продолжила учёбу в Скарсдейле, где сыграла все ведущие роли в школьных спектаклях. В апреле 1962 года Лайза дебютировала в музыкальной комедии «Лучший футбольный форвард» и спела специально для неё написанную песенку «Ты создан для любви». Её заметили.

В Лондоне, после одного из концертов в зале «Палладиум» Джуди Гарланд познакомила дочь со своим протеже Питером Алленом, талантливым музыкантом, пианистом, с юности зарабатывающим себе на жизнь в ночных клубах и барах-пиано. Джуди знала о его гомосексуальных наклонностях, но решила, что этот умный, тонкий юноша (ему было двадцать лет) — подходящая пара для её Лайзы. Она очень боялась, что Лайза пойдёт по её пути, станет пить, принимать наркотики.

Они объявили о помолвке в ноябре 1964 года, спустя три недели после знакомства. Питер стал для Лайзы больше другом, чем мужем. Зато для Джуди он оказался идеальным зятем, поскольку не только оплачивал её счета и отвечал на письма поклонников, но и помогал её детям — сводным сестре и брату Лайзы — переживать кризисные ситуации в семье. Джуди всё больше проигрывала свою битву с наркотиками и в 1969 году умерла в возрасте 47 лет от чрезмерной дозы снотворного. Проводить её в последний путь пришли 22 тысячи американцев. Такого не было со дня похорон Рудольфо Валентино, то есть ровно 43 года. Лайза очень переживала утрату и во время похорон впервые приняла сильнодействующее успокоительное лекарство.

В апреле 1970 года брак Лайзы и Питера распался. По мнению Лайзы, причиной послужило не что иное, как её всё возрастающий успех на фоне неудач Питера. Хотя надо думать, что поводом послужил её бурный роман с гитаристом Рексом Крамером. К тому же Лайза не переносила друзей Питера, а он не любил окружение Лайзы.

В искусство она пробивалась с невиданным упорством: 14 раз

прослушивалась на роль Салли в мюзикле «Кабаре» на Бродвее! И всё-таки роль отдали Джил Хейуорт. Лайза не сдалась и включила песню «Кабаре» в свои выступления в ночном клубе. И вот через пять лет Боб Фосс пригласил её сыграть в кино эту роль, может быть, самую значительную в биографии актрисы…

Боб Фосс и Лайза работали над «Кабаре» как одержимые. И долгие годы, до самой смерти режиссёра, их связывала крепкая дружба. Он многое дал Лайзе, но, к сожалению, именно он научил её ценить «прелести» наркотиков. После «Кабаре» имя Лайзы стало легендарным.

Началась бурная жизнь, полная приключений, романов, съёмок, концертов, постоянного возбуждения. Её видели в обществе то режиссёра Питера Селлерса, то богатого плейбоя молодого бразильца Педро Аквинага. В Европе Лайза встретилась с бароном Алексисом де Реде, и многие предсказывали скорый брак. Но другой потомственный аристократ, Дэзи Арназа, вытеснил барона из её жизни, и именно он стоял рядом с ней на церемонии вручения Лайзе «Оскара» за фильм «Кабаре». То было время бурных романов, развивавшихся почти одновременно: Бен Вереен — исполнитель роли Иуды в нашумевшем «Иисус Христос — суперзвезда», Дайсон Ловелл, Эдди Альберт и… возвращение к Дэзи Арнасу. Кажется, нет никого, кто смог бы удержать её от любовного водоворота…

Летом 1974 года во время работы над фильмом «Это — развлечение» Лайза Минелли вышла замуж за знаменитого телевизионного режиссёра Джека Хейли. На свадьбе было 700 человек, среди них такие звёзды, как Элизабет Тейлор, Ширли Маклейн, Фред Астер, Рок Хадсон… Казалось, всё складывается удачно. Однако счастья не было. Лайзу окружали люди, которых привлекали только её деньги. Она стала пить и принимать кокаин…

Дружба с модельером Хальстоном, разработавшим её стиль и сделавшим её одной из десяти самых красиво одетых женщин мира, к сожалению, также связана с кокаином.

На съёмках фильма «Нью-Йорк, Нью-Йорк!» она влюбилась в режиссёра Мартина Скорсезе. Их подогретая кокаином страсть мешала работе, превращая съёмки в кошмар для всех, занятых в картине. Фильм приняли не слишком тепло. Лайза Минелли горько заметила, что Голливуд не прощает трёх неудач подряд. Но для Мартина Скорсезе это не имело никакого значения. Он был влюблён в Лайзу и ещё до выхода её фильма на экран начал репетировать с ней мюзикл под названием «Акт». Он шёл два с половиной часа, и Лайза Минелли пела в нём 12 номеров, специально написанных для неё. Слухи о любовном романе

Скорсезе и Минелли распространились с молниеносной быстротой. Жена Скорсезе подала на развод, открыто объявив, что Скорсезе тратит чудовищные средства на покупку наркотиков, которые он употребляет вместе с Лайзой.

Премьера мюзикла состоялась в октябре 1977 года. Отзывы критиков были более чем сухие, а вот публика охотно покупала билеты, стремясь посмотреть на Лайзу Минелли.

Увлечение наркотиками привело к тому, что спустя два месяца Лайза отменила спектакли на неделю.

Наконец, в июле 1978-го она обратилась в «Центр Бетти Форд» и начала жестокую борьбу с унаследованным от матери кошмаром. И вышла из этой схватки победительницей. К тому времени она уже разошлась с мужем. Её спутником стал Михаил Барышников. Потом, уже расставшись, они выступили вместе в знаменитом бродвейском шоу «Барышников на Бродвее».

В 1986 году умер её отец. Это был страшный удар. Лайза обожала его и долго не могла прийти в себя. Она больше не пила и не принимала наркотики.

В 1987 году Лайза установила рекорд почти столетней истории «Карнеги-Холла». Никогда не было таких сборов у певца или певицы, выступавших на этой сцене. Затем состоялось турне по Америке. Везде её встречал восторженный приём. Её приветствовали не только как актрису, но и как мужественную, сильную личность.

В 1989 году в Нью-Йорке в «Рейдио-Сити» была поставлена пьеса «Развлекаясь» в двух частях: «Лайза на концерте» и «Лайза и друзья». Это шоу принесло актрисе не только новый небывалый успех, но и личное счастье. На репетиции она познакомилась с пианистом Билли Стритчем, а в 1991 году разошлась с Марком, с которым она прожила непростые одиннадцать лет.

Лайза продолжала заниматься своими племянниками, выступала, записывала альбомы, снималась в кино, но чувство одиночества всё чаще посещало её. В марте 1996 года она отметила своё 50-летие.

Форнарина (ок. 1496 —?)

Собственное имя — Маргарита Лути. Возлюбленная Рафаэля. Её образ запечатлён великим художником в нескольких картинах, в том числе в знаменитой «Сикстинской Мадонне».

* * *

«Один раз человеческой душе было подобное откровение; дважды случиться оно не может… — писал поэт В. А. Жуковский, посетив в 1821 году дрезденскую галерею, где любовался „Сикстинской Мадонной“ Рафаэля. — Час, который провёл я перед этой Мадонной, принадлежит к счастливейшим часам моей жизни».

Удивительно, но небесные черты Непорочной Девы списаны с создания, далеко не ангельского. Так кто же она, избранница гения, сумевшая завоевать его сердце?

В 1514 году папа Лев X назначил Рафаэля главным архитектором собора Св. Петра. Банкир Агостино Чиги, соперничавший с папой в любви к искусствам, как только узнал, что знаменитый художник находится в Риме, сразу предложил ему расписать главную галерею его дворца Фарнезино на берегу Тибра. Рафаэль не мог поселиться в Ватикане, поэтому банкир отвёл ему роскошные апартаменты в своём дворце, выходившие окнами в красивейший парк, и не скупился на расходы.

Художник украсил стены знаменитыми фресками «Три грации» и «Галатея», но вынужден был прервать работу, ибо никак не мог подыскать натурщицу для «Амура и Психеи». Однажды, прогуливаясь по парку в сопровождении ученика Франческо Пенни, он очутился на берегу Тибра, где увидел девушку поразительной красоты. Незнакомке, прекрасной, как Мадонна, было лет 17–18. Она стояла, прислонившись к дереву, вся облитая дождём лучей яркого полуденного солнца, прорывавшихся сквозь листву. Восхищённый Рафаэль узнал, что девушку зовут Маргаритой Лути, что она дочь хлебопёка и живёт неподалёку. Девушка давно мечтала прогуляться по чудесному парку Фарнезино. Рафаэль вызвался проводить её.

«Я нашёл наконец Психею!..» — шепнул он по дороге Пенни.

После прогулки художник привёл Маргариту в мастерскую. Прекрасная дочь хлебопёка с любопытством рассматривала этюды и эскизы, искренне восхищаясь искусством маэстро. На

предложение Рафаэля нарисовать её портрет Маргарита ответила согласием, но ей надо было заручиться согласием отца и жениха.

Упоминание о женихе немного смутило художника, правда, красавица поспешила заметить, что выходит замуж не по любви, а лишь потому, что в 17 лет просто стыдно оставаться в девушках. Да и жених её — всего лишь пастух в Альбано, владении Агостино Чиги.

Рафаэль сказал, что Маргарита с её чудными глазами, дивным ротиком и великолепными волосами должна принадлежать, по крайней мере, принцу крови. В благодарность за посещение художник предложил Маргарите превосходное золотое ожерелье, купленное им накануне для куртизанки Андреа, но девушка отказалась принять дорогой подарок. Тогда Рафаэль предложил ей купить ожерелье всего за десять поцелуев. Маргарита взглянула на продавца. Рафаэлю шёл тридцать первый год, он был весьма привлекательным мужчиной… И покупка состоялась, да не за десять, а за сто, за тысячу поцелуев! Вырвавшись из объятий, Маргарита, убегая, крикнула, что, если Рафаэль хочет с ней встретиться завтра, пусть поговорит с отцом.

Рафаэль вошёл в пекарню Лути вслед за девушкой и, заплатив 50 золотых монет, получил согласие отца рисовать сколько угодно портретов его дочери. Покладистый родитель, кроме того, пообещал объясниться со своим будущим зятем-пастухом.

Рафаэль не спал целую ночь, страстно влюблённый в прекрасную Форнарину (forno — печь, fornaj — пекарь).

Дочь пекаря в это время выясняла отношения с женихом Томазо Чинелли, в течение месяца ласкавшего по ночам свою будущую жену. Пастух сразу же заметил драгоценность, которую невеста и не подумала снять с шеи. Томазо упрекнул её в измене. Уж не хочет ли она уподобиться куртизанкам Рафаэля? Девушка, вспылив, ответила, что готова стать кем угодно, чтобы иметь горы золота и избавиться от диких сцен, которые вынуждена выносить, будучи честной женщиной. Пастух опомнился и бросился умолять о прощении. Маргарита простила его, взяв с него слово приходить к ней только по приглашению. Томазо потребовал, чтобы Маргарита сегодня же торжественно поклялась в церкви выйти за него замуж. На рассвете Томазо и Маргарита были в церкви, где девушка принесла клятву верности жениху, а через несколько дней она дала такую же клятву Рафаэлю.

Этой девушке суждено было стать первой и единственной любовью великого Рафаэля. Он был избалован женщинами, но теперь его сердце принадлежало Форнарине.

Рафаэля, вероятно, ввело в заблуждение ангельское

выражение прелестного личика дочери хлебопёка. Сколько раз, ослеплённый любовью, он изображал эту очаровательную головку! Начиная с 1514 года он писал не только её портреты, эти шедевры из шедевров, но и создал благодаря ей образы Мадонн и святых, которым будут поклоняться!

На первом сеансе Маргарита позировала для Психеи, украсившую позднее виллу Фарнезино.

«О, как ты прекрасна!..» — повторял маэстро при каждом взмахе карандаша.

В эту же ночь он посетил Форнарину в её каморке. В течение пяти часов, до самого рассвета, Франческо Пенни терпеливо ожидал учителя. Наконец тот вернулся восторженный, взволнованный, готовый отдать хлебопёку всё, лишь бы Маргарита принадлежала ему одному. На робкий намёк ученика об опасности, которую несёт в себе неумеренная любовь, художник ответил: «Художник становится талантливее, когда так любит иль бывает так любим!.. Любовь удваивает гений!.. Ты увидишь, какие картины я напишу с Маргариты!.. Само небо послало мне её!»

За 3000 золотых булочник позволил художнику увезти Маргариту, куда угодно.

Рафаэль нашёл для своей любовницы красивую виллу в одном из римских предместий, купил ей дорогие одежды и осыпал драгоценностями. У неё появились лошади и экипажи.

В течение года любовники почти не расставались. Рафаэль никого не хотел видеть, никуда не выходил, пренебрегая работами и занятиями с учениками. Папа Лев X начинал выражать недовольство, а Агостино Чиги, огорчённый перерывом в работе по украшению дворца, предложил перевезти девушку в Фарнезино. Маргарита сразу согласилась на переезд, надеясь укрыться во дворце от мести жениха Томазо, присылавшего ей гневные письма. Она надеялась приобрести покровительство у Агостино Чиги, хозяина пастуха.

Рафаэль в восторге от того, что имеет счастливую возможность соединить любовь с искусством, с жаром принялся за работу, иногда целыми днями оставляя возлюбленную наедине со своими мыслями. И если бы только с мыслями…

Форнарина получила очередное письмо с угрозами от жениха. И в этот момент ей доложили о визите Агостино Чиги. Девушка быстро расстегнула ворот капота, обнажив роскошные плечи. Банкир без промедления обвил руками её гибкий стан и крепко поцеловал её, после чего начал клясться в любви, умоляя о взаимности. Форнарина потребовала доказательств…

В тот же вечер пастуха Томазо доставили в монастырь Санто-

Козимо, настоятель которого, двоюродный брат Чиги, за символическое вознаграждение обещал держать пастуха до тех пор, пока не получит приказание освободить его.

В 1518 году Рафаэль принял в число учеников юного болонца Карло Тирабоччи. Вскоре все, кроме маэстро, знали о его любовной связи с Маргаритой. Ученики порвали с Тирабоччи всяческие отношения, посчитав, что тот совершил гнусный проступок. Дело дошло до дуэли, в которой болонец пал, поражённый ударом шпаги Перино-дель-Вага. От Рафаэля скрыли истинную причину поединка, а Форнарина нашла другого поклонника.

Жажда любви, жажда жарких поцелуев и объятий куртизанки, никогда не отказывавшей ему в ласках, вскоре расшатала здоровье гениального художника.

Узнав о его тяжёлой болезни, Лев X послал умирающему своё благословение. Кардинал застал у постели больного Форнарину и попросил её удалиться, ибо не мог передать благословение папы в присутствии женщины, не являющейся законной женой умирающего.

Великий художник скончался в Великую Пятницу, 6-го апреля 1520 года, в день своего рождения. По завещанию он оставил любовнице достаточно, чтобы она могла вести честную жизнь, но она продолжала пользоваться покровительством Агостино Чиги и считалась в Риме одной из самых знаменитых куртизанок.

Сразу после смерти художника, опасаясь гнева со стороны учеников Рафаэля, Маргарита на несколько дней скрылась в доме отца, где её нашёл Томазо Чинелли, просидевший пять лет в заточении.

Маргарита приготовилась к худшему, но, видя, что бывший жених не собирается её убивать, бесстыдно предложила себя. Томазо с презрением отвернулся и, схватив горсть земли, бросил её в лицо той, которую некогда боготворил…

Маргарита Лути окончила свою жизнь в монастыре, но когда — неизвестно. Такова история жизни той, чьё идеальное изображение украшает дворцы и музеи.

Агнесса Сорель (1409–1450)

Возлюбленная короля Карла VII. В 1431 году была фрейлиной Изабеллы Лотарингской, герцогини Анжуйской. Своей красотой очаровала короля. От Карла VII имела троих дочерей. С её именем связывают освобождение Франции от англичан.

* * *

Карл VII не мог пройти мимо этой фрейлины королевы Сицилии. Она была так прекрасна, «что он страстно желал её возбудить и думал, что его мечты могли осуществиться лишь во сне».

Очарованный, он с восторгом созерцал её пепельного цвета волосы, её голубые глаза, её совершенный нос, её очаровательный рот, её обнажённую грудь. Наконец Карл спросил её имя. «Я дочь Жана Соре, а зовут меня Агнесса Сорель», — ответила фрейлина.

Король молча поднялся в свои апартаменты. Казалось, никогда в жизни он не был так влюблён. Ещё бы ему не влюбиться, ведь эта женщина пленяла всех встречавшихся мужчин.

«Это была самая молодая и самая прекрасная среди всех женщин мира», — восклицал Жан Шартье.

«Да, безусловно, это была одна из самых красивых женщин, которых я когда-либо видел», — вторил ему Оливье де Ла Марш.

«Она, по правде говоря, была самой красивой среди современных ей молодых женщин», — разделял их мнение и автор Мартинийской летописи.

Наконец Пий II тоже не мог удержаться от того, чтобы не сказать: «У неё было самое красивое лицо, какое только можно себе представить».

И эти слова, сказанные самим папой римским, вряд ли стоит расценивать только как комплимент…

Почти ничего не известно о происхождении Агнессы Сорель. А то, что мы знаем, может быть изложено в трёх фразах: её отец, Жан Соре, был советником графа Клермона; её мать, Катерина де Меньелай, была владелицей поместья де Верней. Тётя Агнессы, когда девочке исполнилось пятнадцать лет, пристроила её фрейлиной при дворе Изабеллы Лотарингской, королевы Сицилии и жены короля Рене.

Точно неизвестно, где и когда появилась на свет самая

красивая женщина XV века. Ибо, если летописец из любезности и сообщил, что Агнесса родилась в Фроманто, то забыл уточнить, о каком из двух городов идёт речь — Фроманто в Пикардии или Фроманто в Турени… Историки сходятся в том, что ей было 22 года, когда её впервые увидел Карл VII. Можно также утверждать наверняка, что Агнесса была «так красива и очаровательна, как никакая другая королева…»

Итак, своей красотой она поразила Карла VII, и монарх поднялся к себе в состоянии, близком к экстазу. Ему казалось, будто он попал в рай.

Однако не только Карл VII пленился красотой Агнессы, в чём он вскоре мог сам убедиться.

В тот же вечер король попытался заявить о своих чувствах Агнессе, но молодая девушка убежала с испуганным видом, что только распалило в короле желание. В течение нескольких дней его вздувшиеся вены на висках служили предметом разговоров при королевском дворе.

Но однажды утром наблюдательные придворные заметили, что у короля обычный вид, и все поняли: красавица Агнесса уже не проводила ночи в одиночестве.

Через несколько месяцев о любовной связи короля и дамы из Фроманто знал весь двор. Одна королева находилась в неведении. Но однажды вечером Мария Анжуйская встретила фаворитку короля, прогуливавшуюся по одному из коридоров дворца с обнажённой грудью. Это дало королеве пищу для размышлений. И Мария Анжуйская установила за королём наблюдение. Король был очень осторожен. Летописец Жан Шартье сообщал, что «никто никогда не видел Агнессу, целующейся с королём…» Хотя никто не сомневался, что между ними существовали тайные интимные отношения, ибо в 1445 году красавица почувствовала, что беременна…

В день, когда должен был появиться на свет младенец, королева, заметив самодовольную улыбку на лице короля, больше не сомневалась в его измене. Она встретилась со своей матерью, Иоландой Анжуйской, и поделилась с ней своими переживаниями. Иоланда была благоразумна. Она понимала, что её дочь, чьи внешние данные и интеллектуальные способности были весьма посредственны, не могла соперничать с умной и красивой Агнессой. Кроме того, она понимала, что, если потребовать от Карла VII прогнать фаворитку, он всё равно будет иметь любовниц. Поэтому Иоланда Анжуйская посоветовала дочери смириться с существующим положением дел…

Добрая и снисходительная королева послушалась совета и попыталась наладить дружеские отношения с любовницей. Они

даже вместе гуляли, слушали музыку, а за обедом вели светскую беседу, что очень радовало Карла VII, для которого не было большего удовольствия, чем видеть полное согласие, царившее вокруг…

В течение нескольких лет король, судя по отзыву папы Пия II, «не мог прожить и часа без своей прекрасной подруги» и был больше озабочен оттачиванием своего любовного мастерства, чем ведением государственных дел.

Стоило ли удивляться, что в 1448 году Франция была обременена чрезмерными налогами, а Агнесса Сорель имела к этому времени троих детей.

Карл VII решил пожаловать дворянством мать своих внебрачных детей. Эта прекрасная идея явилась самой высшей признательностью, которой король мог удостоить очаровательную фаворитку. Недалеко от Парижа, на опушке Венсенского леса, на холме, возвышавшемся над излучиной Марны, у Карла был маленький замок, предназначенный для библиотеки. Эта местность называлась Боте-сюр-Марн (в переводе — «красота на Марне»), и король подарил это имение Агнессе. Она получила титул Дамы де Боте (титул соответствовал её неотразимой внешности).

В то же время заговорили об экстравагантных нарядах, изобретённых самой фавориткой. Агнесса, отказавшись от просторных туник, скрывавших формы, стала одевать длинные платья, плотно облегавшие тело. Кроме того, она придумала декольте, которое шокировало королеву Марию. Стыдливо спрятав одну грудь, она изящно обнажала другую. Эта новая мода возмутила большинство придворных дам, не решившихся последовать примеру Агнессы.

Возможно, именно эти несчастные женщины с не очень красивыми формами груди заставили нескольких именитых граждан опротестовать фантазии фаворитки в области одежды. Канцлер Жувеналь Дезюрсен, бывший в их числе, возмущённо писал: «Как же король в своей собственной резиденции терпит, чтобы ходили в одежде с глубоким вырезом, из-за которого можно видеть женские груди и соски. И как же в его апартаментах, а также в апартаментах королевы и их детей мучаются многие мужчины и женщины, находящиеся в атмосфере разврата, грехов и порочных связей. Ношение такой одежды неуместно и заслуживает наказания».

Жувеналь Дезюрсен был не одинок в предположении, что Агнесса — женщина лёгкого поведения. Бургинен Шастелен оставил о ней такие воспоминания: «Её изобретательность была направлена на то, что в условиях разврата и распада вводила в

моду новые, сообразные этим условиям формы одежды».

Если учитывать, что Жувеналь Дезюрсен и Шастелен, боясь за своё положение в обществе, старались выражаться очень мягко об Агнессе, можно себе представить, как о фаворитке Карла VII отзывался простой народ.

Однако эти упрёки и даже оскорбления, дойдя до ушей Агнессы, её не рассердили, а только сильно опечалили. Фаворитка хотела понять, почему народ, чьё мнение она обычно игнорировала, её презирал и ненавидел. И она вдруг узнала, в какой глубокой нищете живут простые французы, в то время как двор купался в роскоши. Агнесса решила напомнить королю о его долге и обязанностях. С этой целью она использовала некую хитрость, о чём сообщил Брантом в своей книге «Жизнь галантных дам»: «Увидев, что сердце короля занято лишь любовью к ней и он совсем не интересуется делами королевства, Агнесса сказала ему: „Когда я была маленькой, астролог предсказал мне, что в меня влюбится один из самых храбрых и мужественных королей. Когда мы встретились, я думала, что Вы и есть тот самый храбрый король… Но, похоже, я ошиблась: вы слишком изнежены и почти не занимаетесь делами вашего бедного королевства. Мне кажется, что этот мужественный король не вы, а английский король, который создаёт такие сильные армии и захватывает у вас такие прекрасные города. Прощайте! Я отправляюсь к нему, видимо, о нём говорил мне астролог“».

И эти слова пронзили короля в самое в сердце, он даже заплакал. Карл VII забросил охоту, сады, забыл о развлечениях, собрал всю свою силу и мужество, что позволило ему быстро выдворить англичан из своего королевства.

Действительно, через некоторое время после этой беседы Карл VII при помощи своих знаменитых указов реорганизовал войска и в 1449 году, нарушив перемирие с Англией, вновь начал военные действия. В руках у врага к тому времени оставалось ещё множество важных позиций, но король, движимый любовью к Даме де Боте, за несколько месяцев положил конец Столетней войне, вернув все захваченные земли Франции. Агнесса, называвшая его раньше насмешливо Карлом Безразличным, стала его величать Карлом Победителем.

Увы! Судьба распорядилась так, что фаворитке не довелось увидеть венца своих усилий. Когда шли сражения, она внезапно скончалась при обстоятельствах весьма загадочных.

Случилось это в 1449 году. В течение нескольких недель король находился в аббатстве де Жюмьеж. Он тщательно готовился к осаде Арфлёра, который оставался ещё в руках врага, и проводил военные советы, на которых уточнялись детали

предстоящего штурма. В редкие свободные минуты он с хмурым видом прогуливался по саду, и можно было подумать, что король не уверен в успешном исходе сражения. На самом деле он думал об Агнессе Сорель, которая находилась в Лоше и у которой вот-вот должны были начаться роды… Карл VII, завоевав герцогство Нормандию, с нетерпением ждал появления на свет своего четвёртого внебрачного ребёнка. «Может быть, на этот раз она подарит мне сына, — думал он. — Я так хотел бы иметь от неё сына».

Это желание не преследовало никаких политических целей, ибо Карл, у которого было пять законнорождённых детей от брака с Марией Анжуйской, уже имел наследника, дофина Людовика, и будущее династии его не беспокоило. Это было желание безумно влюблённого мужчины.

В один из январских дней, когда он медленно прогуливался, думая об Агнессе и о ребёнке, который вскоре должен был появиться на свет, он увидел бегущего к нему монаха аббатства: «Государь Там привезли мадемуазель Сорель в очень тяжёлом состоянии».

Карл VII побледнел и, забыв о королевской степенности, бросился к карете. Он с трудом узнал Даму де Боте — так сильно сказались на чертах её лица тяготы путешествия и так сильно обезобразила её фигуру беременность. Увидев короля, она привстала и улыбнулась.

«Это безумие, — воскликнул Карл VII, — приехать сюда в таком состоянии!»

«Мне надо было срочно вас увидеть, — тихо ответила Агнесса, — никто, кроме меня, не мог вам сказать то, о чём вы должны знать».

Король очень удивился её словам. Он проводил Агнессу в спальню, и она в изнеможении опустилась на постель. Карл, не дав ей передохнуть и минуты, встал у изголовья её кровати. И Агнесса поведала ему о том, что «некоторые из его поданных хотели его предать и выдать англичанам…»

Монарх не поверил ей. Несмотря на усталость, Агнесса с трудом продолжала говорить. Она рассказала королю всё до мельчайших подробностей о готовившемся заговоре и о заговорщиках, о намерениях которых ей стало случайно известно.

«Я приехала вас спасти», — сказала она.

Был ли заговор? Возможно. Но враги короля, узнав о том, что Агнесса проникла в их тайну, сочли разумным не предпринимать никаких действий…

Успокоенная тем, что успела сообщить королю о грозившей ему опасности, фаворитка уснула. Её сон был недолгим: у неё

начались первые родовые схватки, и она, застонав, начала метаться в постели. Карл VII перевёз её в усадьбу в Меснил-су-Жюмьеж, в загородный дом, построенный для отдыха аббатов. Здесь на следующий день появилась на свет девочка, которой через полгода суждено было умереть. Летописец Жан Шартье повествует: «После родов Агнессу беспокоило расстройство желудка, которое продолжалось в течение длительного времени. Во время этой болезни она постоянно каялась в своих грехах. Часто вспоминала о Марии Магдалине, совершившей высший плотский грех, но раскаявшейся в нём и попросившей милости у всевышнего и Девы Марии. И, как истинная католичка, Агнесса проводила целые часы за чтением молитв. Она высказывала все свои желания и составила завещание, где назвала людей, которым хотела бы помочь, оставив сумму в шестьдесят тысяч экю, полагающуюся за все их труды. Агнесса становилась всё хуже и хуже, она жалела, что её жизнь так коротка».

Наконец она попросила своего исповедника отца Дени отпустить ей грехи, и 9 февраля 1450 года, в шесть часов вечера, Агнесса Сорель, красавица из красавиц, скончалась.

Фрина (ок. 390 г. до н. э. — ок. 330 г. до н. э.)

Греческая гетера прославилась тем, что была натурщицей знаменитых художников Праксителя и Апеллеса. Статуя Афродиты Книдской — одно из самых выдающихся произведений IV века до н. э. Лучшим произведением Апеллеса считается изображение выходящей из моря Афродиты, написанное для храма Асклета.

* * *

Её настоящее имя было Мнесарет, но из-за желтоватого оттенка кожи девушку прозвали Фриной. Она родилась в маленьком городке Феспии. Повзрослев, превратилась в обладательницу столь великолепной фигуры, что просто не могла не оказаться в Афинах. Там она стала любовницей художника Апеллеса (он использовал её в качестве модели для своей Афродиты Анадиомены), а потом любовницей Праксителя и позировала ему для двух его Афродит — в одном варианте обнажённой, в другом — одетой.

Афинянин Пракситель изваял свою Афродиту за три с половиной века до нашей эры. Он сделал две статуи: ту, что была покрыта одеждой, предпочли жители острова Кос. Отвергнутую ими купили книдяне. И её слава, свидетельствовал римский учёный Плиний, была неизмеримо выше. Впоследствии её хотел купить у Книда царь Никомед, обещая простить огромный долг. Но жители города предпочли всё перенести, нежели расстаться со статуей.

«Афродиту Книдскую», сделанную из паросского мрамора и воздвигнутую посредине храма, описал древнегреческий писатель Лукиан: «…Она стоит гордая, с лёгкой усмешкой. Вся её красота ничем не скрыта, не окутана никакой одеждой; богиня обнажена, и только чресла слегка прикрывает она одной рукой. И так сильно искусство её творца, что камень, неподатливый и твёрдый по природе, как нельзя лучше подошёл для того, чтобы изваять из него каждую часть тела».

Такой видит Афродиту, богиню любви и красоты, почитавшуюся в Риме как Венера, один из персонажей Лукиана, некто Харикл. Его друг, напротив, созерцает богиню спокойно. Но

когда путешественники, решив осмотреть статую со всех сторон, вошли в святилище сзади, этот афинянин вдруг закричал, обезумев: «О Геракл! Какая соразмерная спина! Какие покатые бока — как раз по ладоням, обнимающим их! Какой красивой линией изгибаются мышцы ягодиц! Они и не прилегают слишком плотно к костям из-за худобы, и не расплываются в чрезмерной полноте и тучности. А как сладостна улыбка этих ямочек, запечатлевшихся по обеим сторонам бёдер — и сказать трудно!»

С каким же чувством создавал свою Афродиту Пракситель? Современники утверждали, что он делал это, неотрывно глядя на гетеру Фрину. «Сотни тысяч паломников, которые молитвенно простирали руки в книдском святилище Афродиты и посылали поцелуи мраморной статуе, вслух восклицали: „Афродита, прекрасная Афродита!“ Но про себя они шептали: „Как ты прекрасна, Фрина, божественна твоя красота!“»

Когда Пракситель в знак любви предложил ей на выбор любую из бесценных скульптур в своей мастерской, она растерялась и попросила у него совета. Он промолчал. Через несколько дней она бросилась к нему на улице, крича, что его мастерская в огне. Он в отчаянии простонал: «Если сгорят „Сатир“ и „Эрос“, я погиб». Тогда Фрина призналась, что пожар — выдумка, выбрала «Эроса» и подарила его своей родной Феспии. Много лет он оставался там, привлекая внимание приезжих, пока его не захватил Нерон, лишь для того, чтобы самому потерять статую при пожаре в Риме.

Из всех греческих куртизанок Фрина была наиболее застенчивой. Она всегда появлялась на людях полностью одетой, предпочитая плотно облегающие хитоны, никогда не ходила в общественные бани, а любовью занималась только в темноте. Лишь дважды в году, в период Элевсинских и Посейдоновых мистерий, вставала она в портике храма раздетая донага и шла обнажённая сквозь раздавшуюся толпу с тем, чтобы войти в море и воздать благодарность богам.

Утверждали, что ни один мужчина не мог устоять перед её чарами. Однако кое-кто говорил, что один нашёлся. Они указывали на Ксенократа, философа, в течение четверти века руководившего Платоновской академией. Это был добродетельный человек, недоступный плотским желаниям, который все часы своего бодрствования посвящал размышлениям. Фрина была заинтригована. «Ну а как насчёт его ночей? — задавала она себе вопрос. — Ведь он, в конце концов, обычный мужчина».

Она поспорила, что сумеет соблазнить его за один вечер. Её поклонники приняли пари. Украшенная драгоценностями, одетая

в тончайшее из покрывал, она постучалась однажды ночью в его дверь. Ксенократ открыл, Фрина быстро вошла. Она сказала, что за ней гонятся грабители, и попросила приютить её до утра. Ксенократ, который всегда был гостеприимным человеком, указал ей место для ночлега и вернулся в свою кровать. Фрина разделась и скользнула к нему в постель. Он не шевельнулся. Она неистово обняла его. Он не отвечал. С криком отчаяния она бежала в темноту ночи. Уплатить проигрыш она отказалась. «Я говорила, что разбужу чувства в человеке, а не в статуе», — заявила она.

Самые пылкие из любовников тратили на неё все свои богатства. Когда Александр Великий разрушил стены Фив, Фрина предложила построить их заново. Она поставила лишь одно условие: на новых стенах должны были повесить доску со словами: «Фивы были разрушены Александром и восстановлены Фриной». Фиванцы отказались.

Вполне естественно, что замужние женщины в Афинах ненавидели её. Они уговорили одного из незадачливых поклонников Фрины, Евтиаса, привлечь её к суду по обвинению в том, что она оскорбляет величие Элевсинских мистерий, изображая их в превратном виде, а также постоянно развращает самых выдающихся граждан республики, «отвращая их от службы на благо отечества». Взять на себя защиту на суде, где решалась её судьба, она уговорила известного оратора Гиперида, пообещав ему взамен стать его любовницей. Он блестяще вёл дело, тем не менее оно выглядело безнадёжным.

Смертный приговор казался неминуемым, пока Гиперид, в момент вдохновения, не вывел Фрину перед судьями и не сдёрнул с её плеч покрывала, обнажив подсудимую до пояса. Она стояла, открыв свою безупречную грудь. Судьи смотрели на неё в изумлённом молчании. Это была не женщина. Перед ними стояло божество. Столь прекрасное тело не могло скрывать несовершенную душу. Запутавшись в этих мистических рассуждениях, судьи благоговейно вынесли оправдательный приговор.

Фрина сохранила свою красоту до конца дней своих. В зрелые годы она придумала крем, предохранявший от морщин. Умерла она в почёте, а памятником ей стала золотая статуя в храме Дианы Эфесской. Статую изваял не забывший её Праксителъ.

Грета Гарбо (1905–1990)

Собственное имя — Грета Ловиса Густафсон. Американская актриса шведского происхождения. Переехала в США в 1925 году. Её поразительная красота, а также главная роль в фильме «Плоть и дьявол» (1927) сделали её одной из самых популярных звёзд Голливуда. Она снялась в 27 фильмах, среди них — «Мата Хари» (1931), «Гранд-отель» (1932), «Королева Христина» (1933), «Анна Каренина» (1935), «Камелия» (1936), «Ниночка» (1939). В 1941 году после неудачи в фильме «Женщина с двумя лицами» она навсегда покинула мир кино…

* * *

Великой звездой Грету Гарбо сделало счастливое сочетание многих качеств. Но прежде всего — она была необыкновенно красива. Огромные синие глаза столь необычного глубокого тона, что на экране они казались тёмными. Нос такой благородной формы, какую можно увидеть лишь на портретах царственных особ. Нежный рот с верхней губой, изогнутой, словно лук Купидона. Высокий чистый лоб. Совершенный овал лица с прелестной ямочкой на подбородке. Густые, вьющиеся от природы волосы.

Когда Гарбо приехала в Голливуд, были сделаны фотопробы. Результаты оказались потрясающими. Её лицо обладало пропорциями, которыми руководствовались античные скульпторы, а тело соответствовало пропорциям Венеры. Правда, некоторые её поклонники утверждали, что широкими плечами, узкими бёдрами и длинными ногами она напоминала античного мальчика. Словом, Гарбо была одинаково хороша как в роскошном бальном платье с открытыми плечами, так и в мужском костюме. Она немного сутулилась, но и это придавало особое очарование её облику.

К тому же Гарбо была превосходной драматической актрисой. Эта холодноватая немногословная женщина полностью преображалась, когда начинала играть. А играла она по наитию, отказывалась от репетиций, потому что могла без всякой подготовки изобразить любую эмоцию. Она буквально завораживала зрителей накалом эмоций и страстей, идущих, казалось, от самого сердца. Критики той поры сравнивали её с

Элеонорой Дузе, служившей эталоном актёрского совершенства.

Однако далеко не всем талантливым и красивым актрисам удаётся пробиться в кино. Для этого необходим особый пропуск — фотогеничность. У Гарбо она была. Знаменитый голливудский режиссёр Билли Уайлдер писал: «Чудо Гарбо — это чудо целлулоида. На плёнке её лицо полностью преображалось, становилось ликом звезды, на котором зритель пытается прочесть все тайны женской души. Эмульсионный слой плёнки невероятным образом сообщает плоскому изображению глубину и таинственность. Случай Гарбо — это случай рождения звезды на плёнке».

Существовало ещё одно качество, превращавшее Гарбо в королеву всех актрис, — её загадочность, непохожесть на остальных женщин. Сфинкс — вот образ, чаще всего всплывавший в статьях о ней. Гарбо всегда окружала атмосфера тайны. Известно, что лишь самые доверенные лица могли присутствовать на съёмочной площадке, когда там работала Гарбо. Перед смельчаками, сумевшими прорваться в святая святых, чтобы посмотреть вблизи на прекрасную Грет, тотчас возникали чёрные ширмы. Живая Гарбо не любила посторонних взглядов, но она позволяла миллионам зрителей любоваться на своё изображение.

Гарбо мало соответствовала традиционным представлениям о голливудских звёздах. Она отказалась от замужества, ушла из кино в расцвете сил и таланта, не подпускала к себе репортёров. Эта загадочная женщина, расположения которой добивались самые богатые и влиятельные люди, родилась 18 сентября 1905 года в бедной шведской семье и с ранних лет начала работать. Открыл её режиссёр Мориц Стиллер, и он же в 1925-м привёз девушку в Америку. Именно Стиллер придумал псевдоним Грете Ловисе Густафсон — Гарбо, оттолкнувшись от имени норвежской актрисы оперетты Эрики Дорбо, блиставшей в Стокгольме в начале 1920-х годов.

Голливуд не случайно называют «фабрикой звёзд». Армия художников по гриму, причёскам, костюмам и свету трудятся над тем, чтобы превратить обычных исполнителей в кумиров публики и властителей дум времени. Двадцатилетняя Грета Гарбо сразу привлекла к себе внимание. Самые знаменитые мастера были привлечены к созданию её экранного имиджа — художник по костюмам Адриан, художник-постановщик Седрик Гибсон, знаменитый оператор Уильям Дэниэлс. Они немало потрудились, чтобы превратить застенчивую девушку в настоящую богиню экрана. Позднее Дэниэлс (снявший 20 из 24-х фильмов Греты) сокрушался: «Это моя трагедия, что мне не удалось снять Гарбо в цвете».

Один из первый голливудских фильмов Гарбо назывался «Соблазнительница» (1926) и очень точно обозначил будущее амплуа актрисы. Ей было суждено стать одной из самых знаменитых «фатальных женщин» американского экрана.

Роли соблазнительниц превалировали в репертуаре Гарбо и после прихода в кино звука. Многие звёзды были вынуждены покинуть «звучащий» кинематограф, но молодая шведка с блеском выдержала роковое для многих исполнителей испытание. Низкий, «усталый» голос Греты только усиливал притягательность её героинь.

Дважды потерпев неудачу, Грета Гарбо навсегда покинула кино. Впрочем, у этого шага существовали более глубинные причины. В 1991 году увидела свет книга Свена Бромана «Гарбо о Гарбо». Книга уникальна, поскольку автору удалось «разговорить» великую молчальницу и вырвать у неё несколько признаний, которые звучат просто сенсационно.

«Я устала от Голливуда, никогда не любила свою работу. Бывали дни, когда я просто заставляла себя идти на студию. По сути дела я снималась даже дольше, чем планировала. Остановиться раньше мне не позволял контракт. Я ведь никогда не чувствовала себя настоящей актрисой. Меня часто приглашали выступить на Бродвее. Но сама мысль, что на меня будут смотреть тысячи глаз, приводила меня в ужас».

Таким образом, Гарбо просто воспользовалась удобной возможностью покончить с делом, которое ей порядком надоело. Тем более что её попытки измениться натолкнулись на холодный приём.

В деньгах она не нуждалась, будучи мультимиллионером уже в начале сороковых. В умении экономить каждый доллар и вкладывать его в дело сказалась её крестьянская закваска. Лишь в семидесятые годы стало известно, что большая часть торгового центра на Родео-Драйв в Беверли-Хиллз (самой респектабельной части Лос-Анджелеса) принадлежит именно Гарбо. Кроме того, она владела домами в Нью-Йорке и в родной Швеции. По совету умных друзей, среди которых бесспорно выделялись Ротшильды и Онассис, Грета покупала картины. В начале пятидесятых на стенах её квартиры видели картины Ренуара Боннара, Модильяни. Со временем коллекция расширялась, но Гарбо не любила показывать её посторонним.

Итак, Грета Гарбо навсегда покинула Голливуд в 1942-м. Знаменитая, богатая, независимая, она могла делать всё, что хотела. А хотела она просто жить, не чиня насилия над собой. Новую жизнь она начала с экспериментирования с различными диетами, весьма преуспев в этом. И даже возник роман с

диетологом Гэлордом Хаузером. Но, конечно, это был не единственный роман в её жизни.

Ещё когда она только появилась в Голливуде, мужчины ходили за ней толпами. Самый страстный любовный роман связывал её с Джоном Гилбертом. К моменту встречи ему было 29 лет, а Грете — 22. Они везде появлялись вместе, но свадьба, о которой много говорили и писали, так и не состоялась. Гарбо бежала прямо из-под венца. Гилберт вскоре женился (уже в третий раз). Но продолжал любить вероломную невесту (об этом недвусмысленно свидетельствовала «Королева Христина»).

Аристократический облик актрисы будоражил воображение. Вот одна из забавных историй в её биографии. Богатейший фермер, некий Эдгар Донн, постоянно писал ей письма, приезжал в Голливуд, чтобы увидеть её, но ничего не выходило. В 1936 году он написал завещание: «Моя земля, мои владения, всё моё состояние завещаю Грете Ловисе Густафсон, звезде кино, известной в мире как Грета Гарбо, и больше никому». Спустя десять лет он умер. Ему было около семидесяти. Его адвокаты пытались связаться с актрисой, через пять месяцев они получили от неё коротенькое письмо о том, что она принимает наследство, но просит передать его в Фонд милосердия. Вспомнить человека, писавшего ей письма, она не смогла, ей писали миллионы. Впоследствии Фонд милосердия продал этот участок за баснословные деньги: в земле обнаружили залежи нефти.

Гарбо стали часто видеть в обществе Мерседес де Акоста, голливудской сценаристки, известной своими лесбийскими наклонностями. Это породило разнообразные кривотолки, которые усилились после того, как в 1960 году Акоста опубликовала мемуары, в которых были слова: «Как я могу описать эти шесть недель, проведённые в горах с Гретой? Только шесть недель, но они значат больше, чем вся моя жизнь». Гарбо страшно разозлилась на Акоста и больше никогда с ней не встречалась. Издатели предлагали Акоста опубликовать их переписку, но она благородно отвергла предложение и сдала письма на хранение.

В 1937 году у Гарбо начался бурный роман с дирижёром Леопольдом Стоковским. Он был старше её на 23 года. Гарбо называла его «Стоки». Они вместе путешествовали по Европе, скрываясь от преследовавших их журналистов.

Вскоре Стоковский разошёлся с женой и уехал в Италию. Гарбо в это время находилась в Швеции, на озере недалеко от Стокгольма. Там она получила приглашение Гитлера посетить Германию. Фюрер был поклонником её таланта. После смерти актрисы в её архивах была обнаружена запись: «Следовало

отправиться в Берлин, захватив с собой пистолет, спрятанный в сумочке. Я могла убить его очень легко. Это разрешило бы все проблемы, и, может быть, не было бы войны, а я стала бы героиней масштаба Жанны д'Арк. Хотя я не политик и, наверное, война началась бы при всех обстоятельствах».

Из Швеции Гарбо переехала в Италию и проводила время со Стоковским. Но на предложение выйти замуж Грета ответила отказом. «Смешно думать, что я могу пойти с кем-то к алтарю», — заявила она журналистам. Вскоре дирижёр женился на молодой Глории Вандербильт, наследнице миллионов…

Тем не менее очень крепкая, хотя и неофициальная связь с промышленником Джорджем Шли продолжалась около 20 лет. Многие поражались, что связывает красавицу-актрису с этим невзрачным мужчиной, одетым в плохо сшитые костюмы, в то время как его женой была знаменитый модельер Валентина. По-видимому, Грете он напоминал Стиллера, бога и наставника её юности. Всю жизнь она тяготилась своей инертностью, пыталась прислониться к тем, кто мог подталкивать её вперёд, взять на себя её заботы. Гарбо передала Шли право распоряжаться своими деньгами, делать вложения, покупать антиквариат.

Он завещал Грете почти всё своё громадное состояние. Она получила акции бумажной промышленности, дома в Италии и Южной Франции. «Деньги идут к деньгам» — капитал Гарбо продолжал увеличиваться даже помимо её воли.

Среди любовников Гарбо числился и Сесил Битон — знаменитый фотограф, создавший в пятидесятые годы серию её фотопортретов, свидетельствовавших о том, что бывшая актриса остаётся самой красивой женщиной мира. Особая загадочность этой связи в том, что Сесил был гомосексуалистом и сторонился женщин. Когда же в своей книге Битон имел неосторожность рассказать об отношениях с Гарбо, она прекратила с ним общаться, как когда-то и с Акоста. Но с Битоном перед его смертью она всё-таки помирилась.

Со временем квартира Гарбо на 52-й авеню превратилась в «антикварный магазин». Прекрасные картины были запакованы в ящики. Спальня была обставлена мебелью XVIII века, но спала она на современной кровати. Одевалась, как в униформу — мужской жакет или пальто, длинный шарф, низко надвинутая на глаза шляпа, чёрные очки, туфли на низком каблуке. Любимым времяпрепровождением были пешие прогулки. Читала мало, любила смотреть телевизор. В конце жизни пристрастилась к просмотру картин со своим участием, но говорила о себе в третьем лице: «Она была хороша…»

В 1987 году Грета Гарбо перестала выходить из квартиры, в

следующем году перенесла инфаркт. 15 апреля 1990 года Гарбо скончалась, оставив своё огромное состояние дочери брата.

Она ушла из жизни, оставшись для миллионов недосягаемой мечтой, символом красоты и тайны.

Лу Саломэ (1861–1937)

Лу (Луиза) фон Саломэ родилась в 1861 году в Петербурге. Писала стихи, романы, эссе, теоретические статьи, мемуары. Увлекалась психоанализом. Была возлюбленной Ницше, Рильке, Фрейда.

* * *

Её предки по отцовской линии были французами. Отец Лу, Густав Карлович, был профессиональным военным родом из Прибалтики, служил верой-правдой русскому престолу и завершил свою карьеру в генеральском чине и с дворянским титулом. Мать происходила из семьи немецкого фабриканта. Родным языком Лу (родные и близкие звали её Лёлей) был немецкий, русский же она знала плохо. Детство её протекало в замкнутой аристократической среде российской столицы. В 19-летнем возрасте, подобно многим русским девушкам той поры, лишённым возможности получить образование в России, Лу уехала в Западную Европу; недолгое время она посещала лекции в Цюрихском университете. Её особенно привлекали такие области знания, как религиозная философия и психология.

Незаурядный независимый ум и внешняя привлекательность открыли ей доступ в избранный круг западноевропейской интеллектуальной элиты. Весной 1882 года в Риме через писательницу Мальвиду фон Мейзенбург (известную своей близостью к семье Герцена) Лу познакомилась с Фридрихом Ницше.

Лу Саломэ было двадцать лет (Ницше — уже около сорока), и в путешествии по Европе её сопровождала матушка, которая следила не столько за дочерью, чей вольный нрав не терпел ни малейшего надзора, сколько за её гардеробом. А также за инкрустированным слоновой костью дорожным сундучком с книгами, среди которых были и сочинения Фридриха Ницше.

«То, что я желаю сейчас, — писал Ницше Мейзенбург, — так это прежде всего хорошую жену; тогда я получу от жизни всё, что желал бы от неё, а остальное уже моё дело».

Ницше прибавлял, что говорит он это по величайшему секрету, и преданная Мейзенбург держала язык за зубами, но сама ни на минуту не забывала о заветном желании своего болезненного друга (у Фридриха с малолетства было никудышное здоровье) и, когда судьба свела её с незаурядной девушкой из

России, решила воплотить его мечту в жизнь. Оставалось познакомить их, благо Ницше, как и «молодая русская», путешествовал в то время по Италии, но опытная Мейзенбург не желала пускать дело на самотёк и провела большую подготовительную работу.

До поры до времени работа эта была направлена исключительно на юную генеральскую дочку. Ей рассказывали, что за необыкновенный человек Фридрих Ницше. Какой выдающийся ум! Какое золотое сердце! В доказательство г-жа Мейзенбург доставала из шкатулки, с которой никогда не расставалась, его письма и кое-что зачитывала вслух.

«Я понял, что единственное, что люди уважают и пред чем преклоняются, — это вполне благородный поступок. Никогда никакой сделки со своей совестью».

У растроганной Лу блестели глаза. Она тоже жаждала благородного поступка, она тоже не терпела сделок с совестью — словом, она хотела увидеть Ницше, и чем раньше, тем лучше.

В апреле 1882 года, откликаясь на настоятельные призывы своей названной матери, он прибыл в Рим. Со всевозрастающим интересом выслушал её подробнейший рассказ о необыкновенном существе из России и на другое утро дисциплинированно явился в указанный час в собор Св. Петра.

Разочарование не постигло философа. «Её острый ум напоминает зрение орла, — восторженно писал он другу, — её душа смела, как лев, а между тем это чрезвычайно женственное дитя, которое, может быть, недолго проживёт».

Тут великий ясновидец и великий пророк ошибся (относительно Саломэ он ошибался часто), она прожила ещё более полувека, профессионально занималась психоанализом, была возлюбленной Фрейда и Рильке.

Итак, он не разочаровался в Лу и с лёгким сердцем — с лёгким, радостным и полным надежд — отправился за ней из Рима в швейцарский город Люцерн.

Она ехала с матерью, а он — со своим старинным приятелем Паулем Рэ, тоже, между прочим, неравнодушным к «молодой русской». Классический треугольник? Ницше умудрился наполнить банальную схему новым содержанием. Он поручил объясниться от своего имени… Паулю Рэ. Да-да, влюблённому Паулю Рэ, пусть он предложит от его, Ницше, имени руку и сердце, сам же соискатель сбежал на всякий случай в Базель, где и стал дожидаться решения своей участи.

Сохранились воспоминания базельских знакомых Ницше, из которых видно, в каком приподнятом, в каком лирическом настроении пребывал тогда «философ неприятных истин» (его

собственное определение), как восторженно говорил о своей избраннице и с каким радостным нетерпением ждал из Люцерна ответа.

Ему отказали, предложив дружбу.

Ницше письму не поверил. Наскоро собравшись, отправился в Люцерн и здесь уже сам, без посредника, повторил своё предложение. Снова отказ! На сей раз он был смягчён приглашением сопровождать её — в качестве друга — в очередном путешествии.

Уязвлённый, потрясённый, растерянный Ницше от этой высокой чести уклонился — пусть сопровождает Пауль Рэ! — и уехал на родину, в Германию.

«Если бы я мог быть около вас, болтать с вами, шепнуть вам на ухо несколько слов».

Ради Бога — она готова слушать его сколько угодно. Она ведь сама не раз говорила, что очень ценит его как друга, как собеседника, как учителя. Если он не возражает, она приедет.

Он не возражал — кто бы стал возражать на его месте! — она приехала.

«Я никогда не забуду тех часов, когда он открывал мне свои мысли, — вспоминала много лет спустя эта женщина. — Он поверял мне их, как если бы это была тайна, в которой невыразимо трудно сознаться, он говорил вполголоса с выражением глубокого ужаса на лице. И в самом деле, жизнь для него была сплошным страданием».

Да, она по-прежнему не желала стать его женой, но она всем сердцем жалела его, она от всего сердца восхищалась им. Тогда-то и был ею написан в едином порыве тот самый «Гимн к жизни», который Ницше — а гимн был посвящён именно ему — переложил на музыку.

«Это самая умная женщина в мире», — заворожённо констатировал он и для большей наглядности жирно подчеркнул эту фразу. После чего продолжал: «Каждые пять дней между нами разыгрывается маленькая трагедия».

Масла в огонь подливала сестра Ницше, не желавшая ни с кем делить своего влияния на брата. Её позднейший рассказ об этой истории явно пристрастен, но, возможно, некоторая доля истины в нём есть.

«Лу Саломэ никогда не была искренна с моим братом, она с удовольствием слушала его, но её страсть и воодушевление были искусственны и страшное возбуждение его часто её утомляло».

А вот Пауль Рэ — тот не утомлял. Пауль Рэ был неизменно спокоен, предсказуем, здоров. Счастливый соперник. Его не сваливали страшные мигрени, он не предпринимал попыток

самоубийства и не писал ей таких писем, какие время от времени приходили от Ницше.

Удивительные признания содержались в них.

«Никто так хорошо и так дурно, как я, не думает о вас. Не защищайтесь, я уже защищал вас перед самим собой и перед другими лучше, чем вы сами могли бы сделать это. Как в вас мало уважения, благодарности, жалости, вежливости, восхищения, деликатности — говорю здесь, конечно, о самых возвышенных вещах».

Она пыталась отвечать, но он холодно известил: «Я не прочёл вашего письма до конца, но того, что я прочёл, достаточно».

Это был полный разрыв. Полный и окончательный.

«Любовь — это факел, который должен светить нам на высших путях», — завещал людям пророк Заратустра.

У поэта Фридриха Ницше волшебный факел этот угас последним.

Лу Саломэ, со своей стороны, испытала на себе мощное влияние его идей и настроений, отчасти ей родственных. Позднее Лу опубликовала книгу «Фридрих Ницше в своих произведениях» (1894) — одну из первых о гениальном философе.

В 1886 году Лу Саломэ вышла замуж за Карла Фридриха Андреаса, сорокалетнего профессора-ираниста, человека с удивительной судьбой (достаточно сказать, что его отец был армянский князь). Присоединив его фамилию к своей, Лу мирно прожила с Андреасом до самой его смерти в 1930 году. Странность этого брака — в нём, несмотря на духовную близость и взаимное уважение, отсутствовали супружеские отношения, — до сих пор вызывает недоумение и порождает разного рода домыслы.

Весной 1897 года в Мюнхене среди поклонников Лу, коими она всегда и всюду была окружена, появился ещё один: молодой, в то время мало кому известный поэт Рене Мария Рильке. Вскоре Лу стала его возлюбленной. Встреча с Лу была огромным, вероятно, главным событием в жизни Рильке. Превосходившая его не только жизненным опытом, но и волевым характером, духовной зрелостью, целеустремлённостью своих занятий, Лу Андреас-Саломэ решающим образом помогла ему в те годы найти свой собственный путь в искусстве. Именно она посоветовала поэту изменить данное ему при рождении имя Рене на более «мужественное» — Райнер. Она читала и критически разбирала его ранние произведения. Благодаря Лу Андреас-Саломэ Рильке страстно увлёкся Россией, её историей, языком и культурой. Вместе с Лу он дважды приезжал в Россию, посетил Москву и Петербург, побывал у Толстого в Ясной Поляне, совершил

путешествие на Украину и по приволжским городам, обзавёлся русскими знакомыми и друзьями.

Встреча с Россией потрясла Рильке; до конца своей жизни он остался убеждённым «русофилом». Русские впечатления богато отразились и в его творчестве, особенно в стихотворном сборнике «Часослов» (1899–1903; первое издание — 1905), посвящённом Лу Саломэ («Вложено в руки Лу»). Собственно, всё, что писал Рильке с весны 1897 и до 1901 года, в первую очередь — его лирика, так или иначе обращено к этой женщине. Она же — адресат тех немногих стихотворений, которые Рильке пробовал писать по-русски и о России.

В начале 1901 года между Лу и Рильке произошёл разрыв. Желая избавить поэта от своей опеки и дать ему возможность свободного творческого развития, Лу отлучила его от себя, просила не писать ей, «разве что в минуту крайней необходимости». Пути их разошлись. Через несколько месяцев после этого Рильке женился на Кларе Вестхоф, затем надолго уехал в Париж, где сблизился с Роденом. Начались его многолетние скитания по городам и странам Западной Европы. А Лу вместе с мужем переехала в Гёттинген; этот город стал её основным местожительством. Здесь она и умерла в 1937 году. Почти до самой смерти она продолжала писать: стихи, романы, эссе, теоретические статьи, мемуары (в том числе — книгу воспоминаний о Рильке, изданную в 1928 году). Нельзя не упомянуть и о том, что уже в «гёттингенский» период Андреас-Саломэ всерьёз увлеклась психоанализом и со временем получила известность как одна из сторонниц Зигмунда Фрейда, с которым её связывала и личная дружба.

В июне 1903 года в Париже, страдая в безвыходном одиночестве, Рильке нарушил наложенный Лу запрет и возобновил своё общение с ней. Он по-прежнему испытывал к Лу исключительное доверие. Лу осталась для него единственным человеком, способным, как верилось поэту, понять оттенки его внутреннего состояния; она, как и раньше, олицетворяла для него Россию, его «духовную родину».

Мария Калласс (1923–1977)

Собственное имя — Мария Калогеропулос. Американская певица, лирическое сопрано, родилась в Нью-Йорке в семье греческих эмигрантов. Обладала голосом широкого диапазона и незаурядными артистическими способностями. Пела в операх «Норма», «Сомнамбула», «Мадам Баттерфляй», «Аида», «Тоска», «Медея» и др. Хотя техника её не считалась совершенной, выразительность и обаяние обеспечили успех её партиям классического репертуара.

* * *

Мария родилась в Нью-Йорке. Мать, ожидая появления второго ребёнка, надеялась родить сына. Поэтому Мария всегда ощущала себя нежеланной и не слишком любимой. В детстве Мария была толстой и близорукой девочкой. Ей с трудом удавалось победить в себе застенчивость.

Незадолго до рождения Марии, её семья в поисках лучшей жизни переехала из Греции в США. Открыв аптеку, отец Марии поменял свою фамилию на Каллас. В 1929 году, самом начале глубочайшего экономического кризиса в США, отец Марии разорился и лишился своей аптеки. Мать девочек, решив, что у детей хорошие музыкальные способности, поклялась себе сделать их знаменитыми. «Меня любили только когда я пела», — вспоминала Мария.

Во время войны мать Марии разошлась с мужем и уехала обратно в Афины, забрав с собой девочек. Нелюбимую Марию заставляли петь на улице, чтобы не умереть с голоду, она приносила домой овощи и хлеб. Первая учительница Марии Каллас в Афинах когда-то сказала: «Эта толстушка хочет стать певицей? Просто смешно». Но вскоре она отказалась от всех других учеников, посвятив себя только занятиям с Марией.

И Мария тоже проявляла неслыханное усердие. Ночи напролёт она учила партитуру. Биограф певицы Юрген Кестинг писал, что именно благодаря трудолюбию она позднее могла освоить новые партии всего за несколько дней.

Мария подружилась с офицерами итальянской армии и часто развлекала их пением арий из итальянских опер. Офицеры, в знак признательности, учили её итальянскому языку. Во время войны она получила и формальное музыкальное образование, занимаясь

со знаменитой оперной певицей Эльвирой де Гидальго. Началом её блистательной музыкальной карьеры стало поистине триумфальное выступление в опере «Джоконда» в Вероне в 1947 году. В 1950-х годах Мария Каллас стала мировой знаменитостью. Она не отличалась крепким здоровьем, но обладала великолепным чарующим голосом и стала звездой современной оперы.

В жизни Марии Каллас было лишь двое мужчин, что кажется странным, если принимать во внимание её всемирную известность. Ещё в 1947 году в Вероне Мария познакомилась с Джованни Баттистой Менегини, итальянским промышленником и большим любителем оперы. Менегини был на 30 лет старше Марии. Его это не остановило, как, впрочем, не остановило и то, что она в то время весила 104 килограмма. Мария позже вспоминала: «Я поняла, что это тот человек, которого я ищу, уже через 5 минут после знакомства… Если бы Баттиста захотел, я тут же без всякого сожаления оставила бы музыку. В жизни женщины любовь значительно важнее, чем любой профессиональный триумф».

Обе семьи, однако, были против их женитьбы. Семья Менегини опасалась, что Баттиста, женившись на оперной певице, забросит семейное дело, а мать Марии была очень расстроена разницей в возрасте, а также тем, что Менегини не был греком. Бракосочетание состоялось в Вероне в 1949 году. Никто из родственников жениха и невесты при этом не присутствовал.

Менегини немедленно занялся всерьёз карьерой своей молодой жены. Мария похудела и научилась одеваться в соответствии с требованиями моды. Триумфально прошло её дебютное выступление на сцене знаменитой «Ла Скала» в Милане в 1950 году. Менегини не разрешал своей жене иметь детей, опасаясь, что это может повредить её карьере. Их семейная жизнь тем не менее складывалась счастливо до памятного морского круиза в 1959 году на борту яхты «Кристина», владельцем которой был Аристотель Онассис.

Мальчишкой он торговал виноградом на улицах Смирны. Своё сказочное состояние Аристотель нажил во время Второй мировой войны, поставляя нефть в воюющую Европу. Женился Онассис на дочери и наследнице судовладельца Ставроса Ливаноса. Тина родила ему двоих детей. Теперь, когда у него было всё, ему нужна была только слава и ещё раз слава. Мария Каллас была воплощением этой славы. Онассис решил завоевать Марию Каллас.

Яхта «Кристина» напоминала сказку из «Тысячи и одной ночи». Она была похожа на плавучий дворец в пять этажей.

Роскошь обстановки, произведения искусства, залитые огнём залы, музыка, льющаяся по поверхности морских волн… И рядом с Онассисом — Мария… Жена Онассиса Тина и Менегини были обеспокоены, но ещё продолжали надеяться, что это всего лишь очередное приключение. 6 августа «Кристина» бросила якорь в Эгейском море на родине Марии и Аристотеля. Их благословил патриарх, прибывший из Константинополя по случаю встречи знаменитых гостей. Газетчики шли по следам и настигли их в одном из ресторанов Милана. Пришёл конец её спокойной жизни с Менегини. Она заявила, что разводится с ним и собирается работать без импресарио. Аристотель был польщён. Между супругами началась настоящая война. Тина Онассис уехала вместе с детьми из дома, возбудив дело о разводе. Но Онассис не собирался уходить из семьи. Дело было вовсе не в любви. Он дорожил связями и авторитетом в мире судовладельцев. Он уговаривал Тину не уходить и обманывал Марию… А Мария любила. В Далласе, при исполнении партии Лючии, у Марин сорвался голос. Эту новость тут же подхватили газеты. Злорадные реплики по поводу провала влились в общий хор, сурово осуждавший Марию, нарушившую святость брака. Однако развод всё-таки состоялся.

Эту овеянную тайной актрису называли «вечной Золушкой». Она была готова на всё. Ни о чём не думая, ничего не замечая вокруг себя, она мечтала о свадьбе с Аристотелем. Тем более что он развёлся с Тиной в 1960 году. Но свадьба не состоялась. Мария не желала участвовать в постоянных сборищах знаменитостей на «Кристине», на которых она была лишь предметом вечного любопытства и непрекращающихся сплетен. Она почти не была занята в новых операх. 11 декабря 1961 года Каллас пела в «Ла Скала», она знала, что её Аристотеля нет в зале. По иронии судьбы, в этот вечер певица исполняла арию Медеи. Мария чувствовала, что у неё пропадает голос. После этого провала ей суждено было услышать от своего возлюбленного Аристотеля самые страшные обвинения: «Ты — ничтожество». Ссоры сменялись примирениями. Однако конец был неизбежен. Мария узнала, что Аристотель подружился с княгиней Ли Радзивилл, сестрой Джекки Кеннеди и свояченицей Джона Фицджеральда Кеннеди, убитого в Далласе. Аристотель пытался успокоить Марию. Он обещал купить остров Скорпиос, который станет островом их любви. Но не ей жить и любить Аристотеля на этом острове. Онассис предложил свою яхту к услугам Джекки Кеннеди. Несчастной необходимо было окрепнуть, отвлечься, залечить душевную рану. Мария не согласилась участвовать в этом круизе. Она почувствовала себя лишней и уехала. Так Мария

оказалась в Нью-Йорке в маленькой квартирке на авеню Джорджа Мандела.

Каллас оставила сцену, зато снялась в фильме «Медея» Паоло Пазолини, училась в Академии Джульярде. Мария не собиралась сдаваться. Она должна была научиться жить без Аристотеля. 17 октября 1968 года Аристотель женится на вдове № 1 Джекки Кеннеди. Молодых ждал остров Скорпиос.

Жизнь непредсказуема. Онассиса всё чаще тянуло в Нью-Йорк к Марии. Он устал, он старел, он был разочарован. Трагедии детей — гибель сына на борту взорвавшегося самолёта, неудачные любовные истории дочери, — кажется, удача отвернулась от этого грека с горы богов — Олимпа.

В 1975 году в американской больнице Аристотель умирал, думая о Марии. Через два года она ушла за ним. И провожали её цветы от её Аристотеля. Посмертная воля Онассиса была исполнена. Он был вместе с Марией на её пути в вечность. Её прах развеяли над Эгейским морем, волны которого бороздили корабли Одиссея и Аристотеля.

Софья Потоцкая (1765–1822)

До нас дошло лишь имя прекрасной гречанки, по воле судьбы ставшей вначале госпожой Витт, супругой коменданта Каменец-Подольска, а затем супругой виднейшего польского аристократа Станислава Потоцкого. Пользовалась расположением графа Потёмкина.

* * *

История, трактуя события и факты исторические, редко обращает свой строгий взор на истории любви, даже если герои их оказались едва ли не главными действующими лицами в театре, где вершились судьбы государств и народов.

В каком учебнике прочитаем мы, что ценой присоединения Польши к великой русской империи Екатерины II стала красавица-гречанка Софья Витт. Свидетельствует польский биограф: «У нас в руках почти доказательство того, что м-м Витт выступила здесь в роли политического агента, кокетством склоняя колеблющегося Потоцкого принять предложение „северной союзницы“. На человека с небольшим умом слишком много было расставлено здесь сетей… а тут ещё самая красивая женщина, ангел или сатана во плоти, вешается ему на шею, нашёптывая сладкие слова любви, и со свойственной восточным наукам образностью рисует ему будущее счастье его отечества, а его самого в этом отечестве — первым гражданином, может быть, королём, которого благословят подданные».

Маршал конфедерации вельможный пан Станислав Феликс Потоцкий подписал акт конфедерации, решив судьбу Польши, что означало полный передел её границ и ввод русских войск под предлогом поддержания порядка. Польша теряла свою независимость. На церемонии подписания присутствовала главная виновница сего исторического события и главная награда пана — его возлюбленная и будущая супруга Софья.

Эту женщину необыкновенной красоты продавали и покупали в её жизни не один раз. И она всегда шла на это, впрочем, участвуя в этих сделках не безгласной и беззащитной жертвой. Она совершала эти сделки по собственному разумению, на своих собственных условиях, всегда выговаривая себе — взамен на красоту свою и любовь — свободу, власть и богатство. И в 30 лет она стала законной женой вельможного пана, Софьей Потоцкой.

Она стала легендой, загадочной и роскошной, похожей на сказку из «1000 и одной ночи»! Кто знает, какие сказки умела рассказывать не по летам мудрая Софья. Но неизменно солдаты и вельможи внимали ей со страстью. Доводы разума, чувства долга, чести, жизнь отступали, их побеждала Софья и любовь.

Первую свою победу 13-летняя Софья одержала, сама не зная и не желая того. Их с сестрой выгрузили на берег вместе с другим имуществом королевского посла в Каменец-Подольской пограничной крепости. И гречанку-жемчужинку в грязном изорванном платье с буйными спутанными локонами увидел сын коменданта крепости майор Иосиф Витт. Крошка предназначалась гарему любвеобильного и не слишком разборчивого Станислава Августа, короля польского. Посол купил сестричек-гречанок в Турции у их собственной матери, расхваливавшей свой товар, за сущие гроши. Теперь комендантский сын заплатил ему за них кучу золота. Посол был рад — ему меньше хлопот и верные деньги. Старшая из красавиц быстро стала любовницей майора, а от второй — Софьи — майор за свои собственные денежки получил лишь решительный отказ и предложение взять её в законные супруги. Предложение беспрецедентное, поскольку майор услышал его от рабы, от маленькой шлюшки, крепостной, без рода, без имени, без прав. Зато с красотой Прекрасной Елены.

Это и была первая сделка Софьи. Она диктовала свою волю, она ставила условия. И майор обвенчался с ней 17 июня 1779 года.

Перед чарами, мольбами и мудрой речью юной жены не устоял и старый комендант, не дававший вначале согласия на этот брак. На матушку майора чары не подействовали — она попросту скончалась. Старшую сестру красавицы Софьи не забыли, она была благополучно и весьма выгодно выдана замуж за турецкого пашу. Сёстры встретились ещё не раз и не где-нибудь, а на полях великих сражений, в минуты, когда вершились судьбы государств. И не раз их красота влияла на важнейшие политические решения. Неудивительно, ведь эти решения принимались мужчинами… Но это позже, а пока юная жена в свой медовый месяц брала уроки житейской мудрости и любви в блистательном Париже у парижских прелестниц. Париж — с его балами, беседками любви, страстным шёпотом, бесконечными признаниями и откровенными предложениями — обольщал её, манил, разрешал ей всё и, главное, обещал успех. Он, по сути, дарил ей все её будущие победы, потому что здесь она окончательно поняла силу и власть своей неземной красоты. Об этом говорили ей восхищённые взоры, они были обращены не к

богатым нарядам, их у неё ещё не было, они были обращены лишь к её чертам. Роскошь Парижа не заслонила, не обесценила их, а подчеркнула их красоту, огранив её, как драгоценный камень. Но главное то, что красавица, осознав свою власть над миром мужчин, поняла, что теперь больше всего ей нужна свобода.

Вернувшись в постылую, жалкую каменец-подольскую крепость, родив сына Ивана и похоронив тестя, сделавшись комендантшей, госпожа Витт решилась завоевать российскую столицу. Но юная завоевательница была поразительно прозорлива. Она понимала, что не может предстать перед матушкой-императрицей с пустыми руками. Прекрасная путешественница отправилась в Вену, посетила и Стамбул, где поражённый её красотой, совершенно очарованный с ней мило беседовал французский посол. Он и не подозревал, что его собеседница, почти дитя, внимала с невинным видом каждому его слову, и каждое его слово запоминала… Теперь прелестнице было что подарить своей государыне-императрице — информацию!

Её шаги на новом весьма привлекательном поприще оценили — ей были дарованы угодия. Но гораздо более ценным приобретением было то, что её, Софью, увидели! Теперь её стали видеть часто в Стамбуле, во Львове, при дворе Станислава Августа. Сам король отдал приказ возмущённому мужу, отчаявшемуся вернуть домой блудную жену. И приказ этот звучал не просто как комплимент женским прелестям мадам Витт. «И не думай оставлять крепость из-за своей жены, твоя жена сама должна возвратиться, доверься её уму».

Прелестница оказывалась при командующем русским войском Салтыкове, под Хотином, и пушки молчали лишних три дня, приводя в негодование Потёмкина. Сёстры встретились. Подруга Салтыкова Софья Витт и супруга турецкого паши приостановили сражение, задержали «викторию» русских. И даже Потёмкин унял свой гнев, когда от Салтыкова прибыл к нему в лагерь прекрасный посол… С того дня господину Витту за его супругу исправно платил Потёмкин, разумеется, в интересах отечества. Муж, предоставленный сам себе, ещё не раз убеждался, что очень выгодно вложил те тысячу червонцев, которые он заплатил когда-то за крошку-гречаночку. А мадам Витт теперь уже послом от самого Потёмкина отправилась в Варшаву — разузнать о настроениях вечно непокорной польской шляхты. Верная себе, обворожительная Софья прежде всего была послом любви. Её предназначение — завоёвывать сердца. Задание Потёмкина было выполнено блистательно. В Варшаве в неё без памяти влюбился Потоцкий… О такой добыче русские политики

могли только мечтать. Крупнейший помещик, представитель древнего польского рода, яростный защитник интересов независимой Польши. Во второй раз, когда они встретились в лагере Потёмкина под Очаковым, — где под разрывы пушек гремела музыка, устраивались празднества и фейерверки и правила красота мадам Витт, — всё решилось. Решилась судьба вельможного пана, судьба Польши, а мадам прекрасная гречанка заключила ещё одну сделку, став ещё более свободной, богатой и прекрасной. Счёт Потоцкому предъявила Польша — он не мог вернуться в Варшаву, там бы его встретили как вероломного изменника. Второй счёт пришёл от Витта, пришёл и третий… Этих счетов супруга, понявшего свою прямую выгоду, было много. Их оплатила Россия. Граф Потоцкий со своей возлюбленной был обречён испытать горечь презрения и изгнания. От пана отвернулись друзья. В роскошном особняке в Тульчине, затем в Гамбурге они переживали почти что ссылку, почти что заточение. Супруга Потоцкого Юзефина, урождённая Мнишек, обратилась к Екатерине с жалобой на презренную развратницу. Императрица якобы угрожала Софье монастырём, но помнила услуги мадам… От угроз Екатерины Потоцкие благополучно укрылись в роскошном гамбургском дворце. Но и там их настигли новые и новые угрозы, уже реальные.

Пану грозило разорение — имения были оставлены без присмотра. Пан отправился к русскому двору. Велика цена за ясные глаза коханой! Но столь же велико было желание сделать её ясновельможной пани Потоцкой. Но Юзефина не давала развод, и граф Витт был упрям. Пан торговался с графом. Шёл великий торг. И в очередной раз выиграла Софья и любовь! За польские червонцы Потоцкий купил ей свободу! Через два года смерть взяла к себе непреклонную Юзефину и освободила пана. Для его коханой, для нового брака и нового горя.

Они обвенчались. В маленькой бедной церкви, почти без свидетелей и без свадебного пиршества, без гостей и церемоний. Мадам Витт стала Софьей Потоцкой — одной из самых богатых женщин, одной из самых любимых женщин, одной из самых роковых женщин.

Софье Потоцкой её возлюбленный, её пан, её законный супруг, подарил тот знаменитый сад среди камней возле маленькой речки, сделавший её имя легендой. Из Крыма, из Италии, из тёплых стран — дальних земель привозили сюда прямо с заморской землёй дивные растения. Зеркальные озёра, водопады, чистые ручьи несли свою влагу, питая корни бесконечных цветников. В этом сказочном саду Софья Потоцкая могла почувствовать себя повелительницей маленького Версаля,

Китая, Древней Эллады или султаншей, сказочной Шахерезадой. Здесь в свой день рождения, в 1800 году, неувядаемо ослепительная 35-летняя Софья Потоцкая вышла к гостям греческой богиней, Венерой. За 50 стихов гимна, воспевающего красоту пани, Потоцкий заплатил поэту 2000 золотых червонцев, в два раза больше, чем майор Витт французскому послу за крошку-гречаночку.

Граф Потоцкий платил за свою любовь, не считая, неистово и страстно. Он был готов платить и дальше. Но от него потребовалось нечто большее, чем золотые червонцы. Да и чем можно было заплатить за такую любовь, кроме собственной жизни. Граф заплатил и эту цену, последнюю.

Эта «сделка» чуть не стоила Софье всего, чего она достигла. И случилось это, или могло случиться… только потому, что ясновельможная пани полюбила. Впервые в жизни она играла не в открытую, не по правилам… Она забыла обо всём, она ни о чём не думала! Она изменяла своему пану в его доме, с его сыном.

Софье было 35, Юрию Потоцкому — 22. Она ставила на карту всё. Он привык рисковать, он был игрок — в кутежах, скандалах, картах и в любви, за это и был выдворен по указу нового царя Павла. В Уманском дворце, под крылом заботливого и снисходительного отца, Юрий поставил на кон… отцовскую любовь. Победила Софья.

Желала ли она этой победы или была невольна в силе красоты своей, в её власти. Желала ли она того, что случилось… 14 марта 1805 года Софья Потоцкая стала вдовой. Что творилось в этой женской душе, одержимой страстями, но благородной и много страдавшей. О чём ей думалось, видно, нелегки были эти думы.

В Уманском дворце день и ночь стоял угар лихого кутежа. Играли в «фараона», проигрывались имения, драгоценности, надежды, сила, любовь. Страшнее всего, что Софья как-то не по-женски мудро и трезво поняла и призналась себе, что любовь Юрия она вскоре «проиграет». Ей не удержать его, а вместе с ним «фараон» заберёт и её саму, графиню Потоцкую. Проиграв всё, что оставил ей возлюбленный и несчастный супруг — имя, червонцы, землю, она снова станет нищей гречаночкой у ворот того самого турецкого гарема. И Софья — эта не по-женски мудрая головка, эта не по-женски сильная воля, приняла решение. Решение небывалое со времён Прекрасной Елены. Она порвала любовь, как расписку. Она поставила любимому условие: отдам долг, спасу от бесчестия, если уедешь… Юрий растратил наследство братьев. Он должен был уехать, и он уехал. Он умер через год, мучимый своими пороками в Париже. А Софья долгие годы выплачивала

долг. И не только червонцами, разумным управлением заводами и поместьями старого пана… Всё чаще прекрасная пани Потоцкая помогала беднякам и нищим, крепостные считали её уже не колдуньей и лиходейкой, погубившей их пана, а благодетельницей и дарительницей. Чем жила Софья Потоцкая, с какими мыслями принимала сообщения врачей о скорой своей кончине?.. Больше не было в её жизни сделок, никто её не продавал и не покупал. Она покорилась, смирилась, она просто жила. Смерть пришла за ней, за этой бывшей Прекрасной Еленой, Шахерезадой, и в последний путь провожает её сказка: вдоль всей дороги до самой Умани жгли её люди высокие костры, освещая дорогу своей госпоже. Костры пылали страстно, жарко.

Жизнь Софьи Потоцкой, женщины невиданной, почти невозможной красоты, была подобна огню. Она горела, обогревала и обжигала, она манила, завораживала, вдохновляла, покоряла и оставляла пепел от сердец, посмевших прикоснуться к ней своей любовью.

Со знаменитого портрета, написанного итальянским художником Сальватором Тончи, смотрит на нас из дали трёх столетий нежное, почти детское лицо, обрамлённое волшебными непослушными волосами. Глаза полны чистоты и какой-то неуловимой прелести. И улыбка чуть-чуть трогает губы, беспомощно и маняще.

Ава Гарднер (1922–1990)

Американская киноактриса, исполнительница главных ролей в фильмах «Убийцы» (1946), «Пандора» (1951), «Летучий голландец» (1951), «Босоногая графиня» (1954), «Смешанная кровь» (1956), «Ночь Игуаны» (1964) и др. В возрасте 65 лет ушла из кинематографа и жила в Лондоне.

* * *

Судьба Авы Гарднер в Голливуде была особенной. Сказочная красота делала актрису неким эталоном совершенства. Вообразите себе команды художников-гримёров, готовых избавить лицо или фигуру актрисы от всего лишнего, чем её наградила природа. Так вот, в случае с Авой Гарднер все они остались бы безработными.

Конечно, Ава не имела режиссёров-волшебников, поражённых её уникальными данными. И вообще можно сказать, что она не была ни дивой с большой буквы, ни актрисой, наделённой редким обаянием. Да, она играла, и играла неплохо, но всегда при этом чувствовалось, словно она и в самом деле была готова пожертвовать своей жизнью, а не изображала сцену из фильма…

Красота была её силой. Фильм «Убийцы» прославил актрису. Ава в нём играла уже свою двадцать вторую роль, успев стать звездой и первый раз выйти замуж. Это был великолепный чёрно-белый фильм, героиня которого обладала всеми чертами «роковой женщины», тип которой был столь распространённым в то время.

Её в те времена все сравнивали с античными изваяниями и называли самым прекрасным «зверем на свете», в жилах которого, однако, текла холодная кровь.

Родилась она в Брогдене (Северная Каролина), откуда перебралась в Нью-Йорк, чтобы стать служащей, но вместо этого заключила сразу на 5 лет контракт с «Метро-Голдвин-Майер». Это было неизбежно. Всякий, кто её видел на улице, в баре или в универсальном магазине, мог бы смело сказать, что её будущее — в кинематографической Мекке…

Голливуд и в самом деле не упустил возможности сделать из неё легенду. Для этого вскоре представилось два удобных случая. В 1948 году она снялась в фильме «Поцелуй Венеры», где изображала статую богини, ожившую благодаря любви. А в 1951

году участвовала в ленте «Пандора», в которой попытка сделать из Авы легенду была более удачной. Гарднер постепенно становилась дамой-мечтой. Мужчины умирали ради неё, она умирала ради своих избранников, полная огня и темперамента.

Ава сочетается браком с Фрэнком Синатрой, считавшимся в конце сороковых лучшим американским эстрадным певцом. Синатра — невысокий, худощавый, некрасивый — производил впечатление маленького потерянного мальчика, которого хотелось приласкать. Он и раньше весьма успешно использовал этот приём для обольщения, сейчас же ему даже не пришлось притворяться. Ава, у которой была добрая и щедрая душа, сразу же прониклась к нему жалостью, а известно, что от жалости до любви — один шаг…

Хотя Гарднер и выглядела настоящей аристократкой — узкое тонкое лицо, колдовские зелёные глаза, пухлые чувственные губы, роскошные тёмные волосы, прекрасная фигура — она так же, как и Синатра, происходила из бедной семьи.

В её облике было что-то от хемингуэевских героинь: увлекавшаяся, непостоянная, ни к кому не привязывавшаяся душой, она была настолько сексапильна, что не было мужчины, который не мечтал бы лечь с ней в постель.

До знакомства с Синатрой она уже успела дважды побывала замужем: сначала за актёром Микки Руни, а потом за известным кларнетистом, руководителем одного из знаменитых в тот период джаз-банд Арти Шоу. Среди её любовников был и неоднократно предлагавший ей руку и сердце Говард Хьюз — миллиардер, дружба с которым сохранилась у неё всю жизнь. (Он единственный, кто в декабре 1972 года, когда актрисе исполнилось 50 лет, прислал ей роскошный букет роз.)

Настойчивость Фрэнка победила. Позади остались бесконечные газетно-журнальные пересуды, развод Синатры. В 1951 году Синатра и Гарднер поженились.

Этот брак бросил тень на его кинематографическую карьеру, но, кажется, нисколько не повредил Гарднер, которая отныне прочно утвердилась в роли кинозвезды. Она снималась в фильмах «Снега Килиманджаро» и «Могамбо». Действие обеих картин развёртывается в Африке (с Синатрой Ава научилась колесить по всему миру). Актриса вынуждена была тут вступить в соперничество с Джин Харлоу, которая в фильме «Пощёчина» играла точно такую же роль за 20 лет до того тоже с Кларком Гейблом. Теперь Гейбл постарел, стал более покладистым: чтобы справиться с ним, не было необходимости обращаться к бурному темпераменту платиновой блондинки Харлоу. Брюнетка Гарднер тоже нашла подступ к нему, будучи агрессивной и

сентиментальной, какой её и хотел видеть режиссёр Джон Форд. Ава писала в своих мемуарах, что «любая нормальная женщина просто не могла не влюбиться в Кларка». Гейбл был большим мастером улыбаться в усы — в своё время эта улыбка вскружила голову О'Хара.

В 1954 году Манкиевич в «Босоногой графине» дал Аве возможность создать её автопортрет. Этот фильм стал самым популярным у её обожателей. В него она перенесла эпизоды своей собственной жизни: бедное происхождение, мечты женщины и ранимую душу девочки, своё физическое совершенство и свою трогательную детскую ямочку на подбородке.

Первую годовщину свадьбы отпраздновали в Африке, где Ава снималась в «Снегах Килиманджаро». Накануне Рождества самолёт ДС-5 чартерным рейсом доставил на съёмочную площадку индеек, шампанское и Фрэнка Синатру, который наконец составил компанию жене и пел для всех присутствующих на праздновании Нового года.

Представляя на приёме супругов британскому губернатору Уганды, режиссёр фильма Джон Форд бесцеремонно обратился к кинозвезде: «Ава, будь любезна, скажи губернатору, что ты нашла в этом недоростке?» Гарднер за словом в карман не полезла: «Знаешь, для меня главное в мужчине не его рост, а член».

Гор Видал вспоминал анекдот, который рассказывал ему Сэм Цимбалист, продюсер фильма: «Съёмочная площадка была полна рослых ватусси — отважных воинов в набедренных повязках. Мимо как раз проходили Ава и Грейс Келли. Ава вдруг спросила Грейс: „Интересно, а правда, что у них такие большие члены? Ты когда-нибудь видала член у чёрного?“ С этими словами она потянулась и задрала повязку у одного из воинов. Наружу показался огромных размеров орган, а его обладатель расплылся в довольной улыбке. Грейс остолбенела. Ава же опустила набедренную повязку и, обернувшись к подруге, как не в чём ни бывало сказала: „У моего Фрэнка будет побольше“».

«Я была замужем два раза, но никогда так долго», — иронизировала она на устроенной в честь годовщины свадьбы вечеринке. Фрэнк вскоре уехал на съёмки фильма «Отсюда в вечность», где блестяще сыграл Анджело — итальянца, солдата американской армии, забитого насмерть в тюрьме, поразив всех убедительностью, непосредственностью и актёрской интуицией. Теперь перед ним открылась и стезя драматического артиста, ибо созданный им образ был увенчан «Оскаром».

Отношения между Авой и Фрэнком становились всё прохладнее. В 1956 году он приехал на съёмки фильма Стэнли Крамера «Гордость и страсть» в Мадрид, где жила Ава, до сих пор

официально считавшаяся его женой, так как никто из них не побеспокоился о разводе. Но каждый из супругов был уже занят иной личной жизнью. Любовником Гарднер стал тореадор Луис Домингин. Именно он, наконец, представил её Хемингуэю. Теперь они вместе ходили на бой быков, причём отношения актрисы с писателем оставались чисто платоническими.

Гарднер устанавливала свои правила в любви, сама выбирала себе партнёров и в конце концов оказалась в полном одиночестве, потому что любовники остались в прошлом, а детей у неё из-за неудачного аборта не было. Роли стареющих аристократок, которые она играла до 65 лет, тоже приносили мало удовлетворения.

Теруань де Мерикур (1762–1817)

Собственное имя — Анна Тервань. Её называли «Мессалиной французской революции». Была большой поклонницей республиканского строя. Часто выступала на площадях и в клубах перед якобинцами. Представляла собой сентиментально-показную, театральную сторону революции.

* * *

Эту пылкую особу, которая родилась в Люксембурге, в маленькой деревушке Маркур, звали Анн-Жозефа де Теруань.

Прежде чем вступить на политическую стезю Франции, эта будущая амазонка вела бурную и довольно обеспеченную жизнь содержанки.

Всё началось для неё в тот день, когда она стирала бельё в Маасе, распевая народную песенку. Молодой англичанин, милорд Спайнстер, проезжавший по мосту, увидел её, пришёл в восторг и решил немедленно познакомиться. Он сказал, что восхищён её голосом, внимательно разглядывая при этом молодую грудь, выглядывавшую из корсажа.

Девушка обладала покладистым нравом. Узнав, с кем имеет дело, она с радостью последовала за англичанином сначала в Спа, а потом в Лондон, где начала учиться музыке и пению.

В Англии она появлялась со своим любовником в самых сомнительных местах.

Через некоторое время Теруань захотелось побывать во Франции. Спайнстер увёз её в Париж, где любовники продолжали весёлую жизнь. На одной из оргий молодая женщина встретила шевалье Дубле, маркиза де Персан, и стала его любовницей.

Став содержанкой сразу двоих мужчин, Теруань сняла дом, завела многочисленную прислугу, наняла экипажи, купила меха и взяла имя Кампинадос. В 1785 году она завела третьего любовника, тенора Дакомо Давида, и решила ехать вместе с ним на концерты в Италию. Но певец, едва не потерявший голос после бурной ночи любви, поспешно покинул Францию, чтобы вырваться из её жадных объятий.

Разочарованная, Теруань вернулась со Спайнстером в Англию, где возобновились их ночные развлечения. Иногда она изматывала десятерых, самых сильных мужчин за вечер. Этот бурный темперамент правил лондонскими ночами целых два

года.

В 1786 году обожавшая музыку Теруань стала любовницей тенора Тендуччи, по которому сходили с ума все женщины Европы. У этого певца был более сильный голос, чем у Джакомо Давида. Однако он тоже беспокоился о своём верхнем «до», поэтому после каждого «любовного дуэта» вскакивал и делал несколько рулад. Проверив таким образом состояние своих связок, он возвращался к Теруань, которая ждала его с блестящими глазами и влажным ртом.

Проведя вместе немало утомительных ночей, любовники отправились в Италию, где Анн-Жозефа довольно скоро стала любовницей банкира.

Тендуччи, от которого осталась одна тень, был счастлив, что у него появился предлог избавиться от этой «огненной самки». Он сбежал в Геную, где начал быстро набирать вес.

Предоставленная самой себе, Теруань начала переходить из одних рук в другие и однажды вечером, ужасно уставшая, оказалась в объятиях незнакомого обожателя, который «испортил ей кровь»…

В 1789 году, когда объявили о созыве Генеральных штатов, Теруань была в Неаполе. Подумав, что там она сможет испытать такие сильные эмоции, которые «погасят сжигавший её огонь», Теруань продала драгоценности и отправилась в Париж.

11 мая она устроилась на улице Старых Августинцев, решительно настроенная «любить родину так же сильно, как она любила мужчин».

Она сразу же начала посещать сад Пале-Рояля, бывший центром всех бурных событий.

В октябрьские дни она начала посещать клубы, а 10 января 1790 года открыла свой собственный, назвав его «Друзья закона». Там она могла рассуждать на любые темы, входить в транс и, по свидетельству историка, «вкушать удовольствия любви, возбуждая себя несчастьями народа».

Революция доставляла Теруань де Мерикур чувственное наслаждение…

Февральским утром 1790 года Теруань, в красном костюме амазонки, отправилась в Клуб кордельеров и попросила провести её в зал заседаний. Узнав её, часовой тут же открыл дверь.

Её приход был встречен шумными приветствиями, а Камилл Думелен, не утративший витиеватости речи, воскликнул: «Царица Савская навещает районного Соломона!»

Теруань улыбнулась и под вожделенными взглядами членов клуба прошла на трибуну. Она заговорила страстным голосом, очень высокопарно: «Меня привела к вам слава о вашей мудрости,

господа. Докажите же, что вы мудры, как Соломон, что именно вы должны построить храм и торопитесь возвести здание Национального собрания. Именно в этом заключается смысл моих предложений».

Но её радость была недолгой. Уже на следующий день пресса постаралась внушить кордельерам более трезвый взгляд на вещи. «Этот проект смешон, — писали они. — В тот момент, когда королевство впало в полную нищету, нелепо и преступно строить ещё один дворец. Лучше использовать эти деньги для помощи бедным. Мадемуазель де Мерикур просто честолюбивая куртизанка, желающая обратить на себя внимание, а патриоты, проголосовавшие за её проект, к сожалению, поддались её чарам».

Сексуальная привлекательность прекрасной люксембуржки поставила членов клуба в дурацкое положение.

Срочно собравшись, они составили новый документ, очень путаный, который должен был удовлетворить и окружающих, и их самих: «Собрание поддержало выводы председательствующего, предложившего проголосовать за вынесение благодарности этой прекрасной гражданке за её инициативу; поскольку пушки Макона доказали раз и навсегда, что душа и ум женщин совершенно равны мужским, невозможно запретить им пользоваться ими; мадемуазель Теруань и другие представительницы женского пола могут вносить любые предложения на благо Родины; но по вопросам государственной важности у мадемуазель де Мерикур может быть только совещательный голос. Это положение не подлежит дальнейшему обсуждению».

Удивительно, но патриоты-республиканцы ссылались в этом документе на религиозный текст, чтобы доказать, что женщины имеют право делать революцию…

Раздосадованная своей неудачей, Теруань решила доказать насмешникам-патриотам и издевавшимся над нею роялистам, что с ней всё-таки придётся считаться.

И она стала любовницей Дантона, Камилла Демулена, Барнава, Популюса, Мирабо и многих других законодателей.

Это был её собственный способ стать «санкюлоткой»…

В первые годы после революции она была очень популярна в Париже. Но уже в конце 1790 года Теруань де Мерикур, отвергавшая жестокость, стала неугодной. Было решено арестовать её, но, вовремя предупреждённая, она бежала в Голландию, а оттуда в Люттих. Из Люттиха и Кобленца тотчас стали поступать на неё доносы австрийскому правительству от эмигрантов, называвших её «кровожадной гетерой, предводительницей парижских людоедов».

В январе 1791 года её арестовали и, продержав несколько месяцев в тюрьме, выпустили на свободу по личному распоряжению короля Австрии Леопольда. Она поспешила в Париж.

В 1792 году Теруань де Мерикур была так популярна в столице Франции, что ей хотели даже дать право присутствия в законодательном собрании с совещательным голосом, но предложение не прошло.

В 1793 году она уже защищала партию Жиронды. После одной из таких пламенных речей в саду Тюильри её окружили несколько женщин-якобинок и подвергли мучительному наказанию розгами. Теруань де Мерикур сошла с ума, её поместили в сумасшедший дом, где она провела оставшуюся жизнь.

Элоиза (ок. 1100 — ок. 1164)

Знаменитая возлюбленная каноника собора Парижской Богоматери Абеляра. Её учёностью восхищалась вся Франция. От Абеляра у неё родился сын Астролябий.

* * *

Средние века прошли половину отмеренного им пути, когда явилась самая милая и восхитительная любовница из всех других — образованная и остроумная Элоиза.

Элоиза осиротела ещё в детстве. Заботы о ней взял на себя дядя, живший в Париже, каноник Собора Парижской Богоматери по имени Фульбер. Он отдал её учиться в монастырь в Аржантейе, где она изумляла монахинь своими способностями к латинскому и древнееврейскому языкам, а затем перевёз в Париж. Этой маленькой, хорошо сложённой, очаровательной девушке было шестнадцать лет, когда она впервые встретила Пьера Абеляра.

Встреча была неизбежной. Абеляр и дядя Элоизы были канониками Собора Парижской Богоматери. Однако Абеляр в свои тридцать шесть лет был не просто каноником. Этот человек был известен всей стране. Он стоял на позициях разума и просвещения. Его схватка со слепой религиозной верой завершилась поражением мыслителя.

Абеляр родился в 1079 году в Бретани. Старший из четырёх детей мелкопоместного дворянина, он вырос красивым, весёлым, уверенным в себе молодым человеком. Увлечённый теологией и либеральными философскими идеями, Абеляр приехал в Париж, чтобы читать проповеди в соборе Парижской Богоматери. Его слышали и были поражены тысячи людей, предсказывали даже, что блестящий молодой оратор сможет, в конце концов, добиться папской тиары. А потом случилось так, что Абеляр увидел Элоизу и на время забыл о своей духовной карьере.

По его признанию, он сгорал от страсти к ней. Он хотел обладать ею и не сомневался в успехе. «Мне и действительно казалось это очень лёгким делом, — писал он впоследствии. — Столь известным было моё имя и таковы были моя молодость и привлекательность, что независимо от того, какой женщине я пожелал бы отдать предпочтение, я был уверен, что ни одна не отвергнет меня». Абеляр составил план, как соблазнить целомудренную Элоизу. Он знал, что дядя её был человеком

«алчным» и потому предложил Фульберу сдать комнаты в его доме, пообещав помимо небольшой денежной платы обучать нескольким языкам его племянницу. Возможность бесплатного обучения привлекла Фульбера даже больше, чем деньги, и он пригласил своего коллегу переехать к нему. Уроки Элоизы начались незамедлительно, но носили они отнюдь не лингвистический характер. «Нас соединили, — говорил Абеляр, — сначала дом, служивший приютом нашей любви, а затем наши пылающие сердца… Поцелуев было больше, чем осмысленных речей; любовь закрыла нам глаза… Наслаждение учить её любви превосходило тончайшее благоухание всех духов мира».

Обучение продолжалось, и вскоре Элоиза забеременела. Абеляр отослал её к своей сестре в Бретань и открыл правду её разгневанному дяде. Он предложил жениться на Элоизе при условии, что брак будет держаться в тайне, поскольку известие о нём могло повредить его будущему на церковном поприще. Фульбер согласился. Вернувшаяся в Париж с младенцем Астролябием Элоиза согласия на брак не дала. Она хотела быть любовницей, а не женой Абеляра. Она боялась, что в браке их любовь может стать «пресной и банальной»; если же «вкушать её понемногу», она, быть может, и уцелеет. К тому же она полагала, что семья станет отвлекать Абеляра от его дел, а это, в свою очередь, может помешать его карьере. Тем не менее, Фульбер настоял на своём. Состоялось тайное венчание, после чего супруги вынуждены были жить врозь.

Однако им не удалось утаить от людей, что у Элоизы есть ребёнок, и, чтобы защитить её доброе имя, Фульбер поведал о состоявшемся браке. Тут же, положив руку на Библию, Элоиза поклялась, что это не так. Она уверяла общество, что была любовницей, а не женой Абеляра. Разъярённый Фульбер избил её. Не менее разъярённый Абеляр похитил возлюбленную и тайно увёз её в монастырь Аржантейя, приказав, чтобы она облачилась в монашескую рясу и оставалась там, пока он не позовёт её.

А затем произошло трагическое недоразумение. Фульбер предположил, что Абеляру наскучила Элоиза, и он отправил её в монастырь, чтобы беспрепятственно развратничать с другими женщинами. Он думал также, что Абеляр сделал жену монахиней, чтобы вновь получить право стать священнослужителем. Фульбер принял решение отомстить. Он нанял четырёх пользующихся дурной славой парижских бродяг и подкупил слугу Абеляра с тем, чтобы тот впустил их ночью в спальню хозяина. Там трое из них привязали Абеляра к кровати, в то время как четвёртый держал наготове бритву. «Они отсекли те части моего тела, — писал

Абеляр, — посредством которых я совершил дело, ставшее причиной их огорчения». Весть об оскоплении облетела Париж, и история отмечает, что городские женщины рыдали. Трое из нападавших были схвачены. Двое, рассказывал Абеляр, «претерпели утрату глаз и половых органов», третий был отправлен в тюрьму, а Фульбер, по приговору церковного суда, лишился своего имущества.

Несмотря на мольбы Элоизы, Абеляр чувствовал, что пришёл конец и его карьере духовного лица, и его браку. Он велел Элоизе уйти в монастырь и постричься в монахини. Она повиновалась. Сам он принял монашеский постриг в Сен-Дени. Впоследствии он написал беспристрастную автобиографию. Легенда гласит, что, когда Элоиза прочла его книгу, она написала ему, и они начали переписку, которой предстояло стать частью литературного наследия Западного мира.

Постепенно отношения углублялись и всё отчётливее звучал у Абеляра эгоистический мотив. А что Элоиза? Послушная в науке ученица, в любви она оставила учителя далеко позади. Она была свободна и хотела принадлежать ему. Узы любви были для неё священнее таинства брака. «Я любила тебя не знающей меры любовью», — писала она.

В рыцарской поэзии этого времени, возрождавшей Эрос, царил культ служения прекрасной даме. У Элоизы эта чувственно-идеальная любовь приобретала новые черты: она боготворила мужчину. Никаких религиозных мотивов, ни тени женской гордости — страсть, желание быть с любимым преобладали. Но страсть не совпадала со сладострастием: «Пока я наслаждалась с тобой плотской страстью, многим было неясно, почему я так поступаю: по любви ли к тебе или ради чувственности. Ныне же конец являет, что побуждало меня в начале. Ведь я отреклась совершенно от всех удовольствий, лишь бы повиноваться твоей воле».

Любовь не чахла в монастырских стенах, не перерастала в тихо тлеющую дружбу, привязанность. Она сохраняла силу чувства, свой демонический характер. Женщина, оказавшаяся в монастыре без внутреннего призвания, без связи с Богом, была полна прежних желаний. «Даже во время торжественного богослужения, когда молитва должна быть особенно чистою, грешные видения этих наслаждений до такой степени овладевают моей несчастной душой, что я более предаюсь этим гнусностям, чем молитве. И вместо того, чтобы сокрушаться о содеянном, я чаще вздыхаю о несовершившемся». Отнятый у неё муж, писала она, счастливее: «Преступлением отнят у него самый стимул к греху».

Абеляр в первые монастырские годы помогал бывшей жене материально, передавал ей деньги, полученные от учеников. Но письма его были лишены сердечности, более чем сдержанны, что заставляло её страдать. Он писал о своей любви, как о грехе, падении, уступке чувственности. Любовные наслаждения, которым они предавались в монастырской трапезной, он называет величайшим кощунством…

В последние годы жизни Абеляр был обвинён в ереси за его смелые труды. Чтобы оправдаться перед папой, он отправился в Рим. В аббатстве Сен-Марсель, вблизи городка Шалон-сюр-Сон, он заболел и на шестьдесят третьем году жизни скончался. Элоиза похоронила его тело в парке аббатства Паркле, где она была аббатисой и могла навещать его и присматривать за могилой.

Она пережила его, умерла не ранее 1164 года. О смерти Элоизы старая латинская хроника рассказывает так: «Когда умерла она и была принесена к гробнице, её супруг, который скончался за много дней до неё, поднявши руки, принял её и заключил в свои объятия».

«Один лишь только Бог отнимет у тебя Элоизу, — заверяла она его. — Да, милый Абеляр! Он дарует моей душе то спокойствие, которое мимолётным напоминанием о нашем несчастье не позволяет мне предаваться наслаждениям. Великий Боже! Какой другой соперник мог бы отнять меня у тебя? Можешь ли ты представить себе, чтобы какому-нибудь смертному оказалось по силам вычеркнуть тебя из моего сердца? Можешь ли ты представить меня повинной в том, что я жертвую благородным и учёным Абеляром ради кого бы то ни было, кроме Бога?»

Семь столетий спустя они были перезахоронены в Париже на кладбище Пер-Лашез, где и по сей день покоятся рядом друг с другом, укрытые могильной плитой с резным орнаментом.

Уоллис Уорфилд Симпсон (1895–1986)

Любовница, а потом жена Эдуарда VIII. Ради брака с ней он отрёкся от британского престола.

* * *

12 декабря 1936 года в час сорок пополудни от Портсмутского причала отошла адмиралтейская яхта «Волшебница» в сопровождении двух миноносцев. С воинскими почестями провожала Англия Эдуарда VIII, бывшего ещё недавно королём Британской империи. Стоя на палубе, он с грустью следил, как исчезает в дымке берег его страны, в которой он царствовал только 325 дней.

Два дня назад Эдуард подписал своё отречение от престола и теперь направлялся во Францию, где его ждала американская подданная Уоллис Уорфилд Симпсон. Ради возможности жениться на ней король Эдуард VIII отказался от короны, пойдя против желания своей семьи, английского правительства и народа.

Бесси Уоллис Уорфилд родилась 19 июня 1895 года в Пенсильвании, за 17 месяцев до официального бракосочетания своих родителей. Её близкие, воспитанные в патриархальных традициях, считали незаконное рождение ребёнка большим грехом, и, чтобы избежать скандала, мать с девочкой уехала к дальним родственникам в Балтимор.

Годом раньше, 23 июня 1894 года, по другую сторону Атлантики в семье герцога Йоркского (ставшего впоследствии королём Георгом V) произошло торжественное событие — рождение сына Эдуарда. Когда девять лет спустя Георг V взошёл на престол, его сына возвели в звание принца Уэльского.

7 апреля 1920 года в отеле «Дель Коронадо» в Сан-Диего (Калифорния) состоялся бал, на котором почётным гостем был принц Уэльский, молодой наследник британского трона. Любопытно, что на этом балу присутствовала и Уоллис Уорфилд Спенсер, 24-летняя жена лейтенанта военно-морских сил США. Она стояла в толпе дам, в приветственном реверансе склонившихся перед принцем. С восторгом смотрела она на его золотистые волосы и стройную фигуру, в белом костюме. Но видение быстро исчезло: принц со свитой вскоре покинул зал.

Перед Уоллис промелькнула та жизнь, к которой она подсознательно стремилась всё время, мир её грёз.

Уоллис и Эдуард разными путями шли к той жизненной точке, которая должна была их соединить. Ко времени их знакомства Уоллис успела развестись со своим мужем и выйти замуж за богатого и добродушного американца Эрнеста Симпсона, деловые интересы которого заставляли его подолгу жить в Лондоне.

Пережила она и череду волнующих любовных приключений, чрезвычайно шокируя некоторыми вашингтонское общество.

Принц Уэльский также любил развлечения, празднества, весёлые компании, одна любовница сменяла другую. Он восставал против пуританской чопорности английской морали и строгих обычаев придворного этикета. Среди многочисленных увлечений принца были и знаменитая негритянская певица Флоренс Милз, и необыкновенно привлекательная леди Тельма Фернис.

Кстати, и встретились они впервые в резиденции лорда и леди Фернис. Тельма представила Эдуарду свою новую подругу — Уоллис Симпсон. Ища тему для светской беседы, принц Уэльский спросил её, не ощущает ли она потребности в центральном отоплении, обычном для Америки. «Ведь зимы у нас холодные». «Извините, ваше высочество, но вы меня разочаровали, — бесцеремонно ответила Уоллис. — Этот вопрос задают каждой женщине, приехавшей из Америки в Англию. Я надеялась услышать нечто более оригинальное от принца Уэльского». Эдуард отошёл к другим гостям, но миссис Симпсон не шла у него из головы, он заинтересовался ею: такая дерзкая бесцеремонность резко контрастировала с почтением, какое оказывали ему все остальные. Принц счёл миссис Симпсон забавным дополнением к своей весёлой компании, и её с мужем стали приглашать в резиденцию Эдуарда.

Уоллис Симпсон нельзя было назвать красавицей. Плоская угловатая фигура оскорбляла вкус главного фотографа высшего света Сесила Битона. «К тому же, — говорил он, — её голос гнусав. Она дерзка и шумна, взрывы её смеха похожи на крики попугая».

Но принц всё больше увлекался Уоллис, хотя Тельма по-прежнему оставалась его любовницей. Ситуация изменилась, когда в начале 1934 года Тельма уехала в Америку, поручив Уоллис присматривать за «малышом» — так она называла принца, что, по замечаниям их друзей, относилось к его сексуальным возможностям. Когда Тельма вернулась из восхитительного морского турне, Эдуард оказал ей очень

холодный приём.

Во время следующего совместного уик-энда Тельма Фернис поняла всё. Она была ошарашена, заметив, как Уоллис стукнула по руке принца, ухватившего пальцами пучок салата. Это было пренебрежение всеми правилами приличия в высшем свете. «Уоллис прямо посмотрела на меня, — вспоминала позже Тельма, — и тогда я поняла, что в моё отсутствие она очень добросовестно опекала его». На следующее утро Тельма уехала, и с тех пор они с принцем не встречались.

Теперь высшее аристократическое общество Англии признало Уоллис официальной любовницей Эдуарда. Все считали, что она станет лишь очередным звеном в цепи любовных утех принца. Но время шло, а Уоллис не надоедала Эдуарду, она заметно изменилась. Фотограф Битон, считавший её ранее грубой, теперь признавал, что она чиста и свежа. «Её кожа была мягкая и нежная и светилась, как внутренняя поверхность раковины».

Чем сумела увлечь принца Эдуарда эта женщина, наверное, так и останется загадкой. На вид ей было за сорок, да и характером отличалась нелёгким. Говорили, правда, что она прекрасный рассказчик и великолепная хозяйка. Но достаточно ли этого, чтобы женить на себе короля и заставить его отречься от короны?

Предполагали, что какую-то роль здесь мог сыграть секс. Было известно, что в Китае Уоллис обучалась любовному искусству у Фэнг Чанг: «Как добиваться полного расслабления своего сексуального партнёра при помощи специального массажа его половых органов»…

Но, очевидно, и сексуальная сторона не объясняет загадки: долгое время у них вовсе не было никаких интимных контактов, и Уоллис относилась к Эдуарду, как заботливая няня к ребёнку. Она его направляла, а он ей с радостью подчинялся.

У короля, которого любили и почитали миллионы людей, не было ни одного близкого человека. Даже его любовницы держались в стороне, благоговея перед его титулом. Исключением стала Уоллис Симпсон. Она мастерски применяла искусство лести. Знала, как сделать его в собственных глазах более значимым. Постоянно внушала ему мысль, что он исключительная личность. Может, за это он и любил её?

20 января 1936 года, в полночь, умер король Георг V. На королевский престол поднялся король Эдуард VIII. Он должен был теперь проститься с беззаботностью прежних дней и принять на себя груз государственных обязанностей. Поначалу он серьёзно относился к делам, вникал во всё, но потом они ему наскучили.

Между тем возраставшее влияние Уоллис на короля всерьёз встревожило королевскую семью и двор. Каждое его решение, большое или малое, согласовывалось, прежде всего, с ней… Это было какое-то наваждение!

В мае 1936 года король приглашает на официальный обед премьер-министра Англии Стенли Болдуина. «Надо, чтобы мой премьер-министр познакомился с моей женой», — сказал Эдуард VIII, обращаясь к Уоллис. «Я впервые слышу, что ты хочешь на мне жениться».

Дело о разводе состоялось в октябре.

16 ноября Болдуин предпринимает решительную попытку образумить Эдуарда VIII. Одно дело — фаворитка, и другое — королева, жена короля. Премьер-министр напоминает, что положение короля отличается от положения любого другого жителя империи.

Ответ Эдуарда VIII подобен эффекту разорвавшейся бомбы: «Если я могу жениться на ней, оставаясь королём, что ж, прекрасно. Но если правительство будет возражать против женитьбы… я готов уйти».

На другой день король поставил в известность свою мать и братьев. Чуть позже Эдуард предложил компромисс — морганатический брак, лишающий жену короля титула королевы. Но ответ Болдуина категоричен: «Морганатический брак потребует выработки специального билля, который необходимо будет провести через парламент, а парламент его никогда не пропустит».

Пресса, которая по просьбе правительства, едва сдерживала обет молчания, наконец, взорвалась. Заголовки пестрели предупреждениями, статьи в подробностях описывали отношения короля и его фаворитки. Просматривая газеты, Эдуард VIII печально сказал: «Они не хотят её».

Жители Лондона пикетировали дом премьер-министра на Даунинг-стрит. «Спасите нашего короля Эдуарда VIII!», «Долой проститутку!», «Уолли, верни нам нашего короля!» — было написано на плакатах.

6 декабря все воскресные газеты выразили единодушное мнение английского народа: король должен остаться на троне. 7 декабря «Дейли миррор» рассказала о волнениях и пикетах, прокатившихся по стране: «Народ хочет, чтобы король остался!» Газеты обратились с призывом к Британскому кабинету: «Король желает жениться на Уоллис Симпсон, а мы желаем, чтобы он остался на троне. Наше правительство должно найти выход из этой скандальной ситуации».

Но процесс принял необратимый характер. Уоллис Симпсон,

не выдержав всеобщего возмущения, уехала из страны. Король был в отчаянии. Его друг Уинстон Черчилль озабоченно констатировал: «Его величество находится на грани нервного срыва… любовь короля к миссис Симпсон являет собой одно из самых сильных проявлений любви в истории человечества. Без сомнения, он не может жить без неё». Вся королевская семья была потрясена происходящим. Трое братьев Эдуарда VIII 9 декабря в молчании стояли на церемонии в Бельведерском замке, когда король Эдуард VIII подписал свой последний королевский документ — отречение от британского престола.

На другой день этот документ был ратифицирован в парламенте, и «Его королевское высочество принц Эдуард», как объявили по радио бывшего короля, в последний раз обратился к английскому народу с трогательной речью, написанной им самим. «Вы должны понять меня, — говорилось в ней, — когда я говорю вам, что для меня оказалось невозможным нести тяжёлое бремя ответственности и исполнять обязанности короля настолько хорошо, насколько я бы этого хотел, без помощи и поддержки женщины, которую я люблю».

Уоллис слушала эту речь на своей вилле в Каннах. Она лежала на диване и, закрыв лицо руками, плакала.

В мае 1937 года Уоллис и Эдуард поженились. Никто из членов королевской семьи не присутствовал на их свадьбе, уклонились от этого и многие их старые друзья. Герцога и герцогиню Уиндзорских — такой титул был им дан по решению нового английского короля Георга VI — за несколько часов до брачной церемонии ждал ещё один удар. Пришло послание от Георга VI, гласившее, что, хотя герцог и сохраняет за собой статус члена королевской семьи, его жена лишается этого права: никто не будет обращаться к ней со словами «Ваше королевское высочество». Герцог негодовал: «Ведь они мне обещали!». То был беспрецедентный случай — лишение статуса члена королевской семьи, жены королевского герцога.

В дальнейшем герцог и герцогиня много путешествовали, жили во Франции, Германии, Америке…

…Прошло время. Умер король Георг VI, на престол взошла королева Елизавета.

Весной 1972 года, когда стало известно, что герцог тяжело болен, королева во время своей поездки во Францию посетила его дом. Говорили, что, следуя протоколу, смертельно больной герцог встал с постели — встретить королеву подобающим образом. В герцогском доме произошло примирение Эдуарда с королевской семьёй. Через 11 дней его не стало: он умер за месяц до своего 78-летия.

Почётный военный караул встретил в Оксфордшире военный самолёт, доставивший тело герцога Уиндзорского. Его отвезли с торжественными почестями в Уиндзорский дворец. Целый день нескончаемым потоком шли люди, которые хотели с ним проститься. Похороны состоялись 5 июня, во время службы королева-мать нежно взяла Уоллис под руку, давая понять тем самым, что больше не испытывает к ней недобрых чувств.

А 24 апреля 1986 года в возрасте 90 лет умерла герцогиня Уиндзорская. По желанию герцога она была доставлена в Англию, где и похоронена в могиле рядом со своим мужем. Вместе с ними умерла и тайна их загадочной любви…

Диана д'Андуэн, графиня де Грамон (1554–1620)

Возлюбленная Генриха IV. Единственная дочь виконта Лувиньи. За красоту её прозвали Прекрасной Коризандой. В войне против Лиги предоставила в распоряжение Генриха всё своё громадное состояние. Король хотел даже развестись с женой, чтобы жениться на Диане, но его отговорили от этого шага.

* * *

В легионе фавориток Генриха IV особое место занимает Прекрасная Коризанда, графиня де Грамон, которую один из её современников осыпал такими восторженными похвалами, каких не расточал блаженной памяти Боссюэт в своих панегириках над гробами королев и принцесс. Она, по словам панегириста, заслуживает не только внимания, но и похвал истории: кроме красоты и ума, она была мужественна и бескорыстна.

Так какие же достоинства имела Прекрасная Коризанда, в девицах Диана д'Андуэн, виконтесса де Лувиньи?

В тринадцать лет она вышла замуж за Филиберта Грамона де Гиша, сенешаля беарнского. Король Наваррский Генрих IV познакомился с супругами в первый год своего пребывания в Гюйэнне в 1576 году, посетив графа, верного и преданного слугу покойной Жанны д'Альбре. Генрих влюбился в Диану с первого взгляда, но, как говорят записки современников, она была верной женой и ответила взаимностью королю только после смерти мужа в 1580 году. Впрочем, на сей счёт существовало и другое мнение. Ещё до вдовства Диана, пустив в ход свои чары, ловко окрутила короля Наваррского, при этом он дал возлюбленной письменное обязательство, подписанное кровью, жениться на ней и предлагал признать её сына от герцога Грамона — Антония. Придёт время, и Генрих будет оплакивать своего собственного сына, рождённого Дианой и умершего в раннем детстве. Один из современников в своих записках замечал, что фаворитка имела над королём неограниченную власть и в праздничные дни «ходила в церковь со своим сыном от Генриха в сопровождении пажа, пуделя и шута…» Диана в отсутствие королевы разыгрывала роль почтенной матери семейства, и Генрих был весьма эффектен в роли отца, хотя и побочного, но любимого не менее законного.

Генриха с Дианой сблизила, как это не покажется странным, кровавая вражда между католиками и гугенотами, названная историками войной трёх Генрихов. Это столкновение было следствием интриг Маргариты Валуа, мстившей Генриху III за нанесённую ей обиду.

Прекрасная Коризанда помогала своему возлюбленному словом и делом, советом и деньгами, закладывала для покупки лошадей и формирования войск свои драгоценности и владения. В свою очередь Генрих Наваррский решил вознаградить фаворитку, сочетаясь с ней законным браком, разумеется, после развода с Маргаритой Валуа.

В марте 1586 года, отразив нападение маршала Матиньона от стен Кастеля, Генрих захватил у него несколько знамён и привёз эти трофеи Диане, чтобы в её объятиях отдохнуть на лаврах. После кровопролитной битвы при Кутрасе 20 октября 1586 года король Наваррский, вместо того, чтобы развить успех, снова поспешил с захваченными знамёнами к Прекрасной Коризанде, дабы насладиться её ласками. Для Генриха любовные интриги стали делом жизни, а война — развлечением.

Примерно через два года после смерти Франциска, герцога Алансонского (10 июня 1584 года), Генрих, ставший наследником французского престола, твёрдо решил жениться на Коризанде, оправдываясь тем, что ему известны имена по меньшей мере тридцати государей, женившихся на женщинах ниже их по происхождению. Однако д'Обинье возразил королю и перечислил причины, по которым этот брак лучше было отложить: Генрих Бурбон, король Наварры, наследник короны французской и покровитель церквей должен заботиться о чести своей фамилии, соблюдать интересы короны, быть примером строгого соблюдения закона и уставов церкви и, наконец, смерть герцога Алансонского приблизила его к трону французскому, поэтому вряд ли стоит останавливаться на половине пути. Д'Обинье поддержал Тюренн, пытавшийся отвлечь короля от женитьбы военными проблемами. Генрих в конце концов решил отложить женитьбу на Диане де Грамон на два года.

Письма короля к Прекрасной Коризанде свидетельствуют о том, что у него не было от фаворитки никаких секретов. Он сообщал ей о воинских подвигах и политических замыслах, опасениях и надеждах, о настоящем и будущем… В этих письмах лавры и тернии переплетены с благоухающими розами любовной поэзии, которые тем удивительнее встретить в Генрихе, что отношение его к Коризанде было грубо чувственным… В письмах своих Генрих, будто влюблённый юноша, пытался умилить свою возлюбленную тирадами о смерти, ему угрожавшей, о своих

душевных и телесных страданиях, пытаясь вызвать у Коризанды горячее сочувствие. Ну и, разумеется, мужчина, стремясь угодить любовнице, ругал свою законную жену. Генрих в письмах к Диане де Грамон называл Маргариту пьяницей, выражал желание свернуть ей шею, молил Бога о скорейшей её смерти: «Жду не дождусь часа, когда удавят эту наваррскую королеву. Если бы протянула ноги она, как и её маменька, я бы воспел благодарственную молитву» (17 января 1589 года).

Король также уверял фаворитку: «Верность моя безукоризненна… Не сомневайтесь в моей верности — она, если только это возможно, усиливается… Люблю Вас и до гроба буду вам верен… Не сомневайтесь в верном вашем рабе — он никогда не изменит…» Впрочем, эти клятвы не мешали ему наслаждаться ласками других женщин. Начало охлаждения короля Наваррского к Прекрасной Коризанде совпало со временем его восшествия на французский престол в 1589 году. Коризанда была обожаема Генрихом-наследником престола, но была брошена Генрихом-королём.

Охлаждение к ней Генриха началось после смерти их сына. Угасли в сердце короля родительские чувства. В своих письмах он без церемоний осуждает намерение сестры вступить в морганатический брак. Намёк довольно грубый, разбивший мечты Коризанды о браке с Генрихом IV. Король просил любовницу помочь избавить сестру Катерину от любви к графу Суасонскому и устроить её брак с королём Шотландским. Но графиня де Грамон помогла влюблённым. Катерина дала письменное обещание выйти за графа Суасонского и вышла бы за него, если бы министр Пальма Кайе не расстроил этой интриги. Точно таким же документом связанный с Коризандой, Генрих IV просил своего верного Сюлли добыть у фаворитки позорный документ, — нет, не подписку, данную Коризанде, а письменное обязательство сестры, данное графу Суасонскому. Сообразительный Сюлли добыл оба документа, чем спас короля от больших неприятностей. Освобождённый «раб» вздохнул свободнее и счёл себя вправе в марте 1591 года оборвать переписку с Прекрасной Коризандой выговором за умыслы поссорить его с сестрой: «Не ожидал я этого от вас, а потому и вынужден сказать Вам, что я никогда не прощу тем, которые вздумают ссорить меня с моей сестрой».

Фаворитка умерла в 1620 году, покинутая всеми.

Вильгельмина Энке, графиня фон Лихтенау (1752–1820)

Фаворитка прусского короля Фридриха-Вильгельма II. Жена камердинера Рица, пожалованного в камергеры, а с 1796 г. — в графы. Король подарил ей 500 000 талеров и несколько имений. Преемник Фридриха-Вильгельма II велел её арестовать и предать суду, однако её не удалось признать виновной. Тем не менее ей дали свободу лишь в обмен на всё её состояние.

* * *

Вильгельмина Энке родилась 29 декабря 1752 года в семье трубача, который позже получил место валторниста в королевской капелле. Уже в юности она очаровала любвеобильного принца и стала его счастьем и судьбой! Фридрих-Вильгельм выглядел иногда как будто зачарованным. Он не обращал никакого внимания на домашние конфликты и оставался глухим к призывам короля. Только одна пламенная страсть владела им: увидеться с Вильгельминой. Впервые он должен был последовать зову сердца!

В первом браке он был женат на своей двоюродной сестре Элизабетте-Кристине Брауншвейгской. 21 апреля 1769 года последовал развод. Элизабетта-Кристина была сослана в Штеттин. Вскоре после этого наследник сочетался браком с Фредерикой-Луизой Гессен-Дармштадтской, но и тут его ждала неудача…

И как раз в этот трудный период жизни настроение его подняла Вильгельмина Энке, живое и естественное дитя природы.

Ещё почти ребёнком, но уже обладая чарами, свойственными всему женскому полу, встретила она случайно принца на просёлочной дороге. А в доме её старшей сестры, красавицы, окружённой толпой кавалеров, принц познакомился с малышкой. Несмотря на беспутное окружение, она не встала на стезю порока. Она ещё не была в состоянии оценить подарок судьбы, которая уготовила ей сближение с будущим повелителем. Да кто вообще мог бы подумать, что крошка Вильгельмина, дочь трубача, впервые в истории берлинского двора будет играть роль прусской Помпадур, наиболее почитаемой и наиболее проклинаемой фаворитки короля?!

И увлечение постепенно переросло в пылкую любовь. Вильгельмина была ещё очень молода. Ей едва минуло четырнадцать лет. И Фридрих-Вильгельм стал наставником любимой девушки. В течение трёхлетнего курса он, например, изложил ей все важнейшие события всемирной истории. Вильгельмина оказалась прилежной ученицей. Она отличалась живым умом. И если встречались трудности, энтузиазм её не ослабевал. Она училась с удовольствием. Наряду с этим она изучала географию и литературу. А мадам Жирар занималась с ней разговорным французским.

Обычные уроки постепенно превратились в «уроки любви». Здесь принц также выступал в роли наставника. Однако очень скоро ученица превзошла учителя, и инициатива перешла к ней. Уже расцветшая как женщина, Вильгельмина, сознавая всю силу своей прелести, была энергичной умной и терпеливой. Её женский инстинкт был разбужен. Она любила мужчину, который сделал из неё личность.

Очень часто она делилась с ним даже тем немногим, чем располагала. Ведь принц часто бывал в стеснённых обстоятельствах. А денег ему надо было очень много. Его прежние пассии выкачали их из него. Поэтому Вильгельмина вела очень скромный образ жизни и не высказывала никаких желаний. «Нужда была частым гостем у нас, — вспоминала она. — Если бы принц попал в беду, я отдала бы всё, что у меня есть. Ведь мы любили друг друга. И это не было жертвой!»

Через некоторое время принц отправил свою возлюбленную в сопровождении её старшей сестры, уже ставшей графиней Матушка, в Париж, в престижную школу «благородных манер». Здесь Вильгельмина стала брать уроки танцев у прославленного балетмейстера Вестриса, гордости парижского балетного искусства. Под руководством своей многоопытной и беспутной сестры погрузилась она в бурную жизнь «столицы мира». Она также прошла специальный курс «Любовница комильфо». Из этой учебно-увеселительной поездки Вильгельмина вернулась дамой значительно более опытной…

Полученное ею «образование» не стало препятствием для обоих влюблённых. Наоборот, их влечение только возросло, и отношения приобрели более интимный характер. Наследник пользовался каждой свободной минутой, чтобы быть с Вильгельминой. Праздничные балы и тайные любовные развлечения были одинаково популярны в Шарлоттенбурге…

Вильгельмина держалась с удивительным хладнокровием в самых щекотливых ситуациях. Её не могли обескуражить неожиданные перипетии или злобные сплетни придворного

общества. Принц видел, как неузнаваемо изменилась эта простая девушка из народа. Любое сравнение с другими женщинами её круга было только в её пользу. Она была жрицей его любви, она по-прежнему притягивала его. Пылкая любовь прошла довольно быстро, но принц был готов поклясться ей в верности, на что Вильгельмина отвечала взаимностью.

И 27 января 1770 года они скрепили своей кровью клятву нерушимой взаимной верности.

Фридрих-Вильгельм отправил фаворитку в путешествие вместе со своим доверенным камердинером Ритцем. Это не понравилось Вильгельмине, однако она не хотела сердить короля. Мадемуазель Энке стала мадам Ритц. Формальности были соблюдены. Всё остальное осталось по-прежнему, как и отношения с наследником престола.

В 1770 году Вильгельмина родила мальчика, которого Фридрих-Вильгельм страстно полюбил и которому тотчас присвоил гордый титул графа фон дер Марка. Дитя любви! А их привязанность друг к другу стала ещё сильнее. Но в глазах общества этот союз сердец выглядел совершенно аморальным.

Всего Вильгельмина родила пятерых детей, из которых Фридрих-Вильгельм официально признал двоих — сына и дочь. Однако графа фон дер Марка унесла ранняя смерть. Ещё и сегодня памятник работы Шедова в церкви Св. Доротеи в Шарлоттенбурге напоминает о скорби безутешного отца, который так и не смог оправиться от этой потери.

Дворцовые интриги привели к тому, что принц в начале 1783 года временно расстался со своей сердечной привязанностью. Но окончательно он так и не смог расстаться с женщиной, которая осчастливила его своим безмятежным характером, своей прелестью, своим живым умом, а особенно своим оптимизмом, что часто имеет для влюблённого решающее значение…

Многочисленные враги фаворитки в придворных кругах решили навязать слабовольному монарху любовницу по своему выбору.

Ещё когда Фридрих был кронпринцем, он проявлял склонность к одной придворной даме королевы. Целых три года преследовал он своими ухаживаниями Юлию фон Фосс, так и не достигнув желанной цели. И придворные круги втайне надеялись, что, благодаря связи короля с благородной дамой, им удастся нейтрализовать влияние дочери трубача.

При дворе моментально разразилась скрытая война между партиями Ритц и Фосс. И на этот раз Вильгельмина не стала спорить. Она решила: пусть события развиваются своим путём. В разговоре с Фридрихом-Вильгельмом она всего лишь обратила

его внимание на их клятву верности, заканчивавшуюся словами «никогда с ней не разлучаться!» И благодаря этой тактике победила!

Удачно задуманный сердечный союз с Юлией фон Фосс достаточно быстро потерял свой блеск. 2 января 1789 года она родила мальчика. А через три месяца умерла от чахотки. Придворная партия, сделавшая ставку на союз короля с графиней Ингенхайм, была жестоко обманута в своих ожиданиях. Ярость её обратилась в подозрения, что это дело рук Вильгельмины. Её стали обвинять, что это она устранила соперницу с помощью яда, и эта версия распространилась в народе. Однако когда никаких следов отравления на теле не обнаружили, отравление моментально превратилось в воздействие магических сил. Но и тут бездоказательные обвинения против Вильгельмины не привели к желаемой цели. Фридрих-Вильгельм на этот раз не поддался и после такого удара судьбы вернулся к своей прежней верной фаворитке.

Не прошло и года, как король угодил в другую любовную западню. На этот раз его околдовала своими чарами графиня Денхофф.

На какое-то время Денхофф удалось подчинить неуверенного в себе короля. Однако вскоре и этот роман кончился неудачей. Придворная партия переоценила влияние новой фаворитки. И Денхофф впала в немилость.

А Вильгельмина после всех этих тяжёлых испытаний только укрепила своё влияние. Придворная партия постепенно сдавала позиции в борьбе с ничем ей не уступавшей фавориткой. Она с честью выходила из трудных ситуаций. С этим пришлось смириться, и победительницу окружили всеобщей лестью. Скоро она стала самой почитаемой дамой при дворе Фридриха-Вильгельма II. И король снова стал испытывать к ней прежние чувства. Правда, на смену прежней любви пришла искренняя дружеская привязанность. Вильгельмина делала всё от неё зависящее, чтобы быть достойной этой дружбы…

Когда она заболела, придворный врач, тайный советник Браун, посоветовал пройти курс лечения водами на курорте в Пизе, а затем продолжить лечение в Неаполе. Король моментально выделил средства для этого путешествия. Вильгельмине были выданы чеки на предъявителя в самые престижные банкирские дома в Милане, Ливорно, Флоренции и Риме. В сопровождении господина Филистри, госпожи де Шаппюи, секретаря и многочисленной челяди отправилась она в Италию, где повсюду была окружена княжеской роскошью. И во время этой неоднократно критикуемой её прусскими

противниками поездки Вильгельмину повсюду ждал триумф. Толпа известнейших художников, поэтов и учёных окружала с утра до вечера фаворитку короля. Её находили очень остроумной и ещё более красивой. А ведь в это время ей было уже 44 года…

Большие и малые итальянские дворы соперничали друг с другом, стараясь как можно великолепнее обставить приём прославленной куртизанки прусского короля. У неё была в самом деле всемирная известность. И только неаполитанский двор захлопнул пред ней двери. Высокомерная королева Каролина, дочь Марии-Терезии, не хотела иметь ничего общего с низкородной блудницей! Однако близкие ко двору круги приняли Вильгельмину с распростёртыми объятиями. Прямо здесь, в Неаполе, высокопоставленные персоны стали одолевать её предложениями руки и сердца, а также задарили подарками. И леди Эмма Гамильтон, супруга английского посла и подруга неаполитанской королевы, осчастливила Вильгельмину своими посещениями и любезными приглашениями.

После приёма, оказанного ей неаполитанской королевой, Вильгельмина чувствовала себя униженной. Она горько жаловалась самому королю. Только теперь она попросила пожаловать ей дворянство, чтобы исключить в будущем подобные унижения. Фридрих-Вильгельм тотчас исполнил её желание. Вильгельмина получила титул графини фон Лихтенау, а также право включить в свой герб прусского орла и королевскую корону.

После возвращения из Италии Вильгельмина находилась на вершине могущества. Все её прежние враги примирились с ней, хотя зачастую это было всего лишь притворством. Теперь им приходилось считаться с ней. Король доверял ей, как ни одной из её бывших соперниц.

Одновременно с титулом графиня получила в своё распоряжение поместья Лихтенау, Брайтенвердер и Росвизе. Она стала таким образом крупной землевладелицей. Это привело к появлению целого роя весьма серьёзных претендентов на её руку из представителей знати. Так, например, ей сделал предложение лорд Темпелтаун, двоюродный брат знаменитого английского министра Питта. Дело дошло даже до обручения. Когда король узнал о возможном союзе, он стал энергично противиться этому. Несомненно, в первую очередь мужчин очаровывал тонкий шарм интересной женщины. Однако Вильгельмина была другого мнения. «Все думают, что я владею миллионами, — писала она, — и с тех пор, как я стала графиней, я просто не в состоянии увернуться от брачных поползновений знатных господ».

В это же время лорд Бристоль сделал попытку убедить короля

вверить судьбу графини Лихтенау в его руки, чтобы она в будущем ни в чём не испытывала нужды. «Если Ваше Величество, — сказал он, — ещё сомневается, какое будущее ожидает графиню, то я беру на себя священную обязанность защитить её от любых лишений. Я отдам ей во владение замок в Англии и назначу ежегодную ренту в 2000 фунтов».

Но Фридрих-Вильгельм вместо ответа подарил фаворитке 500 000 талеров в голландских долговых обязательствах.

Когда общественность узнала о королевском подарке, поднялся сильный ропот. А дворянство засыпало доброго короля прошениями о пожаловании дополнительных привилегий.

Когда Фридрих-Вильгельм серьёзно заболел, он понял, что его звезда закатывается, и попытался уговорить графиню уехать в Англию ещё до своей кончины. Однако Вильгельмина отклонила его предложение. Памятуя об их общей клятве верности, она решила остаться и не отступила. Она взяла на себя все заботы о больном монархе, находившемся в Мраморном дворце в Потсдаме. Никто и ничто, в том числе явные и скрытые угрозы, не могли вынудить её уступить позиции сторонникам королевской семьи. Она хотела быть рядом с ним до тех пор, пока хватит сил. Она прекрасно понимала, что ей не стоит ждать ничего хорошего от королевской семьи, если король умрёт. На предложение голландского генерала Констана покинуть Берлин она храбро отвечала: «С сознанием полной моей невиновности я остаюсь, да, я остаюсь даже в том случае, если бы у меня была уверенность, что свои дни я окончу в тюрьме или под топором палача. Я ни при каких обстоятельствах не покину короля, который всегда был моим благодетелем и другом. Моя забота нужна ему. Кажется даже, что благодаря моему присутствию он чувствует себя лучше, и я предпочитаю смотреть тысяче смертей в лицо, пока дыхание ещё теплится в нём».

Дни короля были сочтены. Ни врачи, ни знахари не могли вернуть ему уходящие силы. 15 и 16 ноября 1797 года страдания больного стали нестерпимыми. Придворный врач, тайный советник Зелле, сообщил Лихтенау и королевской семье, что конец близок. Лихтенау, измученная длительным уходом за больным, упала в обморок, и её отправили в собственные покои.

После смерти короля Лихтенау покинули все друзья. Они моментально перебежали в противоположный лагерь. Прежний почитатель графини граф фон Гаугвиц с уверенностью нового хозяина тотчас отдал приказ, в соответствии с которым взвод гвардейцев должен был занять её квартиру. Её уведомили, что она находится под арестом. Она оказалась шпионкой, воровкой, короче говоря, исчадием ада, которое разоряло государство. За

всем этим напускным возмущением стояли трусы и действительно замешанные в махинациях.

17 февраля 1798 года королевская комиссия зачитала ей королевский указ, в котором Фридрих-Вильгельм III повелел, чтобы она вернула короне все подаренные ей его отцом ценности, дома в Шарлоттенбурге и Берлине и те самые 500 000 талеров в голландских ценных бумагах. Считалось, что всё это она у усопшего короля выманила.

Графиня была сослана в крепость Глогау. Получив содержание в сумме 4000 талеров в год, она не должна была оспаривать устно или письменно решение короля или как-либо пытаться скомпрометировать королевский дом.

Со свойственным ей мужеством графиня повела себя и в новом положении. В Глогау она прижилась очень быстро, и ей даже удалось подружиться с тамошним обществом. Через некоторое время всё ещё достаточно обворожительная графиня познакомилась с гитаристом Фонтано, настоящее имя которого было Франц фон Гольбейн. Их отношения становились всё более сердечными и скоро переросли в любовную связь. Не раз в разговорах со своим возлюбленным Вильгельмина жаловалась на судьбу, которая, с одной стороны, сделала её графиней, а с другой — такой несчастной. «Я очень хотела бы, — говорила она, — остаться просто дочерью музыканта».

Франц фон Гольбейн попросил графиню выйти за него замуж. Она направила королю прошение разрешить ей путешествие в Карлсбад, а также дать согласие на её замужество с Францем фон Гольбейном.

Так начался новый виток в жизни Лихтенау, который она должна была провести в совершенно других кругах. Прежняя куртизанка, во времена своего расцвета предъявлявшая высокие требования к своему образу жизни, теперь всё больше скатывалась в пучину лишений и даже нищеты! Позади была бурная жизнь. В своей юности она слышала отзвуки великих побед Фридриха Несравненного, она видела Пруссию в зените славы! Затем в качестве верной подруги Фридриха-Вильгельма II познала блеск и роскошь дворцовой жизни, а потом стала свидетелем падения, ударов судьбы под Исной и Ауэрштадтом и порабощения Германии Наполеоном. За все радости бытия, так щедро отпущенные ей в юности и в молодости, теперь Лихтенау приходилось годами расплачиваться одиночеством и всеобщим к ней пренебрежением. В отчаянии она после заключения Тильзитского мира обратилась к императору Наполеону, к которому она в 1811 году попала на приём в Сен-Клу, и попросила вступиться за неё перед прусским двором. Наполеон

сначала совершенно не хотел заниматься этим. Затем ему пришла в голову мысль лишний раз досадить прусскому королю. И при его посредничестве ей были возвращены поместья Лихтенау и Брайтенвердер.

Её современник, Вильгельм Доров, который неоднократно встречался в Париже с графиней Лихтенау, характеризовал её в своих мемуарах «О пережитом. 1813–1820» «как очень интересную и одарённую женщину». Доров рассказывает о благоприятном впечатлении, которое графиня производила уже в глубокой старости: «Всё такая же красивая, — писал он, — она могла не представляться. И фигура её ещё сохраняла прежние формы, а шея была почти такой же безупречной, как у девушки».

И это описание почти полностью совпадает с другим, сделанным её современником. Макс Ринг изобразил её в своём романе «Розенкрейцеры и Иллюминаты»: «Её гибкая фигура, её свежее лицо напоминали вакханок с картин Рубенса. Всё в ней дышало откровенной чувственностью и горячей жаждой жизни, что явственно сквозило в её пылких взглядах, обольстительном смехе на её полных губках и такой же полной белой груди…»

Сохранились ещё критические выступления её явных врагов, которые, правда, совсем не всегда пытались очернить её. Советник Фридрих фон Кёльн писал в своём труде «Доверительные письма о внутренних контактах при прусском дворе после смерти Фридриха II»: «…Природа щедро одарила её всеми чарами, чтобы соблазнять мужчин. Но она никогда не поддавалась легкомысленным связям. У неё была необыкновенно прекрасная фигура, совершенная и бесподобная. У нёе был неплохой вкус и склонность к меценатству. У неё был самый изысканный в Берлине стол, самое непринуждённое и весёлое общество. Она была рождена и воспитана как куртизанка».

Александра Коллонтай (1872–1952)

Первая в мире женщина-посол. С 1923 года полномочный и торговый представитель в Норвегии, с 1926 — в Мексике, с 1927 — полномочный представитель в Норвегии, в 1930–1945 — посланник, а затем посол СССР в Швеции. Её имя овеяно легендами. Одна из самых загадочных женщин советской России. До глубокой старости сводила с ума мужчин.

* * *

Есть такие женщины, которым Бог не дал таланта быть хранительницей семейного очага. Хотя, казалось бы, всем остальным природа их наградила: и красотой, и грацией, и обаянием, и умением любить, и умом… Но желанием создать семейный уют Шурочка Коллонтай была обделена так же, как бывает иногда человек начисто лишён слуха или голоса.

Александра Михайловна Домонтович (Коллонтай) родилась 31 марта 1872 года в богатом трёхэтажном особняке в семье полковника генерального штаба. Женился он лишь в сорок лет, на женщине с тремя детьми, которая ушла от мужа. Так что Шура была её четвёртым ребёнком, но для отца — первым и любимым. В девочке перемешалась русская, украинская, финская, немецкая и французская кровь.

Воспитание она получила домашнее, но экзамены на аттестат зрелости в петербургской мужской гимназии сдала лучше многих гимназистов.

Ей было шестнадцать, она обожала танцевать, и её любимым партнёром по танцам был Ванечка Драгомиров. Они были признаны на балах самой блистательной парой. Ей казалось, что она влюблена, но когда Ваня попытался её убедить, что они должны быть вместе навеки, Шурочка подняла его на смех. Ваня пустил себе пулю в сердце.

Некоторое время спустя блистательный адъютант императора Александра III сорокалетний генерал Тутолмин просил руки Шуры Домонтович, но получил решительный отказ. Отправляясь по делам в Тифлис, отец взял Шуру с собой. Здесь она проводила время с троюродным братом — черноволосым красавчиком и весельчаком, молодым офицером Владимиром Коллонтаем. Говорили они о политике и о социальной несправедливости, читали Герцена. Владимир покорил сердце и ум юной красавицы.

Шура вернулась в столицу, но Коллонтай приехал следом и поступил в Военно-инженерную академию. Родители мечтали о другой партии для дочери и не разрешили видеться влюблённым, что, естественно, только разогрело страсть. Чтобы охладить дочь, отец отправил её развеяться в Париж и Берлин под присмотром её сводной сестры. Но переписка между влюблёнными не прекращалась, а в Европе Шура узнала про профсоюзы, Клару Цеткин, «Коммунистический манифест», — про всё то, что в России было запретным. И именно сладость запретного плода заставила её заявить: выхожу замуж за Коллонтая!

Они были счастливой и красивой парой. Муж был мягок и добр, старался во всём ей угождать, он был горазд на выдумки и забавы. Упрекнуть его было не в чем, но она хотела чего-то другого. Чего? Она сама не знала. Шура начала работать в публичной библиотеке, где собирались столичные вольнодумцы. Её сыну, Мише, не исполнилось ещё и полугода, а его мать, нахватавшись первых сведений о том, что не всё в этом мире гармонично и справедливо, уже была одержима жаждой участвовать в избавлении человечества от вселенского зла. Но пока она ставила перед собой цели попроще. Например, выдать замуж ближайшую подругу Зою Шадурскую за друга мужа офицера Александра Саткевича. Ради этого она даже придумала жить «коммуной», пригласив и Зою, и Саткевича в свой дом. Надо сказать, что в средствах молодая семья не была стеснена — отец выделил замужней дочери значительное содержание. Вечерами собирались вчетвером, читали вслух социальную публицистику, отобранную Шурой. Зоя слушала страстно, Саткевич — внимательно, муж — зевая. Заходили новые друзья хозяйки дома — учителя, журналисты, артисты — и до хрипоты спорили о политике.

Саткевич не пленился Зоей, но зато хозяйка дома полностью и безраздельно завладела его чувствами. Образовался мучительный любовный треугольник. С этого времени Шуру Коллонтай начали безраздельно волновать проблемы свободы любви, семейного счастья, долга, возможности любви к двоим мужчинам. Она теоретизировала, но ни на что не могла решиться. Ей нравились оба. Зоя ушла из «коммуны» и снимала квартиру, где Шура тайно встречалась с Саткевичем. Наконец, она покинула супружескую квартиру, сняла комнаты для себя, сына и няни, но вовсе не для того, чтобы расторгнуть брак с Коллонтаем и вступить в новый. Она не хотела семейного уюта, дом ей нужен был, чтобы делать дело — читать и писать. Саткевич был в её квартире желанным, но редким гостем.

13 августа 1898 года Шура Коллонтай отправилась за

границу, оставив сына на попечение родителей. Ей было двадцать шесть.

Коллонтай выбрала Швейцарию, чтобы получить образование. Но она заболела нервным расстройством, уехала в Италию, где писала статьи для газет и журналов, которые никто не печатал. Нервное расстройство усилилось, врачи посоветовали вернуться домой. Тогда она в последний раз попыталась жить нормальной женской жизнью в семье. Муж заболел, она ухаживала за больным. Но роль заботливой жены ей наскучила, а возобновившиеся свидания с Саткевичем ставили перед ней неразрешимые проблемы. Коллонтай уехала в Швейцарию.

Она записалась в семинар профессора Геркнера, много читала, её статьи появились в солидных журналах. Она писала о Финляндии — о проектируемых реформах, об экономике, о рабочем движении, и стала авторитетным экспертом по этой стране. Шура быстро приобретала новые связи: подружилась с Розой Люксембург, с Плехановым и его женой. Изредка она приезжала в Петербург, встречалась с другом, но не с мужем. Мать умерла, сын жил с дедом. Саткевич мечтал жениться на Шурочке, потому что гражданский брак для полковника был неприемлем. Но она была категорически против. Она уже приспособилась к другой жизни. Она познакомилась с Каутским и Лафаргами, стала знатоком русского рабочего движения и специалистом по Финляндии.

Когда умер отец, возникло множество бытовых проблем. Ей в наследство перешло имение, которое приносило большие доходы, позволявшие безбедно жить в Европе. Ей нужны были деньги, но заниматься их добыванием, обременять себя финансовыми отчётами не хотелось. Она поручила все дела по имению Саткевичу. К тому времени к их отношениям привыкло даже строгое начальство полковника, и Шура и Александр уже ни от кого не таились. Дом отца продали, Коллонтай сняла хорошую квартиру, верная подруга Зоя жила с ней в качестве домработницы. Она готовила, стирала, гладила и шила, а кроме того, писала для газет очерки, фельетоны, рецензии. Шура Коллонтай предпочитала только творчество: она была уже автором трёх книг по социальным проблемам, много писала о женском движении, о пролетарской нравственности, которая придёт на смену буржуазной.

В 1905 году А. Коллонтай обнаружила в себе ещё один талант — талант оратора. Включившись в агитационную работу нелегалов, она с пафосом выступала на рабочих собраниях. На одном из них она познакомилась с соредактором первой легальной газеты социал-демократов в России Петром Масловым,

которого отчаянно критиковал Ленин. Пухленький, рано начавший лысеть русский экономист произвёл на Шуру неизгладимое впечатление. Она говорила только о нём, и Пётр Маслов — степенный, расчётливый — бросился в омут любви, хотя и состоял в законном браке.

Маслов получил возможность прочитать цикл лекций в Германии. Коллонтай приехала на учредительный съезд социал-демократов в Мангейм, где круг её знакомых в высшей элите европейской социал-демократии значительно расширился. Но, главное, в Берлине, где она остановилась на несколько дней, её ждал Маслов. А в Петербурге Пётр смертельно боялся огласки, тайные свидания радости не приносили. Но популярного экономиста снова пригласили в Германию, а Коллонтай — на конгресс Интернационала. Личное сочеталось с общественным.

Тем временем бурная революционная деятельность Коллонтай не осталась без внимания властей. Её арестовали, но выпустили под залог. Пока она укрывалась у писательницы Щепкиной-Куперник, друзья приготовили ей заграничный паспорт, и она сбежала. Её разлука с Петербургом на этот раз растянулась на восемь лет. Вскоре за ней последовал Пётр Маслов, правда, ему пришлось взять с собой семью. Тайная любовь продолжилась в Берлине. Но Шура, как и большинство русских эмигрантов, не могла усидеть на одном месте. Для Коллонтай домом была она сама, крыша над головой и стол для работы. Но, главное, она великолепно знала несколько европейских языков и легко адаптировалась в любой стране.

Роман с Петром Масловым начал тяготить Шуру Коллонтай, поскольку превратился в тривиальный адюльтер, а о браке с ним она и слышать не хотела. Она уехала в Париж, сняла комнату в скромном семейном пансионе. Но Пётр бросился за Шурой, прихватив, как всегда, своё семейство. Он приходил к ней каждый день, но ровно в половине десятого торопился домой. Её это угнетало.

На траурном митинге у могилы Лафаргов Коллонтай заметила на себе пристальный взгляд молодого мужчины — прямой, открытый, властный взгляд. После похорон он подошёл, похвалил её речь, поцеловал ручку. «Он мне мил, этот весёлый, открытый, прямой и волевой парень», — писала она немного позже. Тогда они долго бродили по городу, зашли в бистро. Она спросила, как его зовут. Александр Шляпников, революционер-пролетарий. Ночью он привёз её в пригород, в скромный дом для малоимущих, где снимал убогую комнату. Ему было двадцать шесть, ей — тридцать девять. Утром последовали объяснение и разрыв с Петром Масловым. Решили с Санькой уехать в Берлин,

но она ещё задержалась в Париже: прибыл муж, Владимир Коллонтай. Не читая, Шура подписала заготовленные его адвокатом документы о разводе, где всю вину брала на себя. Теперь её бывший муж мог спокойно жениться на любимой женщине, с которой давно жил и которая любила их с Шурой сына Мишу.

Коллонтай писала Зое, что безмерно счастлива с новым другом. Только с ним она по-настоящему почувствовала себя женщиной. Теперь, живя с пролетарием, она считала, что стала лучше понимать жизнь и проблемы рабочих. Шляпников выполнял ответственные поручения Ленина, поэтому не часто бывал дома. Когда же им удавалось подольше жить вместе, Шура замечала, что друг начинает её раздражать. Мужчина, который при всей непритязательности всё-таки требовал минимального ухода и внимания, был обузой. Он мешал ей работать, писать статьи и тезисы лекций. Имение давало всё меньше денег.

Мировая война застала Коллонтай с её сыном, Мишей, в Германии. Они вместе отдыхали в это лето в курортном городке Кольгруб. Их арестовали, но через два дня её выпустили, так как она была врагом того режима, с которым Германия вступила в войну. С трудом удалось вызволить Мишу, и они выехали из страны. Шура отправила сына в Россию, а сама уехала в Швецию, где был в то время Шляпников. Но из Швеции её выслали за революционную агитацию без права возвращения когда-либо. Выгнали навсегда. Она остановилась в Норвегии. Наезжавший иногда Шляпников тяготил её, кроме того, Саткевич сообщил о своей женитьбе. Её это расстроило. Сказывались и долгая разлука с Россией, и бездеятельность. У неё началась депрессия, она писала о своём одиночестве и ненужности. И в этот момент её пригласили с лекциями в США, к тому же сам Ленин поручил ей перевести его книгу и попытаться издать в Штатах. Коллонтай выполнила его задание, да и лекции имели бешеный успех. Она объехала 123 города, и в каждом прочитала по лекции, а то и по две. «Коллонтай покорила Америку!» — писала газета.

Она устроила Мишу, через своих знакомых, на военные заводы США, что освободило его от призыва в действующую армию. Мать решила поехать вместе с сыном. Шляпников хотел присоединиться — она не позволила ему. Это был разрыв.

Коллонтай находилась в Норвегии, когда в России царь отрёкся от престола. Ленин сам написал Шуре, чтобы она спешно возвращалась на Родину, а потом дал ей через своих людей деликатное поручение. На вокзале в Петербурге её встретил Шляпников, сразу взял один из чемоданов. Предполагалось, что в нём были деньги, которые Ленину выделило германское

правительство на революцию в России. Вскоре приехал и сам Ленин в пресловутом запломбированном вагоне в окружении ближайших соратников. Коллонтай уже была избрана в исполком Петроградского Совета, поэтому, узнав о болезни бывшего мужа, она едва нашла время его навестить, но прийти на его похороны она не смогла: была целиком поглощена революционной работой.

Газеты следили за каждым её шагом, называя её Валькирией Революции. Про её вдохновенные речи на митингах складывались легенды. Толпа всюду встречала её восторженными криками. Её ошеломительный ораторский успех побудил Ленина доверить ей самое трудное: воздействовать на матросов, которые совершенно не поддавались большевистской агитации. Коллонтай отправилась на военные корабли. Её встретил председатель Центробалта матрос Павел Дыбенко, богатырь и бородач с ясными молодыми глазами. Он на руках перенёс Шуру с трапа на катер. С этого дня он сопровождал её во всех поездках, но роман развивался довольно медленно. Вряд ли её смущала разница в возрасте — он был на семнадцать лет моложе. Все говорили, что в двадцать пять она выглядела на десять лет старше, а когда ей стало за сорок, она казалась двадцатипятилетней. Дыбенко был выходцем из неграмотной крестьянской семьи, он отличался лихостью, буйным темпераментом и импульсивностью. Она решила, что встретила человека, предназначенного ей судьбой.

Молва о пылкой любви Валькирии Революции со знаменитым вождём балтийских матросов дошла едва ли не до каждого российского гражданина. «Это человек, в котором преобладает не интеллект, а душа, сердце, воля, энергия, — писала Коллонтай про Дыбенко. — В нём, в его страстно нежной ласке нет ни одного ранящего, оскорбляющего женщину штриха». Однако она писала о нём и другое: «Дыбенко несомненный самородок, но нельзя этих буйных людей сразу делать наркомами, давать им такую власть… У них кружится голова». Она поехала к нему на фронт. Дыбенко переводили из одной части в другую — Шура следовала за ним. Но быть «при ком-то» она не хотела, это ранило её самолюбие. Дыбенко получил приказ разгромить Колчака, Коллонтай вернулась к своей работе в женотделе ЦК и женской секции Коминтерна заместителем Арманд.

В то время Коллонтай уже очень многое поняла в революции. В дневнике она писала, что рабочие жестоко разочарованы, но в статьях призывала работниц к новым усилиям на пути строительства новой жизни. И несмотря на все намерения порвать с Павлом, она продолжала с ним встречаться. Но её мучила ревность. Ей скоро пятьдесят, и она чувствовала молодую соперницу рядом с ним. Однажды она ждала его до поздней ночи,

а когда он пришёл, упрекнула его. Павел пытался застрелиться, ранил себя. Оказывается, та девушка поставила ультиматум: «Или я, или она». Коллонтай выходила друга и простилась с ним навсегда.

Коллонтай давно не нравилось то, что творилось в большевистской партии. Она чувствовала, что внутрипартийная борьба добром не кончится, и решила спрятаться. Её люто ненавидел Зиновьев. По его просьбе Сталин отправил Шуру в Норвегию, по сути, в почётную ссылку.

В Норвегии её другом, помощником и советником стал Марсель Боди, французский коммунист, секретарь советской миссии. Очевидно, он и был последней любовью Александры Коллонтай. В нём был европейский лоск и почтительность, и он был на двадцать один год младше Шуры.

Через некоторое время она стала главой советской дипломатической миссии в Норвегии, а потом первой в мире женщиной-послом в Швеции. В Швецию ей писали и Дыбенко, и Шляпников. Иногда она ездила на тайные, тщательно законспирированные встречи с Боди. В России свирепствовал террор. Письма друзей были полны уныния.

В один из приездов в Москву её вызвал Ежов — спрашивал о Боди. Она оборвала с французом всякую связь. Потом Коллонтай узнала об аресте Шляпникова и даже не пыталась помочь, понимала — бесполезно. Его расстреляли в 1937 году. Потом арестовали Саткевича. Семидесятилетнего профессора казнили по постановлению, подписанному Ежовым. Дыбенко арестовали как «участника военно-фашистского заговора» и расстреляли в июле 1938 года. «Жить — жутко», — писала Коллонтай. Готовилось дело об «изменниках-дипломатах», в списке была и её фамилия. Но громкого процесса не последовало, дипломатов «убирали» тихо. Коллонтай почему-то уцелела.

В марте 1945 года Молотов сообщил телеграммой в Швецию, что за послом прилетит специальный самолёт. Во Внуково Шуру встретил внук Владимир. Пётр Маслов умер своей смертью в 1946 году. Коллонтай умерла, не дожив несколько недель до восьмидесятилетия. Её похоронили рядом с Чичериным и Литвиновым.

Ингрид Бергман (1917–1982)

Актриса шведского происхождения. Приехала в США в 1939 году. Снималась в фильмах «Интермеццо» (1939), «Касабланка» (1942), «По ком звонит колокол» (1943) и «Газовый свет» (1944, премия «Оскар»). Оставив мужа и родив ребёнка от режиссёра Роберто Росселлини, она нарушила негласную мораль Голливуда и много лет подвергалась остракизму. За время «ссылки» снялась в Европе в нескольких фильмах, один из самых известных — «Стромболи» (1949). Возвратившись в США, снялась в фильмах «Анастасия» (1956, «Оскар») и «Убийство в Восточном экспрессе» (1974, «Оскар»).

* * *

Роберто Росселлини был типичнейшим итальянцем. Он любил Италию, спагетти и католические легенды. Он любил Франциска Ассизского и… Анну Маньяни, с которой в конце сороковых жил в счастливой любви. И ещё он крайне редко смотрел голливудские фильмы и едва ли мог представить себе, что его картины, столь итальянские по своему духу, снятые про итальянцев и для итальянцев, кто-то станет смотреть в Америке…

«Я видела ваши фильмы, и они произвели на меня глубокое впечатление. Если вам нужна шведская актриса, которая хорошо говорит по-английски, ещё не забыла свой немецкий, не слишком хорошо понимает по-французски, а по-итальянски не знает ни слова, кроме „люблю тебя“, то я готова приехать, чтобы сделать с вами фильм. Вот уже десять лет, как я чувствую себя запертой в системе, которая не даёт мне стать счастливой и за пределы которой я хочу вырваться. С вами». Удивление Роберто Росселлини было велико. Взглянув на заокеанский штемпель, он воскликнул: «Но я даже не знаю, кто такая эта Ингрид Бергман!» Но письменное признание в любви произвело впечатление. Росселлини ответил. Он написал незнакомой шведке из Голливуда, что собирается снимать фильм «Стромболи, земля божья». Можно подумать о совместной работе… Встречу назначил в парижском баре «Сен-Жорж». Накануне Анна Маньяни, обедавшая с Роберто в римском ресторане, узнав, что он собирается снимать другую актрису, в ярости вывалила ему на голову блюдо макарон. «Развод по-итальянски», — сострили будущие биографы актрисы… Но было уже поздно. Письмо

Ингрид Бергман изменило и её судьбу, и судьбу Росселлини.

Ещё двухлетней крошкой Ингрид потеряла мать. А когда ей исполнилось одиннадцать лет, умер отец — художник и фотограф. Сироту вырастил сердобольный дядя. Вначале её судьба не отличалась от обычной судьбы второсортной шведской актрисы: актёрская школа в Стокгольме, первые робкие успехи в театре и кинематографе.

А мечтой скромной девушки из Стокгольма было — ни много ни мало — стать в Голливуде второй Гретой Гарбо. Однако сияющий Голливуд был ещё очень далеко, когда в холодном заснеженном Стокгольме она встретила свою первую любовь — молодого, серьёзного и симпатичного Петера Лундстрёма, студента-медика, непревзойдённого мастера красиво вальсировать, ставшего впоследствии её мужем. И это именно Петер — уже в Голливуде — способствовал тому, чтобы мечта девушки наконец сбылась. Когда крупный голливудский продюсер Дэвид Селзник предложил ей контракт на фильм, сомнительный с точки зрения морали тех времён, именно Петер сказал «да». Кто знает, согласилась бы сама Ингрид, что пересилило бы в душе — мечты или лютеранское воспитание, отличавшееся большой строгостью. Уже завоевав известность в Америке, уже побывав — но только на экране — в объятиях Хэмфри Богарта, Шарля Буайе, Грегори Пека, Кэри Гранта — первых любовников Голливуда, — она всё ещё заливалась краской и хмурила брови, едва какой-нибудь малознакомый мужчина, пригласивший её на танец, сжимал её талию слишком крепко. Но творческие дела шли полным ходом. Успех следовал за успехом. «Утром, просыпаясь, я счастлива, что мне нужно идти на работу. А вечером я покидаю студию с чувством тяжести в душе», — говорила Ингрид.

Именно тогда она случайно увидела фильм Росселлини «Рим — открытый город», а спустя некоторое время — «Пайзу». Оба фильма ошеломили Ингрид Бергман. «Этот тип сделал два шедевра, а такие шедевры шли в маленьких полупустых кинотеатриках. Тогда я решила написать ему. Вот уже десять лет я снимаюсь в одних и тех же романтических фильмах. А как хотелось бы мне сделать что-нибудь реалистическое, как „Пайза“».

Вскоре после встречи в Париже, куда Росселлини приехал уже одиноким, а Ингрид Бергман — вместе с Петером, пребывавшим по-прежнему в эмпиреях семейного счастья, Роберто приехал в Голливуд на переговоры с продюсером. Он жил у Ингрид и Петера. Позже она сказала: «Мне кажется, я влюбилась в Роберто, как только увидела „Рим — открытый город“». Спустя полгода

после парижского знакомства Ингрид одна приехала в Рим — к Роберто. Он показал ей Италию. Она пришла в восторг. «Я нашла место, где хочу жить». Журнал «Лайф» опубликовал фотографию счастливой пары, и… «Так весь мир узнал, что я потерянная женщина».

Скандал разразился, когда Петер получил её письмо из Италии. Она писала, что влюблена в Роберто и счастлива. Петер искренне не понимал её: «Такая связь не для честной и доброй хозяйки…» Позже знаменитый Хэмфри Богарт, увидев её в Риме, сказал: «Ты сильно промахнулась, выйдя замуж за этого Росселлини. Могла бы стать звездой первой величины в Америке. А сейчас, в Риме, кто ты есть?» Ингрид Бергман ответила просто: «Я — счастливая женщина».

Вскоре после окончания съёмок «Стромболи» Ингрид родила от Росселлини сына и развелась со своим первым мужем. Их дочь Пиа осталась с отцом. Многих американцев поведение звезды, считавшейся «душечкой и очаровашкой», повергло в шок. С трибуны американского Сената актрису заклеймили как «приверженицу культа свободной любви», «апостола деградации», а сенатор из Колорадо Эдвин Джонсон призвал внести изменения в законодательство, дабы Департамент торговли впредь лицензировал кинобизнес и следил за его моральными устоями. Проклятия звучали в Сенате США, хотя Ингрид имела шведское гражданство.

И началась жизнь в чёрно-розовых тонах — так назвали её позднее биографы. В чёрных — потому что бурный темперамент «стопроцентного итальянца» доставлял ей немало хлопот. И в розовых — ведь у неё была счастливая разделённая любовь, совместная работа. И дети — сын Роберто и дочери-близнецы Изота-Ингрид и Изабелла. «Оставить Роберто? Как вы могли подумать такое?!» — искренне отвечала она на скрытые полунамёки, а то и открытые предложения. Да, этот брак далеко не безоблачен. Росселлини был темпераментным, влюбчивым, безумно ревнивым — и он ревновал не только к другим мужчинам, но и к другим режиссёрам. Он пресекал любые попытки Ингрид вырваться. И когда это всё-таки происходило, она с большим успехом снималась у Жана Ренуара и Анатоля Литвака. Оба фильма «зрительские», рассчитанные на успех и его снискавшие. Росселлини откровенно выказывал пренебрежение к её удачам. Это обижало её, как, впрочем, и многое другое теперь.

«Жизнь с Роберто никогда не была скучной». Ингрид Бергман сказала эти слова уже перед самым разводом: Росселлини влюбился в жену своего продюсера молоденькую Сонали, а у Ингрид появились поклонники, и в их числе элегантный

спокойный Ларс Шмидт — швед, занимающийся театральной антрепризой на Бродвее. Развод звёздной пары наделал много шума и сопровождался унизительной борьбой за детей. И она обрела покой и счастье, возвратясь в Америку, где её не забыли, а, напротив, встретили с плакатами: «Счастливого возвращения!» И Росселлини, и Бергман предстояло ещё многое сделать в кинематографе. Роберто остался убеждённым реалистом. Ингрид вернулась к амплуа романтических героинь и вновь завоевала себе славу в Голливуде. Она вышла замуж за Ларса Шмидта. Их брак продлился двадцать лет…

В середине семидесятых она заболела раком груди. Лечение лишь ненадолго продлило ей жизнь. Ингрид умерла в 1982 году… В одном из последних фильмов с участием Бергман «Осенняя соната» её героиня говорит: «Я никогда не копалась в своей душе. Просто жила». Ингрид Бергман просто жила…

Жаклин Кеннеди (1929–1994)

Первая леди США, жена президента Джона Ф. Кеннеди, затем — мультимиллионера Аристотеля Онассиса. Эта красивая и уверенная в своих силах женщина постоянно находилась в центре внимания мировой общественности.

* * *

Внешне Жаклин Бувье производила впечатление классической «принцессы-девственницы». Если говорить об образовании, то она по всем статьям превосходила Кеннеди. А также славилась красотой и шармом. Её шокировало, когда из уст мужа вылетали такие словечки, как «хрен», «трахнуть», «чёртов идиот» или «сукин сын». Одно из их первых любовных свиданий произошло в Арлингтоне, штат Виргиния, на заднем сиденье открытого автомобиля Кеннеди. Их потревожил было полисмен, но, узнав «сенатора-плейбоя», срочно ретировался.

Ради Кеннеди Джекки расторгла помолвку с Джоном Гастедом, но было бы наивно ждать в награду букет цветов или коробку конфет. Предложение руки и сердца пришло по телеграфу. Свадьба блистательных Джека и Джекки в 1953-м стала событием года.

Супружество не обещало быть лёгким. Джекки была аристократкой, а Кеннеди — порождением ирландских болот, политическим авантюристом и забиякой.

Труднее всего было смириться с его распутством. Джекки и не рассчитывала на супружескую верность, но она не была готова к постоянному, всепоглощающему разврату. На пару с конгрессменом и своим другом Джорджем Смазерсом Кеннеди снял квартиру в вашингтонском отеле «Кэрролл Армс», где они могли наслаждаться молодыми женщинами.

Джекки шпионила за мужем, а в качестве компенсации за своё унижение совершала набеги на модные магазины и появлялась на публике с друзьями-мужчинами, чтобы возбудить его ревность.

Однажды на торжестве в Белом доме она напилась шампанского и танцевала со всеми мужчинами подряд. Ревность ревностью, но Кеннеди и не подумал что-то менять. Понемногу Джекки начала привыкать к такой жизни.

«Наверное, на свете не существует верных мужей, — делилась

она с подругой. — В мужчинах столько всего намешано — и хорошего, и плохого».

Не исключено, что у Джекки завелись собственные грешки. Поговаривали об интрижке с телохранителем. Эвелин Линкольн упоминает о «блестящем итальянском графе». Джекки оказывала не совсем обычное внимание владельцу компании «Фиат». Возможно, это была месть за откровенный флирт Кеннеди с его женой.

Любовь к Джекки американцев была столь велика, что она не беспокоилась за свою репутацию. «Разве что я сбегу с Эдди Фишером».

Так или иначе, они оставались мужем и женой до его трагической гибели в 1963 году, когда его застрелил наёмный убийца Освальд.

По предположению Эвелин Линкольн, роман Джекки с Аристотелем Онассисом начался в октябре 1963 года, всего за месяц до злодейского убийства её мужа в Далласе, штат Техас.

Онассис всё чаще и чаще навещал в Нью-Йорке Джекки. Они регулярно встречались в её квартире и порой даже ужинали в ресторанах. На них мало кто тогда обращал внимание. Предполагалось, что Онассис, который постоянно охотился за знаменитостями, оказывал знаки почтения самой известной даме в Америке.

Джекки чувствовала себя в безопасности с этим человеком, который во многом походил на её свёкра. Ей приятно было находиться в его обществе, она подзаряжалась от этого человека, обладавшего огромной жизненной энергией. Ей нравилось, что он внимателен к ней, её поражала его необычная щедрость. Она начала доверять ему свои сокровенные мысли, рассказывала ему о своём браке, о жизни в Белом доме, о том, каково ей было быть первой леди. Жаклин говорила ему, что ей очень трудно, так как в финансовом отношении она полностью зависела от семьи Кеннеди. Они вспоминали те дни, когда впервые встретились на юге Франции, где тогда находились родители Джека Кеннеди, ещё не президента, а сенатора.

Убеждённая в том, что только Онассис может дать ей счастье и покой, которые были необходимы ей и детям, Жаклин приняла решение выйти за него замуж как можно скорее. Она стала приглашать его в Хианнис-Порт, чтобы он мог больше времени проводить с Каролиной и Джоном, надеясь, что они подружатся с ним.

Сообщения о втором браке Жаклин Кеннеди появились на страницах газет всего мира. Заголовки дышали негодованием. «Она больше не святая», — кричала «Верденс ганг». «Джекки, как

вы могли?» — вопрошала «Стокгольм экспрессен». «Джон Кеннеди умер вторично», — утверждала стамбульская «Дейли морнингер». Затем последовали комментарии людей, близко знавших супружескую пару.

Роза Кеннеди: «Моя семья меня уже ничем не может удивить».

Мария Каллас: «Джекки поступила правильно, обеспечив своих детей дедушкой. Аристотель богат, как Крез».

Коко Шанель: «Все знали, что эта вульгарная женщина не будет всю жизнь верна мёртвому мужу».

Лишь кардинал Кушинг от всего сердца пожелал ей всего хорошего: «Она имеет право выходить замуж за кого угодно. Можно ли проклинать её за это?»

Газеты продолжали писать о свадьбе двоих знаменитостей. Мало кто из женщин за всю мировую историю так приковывал к себе глаза всего мира, как это делала Джекки. В течение пяти лет люди восхищались ею и испытывали чувство вины по поводу убийства её мужа. В тот миг, когда она вышла замуж за человека другой веры и иной культуры, люди, которые боготворили её, отвернулись от неё. Став женой международного пирата, который закончил лишь шесть классов средней школы, она разрушила миф о самой себе. Чары развеялись. Но даже упав с пьедестала, Джекки продолжала вызывать к себе повышенный интерес.

Её фото появились на обложках журналов «Тайм» и «Ньюсуик» вместе со статьями, в которых её называли новой первой леди острова Скорпио, где ей служили 72 человека, новой хозяйкой виллы в Клифаде с десятью слугами, владелицей роскошной квартиры в Париже с пятью слугами, гасиенды в Монтевидео с тридцатью восемью слугами и квартиры на Пятой авеню в Нью-Йорке с пятью слугами.

Шутки всё более и более приобретали характер чёрного юмора.

Вот анекдот, который любил рассказывать конгрессмен Моррис Удал во время президентской кампании: «Репортёр, берущий интервью у Никиты Хрущёва, упоминает тот факт, что Ли Харви Освальд побывал в своё время в России. Репортёр спрашивает затем русского лидера, изменился ли бы ход мировой истории, если бы Освальд остался в СССР и застрелил бы Хрущёва. Тот задумался на минуту и, наконец, ответил: „Ну, я полагаю, что прежде всего Аристотель Онассис не женился бы на госпоже Хрущёвой“».

Онассиса пресса характеризовала как тщеславного человека, одержимого идеей покупки самой знаменитой женщины мира, которую он внёс в свою коллекцию знаменитостей. «Он одержим

знаменитыми женщинами, — говорила Мария Каллас. — Он преследовал меня, так как я была знаменита». Позднее оперная дива стонала: «Сначала я потеряла свой вес, потом голос и, наконец, Онассиса».

Жаклин естественным образом стремилась к человеку, предлагавшему ей беззаботную жизнь, в которой ей уже не придётся зависеть от семьи Кеннеди. Да, она получила вёдра бриллиантов и шубы из соболя стоимостью в 60 000 долларов, равно как бесценные картины, антиквариат и дорогие изделия, но настоящее счастье так и не пришло.

Впервые в жизни она могла не думать о деньгах. Счета отсылались прямо в офис Онассиса, где их оплачивал сам магнат, который был рад угодить жене.

Он организовывал её отдых — путешествия и круизы по всему миру в каютах, где всегда имелось шампанское, фрукты и цветы. Он приглашал толпы знаменитостей, чтобы только развлечь её. Жаклин ездила в «роллс-ройсах», её охраняли телохранители, в её распоряжении имелись частные самолёты. Став миссис Аристотель Онассис, она могла иметь всё, что можно купить за деньги.

Однако она не могла защитить себя от судьбы. На неё вскоре обрушились несчастья. Ей пришлось пережить такие трагедии, что Джекки практически превратилась в бесчувственное существо. Она страдала вместе с мужем из-за внезапной смерти его свояченицы и таинственной смерти его первой жены. Вместе они похоронили его любимого сына, Александра. Они пережили скандал, связанный со смертью молодой женщины, которая утонула, купаясь вместе с Тедди Кеннеди. Они оплакивали смерть Джозефа Кеннеди, смерть кардинала Кушинга и Стаса Радзвилла. Позднее их потрясло известие о том, что у Тедди Кеннеди обнаружили рак и ему ампутировали ногу. Они пережили попытку к самоубийству Кристины Онассис и её брак, который длился девять месяцев. В конечном счёте они потеряли всё, к чему стремились.

После путешествия в Акапулько состояние здоровья Онассиса резко ухудшилось. В это время он занимался постройкой пятидесятидвухэтажного небоскрёба в Нью-Йорке с двумястами пятьюдесятью квартирами и девятнадцатью этажами, выделенными под офисы. «Олимпик Тауэрс» — так назывался этот небоскрёб — выходил окнами на собор Св. Патрика.

Он больше не притворялся, что их брачные отношения с Джекки складываются нормально. Теперь он редко появлялся с ней в общественных местах и всегда в сопровождении других лиц. Джекки жила своей жизнью в квартире на Пятой авеню, он

проживал в парижском отеле «Пьер». В конце концов, под давлением дочери, Онассис начал готовиться к разводу.

15 марта 1975 года, в субботу, Онассис умер. Кристина в момент смерти находилась у его постели, а жена — за 3000 миль от него.

Он позаботился о Джекки, выделив ей ежегодный пансион в 155 000 долларов до конца дней. Такую же сумму получали оба её ребёнка. Полагая, что она захочет оспорить это решение, он проинструктировал своих адвокатов, чтобы те препятствовали ей всеми легальными способами.

«Аристотель Онассис спас меня в тот миг, когда моя жизнь была полна призраков, — сказала она. — Он много для меня значил. Вместе с ним я обрела любовь и счастье. Мы пережили много чудесных мгновений, которые я никогда не забуду и за которые я буду вечно благодарна ему».

Жаклин больше не была одинока. Её личной жизнью стал Морис Темплеман, финансист, маклер по сбыту алмазов и бриллиантов. Они познакомились ещё в 1950-е годы, когда Морис был внештатным консультантом одного из политических деятелей. Темплеман выходец из патриархально-ортодоксальной семьи (родился в 1929 году в бельгийском городе Анвер; в 1940-м покинул Европу вместе с родителями, ускользнув от нацистов). Любопытно, что внешне он чуть-чуть напоминал грека-миллиардера Онассиса, низкорослый и упитанный, выглядел гораздо старше своих лет. Он обладал двумя изысканными достояниями: коллекцией египетских древностей и 12-метровым судёнышком «Релемар» («Вольный странник моря»), на котором он с Джекки совершал морские прогулки.

Самое диковинное в их отношениях заключалось не в том, что Морис четыре года жил в квартире Жаклин, а в том, что он всё ещё юридически состоял в прежнем браке. У него было трое взрослых детей и законная супруга Лили, которая просила Мориса уйти от неё, узнав о его интимной связи с Джекки Кеннеди.

Морис Темплеман был для Джекки не только обаятельным компаньоном, спутником жизни. Он также был её финансовым советником. Инвестиции, рекомендованные им, дали экс-мадам Онассис возможность обладать состоянием, оцениваемым приблизительно в 120 миллионов долларов.

По словам двоюродной сестры Мориса Розы Шрейбер, «Джекки в первый раз вышла замуж ради обретения высокого социального статуса; во второй раз вступила в брак для гарантированной обеспеченности. А третья интимная связь основана на большой дружеской привязанности и

взаимоуважении. По глубинной основе и сути своей эти отношения — самые чистые и здравые из всех перечисленных».

После смерти Онассиса Жаклин 18 лет жила в Нью-Йорке, налаживая жизнь как бы заново, творя новую карьеру. В 1988 году она стала бабушкой, когда у её дочери Каролины родилась Роза Кеннеди-Шлоссберг. Дважды бабушкой Джекки стала в мае 1990 года, когда на свет появилась малюсенькая сестрёнка Розы — Татьяна Шлоссберг.

Но Джекки не была «домашней бабушкой». Она сама зарабатывала (в пересчёте на французскую валюту) в среднем по 600 тысяч франков в год на фирме «Даблдей энд компани», где имела репутацию — весьма заслуженную — знатока по исповедям «звёзд» всех категорий и сбыту их автобиографий. Между прочим, в послужном списке её «охоты» был и Майкл Джексон.

Большую часть уик-эндов и отпусков она предпочитала проводить в крепости (типа замка, форта) стоимостью 4,5 миллиона долларов, которую Жаклин построила на территории 200 гектаров своего владения на берегу моря в сотне километров к северу от Нью-Йорка.

«Обновлённая Джекки» (как её стали называть) сменила парикмахершу, модельера-кутюрье (покинув итальянца Валентино ради Каролины Эррера) и позволила себе к 60-летнему юбилею вторую за десятилетие пластическую операцию.

Жаклин Кеннеди-Онассис всегда завораживала красивым голосом, большими глазами, широкой, открытой улыбкой, густыми аккуратно причёсанными волосами (приобретавшими иногда рыжеватый оттенок). Теперь она поддерживала лоск с помощью косметики и красителей. «На публике она выглядит обычно радостной и непринуждённой, но в общении с глазу на глаз, — говорил один из её бывших однокашников по колледжу, — она скорее робка и застенчива, чуть ли не боязлива, с ускользающим взглядом, отводит глаза от собеседника. Но в светском обществе она поистине блистательна и словно озаряет своим светом всё окружающее».

Жаклин умерла весной 1994 года от рака лимфатических желёз.

Мария-Анна де Шатору (1717–1744)

Фаворитка французского короля Людовика XV. Пользовалась большим влиянием на короля. По её совету Франция вступила в союз с Пруссией во время войны за австрийское наследство. В 1744 году Людовик XV, желая отличиться перед ней военными подвигами, принял командование французскими войсками во Фландрии и Эльзасе и одержал громкие победы.

* * *

Рано потеряв мужа, маркиза де ла Турнелль переселилась в Версаль к своей старшей сестре, госпоже де Мальи, бывшей в то время фавориткой короля. На Людовика XV, которому уже наскучила её старшая сестра, Мария-Анна произвела сильное впечатление.

Однажды после полуночи, переодевшись врачом, он отправился к ней в сопровождении герцога де Ришельё. Перед тем как взойти на королевское ложе, молодая женщина выдвинула свои условия. Она потребовала немедленно и публично отослать свою сестру и возвести себя в статус официальной любовницы, какой была покойная де Монтеспан; предоставить прекрасные апартаменты, достойные её положения, ибо не желала, как её сёстры, ужинать и тайком заниматься любовью в маленьких комнатах. Она хотела иметь свой двор и чтобы король открыто приходил к ней ужинать. В случае недостатка в деньгах она желала получать их в королевской казне с правом собственной подписи. А если она забеременеет, то не будет скрывать этого, и дети её будут считаться законными.

Людовик XV был сильно влюблён — он согласился на эти условия, и 17 января 1744 года палаты парламента узаконили королевский дар: герцогство де Шатору передавалось во владение де ла Турнелль. Судя по документам, мадам де ла Турнелль получила этот подарок за услуги, оказанные королеве. Но обмануться по этому поводу было сложно.

В марте 1744 года, подстрекаемый королём Фредериком II, король Франции вынужден был, в свою очередь, объявить войну Марии-Терезе Австрийской, Англии и Голландии… Положение было не блестящим: враг стоял на берегах Рейна и во Фламандии. В любой момент он мог захватить французскую территорию.

Де Шатору отвлеклась от придворных сплетен. Она помогала

советами королю и заслужила сравнение с Агнессой Сорель.

Однажды утром она пришла к королю и ясно дала ему понять, что пришло время стать настоящим властителем, заняться военными делами и возглавить армию. Людовик XV колебался, и она написала ему замечательное письмо:

«Вы не были бы королём, если бы вас можно было любить ради вас самого. Король сам должен заботиться о своём авторитете. Если народ ваш ропщет, сделайте так, чтобы голос ваш был для него всё равно что голос отца. О сир! Что может быть важнее для короля, чем быть окружённым счастливыми людьми? Когда я предложила Вашему Величеству приступить к командованию армией, я была далека от мысли подвергнуть вашу жизнь опасности, — она принадлежит государству. Но отец отвечает за детей своих. Ваше присутствие, сир, вдохновит войска, вселит в них уверенность и заставит победить, — вы завоюете все сердца. Сир, простите мне мою откровенность — Вы не можете вменить мне в вину то, что я ратую за Вашу славу. Стоит ли опасаться, что правда может не понравиться вам? Когда она становится необходимой, её не боятся. Если бы я не заботилась о вашем величии, это значило бы, что я не люблю вас».

Это обращение тронуло Людовика XV. Уже через месяц он отправился во Фламандию, чтобы взять командование в свои руки… Но поскольку он не мог расстаться с де Шатору, то взял её с собой, что породило множество сплетен. Народ считал, что король выставляет армию на посмешище. И осмелился высказать ему своё неодобрение.

В одном из городов с Людовиком случился казус. Поужинав у де Ришельё, он решил провести вечер с герцогиней. Надеясь остаться незамеченным, монарх вышел через потайную дверь. Но поджидавшие его горожане принялись кричать во всё горло: «Да здравствует король! Да здравствует король!»

Смущённый Людовик XV быстро нырнул в садик, но зеваки продолжали следовать за ним. Монарху пришлось бежать по улицам под иронические окрики, а де Шатору — спать в этот вечер в одиночестве…

Чтобы избежать в будущем подобных ситуаций, Людовик XV распорядился выделить герцогине соседний с его резиденцией дом с тайным ходом от одного особняка к другому. Во всех городах Фламандии рабочие стали, посмеиваясь, прорубать стены… В Меце, к несчастью, не удалось найти два подходящих для этого дома. Фаворитка остановилась в аббатстве Сен-Арну, король — на той же улице, но чуть дальше. Де Шатору, которая не могла долгое время обходиться без любви, не могла сдержать

слёз. Тогда епископ нашёл выход: из досок выстроили галерею, соединившую любовников.

«Эту галерею, — радостно объяснял он жителям Меца, — соорудили, чтобы облегчить королю поход к церкви!»

Но горожане сразу догадались, для чего предназначалась галерея. Некоторые добавляли даже, что если Людовик XV приехал в Мец, чтобы подать дурной пример провинциалкам, то лучше бы он оставался в Версале.

В начале августа 1744 года король был приглашён герцогом де Ришельё на изысканный ужин. На нём присутствовали все придворные дамы, сопровождавшие фаворитку. Было безумно весело. «И там, — писал мемуарист, — мсье де Ришельё чаще держался за зад своей соседки, чем за ложу». Счастливый король — ведь он мог на несколько часов забыть о тяготах войны — был почти весел и любезен со всеми дамами. Герцог де Ришельё разошёлся, и в его голове мелькнула шальная мысль — проводить Людовика XV, де Шатору и мадемуазель де Лорагэ, сестру фаворитки и бывшую любовницу короля, в отдельную комнату, где стояла огромная кровать. Ришельё предусмотрительно закрыл всех троих. Разумеется, никто никогда не узнает, что же там произошло. Но последствия были плачевны. На следующий день король слёг — врач определил у него лихорадку.

В Меце поднялась паника. Горожане молились, ставили свечи, распевали псалмы. Людовик XV, содрогаясь от мысли о скорой кончине, послал за духовником, отцом Перюссо. Этот хитрый иезуит, один из тех, кто ненавидел де Шатору, предварительно договорившись с епископом Суассонским Фитц-Джеймсом, решил воспользоваться случаем… Приблизившись к постели больного короля, он немедленно перешёл в наступление: «Если вы хотите получить последнее причастие, прогоните вашу сожительницу».

Два этих почтенных прелата сменяли друг друга до самого вечера и в конце концов сломили короля. В семь часов, чувствуя, что силы покидают его, он согласился, прошептав: «Пусть она уедет далеко, всё равно куда…»

Епископ тотчас же поспешил в комнату, где де Шатору и её сестра с тревогой ожидали известий. «Они услышали, как открылась двустворчатая дверь, — писал герцог де Ришельё, ставший свидетелем этой сцены, — и увидели, что к ним направляется Фитц-Джеймс; глаза его сверкали, когда он объявил: „Король приказывает вам, мадам, сейчас же покинуть этот город!“»

Он вышел, чтобы немедленно отдать приказ о разрушении деревянной галереи, соединявшей апартаменты короля и

герцогини, дабы народ узнал о происшедшем разрыве: «Словно громом поражённые, — писал далее Ришельё, — сёстры, застывшие, только что не умершие, ничего ему не ответили».

Герцог де Ришельё знал страсть короля к мадам де Шатору. Он дал понять, что от имени короля воспротивится их отъезду, и всю ответственность за это взял на себя. Фитц-Джеймс настаивал на своём: короля будут соборовать лишь после отъезда сестёр.

В то время как Людовик XV получал последнее причастие, мадам де Шатору с сестрой спасались бегством под градом оскорблений и угроз. Вслед им бросали камни, запускали вёдра с водой и даже «ночные горшки, наполненные мочой». В Коммерси толпа готовилась разбить карету и разорвать сестёр в клочья. Если бы не вмешательство городского управляющего, это, несомненно, удалось бы. На всём пути крестьяне осыпали женщин грязными ругательствами, считая их виновницами болезни короля. Самые страшные оскорбления предназначались де Шатору…

Однако, перезрев свой позор, до Парижа она так и не доехала, объяснив это в письме герцогу де Ришельё, своему доверенному лицу: «Думаю, что король набожен, пока он беспомощен… Когда немного поправится, он сразу же обо мне вспомнит, он не устоит — непременно заговорит обо мне, и тогда уж как-нибудь мягко и осторожно расспросит у Бебеля или Бишельё, что со мною сталось. Они же на моей стороне — дело моё будет выиграно. Верю, что короля вылечат и всё уладится. Я не еду в Париж. Поразмыслив как следует, я решила остаться с сестрой в Сент-Менехулде».

В то время как де Шатору остановилась в Сент-Менехулде, в Мец приехала обеспокоенная королева. Застав короля в постели, она разразилась рыданиями и «целый час» провела рядом, обнимая его и жалея. Король считал себя обречённым. Он мужественно претерпел эти проявления чувств и даже в минуту слабости покаянно произнёс: «Мадам, я прошу у вас прощения за скандал, которому я виной, за всё горе и печали, что я вам причинил».

Угрызения совести положительно сказались на состоянии его здоровья — уже через неделю ему стало лучше. Эта новость вызвала взрыв ликования во всём королевстве. Повсюду зазвонили колокола… Народ так радовался за своего короля, за дорого Людовика XV, что с этих пор прозвал его Любимым.

Королева наивно полагала, что он вернётся к ней и будет делить с ней ложе, как в старое время. Она мечтала об этом… но быстро протрезвела. Как только к королю вернулись силы, он стал громко жаловаться: нечестный духовник коварно

воспользовался его болезнью, его беспомощностью и вынудил недостойно поступить с «особой, чья вина заключалась лишь в чрезмерной любви к нему». Целый месяц он только и думал, что о своей герцогине. Наконец 14 ноября в десять часов вечера, не в силах больше сдерживаться, он тайно покинул Тюильри и отправился на улицу Бак к ней домой. «Он желал, — писал де Ришельё, — вновь вдохнуть её очарование; решил без посредников узнать условия её возвращения ко двору; жаждал получить прощение за всё происшедшее во время его болезни в Меце».

Войдя к де Шатору, король был неприятно удивлён: огромный флюс обезобразил лицо молодой женщины. Разумеется, он сделал вид, что ничего не заметил… Он просил вернуться её в Версаль.

Красавица, однако, оказалась злопамятной: «Я вернусь лишь при условии, если герцог де Буйон, герцог де Шатийон, Ларошфуко, Балерой, отец Перюссо и епископ Суассонский будут изгнаны».

Король, горевший желанием возобновить близость с герцогиней, согласился на все её требования. Для пущего примирения, счастливые, они немедленно возлегли на ложе страсти. «Мадам де Шатору, — рассказывал Ришельё, — решила доказать поистине без страха и упрёка любовнику своё расположение. Трудное путешествие, необычные волнения, сложные противоречия и долгое воздержание донельзя их распалили. Они были так возбуждены, так несдержанны, что король оставил свою возлюбленную с приступом сильной головной боли и с высокой температурой. Она серьёзно заболела». Бедняжка не смогла от этого оправиться — через две недели она умерла. Такова её судьба.

Цзян Цинн (1914–1991)

Любовница, а затем жена лидера китайских коммунистов Мао Цзэдуна. После смерти Мао попыталась стать его политической наследницей, но «заговор четырёх» потерпел провал.

* * *

В Китае женщин испокон веков считали низшими существами, и они не раз мстили за это, брали реванш. Госпожа Мао с честью заняла место в ряду императриц далёкого прошлого, регентш, неумолимых и жестоких. Это была женщина, совершенно лишённая моральных устоев, очень расчётливая и хитрая, ничего не делавшая просто так.

Если она становилась чьей-то любовницей, то ради того, чтобы стереть этого человека в порошок. Если активно включилась в коммунистическое движение, то лишь потому, что вовремя угадала, куда подул ветер перемен. Больше всего в ней поражали выносливость, невероятное умение приспосабливаться к любым, самым драматическим ситуациям и — жажда жить, что в её понимании означало господствовать. Она желала стать Единственной, стать наследницей Мао и его «империи»… Почему же великий Мао был до такой степени «под каблуком» у этой женщины, которую никак нельзя было назвать красивой…

Цзян Цин родилась в провинции Шаньдун в семье мелкого предпринимателя Ли Дэвэня в 1914 (по другим сведениям, 1912) году. В 1928 году поступила на театральные курсы. Через два года вышла замуж за торговца по фамилии Хуан. Этот союз немногим пережил медовый месяц. После развода Цзян Цин перебралась в Циндао, где работала в университетской библиотеке. Она вращалась среди киношников, театральной публики, успешно завязывая всё новые знакомства и отдаваясь прелестям богемной жизни.

Трудно сказать, какую именно карьеру стремилась сделать юная Цзян Цин — начинающая актриса… Но ещё до знакомства с Мао она говорила, что выйдет замуж за «первого человека в Китае». Когда Цзян Цин появилась в Яньане, ей было 26 лет. Она вынуждена была оставить свою работу в кино. Причиной тому стал громкий скандал вокруг связи Цзян Цин с актёром и критиком Тан На. Когда Цзян Цин бросила своего немолодого покровителя и двоих рождённых от него детей, Тан На пригрозил,

что покончит жизнь самоубийством. Вокруг этой истории поднялся шум. Она попала на страницы газет и стала сенсацией. При этом все единодушно указывали на Цзян Цин как на виновницу личной трагедии Тан На. В её адрес сыпались обвинения.

Уже тогда Цзян Цин знала, чего она хочет. Её жизнь с 18 лет была связана с коммунистической партией, и дальнейшую свою судьбу она также связывала с политикой. Она планировала свою жизнь.

Как же Цзян Цин попала в личное окружение Мао? Как удалось ей пройти заслон из соратников, охраны, жены, наконец?

Ещё в Шанхае, по словам Цзян Цин, до неё доходили слухи о странствующем вожде красных Мао Цзэдуне и его грозном соратнике Чжу Дэ. Она могла только мечтать о встрече с ним. Мао сам заметил Цзян Цин, когда она приехала в Яньань. Он разыскал её и пригласил на свою лекцию в Институт марксизма-ленинизма. Удивлённая и преисполненная благоговейного трепета, Цзян Цин сначала отказалась, но позже, поборов смущение, приняла приглашение. Так началась их связь, которая долгое время тщательно скрывалась от окружающих.

Их свадьба тоже связана со скандальной историей. Известно, что в Политбюро ЦК КПК тогда раздавались голоса против развода Мао Цзэдуна с третьей женой — Хэ Цзычжэнь, которая в то время находилась на лечении в СССР, и особенно против женитьбы на женщине с сомнительной репутацией. Этот вопрос обсуждался даже на заседании Политбюро, однако Мао Цзэдун настоял на своём, заявив, что свою личную жизнь он будет устраивать так, как хочет, несмотря ни на что. Кан Шэн — земляк Цзян Цин — сыграл главную роль в урегулировании этого семейного дела. Он дал на Политбюро поручительство за Цзян Цин и с той поры стал её доверенным лицом.

Цзян Цин всегда в разговорах с журналистами стремилась снять с себя ответственность за развод Мао Цзэдуна с Хэ Цзычжэнь. «Когда я приехала в Яньань, Мао не жил со своей женой уже больше года. Они были разведены, и она лечилась в Советском Союзе». Цзян Цин описывала бывшую жену Мао, как упрямую и недалёкую женщину, не способную понять «политический мир Мао». Да, она признаёт, что Хэ вместе с Мао проделала «великий поход», но она, Цзян Цин, интуитивно и сразу постигла таинственный мир вождя.

Но и саму Цзян Цин постоянно мучила неуверенность в чувствах Мао к ней. Она помнила о печальной судьбе своих предшественниц, а их было три. Она знала, что Мао развёлся с первой женой, которая, правда, была навязана ему родителями.

Затем он женился на дочери глубоко уважаемого им профессора. Она родила ему троих сыновей. Впоследствии эта жена была казнена гоминьдановцами. Третью жену он отправил в Советский Союз — якобы для лечения, а после возвращения заключил в психиатрическую больницу. Перед глазами у Цзян Цин были примеры бесчисленных разводов в высшем руководстве. У Лю Шаоци было шесть жён.

Но Цзян Цин была осторожна, и она была актриса. Она вышла замуж за Мао в 1939 году и стала лишь тихой и неприметной домохозяйкой. Это условие было поставлено Мао руководством коммунистической партии. Внешность молодой жены обманчива. Глядя на фотографию Цзян Цин в яньаньский период, видишь миловидную женщину, тонкую и гибкую как лотос, с нежной кожей лица и припухлыми губами. Цзян Цин начала играть ещё одну очень важную и убедительную роль. Она не просто жена — она его друг, соратник. В воспоминаниях о Мао Цзян Цин писала, что ни разу, даже по ошибке, не назвала его мужем или по имени. Она всегда называла его только Председателем. Она оберегала его, но не так, как оберегает жена любимого человека, а как оберегает секретарь своего высокопоставленного начальника. Ни на что не претендуя, она старалась лишь быть полезной ему во всей его деятельности. Незаметно в её маленьких ручках сосредоточилась немалая власть.

В 1960-х годах Цзян Цин вновь открыто вмешалась в большую политику и оказала немалое влияние на стиль и методы «культурной революции» в Китае.

Цзян Цин стала помощником Председателя по вопросам культуры и образования, другими словами — «патрульной культурной революции». Она теперь могла силой заставить всех забыть о её прошлом.

Цзян Цин раньше вообще ничего не рассказывала о периоде 1930-х годов. Эпизоды её биографии того времени дали повод нынешним китайским руководителям изображать её как женщину лёгкого поведения, которая приобщилась к коммунистическому движению по заданию гоминьдана.

Газета «Жэньминь жибао» уже после ареста Цзян Цин сообщала о том, что в период «культурной революции» она стремилась всеми средствами ликвидировать все следы своей прошлой деятельности. Так, в 1968 году Цзян Цин поручила своим агентам из секретной организации под видом «красных охранников» совершать обыски в домах, где могли находиться фотографии, документы, относящиеся к 1930-м годам, и уничтожать всё, что могло её скомпрометировать.

В 1964 году Цзян Цин встретила человека, которому было

известно её прошлое. Она поспешно установила связь с агентом Линь Бяо и заявила: «Вам следует воспользоваться этими смутными временами и схватить моего врага. Если у вас есть какие-либо враги, скажите мне, я сама разделаюсь с ними».

«Врагов» у китайской культуры и Цзян Цин было много. Драматурги, артисты, учёные, литераторы, музыканты — те, кто ещё продолжал «служить горстке помещиков, кулаков, контрреволюционеров, правых и буржуазных элементов», противопоставляя себя пролетарской культуре.

Цзян Цин провозгласила «крестовый поход», который казался бы комичным, если бы не был чудовищным. В «культурном строительстве», вдохновляемом Цзян Цин, в основном действовали хунвэйбины. Цзян Цин не ведала сомнений, у неё самой не было никакого образования, если не считать трёх месяцев обучения в драматической школе в Цзинани в юности. При случае же она скромно признавалась в своём невежестве.

Цзян Цин выступала на митингах хунвэйбинов. В 1966 году она с восторгом объявила, что началась гражданская война, считая её единственным средством проведения пролетарских начал в духовную жизнь. Носители буржуазных начал должны были подвергнуться «революционной ликвидации». «С молотом в руке, — объявила она, — подняв сжатый кулак, я пошла в наступление на всё старое».

Особой гордостью Цзян Цин было создание образцовых спектаклей «янбань си». В 1972 году во время визита в Китай президента США Р. Никсона, Цзян Цин пригласила его на представление революционного балета «Женский красный батальон». Когда президент попросил назвать имена драматургов, композиторов и режиссёров, создающих подобные спектакли, Цзян Цин торжественно отвечала ему, что «они созданы массами».

«Культурная революция» вознесла Цзян Цин на вершину власти. Но жена Председателя стремилась к власти абсолютной, она мечтала стать «красной императрицей», преемницей 70-летнего Мао. Говорят, что, когда Мао умирал, кто-то услышал, как Цзян Цин сказала: «Мужчина должен отрекаться в пользу женщины. Женщина тоже может быть монархом. Императрица может существовать даже при коммунизме».

Теперь утверждают, что Мао предостерегал партию против попыток переворота со стороны Цзян Цин. В китайской печати писали, что Председатель Мао перед смертью со всей серьёзностью рассказал товарищу Хуа Гофэну историю о Лю Бане, который перед смертью осознал, что императрица Люй и другие из её клана вступили в заговор с целью предать страну и

узурпировать власть.

Кончина Мао 9 сентября 1976 года (он умер неожиданно) привела к резкому обострению политической борьбы. Похороны Мао, которые были обставлены как национальная трагедия, не слишком долго занимали умы его наследников. Ещё не был решён вопрос о том, как поступить с останками — захоронить в земле, кремировать или забальзамировать, ещё не отзвучали речи, посвящённые погребальному ритуалу, как наследники попытались взять власть.

Цзян Цин и её приближённые были арестованы во дворце. Вскоре появились официальные сообщения о заговоре «банды четырёх» — Чжан Цуньцяо, Ван Хунвэня, Цзян Цин, Яо Вэньюаня, которые готовились наследовать Мао и установить «фашистскую диктатуру».

Падение Цзян Цин — «красной звезды» — было стремительным. Она враз потеряла всё: власть, политический вес и, главное, заманчивую перспективу повторить судьбу жён императоров Китая, которые наследовали их корону, их деятельность, их культ. Поражение было тем обиднее, что переворот подавили без всякой борьбы. За арестом вдовы «красного солнышка» не последовало никаких потрясений ни в партии, ни в государстве. Пожизненное заключение она отбывала сначала в тюрьме, а затем в хорошо охраняемом особняке. Её путь закончился петлёй: ранним утром 14 мая 1991 года Цзян Цин обнаружили повесившейся в одной из комнат её пекинской резиденции.

Так закончилась карьера великой жены великого Мао, о которой когда-то мечтала молодая актриса с поэтическим именем Цзян Цин, в переводе — «Голубая Река».

Мария Закревская-Бенкендорф-Будберг (1892–1974)

Младшая дочь черниговского помещика, а затем члена Сената И. П. Закревского. Её называли на Западе «русской миледи», «красной Матой Хари». Она прожила с М. Горьким двенадцать лет, была любовницей Р. Б. Локкарта и Г. Уэллса. Жизнь её, полная приключений, могла бы послужить сюжетом не одного романа.

* * *

Мария-Мура родилась в 1892 году. Когда девушке исполнилось девятнадцать лет, родители послали её в Англию для совершенствования языка, под присмотр сводного брата Платона, который служил в русском посольстве в Лондоне. Этот год определил дальнейшую судьбу Муры, потому что здесь она встретилась с огромным количеством людей из высшего лондонского света и в этот же год вышла замуж за прибалтийского дворянина И. А. Бенкендорфа из побочной линии княжеских Бенкендорфов, но не князя. Тогда же она познакомилась с английским дипломатом Брюсом Локкартом и с писателем Уэллсом.

Затем Мура с мужем переехала в русское посольство в Германии. Жизнь обещала быть весёлой и беззаботной, Мура даже была представлена кайзеру Вильгельму на придворном балу. Но пришёл 1914 год, и все работники посольства покинули Берлин. Война всё изменила.

В военные годы, несмотря на то, что у Муры было уже двое детей, она работала в военном госпитале, а её муж служил в военной цензуре. От Февральской революции они укрылись в имении Бенкендорфа под Ревелем. Но произошла ещё одна революция, а Муре надоела деревня, и она одна отправилась в Петроград, чтобы осмотреться. В это время в имении мужики убили её мужа, а гувернантка чудом спасла детей, укрывшись с ними у соседей.

Положение было таким сложным, что вернуться в Ревель к детям было невозможно, а из петроградской квартиры Муру вскоре выселили революционные власти, и она оказалась на улице, одна, в охваченном беспорядками городе. В это

сумасшедшее время в Москву возвратился консул Великобритании Брюс Локкарт, но теперь не как официальный дипломат, а скорее как специальный агент, как осведомитель, как глава особой миссии, призванный установить от имени своего правительства неофициальные отношения с большевиками.

Мура уже вторую неделю приходила в британское посольство после приёмных часов, где у неё были друзья, на которых она очень надеялась. Локкарта она встретила там на третий день после его приезда… Ему шёл тридцать второй год, ей было двадцать шесть.

Очень скоро отношения между Мурой и Локкартом приняли совершенно особый характер: оба страстно влюбились друг в друга. Она видела в нём всё, чего лишилась, для него же Мура была олицетворением страны, которую он полюбил, с которой чувствовал глубокую связь. Недозволенное счастье неожиданно обрушилось на них в страшной, жестокой, голодной и холодной действительности русской революции. Оба стали друг для друга центром всей жизни. Любовь и счастье, и угроза тому и другому были теперь с ними день и ночь. Они жили на квартире в Хлебном переулке, около Арбата. У Локкарта был большой кабинет, книги, письменный стол, кресла и камин. И кухарка была отличная: из запасов американского Красного креста она готовила им вкусные обеды. Мура была спокойной и весёлой в те дни.

Но после расстрела царя пошли слухи о скорой высылке иностранных наблюдателей и осведомителей. Приближалась развязка, но Локкарт и Мура, не позволяя себе лишних слов, от которых становилось только чернее на сердце, мужественно смотрели в будущее, которое неминуемо должно разделить их.

В этот год председателю ревтрибунала Петерсу было тридцать два года. Это был стройный, худощавый, щеголеватый шатен, скуластый, с сильным подбородком и живыми, умными и жестокими глазами. В ночь с 31 августа на 1 сентября он приказал арестовать живших в Хлебном переулке англичан. В квартиру вошёл отряд чекистов, был произведён тщательный обыск, а затем Локкарта и Муру арестовали и увезли на Лубянку. Через некоторое время Локкарта перевели на квартиру в Кремль, где он находился под арестом, разумеется. Но он ничего не знал о Закревской и написал просьбу об её освобождении. Потом Петерс сообщил английскому дипломату, что его отдадут в руки Революционного трибунала, но что Муру он, Петерс, решил освободить. А 22 сентября чекист, улыбаясь, вошёл к Локкарту, ведя за руку его возлюбленную графиню Закревскую, вдову графа Бенкендорфа. То, что с такой родословной Мура не только вышла

живой и невредимой, но и спасла Локкарта, говорит о её незаурядном таланте быть обольстительной женщиной… И, наверное, очень умной и ещё, пожалуй, весьма расчётливой. Когда в следующий раз Петерс пришёл с Мурой объявить Локкарту, что его скоро выпустят, чекист выглядел очень счастливым.

Мура провожала Локкарта на вокзале. Он навсегда покинул эту страну и эту женщину.

Она уехала в Петроград. 1919 год — зловещий год для Петрограда и России, год голодной смерти, сыпного тифа, лютого холода в разрушенных домах и безраздельного царствования ВЧК. Здесь она нашла своего знакомого по работе в госпитале, бывшего генерал-лейтенанта А. Мосолова, который её приютил. У неё не было ни прописки, ни продовольственных карточек. Она решила работать. Однажды Мура отправилась во «Всемирную литературу» к К. И. Чуковскому, потому что ей сказали, что он ищет переводчиков с английского на русский. Он обошёлся с ней ласково, дал какую-то работу, достал продовольственную карточку, а летом повёл её к Горькому.

В разное время различные женщины в доме Горького занимали за обеденным столом место хозяйки. С первой женой Е. К. Пешковой он расстался давно, с М. Ф. Андреевой — ещё до революции, но она всё ещё жила в большой квартире писателя, хотя часто уезжала, и в это время её место хозяйки занимала В. В. Тихонова, чья младшая дочь, Нина, поражала сходством с Горьким. В его доме жили и его дети, и дети его жён, и друзья. Часто ночевали гости. Мура всем понравилась, а когда через месяц начались холода, её пригласили жить на квартиру писателя. Комнаты Горького и Муры были рядом.

Уже через неделю после переезда она стала в доме совершенно необходимой. Она прочитывала утром получаемые Горьким письма, раскладывала по папкам его рукописи, отбирала те, которые ему присылались для чтения, готовила всё для его дневной работы, подбирала брошенные со вчерашнего дня страницы, печатала на машинке, переводила нужные ему иностранные тексты, умела внимательно слушать, сидя на диване в его кабинете. Слушала молча, смотрела на него своими умными, задумчивыми глазами, отвечала, когда он спрашивал, что она думает о том и об этом, о музыке Добровейна, о переводах Гумилёва, о поэзии Блока, об обидах, чинимых ему Зиновьевым…

Он знал о Муре немного, кое-что о Локкарте, кое-что о Петерсе. Она рассказала Горькому далеко не всё, конечно. То, что он воспринял как главное, было убийство Бенкендорфа и разлука

с детьми. Она не видела их уже третий год, и она хотела и надеялась вернуться к ним.

Горький любил слушать её рассказы. У неё была короткая, праздная и нарядная молодость, которая рухнула от первого удара карающего эту жизнь топора. Но она ничего не боялась, шла своим путём, и не сломили её ни ВЧК, ни то, что мужа разорвали на части, ни то, что дети бог знает где. Она — железная женщина. А ему пятьдесят два года, и он человек прошлого века, у него за спиной аресты, высылки, всемирная слава, а теперь — застарелый туберкулёз, кашель и кровохарканье. Нет, он не железный.

Когда в Россию приехал Герберт Уэллс с сыном, Горький пригласил их жить к себе, в эту же большую и густонаселённую квартиру, потому что приличных гостиниц в то время было не найти. И Мура все дни была официальной переводчицей по распоряжению Кремля. К концу второй недели своего пребывания в Петрограде Уэллс внезапно почувствовал себя подавленным, не столько от разговоров и встреч, сколько от самого города. Он стал говорить об этом Муре, которую встречал ещё перед войной, в Лондоне. А она была наделена врождённой способностью делать всё трудное лёгким и всё страшное — не совсем таким страшным, каким оно кажется, не столько для себя и не столько для других людей, сколько для мужчин, которым она нравилась. И вот, улыбаясь своей кроткой улыбкой, она уводила Уэллса то на набережную, то в Исаакиевский собор, то в Летний сад.

Когда Мура попыталась пробраться в Эстонию нелегально, чтобы узнать о детях, её задержали, и Горький сразу же поехал в петроградскую ЧК. Благодаря его хлопотам Муру выпустили. Но когда восстановилось железнодорожное сообщение с Эстонией, она опять отправилась туда. Тогда уже было ясно, что Горький вскоре уедет за границу. Она надеялась, что он поедет через Эстонию, и хотела дождаться его там. Но в Таллине её сразу же арестовали, обвинив в том, что она советская шпионка. Она наняла адвоката, и её выпустили, взяв подписку о невыезде. Через три месяца её выслали бы обратно в Россию, куда ей совсем не хотелось. Но ни в какую другую страну она не могла уехать из Эстонии, впрочем, как и из России. «Вот если бы вы вышли замуж за эстонца и получили бы эстонское гражданство, — намекнул ей адвокат, — вас бы выпустили».

Она жила с детьми три месяца, и родня мужа из-за этого лишила детей всякой денежной поддержки. Теперь она должна была сама содержать их и гувернантку. И именно в этот момент тот адвокат познакомил её с бароном Николаем Будбергом. Барон тоже хотел в Европу, но у него не было денег. Муре Горький,

который был в Берлине, перечислил тысячу долларов. Теперь её брак с бароном всё решал: он получал деньги на выезд, она — визу. Горький в Берлине энергично хлопотал за Муру, которую предложил властям назначить за границей его агентом по сбору помощи голодающим России.

Годы 1921–1927 были счастливыми для Горького. Лучшие вещи его были написаны именно в это время, и, несмотря на болезни и денежные заботы, была Италия, которую он так любил. И была рядом Мура.

Сияющее покоем и миром лицо Муры и большие, глубокие и играющие жизнью глаза, — может быть, это всё было и не совсем правда, или, наверное, даже не вся правда, но этот яркий и быстрый ум, и понимание собеседника с полуслова, и ответ, мелькающий в лице, прежде чем голос прозвучит, и внезапная задумчивость, и странный акцент, и то, как каждый человек, говоря с ней или только сидя с ней рядом, был почему-то глубоко уверен в своём сознании, что он, и только он, в эту минуту значит для неё больше, чем все остальные люди на свете, давали ей ту тёплую и вместе с тем драгоценную ауру, которая чувствовалась вблизи неё. Волосы она не стригла, как тогда было модно, а носила низкий узел на затылке, заколотый как бы наспех, с одной или двумя прядями, выпадающими из волны ей на лоб и щеку. Её тело было прямо и крепко, фигура была элегантна даже в простых платьях. Она привозила из Англии хорошо скроенные, хорошо сшитые костюмы, научилась ходить без шляпы, покупала дорогую и удобную обувь. Драгоценностей она не носила, мужские часы на широком кожаном ремешке туго стягивали её запястье. В её лице, с высокими скулами и широко поставленными глазами, было что-то жёсткое, несмотря на кошачью улыбку невообразимой сладости.

Горький вместе с многочисленным семейством переезжал из одного санатория в другой. Жили всегда просторно и удобно. Когда писателю становилось лучше, он с Мурой ходил гулять к морю. В Херингсдорфе, как и в Саарове, в Мариенбаде и в Сорренто он ходил медленно. Носил чёрную широкополую шляпу, сдвинув её на затылок, жёлтые усы загибались книзу. Утром читал газеты и писал письма. За порядком в доме по-прежнему следила Мура. Но теперь регулярно, три раза в год, она ездила в Таллин к детям — летом, на Рождество и на пасху — и проводила с ними каждый раз около месяца. Иногда она задерживалась в Берлине по издательским делам Горького. Но в Берлине жил ещё Николай Будберг, её официальный муж, и он вёл себя так, что его в любое время могли посадить в тюрьму — за карточные долги, за невыплату алиментов, за неоплаченные

чеки… Ей приходилось улаживать дела барона — платить… Мура решила отправить мужа в Аргентину, и ей это удалось. Больше она о нём никогда не слышала.

Когда умер Ленин, Горький написал о нём воспоминания, которые на Родине подверглись жестокой цензуре. И именно тогда Мура стала уговаривать Горького вернуться в СССР! Она рассуждала здраво: тираж его книг на иностранных языках катастрофически падал. А в России его стали забывать, и если он не вернётся в ближайшее время, его перестанут читать и издавать и на Родине. Но Мура возвращаться с ним в Россию не собиралась. На что она надеялась, отказываясь от помощи Горького?

Оказывается, все эти годы, когда она была секретарём и подругой пролетарского писателя, во время поездок в Таллин она останавливалась не только в Берлине, но и в Лондоне, и в Праге, и кое-где ещё. Она пыталась возобновить прежние связи, и несколько раз виделась с Уэллсом. Но главное, она искала Локкарта, и наконец ей это удалось. Она встретилась с ним в Вене. Он сразу понял, что не испытывает к ней прежних чувств, и она это поняла. Но они стали довольно регулярно видеться. Локкарт писал позже, что Мура давала ему в двадцатые годы «огромную информацию», важную для его работы в Восточной Европе и среди русских эмигрантов. Очень скоро его опять начали считать — не благодаря ли возобновлению сотрудничества с Мурой? — одним из экспертов по русским делам, а потом он стал видным журналистом в газете «Ивнинг стандард». Он написал книгу «Мемуары британского агента» о днях русской революции, по ней был поставлен фильм «Британский агент» о приключениях английского дипломата в драматические дни в Москве, о его любви к русской женщине, о тюрьме, спасении и разлуке. На первый просмотр фильма Локкарт пригласил Муру.

В конце двадцатых Горький уже постоянно ездил в СССР и обещал вернуться туда окончательно, поэтому Госиздат начал выпускать собрания его сочинений, и писателю поступали гонорары, несмотря на трудности перевода денег из России за границу. Мура имела небольшой, но постоянный заработок у Локкарта, но благодаря Горькому она не бедствовала и даже перевезла детей с гувернанткой на постоянное место жительства в Лондон, где и сама решила закрепиться после того, как пролетарский писатель вернётся на Родину. Она хорошо подготовилась к его отъезду: с 1931 года Мура начала фигурировать то тут, то там как «спутница и друг» Уэллса. Ему было тогда шестьдесят пять.

Горький уехал и оставил Муре часть своего итальянского

архива. Его нельзя было везти в СССР, потому что это была переписка с писателями, которые приезжали из Союза в Европу и жаловались Горькому на советские порядки. Но в 1936 году на Муру было оказано давление кем-то, кто приехал из Советского Союза в Лондон с поручением и письмом к ней Горького: перед смертью он хотел проститься с ней, Сталин дал ей вагон на границе, её обещали доставить в Москву, а потом обратно. Она должна была привезти в Москву его архивы. Если бы она их не отдала, их взяли бы силой. А если бы уничтожила, спрятала? Но Мура привезла архивы в Москву, её провели к Горькому и сразу же после её ухода объявили об его смерти. К тому времени Сталин получил из Европы все архивы, которые ему были нужны — Троцкого, Керенского и Горького — и начал готовить процесс Рыкова — Бухарина.

…Мура стояла наверху широкой лестницы отеля «Савой» рядом с Уэллсом и принимала входивших гостей. Каждому она говорила что-нибудь любезное и улыбалась за себя и за него, потому что настроение его последнее время было скорее сердитым и мрачным. Приём был торжественный, устроил его ПЕН-клуб в честь семидесятилетнего юбилея Уэллса. Говорят, Уэллс уговаривал её выйти за него замуж. Она не согласилась.

Всю войну она работала на Локкарта в журнале «Свободная Франция». Уэллс воспринимал её деятельность у французов как необходимое убийство времени. Он жил теперь в собственном особняке и начал пророчествовать о конце света, потому что все его лучшие книги остались в прошлом. Он болел, а в 1945 году никаких надежд на улучшение здоровья уже не осталось, и с этого времени Мура была с ним неотлучно. Война состарила её. Она начала толстеть, ела и пила очень много и небрежно относилась к своей внешности. Ей было пятьдесят четыре года, когда умер Уэллс.

После войны Мура жила в Лондоне совершенно свободно, без денежных затруднений. Сын жил на ферме, дочь вышла замуж. Мура несколько раз ездила в СССР как британская подданная. В конце жизни она очень растолстела, общалась больше по телефону и всегда имела под рукой полбутылки водки. За два месяца перед смертью сын, бывший уже на пенсии, взял её к себе в Италию.

В некрологе «Таймс» назвал её «интеллектуальным вождём» современной Англии, женщиной, которая в течение сорока лет находилась в центре лондонской интеллектуальной и аристократической жизни.

Она любила мужчин, не только своих троих любовников, но и вообще мужчин, и не скрывала этого. Она пользовалась сексом,

она искала новизны и знала, где найти её, и мужчины это знали, чувствовали это в ней, и пользовались этим, влюбляясь в неё страстно и преданно. Её увлечения не были изувечены ни нравственными соображениями, ни притворным целомудрием, ни бытовыми табу.

Если ей что-нибудь в жизни было нужно, то только ею самой созданная легенда, её собственный миф, который она в течение всей своей жизни растила, расцвечивала, укрепляла. Мужчины, окружавшие её, были талантливы, умны и независимы, и постепенно она стала яркой, живой, дающей им жизнь, сознательной в своих поступках и ответственной за каждое своё усилие.

Элизабет фон Мейсенбург, графиня фон Платен (1648–1700)

Оснабрюкк, 1673 год.

По сонным улицам как будто промчался ураган. Все сгорали от любопытства. В город прибыли иностранцы, красивые, элегантные, с пикантной прелестью «высшего света».

Через несколько дней граждане в местном театре увидели, как Его Преосвященство епископ Эрнст-Август входил в ложу иностранцев…

Навстречу епископу встали со своих мест барон Филипп фон Мейсенбург и две его дочери. Более красивая из них, Элизабет, сразу оценила значение этого благоволения.

А из княжеской ложи за этим маленьким спектаклем с натянутой улыбкой наблюдала супруга епископа, герцогиня София.

Теперь Элизабет было ясно, что борьба началась. Её чары подействовали на Эрнста-Августа. В партере изнемогали от любопытства зеваки, в ложе иностранцев смышлёная девушка млела под влюблёнными взглядами епископа.

Камер-юнкер епископа, Эрнст фон Платен, в этой сложившейся ситуации увидел свой собственный путь. Он знал, что женится на Элизабет фон Мейсенбург и она будет пользоваться высоким благословением епископа. Неглупый камер-юнкер хорошо понимал, что это может значить…

Через несколько недель Элизабет фон Мейсенбург действительно стала супругой камер-юнкера. Сплетни в Оснабрюкке не умолкали. И Мейсенбургам было ясно — почему. Ведь после утомительной кочевой жизни при различных европейских дворах, часто терпя пренебрежение, насмешки, они наконец нашли своё счастье здесь. И это быстро уловили местные бюргеры…

В замке супруги Платен зажили в роскоши. Властитель не скупился. Точно так же он позаботился о карьере камер-юнкера. Платен быстро почувствовал, как много значат чары его жены: камер-юнкер, камергер, главный камергер, затем гофмаршал. Он только потирал руки и старался быть более преданным слугой своего господина. Таким преданным, что вскоре охотно передал Его Преосвященству все «права хозяина» в собственном доме!

Элизабет была умной и скромной, она вынесла много полезного из неустроенной кочевой жизни. Было нелегко утверждаться каждый раз заново. Если бы отцу не удавалось

поправлять дела благодаря искусству игры в карты, их и без того скудное состояние истощилось бы ещё быстрее. И у барона фон Мейсенбурга было только одно желание: отправить одну из своих дочерей в постель какого-нибудь князя… Теперь осталась непристроенной ещё Генриетта. В ней, юной и красивой, но ленивой, не было ничего похожего на сильный характер Элизабет. Поэтому она довольствовалась тем, что заботливая гофмаршальша соблаговолила принять участие в её судьбе.

Итак, все были довольны, а Эрнст-Август даже счастлив. Герцогиня София скоро поняла, что любовница её мужа соблюдает границы приличия, которые она, повелительница, установила. Таким образом, дело никогда не доходило до открытого скандала. Великодушная София хорошо знала, что безмолвные страдания с древних времён были уделом княжеских жён…

Эрнст-Август пригласил свою возлюбленную в развлекательное путешествие по Италии. Претензии Элизабет неизмеримо возросли. Своими драгоценностями она уже могла бы вымостить целую улицу. Любая мельчайшая деталь, вплоть до украшений носилок и карет, заказывалась ею из самых красивых и дорогих материалов. Она сама придумывала целые гарнитуры платьев, верхней одежды своей и свиты. У камеристок, портных и швей не было ни минуты свободной. Башмаки Элизабет частенько летели в головы нерасторопных слуг. Все боялись всемогущей маршальши, и никто не любил её.

В Италии гордая ганноверская куртизанка имела неслыханный успех. Очень искусно удавалось ей украсить каждый праздник своим присутствием. Теперь уже вся Италия не переставала говорить о Платен. Молва передавала невероятные слухи о её красоте, ювелирных украшениях, умении танцевать. Эрнст-Август, постоянно холодный и сдержанный на людях, здесь полностью отдался своей страсти. Ведь в Ганновере присутствие герцогини и дворцовый церемониал сковывали порывы его любви. Поэтому Платен в эти месяцы была особенно счастлива…

Но с приездом по приглашению Эрнста-Августа в Италию четы наследников многое изменилось для Элизабет. Она хотела уговорить Эрнста-Августа не делать этого, но он был неумолим. Он хорошо знал своего сына, Георга-Людвига, и понимал, что тот никогда не будет настоящим защитником юной Софьи-Доротеи. Присутствие четы наследников нисколько не поколебало «культ Платен» в здешнем высшем свете, на фоне ослепительной маршальши утончённая наследная принцесса отступала на второй план. Однако здесь раздавались голоса, отдающие пальму первенства её хрупкой женственности. Но только тайком. Ведь

Платен была могущественна, а её супруг — изворотлив как уж. С этой четой герцогских придворных надо было поддерживать дружеские отношения…

Грандиозный скандал между наследным принцем и маршальшей мгновенно положил конец этой увеселительной поездке. Платен позволила себе в довольно широком кругу распространяться о «незаконном» происхождении наследной принцессы. А Софья-Доротея, до которой дошли эти слухи, передала эти слова мужу и назвала Элизабет и её супруга в припадке гнева «слугами нашего дома, которых мы, по нашему желанию, в любой момент можем прогнать».

По возвращении в Ганновер образовались две враждующие группировки: многочисленные приверженцы куртизанки, которые важничали и кормились за счёт её милости, и немногочисленная группа наследной принцессы.

Софья-Доротея обладала редкой привлекательностью и мягким южным характером своей матери. Руки её были удивительно прекрасны… Теперь у Софьи-Доротеи появился серьёзный враг. Неумолимая судьба предоставляла ему возможность погрузить её жизнь в беспросветную тьму…

Элизабет фон Платен заходилась от гнева и возмущения. Один дворянин, прибывший с войны вместе с принцем, до сих пор не соизволил нанести визит ей, могущественнейшей женщине ганноверского двора… На дворцовых вечерах куртизанка блистала ещё ярче, чем обычно. И красивый дворянин Филипп фон Кёнигсмарк прямо-таки ослеп, глядя на неё. Поэтому он не заметил, что юная наследная принцесса была необычайно взволнована, когда он неожиданно появился при здешнем дворе.

А после бала Элизабет пригласила супруга в свои покои. Она хотела во всём разобраться. Кто такой этот Кёнигсмарк, который так своеобразно сбил с толку её, честолюбивую куртизанку самого герцога?! Её обожали так, что даже представить себе было трудно. И теперь опять появилось основательно забытое и приятное чувство: её заставили растеряться…

Её муж, умный политик, понял, что к чему. Можно только удивляться, какими глупыми становятся мужчины, когда они влюблены. Его умной супругой на балу заинтересовался саксонский генерал Кёнигсмарк. Только бы она не наделала глупостей. Ведь ревность герцога общеизвестна. И он, Платен, должен был её предостеречь. Он был достаточно расчётлив, чтобы из-за мимолётной прихоти жены пожертвовать своим бесценным постом. И тогда он обратил её внимание на прежнюю юношескую дружбу Софьи-Доротеи с Кёнигсмарком.

Принцесса осаждала его своей верной многолетней любовью.

Нежные письма неслись вслед смелому авантюристу и не оставались без ответов. Она хотела бежать с ним; хотела во что бы то ни стало оставить ненавистного мужа. Она обращалась к родителям с просьбой приютить её; строила планы отъезда во Францию и принятия католичества; она уже собрала свои драгоценности, готовясь к побегу,

Элизабет всё стало ясно. Да, она была благодарна дипломатичному супругу. Это было ценное признание. Может быть, теперь-то уж Софья-Доротея попадёт в сети, которые ей расставит хитроумная куртизанка… Когда супруги расставались, её поцелуй был достаточно красноречив.

Через несколько недель Платену был пожалован титул графа. Элизабет была вне себя от счастья. В её новом замке Ной-Линден балы следовали за балами. На первом балу появилась также герцогиня София. За это изъявление милости графиня была ей очень благодарна. Повелительница даже осталась ночевать. Конечно, замок был огромным. Тем не менее Элизабет была настороже. Мальчик-мавр графини неустанно вёл наблюдение за многочисленными гостями, её собственной прислугой, свитой повелительницы. Этот маленький негритёнок был настоящей находкой для куртизанки. У него были идеальный слух и зрение, которые, казалось, прямо-таки пронзали тьму ночи… поэтому Элизабет осмеливалась сначала посещать повелителя в его покоях, а после принимала Филиппа фон Кёнигсмарка в своих… Эти необыкновенные любовные похождения опьяняли её. На время она вообще забывала герцога. В объятиях Кёнигсмарка она теряла сознание…

Он был саксонским генералом, однако в военной службе его больше привлекали открывшиеся возможности иметь лёгкий успех у дам. Конечно, ему не хотелось впасть в немилость у герцога Ганноверского. К тому же маршальша быстро надоела ему. У него было достаточно красивых женщин.

Но все его пылкие чувства принадлежали всё-таки Софье-Доротее. Бесценны были их общие юношеские воспоминания. И её образ постоянно преследовал генерала… Чтобы не дразнить графиню, он ни разу при ней не упоминал имени наследной принцессы.

Многие хотели знать, почему это Платен особо отличает графа Кёнигсмарка? Предположения передавались из уст в уста. Никто не знал ничего определённого… Между тем Кёнигсмарк вскоре снова отправился на войну, сплетни прекратились. Сам герцог, прежде какое-то время охваченный подозрением из-за сплетен, искал примирения с Элизабет. Он засыпал её драгоценностями, чтобы загладить эту свою вину…

Но и в суете этих дней графиня продолжала искать встречи с Кёнигсмарком. Ведь она любила его. Эта любовь бушевала в ней как пожар. Она чувствовала, что никогда не сможет забыть генерала. Кем для неё теперь был Эрнст-Август, ставший курфюрстом, что он мог значить в её жизни?! Он дал ей всё, что она хотела. Теперь он стал толстым, его лицо, по-прежнему приятное и ещё красивое, становилось дряблым.

В течение многих месяцев графиня пристально наблюдала за ничего не подозревавшей наследной принцессой. Она знала о том, что Кёнигсмарк посещает её. Она предупредила наследного принца, всего лишь намекнула. Ведь она только выполняла свой долг… Ведь она не хотела скандала… Георг-Людвиг всё тотчас понял. Он ненавидел свою супругу. Графиня была довольна.

Теперь у графини Платен было много забот. Она даже стала домоседкой. Её маленький шпион ежедневно доставлял ей всё новые сведения. Он должен был выкрадывать письма в покоях Софьи-Доротеи, и это ему удавалось. В этих письмах, написанных рукой Кёнигсмарка, содержался такой важный материал, что можно было с уверенность утверждать — теперь её сопернице в левом крыле замка конец. Нужно было только дать плодам дозреть…

Кёнигсмарк и Софья-Доротея решились бежать. Но графиня Платен не дремала. Её разочарование в генерале перешло в ненависть к его подруге после того, как Кёнигсмарк, будучи в Дрездене, под действием винных паров похвалялся своими близкими отношениями с двумя ганноверскими дамами, не только с принцессой, но и с графиней Платен.

В ночь побега графиня Платен принесла курфюрсту смертельное оружие против наследной принцессы — украденные письма. Наследная принцесса и придворная дама были арестованы, а Кёнигсмарк… бесследно исчез.

Как только Софья-Доротея оказалась в заключении, графиня снова стала появляться в окружении своих придворных дам на всех балах. Вечеринки продолжались до глубокой ночи. Она совершенно не выносила одиночества. Мастерица затевать интриги, она отныне не могла отделаться от призраков, которые постоянно терзали её. И даже смех её, всегда такой радостный и соблазнительный, стал теперь каким-то хриплым…

В последующие годы курфюрст часто болел. Его здоровье было подорвано слишком роскошной жизнью. Платен дневала и ночевала у курфюрста, но теперь, больной, он вызывал у неё только отрицательные эмоции. Она не хотела, чтобы чья-то болезнь или смерть портили ей настроение. Роскошно одетая, всё ещё представительная и красивая женщина, она по-прежнему

находилась в центре внимания на всех балах. Но всё это её больше не радовало. Не хватало того, который больше никогда не придёт…

Ночью с 23 на 24 января 1698 года после мучительной агонии умер Эрнст-Август, курфюрст Ганноверский.

После его смерти графиня Платен никого не принимала. Теперь, когда Эрнст-Август был мёртв, она должна была стереть все воспоминания о его любви, о его благородстве. Она стала очень быстро стареть. Сожаления о потерянном могуществе терзали её душу. Она постоянно была в одиночестве.

Редко приезжал её муж, ещё реже дети. Она приказывала днём и ночью не гасить свечи, потому что не могла переносить ни малейшей тени или тёмного угла в своих покоях. Ужас больше не оставлял её…

Январским днём 1700 года графиня Платен умерла. Её последние часы были полны мучений. Она беззвучно молилась. А из окружающего полумрака выплывали тени людей, которых она сама опустила во мрак вечной ночи.

Ольга Жеребцова (1766–1849)

Родная сестра фаворита Екатерины II Платона Зубова, сменившего графа Дмитриева-Мамонова. Была принята ко двору в 1789 году. Любовница английского посланника в Петербурге Чарлза Уитворта. Участница дворцового заговора против Павла I. После разрыва отношений России с Англией жила в Европе, где была любовницей наследного принца Уэльского.

* * *

За Платоном Зубовым, занявшим при Екатерининском дворе и при самой императрице пост «первого человека в государстве», приехала его красавица-сестра Ольга. Она была уже замужем, но вошла в жизнь столицы решительно, властно и всепобеждающе. Она брала реванш за долгую жизнь в глуши, в провинции, за бесцветное замужество, за долгое ожидание.

Представленная Платошей государыне, Ольга приглянулась тем, что была очень похожа на братца. И двор — даже самые взыскательные и язвительные ценители красоты — не мог не признать, что Жеребцова красива необыкновенно.

Муж оставался в тени, а к ногам его жёнушки складывали свои сердца многочисленные поклонники всех возрастов и чинов. Но Ольга выбрала судьбу и любовь необычную. Обладая умом, темпераментом, интуицией, эта женщина жаждала действовать. Видимо, это сыграло не последнюю роль в любви к ней английского посланника и дипломата Чарльза Уитворта…

Должность он наследовал от своего батюшки знаменитого Джорджа Карла Уитворта, служившего при дворе Петра Великого. Приехав в Россию в 1788 году, Чарльз Уитворт начал свою карьеру весьма успешно. Он покорял искренней симпатией к России, безупречной вежливостью, светскостью английского аристократа. Двери лучших домов Петербурга были распахнуты перед ним, но он сам выбирал лишь тех, кто был близок и особенно любим императрицей. Он стал другом Платоши, Платона Зубова. И влюбляется в его сестру. По Петербургу ходили сплетни и легенды о пламенном романе Ольги Жеребцовой с английским посланником. Ольга не скрывала своей страсти. Но она не просто любила, она «служила» своему возлюбленному. Перед ней было великое поле деятельности — добиваться побед на поприще политическом. Не для себя, не для

отечества, не для Англии. Для него! Был подготовлен очень важный для Уитворта документ о союзе России с Англией. Но он остался неподписанным. Екатерина II умерла, оставив трон ненавидевшему её наследнику, жаждущему мести.

Россию лихорадило. Дворцовые спектакли разыгрывались Павлом с непредсказуемыми дикими решениями, которые казались бы комичными, если бы не были так страшны. Не было человека при русском дворе, над которым не висела бы угроза опалы — от казни до ссылки. Зубов ждал. Его лишили всего и со всей роднёй выкинули из Петербурга.

Уитворта пока не задели перемены при дворе, и Ольга затихла рядом с ним. Они выжидали. Более того, отношения с Павлом начали налаживаться. В решениях Павлом руководила ненависть к революционной Франции и страх перед всем французским. Настало время Уитворта. В феврале 1797 года был заключён желанный и тщательно подготовленный русско-английский торговый договор. Английский посланник стал значительной фигурой при русском дворе. Но Павел был непредсказуем. Уже в 1800 году он стал благоволить Бонапарту, значит, к Франции. Английским судам было запрещено заходить в русские порты, Россия прервала торговлю с Англией. Судьба России, судьба Англии — всё было пустяками по сравнению с карьерой возлюбленного. Ольга Зубова стала зачинщицей заговора против полусумасшедшего тирана Павла I. Дворец Зубовой всю ночь пылал бальными огнями, собирая в танцевальных залах недовольных, негодующих подданных. Среди них были виднейшие военные, русские аристократы, в том числе граф Панин. Замышлялось покушение на царя, велись переговоры с адмиралом Осипом де Рибасом, со дня на день ждавшим ссылки в Сибирь. Но Ольга плела не только интригу покушения на императора, ей удалось смягчить участь семейства Зубовых. И даже вернуть их в Петербург. Ольга воспользовалась опять-таки слабостью своего непутёвого братца, прельстившего девицу Кутайсову, семейство которой пользовалось исключительной благосклонностью Павла. Жеребцова отвалила придворному брадобрею Кутайсову 200 тысяч золотых червонцев. Ходатайство брадобрея помогло.

Со своей стороны и английский посланник не жалел золота, так хорошо подогревавшего ненависть к Павлу в его подданных. Во дворце Жеребцовой открыто говорили о перевороте. Единомышленником Жеребцовой был военный губернатор Петербурга граф Пален, к которому приходили все доносы. Обидная оплошность драматически изменила ход событий. Написанная Уитвортом фраза «Император не в своём уме»,

прочитанная лично Павлом, решила судьбу дипломата. С этого дня жизнь Ольги Зубовой стала сплошной погоней за любовью и любимым.

Ольга последовала вслед за покинувшим Петербург Уитвортом. Рибас убит самими заговорщиками, заподозренный в измене. Известие об убийстве Павла настигло Жеребцову в Берлине. Но оно мало что значило для любящей и отчаявшейся женщины. Она отдала Уитворту лучшие годы своей жизни. Он и его карьера были смыслом её существования и теперь неугасающая в её груди страсть губила Ольгу, тянула её на дно.

Она слала в Англию гневные и страстные письма, которые обсуждал весь Берлин. Её поведение осуждалось. Её притязания были неприличны. Замужняя женщина открыто заявляла о своей любви! Неслыханная дерзость! Дома берлинской знати закрывались перед Ольгой. Ей было 35 лет. Нечеловеческими усилиями она пыталась остановить время, ещё надеялась вернуть прошлое. Сорокалетний Уитворт, пэр Англии — получивший это звание за блестящие дипломатические успехи — женился на герцогине Дорсет. Эта партия была достойна великого дипломата, и не так уж важно, что между супругами не было ничего похожего на страсть. Зато уже через год между ними полыхала ненависть.

Ненавидела и Ольга Зубова. Ненавидела и по-прежнему любила. И продолжала погоню. Теперь уже из Лондона она стремилась всем сердцем в Париж, куда вероломный Уитворт был назначен послом. Жеребцова обратилась к русскому послу в Лондоне Воронцову с просьбой представить её ко двору и получила отказ. Лондонский высший свет закрылся для неё так же, как и берлинский. Презрение лондонского общества вдруг сделало невозможное: влюблённая женщина вдруг стала вновь гордой, властной красавицей Ольгой Жеребцовой. Она взяла реванш…

В своей трагической судьбе Ольга поставила красивую и поистине царственную точку. Её полюбил любимец английского двора — обаятельный и юный наследник Георга III, принц Уэльский. Принц своими любовными историями, непокорностью традициям и презрением к трону дал немало сюжетов романистам. Он был галантен, романтичен; всегда влюблён и видел в женщине лишь женщину. Отступить, пренебречь любовью заставляли его огромные долги. Так рассыпался перед долгами первый романтический брак принца Уэльского с очаровательной вдовушкой, брак скандальный. И несчастный тут же попал в сети русской обольстительницы. Теперь у ног тридцатипятилетней Ольги Жеребцовой была вся Англия, теперь с ней вынуждены

были считаться. Те, кто её презирал, стали пресмыкаться перед ней. Она обрела себя, она победила, она могла вернуться в Россию.

По иронии судьбы в гостиную Ольги Жеребцовой жизнь заносила многих знаменитых изгнанников.

Воспоминания о ней, полные уважения и преклонения, оставил Герцен. Знаменитая Жеребцова была уже далеко не молода, но русский литератор увидел и оценил в ней и острый ум, и былую красоту, и величественность много пережившей и пересилившей свою судьбу женщины.

Ольга Александровна Жеребцова прожила 83 года. Она прожила их бурно и страстно, не боясь быть непокорной, не соглашаясь быть несчастной.

Жозефина-Луиза де Бальби, графиня де Комон (1753–1832)

Фаворитка Людовика XVIII. В 17 лет вышла замуж за полковника де Бальби. Затем стала фрейлиной графини Прованской и заимела массу поклонников. Во время революции король бежал из Парижа, Бальби последовала за ним и стала некоронованной королевой эмиграции. Затем она уехала в Голландию, где её связь с графом д'Аршамбо наделала много шума. Вернувшись во Францию, встретила холодный приём со стороны Людовика XVIII.

* * *

В конце лета 1791 года целые народы требовали свободы, и в то же время самые великие люди эпохи слепо повиновались самому жестокому тирану — любви. Вот и в Кобленце, куда перебрался королевский двор Людовика из охваченного волнениями Парижа, граф Прованский стал игрушкой в руках страстной и требовательной любовницы.

Женщина, которую позже назвали «королевой эмиграции», носила титул графини де Бальби, звали её Анна де Комон де ла Форс. Она была хороша собой, пикантна, лукава, остроумна и сладострастна.

Однажды неожиданно вернувшийся муж застал её в постели с шевалье де Жокуром. Страстные любовники даже не заметили его появления и продолжали своё упоительное занятие. Разъярённый господин де Бальби бросился со шпагой на неверную супругу и ранил её. Жена не растерялась и заявила, что у графа галлюцинации, никакого любовника не было и в помине. (Пока господин де Бальби заходился в гневе, шевалье де Жокур успел бежать через потайной ход.)

Некоторое время спустя господина де Бальби признали сумасшедшим и заперли в Бисетре. Но графине показалось мало избавиться от надоедливого супруга, она настояла на том, чтобы любовник получил все должности графа. Вот что писал один из её современников: «Бедного графа де Бальби, которого жена и родственники объявили сумасшедшим за то, что он понял, что рогат, и не захотел молчать об этом, не только заперли в сумасшедший дом; душевнобольной не может быть полковником,

и его полк отдали шевалье де Жокуру, тому самому, которого он чуть не убил, застав со своей женой».

Свободная телом и сердцем, располагая всем своим временем, госпожа де Бальби начала искать применение тем удивительным любовным способностям, которыми её одарила природа. Будучи придворной дамой графини Прованской, она вознамерилась соблазнить её супруга, будущего Людовика XVIII.

Сравнительно поздно приобщившийся к любовным утехам граф навёрстывал упущенное и стремился оказать внимание как можно большему количеству дам. Восхищённый новыми, «мужскими» ощущениями, граф рассказывал всем о своих подвигах, причём в весьма фривольной форме. Итак, де Бальби только ждала удобного момента. В один прекрасный вечер она устремила свой порочный взгляд на графа, и тот задрожал. Прошло немного времени — и они уже вели себя в постели так, как будто знали друг друга всю жизнь…

Став фавориткой, де Бальби захотела поселиться в Люксембургском дворце. Граф Прованский немедленно приказал отделать для неё роскошные апартаменты. «Входите, мадам. Всё это — ваше!» — торжественно провозгласил он. Графиня, придирчивым взглядом окинув помещение, заявила, что мебель просто ужасна. Мосье вернулся к себе совершенно расстроенный. Ночью он нашёл выход из положения: а что если списать всё на гвардейцев? Допустим, они подожгли комнаты, и всё сгорело?.. После «пожара» комнаты обставили в соответствии со вкусом новой фаворитки: зелёный с белым атлас, много золота…

Госпожа де Бальби с первых же дней революции благоразумно решила держаться подальше от народного гнева. Лучшим выходом было отправиться в эмиграцию. Но брат короля, испытывавший некоторую симпатию к революционерам и даже поддерживавший их своими нападками на Марию-Антуанетту, не хотел покидать Францию. Считая, что народ потребует только изгнания королевы и отречения короля, он решил остаться в Париже, чтобы немедленно занять трон.

Но госпожа де Бальби спутала все его планы. «Я уезжаю, — заявила она. — И вы должны последовать за мной! Через неделю я буду в Монсе… Устройте ваше бегство. Кстати, вы сможете лучше управлять событиями извне».

Его светлость обожал свою маленькую графиню. И он согласился. Месяц спустя, 20 июня 1791 года (в день бегства королевской семьи в Варенн), он покинул дворец, переодетый иностранным туристом, сел в карету и прибыл в Монс, где его ждали жена и графиня де Бальби. В тот же вечер он окончательно покинул супружескую постель, «эмигрировав» к фаворитке…

7 июля, после утомительного путешествия, брат короля прибыл в Кобленц с женой, любовницей, придворными, их жёнами и любовницами. Они разместились в Шёнборнлустском дворце, принадлежавшем Клементу-Венцесласу Саксонскому, архиепископу Тревскому, дяде графа по материнской линии.

Маленький двор, пытавшийся во всём подражать Версалю, управлялся фавориткой принца. Из своей постели она дёргала за все ниточки, плела интриги, назначала офицеров армии Конде, прогоняла советников, отзывала дипломатов — словом, их взлёты и падения зависели только от графини… О могуществе фаворитки очень красноречиво писал Жозеф Тюркан: «Вначале эмиграция была приятным времяпрепровождением для дворян, честолюбцев и хорошеньких женщин. Это было модой и только много позже стало необходимостью. Установлению моды больше всего способствовали женщины. Поэтому эмиграцию можно считать детищем слабого пола. Женщины — движущая сила и инструмент эмиграции. Кобленц принадлежит им, это их арена действий, их театр, и они прекрасно в нём играют. Главная роль, безусловно, отведена госпоже де Бальби».

Королева-фаворитка принимала в своей комнате генералов, дипломатов и придворных, обсуждая с ними текущие события. Эти «совещания» были иногда очень легкомысленными, не соответствующими нашим представлениям о политике, но тогда это никого не смущало. Например, госпожа де Бальби могла, комментируя итоги сражения или решения Конвента, раздеться и начать надевать ночную рубашку… Властная, надменная, она позволяла себе пренебрежительно обращаться с самыми знатными людьми Франции.

В замке Шёнборнлуст все знали, что госпожа де Бальби обманывает графа Прованского с редким постоянством. Любой лакей мог по именам перечислить дворян, занимавшихся с графиней на ковре любовными забавами. Её беззастенчивость никого не шокировала, потому что распутство было единственным развлечением эмигрантов в Кобленце. Совершенно счастливые от того, что смогли избежать опасностей революции, они предавались развлечениям, устраивали обеды «с раздеванием», где царила фривольная обстановка интимных ужинов, милых сердцу Людовика XVIII.

В начале 1792 года, в день Святого Епифания это неистовство привело к ужасному скандалу. На вечеринке у госпожи де Ланж был избит нищий немец, обратившийся за милостыней. Многие пруссаки считали брата короля покровителем развратников. Де Бальби, раздосадованная скандалом, вызванным оргией у госпожи де Ланж, лихорадочно искала способ поправить дело.

Следовало немедленно найти могущественного и богатого монарха, который согласился бы финансировать эмиграцию. Фаворитка вспомнила о Екатерине Великой, посланник которой, граф Романов, как раз приехал в Кобленц.

Придумав этот план, она пригласила к себе русского дипломата, была очаровательна, соблазнила его и подарила ему несколько смелых ласк. В тот же вечер он понял, что без ума от неё. На следующий день он кинулся к её ногам. Она подняла русского, уложила в свою постель и стала его любовницей. Через несколько недель он стал рабом этого дьявола в юбке и добился от Екатерины поддержки для эмиграции…

То, что разрушила одна женщина, восстановила другая. Таким образом было ещё раз убедительно доказано, что самая сокровенная часть женского тела, подобно языку Эзопа, способна и на самые прекрасные деяния, и на самые злые… Госпожа де Бальби одним движением бедра сделала Россию союзницей эмиграции.

Ева Браун (1912–1945)

Любовница лидера немецких нацистов Адольфа Гитлера. Лишь за несколько часов до добровольного ухода из жизни стала его женой.

* * *

Портофино, маленькая станция на итальянской границе. Лето 1938 года. Перед объективом кинокамеры три молодые женщины весело щебечут и кокетливо поправляют шляпки. Вот они спускаются с крутого склона, сбрасывают с себя платья и бегут в морскую волну. Беспристрастный оператор фиксирует каждую деталь нудистского купания. Они возвращаются на берег, садятся на горячие камни и выжимают мокрые волосы. Одна из них поднимается, подходит к кинокамере и призывно машет рукой.

Месяц спустя в уютном замке Бергхоф, что в лесах Баварии, погас свет. По приказу его владельца удалился даже постельный камердинер. Ожил проектор, на пластиковом экране появились фигуры. Хозяин замка неподвижно следил за ними, его руки лежали на коленях, лишь на виске бурно пульсировала жилка.

30 сентября 1938 года германский канцлер Адольф Гитлер (хозяин Бергхофа) из рук Муссолини, Даладье и Чемберлена получил «мюнхенскую индульгенцию». Путь к мировому господству был открыт. «Третий рейх», захлебнувшись от восторга, приветствовал своего фюрера. И уже поднялась в воинственном жесте правая рука. Рука, которая нежно гладила единственную женщину на свете, Еву Браун.

Они познакомились в 1929 году. Семнадцатилетняя дочь профессора католицизма и бывшей чемпионки по фигурному катанию воспитывалась в лучших традициях буржуазной семьи. Хорошенькая выпускница лицея, а потом торговой школы, она увлекалась музыкой, спортом, фотосъёмкой. Она была прекрасно сложена. У неё было две сестры — младшая Гретель и старшая Ильзе. В меру строгий, но безгранично любивший своих детей Фриц Браун хотел, чтобы у дочерей была хорошая профессия и счастливая семейная жизнь…

Она с удовольствием работала секретарём-ассистентом у Генриха Хоффмана, редактора газеты «Völkischer Beobachter». Орган партии национал-социалистов, эта газета находилась под пристальным вниманием лидера нацистов Адольфа Гитлера. Появление в редколлегии миловидной блондинки не осталось

незамеченным. Вскоре многие стали догадываться, в чём причина частых визитов Ади в здание редакции.

Сорокалетний Гитлер был к тому моменту видной политической фигурой, «повязанной» с крупными дельцами и банкирами. За спиной будущего канцлера Германии уже стояли тысячи боевиков. В это время он жил с девятнадцатилетней Ангеликой Раубаль, которую нежно звал Гели. Тайная связь с девушкой, оформленной как домработница, тяготила Гитлера. Неясные сексуальные ориентиры, попытки их реализовать, ужас и разочарование Гели создавали мучительный дискомфорт в жизни лидера нацистов. Анжела — нудная и терпеливая, Ева — весёлая и решительная. Подобные сопоставления сыграли роковую роль в событиях 18 сентября 1931 года, когда Гели выстрелом в голову свела счёты с жизнью. В предсмертной записке она извинялась перед «дядей Ади».

Министр юстиции Баварии Франц Гюртнер замял вспыхнувший скандал, и на пост Гели заступила Ева Браун. Первая ночь с фюрером 6 февраля 1932 года потрясла девушку. Она не могла вспоминать об этом без содрогания ещё долгое время. Но постепенно льстивая мысль о принадлежности к миру избранных, дорогая жизнь и всё возрастающие потребности решили дело в пользу подобной связи. Со временем Еве даже стали нравиться мазохистские причуды Гитлера, и она на долгие годы сохранила среди памятных вещей уздечку и сапожки с острыми каблуками, предметы первых сексуальных экспериментов. Спецификой отношений фюрера и немки номер один объясняется и удивительный факт: они не были женаты.

Кризис отношений наступил в мае 1935 года, когда Ева, получив отказ жениться на ней, пыталась покончить жизнь самоубийством. В марте она писала в своём дневнике: «Я хочу только одного — тяжело заболеть, чтобы не видеть его хотя бы неделю. Почему со мной ничего не случается? Зачем мне всё это? Я в отчаянии. Я снова покупаю снотворные порошки, чтобы забыться и больше об этом не думать». Ева серьёзно отравилась, и только титанические усилия врачей вернули её с того света. Была ли это инсценировка самоубийства? Вполне возможно, но в таком случае Ева явно не рассчитала дозу…

В дневнике Ева постоянно жаловалась на отношение к себе. Ей так хотелось, чтобы он подарил ей на день рождения маленькую собачонку, а получила только цветы и то через посыльного. Потом она накупила себе украшений в надежде, что ему будет приятно, когда она наденет их. После этого Гитлер приставил к ней двух гестаповцев, которые следили за каждым её шагом. Фотографии любовницы фюрера исчезли из журналов,

жёсткая цензура запрещала упоминание о ней и преследовала нарушителей. Ева Браун стала частью тайной жизни фюрера, отца нации и гения военно-политической мысли. Она растворилась в бесконечных коридорах Бергхофа и приходила на зов своего повелителя лишь в ночные часы.

Была ли она верна Адольфу? С начала 1944 года Чапперль, как её называл Гитлер, имела отношения с обергруппенфюрером СС Отто Херманом Фегеляйном. Первая встреча состоялась именно в Бергхофе. Однако Ева в жизни офицера была далеко не единственной. Женщин в то время он менял как перчатки. Из-за любовных историй у него постоянно возникали трения с его шефом Генрихом Гиммлером. Потеряв терпение, рейхсфюрер СС приказал подчинённому срочно жениться. И, чтобы хоть как-то официально приблизиться к Еве Браун, Фегеляйн женился на её сестре Гретель. 7 июня 1944 года состоялась свадьба. Секретарша Гитлера, Криста Шрёдер, так описывает ситуацию, когда Фегеляйн во время танца обнял Еву Браун: «Они долго и страстно смотрели в глаза друг другу. Так могут смотреть только влюблённые». За несколько дней до разгрома нацисткой Германии Фегеляйн решил выкрасть Еву из подземелья бункера фюрера в Берлине. Но на предложение бежать Ева Браун ответила отказом. Через несколько часов Фегеляйн, за которым уже следили эсэсовцы, был арестован и по личному распоряжению Гитлера расстрелян.

Но вернёмся к отношениям Евы с фюрером. С июля 1944 года Гитлер запретил любовнице появляться в Берлине. Любыми средствами он пытался удержать её в тишине баварских лесов, а сам искал выход из безнадёжной ситуации. Вариант «Кант», например, предусматривал пластическую операцию и подводную лодку для побега в Парагвай. Изредка Ева получала весточки от фюрера, посылала ему свои письма, полные любви и признаний в верности. Неизвестность пугала её.

Ева знала, что возвращение в Берлин — это смерть. И всё-таки 8 февраля 1945 года она подъехала к рейхсканцелярии на белом «мерседесе». Телохранитель Гитлера показал на допросе, что Гитлер, панически боявшийся свежего воздуха, появился во дворе, чтобы увести любимую в глубокие подвалы, в безопасную затхлость подземных тоннелей. Он не ожидал её приезда. Он негодовал, но это была только видимость. На самом деле фюрер был рад, что теперь рядом с ним появился человек, в преданности которого он никогда не сомневался.

Советская Армия неудержимо рвалась к столице Германии. Гитлер с каждым днём всё больше и больше становился похожим на паникёра. Его безотчётный страх отступал только перед

одним: ласками Евы Браун. Ей же опасаться было нечего, ибо она не мыслила для себя жизни без фюрера. Этот страх был сильнее страха смерти. И последние приспешники бесноватого спешили позвать её, когда гнев Гитлера сметал со своих мест даже невозмутимых телефонистов.

Гитлер сделал то, что всю жизнь ждала от него Ева, лишь за 15 часов до смерти. В ночь с 28 на 29 апреля 1945 года они официально обвенчались. Свечи (электричество время от времени пропадало) держали в руках эсэсовцы, отчего сама процедура была похожа скорее на допрос с пристрастием. На патефоне крутилась любимая пластинка Евы «Красные розы». Натянуто улыбаясь, Гитлер пригубил бокал токайского. Невеста была в чёрном платье, любимом платье фюрера.

В последние минуты жизни она отправилась в спальню, к шкафу, набитому одеждой, и раздала прислуге и её секретарше шубу из серебристой лисы, украшения, платья. Ей теперь ничего не нужно: молодожёны готовились добровольно принять смерть.

В четыре часа дня молодая жена, верная и милая супруга приняла капсулу цианистого калия. А через неделю империя рухнула, чтобы остаться в памяти человечества кошмарным сном…

Лаиса (V век до н. э.)

Одна из самых знаменитых куртизанок Древней Греции. Среди её любовников были скульптор Мирон, философ Диоген, гедонист Аристипп.

* * *

Она родилась на Сицилии и ещё ребёнком была захвачена в плен и перевезена в Афины, где её купил художник Апеллес, увидевший в Лаисе натурщицу для своих картин. Он и посвятил её в таинства любви. Три года художник готовил Лаису к светской жизни, разрешая ей в те дни, когда она бывала ему не нужна, работать в публичном доме. Афиняне говорили, что она «превосходила красотой любую из когда-либо существовавших женщин».

Получив через несколько лет свободу, девушка отправилась в Коринф для того, чтобы позировать выдающимся скульпторам и предложить себя в качестве любовницы самым великим из них. Достигший уже преклонного возраста Мирон, создатель классического «Дискобола», нанял её первым. Когда она сняла свои одежды, готовясь позировать, предстала перед ним обнажённой, старец был ошеломлён. Он тут же предложил ей всё, что было в мастерской, за одну ночь с ним. Лаиса смерила взглядом седые свалявшиеся волосы старца, его косматую бороду, простую грубую одежду, быстро подхватила свои покрывала и, повернувшись, гордо удалилась.

На следующий день обезумевший Мирон подстригся и привёл в порядок свои волосы, сбрил бороду, нарумянил свои щёки, надушил новую алого цвета хламиду и, надев цепь и драгоценные перстни, отправился искать Лаису. Найдя её, он признался ей в любви. Она, как и накануне, внимательно осмотрела его и пришла в изумление. «Дорогой друг, — промолвила она, — вы просите у меня то, в чём я вчера отказала вашему отцу».

Она отдавалась лишь тем, кого любила. Когда Демосфен предложил ей десять тысяч драхм за одну-единственную ночь, она прогнала его. Однако, когда к ней проявил интерес нищий философ Диоген (про него рассказывали, будто он жил в бочке), она дарила ему ласки даром. Философ Аристипп платил за её внимание такие огромные деньги, что она могла щедро жертвовать на благотворительность и нужды храмов.

Лаиса пыталась соблазнить сурового Ксенофонта, ученика

Платона, а также атлета Евбата, одного из победителей Олимпийских игр. Эта гетера нередко шокировала современников: она одновременно состояла в связи с утончённым гедонистом Аристиппом и грубым циником Диогеном, которому отдавалась чуть ли не публично.

Когда закончились деньги и поблёкла красота, она продолжала предлагать своё тело теперь уже за бесценок. Эпикрат так описывал последние годы её жизни: «Лаиса пьёт и бездельничает. Она приходит и разгуливает между гостями. Она напоминает мне одну из тех хищных птиц, которые, пока полны сил, бросаются с горных вершин и уносят козлят, а в старости предвестниками беды лениво усаживаются на башни храмов и ждут, снедаемые голодом. В пору своей весны Лаиса была богата и великолепна… Но теперь наступает зима; храм пришёл в запустение, двери его распахнуты; она останавливает первого встречного, чтобы выпить с ним; статер, монета в два обола, — для неё удача. Молодой или старый — для неё всё едино; годы настолько изменили её, что она тянет руку, прося несколько монет».

В семьдесят лет она страстно влюбилась в двадцатилетнего юношу. Она последовала за ним в Фессалию и там, в Храме Венеры, кощунственно предложила ему себя. Женщины, находившиеся рядом, при виде этого зрелища пришли в негодование и до смерти забили её камнями. По другой версии её убила ревнивая соперница.

Коринфяне не забыли Лаису и воздвигли в её честь памятник: львица, разрывающая на части барашка. По преданию, на её гробнице была высечена эпитафия: «Славная и непобедимая Греция была покорена божественной красотой Лаисы. Дитя любви, воспитанная Коринфом, отдыхает на цветущих полях Фессалии».

Мадонна (родилась в 1958)

Американская певица и актриса. В ранних выступлениях стремилась возбудить сексуальность публики. Стала известна после исполнения песен «Как девственница» (1985), «Материальная девушка» (1985) и «Как молитва» (1989). Снялась в фильмах «Сьюзен» (1985), «Дик Трейси» (1990), «Эвита» (1996), в документальном фильме «В постели с Мадонной» (1991). Её книга «Секс» (1992) пользовалась скандальным успехом. Публикация книги совпала с выходом музыкального альбома «Эротика».

* * *

Всего за несколько лет Мадонна сумела покорить весь мир, стать секс-символом Америки и мультимиллионершей. Этой маленькой, но очень энергичной женщине успех сопутствовал во всём, кроме одного. Несмотря на титанические усилия, певице никак не удавалось забеременеть. И вот, когда уже все уверовали в бесплодие «материальной девушки», из столицы Аргентины пришло сенсационное сообщение: «Находящаяся на съёмках в Буэнос-Айресе Мадонна объявила о том, что ждёт ребёнка от своего тренера — кубинца Карлоса Леона». Так весьма неожиданно завершились многолетние поиски Мадонной отца для своего первенца, которые сама певица с присущей ей прямотой окрестила «охотой на „Жеребца“».

…А начиналась эта история в восьмидесятые годы, когда ещё совсем молодая Мадонна — Луиза Вероника Чикконе — была замужем за известным голливудским хулиганом Шоном Пенном. Чуть ли не ежедневно супруги дрались и столь же регулярно занимались сексом, оставляя за собой искорёженные диваны, сломанные стулья и разбитую посуду. Но даже в самые страстные минуты Мадонна всегда сохраняла трезвую голову, не забывая регулярно принимать противозачаточные таблетки. На все требования мужа бросить сцену и родить ребёнка она отвечала неизменным отказом: «Ребёнок испортит мою фигуру и навредит карьере. Если выбирать между ним и бизнесом, то я, конечно, остановлюсь на последнем!» Осознав, что жена не собирается подарить ему наследника, Шон ушёл от Мадонны к молодой актрисе Робин Райт, игравшей в сериале «Санта-Барбара».

И надо же было такому случиться, через девять месяцев, как

по заказу, Робин родила дочку. Известие об этом повергло Мадонну в шок. Ведь до того момента она не сомневалась, что рано или поздно муж вернётся к ней. С горя певица устроила в своём роскошном нью-йоркском доме погром и даже попыталась свести счёты с жизнью. Через несколько дней, немного успокоившись, она отправила Пенну целый контейнер игрушек для новорождённой и довольно странную телеграмму: «Если бы ты, негодяй, сделал мне ребёнка, то мы бы всегда были вместе!» Однако это совсем не помешало неделю спустя заявить в телевизионном интервью: «Меньше всего на свете мне бы хотелось сейчас забеременеть. Ребёнок — это такая обуза».

Окончательный (как ей тогда казалось) разрыв с любимым мужчиной ознаменовался для поп-звезды новым творческим взлётом. Она изменила имидж вульгарной «материальной девушки» и превратилась в новую Мэрилин Монро. И в полном соответствии со старой легендой вступила в связь с Джоном Кеннеди — сыном убитого президента США. Он считался одним из самых видных женихов в Америке, и брак с ним мог открыть любой девушке дорогу в высший свет. Именно тогда, в 1989 году, Мадонна серьёзно задумалась о рождении ребёнка. «Если я буду матерью, то Джону ничего не останется, как жениться на мне», — делилась она своими планами с сестрой. Но самого сексуального мужчину Америки оказалось заполучить не так-то просто! Младший Кеннеди занимался любовью только с презервативом, да ещё помимо Мадонны встречался с признанными голливудскими красавицами Джулией Робертс и Мелани Гриффит. Словом, все попытки певицы окрутить «наследного принца» не увенчались успехом. Летом 1990 года Джон по совету своей горячо любимой мамы Жаклин Онассис бросил «Мэрилин».

Однако горевать над этим у поп-звезды просто не было времени. Тем же летом она начала сниматься в боевике «Дик Трейси» и на съёмочной площадке познакомилась с актёром и режиссёром Уорреном Битти, которого все называли «лучшим любовником Голливуда». Их связь начиналась как самый обычный служебный роман. Годившегося ей в отцы Битти Мадонна любовно называла «мой старичок». Он же обращался к ней, как к героине дешёвого водевиля, — «моя пампушечка». Певица всерьёз полагала, что после многочисленных разочарований наконец нашла идеального мужчину — красивого, благородного, мужественного. Чтобы окрутить Уоррена, она решила забеременеть от него. Но, увы, теперь получилось наоборот, она хотела, но он — нет. Всё это побудило Мадонну весной 1991 года бросить пожилого любовника как мужчину бесперспективного. Но кто бы тогда мог подумать, что полгода спустя малоизвестной

актрисе Аннет Беннинг удастся сделать то, на чём споткнулась великая Мадонна: родить Битти ребёнка и женить его на себе.

От всех неурядиц на личном фронте Мадонна всегда лечилась испытанным средством — работой. Она отправилась в турне, во время которого обращалась со своей труппой так жестоко, что её прозвали «Саддамом Хусейном». В ту пору Мадонна приняла важное решение — прекратить поиски нового мужа. И в её жизни наступил период «великих экспериментов». Её главной сексуальной партнёршей стала скандально известная нью-йоркская лесбиянка Сара Бернхард. А третьим в «команде Мадонны» оказался молодой манекенщик и гомосексуалист Тони Уорд. Певица заставила его носить лифчики, подвязки, килограммы макияжа и бижутерии и представляла всем Тони как новую подружку. Так втроём они и прожили целый год, постоянно удивляя и шокируя даже ко всему привычную американскую публику.

Вдоволь порезвившись с «голубыми» и «розовыми», Мадонна решила вернуться к настоящим мужчинам. В поисках новых острых ощущений летом 1993 года она начала разъезжать по Нью-Йорку на «кадиллаке». В один день она находила себе партнёров среди клерков на Уолл-стрит, в другой выбирала негров из Гарлема, в третий — отправлялась к латиноамериканцам. И если парень справлялся с заданием, то Мадонна платила по высшей таксе: тысячу долларов. Имея состояние в 250 миллионов, она могла позволить себе подобную щедрость.

Неизвестно, чем бы закончились все эти сексуальные выверты для поп-звезды, если бы осенью 1994 года во время традиционной утренней пробежки с ней не случился обморок. Небольшое недомогание оказало большое влияние на психику певицы. «Я вдруг поняла как одинока. Вокруг меня все чужие и ни одного родного лица. И мне вдруг страстно захотелось родить ребёнка!» В тот же вечер она составила список из десяти мужчин, которые могли бы стать отцами для будущего ребёнка. В «горячую десятку» вошли такие красавцы, как Ричард Гир, Хью Грант и Антонио Бандерас. А первым в этом списке шёл, как вы уже, наверное, догадались, Шон Пенн. С него и начинала свою охоту Мадонна.

В то время Пенн уже поссорился с Робин Райт и встречался с топ-моделью Элли Макферсон. Однако Мадонна быстро оттеснила длинноногую соперницу в сторону и увезла любимого Шона на неделю в горы Колорадо. Первые два дня они провели в постели, а на третий опять начали ругаться. Этот второй «медовый месяц» закончился, как и следовало ожидать, дракой,

после чего поп-звезда поклялась никогда больше не связываться с Пенном. Но печальнее всего было то, что Шону не удалось сделать ей ребёнка. Столь же неудачными оказались и другие мужчины из «горячей десятки». Под впечатлением от этих неудач Мадонна заявила журналистам: «Все белые мужчины — слабаки. Мне теперь придётся искать „жеребца“ другой масти!»

Весной 1995 года скандальная певица открыто вступила в связь с баскетболистом «Чикаго буллс» Деннисом Родманом. Двухметровый негр имел в НБА столь же скверную репутацию, что и Мадонна в шоу-бизнесе. Достаточно сказать, что всё его тело (в том числе и мужское достоинство) было разукрашено ужасными татуировками. Но особенно впечатляла шевелюра баскетболиста, которую он выкрасил в розовый цвет. При первом же свидании Мадонна потребовала, чтобы Деннис не использовал презервативы. «Как ты хочешь!» — ответил ей Родман и принялся за дело. Всё лето они занимались любовью на вилле певицы в Малибу. И снова у Мадонны ничего не вышло. «Знаешь, детка, это что-то у тебя не в порядке, — заявил разочарованный Родман, — обычно я делаю детей с первой попытки!»

После этих слов испуганная Мадонна прошла полное медицинское обследование, однако врачи не нашли у неё никаких медицинских противопоказаний.

«Что ж, надо искать настоящего мужчину!» — заявила она своим адвокатам.

Тем «настоящим мужчиной» оказался никому не известный кубинский велосипедист Карлос Леон, с которым певица случайно познакомилась во время утренней пробежки в Центральном парке. Мадонне симпатичный Карлос напомнил знаменитого бейсболиста Хосе Консеко — одного из немногих мужчин, кто не поддался на её чары. Поп-звезда взяла бедного кубинского эмигранта к себе на работу и стала выходить с ним в свет, используя Карлоса в качестве телохранителя и «бесплатной вешалки».

Американец кубинского происхождения 29-летний Карлос Леон моложе Мадонны на 7 лет, 183 см роста, вес 78 кг, родился в Гаване и переехал в Нью-Йорк вместе со своими родителями. В начале декабря Мадонна отправилась со своим избранником на Багамские острова, и там всё случилось! Во всяком случае, так выглядит официальная версия. Однако у неё есть много противников и сомневающихся. Смущает фигура Карлоса Леона. Зная прямо-таки патологическое тщеславие певицы, трудно было даже вообразить, что она выберет для отца ребёнка такую невзрачную личность.

С рождением дочери у Мадонны появились новые заботы. И

связаны они были не только с купанием и кормлением крохотной Лурдес Марии Чикконе Леон, у которой мамина форма рта, а цвет кожи и волос — папины!..

Вот с папой-то главные проблемы. Карлос Леон был намерен сражаться за свои отцовские права — в то время как Мадонна с младенцем планировала от него избавиться. Она считала, что Карлос свою работу выполнил. Шокированный папа заявил, что наймёт адвоката для защиты своих прав: «Я докажу, что отец ребёнка не может быть уволен, как садовник. Лурдес так же нуждается в отце, как и в матери. Я буду бороться — если понадобится, даже в суде — за свои отцовские права. Я не позволю вычеркнуть меня из жизни так, словно я умер. Моя семья была права — она использовала меня в качестве донора спермы». Мадонна была разъярена: радость материнства омрачалась упорной решимостью отца ребёнка получить право опеки над дочерью. «Она уже решила иметь как минимум двоих или троих детей от разных отцов», — сообщали её близкие друзья. По утверждению людей из близкого окружения певицы, она боялась, что второй ребёнок от Карлоса Леона укрепит его позиции в её жизни и его власть над ней. «Она сказала мне, — жалуется Карлос, — что ей хотелось бы забеременеть снова к концу следующего года и подарить Лурдес брата. И что у неё не будет проблем найти очередного отца».

По общему мнению, Мадонна и её нынешний избранник очень подходят друг другу — из них получилась бы отличная семья. Не так давно, так называемый «друг» растрезвонил прессе, что помолвка Мадонны и Гая Ричи состоялась, мир «стоял на ушах», но тут же слухи были рассеяны, по заявлению певицы, она об этом слыхом не слыхивала, и пока замуж не собирается. До этого ещё нужно дозреть — считает Мадонна.

Они встретились на вечеринке в загородном доме Стинга. Мадонна — подруга его жены — Труди Стайлер. В тот момент Труди занималась продюсированием нового фильма «Карты, деньги, два ствола», автором которого был абсолютно неизвестный английский режиссёр Гай Ричи. Он тоже был приглашён на ужин.

Они легко нашли общий язык, проговорив весь вечер. После он проводил её до дома, и как оказалось они — соседи. И всё… Всего лишь дружеский поцелуй на прощание.

Это не была любовь с первого взгляда. Две сильные творческие личности, у каждого время было расписано по минутам. Он талантливый и очень преданный своей работе. Она — певица с мировой славой, со скандальным прошлым, с вереницей мужчин, прошедших через её жизнь. Но на

сегодняшний день, она в первую очередь — женщина, у которой есть дочь и которой надоели пустые мужчины, с бицепсами вместо мозгов, вроде Карлоса Леона — отца её дочери Лурдес.

Роман развивался отнюдь не стремительно. Они звонили друг другу, говоря о делах и о всяких пустяках. Однажды, заскучав, она отправилась в Лондон… Так всё начиналось. И она впервые ради мужчины наматывала расстояния между Штатами и Англией, чтобы быть рядом. Впрочем, не особо афишируя свои едва зародившиеся отношения.

А потом внезапно для многих они объявили о том, что Мадонна беременна! И отцом будет он, Гай. Так неожиданно: ведь ещё не так давно только и разговоров было о том, кого певица выберет в «доноры спермы», чтобы зачать второго ребёнка. Назывались такие колоритные, известные кандидатуры. А тут вдруг — какой-то Ричи… Что тут началось!.. Продюсеры волновались о том, что роды помешают удачно выпустить новый альбом. Пресса была уверена, что Мадонна в очередной раз решила сделать «беременную» рекламу своему диску (ведь прошлая беременность звезды пришлась как раз на съёмки фильма «Эвита»). Парочку преследовали на каждом шагу, допытываясь, кто будет — мальчик или девочка. Гай разрывался между съёмками и треволнениями за мать своего ребёнка. А мир просто ждал, чем всё закончится.

А всё только начиналось. Мадонна была полна планов относительно альбома, второго ребёнка, дочери Лурдес. Несмотря на беременность, она развернула компанию в защиту альбома от пиратов, ребёнка собиралась рожать исключительно в Англии, дочь планировала отдать в самый престижный британский колледж, где воспитывают настоящих леди. Единственное, что явно не входило в её планы — это очередное замужество. Ей хватило и первого неудачного брака с Шоном Пенном, который бросил её (о ужас!) ради звезды «Санта-Барбары», первой исполнительницы роли Келли Кэпвел — Робин Райт. Впрочем, это было так давно…

Но Гай решил по-другому. Недавно он подарил ей обручальное бриллиантовое кольцо — как оказалось, первое в её жизни. И сейчас, после того как Мадонна родила сына, после того как вышел её умопомрачительный альбом, и прогнозы самой певицы, что эта смесь электроники и мелодичности — музыка следующего века, сбываются, безумно хочется верить, что они будут жить долго и счастливо. Говорят, она сильно изменилась. Кто-то язвит, что это — старость. А, может, всё-таки, любовь?

Нелли Гвин (1650–1687)

Английская актриса, возлюбленная короля Карла II, от которого имела двоих детей. Пользовалась расположением короля до самой его смерти.

* * *

…В один из солнечных дней 1675 года миниатюрная, рыжеволосая Нелли Гвин, в детстве разносившая горячительные напитки в публичном доме, изображавшая на сцене дочь Монтесумы, а в 19 лет ставшая королевской фавориткой, села в карету, подаренную ей Карлом II, и отправилась в свою обычную прогулку по Лондону. Зеваки узнали карету — но не женщину, сидевшую в ней. Разгневанные прохожие, столпившиеся вокруг, полагали, что внутри находится Луиза де Керуаль, герцогиня Портсмутская — француженка, присланная Людовиком XIV для развлечения Карла. Толпа пришла в ярость, так как толпе было известно, что Луиза де Керуаль католичка, а это было время, когда усиливались антикатолические настроения. Пока карета с трудом продвигалась среди толпы, народ осыпал ругательствами её пассажирку. Нелли Гвин долго терпеливо сносила оскорбления, но наконец не выдержала. Она приказала кучеру остановиться и высунула голову в окно: «Люди добрые, помилосердствуйте! — крикнула она. — Я — протестантская шлюха!»

Народ ответил восторженным воплем. Протестанская шлюха — очевидно, самая наглая шлюха в королевских владениях (говорят, она называла монарха Карлом III, поскольку до него уже имела двух любовников с именем Карл) — весело помахала зевакам и гордо продолжила свой путь.

До Карла II английский театр мог похвалиться постановкой произведений Марло и Шекспира, но не мог похвастаться великолепными актёрами. Женские роли в пьесах исполнялись юношами, а иногда и взрослыми мужчинами, чопорные просвитерианки почитали за смертный грех выходить на театральные подмостки. В первый год своего царствования Карл II распорядился, чтобы в состав трупп включали и женщин. Одной из первых актрис и стала Нелли Грин, которая почти сразу же оказалась в королевском гареме.

Красота и талант заменили ей дворянское звание, и актриса стремилась не упустить своего шанса. Знатные любовницы с

трудом примирились с плебейкой, сидели с ней за одним столом и делили поочерёдно ложе с королём.

Нелли, ловкая и грациозная, прекрасно танцевала и пела. Если бы она попросила у Карла чью-то голову, король без раздумий отдал бы её своей возлюбленной. К счастью, Нелли Гвин не была кровожадна и выманивала у короля золото и щедрые подарки, истощая казну.

Нелли Гвин, по свидетельству скандальных хроник того времени, родилась на чердаке; в детстве торговала рыбой, потом сделалась уличной певицей по тавернам, распевая фривольные песенки перед пьяными матросами и мастеровыми. Неизвестно, как сложилась бы её судьба, если бы девушку не заметили актёры Гарт и Лэси, давшие ей счастливую возможность дебютировать на подмостках королевского театра.

Лорд Дорсет по достоинству оценил её красоту и взял к себе на содержание. Карл II, дав ему место при посольстве во Франции, переманил красавицу к себе за ежегодное вознаграждение в 500 фунтов стерлингов. Через четыре года эта сумма выросла в 120 раз и достигла 60 000!

Примечательно, что король благоволил к ней до самой своей смерти в 1685 году и благодаря её ходатайству покровительствовал вообще театру. Артисты по распоряжению короля были названы придворными и числились на государственной службе.

Когда в парламенте был поднят вопрос об обложении актёров налогом, это предложение было отвергнуто под тем предлогом, что актёры служат на потеху королю.

Диана Фрэнсис Спенсер (1961–1997)

Леди Диана Фрэнсис Спенсер родилась 1 июля. Она была третьей дочерью виконта Олторпского, графа Спенсера. В 1981 году вышла замуж за принца Чарльза. В июне 1982 года родился принц Уильям, в сентябре 1984 года — второй сын, Гарри. В 1992 году супруги официально объявили, что живут отдельно. В 1997 году Диана погибла вместе с любовником в автомобильной катастрофе.

* * *

Смерть принцессы Дианы потрясла Англию — площадь перед Букингемским дворцом была завалена цветами, на асфальте горели сотни поминальных свечей. Тысячи людей выстаивали в огромной очереди по семь часов, чтобы только расписаться в книге соболезнований. В день похорон принцессы в стране объявили минуту молчания. Самые разные люди стремились отдать принцессе последнюю дань любви и восхищения: уже создан благотворительный фонд её имени, скоро будут запрещены противопехотные мины — именно за это ратовала Диана в последний год своей жизни.

Семья была если и не очень состоятельной, то вполне аристократической. Графский титул Спенсеры получили от короля Карла I. Мать Дианы, в девичестве леди Фермой, родом из Ирландии. Среди предков Дианы по отцовской линии были послы и премьер-министры. Спенсеры состояли в родстве со многими знатными английскими фамилиями. Королева Елизавета была крёстной матерью младшего брата Дианы.

Диану воспитывали в традициях старых аристократических семей. Главное правило — соблюдать дистанцию между родителями и детьми. Четверо детей Спенсеров были окружены боннами и гувернантками, но редко общались с отцом и матерью.

Когда Диане было 7 лет, родители развелись. В 1968 году развод был редкостью — у себя в школе Диана и её младший брат Чарльз были единственными детьми из неблагополучной семьи, как сказали бы сейчас. Мать переехала в Лондон, у неё начался бурный роман с американским бизнесменом Питером Шанд-Киддом, который ради неё оставил семью и троих детей. В 1969 году они поженились.

Успехи Дианы в учёбе были далеко не блестящими. Зато она

прекрасно танцевала, была отменной чечёточницей — в 1976 году даже выиграла школьный танцевальный конкурс. Только высокий рост (178 см) не позволил Диане стать балериной. Уже будучи принцессой Уэльской, Диана удивила американцев, исполнив на одном из приёмов в Белом доме рок-н-ролл с Джоном Траволтой.

Окончив престижную школу в Вест-Хёте, Диана два года провела в Швейцарии — училась кулинарии, шитью и ведению домашнего хозяйства. Она изнывала от скуки, к тому же овладеть французским было выше её аристократических способностей.

Ей было 16 лет, когда она познакомилась с принцем Чарльзом. Поначалу наследник английского престола ухаживал за старшей сестрой Дианы, Сарой Спенсер. Знакомство было мимолётным, более глубокие отношения начались тремя годами позже. Но Чарльз был чрезвычайно любезен с хохотушкой Дианой. На совершеннолетие отец подарил Диане квартиру в Лондоне. Она стала вполне самостоятельным человеком: сидела с детьми и подрабатывала воспитательницей в детском саду. Обстирывала и обглаживала знакомых молодых людей. Не гнушалась убирать чужие квартиры. Её почасовая ставка составляла один фунт.

И вот однажды, зарабатывая кровный фунт в час протиранием пола, Диана сообщила своей хозяйке, что приглашена на царскую охоту. Ей предстояло провести уик-энд с членами королевской фамилии. «Вот это да! — удивилась хозяйка. — Может, когда-нибудь ты станешь королевой Англии!» Но Диана, словно Золушка из сказки, тогда не верила своему счастью.

…Принцу Чарльзу шёл 33-й год. Он был самым завидным женихом Англии и считался покорителем женских сердец: ни одна девушка не могла устоять перед его титулом. Королева Елизавета и принц Филипп были обеспокоены затянувшимся романом Чарльза с Камиллой Паркер-Боулз, женой армейского офицера Эндрю Паркер-Боулза. Отношения длились с 1972 года, но на роль будущей королевы Камилла не подходила никак.

Говорят, принц Филипп сам предложил Чарльзу жениться на Диане. Она была молода, здорова, красива и знатна. Её выбрали, как породистую лошадь в королевскую конюшню.

День, когда Чарльз сделал ей предложение, был самым счастливым в жизни юной воспитательницы детского сада. Как вспоминал её брат, Диана светилась от радости.

29 июля 1981 года Диана Спенсер шла к алтарю собора св. Павла, за ней тянулся восьмиметровый шёлковый шлейф. Семьсот пятьдесят миллионов зрителей перед телеэкранами всего мира с благоговением следили за церемонией бракосочетания одной из самых красивых женщин с одним из самых богатых

женихов. Как сказал архиепископ Кентерберийский, «в такие волшебные мгновения рождаются сказки».

Накладки в семейной жизни молодых начались тут же. Произнося имя будущего супруга, Диана что-то напутала и выговорила имя его отца. Чарльз вместо традиционного «обещаю разделить с тобою всё, что мне принадлежит» сбился и сказал «разделить с тобою всё, что тебе принадлежит». (Кто-то из родственников принца съязвил: «Уж тут-то он не оговорился».)

Эти досадные оговорки многие впоследствии принимали за пророчества.

В июне 1982 года родился принц Уильям, в сентябре 1984 года — второй сын, Гарри. Этот период был, пожалуй, самым счастливым в их браке: Чарльз обожал Уильяма и отказывался от прогулок, чтобы лично его искупать. Диана, памятуя о собственном несчастливом детстве, вызвалась сама воспитывать детей, хотя Чарльз предлагал пригласить нянек и гувернанток.

И тем не менее, Чарльз ни на минуту не прерывал романа с Камиллой Паркер-Боулз. Диана кипела от ревности и негодования.

Постепенно Диана становилась героиней масс-медиа. Красотою принцесса явно затмевала своего супруга — рядом с ней он всегда казался не очень умелым телохранителем. Все фотокамеры были нацелены на неё, и, говорят, Чарльз болезненно переживал свою вторую роль при красавице жене. Когда он появлялся один, толпа не скрывала своего разочарования. «Я здесь, очевидно, затем, чтобы держать букеты», — шутил принц во время их поездки в Австралию.

Чарльз так часто пренебрегал женой, что, в конце концов, случилось неизбежное. В 1989 году Диана подпала под чары пылкого взгляда торговца автомашинами Джеймса Джибли. И стала лёгкой добычей. Как раз в это время разбилась её мечта о сказочном королевском счастье: сердце принца Чарльза оказалось более холодным, чем плохо отапливаемое британское поместье.

Потом пришло отрезвление: неужели она действительно хочет замуж за продавца подержанных машин? Должна ли она, скажем, вести его бухгалтерские книги? Стоять в магазине, пытаясь сбыть видавший виды «ягуар»? Любовь не выдержала столкновения с действительностью.

На смену ей пришло новое большое и страстное чувство. Инструктор верховой езды майор Джеймс Хьюитт тоже был молод, силён, красив и всегда готов. Он был единственным любовником, связь с которым Диана открыто признавала. Бурный роман длился целых пять лет, вплоть до 1994 года. Потом Хьюитт предал Диану, выпустив книгу своих откровенных воспоминаний.

В считанные секунды превратившись в миллионера, он на иудины сребреники купил дом в сельской местности и открыл конноспортивную школу.

Если бы Диана осталась с ним, то сегодня она чистила бы скребницей лошадей. Тоже отнюдь не сказочная перспектива.

К 1987 году разлад в королевской семье стал достоянием прессы. Принц и принцесса уже не могли скрывать взаимной неприязни. Официальные приёмы, на которых они должны были по этикету присутствовать, доставляли обоим нестерпимые страдания. А если дело доходило до поцелуев, выходил полный конфуз: в одном случае Диана после поцелуя непроизвольно вытерла губы, во втором случае — отвернулась в последний момент, и Чарльз чмокнул её куда-то в ухо.

Перелом в духовной жизни Дианы наступил в 1989 году: она встретила доктора, излечившего её от булимии; нашла в себе силы и «выяснила отношения» с Камиллой; увлеклась астрологией и йогой. Постепенно её подсознательный бунт против фальши отношений, сложившихся в королевской семье, превратился во вполне осмысленный вызов. Принцесса боролась за своё человеческое достоинство во всеоружии красоты и обаяния. От неё нельзя было отмахнуться, как некогда от 19-летней ничего не понимавшей девочки. Она объявила войну Виндзорам. И, как сейчас понятно, её выиграла. Пусть даже ценой своей трагической смерти.

С 1992 года супруги официально объявили, что живут отдельно. Чарльз хотел «тихого» развода: по английскому законодательству супруги, пять лет прожившие врозь, считаются разведёнными. Многие надеялись на примирение: ведь разведённый принц терял шанс стать когда-нибудь королём. Но в декабре 1995 года Диана выступила в одной из самых популярных передач Би-би-си «Панорама». Её интервью тогда смотрело несколько миллионов зрителей. Она поведала всему миру печальную историю своего «звёздного» брака. Оказалось, она с самого начала знала о романе принца с Камиллой Паркер-Боулз, который продолжался даже после замужества. «В том браке нас всегда было трое, — заявила Диана. — Это слишком много».

В 1994 году Диана нашла утешение в лице торговца произведениями искусства, миллионера Оливера Хора. Их связь продолжалась до тех пор, пока этому женатому человеку не надоели анонимные телефонные звонки, которыми леди Ди донимала его из ревности. Насчитав 300 таких звонков, Хор от неё отвернулся.

В 1995 году его преемником стал Уилл Карлинг, капитан британской национальной команды регбистов — человек с

грубым обаянием британского рабочего класса. Связь оборвалась почти мгновенно, как и брак спортивного героя. Очень уж скоро сведения об его тайных встречах с Дианой стали достоянием общественности. Жена Карлинга подала на развод.

Почти так же протекали любовные приключения Дианы с торговцем недвижимостью Кристофером Вэлли, аристократичным Филиппом Данном, светловолосым сорвиголовой Дэвидом Уотерхаузом. Никто из них не дал ей чувства защищённости и теплоты, в которых она так нуждалась.

И Диана поняла, что для всех этих людей она была лишь самым желанным трофеем Великобритании. Женой будущего короля, так сказать, будущей королевой.

Но кто страдает, тот учится. Когда её брак с принцем Чарльзом распался, Диана по горло была сыта вниманием аристократических сливок общества. Она пустилась в осознанный поиск мужчин «из настоящей жизни». Ни один из её последующих любовников не стоял на «высшей ступени лестницы» британского общества.

В результате развода Диана получила 23 миллиона долларов США. Согласно двусторонней договорённости, она сохранила титул принцессы Уэльской и равные с Чарльзом права на воспитание детей; за ней остались резиденция во дворце Кенсингтон и кабинеты во дворце Сент-Джеймс. Кроме того, Диана по-прежнему считалась полковником двух воинских подразделений: Light Dragoons и Princess of Wales' Royal Regiment. Она потеряла возможность стать королевой и соответственно именоваться её королевским величеством. Диана хотела стать «послом Британии в мире» — так она называла свою новую профессию. Но Елизавета ей в этом отказала.

Развод мало повлиял на популярность Дианы: британцы по-прежнему любили принцессу. За Чарльзом же закрепилась слава человека, предавшего одну из самых обаятельных женщин в мире.

В августе ушлый репортёр умудрился сделать снимки Дианы в объятиях её возлюбленного, Доди аль-Файеда. Фотограф заработал на поцелуе Дианы 3 миллиона долларов.

Семейство Файедов долгое время безуспешно пытается получить английское гражданство, несмотря на то, что отец погибшего Доди, египетский миллиардер Мохаммед аль-Файед, ежегодно платит британской казне несколько миллионов фунтов стерлингов налогов. Он владелец империи супермаркетов «Хэрродз», куда входит и самый известный в мире лондонский универмаг. Сам Доди занимался продюсированием голливудских кинофильмов, собирался снять в главной роли Диану в фильме о слонах в Африке. Но никакие деньги, включая взятки членам

парламента, до сих пор не помогли Файедам купить респектабельность и получить английский паспорт.

Связь Уэльской принцессы Дианы с толстосумом Доди шокировала британское общество. Последние несколько месяцев они стали очень близкими друзьями, хотя впервые встретились десять лет назад, когда команда Доди выиграла матч в поло у команды принца Чарльза. И впервые за многие-многие годы Диана выглядела счастливой! Это был не флирт, это была любовь. А в августе распространился слух, что разведённая английская принцесса и мусульманский донжуан вот-вот объявят о помолвке и скорой свадьбе.

Египтянин действительно имел скандальную славу. Перед чарами богатого ловеласа не смогли устоять известные киноактрисы и состоятельные дамы, например, Брук Шилдс, Джулия Робертс, Дэрил Ханна, Джоан Уэлли, внучка Уинстона Черчилля и дочь знаменитого певца Фрэнка Синатры. Замкнула этот донжуанский список леди Ди, ради которой Доди бросил манекенщицу Келли Фишер, закатившую по этому поводу грандиозный скандал на страницах европейской печати.

«Мы, конечно, не расисты, но всё же интрижка с Доди аль-Файедом — это уж слишком», — шептались в светских клубах Лондона. Эту брезгливость можно сравнить лишь с той, которую испытали американцы, когда Жаклин Кеннеди вышла замуж за греческого миллиардера Аристотеля Онассиса. Но по сравнению с Доди Онассис — аристократ в двадцать пятом поколении.

Как бы то ни было, Диана выбрала свой путь сама. И даже ажиотаж вокруг её имени в прессе был вольно или невольно спровоцирован в том числе ею самой.

В утешение живущим остаются легенды. Диана, как Грейс Келли и Мэрилин Монро, отсчитав годы своего земного существования, превратится в обожествлённый идеал. Драматическая история её жизни — как принцесса пожертвовала королевским титулом за право быть личностью — останется самым ярким мифом XX века.

Инесса Арманд (1874–1920)

Деятель революционного движения. Участница революции 1905 года. В 1911 году преподавала в партийной школе в Лонжюмо. В 1915 году представляла большевиков на Международной конференции. С 1919 года заведовала женским отделом ЦК. Возлюбленная лидера большевиков В. И. Ленина.

* * *

В конце декабря 1909 года Владимир Ильич Ульянов (Ленин) и Надежда Константиновна Крупская, его верная жена, переехали в Париж. Именно здесь великому революционеру суждено было встретить Инессу Арманд. Эта «Русская француженка» оставила глубокий сердечный шрам в душе лидера большевиков. Крупская не могла не знать, что сорокалетним мужем овладели сильные чувства. По свидетельству другой пламенной революционерки Александры Коллонтай, Крупская была в курсе их отношений и знала, что Ленин был очень привязан к Инессе, и не раз выражала желание уйти. Ленин удержал её.

Инесса Арманд была дочерью французских актёров Натали Вильд и Теодора Стефана. В пятнадцать лет вместе с сестрой она приехала в Россию к своей тёте, которая давала уроки музыки и французского языка в богатой семье Арманд. Глава семьи Евгений Евгеньевич Арманд был владельцем лесов, поместий, доходных домов в Москве, фабрик в Пушкино. Выходцы из Франции, они тепло встретили Инессу и Рене Стефан, появившихся в их семье с тётушкой-гувернанткой.

Инесса вышла замуж за Александра Арманда, Рене — за Бориса.

Счастливая и благополучная жена Александра Арманда прониклась идеями брата её мужа, Владимира, который в своих революционных воззрениях пошёл дальше старшего брата. Тем более он оказался ближе Инессе не только по взглядам, но и по чувствам. Они страстно полюбили друг друга. Благородный Александр отпустил любимую жену с четырьмя детьми, и она поселилась с новым мужем на Остоженке в Москве. Вскоре у них появился ещё один ребёнок — сын Владимир.

Владимир-старший, попав под революционное влияние жены, слепо пошёл за нею. И вскоре оказался в тюрьме, затем ссылке и в конце концов в эмиграции.

Инесса бежала из мезенской ссылки через Финляндию за границу, где встретилась с уже переправившимся туда мужем. Через две недели после её приезда Владимир Арманд умер. Инесса, стоически пережив удар, переехала в Париж, где хотела «поближе познакомиться с французской социалистической партией».

Инесса говорила, что физическое влечение часто не связано с сердечной любовью. Она сказала, — это было в 1920 году, — что в её жизни только раз эти два чувства совпали — по отношению в Владимиру Арманду…

Итак, в 1910 году она встретила Ленина. Может быть, именно поэтому Крупская считала, что «в Париже пришлось провести самые тяжёлые годы эмиграции». Но, к чести Крупской, она не стала устраивать мещанских сцен ревности и смогла установить с красивой француженкой дружеские отношения. Та отвечала Крупской тем же.

Арманд, по удачному выражению А.И, Солженицына, став «подругой Ленина», приняла правила игры «троих». Она смогла проявить дружеские чувства и к жене любимого человека.

Ленину были не чужды страсти, увлечения, интимные переживания. Об этом, например, свидетельствует письмо Арманд Ленину из Парижа в Краков: «…Расстались, расстались мы, дорогой, с тобой! И это так больно. Я знаю, я чувствую, никогда ты сюда не приедешь! Глядя на хорошо знакомые места, я ясно сознавала, как никогда раньше, какое большое место ты занимал в моей жизни, что почти вся деятельность здесь, в Париже, была тысячью нитей связана с мыслью о тебе. Я тогда совсем не была влюблена в тебя, но и тогда тебя очень любила. Я бы и сейчас обошлась без поцелуев, и только бы видеть тебя, иногда говорить с тобой было бы радостью — и это никому бы не могло причинить боль <…>. Я немного привыкла к тебе. Я так любила не только слушать, но и смотреть на тебя, когда ты говорил. Во-первых, твоё лицо оживляется, и, во-вторых, удобно было смотреть, потому что ты в это время этого не замечал. Крепко тебя целую. Твоя Арманд».

Письма (а их было немало) более чем красноречиво свидетельствуют о подлинном характере отношений Инессы Арманд и Владимира Ульянова.

Биографы считают началом их романа весну 1911 года, когда наконец социалистам удалось устроить под Парижем в деревне Лонжюмо партийную школу.

Крупская была великим конспиратором. Ради победы революции она была готова на всё. Если Ленину суждено было влюбиться в Инессу Арманд и это помогло делу революции,

Надежда Константиновна готова была подняться выше обывательских представлений о любви, супружеской верности и собственной женской гордости. Всё было подчинено великой идее.

Весной 1912 года чета Ульяновых засобиралась в Краков, поближе к России. Заторопилась в Польшу и Инесса. Она стала тенью семьи…

Когда Арманд не было вблизи, Ленин писал ей письма. Пожалуй, мало кому он написал так много писем, как Инессе. Иногда это были многостраничные послания.

После приезда в Россию, «в революцию» (Инесса, конечно, была с семьёй Ульяновых в знаменитом «пломбированном вагоне» в одном купе), Ленин, захваченный вихрем событий, встречался с Арманд уже реже, чем за рубежом.

Но революция быстро надорвала силы не только Ленина, но и его любимой. Инесса горячо бралась за любое дело, которое ей поручали партийные руководители. В своих дневниках Инесса, совсем незадолго до кончины, записала: «…Теперь я ко всему равнодушна. А главное — почти со всеми скучаю. Горячее чувство осталось только к детям и к В. И. Во всех других отношениях сердце как будто вымерло. Как будто бы, отдав все свои силы, свою страсть В.И. и делу работы, в нём истощились источники любви, сочувствия к людям, которыми оно раньше было так богато. У меня больше нет, за исключением В.И. и детей моих, каких-либо отношений с людьми, а только деловые… Я живой труп, и это ужасно».

Ленин всё реже встречался с «русской француженкой». Он уже не принадлежал себе, он принадлежал великому делу революции. Правда, Владимир Ильич писал довольно часто записки Арманд: справлялся о её здоровье и её детей, посылал продукты, покупал ей калоши, отправлял на Арбат личного врача для лечения заболевшей Инессы…

Она хотела поехать в родную Францию, хоть ненадолго вырваться из объятий революции и восстановить растраченные силы. Позвонила Ленину, но тот был занят и ответил запиской, в которой опасался, что в Париже её арестуют, и советовал отправиться на юг, «к Серго на Кавказ». Арманд последовала его совету.

Мог ли знать Ленин, что, отговорив Инессу от поездки во Францию, он пошлёт её туда, где она встретит свою смерть?

Через месяц пришла телеграмма: «Вне всякой очереди. Москва. ЦЕКа РКП. Совнарком. Ленину. Заболевшую холерой товарища Инессу Арманд спасти не удалось точка Кончилась 24 сентября точка Тело перепроводим в Москву Назаров».

Арманд по совету Ленина поехала сначала в Кисловодск, однако там было небезопасно — много банд, и она перебралась в Нальчик. По дороге заразилась холерой. 24 сентября её не стало.

Вероятно, Ленин пережил мучительные часы после получения рокового известия. Серго Орджоникидзе ещё пару дней назад сообщал, что у Инессы всё в порядке. Потрясение Ленина было огромным. Александра Коллонтай рассказывала, что когда 12 октября 1920 года «мы шли за её гробом, Ленина невозможно было узнать. Он шёл с закрытыми глазами и казалось — вот-вот упадёт». Она считала, что смерть Инессы Арманд ускорила смерть Ленина: он, любя Инессу, не смог пережить её ухода.

Два треугольника составила Инесса в своей запутанной и бурной жизни: любовный и революционный. Результат и итог любовного треугольника она выразила в письме бывшему мужу и другу всей её жизни Александру Арманду: «Я только теперь поняла вполне, как я была избалована жизнью, как я привыкла быть окружённой людьми, которые мне близки, которых я люблю и которые любят меня. И когда я подумала о том, как мне стало невыносимо тяжело, когда я очутилась совсем одинокой, тогда как столько людей всю жизнь одиноки, мне стало даже неловко перед самой собой».

Д'Этамп (1508–1576)

Фаворитка Франциска I. Она была фрейлиной Луизы Савойской, когда король её впервые увидел, вернувшись из плена в Испании. Король выдал её замуж за Жана де Бросса, которому дал титул д'Этамп. Отличаясь большим умом, необыкновенной красотой, она оказывала заметное влияние на Франциска I до самой его смерти.

* * *

Освободившись из плена, король Франции Франциск I въехал в Париж, в котором уже вовсю кипело веселье. Луиза Савойская, желая порадовать сына, собрала вокруг себя целый рой красавиц, которые надеялись привлечь внимание короля.

Расцеловавшись с матерью, Франциск I не преминул окинуть всех их взглядом знатока. Неожиданно во взоре его зажглось любопытство. В толпе девиц он узнал юную блондинку, которую заприметил до ухода на войну в Павию. Её звали Анна, и она была дочерью Гийома де Пислё, сеньора де Эйи, командира пехотной тысячи, стоящей в Пикардии.

«Надо только представить себе, — говорил Дрё дю Радье, — юную особу семнадцати-восемнадцати лет, прекрасно сложённую, блеск молодости которой усугубляется прекрасным цветом лица, живыми глазами, полными огня и сообразительности, и перед вами предстанет мадемуазель де Эйи, в том что касается её внешнего облика». И добавляет: «Что касается её ума, он был не только приятным, тонким и игривым, но также основательным, обширным и чутким к красотам искусных творений. За ней даже закрепилась репутация самой образованной среди красавиц и самой красивой среди образованных».

Мадемуазель де Эйи совершенно не случайно прибыла в Байонну на встречу молодого монарха. Луиза, и раньше часто подыскивавшая любовниц сыну, подумала, что эта молодая особа с явной склонностью к интригам, может быть, сумеет окончательно вытеснить из его сердца мадам де Шатобриан.

И тогда между двумя фаворитками началась борьба не на жизнь, а на смерть, к радости всего двора, который с азартом подсчитывал в этой борьбе очки и со знанием дела оценивал удары, наносимые ниже пояса.

Дуэль растянулась на месяцы, и король, обожавший Анну де Пислё, но всё ещё любивший Франсуазу, был этим крайне

утомлён. Вынужденный без конца утешать одну и успокаивать другую, король больше уже не находил времени для государственных дел и от этого приходил в отчаяние. В то время как вся Европа не отводила пристального взгляда от Франции, Франциск должен был сочинять любовные стишки, чтобы поочерёдно умиротворять обеих гарпий и не дать им истребить всё вокруг огнём и мечом.

В 1528 году, сражённая высокомерием Анны де Пислё и непостоянством короля, Франсуаза вернулась в Шатобриан, где муж, как обычно, принял её очень тепло. Но, покинув двор, она не обрела желанного покоя. Злоба новой фаворитки продолжала преследовать Франсуазу даже в Бретани.

Однажды Анна де Пислё потребовала у Франциска I забрать у мадам де Шатобриан драгоценности, которые он ей дарил. «И не потому, что они дорого стоят и представляют художественную ценность, — говорил Брантом, поведавший эту историю, — тем более что жемчуг и драгоценные камни не были тогда в моде, как раньше, а потому, что Анне нравились выразительные надписи, выгравированные или нанесённые иными способами, которые сестра короля, королева Наваррская, сама сочиняла и выполняла». Франциск уважил её просьбу.

Анна де Пислё торжествовала. Ей не удалось полностью выжить мадам де Шатобриан, с которой король регулярно переписывался; однако она заняла пост официальной фаворитки и сохраняла его в течение шестнадцати лет, к большому несчастью Франции.

Разумеется, Анна де Пислё втайне надеялась, что теперь, используя своё влияние на короля, она сможет играть и политическую роль, устроит свою семью и сможет оплачивать своих ставленников. Но Франциск, опьяневший от свободы, не слушал её советов и ознаменовал начало своего реального царствования тем, что сделал великодушный подарок Франсуазе де Шатобриан. Он отдал бывшей фаворитке, которую так ненавидела Луиза Савойская, доход от Суэвской сеньории в провинции Блезуа.

В начале 1532 года, оставив Анну де Пислё в Фонтенбло и королеву Элеонору в Блуа, король покинул свой замок в сопровождении пятнадцати тысяч человек, которые обычно следовали за ним во всех его поездках, и направился в Шатобриан, чтобы стать гостем Жана де Лаваля, этого редкостного по своей снисходительности мужа.

При виде короля радость Франсуазы не имела границ. На протяжении шести недель, с 14 мая по 22 июня, в Шатобриане устраивались великолепные праздники в честь августейшего

гостя.

В благодарность за это он сделал несколько дорогих подарков своему другу монсеньору де Шатобриану, а затем, расставшись с этим образцовым мужем, не спеша возвратился в Амбуаз, где иссушённая злобой Анна де Пислё поджидала его почти четыре месяца.

Хитрая фаворитка, как только узнала, что король вернулся, улеглась в постель и с видом страдалицы принялась стонать: «Оставьте меня, дайте мне умереть!» Потом она заперла дверь в свою комнату и отказалась принимать пищу, заходясь при этом «такими громкими рыданиями, что не нашлось при дворе человека, который бы не признал, что она слишком уж переигрывает».

Разумеется, сразу по приезде Франциску I сообщили, «в каком скорбном состоянии пребывает всё это время мадемуазель де Пислё». Разволновавшийся король бросился к её постели.

Никто не знает, о чём они говорили. Известно только, что король, явившись в спальню Анны в десять часов утра, вышел оттуда на следующий день в четыре часа пополудни и «казался таким утомлённым, как если бы он гнался за оленем»…

Но что бы там ни было, одно бесспорно: они помирились. Вечером улыбающаяся и вновь расцветшая Анна де Пислё появилась в великолепном платье и села во главе стола рядом с королём Франции.

Король долго думал, чем бы порадовать ту, чьи мыслимые и немыслимые желания он и так давно уже выполнил. Наконец его осенило, и собственная идея показалась ему великолепной: своей любовнице он решил преподнести мужа.

Этот странный подарок вовсе не означал, что король собирался расстаться с Анной. Напротив. Он желал «возвысить» её, то есть дать ей возможность занять определённое положение, и более того, даровать титул, чтобы она была почитаема при дворе.

Для этой цели он избрал человечка хотя и неприметного, но знатного происхождения, а главное, не очень ревнивого и способного с тем же изяществом, что и монсеньор де Шатобриан, выполнить роль «снисходительного мужа».

Только тут Жан де Бросс понял, какую неблагодарную роль навязывает ему Франциск I. От него требовали стать официальным рогоносцем и получать за это плату. Поразмыслив, он решил, что в обмен на согласие получит состояние, к тому же у него будет возможность заключить в объятия самую красивую женщину во Франции, и он принял предложение.

На придворных этот брак произвёл сильнейшее впечатление.

Фаворитку встретили с большим почтением, а Клеман Маро даже сочинил стихотворение, в котором в несколько жеманной форме обыгрывал новый титул дамы — герцогиня д'Этамп — и название знаменитой древней долины Тампе в Фессалии, прославленной Вергилием.

Франциск I, желая соблюсти приличия, подарил герцогине д'Этамп особняк на улице Ирондель, но тут же приказал построить рядом другой «с потайными дверями, через которые можно было незаметно проникать из одного дома в другой».

Второй особняк был украшен девизами и галантной символикой, говорившими о любви короля к фаворитке. Один из символов изображал пылающее огнём сердце, помещённое между альфой и омегой, что, по-видимому, должно было означать, что «для этого вечно пылающего сердца любовь является и началом, и концом».

Но герцогиня д'Этамп была любовницей иного склада, чем мадам де Шатобриан. Она мечтала добиться милостей и для себя, и для своей семьи. У неё, кстати, было около тридцати братьев и сестёр. И она смело принялась за дело, пользуясь каждой секундой передышки между двумя объятиями, когда любовники останавливались, чтобы перевести дух, и пыталась вырвать у замученного тяжёлой работой короля новые назначения или продвижения по службе.

В результате все Пислё были обеспечены важными должностями, по преимуществу церковными, поскольку любовница короля «была дамой набожной»…

Надо отметить, что если герцогиня д'Этамп клеветала, называя Диану де Пуатье «морщинистой старухой», то Диана не особенно ошибалась, говоря, что фаворитка обманывает короля.

Но Франциск I был слишком привязан к белокурой герцогине, чтобы пойти на разрыв, даже в припадке ревности. Это подтверждает следующая история. Однажды, когда король был на охоте, фаворитка поставила мадемуазель Рене де Колье в коридоре, у слухового окна и сказала: «Как только вы увидите, что его величество въезжает во двор, постучите в дверь моей комнаты». Мадемуазель, разумеется, задремала, и Франциск I, пройдя в комнату любовницы, нашёл её в объятиях молодого Кристиана де Нансе. Так что обвинения вдовы Великого сенешаля получили неожиданное подтверждение. Несколько мгновений герцогине Этампской казалось, что она пропала. Король понял, что скандал вынудит его прогнать неверную, и предпочёл сделать вид, что не узнал её.

Борьба между фаворитками приобрела такой ожесточённый характер, что весь двор разделился на два лагеря. Никто уже не

вспоминал о войне с императором, торопясь примкнуть к сторонникам ретивой герцогини Этампской или надменной вдовы Великого сенешаля.

Узнав, что герцогиня Этампская поддерживает протестантов, Диана де Пуатье ещё больше укрепилась в своей католической вере. Не теряя времени, она вызвала к себе Великого Магистра Монморанси, чтобы убедить его в необходимости открыть королю глаза на опасность раскола, который может очень быстро разделить Францию и расшатать королевский трон.

Мысль о том, что личный поэт её соперницы ускользнул от костра инквизиции, отравляла Диане жизнь, и она решила взять реванш, распустив слух о том, что герцогиня д'Этамп обманывает короля с протестантами. Этот клеветнический слух быстро достиг ушей Франциска I, но не дал того эффекта, на который рассчитывала Диана де Пуатье. Напротив, король, желая уверить фаворитку в своём неизменном доверии, взял протестантов под свою защиту.

Озабоченный желанием убедить всех, что распускаемые Дианой де Пуатье слухи нисколько не влияют на его отношение к фаворитке, король всё заметнее подчёркивал своё расположение к ней и дошёл до того, что стал публично интересоваться её мнением о государственных делах. И вскоре она уже присутствовала на королевском Совете.

Пользующаяся абсолютным доверием преждевременно ослабевшего из-за неумеренного сластолюбия монарха, очаровательная герцогиня всерьёз поверила, что она любовница Франции.

Все вокруг боялись её и унижались перед ней. Маргарита Ангулемская писала по этому поводу: «Главное — постарайтесь убедить её в той любви, которую король Наваррский и я питаем к ней, и что, если бы можно было объяснить, как велика эта любовь, она бы согласилась, что никогда ещё ни одно человеческое существо не было так любимо другим».

Её вполне официально принимали верховные иерархи церкви, а на одном вечернем приёме её видели пьющей одновременно с кардиналом Феррарским и королём из кувшина с тремя носиками…

К ней обращались, когда надо было добиться самых высоких постов в армии, в магистратуре или в управлении финансами. Таван в своих «Мемуарах» написал, не скрывая раздражения: «При этом дворе женщины делают всё, что хотят, даже генералов и полководцев».

А пока дофина пыталась произвести на свет потомство, герцогиня д'Этамп и Диана Пуатье продолжали борьбу с помощью

клеветы, разогревавшей умы и вызывавшей что ни день всё большее противостояние католиков и протестантов.

Эта опасная игра, затеянная двумя женщинами, «чья ненависть била через край», создавала в стране атмосферу гражданской войны, которая так напугала короля, что он впервые, не прислушавшись к сетованиям любовницы, предоставил 24 июня 1539 года парламенту право подписать постановление, по которому ересь объявляется вне закона.

Узнав об этой новости, герцогиня д'Этамп устроила ужасающую сцену, плакала, топала ногами и рвала зубами носовой платок; однако монарх остался непреклонным.

Протестанты, разумеется, не пожелали отречься от своей религии, и по стране запылали костры, к великой радости Дианы де Пуатье, которая лелеяла мечту увидеть на одном таком костре герцогиню Этампскую.

Но фаворитка была спокойна. Она знала, что, пока жив король, её никто не тронет, и продолжала интриги, стремясь женить принца Карла на одной из дочерей Карла Пятого.

После смерти Франциска I герцогиня Этампская, укрывшись в Лимурском замке, проводила дни в страшной тревоге. Она постоянно ждала ареста по приказу Дианы де Пуатье, публичного суда, жестокого обращения и заточения в тюрьму. Но она плохо знала вдову Великого сенешаля. Женщина в высшей степени осторожная, Диана не желала создавать опасный прецедент, жертвой которого она сама могла стать. Её снисходительность, смысл которой разгадали лишь немногие близкие ей люди, удивляла простой народ, надеявшийся, что после смерти короля фаворитка лишится всех владений и будет осуждена за ересь и сожжена на площади.

Диана де Пуатье торжествовала, видя свою соперницу поверженной, считала, что за неё отомстила судьба, и потому отказалась от мысли преследовать её ещё и за ересь. Вот почему, укрывшись за стенами Лимурского замка, госпожа д'Этамп имела возможность совершенно безбоязненно исповедовать избранную ею религию.

Но очень скоро из-за болтливости слуг стало известно, что король Генрих II завладел драгоценностями бывшей фаворитки с тем, чтобы подарить их Диане де Пуатье, и это немного обнадёжило простой люд, которому немало пришлось претерпеть от капризов прекрасной Анны.

Жан де Бросс, герцог Этампский, её муж, живший в Бретани, однажды утром появился в Лимуре, полный решимости настоять на своих супружеских правах, а также востребовать причитающиеся ему по должности деньги, которые в течение

пятнадцати лет он не получал по вине экс-фаворитки.

Бедняжка удовлетворила его желание, а затем подписала бумагу, по которой передавала мужу принадлежавшие ей поместья Шеврез, Дурдан и Лимур. После этого он приказал ей одеться: «Вы скоро отправитесь в Бретань, где впредь будете жить».

Через несколько часов носилки, сопровождаемые вооружёнными всадниками, доставили герцогиню в мрачный замок Ардуинэ, где ей предстояло пробыть в заточении восемнадцать лет.

Елена Дмитриевна Дьяконова (1894–1982)

Более известна под именем Гала. Её называли музой сюрреалистов, она была музой Поля Элюара и Сальвадора Дали, других известных поэтов и художников. Умная и незаурядная женщина, Гала оставила заметный след в богатом на события XX веке.

* * *

Есть женщины, чей дар — очаровывать, соблазнять и покорять. К таким женщинам относится Гала. В её жизни были Арагон, Бретон, Макс Эрнст, Тзара. После трудного развода с Полем Элюаром она стала женой гения сюрреализма Сальвадора Дали. Рядом с этой женщиной мужчины обретали бессмертие.

Поначалу жизнь не сулила Елене Дьяконовой ничего хорошего. В детстве потеряла отца (он был скромным казанским чиновником), в семнадцать лет переехала в Москву и, поселившись с матерью у отчима-адвоката, заболела чахоткой. Лечиться её отправили на знаменитый швейцарский курорт Давос, и здесь она назвала себя Гала с ударением на втором слоге. Так звал её юный (на год моложе её) парижанин Эжен Грендель, тоже лёгочный больной.

Эжен писал стихи, которые с энтузиазмом читал своей новой подруге и которые ей чрезвычайно нравились. Нравились настолько, что она даже сочинила небольшое, в полтора десятка строк предисловие к его изданному на собственные средства крохотному сборничку, объявив на весь мир, что ей эта скромная книжица «представляется маленьким шедевром, необыкновенным проявлением души». На обложке книжицы стояла фамилия автора Грендель, но вскоре эта не слишком благозвучная фамилия сменилась другой, позаимствованной у покойной бабушки Элюар. Имя же одолжил у своего родного дяди — Поль…

Но общим у этих двоих молодых людей — француза и русской — оказалось не только пристрастие к эффектным псевдонимам, не только любовь к поэзии, но и нечто большее. Словом их отношения не были мимолётным курортным флиртом, как это случается обычно.

После выписки из санатория Гала уехала на родину, но связь их не прервалась. «Я очень часто и регулярно получаю письма из

России», — говорил Поль отцу. Отец был категорически против столь раннего брака, да ещё с этой капризной, больной и небогатой девицей из холодной и загадочной России. «Я не понимаю, зачем сейчас обсуждать вопрос об этой русской девочке», — искренне удивлялся он в ответ на осторожный намёк сына, что не мешало бы пригласить его возлюбленную в Париж. «В настоящий момент, — заявил отец, — это невозможно».

И дело было не только в молодости Поля, в шаткости его материального положения, в отсутствии профессии (не стишками же зарабатывать себе на хлеб насущный), но прежде всего в том, что Европа была охвачена войной.

Письма Гала (их, правда, уцелело всего полтора десятка, остальные Элюар незадолго перед смертью уничтожил) не отличаются ни изощрённостью стиля, ни лирической тонкостью, ни хотя бы кокетством. «Мне не хватает тебя, как чего-то незаменимого». Нехитрое признание это варьировалось на разные лады, разве что время от времени Гала сдабривала его ласковыми, но тоже весьма незамысловатыми обращениями: «Мой дорогой возлюбленный, душенька моя, мой дорогой мальчик». И даже «мой ребёнок». Это материнское начало в отношениях к сильному полу, это пристрастие к мужчинам, которые моложе её — и подчас моложе намного, — сохранилось у неё до конца жизни.

Поля призвали в армию, но по состоянию здоровья он был способен разве что ухаживать в госпиталях за ранеными, чем с самоотверженностью и занимался.

Письма из России находили его и здесь. Гала подписывала их кратко и выразительно: «Твоя жена навсегда». Она с юных лет отличалась решительностью, и не только на бумаге. Поздней весной 1916 года Елена Дьяконова, которой не исполнилось ещё и двадцати двух, отправилась в вожделенный Париж.

К сожалению, отлучиться из госпиталя, чтобы встретить возлюбленную, Поль не мог, и тогда он поручает эту деликатную миссию матери: в отличие от отца, по-прежнему решительно настроенного против женитьбы, мать держала сторону сына. К тому же хитрая Гала заблаговременно отправила ей из России ласковое и в высшей степени уважительное послание, смиренно подписанное «русская девочка Гала».

И вот русская девочка оказалась на перроне по-военному мрачного вокзала. Отсюда мать Поля препроводила её в комнату сына. Прошло ещё некоторое время, и заждавшийся, сгорающий от нетерпения Поль получил недельный отпуск. Он показывал ей свой город, покупал ей духи (духи — её слабость), он вдохновенно рисовал планы их будущей семейной жизни. Вот

только эта проклятая война… Ему хотелось приблизить её окончание, и он, вернувшись в свой госпиталь, рвался, охваченный патриотическим чувством, на фронт, на передовую, в самое пекло.

Гала была в панике. «Если ты меня любишь, ты сбережёшь свою жизнь, потому что без тебя я как пустой конверт… Если я потеряю тебя, то потеряю себя саму тоже, я уже не буду больше Гала — я буду бедной женщиной, каких существует многие тысячи».

В феврале 1917 года в церкви Святой Женевьевы, стены которой помнили Жанну д'Арк, состоялось венчание. Родители в качестве свадебного подарка преподнесли молодожёнам огромную, из морёного дуба кровать. Не без озорства описав её в одном из писем, Элюар заметил: «На ней мы будем жить и на ней умрём».

Увы! Жизнь показала, что он оказался неважным пророком.

Спустя год у них родилась дочь Сесиль. Они были счастливы, Поль становился всё более известным.

Но тут появился Дали. Он познакомился с Элюаром, который, по собственным его словам, показался ему «легендарным героем», а уж потом — с его женой.

«Лицо Гала Элюар было, на мой взгляд, очень интеллигентным, но выражало усталость и досаду». Это — из книги «Тайная жизнь Сальвадора Дали, рассказанная им самим», книги, переведённой на все основные языки мира, в том числе и на русский, и посвящённой Гала — «той, что вела меня вперёд».

Дали до конца жизни оставался трубадуром Гала, он восхвалял и боготворил её, он писал её портреты, объяснял её благотворным влиянием все свои триумфы («Я по-настоящему научился владеть кистью только благодаря страху прикоснуться к лицу Гала»). А вот она отнеслась к нему поначалу весьма сдержанно, о чём он откровенно говорит в «Тайной жизни»…

«Она призналась, что приняла меня за противного и невыносимого типа из-за моих лакированных волос, которые придавали мне вид профессионального танцора аргентинского танго… У себя в комнате я всегда ходил нагишом, но, если надо было отправиться в селение, я целый час приводил себя в порядок. Я носил безукоризненные белые брюки, фантастические сандалеты, шёлковые рубашки, колье из фальшивого жемчуга и браслет на запястье».

Итак, первое впечатление Гала было негативным, тем более что сама она предпочитала в одежде стиль строгий и даже аскетичный. Но она не была бы Гала, если б не разглядела в этом человеке с ужасными манерами и частым неуместным смехом

гения. «Она распознала во мне наполовину сумасшедшего гения, способного на большую отвагу».

Не только распознала, но решила сделать всё возможное, чтобы гений этот реализовался. Не сразу, но решила, что явилось для него в некоторой степени неожиданностью. Однажды они отправились на прогулку в обожжённые солнцем горы, и тут, вспоминал впоследствии Дали, она сказала: «Малыш, мы больше не расстанемся».

Её законный супруг Поль Элюар стал к тому времени знаменитым и богатым («первым поэтом Франции», как называл его щедрый Дали), а тот, к кому ушла она, влачил полунищенское существование и никому практически не был известен. Её это не испугало. «Скоро вы будете таким, каким я хочу вас видеть», — объявила она ему, и он ей поверил. «Я слепо верил всему, что она предсказывала мне».

Но она не только предсказывала, она самоотверженно и самозабвенно помогала ему, и не одними советами, но и делом: пыталась заинтересовать разных влиятельных и — главное — богатых людей его проектами, один фантастичней другого, всеми мыслимыми способами норовила продать его картины, организовывала, не жалея сил, выставки. «Никогда не сдавались мы бытовой прозе, — писал Дали. — Мы выкручивались благодаря чудесам стратегической ловкости Гала. Мы никуда не ходили. Гала сама шила себя платья, а я работал в сто раз больше, чем любой посредственный художник». Его ещё удивляло, что находятся чудаки, которые покупают его картины. «Я гений, а гениям предназначено умирать с голоду».

А как же муж — теперь уже бывший муж, хотя формально они оставались в браке вплоть до 1932 года? Как же дочь? Обоими Гала не колеблясь пожертвовала ради своего гения. Дочь воспитывала бабушка (мать Поля), а сам он в отчаянии пытался вернуть себе жену. Он посвятил ей свою книгу «Любовь поэзия», на титуле которой написал: «Гала… всё, что я сказал, — только для тебя. Мой рот так и не смог расстаться с твоими глазами».

Сестра Марины Цветаевой, Анастасия — их обеих Гала хорошо знала в юности — писала о ней: «Вот и пытались художники (не только Дали) запечатлеть её в картинах, поэты (не только Элюар) — в стихах, мемуаристы — в воспоминаниях». «Казалось, писал один из них, что эта худая славянка с пламенными глазами одержима какой-то невероятной силой (силой зла?); было что-то колдовское в ней, в молодой и очаровательной колдунье».

Элюар, продолжавший любить её даже тогда, когда не осталось ни малейших надежд на её возвращение, сразу после их

официального развода, буквально на другой день, написал ей: «Ты всегда моя жена, навечно. Утром, просыпаясь, вечером, засыпая, и каждую минуту повторяю твоё имя: Гала!»

С этим же именем на устах умер и Сальвадор Дали.

Габриэль-Эмилия дю Шатле (1706–1749)

Собственное имя — Ле Тонелье де Бретей. Французская писательница. Получив блестящее образование, Шатле с ранних лет интересовалась философией, математикой. В их доме бывали Мопертюи, Бернулли, Кёнига, де Клеро… Окружённая при дворе Людовика XV многочисленными поклонниками, она вступила в интимные отношения с маркизом де Гебрианом и герцогом Ришельё. В 1725 году она вышла замуж за маркиза дю Шатле, а через несколько лет развелась с мужем. В 1733 году сблизилась с Вольтером и до конца своей жизни жила с ним в замке Сирей.

* * *

С маркизой дю Шатле Вольтер встретился при любопытных обстоятельствах. Пребывая в вечном страхе быть узнанным и отправленным в Париж, где его ждала Бастилия, он не выходил из дома и вёл жизнь настоящего отшельника. Однажды в лунную ночь он всё-таки решился прогуляться. Возвращаясь, заметил недалеко от дома несколько человек, которые, по-видимому, кого-то поджидали. Они делали угрожающие жесты своими палками, и Вольтер невольно вспомнил случай из своей жизни, происшедший с ним в Париже и наполнивший его сердце ненавистью к сливкам общества. Это была знаменитая выходка герцога Роган-Шабо, который приказал своим слугам поколотить Вольтера на улице за то, что тот задел его в памфлете. Физически слабый, поэт едва не умер тогда под ударами усердных слуг, и вполне понятно, что, увидев мужчин, вооружённых палками, почувствовал, что душа его уходит в пятки. Вдруг новое зрелище привлекло его внимание. Стройная амазонка, с развевающимися перьями на шляпе, ехала в сопровождении кавалера и остановилась у его дома. Появление дамы смутило мужчин с палками, и они разошлись. Ободрённый, Вольтер вышел из своего укрытия и поклонился даме, которую мог считать своей спасительницей.

При волшебном сиянии луны женщина эта показалась поэту поистине богиней. Она действительно стала его спасительницей. Войдя в дом, прекрасная незнакомка рассказала, что, узнав в

Париже о его пребывании в Руане, где ему постоянно грозит опасность быть схваченным, она примчалась сюда, чтобы предложить ему комнату в своём замке. Её сопровождал муж, который относился с не меньшим уважением к поэту и был готов защищать его от посягательств со стороны правительства. Стоит ли говорить, что Вольтер с радостью принял предложение.

Пятнадцать лет провёл он со своей подругой в этом замке, которому придал вид настоящего волшебного уголка, и время это совпало с высшим подъёмом его творческой деятельности, так что влияние дю Шатле можно считать благотворным для всей его литературно-философской карьеры.

Когда Вольтер встретил Божественную Эмилию, она имела двоих детей, но дом и семейные заботы были не единственным смыслом её жизни. Она изучала философию и математику, читала в подлиннике Вергилия и Горация, отлично ездила верхом и, главное, замечательно пела. Дю Шатле была не лишена некоторого романтизма. «Она немножко пастушка, — сказал про неё однажды Вольтер, — правда, пастушка в бриллиантах, с напудренными волосами и в огромном кринолине». Вольтер никого не мог любить всей силой своего существа, до полного самозабвения, но он, несомненно, питал к Эмилии глубокую привязанность, и это, вероятно, отчасти потому, что пятнадцать лет, проведённые с ней, были временем расцвета его творчества. После разлуки он только раз сумел подняться до прежней высоты вдохновения — в «Танкреде». Недаром он называл Сирей «земным раем» и в 1733 году писал так: «Я больше не поеду в Париж, чтобы не подвергать себя бешенству зависти и суеверия. Я буду жить в Сирее или на своей свободной даче. Ведь я вам всегда говорил: если бы отец, мой брат или мой сын сделался первым министром в деспотическом государстве, я бы от них отрёкся на следующий же день. Поэтому можете судить, как неприятно я здесь себя чувствую. Маркиза для меня больше, чем отец, брат или сын. У меня только одно желание — жить затерянным в горах Сирея». Вольтер, и затерян! Маркиза хорошо понимала характер великого поэта и, понимая, что значат иллюзии в жизни человека, писала в статье «О счастии»: «Не надо разрушать блеск, который иллюзия бросает на большую часть вещей, а наоборот, ему нужно придать поэтический оттенок».

Была ли красива Эмилия? Маркиза Креки, кузина дю Шатле, старалась выставить её совсем некрасивой женщиной. «Она была крепкого телосложения, лихо ездила верхом, охотно играла в карты и пила крепкое вино. У неё были ужасные ноги и страшные руки. Кожа её была груба, как тёрка. Словом, она представляла собой идеального швейцарского гвардейца, и совершенно

непонятно, как это она заставила Вольтера сказать о себе столько любезных слов». Единственно, что можно сказать в пользу её наружности, это то, что она была очень стройна. Иногда она со своими неподвижными глазами и длинным лицом напоминала привидение; но та же Эмилия, мчавшаяся на своём быстром коне по горам и долинам, казалась плодом поэтического воображения.

«Каждый год, — замечала одна язвительная современница, — она производила смотр своим принципам из боязни, как бы они не ускользнули от неё. С большим удовольствием занималась она естественными науками и перевела сочинения Ньютона на французский язык. Маркиз дю Шатле женился на ней, конечно, не из любви и не из жадности, так как Эмилия де Бретей была бедной девушкой. Супруги жили так, как жили вообще во времена регентства, когда признаками хорошего тона считалось, чтобы муж находился в одном месте, жена — в другом. Он бегал за оперными артистками, она завладела сердцем герцога Ришельё. Все эти грустные истории были забыты, когда летом 1733 года она сошлась с Вольтером и „остепенилась“». Поэту было в то время 39 лет, а маркизе 27.

Жизнь возлюбленных в Сирее подробно описана современниками и современницами Вольтера. Покои в замке были обставлены с волшебной роскошью. Мраморные статуи, бронза, серебро, драгоценные каменья… Особенно роскошно были обставлены комнаты Божественной Эмилии, напоминавшие сказку «Тысячи и одной ночи». Немало сплетен передавалось о них в парижском обществе, но что им за дело было до этого? Они работали усердно каждый для себя, и в этом, по-видимому, был смысл их существования. Маркиза даже ночью решала геометрические задачи, а Вольтера приходилось иногда по 3–4 раза звать к обеду, о котором он совершенно забывал за письменным столом. Потом, за шампанским, живший в нём демон превращался в ту полусмешную, полусердитую «обезьяну», которую видели в нём его враги. Он начинал рассказывать всякие истории, декламировал стихи, шумел, язвил, издевался и, как выразился один его современник, «стоя одной ногой в могиле, другой делал в воздухе весёлые движения». Всё время, однако, он оставался «королём Вольтером».

Так текла жизнь в Сирее. Вообще, там было довольно скучно. Визитёры, для которых Божественная Эмилия пела своим «божественным голосом», а Вольтер делал пунши, наезжали редко. Маркиз дю Шатле, иногда посещавший замок любовника своей жены, по обыкновению ворчал, был недоволен и скоро уезжал. А лавровые венки из Парижа присылались довольно редко. Случалось, что Вольтер и Эмилия подолгу оставались во

дворце одни. Однажды — это было в 1734 году — однообразие было нарушено неожиданным обстоятельством: Вольтеру сообщили, что его должны арестовать, и он бежал в Голландию. В отчаянии Эмилия писала своему другу д'Аржантайлю: «Сто пятьдесят миль отделяет меня от вашего друга, и вот уже двенадцать дней, как я не получала никаких известий о нём. Прощение, прощение! Но моё положение ужасно! Ещё две недели тому назад я не могла без страданий провести вдали от него два часа; а теперь мне неизвестно, где он и что он делает, я не могу даже воспользоваться печальным утешением, которое доставила бы мне возможность разделить его несчастье!»

Несмотря на пламенную привязанность друг к другу, между влюблёнными бывали и ссоры. Тут же Вольтер, который только что бросал в возлюбленную тарелкой, посылал ей стихотворные комплименты вроде следующего: «Нет сомнения, что вы прославитесь этими великими алгебраическими вычислениями, в которые погружён ваш ум. Я сам дерзнул бы погрузиться в них, но увы, А + Д — В не равняется словам: „Я вас люблю!“»

И маркиза прощала его. Однажды она написала на стене своего сада: «Одиночество — счастье, когда имеешь хорошую книгу и великого друга».

Так, наверное, и текла бы жизнь влюблённых и дальше, если бы Эмилия, несмотря на свою любовь, в одно прекрасное время не оказалась бы женщиной, способной отдаться первому мужчине, который произвёл на неё впечатление. Она изменила. Случилось это в 1748 году, когда маркиза жила вместе с Вольтером при дворе польского короля Станислава Лещинского, окружавшего себя только гениальными людьми. Там, несмотря на свои сорок лет, она влюбилась в сухого, холодного и ограниченного офицера Сен-Ламбера, влюбилась, вероятно, потому, что ей было 40, а ему только 30 лет. Связь эта продолжалась недолго, но причинила много горя Вольтеру. Узнал он о ней случайно: войдя однажды к маркизе, Вольтер застал её на софе около Сен-Ламбера в позе, исключавшей любые сомнения насчёт их истинных отношений. Последовало бурное объяснение. Сен-Ламбер был дерзок, Вольтер — возмущён. Он тотчас же решил уехать и, вернувшись к себе, приказал готовить карету, но маркиза не позволила ему исполнить свою угрозу. Злые языки говорят, что, войдя в комнату разгневанного любовника, она спокойно села на краю постели, на которой он лежал, и сказала: «Будьте же благоразумны, друг мой. Я знаю, вы всегда заботились о моём здоровье, вы одобряли режим, который наиболее соответствовал ему, и любили меня так долго, как только могли. В настоящее время вы сами сознаётесь, что не можете более продолжать в том же духе без ущерба для

вашего здоровья. Неужели же вы будете сердиться, если один из ваших друзей решился помочь вам?»

«Ах, сударыня, — отвечал Вольтер, невольно преклоняясь перед логикой своей подруги, — всегда выходит так, что вы правы. По крайней мере, соблюдайте осторожность и не делайте таких вещей на моих глазах».

На следующий день Вольтер уже совершенно примирился со своим положением и при встрече с Сен-Ламбером протянул ему руку и сказал: «Мой дорогой мальчик, я всё забыл. Виноват во всём я. Вы в таком возрасте, когда нравятся и любят. Пользуйтесь же этим мгновением: оно слишком кратко. Я — старик, человек больной, и эти удовольствия уже не для меня».

Но самое неприятное — Божественная Эмилия была на третьем месяце беременности. Отец божественного ребёнка — Сен-Ламбер. Втроём — он, Эмилия и Вольтер стали думать, как быть с будущим младенцем. Решили срочно вызвать из гарнизона мужа, провести с ним соответствующую работу, основная и пикантная часть которой ложилась, естественно, на Божественную Эмилию, в результате чего тот должен был признать впоследствии, что ребёнок его. Маркиз явился незамедлительно. Жена оказала ему внимание, от которого он давно уже отвык. Через несколько дней муженёк отбыл в полк, чрезвычайно довольный собой.

Гордость возросла, когда через несколько недель он получил извещение, что скоро вновь станет отцом — после столь огромного перерыва.

Вечером, за ужином у маркизы де Бурлэ, Вольтер, обращаясь к Эмилии, продекламировал следующее двустишие: «Твоя рука срывает розы, а мне остаются шипы».

Поздняя беременность стоила ей жизни. Маркиза умерла 10 сентября 1749 года, через несколько дней после родов, оставив Вольтеру грустное воспоминание о днях блаженства. Вольтер и муж дю Шатле, потрясённые, стояли у её смертного одра. Вдруг поэт вспомнил, что маркиза всегда носила на груди медальон с его портретом. Муж в свою очередь думал, что портрет в медальоне — его. Огорчённые её смертью и в то же время сгорающие от нетерпения убедиться в чувствах покойной, они оба стали искать его на груди маркизы. Медальон нашёлся. Они его открыли. О ужас! В нём действительно был портрет, но не Вольтера и не мужа, а Сен-Ламбера! «Небо, — воскликнул поэт, подняв обе руки вверх, — таковы женщины! Я вытеснил Ришельё, Сен-Ламбер вытеснил меня. Клин выбивается клином. Всё на свете идёт своим чередом!»

Смерть маркизы привела Вольтера в отчаяние, он писал об

этом Фридриху Великому: «Я только что присутствовал при смерти подруги, которую любил в течение многих счастливых лет. Эта страшная смерть отравит мою жизнь навсегда. Мы ещё в Сирее. Её муж и сын со мной. Я не могу покинуть дом, освящённый её присутствием: я таю в слезах и в этом нахожу облегчение. Не знаю, что из меня будет, я потерял половину своего „я“, потеряв душу, которая для меня была создана». И действительно, жизнь его была сломана. Одно время он даже думал поступить в монастырь и посвятить себя науке, но потом увлёкся Англией и философией Локка. Наконец он поехал в Париж, а затем в Ферней, где нашёл и почёт, и поклонение женщин, но уже ни одна из них не заняла в его сердце места, которое принадлежало Божественной Эмилии.

Надежда Ивановна Нарышкина (Кнорринг) (1827–1895)

Надежда Кнорринг была единственным ребёнком в семье Ивана Фёдоровича Кнорринга, действительного статского советника, и Ольги Фёдоровны Беклешовой (этот дворянский род известен с 1619 года). Семья обладала солидным состоянием. Красивой и горячо любимой девочке дали хорошее образование и рано, может быть, слишком рано вывезли в свет, где она сразу привлекла внимание незаурядной внешностью, хорошим воспитанием и светской непринуждённостью. Вскоре знатный вельможа Александр Григорьевич Нарышкин, «муж зрелых лет», предложил ей руку и сердце. Нарышкин боготворил свою молоденькую жену и был безумно счастлив, когда у них родилась дочь Ольга.

Но Надежда Нарышкина счастлива не была… Андре Моруа писал об этом периоде её жизни: «Проведя годы юности в глуши, она почти девочкой вышла замуж за старого князя Нарышкина. Этот неравный брак превратит её в существо неудовлетворённое и необузданное».

Но тогда Надежда Нарышкина, «сирена с зелёными глазами», блистала в высшем обществе, и ничто не предвещало перемен в жизни…

…Он был очень красив, Александр Васильевич Сухово-Кобылин, в его облике было нечто притягательное: с большими карими удлинёнными глазами, высокого роста, с горделивой осанкой.

Александр Васильевич был талантливым писателем-драматургом — до сих пор не сходит с русской сцены его замечательная пьеса «Свадьба Кречинского». В свои двадцать два года он имел репутацию донжуана, «светского льва». Надежда Нарышкина и Александр Сухово-Кобылин любили друг друга.

Весной 1842 года в парижском ресторане Александр Васильевич познакомился с девушкой редкой красоты, белокурой и голубоглазой Луизой Симон-Деманш и привёз её в Москву. Их связь продолжалась восемь лет и трагически завершилась осенью 1850 года — Луиза была зверски убита. Труп её нашли на Ходынском поле с перерезанным горлом и следами жестоких побоев.

Подозревали крепостных, недовольных грубым обращением Луизы. Но общественное мнение склонялось к версии убийства на почве ревности.

Вот что об этом писал Л. Н. Толстой, живший тогда в Москве: «Некто Кобылин содержал юную госпожу Симон, которой дал в услужение двух мужчин и одну горничную. Этот Кобылин был раньше в связи с госпожой Нарышкиной, рождённой Кнорринг, женщиной из лучшего московского общества и очень на виду. Кобылин продолжал с ней переписываться, несмотря на связь с госпожой Симон. И вот в одно прекрасное утро госпожу Симон находят убитой, верные улики показывают, что убийца — её собственные люди. Это куда ни шло, но при аресте Кобылина полиция нашла письма Нарышкиной с упрёками, что он её бросил, и с угрозами по адресу госпожи Симон. Таким образом, и с другими возбуждающими подозрение причинами, предполагают, что убийцы были направлены Нарышкиной».

Нарышкина знала о Симон-Деманш и, обладая «демоническим», «инфернальным» характером, была не прочь больно ранить свою соперницу. Один из современников приводил такой эпизод.

«Сухово-Кобылин безуспешно ухаживал в эту пору за одной московской аристократкой. В один из вечеров у этой аристократки был бал, на котором присутствовал Сухово-Кобылин. Проходя мимо окна, хозяйка дома увидела при свете костров, которые горели по тогдашнему обыкновению для кучеров, на противоположном тротуаре кутавшуюся в богатую шубу женщину, пристально смотревшую в окна. Женщина узнала в ней Симон-Деманш, сплетни о безумной ревности которой ходили тогда по Москве. Ей пришла в голову женская злая мысль. Она подозвала Сухово-Кобылина, сказала, что ушла сюда, в нишу окна, потому что ей жарко, отворила огромную форточку и поцеловала ничего не подозревавшего ухаживателя на глазах у несчастной Симон-Деманш.

7 ноября 1850 года Луиза, застав у Александра Васильевича Нарышкину, оскорбила её. Вне себя от ярости Сухово-Кобылин ударил её тяжёлым подсвечником и, попав в висок, убил наповал».

Споры о виновности Сухово-Кобылина продолжаются и по сей день. Однако причастность к этой трагедии Надежды Нарышкиной несомненна. Через несколько недель после убийства, в декабре 1850 года, она уехала в Париж.

Правда, была ещё одна важная причина срочного отъезда в Париж «для поправки здоровья» — Надежда Нарышкина ожидала ребёнка, отцом которого был Сухово-Кобылин. В 1851 году родилась девочка, которая жила в доме своей матери под именем сироты Луизы Вебер (случайное совпадение имён — ведь убитую госпожу Симон тоже звали Луизой!). Кстати, под старость, когда

Александра Васильевича мучило одиночество, он обратился к императору Александру III с просьбой об удочерении Луизы. Разрешение было получено. В 1889 году Луиза вышла замуж за графа Исидора Фаллетана, и от их брака родилась дочь Жанна.

Итак, у Надежды Нарышкиной были серьёзные причины для быстрого отъезда из Москвы в Париж. «Однако, — писал Андре Моруа, — бежав из Москвы, она не забыла взять с собой ни свою дочь Ольгу Нарышкину, ни фамильные драгоценности».

В те времена русская аристократия, считал Андре Моруа, представляла в Париже нечто вроде тайного посольства красоты. Мария Калергис, «снежная фея», Лидия Нессельроде, двадцатилетняя невестка премьер-министра России, «дама с жемчугами» — она приобрела изумительное жемчужное ожерелье длиною около семи метров — и их подруга красавица Надежда Нарышкина собирали в своих салонах знаменитых государственных деятелей, артистов, писателей.

В Париже Надежда Нарышкина вела привычный образ жизни и пользовалась успехом в обществе. По свидетельству Евгения Феоктистова, «она приковывала главным образом какой-то своеобразной грацией, остроумной болтовнёй и той самоуверенностью и даже отвагою, которая свойственная так называемым „львицам“».

Брат императора Наполеона III герцог де Морни, бывший посол в Петербурге, покровитель искусства, попал под её обаяние. Василий Гроссман писал: «Этот виднейший государственный деятель Второй Империи был отчасти и драматургом. Первые чтения его водевилей происходили, по словам его биографа, в интимной обстановке, при закрытых дверях, у госпожи Нарышкиной, рождённой баронессы Кнорринг».

«Во время чтения, — писал биограф, — герцог просил отзывов об отдельных эпизодах у этой знатной русской дамы, отличавшейся оригинальными привычками, вечно оживлённой, превращавшей ночь в день, проводившей время за книгой, курением или беседой, в полном согласии со своим весёлым характером и возбуждённым шаловливым умом».

Нарышкина, по словам биографа Морни, была начитанной, образованной, красивой женщиной с замечательными «ручками и ножками ребёнка», весьма ценившей людей и жизнь театра.

…1852 год. В театре «Водевиль» с триумфом прошла пьеса Александра Дюма-сына «Дама с камелиями», автора забрасывали мокрыми от слёз букетами, которые, по словам Теофиля Готье, женщины срывали со своей груди. Александр Дюма приобрёл репутацию друга женщин, защитника простодушных молоденьких девушек от посягательств прожигателей жизни, грозного

обвинителя адюльтера. Ничто не противоречило так его идеалам, как собственная личная жизнь, он вступил в связь с замужней женщиной и увёл её от мужа. Надежде Нарышкиной было тогда двадцать шесть лет, и она находилась в расцвете красоты.

Мать Надежды, Ольга Фёдоровна, проживавшая в Москве, от имени своего мужа Ивана Кнорринга, российского статского советника, купила для его дочери и внучки красивую виллу под Парижем, известную и сейчас как вилла Нарышкиной, и с 1853 по 1859 год «можно было видеть, как на газоне и посыпанных песочком дорожках перед домом играют в мяч красивый молодой человек, красивая девочка и женщина с глазами цвета морской волны», — писал А. Моруа.

Дюма в письмах Жорж Санд с большой нежностью говорил о своей «зеленоглазой княгине Надин», о своей большой любви к «Великороссии» (Надежда) и «Малороссии» (Ольга). Он писал: «Мне доставляет удовольствие перевоспитывать это прекрасное создание, испорченное своей страной, своим воспитанием, своим окружением, своим кокетством и даже праздностью».

Дюма хотел провести личную жизнь в соответствие со своими моральными принципами и браком закрепить отношения с Надин, но развод получить было невозможно — царь требовал, чтобы браки среди аристократии были нерасторжимыми. Жизнь с «зеленоглазой сиреной» была нелёгкой, но он по-прежнему восхищался «русскими дамами, которых Прометей, должно быть, сотворил из найденной им на Кавказе глыбы льда и солнечного луча, похищенного у Юпитера… женщинами, обладающими особой тонкостью и особой интуицией, которыми они обязаны своей двойственной природе — азиаток и европеянок, своему космополитическому любопытству и своей привычке к лени… эксцентрическими существами, которые говорят на всех языках… охотятся на медведей, питаются одними конфетами, смеются в лицо всякому мужчине, не умеющему подчинить их себе… самками с низким певучим голосом, суеверными и недоверчивыми, нежными и жестокими. Самобытность почвы, которая их взрастила, неизгладима, она не поддаётся ни анализу, ни подражанию».

Совместная жизнь Надин и Александра была непростой не только из-за несхожести их характеров. Скандальные судебные процессы Дюма-отца (в 1858 году разыгралась тяжба с его бывшим соавтором Маке), необходимость ежегодных поездок Надежды в Россию, чтобы взять денег из своих личных поместий и получить очередное разрешение на пребывание за границей (по заключению сочувствующих врачей, русский климат был «вредным для её лёгких»), постоянные угрозы Александра

Нарышкина отнять свою дочь Ольгу, — всё это омрачало их жизнь.

В 1859 году Надежда сняла большой, из сорока четырёх комнат, замок Вильруа в департаменте Сена-и-Марна, но жила с дочерью только в одной комнате, так как боялась, что Нарышкин может организовать похищение Ольги.

В 1858 году Александр Дюма закончил пьесу «Внебрачный сын», в 1860 году у него родилась внебрачная дочь — счастье, трагедия и фарс для великого моралиста. Девочке, как требовал закон о внебрачных детях, было дано тройное имя Мария-Александрина-Генриетта и прозвище Колетта. Мать девочки была записана под именем Натали Лефебюр. Долгие годы эта «малютка Лефебюр», бедная «сиротка», воспитывалась «приёмными» отцом и матерью, пока не умер Александр Григорьевич Нарышкин и появилась возможность «удочерить» ребёнка и узаконить отношения любовников.

В новогоднюю ночь, 31 декабря 1864 года, состоялся праздничный ужин в честь бракосочетания Александра Дюма-сына и Надежды Нарышкиной, вдовы Александра Нарышкина. Присутствовали Александр Дюма-отец и несколько друзей.

Теперь-то уж ничто, кажется, не должно было омрачать семейную жизнь супругов, но, увы, Надин вовсе не была «послушным дитя», её «инфернальный характер» с годами не стал ангельским. Новые обязанности хозяйки дома были ей явно в тягость, и выполняла она их весьма небрежно. Вот что писала Жорж Санд, посетившая супругов Дюма в маленькой рыбачьей деревушке недалеко от Дьеппа в августе 1866 года: «Хозяйка очень любезна, но не в должной мере хозяйка. Беспорядок немыслимый! Из ряда вон выходящая неаккуратность, ставшая привычной. Для мытья служит ваза и салатница, а вода есть только тогда, когда за ней сходишь! Окна не закрываются! Собачий холод в постели…»

Супруги мечтали иметь сына, но беременность Надин завершилась выкидышем на пятом месяце. Однако желание дать миру Дюма-внука заставило Надин строго придержаться постельного режима во время новой беременности, выполнять все предписания врачей. 3 мая 1867 года Надин разрешилась от бремени девочкой, которой дали имя Жаннина.

Весьма щекотливо было положение старшей дочери Ольги. Она была молода, красива, но роман матери лишил её возможности бывать при русском дворе, а ведь её родство с царствующим домом Романовых давало право рассчитывать на блестящую партию. К счастью, и Франция была не бедна достойными женихами. В 1872 году Ольга вышла замуж за

отпрыска этой же фамилии — за графа Исидора де Фаллетана.

Александр Дюма гордился своими дочерьми, уделяя им много внимания, с удовольствием пересказывал друзьям их шутки и остроты (Колетта впоследствии вышла замуж за Мориса Липпмана, а Жанина стала г-жой д'Отерив).

Но обстановка в семье с каждым годом становилась всё более напряжённой. Надин, нервная и раздражительная, постоянно провоцировала семейные скандалы, главная причина которых была ревность. Она ревновала ко всем знакомым, к актрисам театров, ко всем поклонницам своего красивого и популярного в обществе мужа. Супруги всё более отдалялись друг от друга, сцены ревности возникали всё чаще. В итоге врачи поставили печальный диагноз — неизлечимая душевная болезнь.

В 1891 году Надин, обезумев от ревности, покинула мужа и поселилась в доме дочери Колетты.

2 апреля 1895 год она умерла в возрасте шестидесяти восьми лет, а через несколько месяцев, 27 ноября, умер и Александр Дюма.

Элизабет Энн Говард (1823–1865)

Любовница Луи-Наполеона III. Пожертвовала своим состоянием ради его восшествия на престол. Однако Луи так и не предложил ей узаконить их отношения, а после того как он женился на испанке Евгении Монтихо, любовники расстались. Говард вернулась в Англию, где вышла замуж.

* * *

Мисс Говард — псевдоним женщины, чьё подлинное имя было Элизабет Энн Херриэт. По утверждениям некоторых историков, она родилась «без отца-матери на панели Дувра». В действительности Элизабет появилась на свет в Брайтоне в 1823 году. Её отец, Джозеф Гоэн Херриэт изготавливал дамскую обувь, а мать, добрая и набожная протестантка, работала в рукодельной мастерской при церковном приходе.

В пятнадцать лет Элизабет увлеклась театром и объявила остолбеневшим родителям, что хочет стать актрисой.

Супруги Херриэт решительно воспротивились этому, отчего дочка пришла в отчаяние, сила которого достигла шекспировского масштаба. Случилось так, что в это время, а дело было в 1839 году, её заметил Джем Мезон, сын богатого торговца лошадьми. «В пятнадцать лет, — пишет Симона Андре-Моруа, — она уже владела тонким искусством взволновать мужчин. Нельзя сказать, что все они оказывались жертвами этого её умения, но, без сомнения, все восхищались ею».

Джем Мезон в неё влюбился. Узнав, что Элизабет мечтает стать актрисой, он предложил ей свои услуги. «Я вхож за кулисы всех театров, — сказал он, — и могу помочь вам поступить в какой-нибудь из них».

Девушка просияла от счастья. Через несколько дней она сбежала из дома вместе с Джемом и стала его любовницей.

В Лондоне Элизабет, окончательно рассорившаяся со своими родными, взяла себе фамилию Говард, имя Херриэт, статус круглой сироты и вместе с любовником зажила роскошной жизнью на Оксфорд-стрит.

Благодаря своим связям Джем Мезон добился для неё нескольких ангажементов в небольших театриках, но она не обладала большим талантом.

В 1842 году семнадцатилетняя мисс Говард была уже одной

из самых элегантных законодательниц мод. Её выезд и драгоценности вызывали восхищение всех снобов. А между тем она не была счастлива. Соблазнивший её Джем Мезон отказывался на ней жениться. Это был распутник без намёка на совесть и циник, лишённый всяких иллюзий. Из простодушной и доверчивой провинциалки он сделал маленькую содержанку.

Но тут она познакомилась с Фрэнсисом Маунтджоем Мартином, тридцатидвухлетним майором королевской гвардии. Он был обременён женой весьма слабого здоровья, плаксивой и немощной. Майор влюбился в Херриэт, предложил ей великолепный дом в Сент-Джонс-Вуде и своё состояние, которым управляло множество опекунов.

Девушка согласилась.

16 августа 1842 года, в обмен на все его благодеяния, она подарила ему крепенького мальчугана, которого назвали Мартин-Константин Херриэт и представили местному пастору как сына Джозефа Гоэна Херриэта…

Обзаведясь этим маленьким братцем, которому ещё предстояло удивить сапожника из Брайтона, мисс Говард продолжила исполнение роли первой леди в светской жизни Лондона. Однако в один из вечеров 1846 года в салоне лорда и леди Блессингтон граф д'Орсе, ставший к тому времени другом мисс Говард, представил её мужчине маленького роста, с мутным взглядом, которого он называл Монсеньором и Его Императорским Высочеством.

Обоих мгновенно точно громом поразило.

Но если в глазах Луи-Наполеона вспыхнул едва уловимый похотливый огонёк, прекрасные глаза мисс Говард блестели от восхищения.

Херриэт в то время было двадцать три года. Она была фантастически красива. Один из поклонников так описывал её: «Голова античной камеи на великолепном торсе». Луи-Наполеон был куда менее соблазнителен. К тридцати восьми годам лицо его носило следы бурно прожитой жизни, дряблые щёки обвисли, из-под глаз не исчезали тёмные круги, а усы пожелтели от постоянного курения. В Луи-Наполеоне мисс Говард привлекало нечто иное.

Как все англичане, а тем более англичанки, Херриэт парадоксальнейшим образом боготворила Наполеона. Поэтому ни глуповатый вид, ни нищета этого принца не имели для неё никакого значения. Стоило ей только подумать, что Луи-Наполеона в детстве мог нянчить на коленях сам Император, как её охватывало, по словам Эдгара Ширера, «необыкновенное волнение, а вслед за ним и неодолимое влечение».

В течение всего вечера их первого знакомства принц и мисс Говард вели на глазах у всех диалог, который, однако, имел все признаки и волнующий аромат интимной беседы.

На следующий день они снова увиделись. А на третий день стали любовниками. Опустив голову, она призналась, что пять лет жила с женатым мужчиной, от которого у неё есть сын. Луи-Наполеон улыбнулся: «Ну и что же! У меня даже два сына. Два бастарда. Они родились, когда я находился в крепости Ам. Это плоды моего плена. Так что у нас теперь трое детей».

Мисс Говард, как и все женщины её типа, отличалась сообразительностью. Она мгновенно поняла, что интерес принца к ней может привести её к большим высотам. Она знала, что, несмотря на два провала, Луи-Наполеон не утерял своего огромного престижа, что самые значительные лица Англии относились к нему с почтительной симпатией и что политические деятели видели в нём будущего императора французов.

Майор Мартин был человеком галантным и благородным. Он согласился на разрыв и оставил Херриэт её состояние, владения, драгоценности и конный выезд.

Через несколько дней Луи-Наполеон покинул скромный отель, где жил до этого, и с великолепной непринуждённостью великих мира сего перебрался в роскошное жилище, которое куртизанка недавно сняла на Беркли-стрит.

Его жизнь сразу изменилась. Благодаря состоянию любовницы он теперь мог устраивать приёмы, охотиться на лис, разъезжать в экипаже по Лондону, совершать верховые прогулки на прекрасных лошадях, иметь свою ложу в Ковент-Гардене и одеваться как денди.

Ничего удивительного, что такой образ жизни шокировал нескольких людей с принципами, в том числе некоторых французов, с грустью взиравших на претендента на императорский престол, жившего на содержании у дамы полусвета.

Но ни шутки, ни издёвки не смущали Луи-Наполеона. Судьба вывела мисс Говард на предначертанный ей путь, она была красива, умна, богата. Она делала волшебными его ночи, превращала в праздник его дни и была в состоянии, финансируя определённое политическое движение, помочь ему добиться намеченной цели.

Для финансирования возрождения бонапартистского движения нужны были дополнительные средства. Мисс Говард, испытывавшая всё больший прилив чувств к своему великому спутнику, продала свои конюшни, своё серебро и те немногие драгоценности, которые у неё ещё оставались.

Целью её возлюбленного было стать президентом Республики. И их совместные усилия оказались не напрасными.

20 декабря Луи-Наполеон был провозглашён президентом Республики. Поклявшись «оставаться верным демократической Республике, единой и неделимой, и исполнять свой долг, предписанный Конституцией», принц отправился в Елисейский дворец, в котором теперь собирался жить.

Он сразу позаботился о том, чтобы приблизить к себе мисс Говард. 22 декабря он снял для неё маленький особняк на Цирковой улице. Его служебные помещения выходили на улицу Мариньи. Чтобы перейти из президентского парка в парк дома своей любимой, Луи-Наполеону достаточно было пересечь этот спокойный и пустынный участок.

С первого же вечера принц-президент, не оповестив охрану, украдкой выскользнул из Елисейского дворца и явился к Херриэт.

Как об этом с улыбкой рассказывает мемуарист барон де Серикур, «принц заходил поблагодарить её за все оказанные ему услуги, используя для этого те средства, которыми его наделила природа…»

24 декабря Луи-Наполеон верхом на своей кобыле Лиззи провёл смотр войск первой дивизии. Мисс Говард тоже при этом присутствовала, сидя в открытой коляске.

Толпа, конечно, её приметила, и рядом с графом де Флери, который об этом и рассказал, один парижанин восхищённо воскликнул: «Кто же это сказал, что у Луи-Наполеона нет ума? Ведь он вывез из Лондона самую красивую в мире женщину и самую лучшую в мире лошадь!»

Если в буржуазных кругах резко осудили любовную связь принца-президента, то простой народ, напротив, был в восторге от того, что удалось поставить во главе страны человека, способного оценить женские прелести…

Как только гости покидали особняк, принц спешно увлекал Херриэт в спальню.

Когда им удавалось погасить на несколько часов воодушевлявший их огонь страсти, мисс Говард, улыбающаяся и удовлетворённая, засыпала, а президент Республики возвращался в свой дворец.

Мисс Говард очень страдала оттого, что не была принята в Елисейском дворце. Ей, которая сделала всё возможное, отдала всё, что имела, чтобы Луи-Наполеон достиг наивысшего положения в государстве, теперь приходилось довольствоваться лишь отзвуками праздничных вечеров и искромётных вальсов, доносившихся из президентского дворца в её особнячок.

В конце осени 1851 года Луи-Наполеон выказал такую

любовную активность, что даже видавший всякое Флери был удивлён. «Принц, — сообщает в своих записках Ламбер, — требовал двух, а иногда и трёх женщин в день». Эти юные особы, удостаивавшиеся президентской чести где-нибудь на краешке дивана, сами того не ведая, играли важную роль в деле подготовки государственного переворота.

Государственный переворот был намечен на 2 декабря, годовщину Аустерлица и коронования Наполеона I. Знали об этом только Морни и мисс Говард.

Мисс Говард снова, в который уже раз, собирала имеющиеся у неё средства, чтобы финансировать намеченную операцию. Она продала лошадей, заложила свои дома в Лондоне и последние драгоценности. Своему другу графу д'Орсе она писала, что «бросила в горнило мебель работы Бернара Палисси…»

Её вера в Луи-Наполеона была абсолютной.

И вновь победа: фактически, в скрытой форме, была реставрирована Империя.

Тогда мисс Говард, обезумев от радости, подумала, что теперь ставший хозяином Франции принц волен на ней жениться.

Однажды вечером она заговорила с ним на щекотливую тему. В ответ на это Луи-Наполеон лишь поцеловал ей руку. Наивная, она лелеяла одну, но чрезмерную надежду и уже видела себя императрицей.

В начале 1852 года Луи-Наполеон покинул Елисейский дворец и поселился в Тюильри. Все мгновенно почувствовали в нём монарха. Он приказал отчеканить монеты, у которых на реверсе сохранялась надпись «Французская Республика», зато на аверсе был его профиль и имя «Луи-Наполеон Бонапарт»; кроме того, он торжественно раздавал изображения орлов для укрепления их на древках знамён, а также одел свою личную гвардию в униформу императорской гвардии.

Естественно, такое повышение его статуса несказанно радовало мисс Говард, которая на всякий случай заказала себе точную копию кровати Жозефины Богарне… Каждую ночь, лёжа на ней, она предавалась мечтам, теперь уже несколько более определённым.

Амбиции любовницы возрастали по мере развития событий. Красивая, любимая, умная женщина вполне могла претендовать на исключительную судьбу… Одной только преданностью, которую она столько раз подтверждала, она заслужила право надеяться на вознаграждение своего деятельного самоотречения…

Изменившееся поведение мисс Говард, прежде державшейся совсем незаметно, возмущало окружение Луи-Наполеона.

В сентябре мисс Говард, думая, что принц может жениться только на знатной даме, купила неподалёку от Версаля замок Борегар и тут же стала называть себя его именем…

Однако Луи-Наполеон, хотя по-прежнему появлялся повсюду в Париже со своей любовницей, относительно своих матримониальных намерений продолжал хранить молчание.

Тогда мисс Говард решила форсировать события и вынудить своего любовника официально признать её положение. Она присутствовала на смотрах, посещала театры, сопровождала принца в замок Сен-Клу, но никогда не появлялась в Тюильри. Теперь она решила явиться туда без приглашения.

В один из торжественных вечеров Луи-Наполеон неожиданно увидел её, ослепительную и сияющую, входящей в зал под руку с полковником де Бевилем. Принц ничего не сказал, почтительно раскланялся с ней и продолжал улыбаться. Но он никогда не простил ей этой оплошности. Что же касается окружения принца, то оно было просто шокировано.

Они ещё не знали, что в сердце Луи-Наполеона уже начинала расцветать новая любовь, пока ещё слабая, но обещавшая вскоре разрастись, ведь она была испанкой…

В конце декабря двор возвратился в Париж. Наполеон III сразу отправился к мисс Говард. Ему не терпелось порвать с ней, хотя именно ей он был всем обязан. И ещё одна вещь его тревожила. У англичанки хранились все его письма, все записки, и Наполеон опасался, как бы в порыве отчаяния она не отправила их Евгении… Чтобы забрать эти письма или хотя бы выкупить, он и явился на Цирковую улицу.

Мисс Говард знала, что Наполеон III влюблён в де Монтихо. Она знала и безмерно страдала от этого.

Мисс Говард приняла с нежностью, хотя и грустной, своего обожаемого любовника. С первых слов ей стало понятно, что этот вечер станет вечером их разрыва. Молчаливая, бледная, утонувшая в мягком, широком кресле, она слушала императора, говорившего ей о деньгах, о «возврате писем», о «возмещении убытков», о титулах, о «династической необходимости», о «вознаграждении за понесённый ущерб»… Когда он, наконец, замолчал, она мягко напомнила ему об обещании жениться. Из деликатности она не коснулась тех огромных сумм, которые он был ей должен, но напомнила о трудных временах, которые они пережили вместе. Тогда он закурил сигарету с обиженным видом и кончил тем, что задремал. Когда же проснулся, огонь в камине уже погас, и в комнате никого не было. Измученная Херриэт ушла спать.

21 января Наполеон III, попросив руки Евгении Монтихо,

получил на это согласие и неожиданно оказался в затруднительном положении: как объявить мисс Говард о своём обручении?

После долгого размышления монарх решил, что проще всего вообще ничего не говорить, удалить от себя англичанку и сделать так, чтобы она обо всём узнала из газет.

Наполеон III отправляет Говард в Лондон с конфиденциальным заданием. Вне себя от радости, что может оказать услугу своему драгоценному любовнику, Херриэт на рассвете следующего дня покинула свой дом.

Утром 23 января Говард, поджидавшая судно из Саутгемптона, купила газету. «Его Величество Император объявил о своей помолвке с м-ль Монтихо», — прочитала она.

Через полчаса молодая женщина снова села в коляску и во весь опор помчалась в Париж. Вечером она прибыла на Цирковую улицу. Глазам её предстала страшная картина. Вся мебель была перевёрнута, выпотрошена, кресла и диваны вспороты. Она кинулась к потайному ящичку… Письма Наполеона III исчезли…

Мисс Говард быстро набросала записку императору. В тот же вечер бывший возлюбленный явился на Цирковую улицу.

«Я бы хотела с вами говорить не о прошлом и настоящем, а о… будущем… Мы когда-то вместе обсуждали возможность разрыва. Так вот, я составила небольшой список пожеланий. Я жду вашего ответа завтра вечером».

Император поклонился, молча вышел из комнаты и направился в Тюильри, где изучил содержание записки Херриэт.

Своим мелким почерком Наполеон III тут же составил ответ, которого так ждала Херриэт. На другой день офицер охраны доставил его на Цирковую улицу. Вот вкратце его содержание: «Мисс Говард разрешается выйти замуж за англичанина… Экс-фаворитка станет графиней де Борегар и де Бешеве после возведения этих земель в майорат… Её сын сможет унаследовать её привилегии, титулы и земельные владения. Учитывая его французскую национальность, император предлагает этому молодому человеку возможность сделать дипломатическую карьеру… В своих апартаментах во дворце Сен-Клу, к обстановке, являющейся национальным достоянием, мисс Говард добавила множество принадлежащих ей лично портретов, бронзовых изделий из фарфора. Император подумал, что ей будет приятно самой проследить за упаковкой и отправкой этих предметов искусства и личных вещей, и потому ей разрешается приехать в замок и находиться там».

Спустя несколько дней, когда парижане уже начали вывешивать на своих домах флаги по случаю императорского

бракосочетания, мисс Говард упаковала свой багаж на Цирковой улице и уехала в Сен-Клу.

Она находилась там и 30 января, когда пушечный залп и звон колоколов возвестили о том, что Евгения де Монтихо стала императрицей всех французов.

Херриэт была рада, что находится вдали от столицы; однако вечером, узнав, что новобрачные собираются провести первую брачную ночь в замке Вильнёв-л'Этан, стоящем на окраине парка Сен-Клу, она разрыдалась и решила вернуться на Цирковую улицу

На следующий день она послала императору последнюю записку: «Сир, я собираюсь уехать. Я бы с удовольствием пожертвовала собой ради политической целесообразности, но не могу простить, когда мной жертвуют из-за каприза. Я забираю с собой ваших детей, а у новой Жозефины похищаю её звезду. Я прошу вас лишь о последней встрече, чтобы сказать вам последнее „прощай“. Надеюсь, вы не откажете мне в этом…»

Император принял её, после чего она с грустью уехала к себе.

Однако мисс Говард то и дело попадалась на глаза императорской чете и со злорадным удовольствием приветствовала высочайших особ. Взгляд Евгении стекленел, ноздри раздувались, она стояла неподвижно, в то время как Наполеон III подчёркнуто вежливо отвечал на приветствие. Наконец юная императрица потребовала удалить бывшую любовницу.

Наполеон III, превозмогая душевную боль, попросил мисс Говард покинуть Францию и провести некоторое время в Англии, где, в соответствии с договором о разрыве 1852 года, ей предписывалось выбрать себе мужа.

Херриэт, побеждённая, сдалась. И спустя несколько дней отбыла в Лондон, увозя с собой сына и двух незаконнорождённых детей императора, прижитых с Элеонорой Вержо.

Мисс Говард, оставленная императором, вышла замуж за своего соотечественника, Клэренса Трилони. Она умерла 19 августа 1865 года в замке Борегар.

Катрин Денёв (родилась в 1943)

Собственная фамилия — Дорлеак. Драматическая актриса. Дочь драматического актёра Мориса Дорлеака и Рене Денёв. Закончила парижский лицей «Ла Фонтэн». В первом браке её мужем был Дэвид Бейли, модный фотограф. Имеет двоих детей: Кристиана — от брака с кинорежиссёром Роже Вадимом, и Кьяру-Шарлотту — от актёра Марчело Мастроянни. Получила признание, снявшись в фильмах «Отвращение» (1965), «Шербурские зонтики» (1964), «Дневная красавица» (1967), «Последнее метро» (1980), «Голод» (1983), «Индокитай» (1992) и др.

* * *

Молчание — это её излюбленная манера защищаться. Она так же искусно владеет молчанием, как, например, веером или, когда нужно, кинжалом. Катрин никогда не станет разговаривать с первым встречным, она строго отбирает тех, кому может доверить свои признания.

Вот некоторые из них: «Конечно, я боюсь, как и все женщины, постареть, даже немножко больше, чем остальные, потому что для актрисы это очень важно. Было бы ложью уверять в обратном».

О своей склонности к тайнам она говорит: «Я люблю всё хранить в секрете. На мой взгляд, личное должно личным и оставаться. Бывает, что во время какого-нибудь интервью я иногда проговорюсь, скажу что-то сугубо личное. Редко случается, чтобы я потом не пожалела об этом».

Об Иве Сен-Лоране: «Я не часто встречаюсь с Ивом, но он знает обо мне всё, как, впрочем, и я о нём. Он считает меня женщиной, которой можно довериться. Я им восхищаюсь и, как и все в его доме моделей, искренне его люблю. Я хотела бы быть обнажённой под его нарядами, всем телом ощущая шелковистость их подкладок. Платья Сен-Лорана доставляют мне прежде всего физическое удовольствие».

Подмечено, что в каждом новом интервью Катрин Денёв не лишает себя удовольствия воспеть хвалу добродетельному молчанию, приводя себя в качестве примера. Многие вопросы просто выводят её из себя: она считает их нескромными.

Почему же красавица Катрин Денёв столь скрытная? Потому что французская кинозвезда отказывается подчиняться

условностям. На кинематографическом горизонте она видна как на ладони. Но её совсем незаметно, когда говорят о другой Денёв, той, которая возвела сокрытие своей частной жизни в искусство, в котором ей нет равных. Дети актрисы, Кристиан и Кьяра-Шарлотта, уже выросли и живут самостоятельно. Но об их отношениях с матерью так никто никогда толком ничего и не узнал. Так же мало известно о её любовных делах. Кроме Дэвида Бейли, Роже Вадима и Марчело Мастроянни, были и другие мужчины, оставшиеся публике неизвестными.

Катрин Денёв любит, не выставляя толпе напоказ своё чувство. Она имеет на это право. Ей нравится крепко запирать на засовы все двери. Она задёргивает все занавески, чтобы лучше рассмотреть собственную внутреннюю жизнь.

Катрин Денёв, возможно, была бы сиреной во времена Одиссея или нимфой Эхо, оберегавшей чуткий сон Нарцисса. Лучший способ исчезнуть — это погрузиться в мужские взгляды. Она ныряет туда, теряется в них и тут же возрождается.

Неуловимая, молчаливая Денёв. Внешне она выглядит недоступно и гордится этим. Она подражает тем, с кем ей не сравниться, — Дитрих или Гарбо. Как Дитрих или Гарбо, она появляется, потом исчезает, близкие друзья утверждают, будто она путешествует на облаке духа. Вздор, Денёв путешествует на машине, на поезде и на самолёте.

Правда, ежедневно она повторяет, точно молитву, слова Поля Валери: «У женщины, не пользующейся духами, нет будущего». Катрин обливает себя духами. Они говорят за неё. Актриса создала собственные духи, но они, впрочем, не имели успеха. Она берёт пример с Мэрилин Монро, утверждавшей когда-то, что спит лишь с капелькой «Шанели № 5»…

Пылкая Мэрилин восхищала скромную Катрин, которая отказалась от обычного молчания ради того, чтобы прокомментировать по телевидению фильм «Норма Джин, или Мэрилин Монро». Редко одна обольстительница говорит о другой, пусть даже умершей. Но очарование Денёв носит особый характер, и она знает: в этом соперниц у неё нет. У неё, можно сказать, автоматическое обольщение, или обольщение вечное. Она очаровывает постоянно и непрерывно.

В такие моменты Катрин Денёв олицетворяет собой торжествующую женственность, напоминая о словах, сказанных Мюссе вскоре после окончательного разрыва с Жорж Санд: «И всё же она самая женственная из всех женщин, которых я когда-либо знал».

50 лет — возраст подведения итогов. У Катрин Денёв они и не такие уж положительные, как это может показаться. Она

заставила восхищаться своей внешностью, но не отметила ею ни одну из своих ролей. Например, при имени Вивьен Ли в памяти сразу же всплывает лучистый образ Скарлетт О'Хары. Когда говорят об Изабель Аджани — образ Камиллы Клодель.

Скрытная Денёв сбрасывает свою маску лишь в царстве цветов своего сада под Парижем. Сад, в свою очередь, таинственный и тихий, как и его хозяйка…

Сорок восемь процентов мужчин Франции считают, что Катрин Денёв олицетворяет вечную женственность идеальнее, чем Мэрилин Монро и Софи Лорен, и готовы следовать за ней в огонь и воду. В то же время они утверждают, что её очарование кажется волшебным, потому что Катрин Денёв не обладает ни самыми красивыми глазами, ни самой красивой грудью, ни самым красивым ртом…

Соотечественники о Катрин Денёв говорят: «чародейка», «соблазнительница», «нежная и отчаянная», «роковая женщина», «бесчувственная и невозмутимая»…

Утверждают, что у этой «краснеющей и бледнеющей» от скромности женщины не самый мягкий характер, а порой он даже слишком твёрдый и жёсткий. Если она что-то решила, её почти невозможно переубедить.

Катрин Денёв родилась под знаком Весов. У женщин этого знака эротические стремления заложены в подсознании. Время от времени они с удивлением обнаруживают себя в новой постели и не могут понять, как это произошло…

Её сын Кристиан родился 18 июня 1963 года от известного французского кинорежиссёра Роже Вадима, любителя отыскивать молоденьких девушек и создавать из них звёзд кино.

Сам Роже Вадим признавался: «Во время съёмок очень часто возникают временные связи. И в этом смысле я не единственный… Правда, мои отношения с Бардо, Денёв, Фонда начались ещё до того, как я стал их снимать. Мне свойственно думать о человеке и об актёре как о двух разных личностях и держать обоих на расстоянии. Но иногда знание человека и доверие, которое я к нему испытываю, помогают преодолеть некоторые проблемы актёрской игры. И я чувствовал, что с Брижит и Фонда это шло на пользу дела. Но в случае же с Денёв это могло создать некоторые проблемы, правда, у меня она снималась всего раз…»

Когда два человека работают в одной съёмочной группе и состоят в интимных отношениях, существуют две опасные ловушки. Во-первых, режиссёр может утратить требовательность. Во-вторых, человек использует эти отношение как оружие, чтобы добиться своего…

Ни для кого не было секретом, что Роже Вадим страстно и нежно любил Катрин Денёв. Познакомились они, когда ей было семнадцать лет, а ему тридцать два. Она была в том же возрасте, что и Брижит Бардо…

Роже Вадим ввёл её в мир «сладкой жизни», о котором Катрин Денёв ничего не знала, несмотря на то что жила в известной актёрской семье. С детства она была кроткой и замкнутой.

«Очень долго меня считали не то чтобы робкой, а просто-напросто недалёкой, — рассказывала Катрин. — Представьте хорошенькую девушку, которая ничего не в состоянии сказать, — очень быстро за ней закрепляется соответствующая этикетка. Я не любила игр. Рано сама научилась читать. Больше всего любила патетичных героинь Эмилии Бронте и вздрагивала от женщин Франсуа Мориака…»

В светских и кинематографических кругах Парижа появилось, как многие тогда утверждали, «клише» Брижит Бардо. Но если Б.Б. сразу же включилась в богемную жизнь и при этом не ощущала неловкости, то Катрин Денёв вела себя тихо, вызывая у присутствующих только уважение и восхищение. Мужчины считали за честь поближе познакомиться с очаровательной особой, никак не вписывающейся в «гнездо», которое должно было стать частью её повседневной жизни.

Роже Вадим, порой злясь, давал ей «советы»: «Верь мне, женская красота сама по себе нуль. Она ничего не значит, если обладательница не будет её демонстрировать как флаг, как оружие и как меч…»

В 1962 году он поручил ей сыграть главную роль в фильме «Порок и добродетель». Фильм имел успех. Однако от знакомых друзей и коллег Катрин Денёв услышала о том, что Роже Вадим разочарован своей новой партнёршей, прежде всего, как актрисой.

А любовь? Неистовая любовь продолжалась. Но неожиданно её как «ножом срезало»… Что же произошло?

Стеснительная Катрин случайно майским днём познакомилась в Париже с Дэвидом Бейли — молодым, красивым мужчиной, который оказался знаменитым английским фотографом, работавшим в журнале «Плейбой». Это он «запустил» на орбиту мировой моды Джейн Шримптон, ставшую лучшей манекенщицей Европы, своей элегантностью и чувственностью сводившую с ума миллионы поклонников.

Дэвид не знал французского, мог сказать всего лишь два-три предложения. Катрин же в то время ещё не могла говорить по-английски. Но для обострённых весной чувств незнание языка не

имело никакого значения. Влюблённые интуитивно ощутили, что нужны друг другу.

Катрин и Роже, несмотря на прерванный роман, остались друзьями. Более того, новый друг Катрин стал приятелем Роже Вадима. А когда Дэвид и Катрин решили обручиться, Роже Вадим прислал поздравление: «Прости, что не понимал, как дорога ты мне. Твой Роже».

Но по причинам, известным только ей одной, Катрин Денёв ушла от Дэвида и осталась с сыном, занялась его воспитанием. Вадим часто звонит ей по телефону, считая, что во многом виноват он. «Катрин — мой единственный грех», — сказал он журналистам. Катрин разговаривала с ним как с братом.

«Когда прошла страсть, любовь между нами стала естественной. Любовь для меня важнее славы, а счастье важнее успеха. Передо мной отчётливо встала дилемма, — вспоминала Катрин Денёв. — Когда я приняла решение родить ребёнка, я уже знала, что мы расстанемся с Вадимом, но это не имело никакого значения, как и разлука с Марчелло… Мне важен был Вадим не как муж, а как отец будущего ребёнка. После долгих раздумий я решилась. И могу сказать, что счастлива. Я мать, а мать никогда не бывает одинокой. Материнство приносит радость. Правда, оно есть некоторый вид взвешенного жертвования собой.

Освободившись от опекунства Роже, я смогла ощутить в себе внутренние силы. Знаете почему? Потому что стала сама зарабатывать…»

Красивые женщины — гордые женщины. Наверное, потому, что отмечены магической силой свыше. Не каждая женщина в двадцать три года с ребёнком на руках откажется от предложения о браке.

Более того, аналогичная ситуация произошла у Катрин Денёв с Марчелло Мастроянни. Возникший между ними любовный роман стоил обоим много сил и нервов. Несколько лет Марчелло метался между Римом и Парижем, пока не решился осесть во французской столице. Катрин любила его, но не желала уничтожать семью Марчелло. Она решительно отказывала ему в браке. Но Марчелло не падал духом, он искал любую возможность, чтобы Катрин стала его женой. Узнав, что она беременна, он немного успокоился. Однако и рождение дочери (Кьяра-Шарлотта родилась 28 мая 1972 года) не смогло изменить решение Катрин Денёв.

Страстный Марчелло Мастроянни «первый любовник Европы» получил такой удар ниже пояса, что ещё долго не мог прийти в себя. Он был вынужден возвратиться к своей семье. Нужно отдать должное Катрин и Марчелло: несмотря на прессу, на желание

журналистов «вывалять» их в грязи, они смогли найти в себе силы пройти через все вставшие перед ними трудности, воспитать Кьяру-Шарлотту и остаться друзьями.

Дети Катрин Денёв продолжают семейную традицию — они актёры, а Кьяра-Шарлотта Мастроянни даже снялась вместе со своей прекрасной мамой в фильме не менее известного кинорежиссёра Клода Лелуша «Только вдвоём».

Мария Туше (1549–1638)

Фаворитка короля Карла IX, который познакомился с ней во время пребывания в Орлеане (1566). Красивая, образованная, кроткая Туше сохранила любовь короля до его смерти. У Туше было от Карла IX два сына: один умер в детстве, другой, Карл Валуа, получил титул герцога Ангулемского. В 1578 году вышла замуж за Франсуа-де-Бальзак д'Антрег, губернатора Орлеана. От этого брака у неё были две дочери, из которых одна, маркиза де Вернель, сделалась фавориткой Генриха IV, другая — маршала де Бассомпьера.

* * *

До шестнадцати лет Карл IX, мечтавший только о Марии Стюарт, оставался девственником. Впрочем, кое-какие достоинства у него, по-видимому, были, потому что, по свидетельству современников, «все дамы двора постоянно вились вокруг него, всегда готовые предложить свою любовь».

Его полное безразличие к девицам выглядело столь необычно, что однажды мадам де Монпансье сказала ему по этому поводу что-то ироничное.

Задетый насмешкой, молодой король ответил, «что если бы он взялся ухаживать, то смог бы всех дам научить такому, что они бы пожалели, что разбудили спящего льва».

И тут же начал «любезничать направо и налево», чтобы показать, на что он способен, и чтобы заткнуть рот всем этим гугенотам, которые обвиняют его в том, будто он предаётся гнусному пороку, принёсшему славу Содому.

Потом было ещё немало интриг и забав, увлекавших на короткое время короля, пока, наконец, однажды осенью 1566 года он не встретил в Орлеане, во время охоты, молодую девушку своего возраста, в которую сразу влюбился. Её звали Мария Туше. Отец девушки служил помощником наместника в судебном округе Орлеана. У Марии Туше, необыкновенно красивой, если верить мемуаристу, «было круглое лицо, красивого разреза живые глаза, хорошей пропорции нос, маленький рот и восхитительно очерченная нижняя часть лица». Другой современник добавил, что «она была красива, умна и жизнерадостна». Сохранился её портрет кисти Клюэ, с которого на нас смотрит довольно упитанная особа с великолепными плечами и одним из тех

бюстов, от которых у мужчин появляется зуд в ладонях.

Увидев, что перед ним добыча, достойная отнюдь не простых смертных, молодой монарх пожелал заполучить её к себе в постель той же ночью.

Эта ночь оказалась решающей в её судьбе. Марии Туше. Фламандка показала себя искусной в любовных играх, и на следующий же день Карл IX, совершенно покорённый её обаянием, попросил свою сестру Маргариту взять юную орлеанку к себе в камеристки, чтобы она могла следовать повсюду за королевским двором.

С тех пор придворные только и видели короля прогуливающимся со своей любовницей в зелёных кущах Шамбора, Блуа, Амбуаза, Шеей; простой же народ, живший в долине Луары, не замедлил сочинить по этому поводу насмешливую песенку.

Карл IX, безумно влюблённый в Марию, в основном был занят только тем, что изливал ей свои чувства. Удивительно, до чего же деликатен был со своей любовницей этот от природы угрюмый и на редкость жестокий молодой человек. Однажды он явился к ней и показал маленький листок бумаги, на котором Мария Туше прочла: «Я околдовываю всё».

Видя, что она не поняла смысла этих слов, он пояснил: «Это анаграмма вашего имени, которую я только что придумал».

Вероятно, бурных ночей с королём и проявлений нежности с его стороны было недостаточно пылкой Марии, поскольку она не прерывала отношений с первым любовником, Монлюком.

Разумеется, нашлись доброхоты, рассказавшие об этой связи королю. Он страшно расстроился и попытался выяснить, как велика степень его невезения. Однажды вечером ему сообщили, что изменница прячет в кошельке, подвешенном на поясе, любовное письмо от Монлюка. И тут же в голове у короля созрел хитроумный план, как заполучить это письмо.

Выйдя из покоев в притворно-весёлом настроении, он заявил, что прямо сейчас устраивает обед, на который приглашает несколько хорошеньких дам. В числе приглашённых была, разумеется, и Мария. После чего приказал капитану Лашамбру привести к нему дюжину самых ловких в своём ремесле воров-карманников с тем, чтобы они незаметно срезали с пояса всех дам, сидевших за столом, их кошельки и доставили их все до одного к нему в спальню.

Когда стол был накрыт, король посадил Марию Туше рядом с собой, чтобы она не успела перепрятать письмо, которое ему так хотелось получить. Карманники с блеском выполнили порученное им дело, и Лашамбр, как ему и было приказано, отнёс добычу в

спальню короля.

Принцу Карлу было нетрудно отличить кошелёк любовницы от всех других кошельков. Он поспешно открыл его и нашёл там письмо, о котором ему говорили. На другой день он показал его своей неверной подруге, которая попыталась уверить короля в том, что письмо адресовано не ей, потому что в нём не было подписи. К сожалению, она не могла не признать остальных своих вещиц, лежавших в кошельке вместе с письмом, и в конце концов раскаялась в своём обмане, плача и моля о прощении.

В письме не было ничего важного, и король пообещал обо всём забыть, если Мария даст слово окончательно порвать с Монлюком. Обрадовавшись тому, что так легко отделалась, красавица поклялась никогда больше не встречаться с этим человеком и своё слово сдержала.

Как ни странно, после этого инцидента Карл воспылал ещё большей страстью к своей любовнице. Всячески стараясь ей понравиться, он решил заняться политикой, стать ярким деятелем, управлять государством, короче, стать подлинным королём, несмотря на враждебное отношение Екатерины Медичи, желавшей править безраздельно.

Польщённая тем, что любовник повёл себя как настоящий мужчина, Мария поддержала его и тут же стала заметно влиять на него, особенно в том, что касалось религии. Поскольку сама она была гугеноткой, ей казалось, что дружеское сближение Карла IX и протестантских вождей может в конце концов привести к примирению, а значит, и к общему миру.

По её совету он оказал хороший приём адмиралу Колиньи, с которым Екатерина в то время вела переговоры. Но старый адмирал был большим хитрецом. Ему удалось склонить на свою сторону Карла и вовлечь в свою игру. Слабый, постоянно жаждавший нравиться Марии король дал обвести себя вокруг пальца Колиньи, который в обмен на приветливые улыбки и пустые обещания добился больших уступок. В самый разгар преследований протестантов и предания их пыткам адмирал вошёл в состав частного совета короля, получил в дар сто пятьдесят тысяч ливров, а также аббатство с доходом в двадцать тысяч ливров.

Его власть при дворе вскоре стала такой значительной, что Екатерина Медичи забеспокоилась. Она прекрасно знала, что именно Марии Туше интриган Колиньи обязан своим положением. Следовательно, надо было немедленно устранить орлеанку, а для этого женить Карла на дочери австрийского императора Елизавете.

Елизавета сразу влюбилась в своего супруга. Она то и дело

норовила затащить его в уголок за камином, чтобы всласть нацеловаться, не обращая внимания на насмешливые улыбки двоих братьев короля, которых такая показная нежность сильно забавляла.

Что касается Карла, то он хотя и радовался появлению этой обаятельной блондинки с изящным станом, но не настолько, чтобы забыть о пышных прелестях Марии Туше. И при первой же возможности он мчался в Орлеан, куда ей пришлось возвратиться.

Увидев его, Мария поняла, что отныне у неё не будет соперниц. Но всё же попросила показать портрет Елизаветы. Король показал миниатюру, которую носил при себе. Мария просияла: «Немка меня не пугает», — сказала она. И оказалась права в своём оптимизме, потому что Карл никогда больше с ней не расставался. Так что вопреки тому, на что рассчитывала королева-мать, Мария сохранила всё своё влияние на короля, а Колиньи продолжал пользоваться милостями, словно был принцем крови.

В 1574 году здоровье Карла IX резко ухудшилось. Короля пришлось перевезти в Венсенский замок, который тогда считался местом отдыха. Однажды вечером Мария Туше пришла проведать его и осталась ночевать. Эта ночь стала роковой для больного туберкулёзом короля. Один из историков утверждал, что он ускорил свою смерть любовными утехами. Как бы там ни было, король умер 30 мая 1574 года в возрасте двадцати четырёх лет.

Мария Туше прожила долгую и счастливую жизнь и умерла в возрасте 89 лет.

Рита Хейуорт (1918–1987)

Настоящее имя — Маргарита Кармен Кансино. Американская танцовщица и киноактриса, в 1940-х годах выступала в многочисленных мюзиклах, снималась в эротических ролях в фильмах «Джильда» (1946), «Афера в Тринидаде» (1952). Достигнув вершины своей карьеры, стала «богиней» Голливуда. В 1943–1948 годах была женой режиссёра Орсона Уэллса, в 1948 году снялась в его фильме «Леди из Шанхая». Успехом пользовались «Приятель Джоуи» (1957) и «Отдельные столики» (1958).

* * *

«Мужчины ложатся спать с Джильдой, а просыпаются — со мной», — пожаловалась как-то раз Рита Хейуорт своей секретарше. В детективе Чарлза Видора «Джильда» великая американская богиня любви сумела соблазнить весь свет, всего лишь медленно обнажая в танце руки из-под длинных, выше локтя, чёрных лайковых перчаток.

«Богини любви» существовали и раньше, ещё задолго до пришествия Риты: Глория Свенсон, Джин Харлоу, Клара Боу, — однако они вели себя на экране как жадные до новых игрушек и ощущений дети. То были просто сирены, которые неистовствовали, звали и манили, соблазняя всех, кто оказался на их пути. В этом уже чувствовалась игра.

Мать Риты, Вольга — длинноногая американская красотка, которая убежала из дома и, став хористкой, вышла замуж за неграмотного, с цыганской кровью танцора фламенко. Рита также в свои восемнадцать сбежала с Эдди Джадсоном, который был вдвое старше её: «Я вышла за него по любви, а он женился на мне как на объекте инвестиций». Эдди же преобразил Риту: он заставил её выщипать брови и долгие месяцы подвергаться мучительным космическим процедурам, он превратил её каштановые локоны в огненно-рыжие, изо всех сил борясь с её «латинским обликом». Именно Джадсон придал ей имидж Вольги Хейуорт — только так Рита могла стать звездой.

Потом король «Коламбиа пикчерс» Гарри Кон, «ужасный Гарри», гонял Риту по студии, организовывал частные представления, на которых сам появлялся без рубашки. Эдди хотел, чтобы Рита переспала с Коном, но она неожиданно воспротивилась. Именно неопределённость, постоянное волнение

в ожидании её ответа заставляли Кона всякий раз выдумывать новую Риту.

Гарри был одним из королей Голливуда и, хотя бы с профессиональной точки зрения, самым важным мужчиной в жизни Риты. Без Гарри она практически не имела успеха.

«Коламбиа» в то время представляла собой небольшую студию, которой нужна была своя «звезда». Гарри приставлял к Рите своих шпионов и шпионил за ней сам, но и лепил её карьеру. В двух фильмах она танцевала с Фредом Астером (Рита была его любимой партнёршей), а потом появилась «Джильда», и даже Гарри оказался уже не в силах контролировать то безумие, которое завертелось вокруг этой «богини».

Ещё когда она танцевала на эстраде со своим отцом Эдуардо в Мексике, в Тихуане и Агуа-Калиенте, за ней уже вовсю бегали мужчины. А ей тогда было всего 12 лет, и она ещё была не Ритой Хейуорт, а просто Маргаритой Кармен Кансино — одной из «Танцующих Кансино», играя в дуэте роль жены Эдуардо — что, в сущности, было правдой. Отец забрал её из школы, научил распалять эротические фантазии посетителей ночных клубов и казино, в которых она танцевала. И брал её с собой в постель, если в тот момент не был расположен к обычному рукоприкладству. Мать же её в это время в облаке винных паров сидела дома в Лос-Анджелесе.

Из этого-то «диккенсового кошмара» и возникла хрупкая и покорная Рита, полуграмотная и ужасно робкая. Единственным реальным для неё способом общения был её своеобразный сексуальный танец. «Она всегда напоминала мне цыганку, — вспоминал хореограф Эрмес Пан. — Все эти её штучки и причуды. Знаете, она вдруг вскакивала и начинала танцевать. С ней говорили — она в этот момент ничего не слышала, она танцевала. Но до чего же это всё было прелестно…»

В ленте «Джильда» всё тоже построено вокруг танцев. На карнавале в Буэнос-Айресе Джильда танцует с Джонни Фаррелом (актёр Гленн Форд), своим бывшим возлюбленным, которого не видела уже много лет. «По-моему, ты немного не в форме? — обращается Джильда к Джонни. — Хочешь поучу? В смысле… танцевать, я это имею в виду…»

«Богиня любви» чувствовала себя уверенно, «танцуя» с мужчиной. А что в жизни? Рита пять раз была замужем, среди её мужей были Орсон Уэллс и принц Али Хан, один из богатейших людей мира.

Её первый муж, Эдди Джадсон, проходимец, приложивший руку к рождению «Риты Хейуорт», часто говорил ей, что она может спать с любым, кто будет способствовать её карьере, но

грозился плеснуть ей кислотой в лицо, если она покинет его. Её четвёртый супруг, исполнитель слащавых песенок Дик Хеймс, которого в Голливуде называли «мистер Грех», проматывал её деньги и ставил ей синяки под глазами. «Нет повести печальнее на свете, — сказал знаменитый Орсон Уэллс, её „номер два“. — Эта история с отцом просто ужасна, да и дальше было не лучше. Первый муж её был сутенёром в буквальном смысле этого слова. Можно понять, что тогда она чувствовала».

В 25 лет Уэллс уже снял свой фильм «Гражданин Кейн» (1941, премия «Оскар»), возвестивший о создании совершенно нового киноязыка. Орсон как раз снимался в Бразилии, когда ему в руки попал журнал «Лайф» за 11 августа 1941 года с фотографией Риты. Она сидела на кровати в кружевном белье — выщипанные брови, огненно-рыжая копна волос. К тому моменту фото это уже довело до умопомешательства тысячи американских солдат и матросов, засыпавших её письмами с предложениями руки и сердца. Прошло десять лет, прежде чем она уступила место «богине любви» Мэрилин Монро.

Уэллс, возвратившись в Америку, первым делом занялся поисками Риты, говоря при этом всем в Голливуде, что она будет его второй женой (его первая жена принадлежала к высшему чикагскому обществу).

Орсон пять недель кряду звонил ей по телефону, пока наконец она сама не сняла трубку. Вскоре Рита расстроила помолвку с актёром Виктором Мэтьюзом и через несколько месяцев стала миссис Уэллс. Эта любовь походила на ураган, яростный и быстротечный. Он, к своему удивлению, обнаружил, что эта женщина, о которой мечтали все молодые мужчины Америки, не так уж и сексуальна. Зато она умела быть нежной и доброй. Однако Орсону Уэллсу, известному своими романами, скоро стало этого мало.

Это был очередной период творческого «застоя» режиссёра, независимый характер которого привёл к очередному конфликту с киномагнатами. У него появилась возможность уделять новой возлюбленной много времени.

Но Рита вновь погрузилась в меланхолию, страдала приступами ревности, стоило только Орсону покинуть супружеское ложе — у неё были на это основания. У Орсона была квартирка на территории компании «Метро-Голдвин-Майер», где он в 1946 году снимал «Чужестранца» и между делом обучал искусству любви молодых актрис. Лишь позднее он понял, что причиной её бешеной ревности был страх оказаться брошенной.

Больше всего его поражало то, с каким презрением она относилась к своему статусу голливудской звезды. «Она занимала

положение, — писал он позднее, — о котором когда-то мечтать не могла, но которое не принесло ей никакой радости. Она ненавидела своих героинь. Ей не нравилось быть Ритой Хейуорт. Но у неё не было средств вырваться из этого плена, ей приходилось зарабатывать на жизнь». Единственной радостью были дни жизни с Орсоном.

Вскоре, не получивши новых контрактов в Голливуде, страдавший астмой и плоскостопием, искривлением позвоночника (из-за чего он был вынужден носить корсет), Орсон Уэллс ушёл в политику и принял участие в избирательной кампании Рузвельта. Рита сопровождала его в поездках по стране. Но присутствие её на митингах отвлекало внимание мужа, и это злило его. А тут ещё объявился Эдди Джадсон. Он грозит опубликовать интимные письма Риты, если она не возобновит выплату его «пенсии», выторгованной при разрыве.

Вмешательство адвокатов ничего не дало. И, как это часто бывает в Америке, выпущенный шантажистом яд начал действовать даже на Орсона Уэллса. Он стал много пить. Его здоровье ухудшилось. Не помогал корсет. Мучил гепатит. Рита увезла его подлечиться во Флориду. Там они провели последние месяцы своего брака.

Орсон без восторга встретил известие, что жена ждёт ребёнка. Проходя мимо дивана, на котором тот был зачат, он часто бросал злую фразу: «Вот место, где я потерял над собой контроль». Щадя беременную жену, он стал меньше пить, но всё равно только и ждал удобного случая, чтобы убежать из дома, от жены, от дочери, названной Ребеккой.

Разумеется, ревнивая Рита догадывалась о похождениях мужа. Ей доносили о его романе с Джуди Гарланд, о мимолётных связях со «звёздочками», парикмахершами, он не брезговал и шлюхами. Эти женщины помогали ему преодолеть кризис.

Рита же считала иначе: её бросили. Она плакала, кричала, проклинала и пила и пьяная разъезжала в автомобиле.

Они помирились на время, когда он снимал Риту в фильме «Леди из Шанхая», в котором и сам сыграл главную мужскую роль. У Орсона была Джильда, богиня, первая красавица Голливуда с огненно-рыжими волосами, такая же живая и сексуальная, как сама Рита. Но он больше не позволял ей играть Джильду. Орсон сделал из неё Эльзу Баннистер, хладнокровную соблазнительницу, «тихую, как спящая кобра», в шлеме из коротких русых волос. То было как в истории о Самсоне и Далиле, разве что Далила в мрачной версии Уэллса потеряла свои длинные локоны. Орсон нащупал в её душе ранее не тронутый оголённый нерв; отныне она уже не могла больше

маскироваться или демонстрировать чувственный стриптиз с длинной чёрной перчаткой.

10 сентября 1947 года они развелись. В тот же день журнал «Лайф» опубликовал её фотографию, предпослав заголовок: «Богиня любви Америки».

Роль Эльзы стала самой волнующей для Риты и… началом кризиса её карьеры, который так уже никогда и не кончился. Ещё она играла Кармен, Саломею и мисс Томпсон, но пылкость и очарование Джильды были утеряны: словно во сне, она кочевала из фильма в фильм, от мужчины к мужчине.

В 1949 году Хейуорт вышла замуж за Али Хана, став «принцессой Ритой». Известный ловелас Али Хан не собирался до встречи с кинозвездой разводиться с женой Джоан, от которой у него было два сына. Он встретился с Хейуорт на Ривьере в 1948 году. У Али была сильнейшая конкуренция в лице ведущих актёров Голливуда и иранского шаха. В этой битве гигантов победил Али. Он свозил Риту в Париж, Лондон, Мадрид и помог ей избавиться от плохого настроения после развода с Орсоном.

Но толпящихся вокруг неё и Али людей Хейуорт просто не выносила: она не любила, чтобы на неё глазели. Рита вновь ушла в себя, а Али завёл любовницу. И вскоре Рита сбежала из его дворца в Канне, став первой женщиной, бросившей знаменитого Али Хана.

У актрисы было две дочери — Ребекка (1944) и принцесса Ясмин (1949). А Рита вновь заблудилась в печальных руинах своего детства, забросила детей, не вспоминала о них иногда месяцами. Она много пила, дралась с мужем. И выглядела всё хуже и хуже. Пригласили её как-то заменить Лорен Бейколл на Бродвее, а Рита не могла запомнить текст. Она стала меланхоличной и угрюмой, страдала агнозией, расстройством, при котором иногда не узнают хорошо знакомых людей и предметы. С 1981 года её стала опекать Ясмин, потому что актриса уже не могла сама заботиться о себе. В 1987 году она впала в кому и вскоре умерла. Ей было 68 лет.

Лиля Брик (1891–1978)

Вошла в историю как возлюбленная Маяковского. Есть женщины, которые заколдовывают мужчин. Лиля Брик была именно такой женщиной.

* * *

Она родилась в Москве, и детство её прошло в районе Покровских ворот. Отец, Урий Александрович Каган, был присяжным поверенным и работал юрисконсультом в австрийском посольстве. Мать, Елена Юльевна, окончила Московскую консерваторию по классу рояля и преподавала музыку. Отец увлекался Гёте, и старшую дочь, которая родилась в 1891 году, назвал в честь возлюбленной великого немецкого поэта Лили Шёнеман. А когда пять лет спустя появилась на свет её сестра, она тоже получила имя одной из героинь поэзии Гёте — Эльза. Родители дали им хорошее образование. С детства сёстры говорили по-французски, по-немецки, играли на рояле.

Девочки обращали на себя внимание. У Эльзы были ангельские голубые глаза и белокурые локоны, а у Лили глаза были огромные и карие, а волосы — ярко-рыжие. Она отличалась норовом, самостоятельностью, родители её обожали. В гимназии преуспевала, особенно по математике, и сразу же не захотела быть «как все». Схватила ножницы, отрезала себе косы — к ужасу родителей. (А в старости, в 80 лет, наоборот, заплела косу — к удивлению знакомых и восторгу почитателей.)

Со своим будущим мужем Осипом Бриком Лиля познакомилась ещё в гимназии. Семнадцатилетний учитель и тринадцатилетняя ученица сразу приглянулись друг другу. В 1908 году она закончила гимназию. Лиля предпочла продолжить образование в Архитектурном институте, а через два года уехала в Германию учиться скульптуре.

Они встретились вновь в день возвращения Лили на родину. В фойе художественного театра. Опять показалось, что это судьба. Но родители Осипа были против брака, так как сомневались в «нравственных устоях» невесты. Однако сыну удалось уговорить родителей, и свадьба состоялась в 1912 году.

С первых же дней своего замужества Лилия Юрьевна «держала салон», в котором собиралась элита — поэты, художники, актёры. Не чурались её салона и политики, военные, чекисты. Одно время её возлюбленным был всесильный чекист

Яков Агранов, считавшийся другом и Брика, и Маяковского.

Лилю Брик с Владимиром Маяковским познакомила сестра Эльза.

Первый свой полудетский роман Эльза пережила в 8 классе гимназии. Он был молодым неизвестным поэтом. По бедности катал её на трамвае мимо площади, которая впоследствии будет носить его имя — площадь Маяковского. Эльза привела поэта к Лиле, когда та уже была замужем. Правда, к 1915 году она и Осип Максимович Брик уже два года фактически были в разводе, но оставались в дружеских отношениях и жили в одной квартире. Поэт сразу и навсегда влюбился в Лилю.

«Это было нападение, — говорила Лиля Брик. — Володя не просто влюбился в меня, он напал на меня. Два с половиной года не было у меня спокойной минуты — буквально. Меня пугала его напористость, рост, его громада, неуёмная, необузданная страсть. Любовь его была безмерна. Когда мы познакомились, он бросился бешено за мной ухаживать, вокруг ходили мрачные мои поклонники. Я помню, он сказал: „Господи, как мне нравится, когда мучаются, ревнуют…“»

В конце концов, начав жить с Маяковским, Лиля решила не расставаться с Осипом Бриком. Это, однако, не была «любовь втроём»: и у неё, и у Маяковского до конца дней сохранялись с Бриком дружеские и уважительные отношения. Но у людей, которые не могли себе такого представить, союз этот вызывал злобное неприятие, и «свято сбережённые сплетни», по выражению Ахматовой, тянутся по сей день.

Сохранились письма Эльзы той поры, когда герой её романа уже увлёкся Лилей. По ним видно, что разрыв прошёл нелегко для Эльзы, что чувства её ещё не остыли, она ревновала и досадовала: «Сердечные дела мои все по-старому: кто мне мил, тому я не мила, и наоборот».

Лиля умела влиять на сестру и подчинять её своей воле. И Эльза не порвала ни с нею, ни с Владимиром Владимировичем, а, страдая, подчинилась обстоятельствам. Не будет преувеличением сказать, что Эльза, будучи ещё гимназистской, одной из первых по-настоящему полюбила и поняла его стихи. В 1918 году Эльза вышла замуж за француза Андре Триоле и уехала в Париж, там она первой стала переводить Маяковского на французский язык, издавала его пьесы, читала доклады и устраивала выставки.

При всей несхожести судеб сестёр было у них нечто общее: они безоговорочно подчиняли себе мужчин, с которыми связывали свои жизни. Их избранники не смели с ними спорить, считаясь с их вкусами в литературе и в искусстве. «Лиля всегда права», — говорил Маяковский.

В личности Лили Брик была одна загадка, тайна, которую она унесла с собою. Не в силах разгадать её, люди выдумывают небылицы, а имя обрастает легендами. Знаменитые романы Лилии Юрьевны! Её раскованное поведение, вольные взгляды порождали массу слухов и домыслов, которые передавались из уст в уста и, помноженные на зависть, оседали на страницах воспоминаний.

В те далёкие двадцатые Лиля пользовалась большим успехом. О ней говорили в то время чаще, чем о какой-либо другой женщине, и продолжают говорить вот уже скоро сто лет. Она была максималистка, в достижении цели ничто не могло остановить её — и не останавливало. Если ей нравился мужчина и она хотела завести с ним роман, особого труда для неё это не составляло. Она была хороша собой, сексапильна, знала секреты обольщения, восхитительно одевалась, была независима. Что касалось моральных преград… «Надо внушить мужчине, что он замечательный или даже гениальный, но что другие этого не понимают, — говорила она. — И разрешать ему то, что не разрешают ему дома. Например, курить или ездить куда вздумается. Остальное сделают хорошая обувь и шёлковое бельё».

Её не останавливало семейное положение «объекта» или его отношения с другими женщинами. Она хотела любить этого человека, проводить с ним время, путешествовать, но при этом — дружить с его женой. Маяковский однажды заметил: «Ты не женщина, ты — исключение», но все полагали своим долгом вмешаться в её личную жизнь. Поколение за поколением, от академиков до школьников, судило Лилю Брик, не прощая ей уход от поэта. Это дало ей основания заметить: «Конечно, Володе следовало бы жениться на Аннушке, подобно тому, как вся Россия хотела, чтобы Пушкин женился на Арине Родионовне» (Аннушка — домработница Маяковского).

Все женщины Маяковского не просто знали о существовании Лили Брик — они обязаны были выслушивать восхищённые рассказы о ней. Она любила подарки, он любил ей их дарить. Однажды он подарил ей кольцо, внутри которого было выгравировано: «Л.Ю.Б.», то есть Лиля Юрьевна Брик. Если читать выгравированное по кругу, то получается бесконечное ЛЮБЛЮ.

«Я люблю, люблю, несмотря ни на что, и благодаря всему любил, люблю и буду любить, будешь ли ты груба со мной или ласкова, моя или чужая. Всё равно люблю. Аминь». Эти строки Маяковского, конечно же, обращены к Брик.

После гибели поэта Лиля Юрьевна ещё дважды была замужем, правда, неофициально. Вначале за Виталием Марковичем Примаковым, выдающимся военным, образованным

и талантливым человеком, которого в 1937 году репрессировали и расстреляли. Последние 40 лет она была замужем за литератором Василием Катаняном.

«Любимый мой Элик, — пишет Лиля сестре после самоубийства Маяковского. — Я знаю совершенно точно, как это случилось, но для того, чтобы понять это, надо было знать Володю так, как знала его я. Если б я или Ося были в Москве, Володя был бы жив.

Стихи из предсмертного письма были написаны давно, и мне они совсем не собирались оказаться предсмертными:

Как говорят, „инцидент исчерпан“,
Любовная лодка разбилась о быт,
С тобой мы в расчёте, и ни к чему перечень
Взаимных болей, бед и обид.

Обрати внимание, „С тобой мы в расчёте“, а не „Я с жизнью в расчёте“, как в предсмертном письме.

Стрелялся Володя как игрок, из совершенно нового, ни разу не стреляного револьвера; обойму вынул, оставил одну только пулю в дуле — а это на пятьдесят процентов осечка. Такая осечка уже была 13 лет тому назад, в Питере. Он во второй раз испытывал судьбу. Застрелился он при Норе, но её можно винить как апельсинную корку, о которую поскользнулся, упал и разбился насмерть».

Все, кто встречали Лилию Юрьевну в семидесятые годы, на закате жизни, помнили её оживлённой и элегантной женщиной. В ней ничего не было от «реликвии», хотя многие стремились лицезреть её именно в ореоле grande dame. И бывали приятно разочарованы: никакой надменной величавости. Но всё же было в ней нечто, что заставляло соблюдать дистанцию: чувствовалось, что она значительна истраченной на неё страстью гениального человека. Она прожила жизнь в сознании собственной избранности, и это давало ей уверенность, которая не даётся ничем иным. И в то же время поражала её простота, та самая, которой обладают люди воспитанные и внутренне интеллигентные.

Её облик старались уловить выдающиеся художники, достаточно взглянуть на её портреты работы Тышлера, Штеренберга, Бурлюка, Леже, фотоколлажи Родченко; она знала толк в живописи и, начисто лишённая предрассудков, в юности позировала обнажённой художнику Блюменфельду, который назвал свою картину «Венера модерн». И когда подруга в ужасе спросила: «Неужели тебя писали нагой?» — Лиля ответила:

«Конечно. А тебя что, в шубе?» В хаосе революции пропало большое полотно Бориса Григорьева, называвшееся «Лиля в Разливе», где она лежала на фоне заката. Считая, что картины, подобно рукописям, не горят, Лиля Юрьевна надеялась, что картина где-нибудь отыщется…

Эльза и Ив Сен-Лоран никогда не встречались, хотя и жили в одном городе, а вот с Лилей этот король парижской моды познакомился в 1975 году, когда ей было уже за восемьдесят, и стал её горячим поклонником. В тот год она летала в Париж на открытие выставки Маяковского и очутилась в кругу молодой интеллектуальной элиты, к которой принадлежал и Ив Сен-Лоран. Он подружился с нею и бывал счастлив, когда Лилия Юрьевна появлялась в его казакине или пальто, он дарил ей массу красивых платьев и украшений, он сделал три графических её портрета и сочинил туалет к её восьмидесятипятилетию, который со временем займёт место в его музее.

«О какой моде может идти речь в мои годы?» — спросила его Лилия Юрьевна, когда он помогал ей надеть суконное пальто цвета бордо, отделанное сутажем. Но Сен-Лоран утверждал, что есть женщины, которые живут вне моды. К ним он относил Катрин Денёв, Марлен Дитрих и Лилю Брик. Он говорил, что она никогда не произносила банальностей, у неё на всё был свой взгляд и с нею всегда было интересно. «С Лилей Брик я мог откровенно разговаривать абсолютно обо всём — о любовных делах, о порядочности, о живописи, даже о политике… О моде, конечно, тоже».

Старшая сестра пережила младшую на восемь лет. Никогда ничему не подчиняясь, Лиля Брик сама распорядилась своей смертью: в 86 лет, заболев неизлечимо, она покончила с собой. Это случилось тоже летом. Согласно её воле, прах был развеян в Подмосковье, там, где с опушки леса открываются поля и перелески, излучина реки и бесконечные дали с высоким небом.

Эва Перрон (1919–1952)

Любовница, а затем жена аргентинского президента Хуана Перона. Она пользовалась огромной популярностью среди простых людей Аргентины, которые боготворили эту крестьянку, вознесённую судьбой на небывалую высоту, и поддерживали её буквально во всём.

* * *

Мария Эва Дуарте родилась в Лос-Толдосе, в бедной деревушке в 150 милях от Буэнос-Айреса. Эва была четвёртым ребёнком, родившимся вне брака у Хуаны Ибаргурен от мелкого землевладельца Хуана Дуарте. В 14 лет Эва сбежала в Буэнос-Айрес, у неё была цель — стать актрисой. Вначале полуграмотность, провинциальность и деревенский акцент мешали ей, однако очень скоро она действительно стала работать на радио, причём ведущей актрисой. Высокая для аргентинки (170 см), с большими карими глазами, светлыми волосами и красивым лицом она нравилась мужчинам.

В 1944 году Эва познакомилась и подружилась с овдовевшим полковником Хуаном Пероном. Поселилась в его доме, а в 1945 году вышла за него замуж. Вскоре Хуан Перон стал президентом Аргентины, а Эва (Эвита, как её все называли) — первой леди страны. Она боролась за равные избирательные права женщин, организовывала профсоюзы и через Фонд Эвы Перон перекачала миллионы долларов из бюджета Аргентины в программы помощи нуждающимся (не забыв при этом и о своих банковских счетах в Швейцарии). Эва умерла в возрасте 33-х лет от рака матки. Смерть её оплакивала вся Аргентина.

У Эвы Перон был сложный характер. Она могла быть обворожительной и очаровательной, и в то же время — злопамятной и мстительной, а секс использовала для достижения своих целей, ибо всегда стремилась к власти и богатству. В Аргентине в то время более четверти всех детей были, как и Эва, незаконнорождёнными. К этому все привыкли и относились спокойно. Существовало неписанное правило — незаконнорождённый ребёнок никогда не мог рассчитывать на высокую должность в будущем. Поэтому у аргентинок было лишь одно средство, с помощью которого они могли добиться своих целей, — секс, и Эвита умело им пользовалась. Выйдя замуж за

Хуана Перона, она стремилась уничтожить все свидетельства о её бурной молодости. Поэтому многое, что известно о её жизни до замужества, основано лишь на слухах и сплетнях.

Считается, что Эва начала свою карьеру в Буэнос-Айресе проституткой. Позже, став женой президента страны, она пыталась легализовать проституцию в Аргентине, но всё же маловероятно, что она работала на улице. Она выбрала другой способ. Эва выбирала себе состоятельного и влиятельного мужчину и становилась его любовницей, продвигаясь таким образом наверх, в высший свет аргентинского общества. Она позировала для порнографических изданий (которые позже по её приказу были собраны и уничтожены). Даже после замужества Эва так и не смогла окончательно избавиться от ярлыка «потаскушки», как её за глаза называли. Иногда ей об этом кричали прямо в лицо. К примеру, во время официального визита в Италию, Эва ехала в открытом автомобиле по улицам Милана вместе с отставным адмиралом, сопровождавшим её в этой поездке. Услышав крики разгневанной толпы, Эва, повернувшись к своему спутнику, воскликнула: «Вы слышите? Они меня называют шлюхой!» — «Я их прекрасно понимаю, мадам, — ответил тот. — Я не был в море уже 15 лет, а меня по-прежнему называют адмиралом».

Считается, что первым любовником Эвы был танцор танго Хозе Армани, которому она предложила себя в качестве оплаты за то, чтобы он взял её с собой в Буэнос-Айрес. Армани согласился, и Эва оказалась в гостинице. Позже, правда, Эва сама несколько изменила эту историю, назвав своим первым любовником не Армани, а Агустина Магалиса, популярного в то время певца.

В 15-летнем возрасте Эва уже оставила Армани (или Магалиса?) и стала жить с Эмилио Корстуловичем, издателем. Вскоре она поняла, что самыми полезными для неё людьми являются фотографы и продюсеры, и в качестве любовников стала подбирать представителей именно этих профессий. Те, кто близко был знаком тогда с Эвой, утверждают, что она была холодной, расчётливой и хитрой женщиной, которой двигала лишь жажда власти и богатства, а не любовь или хотя бы страсть. В то же время Эва могла понравиться мужчине так, что он для неё был готов на всё. Рафаэль Фиртузо, владелец театра, например, после близкого знакомства с Эвой дал ей роль в одном из спектаклей театра, а владелец мыловаренного завода, любовницей которого Эва одно время была, обеспечил её самыми лучшими косметическими средствами.

Затем пришла очередь Перона — красивого мужчины, любимца женщин и большого ценителя юных девушек. В первый

же день их знакомства Эва и Перон стали любовниками. Эва всячески старалась убедить его в том, что в будущем он обязательно станет главой правительства.

После смерти Эвы Хуан Перон создал скандально известный Союз учащихся средних школ, который скоро стал инструментом, с помощью которого Перону и его офицерами подыскивали молоденьких любовниц. Сотрудники союза подбирали подходящих девочек и посылали их в региональные «центры отдыха». У Перона был свой личный «центр отдыха», куда ему присылали самых привлекательных школьниц со всей страны. В 1955 году Перон был свергнут со своего поста в результате государственного переворота и поселился в Мадриде. А в 1973 году он снова пришёл к власти в Аргентине, правда, правил страной недолго.

Эва, по всей вероятности, оставалась верной Перону на протяжении всей их совместной жизни. Однако достоверно известно об одной её измене, когда она просто не смогла устоять перед властью и богатством, олицетворением которых стал Аристотель Онассис. Эва встретилась с ним во время Второй мировой войны, когда она занимался отправкой продовольственных посылок в Грецию, оккупированную нацистами. Когда в 1947 году Эва приехала в Европу, Онассис специально прилетел в Италию, чтобы встретиться с ней. После официального обеда, на котором присутствовало много почётных гостей, он попросил секретаря Эвы организовать для него личную встречу. Его пригласили на виллу, где Эва остановилась. В тот же день Онассис и Эва оказались в постели и занялись любовью. Позже Эва приготовила Онассису омлет, а он передал ей чек на 10 тысяч долларов. Через несколько лет Онассис, смеясь, назвал омлет, которым угостила его Эва в тот вечер, «самым дорогим омлетом в его жизни».

Имя Эвы всё ещё живёт в легендах: в конце 70-х годов международную известность получил бродвейский мюзикл «Эвита» о жизни и карьере Эвы Перон. Этот мюзикл создали Эндрю Ллойд Уэббер и Тим Райс, прославившиеся ранее своей рок-оперой «Иисус-Христос — суперзвезда».

В 1996 году Алан Паркер снял по мотивам мюзикла фильм «Эвита» с участием популярной певицы и актрисы Мадонны.

Барбра Стрейзанд (родилась в 1942)

Настоящее имя — Барбара Джоан. Американская певица и актриса, ставшая кинозвездой после фильма «Смешная девчонка» (1968, премия «Оскар»). Она снялась в фильмах «Хэллоу, Долли» (1969), «В чём дело, док?» (1972), «Какими мы были» (1973), «Рождение звезды» (1979). Была также сценаристом, режиссёром, продюсером и исполнительницей главных ролей в фильмах «Йентл» (1983), «У зеркала два лица» (1996).

* * *

Никогда не считавшаяся красавицей в общепринятом смысле слова, с большим с горбинкой носом, Стрейзанд, несомненно, обладает чем-то более ценным. Талант, многими оцениваемый как «поистине беспредельный», сексуальная привлекательность, энергичность, а в дополнение ко всему — длинные стройные ноги и сиамского разреза выразительные голубые глаза. Она всегда доводит до конца всё, что задумывает, это её основное жизненное кредо и главная причина ошеломляющего успеха. Даже её враги не отрицают, что у Барбры достаточно бьющей через край энергии для того, чтобы осветить не только Бродвей, но и Вашингтон.

После получения «Оскара» за роль в фильме «Смешная девчонка», её ещё не раз выдвигали на получение этой премии. Барбра умудрилась получить «Оскара» за одну песню, сочинённую и исполненную ею в фильме «Рождение звезды». Пластинки с её записями расходились миллионными тиражами.

Будущая звезда родилась в одном из бедных кварталов Бруклина 24 апреля 1942 года. Вообще-то её нарекли Барбарой, но в начале артистической карьеры, стремясь быть оригинальной, она убрала одну букву из имени и превратилась в Барбру. Мать Диана Кайнд в воспитании дочери особо не мудрствовала: главное, чтобы ребёнок был сыт и одет. Отец, школьный учитель Эммануэль Стрейзанд, умер, когда Барбаре не было и полутора лет. У появившегося вскоре отчима приёмная дочь восторга не вызывала.

По дороге из школы домой Барбара часто представляла себя кинозвездой. Вот только нос мешал, он был слишком большой. Кстати, в отличие от многих актёров, тративших первые крупные гонорары на улучшение собственной внешности, Барбра к помощи хирургов никогда не прибегала.

Итак, она решила стать кинозвездой. Но как быть с внешностью? «Главное не красота, а оригинальность», — сказала она себе. Выкрасив волосы в ослепительно рыжий цвет и раскрасив лицо, как индеец перед боем, в чёрном обтягивающем трико и модном в 1812 году боа из перьев марабу Барбра действительно не затерялась в толпе начинающих актёров. Первая роль в театре — японский крестьянин. Первое выступление певицы — в замызганном ночном кабаре. Но Барбра цену себе уже знала.

После премьеры «Смешной девчонки» к ней пришла слава. Заголовки в газетах кричали: «Родилась новая звезда. Бешеный успех». Весь этот шум помог ей войти в музыкальный бизнес: в 1963 году вышел первый альбом песен, за который она получила «Грэмми» — высшую награду американского мира музыки. В кино же появилась актриса, пожалуй, единственная в Голливуде, сумевшая не быть красивой, а сыграть красоту.

Стремление не быть как все стало второй натурой Стрейзанд. В 1993 году Стрейзанд объявила, что намерена выдвинуть свою кандидатуру на пост сенатора Конгресса США. Но её вовремя отговорили, и она снова занялась кино.

Сегодня Барбра обрела полную самостоятельность. Она владеет студией «Варвуд продакшнс», на которой снимает только те фильмы, которые ей нравятся. Она даже открыла сеть собственных магазинов под название «Барбра Бутик»…

В юности у неё не было поклонников. Никто не хотел приглашать её на свидания. Она была одинока и… независима. «Может, я и страшная, но посмотрите, какие мужчины были рядом со мной. Не ослепли же они, в самом деле», — усмехалась она.

Будучи подростком, она тайно была влюблена в Марлона Брандо. Замуж вышла в 21 год за своего коллегу актёра Эллиота Гулда. В 1967 году начались ссоры. Говорят, что в разладе виновата сама Барбра: время от времени у неё появлялись «дружки» из актёрской среды.

Через много лет для Барбры ударом стало признание её сына Джейсона в пристрастии к мужчинам. Что может чувствовать мать, когда сын официально женится на… спортсмене?

После Гулда у Стрейзанд были и другие мужчины. В числе её любовников называли, в частности, певца Элвиса Пресли. Один из самых знаменитых поклонников Стрейзанд, Пьер Трюдо, будучи в тот момент премьер-министром Канады, считал дар своей возлюбленной не меньше, чем Божьим, и относил её в разряд самых великолепных женщин мира. Другой её воздыхатель, суперзвезда тенниса, 24-летний Андре Агасси, пришёл в

восхищение от Барбры, годящейся ему в матери. «Она просто блистательна, все испытывают к ней невероятное, бесконечное уважение, — в упоении признавался он репортёрам. — Я же могу только сказать, что мне как личности она дала очень много».

За три десятилетия звёздной карьеры на Бродвее и в Голливуде Барбра обзавелась легионом поклонников, почти сплошь состоявшим из знаменитостей. К её ногам, потеряв голову от страсти, поочерёдно припадали известный сердцеед Уоррен Битти, режиссёр Стивен Спилберг, король мороженого Ричард Баскин, Лайам Ниссон и продюсер Йен Ретерс. Причём те, кто помоложе, пользовались у Барбры Стрейзанд большей популярностью. Известный актёр Дон Джексон без памяти влюбился в мировую знаменитость, а она в ответ помогла ему пробиться в кино.

А вот что говорил партнёр Стрейзанд по картине «Смешная девчонка» Омар Шариф: «Сначала она показалась мне просто уродиной, но постепенно впечатление сглаживалось. И в конце концов я безумно влюбился в её талант и в неё саму». Впрочем, так заканчивали почти все мужчины, имевшие счастье с ней повстречаться и познакомиться поближе.

Пока никто не может сказать определённо — стал ли президент Билл Клинтон последней жертвой её женского обаяния. Во всяком случае, жена президента Хиллари открыто ревнует Барбру к своему мужу. В день 49-летия Клинтона Барбра позвонила имениннику, но секретарь ей ответил, что президент отправился на конную прогулку. Певица потребовала связаться с Биллом и доложить ему, кто звонит. Сотрудники секретной службы по рации известили своих коллег, сопровождавших президента, о звонке, а те тут же передали Клинтону. Президент помчался домой, чтобы услышать ласковый голос Барбры, напевшей ему по телефону «Happy Birthday to You».

Не раз они обедали в модных вашингтонских ресторанах. Стрейзанд к тому же нередко видели на вечерних приёмах в Белом доме. Правда, влияние Барбры в какой-то мере можно объяснить и тем, что она никогда не скупится на финансирование политических целей.

Автор новой книги «Стрейзанд» Энн Эдвардс тем не менее утверждает, что в жизни актрисы была одна действительно сильная любовь — некий американский миллионер, на 15 лет старше Барбры, однако он имел семью и не пожелал с ней расстаться…

Что думает Барбра о мужчинах? «Все мужчины слишком много болтают, чересчур много обещают, но слишком мало делают. Так было, во всяком случае, со мной. Это меня научило

не брать на веру то, что они говорят, особенно если это происходит в постели. Я, наверное, могла бы составить целую книгу из этих обещаний. Сама не понимаю, как я могла вытерпеть столько глупостей».

Ещё несколько лет назад Барбра публично заявляла, что не видит никого, кто был бы её достоин. По её словам, «у мужчин вся сила уходит в болтовню». Но, похоже, один такой мужчина на планете всё же отыскался. Этот избранный — актёр Джеймс Бролин. «Он очень сильный и мужественный и в то же время весьма ранимый, — отзывается о Джеймсе Стрейзанд. — Он поддерживает меня во всём. Словом, мужчина моей мечты». Барбра и Джеймс познакомились летом 1996 года на вечеринке у общего друга, и с тех пор не проходило и дня, чтобы они не пообщались — по телефону или где-либо в ресторанчике. Даже когда Бролин уехал в Ирландию, чтобы снимать в качестве режиссёра свой первый фильм, Барбра умудрялась находить его там, и их беседы по телефону длились часами.

Мари Пти (1675 —?)

Французская куртизанка. Уехала с любовником в Персию. После его смерти провозгласила себя посланницей Парижа. В 1715 году сбылась её заветная мечта: персидский шах, никогда не направлявший послов к иностранным монархам, пожелал иметь своего представителя при дворе «короля-солнца»…

* * *

В 1702 году на улице Мазарини находился довольно подозрительный игорный дом, куда стекалось множество самых известных личностей, причём некоторые приходили не только затем, чтобы перекинуться в картишки. Притон процветал благодаря белокурым кудрям хозяйки, мадемуазель Мари Пти.

Это была необыкновенно красивая молодая женщина двадцати семи лет, её голубые глаза, как уверяют, источали обольстительный свет, а покачивание бёдер при ходьбе доводило до исступления.

Резкая и грубая с теми, кто ей не нравился, она была обворожительно мила с мужчинами, которых хотела затащить в постель. А историки, неистощимые в подборе эвфемизмов, говорят, что «она обладала даром привлекать к себе сердца…»

Любовников она заводила на месяц, на неделю, на ночь, на два часа — в зависимости от желания, которое они в ней возбуждали, но в любом случае она всегда оставалась хозяйкой положения…

Однажды в дом этой очаровательной молодой особы зашёл мужчина лет пятидесяти, с пылким взором и хорошо подвешенным языком, и она сразу оказалась во власти его чар. В три часа ночи, когда ушёл последний игрок, она увлекла незнакомца в спальню.

Полчаса спустя, когда они отдыхали после любовных ласк под шёлковым балдахином, Жан-Батист Фабр поведал очаровательной мадемуазель Пти историю своей жизни. Он сообщил, что его семейство контролирует торговлю с Турцией и что сам он в 1675 году основал коммерческое представительство в Константинополе. Он описал свой роскошный дом, ничем не уступавший дворцам парижской знати, и сообщил, что марсельские негоцианты в течение последнего века фактически взяли на содержание посла, который без их денег просто не смог

бы существовать.

Всё рассказанное Фабром было истинной правдой. Он только забыл упомянуть, что оказался в долгах, что кредиторы с нетерпением поджидали его возвращения в Константинополь, а жена его стала любовницей господина де Ферьоля…

Молодая женщина, ослеплённая и очарованная этими рассказами, попросила взять её в путешествие.

Мысль пришлась г-ну Фабру по нраву, и он согласился.

Прошло несколько дней. Каждый вечер негоциант появлялся на улице Мазарини и уединялся с Мари, которая уже грезила, не признаваясь в этом, о восточной роскоши и изысканных наслаждениях…

В январе 1703 года г-н Фабр получил официальное предписание отправиться в Персию. Мадемуазель Пти, не помня себя от радости, стала немедленно готовиться к отъезду.

Чтобы собрать все эти вещи, потребовался почти год.

Когда всё было готово, марсельскому негоцианту вручили верительные грамоты.

Наконец, 2 марта 1705 года корабль «Тулуза» поднял якорь и направился в открытое море, унося с собой Фабра с его свитой. Никто не знал, что на борту находится молодая женщина.

Однако, едва Марсель исчез из виду, красивый кавалер с голубыми глазами удалился в свою каюту и вскоре появился вновь, но уже в женском обличье. С тех пор мадемуазель Пти, не считая нужным скрывать свою привязанность к послу, «начала обращаться к нему несколько вольно, что сильно веселило экипаж».

8 апреля посол и бывшая содержательница игорного дома прибыли в Александрию. Пять дней спустя они уже двигались к Алеппо, куда и приехали 17 апреля.

Здесь мадемуазель Пти вновь пришлось прибегнуть к маскировке, ибо здешние жители могли бы удивиться и даже не одобрить тот факт, что посланник Людовика XIV путешествует в обществе своей любовницы. Итак, Фабр стал представлять её в качестве жены главного мажордома миссии, г-на дю Амеля.

Увы! шаловливой мадемуазель было трудно смирить свою натуру. Пылкий темперамент подводил её, и отцы-иезуиты, обитавшие в Алеппо, были изумлены некоторыми неосторожными словами и жестами предполагаемой супруги мажордома. Отец-настоятель предпринял собственное маленькое расследование и достоверно установил личность весёлой мадам дю Амель.

Решив пресечь скандальное путешествие преступной четы уже в Малой Азии, дабы в Персии не узнали об этом прискорбном обстоятельстве, настоятель отправился к паше и попросил

задержать Фабра в Алеппо.

Паша согласился, и в течение полугода караван не мог двинуться дальше.

Мадемуазель Пти сочла своим долгом развлекать свиту посла: каждый вечер она созывала гостей, и ужин заканчивался восхитительной оргией. Со времён игорного дома она сохранила умение веселить компанию и знала множество песенок весьма фривольного содержания. Таким образом, в этих вечерах жители Алеппо могли видеть Версаль в миниатюре — это было чрезвычайно забавное отражение двора «короля-солнца»…

В октябре 1705 года, убедившись, что паша не собирается менять гнев на милость, Фабр и Мари тайком покинули Алеппо, добрались до моря и отплыли в Константинополь, где персидский посланник спрятал их, перед тем как переправить в Эривань.

Добравшись до места, Фабр узнал, что хан Абдельмассин ненавидит французов. Это его страшно напугало. Тогда мадемуазель Пти, надев самое красивое платье, отправилась во дворец Абдельмассина и стала его любовницей.

Благодаря этому простому и разумному решению все затруднения разрешились незамедлительно. Уже через неделю Фабр получил из Исфагана извещение, что верительные грамоты приняты и посольству будет оказан радушный приём.

Удачное начало вдохновило мадемуазель Пти и добавило ей смелости вступить на тяжкий тернистый путь дипломатии.

Через несколько дней после отъезда из Эривани Фабр внезапно заболел. Метаясь в жару, корчась от невыносимой боли, он кричал, что его отравили. 16 августа он отдал Богу душу.

На одно мгновение мадемуазель Пти растерялась. Что станется с ней в этой чужой стране, среди враждебных людей?

И тогда в голову ей пришла изумительная мысль. Гениальная мысль! Обыскав труп любовника, она нашла ключи от сундуков и шкатулок, разыскала секретные бумаги и провозгласила себя главой посольства «от имени французской принцессы».

Маленький отряд повернул назад, и вскоре мадемуазель Пти оказалась под надёжной защитой хана.

Через два часа после прибытия она лежала обнажённая на меховой постели, и её пылко обнимал Абдельмассин, «который считал, что кожа её слаще мёда, внутренний же огонь жжёт сильнее перца».

В этом положении она провела несколько недель, «укрепляя свой дипломатический статус».

Это был ловкий манёвр: хан, испытывая признательность за дарованное ему наслаждение, добился того, чтобы Исфаган признал Мари в качестве официальной посланницы.

Так благодаря любви «король-солнце» обрёл своего представителя при персидском дворе…

Мадемуазель Пти, заручившись поддержкой хана, решила найти союзников и среди французов. Союзником, разумеется, мог быть только любовник.

На всякий случай она обзавелась двумя.

Они поселились вместе с ней в большом доме, ставшем её резиденцией, и она заказала кровать соответствующих размеров.

Это произвело неприятное впечатление на местных жителей, которым казалось естественным, чтобы мужчина имел нескольких жён, тогда как женщина, имевшая нескольких мужей, воспринималась как нарушительница устоев.

Глава христиан Персии монсеньор Пиду де Сен-Олон отнёсся к этому гораздо более серьёзно. Он написал хану Тебриза, большого города, власти которого контролировали дорогу на Исфаган, и предостерёг его от всяких сношений с мадемуазель Пти.

Хан Тебриза, получив это уведомление, оказался в весьма затруднительном положении. Пока он раздумывал, как поступить, Мари не теряла времени даром: её постель была гостеприимно открыта для всех желающих, и, надо признать, такой способ заводить друзей доказал свою чрезвычайную эффективность.

Таким образом, она стала любовницей нескольких влиятельных чиновников.

Рвение всегда вознаграждается: вскоре в Тебриз, в Эрзерум и в Исфаган полетели послания, в которых мадемуазель Пти превозносилась до небес, и вредоносное влияние писем монсеньора Пиду де Сен-Олона было подорвано.

Однако затем в Эривань пришли весьма огорчительные новости из Константинополя: французский посол де Ферьоль по собственной инициативе решил послать в Персию одного из своих друзей, некоего Мишеля — молодого человека двадцати восьми лет, дабы он занял место Фабра и отстранил от дел мадемуазель Пти.

В декабре 1706 года Мари получила известия о приближении каравана. Она испугалась: спешно собрав багаж, приказала подавать верблюдов и нежно простилась со всеми любовниками. Нужно было любой ценой опередить конкурента и первой предстать перед шахом.

Вечером она выехала в Исфаган.

Узнав об этом, Мишель впал в ярость и решился на отчаянное предприятие. Полагая, что французская посланница путешествует, подчиняясь неторопливому ходу караванов, он вообразил, что сможет легко догнать обоз, похитить мадемуазель

Пти и заменить её на посту главы посольства.

Не задерживаясь в Нахичевани, он поскакал в Тебриз и попросил аудиенцию у хана, получившего послание монсеньора Пиду де Сен-Олона.

«Вы видите перед собой посланника Людовика XIV», — сказал он.

«Значит, вы Жозеф Фабр?»

«Нет, господин Жозеф Фабр оказался игрушкой в руках авантюристки».

«Ах, так! — ответил хан. — Я буду ждать приезда этого мальчика. Что до женщины, о которой вы говорите, то я получил на сей счёт точнейшие указания, и должен вас предупредить, что не потерплю ни малейших интриг, направленных против неё…»

Мишель был в отчаянии. Он не думал, что содержательнице игорного дома удастся обрести столь могущественных покровителей.

Через два дня французский караван вступил в Тебриз. На самом красивом верблюде в плетёной кабинке восседала мадемуазель Пти, которая непринуждённо приветствовала толпу. Вокруг неё, оказывая ей все знаки почтительного внимания, держалась группа персидских сановников, которых она, с присущим ей тактом, отблагодарила ночью.

Узнав, что соперник уже представлялся хану, она отправилась к нему в дом и ласково попросила не затевать против неё интриг.

Мишель ответил, что должен исполнить возложенную на него миссию. Тогда она задрала юбку и спустила чулок…

Ножка была восхитительной, но молодой человек устоял против козней Мари: он упорно глядел в окно.

Она очень рассердилась и, уходя, хлопнула дверью.

Через несколько дней ей удалось полностью расквитаться за это маленькое поражение: из Исфагана пришло официальное разрешение, в силу которого шах соглашался принять мадемуазель Пти, тогда как Мишелю предписывалось вернуться в Эривань…

Мари торжествовала.

В персидской столице её ожидал блистательный приём. Представ перед шахом, она преподнесла ему подарки Людовика XIV, превозносила до небес достоинства своего монарха, остроумно и живо описала Версаль, Париж, французские нравы и обычаи. Шах был очарован ею.

На время пребывания посланнице был отведён великолепный дворец; повсюду её сопровождала почётная стража. Даже в самых смелых мечтах содержательница притона, которую именовали в

Персии «франкской принцессой», не возносилась на такую головокружительную высоту.

Стала ли она любовницей шаха, как утверждали некоторые? Это кажется маловероятным. Разумеется, до целомудрия она не опустилась, и, похоже, прекрасная исфаганская весна пробудила в ней новый пыл, так что многие молодые паши совершенно потеряли голову в вихре удовольствий и наслаждений…

Мадемуазель Пти, вспомнив наставления Фабра, решила заключить с шахом торговый договор.

Эта удивительная молодая женщина начала длительные переговоры, обсуждая каждую статью соглашения с ловкостью и хитростью профессионального дипломата. Проект был принят монархом. Отныне Франция вполне могла конкурировать с английскими, голландскими и португальскими торговыми компаниями. К несчастью, Мари, слишком щедро жертвуя своим телом (во имя процветания восточной политики Людовика XIV), заболела, и ей пришлось прервать переговоры. Недомогание надломило её: бледная, ослабевшая, она вдруг ясно представила себе кончину в чужой стране, и её охватила ностальгия по улице Мазарини.

В конце июня, уложив вещи и любезно переспав на прощание со всеми любовниками, она пустилась в обратный путь во Францию.

После короткого пребывания в Константинополе, где она была принята своим врагом де Ферьолем, который, пленившись её красотой, стал горько сожалеть, что причинил ей столько неприятностей, она прибыла в Марсель.

Здесь её ожидали непредвиденные осложнения: она была арестована по обвинению в воровстве. Клевета Мишеля достигла цели. В течение долгих месяцев она оставалась в тюрьме, где от неё требовали признаний, что часть подарков, предназначавшихся шаху, перешла в руки её любовников.

В это же время новый посол вручал верительные грамоты в Исфагане и подписывал торговый договор с Персией, явившийся на свет благодаря усилиям мадемуазель Пти.

Впрочем, ему недолго пришлось хвастаться этим успехом. Де Поншартрен, не дожидаясь оправдательного вердикта истории, в конце концов признал заслуги Мари и вернул ей свободу. Через два года, в 1715 году, сбылась заветная мечта бывшей содержательницы притона: персидский шах, никогда не направлявший послов к иностранным монархам, пожелал иметь своего представителя при дворе «короля-солнца»…

Возможно, это было сделано в память о прекрасной «франкской принцессе»?..

Леони Леон (1838–1906)

Любовница знаменитого французского адвоката Леона Гамбетты. Принимала активное участие в его делах. Многое в его биографии окутано тайной. Считали даже, что она шпионила в пользу Бисмарка. Одна из самых удивительных и загадочных женщин XX века.

* * *

14 ноября 1868 года во Дворце Правосудия в Париже шёл суд над республиканцем Делесклюзом, который обвинялся в агитации за сооружение памятника Бодэну, убитому на баррикадах.

Аудитория, которую составляли члены враждебной оппозиции, хранила враждебное молчание.

Внезапно поднялся защитник Делесклюза — молодой, никому не известный адвокат. Публика сочла его внешность вульгарной. Это был грузный коренастый человек, широкоплечий, чуть выше среднего роста, с мощной шеей, одутловатым маслянистым багровым лицом.

Он заговорил, и все тут же забыли о несуразном облике этого человека. Публика была изумлена. Воспользовавшись процессом, адвокат произнёс речь против имперского режима в целом.

Зал взорвался аплодисментами. Трибун снова поднялся с места, и республиканцы, восхищённые его красноречием, отточенными формулировками и демократическим пафосом, уже прикидывали, как можно его использовать в ближайшем будущем.

Среди тех, кто стоя кричал «браво», были две женщины, незнакомые друг с другом, но одинаково покорённые молодым адвокатом. Они обе влюбились в защитника, чьё имя — Леон Гамбетта — вскоре стало известно всей Франции.

Одну из этих женщин, изящную блондинку, звали Мари Мерсманс. Ей было 48 лет.

Её соперница — невысокая брюнетка с огромными голубыми глазами, тщетно пытавшейся спрятать под напускной скромностью глубокую чувственность натуры, родилась 6 ноября 1838 года в Париже. Её дед, Якоб Леон, женился на мулатке с острова Морис, и она являла собой причудливое и обворожительное сочетание еврейской и негроидной крови.

В 1864 году Леони познакомилась с сорокапятилетним Альфредом Ирвуа, главным полицейским инспектором

императорской резиденции, и стала его любовницей. Через год она родила очаровательного малыша, которого на протяжении всей своей жизни выдавала за своего племянника.

Несколько дней подряд обе женщины бродили неподалёку от дома адвоката, жившего на улице Бонапарта, и старались попасться ему на глаза.

Не выдержав, Леони явилась во Дворец Правосудия и выразила Гамбетте своё восхищение его речью. Он равнодушно поблагодарил её и присоединился к стоявшим в отдалении друзьям.

Мари Мерсманс, со своей стороны, предприняла более откровенную атаку. Она пришла на улицу Бонапарта под тем предлогом, что ищет защитника для процесса в суде, была принята, пустила в ход всё своё обаяние и, в конце концов, очаровала толстяка Гамбетту.

Но Леони не теряла надежды обратить на себя внимание защитника. Она предприняла несколько неудачных попыток, прежде чем ей удалось добиться своего. Случилось это 22 апреля 1872 года, то есть через три с половиной (!) года после их первой встречи.

Гамбетта поссорился с Мари и потому был любезен с её соперницей. Он пригляделся к Леони повнимательнее и нашёл её прелестной.

На следующий день он снова увидел её после заседания Собрания, и они поболтали, как хорошие друзья. Так продолжалось четыре дня подряд. Наконец, 27 апреля Леони предложила Гамбетте вместе ехать в Париж. Он согласился.

В экипаже адвокат осмелел. Она, замирая от радости, возносила молитвы святому Леону, их общему покровителю, чтобы Гамбетта осмелился проявить по отношению к ней неуважение. Святой отнёсся к её просьбе с пониманием. В Вирофлайе Гамбетта обнял молодую женщину. В Шавиле он запустил руку ей за корсаж. На мосту Севр они были уже на «ты».

На улице Бонапарта Леони взяла депутата за руку и повела за собой на четвёртый этаж.

Через четверть часа она была вознаграждена за своё четырёхлетнее терпение, получив возможность доказать Гамбетте, что она ничем не уступает самым искушённым в любовных играх фламандкам.

На несколько дней крохотная спальня в квартирке на улице Бонапарта превратилась в арену подвигов, достойных античных героев. Но «бородатый лев» ещё не был влюблён. Он воспринимал всё происходящее как приятное приключение, не больше, ибо сердце его принадлежало Мари Мерсманс.

В нём бурлила южная кровь, и, судя по дошедшим до нас отзывам женщин, он был пылким любовником.

Леони Леон, креолка, тоже была наделена бурным темпераментом, и именно чувственность стала стержнем их отношений, хотя сама Леони настаивала на том, что их связь была чисто духовной, интеллектуальной.

Весну и лето 1872 года Гамбетта провёл, разрываясь между двумя женщинами, перебегая с улицы Бонапарта на улицу Рокепин, поочерёдно опаляя любовниц жаром своих чувств.

Однажды вечером Леони решилась на проказы, которые даже умудрённым авторам индийского трактата о любви «Кама Сутра» показались бы слишком смелыми.

Толстяк Гамбетта был покорён и через несколько дней расстался с Мари. Отныне сердце Гамбетты принадлежало лишь мадемуазель Леон и Республике. На протяжении десяти лет он делил своё время между постелью одной и Палатой другой…

Понемногу Гамбетта всё больше влюблялся в эту женщину, пытавшуюся сделать из него джентльмена. Он писал ей: «Ты для меня — самая мудрая и надёжная советчица, моя муза, вдохновительница, тебе я обязан своими самыми удачными шагами… Моё чувство к тебе больше, чем любовь, — я слушаюсь тебя». Она как-то призналась: «Заметными изменениями в политических взглядах он целиком обязан мне. Поверьте, я не хвастаюсь. У меня есть тому доказательства, записи наших разговоров, словно эхо, донесут правду о том, кем я была для Гамбетты и для Франции…»

Гамбетта целиком положился на свою мудрую любовницу. Он даже стал воспринимать её как свой талисман. Он писал: «Твоё появление было хорошим предзнаменованием: день начался удачно. Любовь поддерживает меня, и я взываю к ней, когда отправляюсь на бой… Ты даёшь мне силы для борьбы. Тебе я обязан своими триумфами и в глубине сердца понимаю, что только под твоим крылышком я могу достичь успеха… Я так привык советоваться со своим оракулом, что не могу надолго отлучаться от него. В моей любви теперь присутствует большая доля фетишизма, и к этому нужно привыкнуть, каким бы требовательным я ни стал… Я люблю и благословляю тебя, как больной, исцелившийся благодаря чуду, может любить и благословлять своего идола, своего Бога. По сути, ты и есть моя единственная религия, единственная опора в моей жизни…»

Естественно, этому ангелу-хранителю, талисману, фетишу, помогавшему ему во всём, регулярно воздавались пышные почести.

Три раза в неделю Гамбетта инкогнито приезжал на улицу

Бонапарта, чтобы припасть к Леони, как богомольцы припадают к ногам статуи святого. Чаще всего он приезжал по вторникам. В такие вечера лестница освещалась маленькой лампочкой…

Весна 1874 года была тяжёлой для Леона Гамбетты.

Гамбетта переживал внутренний кризис.

Чтобы привести свои нервы в порядок, он каждый вечер садился в экипаж и ехал на улицу Бонапарта. Войдя в квартиру Леони, он бросал цилиндр в кресло, срывал с себя одежду, расшвыривая её по комнате, высвобождал свой толстый живот и прыгал в постель, готовый к подвигам.

Впрочем, Гамбетта не только «изо всех сил» прижимал Леони Леон к груди. Иногда он бил её по причине ревности. За один неосторожный взгляд в сторону полицейского или охранника из Палаты депутатов он осыпал её пощёчинами и тумаками. Тогда она со стонами падала на кровать, и толстый оратор, мучимый стыдом и раскаянием, вставал на колени у её изголовья и вымаливал прощение.

Однажды, после особенно тяжёлой сцены, он выбежал на улицу в нижнем белье, растолкал кучера, сел в экипаж и, плача и причитая, отправился к себе.

На следующий день он, чтобы вымолить прощение, заказал копию кольца, подаренного Людовиком своей жене Маргарите Провансальской, из золота и преподнёс его Леони. На внутренней поверхности кольца было выгравировано любовное посвящение.

Этот подарок примирил любовников.

Леони, надев кольцо, подумала о том, что было бы вполне естественно вступить с Гамбеттой в брак.

Гамбетта побледнел, когда услышал о женитьбе, его руки дрожали, теребя бороду, он съёжился, теряя весь свой апломб.

Леони, видя его замешательство, отступила. В конце концов ей стало жалко его, и она смирилась со своим положением, с тем, что её имя шёпотом произносится в гостиных и что газетчики скромно умалчивают о ней или прячут её за инициалами.

В июле 1878 года Гамбетта, сбежав из Парижа, снял в Жарди, на территории общины Виль-д'Аврей, в поместье, где жил когда-то Бальзак, домик садовника и поселился в нём.

27 июля Леони Леон приехала к нему. Они намеревались жить вместе открыто, ни от кого не прячась. Целый день они бродили по лесам и, не стесняясь сельских сторожей, проводили время в упражнениях, относящихся скорее к курсу «Кама Сутры», чем к руководству по собиранию ягод.

Вечером Леони решила вернуться в Париж. Гамбетта, вызвавшись проводить её на вокзал, водрузил на нос тёмные очки: «Так никто меня не узнает».

Когда поезд тронулся, Гамбетта, уверенный в том, что он остался неузнанным, извлёк огромный носовой платок и долго махал ему вслед. Через два часа все жители Виль-д'Аврей только и говорили о том, что «месье Гамбетта решил открыто сожительствовать со своей содержанкой» и что именно их деревне «волею слепого провидения выпал жребий стать свидетельницей этой гнусности».

Дамы-патронессы пришли в ужас и, боясь, что подобный пример повредит умы молоденьких девушек, решили держать своих воспитанниц взаперти, чтобы они, не дай Бог, не встретили «её».

Тем не менее Леони обосновалась в Жарди, и парочка погрузилась в безоблачное счастье.

В конце концов, видя нежность и заботливость Леони, Гамбетта решил жениться на ней. В 1879 году, на вершине своей политической карьеры, он сделал ей предложение.

Леони, которая когда-то мечтала о браке, отказала ему.

Почему?

Позже, вспоминая о том периоде жизни, Леони Леон писала: «Я всё время вижу перед собой бедного Гамбетту — он стоит на коленях, в слезах, в сотый раз умоляя меня выйти за него замуж. А я, одержимая гордыней и страхом перед кампанией, которая могла бы подняться против него в газетах, снова и снова отказываю, откладываю решение. День свадьбы так и не наступил».

В июле одно событие заставило Леони изменить своё отношение к предложению Гамбетты: у него умерла мать. Видя горе своего возлюбленного, Леони пожалела его. Как-то вечером она пришла к нему и сказала, что согласна стать его женой.

Гамбетта, плача, обнял её. И, поскольку он не мог упустить случая произнести красивую фразу, воскликнул: «Любимая, у меня кружится голова, ибо я на вершине блаженства!»

Но незадолго до венчания, 27 ноября 1882 года, чистя дуэльный пистолет, Гамбетта легко ранил себя в руку. Тогда никто не думал, что это ранение приведёт к трагедии.

Несмотря на то, что рана заживала быстро, доктора прописали ему постельный режим. Через несколько недель неподвижного лежания у Гамбетты воспалился кишечник. 31 декабря в десять часов сорок пять минут вечера Гамбетта умер с именем Леони на устах.

Несчастная Леони рыдала, лёжа в ногах его постели. Всё для неё было кончено. Оплакивать Гамбетту, хоронить его, выслушивать соболезнования полагалось лишь членам его семьи. В этом доме, который ещё утром она считала своим, ей нельзя

было оставаться.

Всю ночь она приводила дела в порядок, а на рассвете, когда ей доложили о прибытии Лери и его жены Бенедетты, она в последний раз взглянула на того, чьё имя она должна была уже давно носить, если бы не её упрямство, и покинула Жарди.

В Париже она жила на улице Суффло. Именно там, через два месяца отыскал её Лери: «Мадам, ходят слухи, что Гамбетта отец вашего сына. Если это правда, то мы готовы уступить ему все права на наследство». Леони покачала головой: «Благодарю вас, но не месье Гамбетта отец моего ребёнка».

Для Леони наступили тяжёлые дни. Она писала подруге: «Мне больно жить в плену воспоминаний, в бесконечном одиночестве…»

Она умерла в 1906 году от рака груди.

Многое в биографии Леони Леон окутано тайной. О ней ходили самые разные слухи.

Её обвиняли в том, что она не только была возлюбленной полицейского Гирвуа, но и сама оказывала услуги полиции, и что ей было поручено шпионить за Гамбеттой. Те, кто придерживался такой гипотезы, именно этим фактом объясняли упорство, с которым она добивалась расположения Гамбетты. И только потом, как в каком-нибудь душещипательном романе, Леони влюбилась в того, за кем шпионила по заданию полиции.

Вряд ли мы когда-нибудь сможем однозначно ответить на вопрос, состояла ли Леони Леон на службе у полиции. И вполне можно понять тех авторов, которые, ознакомившись с её письмами, относящимися к началу 1878 года, стали подозревать любовницу Гамбетты в том, что она получала жалованье от Бисмарка.

На самом деле мадемуазель Леон, скорее всего, была проницательной, умной женщиной. Теперь мысль о пакте между Францией и Германией никого не удивляет. В 1878 году эта мысль казалась кощунственной, но она свидетельствовала о безупречной политической интуиции Леони. Если бы Гамбетта послушался своей возлюбленной (и если бы французы поддержали его), возможно, не было бы войны 1914 года.

Леони Леон была тонким политиком, решившимся вопреки общественному мнению проповедовать идею Соединённых Штатов Европы, этаким Талейраном в юбке, смотревшим на восемьдесят лет вперёд.

В 1907 году стало известно, что мадемуазель Леони Леон до самой смерти получала ежегодно двенадцать тысяч франков, сумму, которую ей выделил специальный фонд при министерстве внутренних дел.

Была ли это плата за услуги, которые она когда-то оказывала полиции?

Вопрос остаётся без ответа.

Однако трудно не согласиться с Марселем Буше, который писал: «Гамбетта, сам того не подозревая, делил постель с самой удивительной и загадочной женщиной XIX века».

Дженис Джоплин (1943–1970)

Американская джазовая и рок-певица. Солистка ансамбля и Сан-Франциско «Big Brother and the Holding Company» (1966–1968). Главный из её хитов «Я и Бобби Мак-Джи» Криса Кристофферсона был выпущен на диске «Жемчужина» (1971) после её смерти. Считается лучшей исполнительницей белого блюза и некоронованной властительницей психоделии. Её пластинки переиздаются миллионными тиражами. Как и две рок-звезды Моррисон и Хендрикс она исполнила гимн саморазрушения и ушла в вечность молодой.

* * *

Дженис родилась в маленьком провинциальном городке штата Техас. В детстве она увлекалась чтением книг и рисованием, что не очень-то поощрялось родителями. Она была толстой и некрасивой, а лицо всегда было покрыто прыщами. В школе ей дали кличку «свинья», в колледже торжественно присудили титул «самая страшная девушка в колледже». Чтобы защититься, она до конца своих дней старалась производить впечатление человека, которому на всё наплевать, который много пьёт, употребляет наркотики и вообще наслаждается жизнью. И вот Дженис открыла для себя блюз. Начала с того, что попыталась имитировать стиль Бесси Смит. Выступала в кафе и ресторанах около своего родного Порт-Артура бесплатно или за угощение ужином.

Уехав из Порт-Артура, стала выступать солисткой в рок-группе *«Big Brother and the Holding Company»* из Сан-Франциско. Виртуозное выступление Дженис на первом поп-фестивале в Монтерее совпало с успехом второго альбома группы, который назывался «Дешёвое возбуждение». Дженис получила широчайшую известность, а для многих любителей рок-музыки стала просто культовой фигурой. Она открыто употребляла алкоголь и наркотики и даже настаивала на том, чтобы одна из фирм, производящая алкогольные напитки, подарила ей шубу за то, что она ежедневно бесплатно рекламирует их продукцию. Любители рок-музыки просто обожали её.

Когда Дженис была в зените славы, она призналась друзьям, что мечтает о тихой семейной жизни. Её умоляли не злоупотреблять наркотиками, но она ответила: «Всё равно я никогда не доживу до 30 лет».

Когда Дженис исполнилось восемнадцать, она совершила

свою первую поездку в Сан-Франциско, которую запомнила на всю жизнь. Там она попала в колонию хиппи. Движение хиппи всё больше распространялось по Америке. Дженис примкнула к этому движению, разделив не только его взгляды — протест против войны во Вьетнаме, отказ от жизненных благ, но и их непомерное увлечение наркотиками и сексом. «В течение долгого времени, — вспоминала её подруга, — Дженис робела в присутствии мальчиков. Я думаю, она комплексовала из-за своей внешности. Она общалась с ними, но отказывалась от сближения. Затем, начав курить марихуану, она почувствовала себя раскрепощённой и стала отдаваться всякому, кто носил брюки. Мне кажется, что таким образом она мстила другим девушкам, у которых уже давно были парни, тогда как к ней никто даже не приближался».

Дженис начала жить с мужчиной, но скоро ему надоела, и он выбросил её на улицу, хотя она и умоляла его не делать этого. Дженис дала себе слово никогда больше не выпрашивать любви у мужчин.

Она чувствовала себя опустошённой и разбитой. Страдая от безденежья, решила заняться проституцией и предлагала себя за 5 долларов. Но была просто уничтожена тем, что потенциальные клиенты либо не обращали на неё никакого внимания, либо откровенно смеялись, глядя на неё. В конце концов, она вернулась в Порт-Артур. Позже она говорила: «Я могла тогда переспать с кем или даже с чем угодно… Я так и делала. Я спала, сосала, лизала, целовала, курила, кололась и влюблялась…»

В 1965 году она познакомилась с молодым канадцем, который представился ей фармацевтом (он основал компанию по импорту лекарств только для того, чтобы иметь возможность доставать наркотики). С короткими волосами, в костюме и галстуке, он был полной противоположностью длинноволосым и неряшливо одетым хиппи. Он показался Дженис спасителем, посланным для того, чтобы вытащить её из ада, в котором она жила. Дженис целый год готовилась к браку. Жених навещал её несколько раз, дата свадьбы уже была назначена. Мать Дженис сшила ей подвенечное платье, но в день церемонии жених не явился в церковь… Надо ли говорить, каким страшным ударом это оказалось для Дженис. И она не нашла ничего лучшего, как предаться развлечениям.

В 1966 году группа «Биг бразер» прислала к ней из Сан-Франциско своего представителя, чтобы он уговорил Дженис стать их вокалисткой. Для этого ему пришлось с ней переспать. Позже она доставляла огромное удовольствие слушателям, рассказывая о том, как с ней «переспали, чтобы сделать её членом рок-группы». Постоянные яркие и откровенные рассказы о своей

интимной жизни вообще стали отличительной чертой Джоплин. Несмотря на то, что её интересы, в основном, были гетеросексуальными, Дженис часто наслаждалась сексом и с женщинами, а иногда любила заниматься групповым сексом с подругами и с мужчинами, которых она для этого находила прямо на улице. Для удовлетворения своих сексуальных потребностей она предпочитала «молоденьких и хорошеньких 16-летних мальчиков». Насмешки по поводу её внешности, которые Дженис пришлось перенести в юности, так повлияли на неё, что даже став звездой рок-музыки, она никогда не забывала о них, считая себя слишком уродливой, чтобы привлекать мужчин, хотя её сексуальность во время выступлений на сцене влияла на мужчин так же, как, скажем, выступления Джими Хендрикса или Мика Джаггера на женщин. Как-то раз кому-то из своего окружения Дженис даже пожаловалась: «Я такая звезда, а со мной даже и переспать никто не хочет». С ней, конечно, спали и немало, но редко это проделывал один и тот же мужчина несколько раз подряд.

Однажды, после длительной железнодорожной поездки Джоплин пожаловалась, что в поезде было 365 мужчин, а она переспала только с 65 из них. В один из вечеров она отдалась всем членам футбольной команды в награду за то, что ребята стали чемпионами штата.

Джоплин всегда страшно боялась отказа. Если у неё была интимная близость с мужчиной, она в любом случае притворялась, что переживает сильный оргазм, поскольку считала, что если у неё его нет, то это только её вина. Она никогда не пыталась приблизить к себе своих партнёров, которых выбирала сама и которые не отвечали ей отказом, поскольку боялась, что связь с ней будет лишь предлогом для получения каких-то финансовых выгод.

Дженис Джоплин однажды провозгласила: «Моя музыка не для того, чтобы пробуждать в вас желание бунтовать! Моя музыка для того, чтобы пробуждать в вас лишь одно желание — заниматься сексом!»

Деньги она тратила на алкоголь и наркотики. На фестивале в Монтерее, на котором она была звездой, ей повстречался Джими Хендрикс. «Они мгновенно признали друг друга, — вспоминает её ударник. — Они одинаково прожигали свои жизни и, кроме того, испытывали и сексуальный голод». Они провели вместе ночь, после чего встречались ещё несколько раз.

После Хендрикса у Дженис была любовная связь с рок-звездой Джимом Моррисоном. «Джим и Дженис спали вместе, хотя и не переносили друг друга, — рассказывает владелец клуба,

в котором они познакомились. — Они без конца скандалили».

У Дженис было и несколько серьёзных связей с мужчинами. Так, например, она влюбилась в Криса Кристофферсона, американского музыканта и актёра. Возник даже романтический любовный треугольник, когда в Криса влюбилась и одна из постоянных сексуальных партнёрш Дженис. В 1967 году у неё был серьёзный любовный роман с певцом Катри Джо Мак-Дональдом, который продолжался 4 месяца. «Он очень милый. Считается здесь законодателем мод», — писала она домой. Джо называл Дженис «хорошенькой и очень женственной».

Начиная с 1969 года окружение Дженис начало серьёзно беспокоиться за неё. Она всё больше пила и кололась. Нужно было регулярно отменять выступления, так как она была не в состоянии подняться на сцену.

4 октября 1970 года после записи своего третьего альбома она заперлась в номере гостиницы «Лэндмарк» в Голливуде и вколола себе большую дозу необычно чистого героина. На следующее утро её нашли мёртвой.

В апреле того же года она написала домой: «…После того, как ты выходишь на определённый уровень (а талант есть лишь у единиц), решающим фактором становится честолюбие. Если у тебя нет таланта, забудь о честолюбии, но даже если и есть, всё равно до поры до времени забудь о нём. Трудись как проклятый, а главное — забудь про себя. И только потом, когда уже у тебя есть успех, не раньше, вспомни, что тебе нужна любовь, гордость, самоуважение — это и есть настоящее честолюбие. А главное — много-много любви. Очень много любви!..»

Лана Тёрнер (1921–1995)

Собственное имя — Джулия Джина Милдред Фрэнсис. Американская киноактриса. Во время Второй мировой войны её называли «душечкой». Снималась в мелодрамах 40-х и 50-х годов: «Пейтон Плейс» (1957), «Почтальон всегда звонит дважды» (1946), «Три мушкетёра» (1948), «Имитация жизни» (1959) и др.

* * *

Лана родилась в небольшом городке штата Айдахо в семье бутлегера — подпольного торговца спиртным. В десятилетнем возрасте она попала в приют. Отец её был убит, а мать любила развлечения и не заботилась о ребёнке. Не выдержав тяжёлой жизни в приюте, Лана решила стать танцовщицей в одном из ночных клубов Лос-Анджелеса. Когда ей было шестнадцать, её заметил Луис Б. Майер и предложил роль в своём фильме. Многоопытный Майер разглядел в пухленькой девочке новый образ женской красоты.

Лана Тёрнер двадцать лет оставалась одной из самых ярких звёзд Голливуда. Её взлёт начался после смерти Джин Харлоу, долгое время занимавшей место «сексуальной блондинки Голливуда». Лана излучала свет, радость, возбуждение. Журналы неизменно включают её в число шести самых удачливых женщин Америки — «тех, кому улыбнулась фортуна». Она тоже не слишком скромничала — то заявляла прессе, что никто не способен обнять женщину лучше, чем Тайрон Пауэр, то на глазах у всех переживала бурный роман с Фрэнком Синатрой. Она часто меняла мужчин. Её интересовали не только богемные мужчины, не только актёры, режиссёры, певцы. Один из её мужей — миллиардер Стефан Крейн — был королём всех ресторанов на Гавайях. От него у неё рождается дочь, Черил. Но и с ним Лана рассталась. Она добилась того, что стала живой легендой — роковая женщина-вамп, соблазнительница, дьявол в юбке. Эта слава устраивала её. «Я люблю ночные клубы, зажигательную музыку, блеск юпитера, а больше всего — мужчин».

Но ни ребёнок, ни пять замужеств не обуздали Лану. Разведясь последний раз, она объявила: «Я никогда больше не полюблю мужчину», — и тут же начала новую серию любовных приключений, за что удостоилась в прессе титула «современной Мессалины».

Все эти годы дочь актрисы воспитывалась нянями и горничными. Лишь время от времени ей позволяли несколько дней провести с матерью, но материнской любви она так и не почувствовала. Она, как хорошенькая куколка, появлялась перед гостями, делала реверанс, и её отсылали, чтобы не мешать развлечениям матери.

Пресытившаяся прежним обществом, Лана стала искать приключений в гангстерских кругах. Ночь за ночью она таскалась по самым отвратительным притонам и, наконец, познакомилась с Микки Когеном, главарём банды, продавцом наркотиков, содержателем подпольных игорных и публичных домов. Телохранителем Колена был уроженец Сицилии 26-летний Джонни Стомпанато. Его знал весь Голливуд.

Джонни Стомпанато был одним из самых «крутых» её любовников. Какое-то время она с ума сходила по этому жгучему брюнету, подтверждавшему собой абсолютно всё, что простые американцы нередко думают об итальянцах, — он был тесно связан с мафией. Однажды, присутствуя в качестве любовника-наблюдателя на съёмочной площадке, где Лана Тёрнер играла любовную сцену с Шоном Коннери, он в нарушение всех правил киносъёмки и просто всех приличий подошёл и ударил актёра по лицу — Джонни показалось, что Шон слишком сильно сжал Лану. О нём говорили разное — что он крупный бандит, что он просто мелкий воришка, что из него вышел бы первоклассный жиголо.

Любовная связь с известным гангстером взбудоражила весь Голливуд. Лану это не беспокоило.

«Ну и что из этого, что он гангстер? Зато он несравненный любовник», — со смехом объясняла она репортёру.

Скандал, поднятый прессой по поводу связи Ланы с преступным миром, снова сделал её объектом разговоров и повысил к ней интерес со стороны «Метро-Голдвин-Майер». Для скандального фильма нужна была скандально знаменитая кинозвезда. Требовалось нечто необычное, из ряда вон выходящее, чтобы опять добиться высоких классовых сборов.

Лана Тёрнер получила главную роль в фильме «Пейтон Плэйс», снятый по нашумевшему роману Грейс Металлиус, и контракт на 200 тысяч долларов.

Черил, четырнадцатилетняя дочка Ланы Тёрнер и короля гавайских ресторанов, сразу невзлюбила Джонни Стомпанато. Девочка не слишком хорошо относилась к «латинскому любовнику» матери, но, впрочем, и не требовала разрыва.

Мать потребовала его сама. Это случилось в Страстную пятницу, 4 апреля 1958 года. Ещё не было такого мужчины, с которым не смогла бы расстаться секс-блондинка Лана Тёрнер!

Но и Джонни Стомпанато, итальянский бандит, не хотел упускать то что, как он думал, давно и безраздельно принадлежит ему. Он ударил её, готов был убить, изрезать ей лицо ножом, чтобы она никому не досталась после него. Ах, она отказалась взять его с собой на церемонию вручения «Оскаров»? Она стыдится его! В руках у него зловеще блестела бритва. Лана испугалась его и снова и снова требовала разрыва: она не желала больше его видеть.

Но Черил, смертельно напуганная, побежала на кухню и взяла в руки разделочный нож. Когда она вернулась, Джонни Стомпанато уже занёс руку для удара. Она опередила его, всадив ему в живот нож по самую рукоятку. Такова версия следствия.

Однако многие подозревали, что защищать надо было не маму, а дочь, на которую распоясавшийся гангстер тоже покушался. А когда дело было сделано, Черил взяла всю вину на себя, потому что по закону несовершеннолетней девочке ничего не грозило.

Вина Черил была доказана, и она предстала перед судом. Пресса, воспользовавшись случаем, разбушевалась против несчастной девушки, обвиняя во всех грехах этого мира. Белокурая Лана Тёрнер была на суде в тёмных очках, гладко причёсанная, очень элегантная. Под перекрёстным огнём бесстыдных и жестоких вопросов она рыдала, теряла сознание, падала в обморок. Злые языки; говорили, что за эту роль — оскорблённой невинности — ей следовало бы дать «Оскара».

С этого дня начался другой период её жизни. Вскоре Мэрилин Монро заняла место голливудской «вамп». Лана Тёрнер всё чаще играла возрастные роли. Впрочем, историки Голливуда отмечали, что её стройная фигура, за которой всегда следовал изящный мальчик-парикмахер, так и осталась для них воплощением вечной бодрости духа — до последнего дыхания Ланы Тёрнер: она умерла от рака горла в возрасте 74 лет.

Кристина Киллер (родилась в 1942)

В 1957 году приехала в Лондон из провинциального городка, мечтая о карьере манекенщицы. Но сделала карьеру любовницы. В 1963 году разгорелся грандиозный скандал, когда обнаружилось, что она была любовницей Джона Профюмо, военного министра кабинета Макмиллана, и Евгения Иванова, военно-морского атташе СССР в Лондоне.

* * *

Кристина Килер — рыжеватая, бесспорно, очень привлекательная блондинка — происходила из бедной семьи. Она родилась 22 февраля 1942 года в местечке Врэйсбери в 15 милях от Лондона. Её отец бросил свою семью на произвол судьбы и снова вспомнил о своей младшей дочери лишь тогда, когда имя Кристины запестрело на страницах газет и стало известно, что ей привалило богатство.

Свои юные годы Кристина Килер провела в вагончике, сколоченное из досок её отчимом, не имевшим средств снять нормальное жильё. А если ему и удавалось иногда подработать, он охотнее нёс деньги в трактир, чем домой.

Через Врэйсбери с давних пор пролегала дорога Б-376, по которой в конце недели проносились к находящимся милях в пяти оттуда замкам Виндзор и Кливден элегантные «роллс-ройсы» и спортивные «ягуары». Иногда они даже останавливались во Врэйсбери, если водителю требовались сигареты или бензин. На дороге Б-376 Кристина Килер лет в 13–14 начала грезить об огромном, прекрасном и ярком мире; здесь она завела первые знакомства с владельцами машин, которые, не без удовольствия, смотрели на рано созревшую девушку. Однако свой путь наверх — или вниз, кто как считает — она проделала не в быстроходном «ягуаре», мчавшемся прямо в замок Кливден. Ей пришлось, начиная с азов, обучаться своему ремеслу.

По соседству с Врэйсбери находился военный аэродром с расквартированной на нём эскадрильей американских бомбардировщиков. Здесь Кристина впервые узнала, что с помощью красивого личика, хорошей фигурки и приветливого обращения с мужчинами можно за один вечер заработать больше, чем если целую неделю копать и грузить гравий в карьерах Врэйсбери. К тому времени, когда мать сообразила, откуда у

Кристины модные ботинки, дорогие нейлоновые чулки и чёрное бельё, где проводит она вечера, а иногда и ночи, упрёки и побои были уже бессильны что-либо изменить. 15-летняя Кристина не согласилась сойти с избранного пути, открывавшего для неё единственный выход из нищеты и нужды её детства. Она готова была следовать этим путём до конца и, уйдя из дома, обосновалась в лондонском Сохо в качестве одной из «гёрлс» третьесортного кабаре с пивным баром. В 16 лет она была девицей лёгкого поведения, доступной каждому, кто был готов уплатить два фунта за проведённую с ней ночь.

Когда ей исполнилось 17 лет, произошло событие, которое могло бы, пожалуй, изменить её жизнь. У неё родился ребёнок. Имени его отца она не знала. Возможно, забота об этом недоношенном младенце и материнское чувство к нему дали бы ей силы начать жить по-иному. Однако маленький Питер умер, когда ему было всего шесть дней. Вызванное этим разочарование ожесточило Кристину и, завершив формирование её характера, окончательно определило дальнейший жизненный путь. В том же году произошло ещё одно важное для неё событие. Её открыл фотограф, снимавший хорошеньких девушек для соответствующих журналов. Один такой лондонский журнал даже поместил её цветное фото на обложке.

Для Кристины Килер это явилось следующей ступенью к восхождению. Её привлекательное, многообещающее лицо обратило на себя внимание людей, рассматривавших такие снимки с коммерческой точки зрения. Она получила предложение от нескольких почтенных лондонских клубов и приняла самое выгодное из них. За 15 фунтов в неделю она начала работать в кабаре при широко известном клубе «Мюррей» на Бик-стрит. В воздушном, украшенном блёстками наряде, она проделывала на маленькой сцене несколько ритмических движений, после чего по приглашению кого-нибудь из посетителей подсаживалась к его столику.

Однажды обер-кельнер передал ей такое предложение от Петера Рахманна. Обычно в этих случаях он говорил девушке несколько слов о материальном положении посетителя. Когда Кристина ворчливо спросила, что представляет собой этот Рахманн, обер-кельнер коротко ответил: «Я был бы рад получить десятую долю той суммы, на которую он раскошелится, если ты сумеешь ему понравиться».

Он не преувеличивал. Петер Рахманн был одним из самых богатых и одновременно самых тёмных лондонских дельцов. За 16 лет до того он прибыл беженцем в Англию, не имея ни подданства, ни денег. Откуда он явился — этого никто так и не

узнал.

Кристину Килер эти не слишком почтенные дела Петера Рахманна беспокоить не могли. Сам он давно уже жил не в трущобах, а в роскошной вилле в квартале Риджент-парка. Почти сорокалетнюю разницу в возрасте между собой и Кристиной и свою малопривлекательную наружность — Рахманн был низеньким, толстым и уродливым, как сказочный гном, — он постарался компенсировать весьма щедрыми подарками. Он снял для Кристины превосходную квартиру по соседству с собственной виллой, купил ей норковое манто, драгоценности, наряды и, конечно, спортивный автомобиль.

И всё же Кристина только несколько месяцев терпела этого выскочку-миллионера, а затем отослала ему наряды, драгоценности, ключи от квартиры и машины. Вся роскошь, какой он её окружил, не могла изменить того факта, что он всего лишь король трущоб, человек низкого общественного положения. Она же мечтала о социальном взлёте, и для этого ей требовалось иное общество.

В это время в жизнь её вошёл Стивен Уорд. Однажды вечером он появился в кабаре клуба «Мюррей» в сопровождении светловолосой киноактрисы Клэр Кордон, которую англичане противопоставляют Брижит Бардо. Приглашение от Стивена Уорда Кристина Килер получила обычным путём, через обер-кельнера, но несколько написанных на визитной карточке слов — «Я хотел бы поговорить с Вами по делу» — показывали, что Уорд предлагает ей не обычное приключение. А когда Кристина подошла к его столику, он без долгих предисловий предложил: «Здесь не место для вас. Если хотите, я помогу вам достигнуть большего. Если вы доверитесь мне, я введу вас в высшие круги английского общества».

Этот Стивен Уорд — он назвал себя доктором, хотя никаких прав на это звание не имел, — являлся одной из самых удивительных фигур английского высшего света. Девицы, которых он, как и Кристину Килер, чаще всего вербовал в ночных ресторанах, считали его обычным повесой. Он был недурён собой, имел хорошие манеры, деньги, белый спортивный автомобиль и, действительно, водил близкое знакомство с великим множеством титулованных и знатных особ, называвших его своим другом. Однако, когда разразился скандал, грозивший свалить правительство Макмиллана, высокопоставленные друзья Стивена Уорда сделали его мальчиком для битья, посадили на скамью подсудимых в высшем английском суде Олд-Бейли, назвали аморальной личностью и заклеймили как отвратительного сводника и сутенёра.

Человеком, открывшим его и протежировавшим ему, к ужасу и недоумению всех англичан, оказался сэр Уинстон Черчилль. Он уже в последние годы войны пользовался услугами Уорда как массажиста, а в 1947 году помог ему стать членом «Королевского британского общества хиропрактиков». Так Уорд сделался придворным королевским массажистом.

Уинстон Черчилль, страстный художник-любитель, открыл у Стивена Томаса Уорда ещё один талант — умение с редкостной быстротой и поразительным сходством рисовать портреты. По ходатайству сэра Уинстона, первым позировавшего Уорду, тот получил в дальнейшем возможность украсить свою тетрадь портретами членов королевской семьи и членов правительства, аристократов и знаменитых артистов, благодаря чему он завязал с ними личные контакты.

Таким образом, обещая Кристине Килер ввести её в высшие круги общества, Уорд сулил ей отнюдь не воздушные замки. И она это почувствовала. В тот же вечер, отказавшись от ангажемента в кабаре, она, выполняя желания массажиста, переехала к нему в квартиру.

Самым, пожалуй, удивительным в их отношениях было то, что повеса даже не прикоснулся к рыжеватой врэйсберийской красавице, не сделал её своей любовницей, хотя она несколько месяцев жила у него. Подобно тому, как профессор Хиггинс в «Пигмалионе» Бернарда Шоу превращал цветочницу Элизу Дулитл в даму из общества, Уорд обучал Кристину Килер светским манерам: бился над её речью, пока она окончательно не избавилась от своего ужасного акцента кокни; точно театральный режиссёр, проходил с ней роль, которую ей предстояло играть на празднествах в замке Кливден. Это была всего лишь роль девицы лёгкого поведения, но Кристина должна была добиться в ней такого же совершенства, как актриса, которой предстоит сыграть Марию Стюарт.

Кристина Килер оказалась способной ученицей, доказательством чего служат многие знатные любовники, пленённые ею в последующие годы. Среди них лорд Астор, киноактёры Дуглас Фэрбенкс-младший, Алек Гиннес, Марлон Брандо и, наконец, британский военный министр Джон Денис Профюмо.

В своих мемуарах «Исповедь Кристины Килер», проданных английским скандальным газетам, она, не смущаясь высокого положения своего последнего любовника, предала гласности многие постыдные детали этой связи.

«Стивен взял нескольких друзей, но меня подвозил один русский, чьё имя вы сейчас слышите достаточно часто, капитан

Евгений Иванов. Я его знала и раньше, поскольку он дружил со Стивеном и не раз приходил к нам на Уимпоул-мьюз.

Приехали мы туда во второй половине дня и сразу же отправились в бассейн. Этот день стал знаменательным событием, когда Иванов впервые познакомился с британским военным министром Джоном Профюмо.

Мне Иванов нравился. Он был мужчиной. Сильный, ловкий, с покрытой густыми волосами грудью. Но так получилось, что, когда мы затеяли игру „довези на закорках“ в воде, я вскарабкалась на спину Джеку Профюмо.

Он сходил с ума по мне, как никто другой из многих мужчин, с которыми познакомил меня Уорд за все годы моего пребывания в замке Кливден. Мы познакомились довольно необычным образом в жаркую июльскую ночь 1961 года на одном из эксцентричных приёмов лорда Астора. Мы, девушки, бегали по саду — кто совсем голышом, кто с повязкой на бёдрах — или купались в плавательном бассейне, стоившем лорду Астору почти 300 тысяч фунтов.

Я лежала обнажённая на воздушном матрасе в бассейне, наблюдая за прибывавшими гостями. Очень немногие были мне до того незнакомы. Одним из таких был Профюмо — военный министр, как я позднее узнала от Стивена. В то время Стивен был ещё занят приготовлениями, связанными с программой ночи, то есть по возможности незаметно указывал каждому из гостей предназначенную ему девушку. Я видела, как он отвёл в сторону мужчину, о котором он на другой день сообщил мне, что тот является самым важным после премьер-министра Макмиллана лицом в правительстве и получает 60 тысяч фунтов в год, тратя их, однако, на карманные расходы, так как сам он — миллионер, и указал ему на меня, а затем украдкой подал мне знак: на эту ночь ты принадлежишь ему.

Он обращался со мной как с настоящей дамой. Вскоре мы покинули замок. Профюмо сказал, что мы заедем ещё в какой-то клуб, однако повёз меня на свою виллу в Регент-парке. В холле, снимая с меня накидку, он сразу признался мне, что женат на бывшей актрисе Валерии Гобсон и что впредь, если я не откажусь снова встретиться с ним, нам придётся найти для этого другое место, так как его жена всего на несколько дней уехала к родителям в деревню…

Спустя несколько дней мне позвонил Джек и предложил прогуляться на машине. А я ответила: „Привет, рада слышать вас снова“.

В результате он появился у меня, когда Стивена не было дома. Мы выпили и поболтали о том о сём. Он не казался мне

красивым, но его манеры были симпатичны.

Он был таким порядочным, таким честным. Я вполне могла бы полюбить его. Он мне очень нравился. Я чувствовала к нему теплоту. Другими словами, мы становились душевно близки друг другу.

Но нам удалось ещё один раз встретиться до того рокового момента, когда мы стали любовниками.

Случилось это в третий приезд Джека Профюмо. Я не предчувствовала ничего подобного. Мы принялись смеяться и болтать, как обычно, а потом внезапно оба замолчали.

То было наэлектризованное, полное значения молчание, а через мгновение, не произнося ни слова, мы оказались в объятиях друг друга, и он целовал меня, а я возвращала ему поцелуи с чувством, которое вдруг переполнило меня.

Вот так всё это и началось. Он продолжал встречаться со мной на квартире, предварительно позвонив. Но всегда в отсутствие Стивена.

Мне не кажется, что Стивену нравился Джек. Случалось, что Стивен и Евгений уходили из квартиры буквально за минуту до появления Джека.

Встречались мы очень осторожно. Джек ездил на небольшой красной малолитражке. Мы никогда не ужинали вместе в публичных местах, не пили в пабах, не появлялись вместе нигде. Если мы не проводили время на квартире, то просто катались часами на машине. В ней я чувствовала себя в безопасности.

Разумеется, полную тайну сохранить было невозможно. Помню тот поразительный вечер, когда у меня был Джек, и вдруг появился полковник, спрашивавший Стивена.

Мне пришлось его впустить и представить ему военного министра. Полковник не верил своим глазам. Джек чуть не умер. Забавно я никогда не думала о Джеке как о министре. Я не падаю в ноги мужчине только из-за его денег или высокого положения. Он должен мне нравиться. И Джека я любила как мужчину.

Оглядываясь назад, я понимаю, какие непохожие мужчины окружали меня в тот период. Скажем, Стивен Уорд — легковозбудимый экстраверт, всегда старающийся привлечь внимание к себе и ко мне.

Часто нас сопровождал Иванов, мы заходили в пабы и беседовали, как будто всё нормально.

Иванов, в отличие от Джека, был завсегдатаем вечеринок и обожал вывозить меня в шикарные заведения, угощать вином и ужинами.

Но позже Стивен мне сказал, что всё в полном порядке. Они просто меня проверяли, потому что в эту квартиру часто

приходил Иванов. После этого случая мы со Стивеном часто забавлялись по телефону. Мы подозревали, что наш телефон прослушивается. Вот мы при разговорах и бросались отрывистыми фразами типа: „Всё в порядке? Планы те же? Отлично!“

Но, несмотря на все эти шутки, факт оставался фактом: Джек никогда по-настоящему не доверял Стивену. Кроме того, он постоянно переживал, что о нас узнают газетчики, и больше всего его тревожила Валери.

Наша связь закончилась так же неожиданно, как и началась. Вечер, казалось, был самым обычным. Джек подхватил меня, и мы немного проехались по Лондону.

Мы были слишком близки со Стивеном, хотя никогда и не были любовниками.

Джек сказал, что больше не придёт, если я не уеду оттуда. Я же ответила, что выбирать ему, выскочила из машины и хлопнула дверцей. Больше я с ним не встречалась.

Но я получила от него три письма. В одном он писал: „Дорогая, я никак до тебя не дозвонюсь. Не могу дождаться, когда обниму тебя. Пожалуйста, не избегай меня…“

Новость об отставке Джека меня не удивила. Но очень расстроила.

Всегда тяжело узнавать о том, что у дорогого тебе человека из-за тебя неприятности».

Тина Модотти (1896–1942)

Родилась в Италии. В 17 лет уехала в США, Чтобы сделать театральную карьеру. Вела богемную жизнь. Проповедовала свободу отношений в браке. Затем прониклась идеями большевизма, но счастья так и не обрела.

* * *

Италия. Город Удине. 1906 год. Тине исполнилось десять лет. Она была второй из шестерых детей, слёзы голодных младших братьев пробуждали в ней ненависть к социальной несправедливости. Однажды она вернулась домой без платка, но с корзинкой хлеба, сыра и колбасы. «Эта шаль мне совсем не нравилась, — соврала она, — я её продала».

В 1913 году Тина отправилась в Америку. В Сан-Франциско отец, переехавший туда раньше, нашёл ей работу портнихи. К семнадцати годам итальянская девчонка превратилась в девушку незаурядной красоты: прекрасная фигура, мягкие густые волосы, большие тёмные глаза, чувственный рот… Первой это заметила её хозяйка, и Тина стала моделью салона. Она с успехом выступала в итальянском театре, влюбилась в молодого поэта и художника, который ввёл её в местную богему, где проповедовали свободную любовь и отрицали буржуазную мораль. Тина вышла за него замуж, невзирая на критику итальянской общины, и уехала с ним в Лос-Анджелес. Там она стала образцом свободной женщины, «красивой, но с мозгами». В 1920 году снялась в нескольких фильмах с сильно нагримированным лицом, как было принято в Голливуде. На одном из экстравагантных вечеров, где пили саке и слушали восточную музыку, она познакомилась с фотографом Эдвардом Уэстоном. Оба были в браке, у него было четверо детей, но в этом кругу не сдерживали свободных чувств и Уэстон сделал несколько знаменитых «ню» Тины.

В 1923 году нравы в США изменились. Сухой закон, засилье ку-клукс-клана… Тина и Уэстон уехали в Мексику.

Все семь лет, прожитых там, Тина училась у Эдварда технике фотографии. Вскоре её работы стали оцениваться выше, чем её друга. Однако их отношения стали портиться — он находил, что принципы «свободного союза» приемлемы только для него. У его возлюбленной сначала начался роман с Диего Риверой, прославленным художником, толстяком и завзятым донжуаном.

Потом была связь с большевиком Хавьером Герреро, членом Коминтерна, убедившим Тину вступить в коммунистическую партию.

С этого времени она абсолютно переменилась. Строго одетая и гладко причёсанная, Тина полностью посвятила себя делу: снимала демонстрации рабочих, батраков в поле, сотрудничала в коммунистической газете «Эль Мачете», выступала против диктатуры Муссолини. Вот тогда-то она в редакции встретила Хулио Антонио Меллу, Адониса левых — высокого, очень красивого, в свои 25 лет самого известного революционера всей Латинской Америки. Он стал единственной настоящей любовью Модотти. Несмотря на бедность и осуждение окружающих, в их жизнь пришло счастье; плоды которого — прекрасные портреты Хулио, сделанные Тиной.

Но всякое счастье длится недолго. Январской ночью 1929 года в Гаване Меллу убили выстрелом в спину. Убийство было явно политическим, но пресса изобразила его как месть ревнивого соперника, изрядно замарав при этом Тину. Попутно её объявили шпионкой Муссолини и посадили в тюрьму. Её «обнажённая натура», сделанная когда-то Уэстоном, обошла прессу как доказательство безнравственности. Из тюрьмы она вышла с подорванным здоровьем и запятнанной репутацией.

Некий итальянский коммунист увёз её в Москву. Этот период её жизни называют «медленным самоубийством». Тина бросила фотографию и работала только для Коминтерна. Став крупным партийным функционером, выполняла опаснейшие задания в Европе. Похоже, она искала смерти. Безуспешно просила послать её для работы в фашистскую Италию. Вместо этого её послали в Испанию, где она оставалась в течение всей гражданской войны. Зная о том, что иностранные коммунисты гибнут в сталинских застенках, она приняла решение не возвращаться в Москву.

Наступила полоса ужасающей бедности и одиночества. Ночью 5 января 1942 года Тина умерла в такси — вскрытие как будто показало инфаркт, но говорили и об отравлении или самоубийстве. Полицейские нашли в её сумочке маленькое фото Хулио Антонио Мелла…

Немудрено, что столь бурная жизнь подстегнула воображение другой незаурядной личности — Мадонны. Интерес родился в 1996 году в Филадельфии, где прошла выставка фотографий Тины Модотти. Эти снимки уникальны и очень дороги: одна из её работ была продана на аукционе за 130 тысяч долларов. При всём различии судеб у них много общего: итальянские корни, пересаженные за океан, а главное — невозможность убедить мир в том, что ты выросла и изменилась.

Ким Бэсинджер (родилась в 1953)

Американская актриса. Работала в рекламном агентстве «Эйлин Форд» (Нью-Йорк), её фотографии появлялись на обложках журналов «Вог», «Харперс базар», «Эль», «Плейбой». Дебютировала в кино, снявшись в фильме «Провинция» (1981). В 1986 году на экраны вышел эротический фильм «9 1/2 недель», сделавший её знаменитой. Снималась также в фильмах «Никогда не говори „никогда“» (1983), «Бэтмен» (1988), «Певичка и миллиардер» (1990), «Блондинка-искушение» (1991), «Привычка жениться» (1992), «Побег» (1993), «Обезумевшая от любви» (1994), «Los Angeles Confidential» (1997) и др.

* * *

Сила, влияние, власть — это Ким Бэсинджер. Она всей душой стремится к могуществу и не перестаёт о нём говорить. То, что она создала собственную кинокомпанию, записывает альбом песен собственного сочинения, придумывает модели собственных платьев, то, что ухитрилась купить целый город, — всё это свидетельствует о том, что актриса стремится быть Женщиной, которая Сама Строит Свою Жизнь. Но все эти поползновения к могуществу решительно и странно противоречат тому образу Ким Бэсинджер, который и сделал её «звездой», — образу этакой молоденькой очаровашки с надутыми губками, на которую, как ни погляди, выходит, что она — само воплощение женской слабости и беспомощности.

«В женщинах тьма непроявившейся силы, — говорит она. — И не проявляется она лишь потому, что их уговаривают поверить, будто её у них нет. И я вовсе не имею в виду ту сексуальную силу, благодаря которой женщины покоряют мужчин. Я всегда хотела, чтобы отыскался такой мужчина, на котором я действительно могла бы зациклиться, мужчина, который бы и в самом деле… В общем, который и впрямь умеет тебя слушать и слышать и который вдруг решает для себя: „Пожалуй, позволю-ка я этой женщине верховодить“. В мире нет никого могущественнее таких вот мужчин. Им не требуется всей этой игры в „представителей сильного пола“. Дескать, мы крутые парни, вот сейчас пообедаем и поглядим, кого бы нам прижать к ногтю».

Ким Бэсинджер нимало не стесняется высказать таким вот

«крутым парням» всё, что она о них думает. Во время съёмок фильма «Привычка жениться», где вместе с ней в главной мужской роли снимался Алек Болдуин, она схлестнулась с режиссёром, с продюсером, с членами съёмочной группы и с автором сценария Нейлом Саймоном, которого почитают чуть ли не за божество, обвинив их в том, что все они ничего не смыслят в комедии. «Вы не понимаете главного, — кричала актриса. — Все женщины — потаскушки!»

Её отношения с партнёром по картине Болдуином вылились в бурную и откровенную любовную связь. (При этом любовники никого не стеснялись, и как-то раз, говоря с Ким по телефону, Алек при посторонних прокричал: «Немедленно выезжаю к тебе. И сразу — в постель!») Её последующие, столь же бурные ссоры с Болдуином также дали достаточно пищи для журналистов. Словом, те обсасывали их летучий роман с таким же смаком, с каким пересказывали отдельные сцены из самой ленты «Привычка жениться».

В известном смысле Бэсинджер сделала карьеру именно на чувстве страха. Почти во всех фильмах, где она снялась, актриса изображает женщин, которые подспудно обязательно чего-то боятся.

Её не относят к числу особо тонких актрис Америки, но даже в самых неудачных работах Ким есть что-то потаённое. Есть в её присутствии на экране физическая убедительность, какой нет у других актрис.

Она выросла в многодетной семье, принадлежавшей к среднему классу. Отец её, владелец финансовой компании, увлекался в свободное время джазом, а мать до рождения пятерых детей была одной из солисток водного шоу-балета. Завоевав в 17 лет звание «Мисс Юность», Ким на свой страх и риск улетела в Нью-Йорк, где стала моделью в известном агентстве Эйлин Форд. Обладательница белокурых волос, голубых глаз и спортивной фигуры, Ким на протяжении пяти лет пользовалась огромным успехом.

В один прекрасный день 1976 года она отправилась вместе с дружком Дейлом Рабинентте, также манекенщиком, в Лос-Анджелес. В Голливуде она сначала довольствовалась маленькими ролями. В 1981 году сыграла первую полноценную роль в фильме «Провинция», вышла замуж за художника-гримёра Рона Бриттона, с которым развелась через восемь лет «без всяких сожалений». Однако критика не обратила внимание на её первые роли, и тогда актриса предприняла рискованный шаг — снялась обнажённой для журнала «Плейбой». Результат не заставил себя ждать: сразу посыпались предложения от известных режиссёров.

Два-три не лишённых эротики фильма, снятых с её участием в павильонах Голливуда, заставили говорить о Ким Бэсинджер как о секс-символе конца восьмидесятых годов. Её назвали самой очаровательной актрисой со времён Мэрилин Монро.

Съёмки в нашумевшем фильме «9 1/2 недель» принесли ей не только славу, но и миллионы долларов. Как она сама восприняла эту роль? «Если я способна пробуждать у мужчин далеко не самые худшие чувства, то это для меня большая честь. А секретов красоты у меня нет — одному Богу известно, почему я так хороша».

Вышедший в 1988 году «Бэтмен» вознёс её на гребень славы. На съёмках «Бэтмена» началась и загадочная связь с певцом Принцем. Они познакомились на съёмочной площадке и вскоре после этого Ким стала проводить массу времени в его студии звукозаписи, причём журналисты утверждали, что парочка недурно развлекается в отелях Европы. И вдруг — всё кончилось. Ким призналась, что они вместе «довольно весело проводили время… было много музыки». Но подробнее говорить отказалась, «потому что Принцу, оберегающему свою личную жизнь, это не пришлось бы по душе».

К числу бывших поклонников Ким американская публика, кроме «короля стиля диско» Принца, относит крупного промышленника Джона Петерса, актёра Джека Николсона. Увы, до встречи с Болдуином её романы заканчивались не свадьбами, а скандалами. «Всё — в прошлом, — говорит Ким. — И всё остаётся со мной».

Когда они встретились, за плечами Ким и Алека уже были и разводы, и наркотики, и алкоголизм. Между ними, как говорится, прошёл электрический заряд. Они влюбились друг в друга с первого взгляда. Будучи уже взрослыми людьми, они сходили с ума: уезжали без предупреждения на интимный уик-энд в Мексику, опаздывали на съёмки, скандалили друг с другом и парализовывали тем самым работу всей группы. Едва только возникала свободная минута, Ким и Алек устремлялись в номер отеля, чтобы жадно броситься в объятия друг друга и заняться любовью. Тем временем вся съёмочная группа фильма была вынуждена терпеливо ждать, когда они насытятся и вернутся, помятые и томные, с всклокоченными волосами, к работе перед камерой! Их пламенный роман обсуждал весь Голливуд!

Поженившись впоследствии, Ким и Алек поселились в провинции. Как писали в те годы газеты и журналы, они проводили время в круглосуточных ласках, упиваясь друг другом. Ким совершила героический поступок, родив после сорока своего первого ребёнка, девочку Айленд.

Их брачный союз считался самым гармоничным и прекрасным в прожжённом цинизмом и пороком Голливуде. Правда, им не удалось избежать драматических ситуаций: в самом начале 2002 года Ким закрутила роман на стороне, Алек был травмирован до глубины души. В телевизионном ток-шоу он позволил себе невероятную откровенность, сказав, что их брак трещит по швам, а он превратился для своей жены в портье, в обязанности которого входит открывать дверь, когда она возвращается в полночь от своего приятеля. Но сильная любовь Ким и Алека спасла их от развода. Два года назад Алек чуть не угодил в тюрьму, когда разбил лицо папарацци, дерзнувшему приблизиться к его обожаемому семейству.

«Я оберегаю жену и ребёнка, как цепной пёс, — сказал он. — Я закипаю от возмущения, когда кто-то делает шаг в их сторону. Я готов наброситься на обидчика с кулаками. Никто не смеет приближаться к моей семье, к моей женщине. Я стою на их страже круглосуточно».

Секс-богиня Голливуда утверждала, что больше не собирается играть в кино: «Чувствовать, что тебя хотят миллионы, конечно, очень приятно. Но сейчас мне нужна моя семья. Ведь Алек — прекрасный, умный, чуткий муж. Так чего же ещё может хотеть женщина?»

Но через два года она триумфально вернулась. В 1997 году она сыграла проститутку в криминальном боевике «Секреты Лос-Анджелеса» и получила за эту роль «Оскар». После этого она снялась в двух картинах — «Благослови дитя» и «Я мечтала об Африке», провалившихся в американском прокате.

Очень много изменений принёс в её жизнь 2001-й год. Уже в начале января стало известно, что Ким подала заявление на развод. Формальная причина развода — «не сошлись характерами». Реальная же причина до сих пор так и неизвестна, зато какие только версии не появлялись в прессе (и истеричность Ким, и алкоголизм Алека, и даже такое нелепое предположение, как смена сексуальной ориентации Ким). Затем на протяжении всего года циркулировали слухи то о том, что Ким и Алек снова вместе и даже подумывают завести второго ребёнка, то о том, что супруги ненавидят друг друга пуще прежнего…

Также в этом году Ким успела сняться сразу в двух фильмах: «Люди, которых я знаю» (с Аль Пачино) и «Детройтский безымянный проект» (с рэппером Эминемом). В то же время Ким активно занимается благотворительной деятельностью (даже возглавляет какую-то организацию по защите животных) и много времени уделяет своей дочери. Вот такая она, белокурая секс-богиня Ким Бэсинджер…

Симона Синьоре (1921–1985)

Итальянская актриса. Снималась в фильмах «Путь наверх» (1959, премия «Оскар»), «Корабль дураков» (1965), «Признание» (1970), «Сгоревшие риги» (1972) и др.

* * *

Ив Монтан и Симона Синьоре впервые встретились 19 августа 1949 года под синим небом Прованса на террасе ресторана «Золотая голубка», где спустя два года они отпразднуют свою свадьбу. Им обоим тогда было по 28 лет.

Она — известная актриса, жена режиссёра Ива Аллегре и мать их дочери, трёхлетней Катрин. Монтан, приехавший на гастроли в Ниццу, — восходящая звезда мюзик-холла, получивший прозвище «Динамит на сцене» («De la dynamite sur scene»). У него тёмное прошлое и сомнительная репутация донжуана окраин, попавшего на столичные подмостки во многом благодаря протекции великой Эдит Пиаф, чьим возлюбленным он был в течение двух лет. Симона Каминкер (Синьоре — псевдоним, взятый в честь знаменитого французского киноартиста Габриэля Синьоре), дочь буржуа из Нейи, выкуривавшая пачку «Голуаз» в день, подруга Превера и Сартра, на первых порах внушала известную робость сыну итальянских эмигрантов Иво Ливи (Монтан — тоже псевдоним, пришедший как память детства, когда его мать звала обедать, крича по-итальянски: «Ivo monta! Ivo monta!» — «Иво, поднимайся!»).

В своей первой книге «Солнцем полна голова» Монтан так описывал их историческую встречу:

«Посреди двора, окружённая легкокрылыми голубями, стоит молодая женщина. У неё необычайно светлые волосы. Она улыбается точь-в-точь, как улыбаются девушки на старинных картинах итальянских мастеров. Я знаю, что её зовут Симона Синьоре; я никогда не видел картин, в которых она снималась; я не знаком с ней, но я знаю, что сейчас подойду к ней, стараясь не вспугнуть голубей, и скажу ей две-три фразы — просто так, всё равно какие две-три фразы, чтобы она повернулась ко мне, две-три фразы, так, чтобы не вспугнуть голубей… Это был счастливый день. И всякий раз, когда я вспоминаю его, передо мной возникают светлые волосы, блики солнца, голуби и Симона в то самое мгновение, когда она взглянула на меня и поняла, что я

иду к ней».

Много позднее, в конце 1980-х годов, уже после смерти Синьоре, когда Монтан начал писать новую книгу воспоминаний, он дал другую, более правдоподобную, версию их знакомства:

«Образ женщины с голубями мы не разрушали, чтобы не разочаровывать журналистов. Существует действительно фотография, на которой Симона, сидя на корточках, кормит голубей, пристально глядя на кого-то (может быть, на меня, но я за кадром)…

Нас представили друг другу в „Золотой голубке“, а уже на следующий день мы обедали вместе. За десертом, взяв её за руку, я прошептал: „Какие у вас тонкие запястья!“ — и с тех пор мы не расставались».

По возвращении домой Симона рассказала Аллегре о своём начавшемся романе, но, опасаясь, что внезапный разрыв с мужем травмирует дочь, не решилась сразу уйти к Монтану. Тот, впрочем, не собирался долго терпеть такое положение: «Это было что-то огромное, буря страсти, радость, восторг, праздник, а потом ровно в семь она ушла „домой“, то есть к другому». Кризис. Ультиматум. И вскоре Симона в Нейи. («Так началась наша совместная жизнь. Навсегда. По-настоящему».)

22 декабря 1951 года в мэрии Сен-Поль-де-Ванс Ив и Симона поженились. С его стороны свидетелем был Поль Ру, владелец «Золотой голубки», с её — Жак Превер. В подарок на свадьбу Пабло Пикассо прислал рисунок, выполненный фломастером (что по тем временам было диковинкой).

Синьоре вспоминала: «Это была настоящая деревенская свадьба, как я мечтала. Я была счастлива, как девчонка в рождественское утро».

С тех пор одна из самых многообещающих и кассовых звёзд Франции намеревалась быть только спутницей и женой Монтана и чуть ли не сама поставила крест на своей кинокарьере. Симона так боялась разлуки с Ивом, что отказывалась от всех, даже самых заманчивых, предложений, включая поначалу и сценарий Жака Беккера — «Золотая каска». Только благодаря настойчивости режиссёра, не мыслившего свой фильм без Синьоре, она снялась в «Золотой каске», которую сама потом считала одной из лучших своих работ в кино.

Это было время их великой любви и подлинной страсти. Синьоре сопровождала Монтана во всех его гастрольных поездках. Монтан вспоминал: «Перед концертом я всегда снимал обручальное кольцо, но сознание того, что Симона в зале, было высшим счастьем, которое поддерживало меня».

Одним из самых серьёзных и драматичных испытаний для

союза Синьоре — Монтан стал его роман с Мэрилин Монро. Всё началось с «дружбы семьями» в Лос-Анджелесе, в отеле Беверли-Хиллз, где Монтан и Синьоре снимали бунгало № 20, а их соседи Артур Миллер и Мэрилин Монро — бунгало № 21. Именно Мэрилин настояла пригласить Монтана после его нью-йоркских триумфов сниматься в фильме Джорджа Кьюкора «Миллиардер», где она должна была играть главную роль.

«Идиллия без будущего», как окрестили газетчики новую любовь самой знаменитой блондинки Америки и самого известного француза, стала подлинной находкой для рекламы будущего фильма, бюджет которого удвоился после того, как они оба стали героями бульварной хроники. Монтан был откровенен: «Многие из моих друзей до сих пор убеждены, что эта связь прежде всего льстила моему самолюбию. Да, это так: я действительно был польщён. Но куда больше растроган и тронут. Тронут тем, как это было прекрасно. Тронут, потому что это было безысходно. Ни разу ни на один миг не возникала у меня мысль порвать с женой».

Для Симоны эта история стала едва ли не самой большой драмой жизни. Она уехала на съёмки в Италию, понимая, что рисковала потерять Монтана навсегда. Её преследовали репортёры: «Вы думаете, он ещё вернётся?» Она без тени сомнения отвечала, что да, конечно, а как же иначе, она как раз ждёт его. Самое ужасное, что у неё не оставалось никаких иллюзий относительно их будущего. «Вы знаете много мужчин, которые устояли бы перед объятиями Мэрилин?» Она так страдала, что начала пить. Лицо её изменилось, подурнело. Она не хотела сопротивляться ни возрасту, ни своему новому пристрастию к алкоголю. Она согласилась постареть раньше времени.

Между тем роман Монтана закончился с последним съёмочным днём «Миллиардера». После душераздирающего прощания он вернулся в Париж с намерением навсегда порвать с Мэрилин. Он вернулся к своей Симоне…

Лариса Рейснер (1895–1926)

Русская писательница. Член партии большевиков с 1918 года. В годы Гражданской войны боец, политработник Красной Армии. Автор книги очерков «Фронт» (1924), «Уголь, железо и живые люди» (1925). Была возлюбленной поэта Николая Гумилёва, революционеров Фёдора Раскольникова и Карла Радека.

* * *

Женщина-комиссар из «Оптимистической трагедии» Всеволода Вишневского — это Лариса Рейснер. Она родилась 1 (13) мая 1895 года в Люблине (Польша) в семье профессора права Михаила Рейснера. Мать — урождённая Хитрова. С 1905 года семья жила в Петербурге, в достатке, комфорте, уюте. Девочка, красивая и способная, окончила с золотой медалью женскую гимназию, поступила в Психоневрологический институт и одновременно стала посещать в качестве вольнослушательницы цикл лекций по истории политических учений в университете. Её привлекали поэзия и политика.

Позднее английский журналист Эндрю Ротштейн так писал о встрече с ней: «Я совсем не был готов, входя в купе, к красоте Ларисы Рейснер, от которой дух захватывало, и ещё менее был подготовлен к чарующему каскаду её весёлой речи, полёту её мысли, прозрачной прелести её литературного языка».

Она сочиняла стихи. Мечтала стать поэтессой.

Апрельское тепло не смея расточать,
Изможденный день идёт на убыль,
А на стене всё так же мёртвый Врубель
Ломает ужаса застывшую печать…

Видно, что это не женское письмо. Удивительно: Лариса Рейснер — воплощение женственности, а по внутреннему складу была иной, решительной и даже резкой, и гордилась своим «мужским умом». Она словам предпочитала поступки. Любила споры. Всегда находила веские доказательства. Любила побеждать. В том числе и мужчин.

Николай Гумилёв. Поэт. Капитан, рвущий из-за пояса пистолет, настоящий мужчина-воин. Они встретились осенью

1916 года в «Привале комедиантов» — артистическом кабачке на Марсовом поле. Рейснер ценила Гумилёва и умело разжигала в нём любовный огонь. Она называла его Гафизом, он её — Лери. «Я не очень верю в переселенье душ, — писал он ей, — но мне кажется, что в прежних своих переживаниях Вы всегда были похищаемой Еленой Спартанской, Анжеликой из Неистового Роланда и т. д. Так мне хочется вас увезти. Я написал Вам сумасшедшее письмо, это оттого, что я Вас люблю. Ваш Гафиз».

Вместо похищения была встреча на Гороховой в «доме свиданий». Лариса Рейснер признавалась: «Я так его любила, что пошла бы куда угодно». Гумилёв предлагал Ларисе жениться на ней, но она отказалась. Потом узнала, что у него роман с Анной Энгельгард, которая и стала второй женой поэта (первой, как известно, была Анна Ахматова).

Разрыв был окончательный. В одном из своих последних писем к Гумилёву Рейснер писала: «…В случае моей смерти все письма вернутся к Вам, и с ними то странное чувство, которое нас связывало и такое похожее на любовь…» И пожелания поэту: «Встречайте чудеса, творите их сами. Мой милый, мой возлюбленный… Ваша Лери».

В августе 1921 года Николай Гумилёв был расстрелян большевиками.

Рейснер бросилась в революцию, как в стихию. Не в поэзии, не в литературе она утвердилась, нашла самоё себя, а именно в огне и крови революции, где надо было убеждать, командовать, повелевать, рисковать жизнью, — всё это будоражило её кровь. Она была рождена не поэтессой, а отважным комиссаром.

Став комиссаром Балтфлота, она прямо-таки упивалась этой новой значительной ролью. В морской чёрной шинели, элегантная и красивая, отдавала приказы революционным матросам, как королева — пажам. В ней легко уживались революционность и буржуазность. «Мы строим новое государство. Мы нужны людям, — откровенно декларировала она. — Наша деятельность созидательная, а потому было бы лицемерием отказывать себе в том, что всегда достаётся людям, стоящим у власти».

Поэт Всеволод Рождественский вспоминал, что когда он пришёл к Ларисе Рейснер в квартиру бывшего морского министра Григоровича, которую она занимала, то был поражён обилием предметов и утвари — ковров, картин, экзотических тканей, бронзовых будд, майоликовых блюд, английских книг, флакончиков с французскими духами… И сама хозяйка была облачена в халат, прошитый тяжёлыми золотыми нитками. Она служила режиму, но не забывала и о себе.

Что она делала в гражданскую? Была бесстрашной? Да. Рисковала? Да. Смерти смотрела в глаза. И там она нашла своего истинного воина, красного командира Фёдора Раскольникова. Любовь родилась в бою. Общий враг. Единые цели. Оба тяготели к литературе.

Его назначили советским послом в Афганистане. 3 июля 1921 года из Кушки вышел караван — 10 вьючных и верховых афганских коней. Началось 30-дневное путешествие по пескам, горам и долинам Афганистана. Когда местные жители видели путников, то они словно каменели: на лошади ехала с открытым лицом красавица в мужском костюме и вместе с матросами пела песню под гармошку. Бывшая салонная петербургская поэтесса. Бывший комиссар Балтфлота. Посольская жена Лариса Рейснер…

Афганистан после голодной России казался райским местом. Сытно и красиво. Фонтаны и розы. Знаки внимания к первой леди посольства и любимый муж. Чего желать ещё? Для обычной женщины, разумеется, больше нечего, но только не для Ларисы Рейснер. Она вскоре затосковала, покинула своего Фёдора и укатила обратно в Россию.

Фед-Фед звал её к себе в Кабул, где он был послом, она не ехала.

Строки его письма к ней, финал:

«…Мне кажется, что мы оба совершаем непоправимую ошибку, что наш брак ещё далеко не исчерпал всех заложенных в нём богатых возможностей. Боюсь, что тебе в будущем ещё не раз придётся в этом раскаиваться. Но пусть будет так, как ты хочешь. Посылаю тебе роковую бумажку…»

«Роковая бумажка» — это согласие на развод.

Неофициальным мужем Рейснер стал Карл Радек, блестящий журналист, публицистический талант которого ценил Ленин. Дочь Софья вспоминала, что у Радека были три слабости: книги, трубки и хороший табак. Была и четвёртая, красивые женщины. На первые свидания с Ларисой он брал свою дочь Софью. В этом весь Радек — человек парадоксов, мастер компромиссов и лавирования, он наслаждался любовью Ларисы Рейснер, желая при этом оставаться «хорошим семьянином», любящим мужем и отцом…

Всё оборвалось трагически. Глоток сырого молока — и Ларисы Рейснер не стало. Она умерла от брюшного тифа 9 февраля 1926 года в Москве, прожив всего лишь тридцать лет.

«Зачем было умирать Ларисе, великолепному, редкому, отборному человеческому экземпляру?» — патетически вопрошал Михаил Кольцов.

Гроб стоял в Доме печати на Никитском бульваре. Двор был

заполнен народом — военными, дипломатами, писателями… «Вынесли гроб, — вспоминает Варлам Шаламов, тогда ещё начинающий поэт, — и в последний раз мелькнули каштановые волосы, кольцами уложенные вокруг головы».

Пули, миновавшие её, убили тех, кто её любил. Первым — Гумилёва. Раскольникова (в 1938 году был объявлен «врагом народа»). Карла Радека («заговорщик, шпион всех иностранных разведок, наймит всех империалистов»)…

За три года до кончины она писала из Джелалабада: «…Этот последний месяц буду жить так, чтобы на всю жизнь помнить Восток, пальмовые рощи и эти ясные, бездумные минуты, когда человек счастлив от того, что бьют фонтаны, ветер пахнет левкоями, ещё молодость, ну, и сказать — и красота, и всё, что в ней святого, бездумного и творческого. Боги жили в таких садах и были добры и блаженны…»

Кристина Онассис (1950–1988)

Дочь богатого греческого судовладельца Аристотеля Онассиса. Кристина была самой богатой гречанкой. И одной из самых богатых женщин мира.

* * *

В ноябре 1988 года при загадочных обстоятельствах скончалась Кристина Онассис. Наследницей огромного состояния, оцениваемого в 1 миллиард долларов, стала её малолетняя дочь Афина.

Начало этому богатству положил Аристотель Онассис. Отец Аристотеля — его звали Сократ — был состоятельным торговцем табаком.

В 1946 году Онассис женился на семнадцатилетней Тине Ливанос. Первое время её переполняло счастье, но эйфория длилась недолго. Вскоре её охватила тоска, ощущение слабости перед сильной личностью мужа, она стала принимать наркотики. Даже дети не могли вытащить её из этой пропасти. Тина обожала Александра и Кристину, но многочисленные личные проблемы не давали ей возможности посвящать достаточно времени семье, и это усиливало её страдания.

У Ариса (так называли Онассиса близкие) тоже мало оставалось времени для семейных радостей: он был перегружен работой и другими делами. Но тем не менее Аристотель любил своих детей, и больше всего — дочь. Онассисы много путешествовали — их жизнь протекала на громадной яхте (это роскошное судно дочурка получила в подарок от отца ещё в младенческом возрасте), в виллах, гостиницах или квартирах в Париже, Лондоне, Буэнос-Айресе и других городах. Кристина жила, как принцесса. Даже куклы, в которые она играла, были одеты в платья, специально созданные Кристианом Диором.

Кристина была хорошо знакома со многими знаменитостями того времени. Одной из них была, например, Грейс Келли, известная голливудская кинозвезда, ставшая впоследствии женой князя Монако Ренье III.

…Кристина хорошо запомнила их свадьбу. Корабль, привёзший Грейс в порт Монте-Карло, был великолепно украшен. Все суда гудели, а на доках были установлены флаги. Отовсюду неслась музыка.

Всем были заготовлены подарки. Вернувшись в свой замок

Шато де ля Круа в Монте-Карло, Кристина и Александр также обнаружили в саду презенты на память — пару прекрасных арабских скакунов…

Глубокий след в душах Кристины и Александра оставили семейные скандалы, повлиявшие на всю их последующую судьбу.

Семья Онассисов ещё долго жила вместе. Окончательную точку на браке Аристотеля и Тины поставил его новый роман со знаменитой греческой певицей Марией Каллас.

В 1971 году, через три года после того, как Джекки Кеннеди стала мисс Онассис, её падчерица, которой тогда было восемнадцать лет, сбежала с Джозефом Болкером, сорокавосьмилетним разведённым продавцом недвижимости из Лос-Анджелеса. Онассису сообщили о свадьбе, которая состоялась в Лас-Вегасе, по телефону, когда они с Джекки отмечали её 42-й день рождения на Скорпиосе. Звонок взбесил его, и он немедленно лишил дочь наследства, сказав ей, что она не получит ни цента, пока будет находиться в браке с Болкером. Мысль о том, что его дочь вышла замуж за еврея, имеющего четырёх взрослых детей, привела его в ярость. Онассис всегда недолюбливал евреев и не доверял им. Видя мужа в гневе, Джекки замолкла, боясь своими словами подлить масла в огонь.

Кристина прожила в браке лишь девять месяцев. Болкер послушался Онассиса и начал бракоразводный процесс в Калифорнии. «Мы жили в напряжении, — говорил он. — Она ещё слишком молода и не смогла перенести разлуки с отцом».

«Он перестаёт быть моим мужем, но навсегда останется моим лучшим другом», — заявила Кристина.

Кристина попыталась свести счёты с жизнью в Лос-Анджелесе, когда поняла, как сильно взбешён отец её браком с американцем. Ранее в Лондоне она пыталась уйти из жизни после прекращения связи с одним из её первых возлюбленных — Петросом Гуландрисом. И после каждой попытки покончить с собой Кристиной овладевала такая жажда жизни, что газеты переполнялись фотографиями пышных торжеств и весёлых вечеринок с её участием.

Трагичной вехой вошёл в жизнь Кристины 1975 год — умер отец. Она осталась совсем одна. Ведь до этого разбился на спортивном самолёте брат, потом умерла мать. В возрасте 24 лет Кристина стала единственной продолжательницей рода Онассисов и наследницей баснословного богатства, которое, однако, не давало ей утешения.

…После похорон отца, состоявшихся на принадлежащем Онассисам семейном острове Скорпиос в Эгейском море, Кристина собрала весь персонал, находившийся там, коллег по

бизнесу, его друзей на своей яхте. Атмосфера в салоне, где некогда курил сигару Уинстон Черчилль, стреляла глазками очаровательная кинозвезда Грета Гарбо, танцевала Грейс Келли, безумно веселилась Мария Каллас, была на этот раз иной.

Кристина взобралась на стол и, осмотрев всех, сказала: «С сегодняшнего дня этот остров, этот корабль, всё, что вы видите и что принадлежит семье Онассис, — моё. Я буду определять вашу судьбу». И ещё более трагичным голосом, готовая сорваться на рыдания, закричала: «И вы все тоже мои!»

После смерти отца Кристина снова пыталась найти счастье в личной жизни — вышла замуж за Александроса Андреадиса, наследника богатых предпринимателей. Спустя год брак был расторгнут.

Русский чиновник и по совместительству агент КГБ 40-летний Сергей Каузов стал её третьим мужем. Роман начался совершенно неожиданно: однажды утром Кристина говорила по телефону с Москвой о перевозке партии нефти на своих танкерах. На другом конце провода её внимание привлёк приятный голос молодого человека, говорившего на безукоризненном английском.

Они познакомились, обменялись комплиментами, и разговор перестал быть чисто деловым, стал дружеским. Через некоторое время Сергей приехал в Париж и вскоре уже развлекался в постели с 26-летней красавицей-гречанкой. Дни, недели, месяцы Кристина скрывалась от своих друзей.

Известие о её решении выйти за Сергея замуж произвело на всех впечатление разорвавшейся бомбы. Брак означал и переезд в Москву.

Развод Сергей ещё не получил. Жена и дочка плакали, проклиная его, и лишь мама, полная и добродушная русская женщина, одобрила «помешательство» своего сына. С ней Кристина жила первое время в небольшой московской квартирке.

…Лил сильный дождь, когда во Дворце бракосочетания на улице Грибоедова проходила торжественная церемония. Присутствовали некоторые родственники Каузова, а со стороны Кристины не было никого. Когда молодожёны снова очутились в тёмной квартирке, под аккомпанемент старых русских песен, которые пела счастливая мама Сергея, дочка Аристотеля Онассиса решила, что нужно уезжать. В ту же ночь начались звонки друзьям в Париж, в Лондон, в Нью-Йорк.

Через несколько дней она снова вернулась в Европу. Сергей потерял свою первую жену, и теперь, кажется, терял и вторую. Было от чего погрузиться в мрачную меланхолию. Он приехал к Кристине, и они снова, словно обручённые, стали встречаться в

гостиницах. Стадии потепления и похолодания в их отношениях сменяли друг друга. Но зеркало уже дало трещину — об этом они знали оба.

Развод был лёгким. Супружеская жизнь продлилась всего шестнадцать месяцев. Кристина подарила Сергею два танкера. Каузов женился в третий раз на англичанке Алисон Харкес, бывшей любовнице министра обороны страны, но и этот брак оказался недолговечным, хотя у них родилась дочь. Сегодня 60-летнего мультимиллионера Сергея Каузова называют одним из самых богатых бывших сотрудников КГБ.

На какой-то период времени Кристина снова ушла в себя, удалилась от мирской жизни, чтобы подавить эту новую горечь. Но потом она снова начала появляться на вечеринках, словно хотела убедить себя в том, что всё идёт прекрасно…

Кристина переехала в Париж, где сблизилась с вернувшимся из Африки богатым французским бизнесменом Тьерри Русселем, с которым она познакомилась за 10 лет до того. Тьерри решил, что целью его жизни будет наставить Кристину на путь истинный: она должна прекратить принимать таблетки, отказаться от ночных гулянок и от всех других дурных привычек. Сначала это не очень-то понравилось своевольной гречанке.

Однако, когда она поняла, что Тьерри действительно её любит, она послушалась. Новая жизнь пришлась по душе. «Вот человек, который находит меня привлекательной, и, конечно, не из-за денег, — думала Кристина. — Да, Тьерри лучше, чем все мои прежние мужья».

Но беда пришла оттуда, откуда Кристина ждала её меньше всего. Несмотря на любовь к жене, Руссель не смог вычеркнуть из своей жизни прежнюю возлюбленную — шведку Габи Ландханге. Утверждают, что между ними был заключён своего рода договор: Тьерри женится на Онассис, но, чтобы Габи не устроила скандал, он не порвёт с ней. Несмотря на брак, Тьерри продолжал встречаться с Ландханге, от него у неё родился ребёнок.

Кристина знала о существовании Габи — в кругах, к которым она принадлежала, новости распространялись с быстротой молнии, — однако думала, что их отношения закончились. Из анонимных телефонных звонков и рассказов знакомых ей стало всё известно.

Кристина и Тьерри расстались, но в их сердцах сохранились следы большой привязанности. Для Кристины положение было ещё более трудным, ведь именно от Тьерри у неё осталась её любимая дочь Афина. Руссель очень любил дочку и потом постоянно приезжал к ней, чтобы увидеться, пытаясь при этом — правда, без особого рвения — снова завоевать доверие Кристины.

Тем временем наследница Аристотеля Онассиса незаметно всё глубже опускалась в трясину жизни; снова вернулись таблетки и алкоголь.

Кристина глубоко переживала нанесённую ей обиду, но в глубине души надеялась, что когда-нибудь муж снова будет с ней и её крошкой. Может быть, именно эта надежда помогала ей постоянно посещать церковь, что давало кое-кому повод говорить, будто Кристина стала фанатически религиозной.

Руссель вернулся, но, увы, уже было слишком поздно.

…Ночью 17 ноября 1988 года Кристина возвратилась с вечеринки в гостиницу в Буэнос-Айресе (она приехала в Аргентину на короткое время) довольно поздно и поспешно поднялась к себе в номер, чтобы лечь спать. Однако позже произошло то, что привело служащих гостиницы в смятение: Кристина с наушниками «вокмена» на голове спускалась в холл — босоногая, едва одетая, хотя на улице уже было довольно холодно. Никто не знает, куда она ходила и что делала.

На следующий день приятельница Марина Додеро заехала за Кристиной в гостиницу на машине и увезла её с неразлучной спутницей Элен Сиро к себе на виллу в 37 километрах от Буэнос-Айреса. Вечером, когда компания устроила у бассейна ужин, Кристина, казалось, потеряла аппетит. Затем она сказала, что ей холодно, и пошла спать.

На следующее утро Кристину нашли мёртвой: обнажённая, она лежала в ванной. Никаких внешних следов насилия и каких-либо других свидетельств её убийства замечено не было. После осмотра врачи заявили об отёке лёгких в тяжёлой форме. Был найден пустой пузырёк со снотворным.

Руссель поспешил в Буэнос-Айрес, чтобы перевезти тело Кристины в Скорпиос, который уже стал островом-мавзолеем. Он дал себе клятву сохранить хотя бы маленькую Афину, если ему не удалось спасти Кристину.

Джоан Коллинз (родилась в 1933)

Американская киноактриса. Снялась в более чем 50 фильмах и многочисленных сериалах. Большим успехом во всём мире пользуется сериал «Династия», в котором она сыграла одну из главных ролей (Алексис). Автор нескольких художественных книг.

* * *

Джоан Коллинз за свои лета (а она не скрывает день своего рождения — 23 мая 1933 года) снялась более чем в полусотне фильмов, не считая многочисленных эпизодов в сериалах. В течение съёмок знаменитого сериала «Династия» она, как говорится, разменяла «серебряный полтинник». Так же, как её героиня, была несколько раз замужем. Что, прямо скажем, неудивительно… Но демонизм её отнюдь не в этом. Рождённая под знаком Близнецов, Джоан признаётся в двойственности своего характера. По её словам, она больше всего любит путешествовать (чемодан, книга и самолёт — лучшее удовольствие), уважает в людях и в себе игру ума, отличается жизнелюбием, весёлым и независимым нравом.

Хотя у Джоан Коллинз трое детей, но балансирования между реальным супругом, семьёй и артистической карьерой у неё тоже не получилось. Каждый из её браков терпел фиаско. Человек, с которым она состояла в первом браке, актёр Максвелл Рид, был старше на 15 лет. Во время первой встречи он дал ей наркотик и изнасиловал. Позже он пытался за наличные предоставить её нефтяному шейху на несколько любовных ночей, после развода пытался её шантажировать.

Второй супруг, Энтони Ньюли, английский композитор, сочинявший мюзиклы, вёл себя не столь узурпаторски. Но он желал видеть Джоан возле себя только в роли домохозяйки и матери его двоих детей, то есть «слабую, несамостоятельную личность», о чём позже в своих мемуарах писала Джоан Коллинз. Во время брака с Ньюли её профессиональный рост остановился.

Третий муж Джоан, музыкальный менеджер Рон Касс, сломался на том, что терпел неудачи на работе как раз в то время, когда заладилась карьера Джоан. Он стал наркоманом.

Приняв решение выйти замуж в четвёртый раз — за Питера Холма, который был на 14 лет моложе её, — актриса проявила мужество. Она полагала, что в отличие от мужчин, которые

старше её, он сможет «воспринимать её возле себя как равную». Как и в сериале, где Декс намного моложе её, она и в жизни не побоялась в четвёртый раз обвенчаться (в церкви скромной, но в Лас-Вегасе) в свои 52 года с 38-летним Питером Холмом, бывшим рок-певцом. Однако через год они расстались. Это была банальная история, ибо молодой муж влюбился в свою падчерицу Кати, дочь Джоан.

17 февраля 2002 года Джоан Коллинз в пятый раз вышла замуж. Союз двух любящих сердец стал зарождаться, когда Коллинз гастролировала по США со спектаклем «Письма любви», в котором исполняла главную роль. Про пятого мужа известно только то, что зовут его Перси Гибсон, что он на 32 года моложе своей невесты, что родился он в Перу и работает театральным менеджером. В громких проектах, равно как и в громких скандалах не замечен.

На вопрос, почему она несколько раз выходила замуж, Джоан ответила: «Я чувствую себя намного лучше, если рядом со мною муж — человек, который меня любит и которого я люблю. Меня сейчас уже не прельщают разные приключения. Когда ты молода, то важно, конечно, чтобы за тобой ухаживали мужчины и чтобы с тобой происходило что-нибудь интересное. Но через определённое время это надоедает. В молодости секс для меня был важной частью жизни, чем-то совершенно нормальным, да и сейчас из-за него я не испытываю чувства вины. По-моему, когда-нибудь надо перестать спать с разными мужчинами. Тем более сегодня приходится быть намного осторожнее из-за всех этих появившихся ужасных болезней. Но независимо от этого следует попросту знать, что ты можешь себе позволить. Есть женщины, которые могут иметь множество любовных приключений, ничуть от этого не страдая. Другие испытывают обиду, если, например, с кем-нибудь переспали, а на следующее утро он даже не позвонил. Для меня же человеческие отношения важнее, чем секс».

Но даже любовь не мешает актрисе азартно отдаваться работе. Когда в «Династии» сценаристы надолго оставили Алексис за кадром, она «рванула» в Монако, но не в казино, а на съёмки в мини-сериал «Монте-Карло», где сыграла коварную и обольстительную советскую шпионку, воспитанную в Англии и работающую «под крышей» оперной певицы на британскую разведку во время Второй мировой войны. В этом сериале рядом с ней — неотразимый Джордж Гамильтон и талантливый Малкольм Макдауэлл. О своих партнёрах Джоан всегда отзывается с похвалой. По её словам, седовласый Джон Форсайт (Блейк) — «актёр высокого класса, настоящий джентльмен и на экране, и в жизни. Благороден, великодушен, сдержан. Его поведение,

осанка, жесты выдают человека поистине элегантного. Быть рядом с ним любой женщине доставляет удовольствие, а играть на съёмочной площадке — легко и радостно».

Впоследствии Джоан Коллинз, создавшая скандальные мемуары о съёмках «Династии», стала писать книги. Она автор трёх романов. Это, по словам актрисы, «книги об удивительных, прекрасных, замечательных людях, которым в жизни пришлось так много страдать». Они попали в списки бестселлеров в Англии. Последний роман вызвал грандиозный судебный процесс Джоан Коллинз против издательства «Рэндом хаус», потребовавшего вернуть аванс в 1,2 миллиона долларов за «нечитабельный» материал. Но Джоан выиграла процесс, причём дополнительно отсудила солидную сумму «за причинённый моральный ущерб».

Но, помимо божьего дара, литературные способности Джоан унаследовала от отца Джо Коллинза, который давным-давно написал книгу о двоих своих дочерях — Джоан и Джеки (она известна в России под названием «Лаки», «Голливудский зоопарк», «Голливудские жёны» и др.), которые очень рано вылетели из родного гнезда и самостоятельно добились больших успехов. Особенно Джоан.

В «Династии» есть актрисы, которые играют женщин намного моложе своих лет. Сейчас это уже привычно. Но что за этим стоит? «Конечно, — говорит Джоан, — женщины любого возраста могут выглядеть хорошо. И сегодня актрисы зрелого возраста постоянно доказывают это. Их уже нельзя „отправлять на свалку“, как раньше, в 25 лет. Не каждая станет Линдой Эванс или Дайаной Кэролл, но каждая может к их уровню приблизиться. Нельзя толстеть, нельзя носить неряшливые платья или иметь отвратительную причёску. Надо оставаться для мужчин привлекательной».

Джулия Робертс (родилась в 1967)

Американская актриса. Мировую известность получила после выхода на экран фильма «Красотка» (1990, приз «Золотой глобус»). Снималась в фильмах «Стальные магнолии» (1990, премия «Оскар»), «Крюк» (1991), «Дело о пеликанах» (1994), «Обожаю неприятности» (1994) и др.

* * *

Было время, когда премьера нового фильма Джулии Робертс совпадала с очередной её помолвкой. Но вот в фильме «Майкл Коллинз» эти два события никак не были связаны друг с другом, ибо партнёром Джулии выступал Лайам Нисон. К нему актриса отнеслась абсолютно равнодушно. И дело не в том, что он был женат на Наташе Ричардсон, а в том, что Джулия уже имела с ним связь во время съёмок фильма «Удовлетворение», когда они оба ещё не были знаменитыми.

Вместо него тогда ещё 29-летняя Джулия бросилась в объятия Паскуале Маноккья, с которым познакомилась на съёмочной площадке фильма «Свадьба моего лучшего друга». Пикантность очередного романа состоит в том, что Паскуале не актёр, а тренер. Джулия позаимствовала опыт Мадонны и предпочла приглашённого на главную роль спортсмена очередному партнёру по фильму. Впрочем, Джулии приходится отыскивать себе воздыхателей звёзд. «Кажется, в Голливуде наступили времена, когда ты ничего не значишь как актриса, если не находишься рядом с какой-нибудь знаменитостью или не являешься невестой богача из города».

Связь Джулии Робертс с Паскуале вызвала некоторое недоумение у её поклонников. Большинство из них были уверены, что актриса всё ещё встречается с Мэттью Перри, с которым она познакомилась в прошлом году, когда выступала в качестве гостьи в его шоу «Друзья». Всё это произошло после того, как Джулия порвала с Ричардом Гиром (её партнёр по фильму «Красотка»), правда, предварительно она успела на какое-то время покорить сердце Дэниэля Дей-Льюиса, который сорвал планировавшиеся съёмки «Влюблённого Шекспира». Сначала ушёл Дэн, потом — Джулия.

Ну как? Уже запутались? А ведь это ещё только начало.

Взгляды Джулии на жизнь, похоже, всё более сводятся к

формуле: новый мужчина — новый фильм — новая помолвка. И если уже некоторые зрители не могут отличить выдуманную «киношную» жизнь от жизни реальной, то стоит ли удивляться тому, что такой же недуг поразил и кинозвезду?

Составьте список фильмов с участием Джулии, и вы получите список её любовников. Кроме вышеупомянутого Лайама, это был Дилан Макдермотт, за которого актриса вышла замуж в фильме «Стальные магнолии» и с которым обручилась в реальной жизни. Затем, конечно же, Кифер Сазерленд. С ним она также познакомилась на съёмочной площадке и обручилась вскоре после съёмок.

«Как только я увидела Кифера, я поняла, что это мужчина моей мечты», — изливала свои чувства Джулия. А за три дня до этого актриса разорвала помолвку и бежала из-под венца с Джейсоном Патриком, который (надо же!) снимался вместе с Кифером в фильме «Непутёвые мальчики». За ним последовал Ричард Гир. «Я очень сближаюсь с мужчинами, с которыми работаю», — призналась как-то Джулия.

Далее следовали Итон Хоук, Дей-Льюис, Джон Малкович, венецианский гондольер, итальянский телохранитель и, если верить слухам, бармен… Точную очерёдность восстановить невозможно, поскольку некоторые из перечисленных выше избранников, например, Дей-Льюис и Гир, похоже, вторгались в жизнь Джулии более одного раза. Затем Джулия дала себе передышку, пойдя к алтарю с Лайлом Ловеттом, с которым познакомилась во время съёмок «Игрока». Однако этот брак был обречён на неудачу с самого начала. Не только потому, что Лайл с виду напоминал, по мнению актрисы, «грязную туалетную швабру». Джулия также объясняет разрыв с Лайлом ещё и той поспешностью, с которой они заключили брак. Она сделала ему предложение через три недели после того, как познакомилась с ним. «Мы поженились, а потом я запаниковала, — говорила актриса. — Теперь я знаю, каким должен быть настоящий брак. А с Лайлом мы бы никогда не смогли создать ничего подобного».

После неизбежного развода, который последовал через два года, к её телу, помимо вышеперечисленных, имел доступ ещё ряд мимолётных любовников. Среди них оказались также снимавшийся в «Майкле Коллинзе» Айдан Куин (им Джулия заменила на время женатого Лайама Нисона) и потрясающая блондинка, с которой она познакомилась в одном нью-йоркском баре. Лесбийская любовь ещё пользуется популярностью в творческих кругах.

Истоки происходящего, как говорят психологи, пытающиеся прокомментировать поведение Джулии, нужно искать в событиях

детства. Родители девочки разошлись, когда ей было четыре года, а позднее, когда ей было девять лет, умер её отец. «Это изменило все мои тогдашние планы на жизнь», — вспоминала актриса. Со своим отчимом Джулия не нашла общего языка. Вероятно, поэтому её стремительные перебежки от одного мужчины к другому — это не просто желание насладиться сексом, пока она молода и красива, а целеустремлённый поиск любви между мужчиной и женщиной.

Как бы там ни было, но можно биться об заклад, что и дальнейшая жизнь Робертс едва ли будет спокойной. Многочисленные любовники прямо-таки не дождутся своей очереди, чтобы поделиться с публикой своими воспоминаниями о ней. По крайней мере, двое уже известили общественность о том, что были первыми мужчинами в её жизни. Не означает ли это, что Джулия была в те далёкие времена куда более талантливой актрисой, чем сейчас?

Её называют одной из самых мятежных и непредсказуемых в поведении голливудских кинодив. После звёздного дебюта в «Красотке», который принёс Джулии семь миллионов долларов и всемирную известность, она как бы по инерции снялась в сказке Стивена Спилберга «Крюк».

Роман с 24-летним Кифером Сазерлендом, сыном знаменитого актёра Дональда Сазерленда, обещал быть трогательным и поэтичным. Кифер, говоря о Джулии, отмечал, что он всякий раз испытывает «магический разряд», когда прикасается к её руке. Дело дошло до того, что Кифер бросил жену и двухлетнюю дочь и поселился вместе с Джулией на роскошной вилле в горах. В Голливуде начали готовиться к «свадьбе века». Её намечено было провести в одном из съёмочных павильонов студии «XX век Фокс», напоминавшем своими размерами ангар для самолётов. Предполагаемое количество приглашённых гостей перевалило за шестьсот человек. Стоимость заказанных угощений составляла 800 000 долларов. Но за три дня до брачной церемонии представитель жениха заявил, что свадьба не состоится. Разразился страшный скандал. Официальная версия звучала так: во-первых, Кифера слишком рано стали называть мистером Робертсом (что ему, естественно, не понравилось), а во-вторых, он вынужден оставаться в одиночестве, пока Джулия занята на съёмках. Джулия пережила серьёзный нервный срыв и в течение недели лежала в госпитале.

На два года Робертс покинула кино, перестала показываться на публике, встречаться с журналистами, пошли разговоры о душевном надломе, случившемся с актрисой после первого ошеломительного успеха.

Но вот в конце лета 1994 года она возвратилась на съёмочную площадку и дала первое интервью, сообщив, что во время своего затворничества вышла замуж за певца Лайла Ловетта. «Я считаю, что любовь к моему мужу помогла мне вернуться в кино, — поведала журналистам Джулия. — Жизнь стала сейчас для меня сплошным медовым месяцем. Мы были такими нетерпеливыми, и нам так хотелось быстрее обручиться, я даже не успела пригласить отпраздновать это событие своих друзей. Но зато всё прошло тихо, без излишнего шума. Мы любим друг друга и хотим быть вместе всю жизнь. Лайл просто восхитителен, я никогда не чувствовала себя такой счастливой».

Но взбалмошная кинозвезда Джулия Робертс превратилась во «влюблённую Джулию-супругу» ненадолго. На Каннском фестивале она появилась разведённой, снявшись в очередной мелодраме, и после разрыва мимолётного романа с Ричардом Гиром.

Судьба второй раз свела Робертс и Гира на съёмочной площадке «Сбежавшей невесты», и тогда Джулия поняла, что так до конца и не изжила Ричарда из своего сердца. Они снова были вместе: женщина, тайком наблюдавшая за тем, как мужчина пьёт кофе, читает, разговаривает, — и мужчина, которому, как и десять лет назад, эта женщина была не нужна. Близился конец съёмок, и Джулия чувствовала, что между ними снова назревает разговор. Он был неизбежен, поэтому, когда Робертс, отыграв последний эпизод картины, подошла к Ричарду, тот не стал отводить глаза.

Они стояли друг напротив друга, словно два солдата одной давно закончившейся войны, и в связывающем их взгляде было слишком много всего, для того чтобы выразить это словами. Тем не менее они говорили. Долго, болезненно и, возможно, в последний раз. «Почему я так несчастна?» — спросила Джулия Ричарда напоследок, на что Гир ей ответил: «Ты уделяешь слишком много внимания ненужным вещам. Тому, как человек кричит на каждом углу о своих чувствах, и с какой тщательностью подбирает свадебный костюм. Как он смотрится рядом с тобой на фото и насколько респектабелен. А ведь единственное, что действительно важно, чтобы этот человек любил тебя. Ты должна найти мужчину, который полюбит тебя… Точнее, позволить ему найти тебя. Вот и всё». В этот момент Джулия поняла, что всё это время Ричард следил за ней и её жизнью, мысленно он всегда был рядом, поэтому в его словах было столько правды.

Неделя, что она не выходила на улицу, слилась в один длинный и не слишком интересный день. Джулия сидела на

кухне, одетая в спортивные штаны, заляпанные зубной пастой, поджав под себя ноги, заколов волосы в неаккуратный пучок, и смотрела ток-шоу, идущие по телевизору одно за другим круглые сутки. В одной руке она держала прикуренную сигарету, в другой — банку с мороженым, остатки которого не спеша доедала. Вокруг на столе громоздились пустые коробки из-под сладостей, пепельницы, доверху наполненные окурками, толстые глянцевые журналы, пилочки для ногтей и прочий хлам, которым она последние семь дней занимала свои руки. Джулия сидела и упивалась собственной ненужностью, обжорством и неподвижностью: «Если меня сейчас сфотографировать, то фото можно будет подписать фразой из серии „Звезда умерла в одиночестве, и её труп съела её же оголодавшая овчарка“. Но у меня нет собаки… Или что-нибудь из разряда: „Так выглядит женщина вашей мечты, пока вас нет дома“. А может быть…»

Поток её мучительных размышлений прервал звонок. Звонили, причём достаточно настойчиво, в дверь. «Я гостей не жду», — резюмировала Джулия и открывать не стала. Ещё через пять минут на пороге со словами «извините, я толкнул её, а она взяла сама и открылась» появился мужчина. «Вот дура-то, сижу с открытой дверью», — подумала про себя Джулия, а вслух поинтересовалась: «Гость, я вас знаю? Зачем пожаловали?» «Нет… то есть да… — визитёр заметно нервничал, всё крепче сжимая в руках бумажный пакет. — Джулия, мы с вами уже пять лет работаем на одной студии. Меня зовут Дэниэл Модер, я оператор… Дело в том, что неделю вас не было видно, вот я и заволновался… Мало ли что, знаете ли. Да, ещё я принёс мороженое. Ваше любимое…» Робертс зашуршала бумажным пакетом, перекочевавшим к ней из рук посетителя: «Baskin-Robbins». «Ванильное. Обожаю!» — сказала она и недолго думая принялась за угощение. Всё время, что Джулия ела, Дэниэл стоял напротив и смотрел на неё в упор. Джулия вспомнила о госте, только когда подняла голову от опустевшего ведёрка. «Что-то случилось? Что вы так смотрите?» — спросила Джулия, облизывая ложку. «Простите мне мою дерзость… Но вы такая красивая», — ответил мужчина, не отводя глаз от лица Робертс, перемазанного ванильным мороженым.

Джулия Робертс и Дэниэл Модер поженились 4 июля 2002 года. Приготовления к свадьбе шли тайно, поэтому гости, которых оказалось совсем немного — около сорока человек, до последнего момента думали, что едут к Джулии и Дэниэлу, чтобы отпраздновать День независимости. Через неделю после церемонии молодые купили 50 акров земли недалеко от Таоса, штат Нью-Мексико, завели трёх собак и кошку, в обществе

которых Джулия и Дэниэл теперь проводят всё своё свободное время.

Шарон Стоун (родилась в 1958)

Американская актриса. Всемирную известность ей принёс эротический фильм «Основной инстинкт» (1991). Снималась также в фильмах «Непримиримые противоречия» (1984), «Копи царя Соломона» (1985), «Вспомнить всё» (1990), «Щепка» (1993), «Специалист» (1994), «Казино» (1995) и др.

Шарон была замужем за продюсером Майклом Гринбергом.

* * *

Божественная. Дико сексуальная. Дьявольски вызывающая. Холодная, как ледышка в стакане пепси. И так далее. Мадемуазель Стоун по имени Шарон прямо так и просится на перо журналистов всех стран.

Уроженка Мидвилла, заштатного городка на востоке США, красотка родилась для славы на заре своего восемнадцатилетия. Пришло её время. Получив титул королевы красоты, девушка для обложки каталога сельскохозяйственного оборудования, юная и красивая мисс Пенсильвания собрала в рюкзачок свои пожитки и отправилась в Нью-Йорк на поиски любви, славы и состояния. Её заметило агентство «Форд». И подписало с ней контракт. Устав от роли топ-модели, Шарон нашла спасение в лице Вуди Аллена, который дал ей маленькую роль в фильме «Stardust Memories». «Я думала, что из всех искусств именно для игры у меня было меньше всего таланта. Я выбрала путь с самой недостижимой целью». Двенадцать лет галерных работ. Пока не состоялась её коронация фильмом «Основной инстинкт», попавшим в список вечных шедевров. Она «реабилитировала» домашнее использование ножа для колки льда и, хотя играла скорее ножками, смогла всё же показать свой актёрский талант.

Она с блеском появилась на экране. Невероятная фотогеничность сближает её с теми звёздами, чьи имена стали знаменитыми в сороковые и пятидесятые годы. От Марлен она унаследовала духовную силу. От Мэрилин — формы и светловолосость. Она прекрасна, это — её крест. На приёмах её можно сравнивать с буфетом, ибо к ней так и тянется народ. Для неё мужские взгляды — конечно, похотливые — вроде медалей, которые она может вешать на головокружительных склонах своих декольте. И читать в их глазах воображаемые объятия… Они

встретились бы с её пылким взглядом. Она бы устроила им дуэтик на диване. А потом бы покорно и тайно покинула их. В разгар счастья. Поскольку это опьянение относится к тем редким продуктам, которые надо поострее съесть из-за боязни, что они испортятся. А главное потому, что домашние тапочки зачастую причиняют боль.

«Думаю, что ни о чём не жалею. Могла бы пройтись по Сансет Бульвару в нижнем белье. Если того требует фильм, так и надо. Но мне жаль, что кое-кто думает, что фильм будет лучше посещаться, если я буду раздеваться, а не останусь весь фильм в одежде…»

«Предпочитаю мужчину с большим умом, а не с большими причиндалами», — любит повторять она, перед тем как вспомнить о «гениальном опыте», которым была её встреча с Вуди Алленом, что «сравнимо в области секса с потерей девственности». Дважды разведённая актриса, чьи взрывы частной жизни продолжают в горьких словах появляться в журналах, без всякой снисходительности смотрит на неудачи в сентиментальной жизни: «Я всегда предпочитала заниматься любовью дома и быть одетой на работе».

Шарон не скрывает свой возраст. Если она, похоже, наилучшим образом перешла из разряда старлеток с распущенным шиньоном в разряд актрисы, которую ценят ей подобные, то она продолжает видеть в провокации инструмент своей славы. «Женщина, которой под сорок, значительно более эротична, нежели все двадцатилетние, вместе взятые», — считает она. Глядя на неё, с этим невозможно не согласиться.

Список известных мужчин, которых она «заманила» в свои объятия, более чем солиден. «Соблазнение — это самое приятное, что может быть в жизни женщины. Она может простить мужчине то, что он её не удовлетворяет, — к этому можно приспособиться. Но, что женщина действительно не прощает, так это то, что мужчина не способен её соблазнить. А уж если ей самой не удаётся соблазнить мужчину, она будет мстить ему жесточайшим образом… В первобытные и античные времена существовало только соблазнение. Не было любви, не было излияния чувств, никому не требовался психоанализ, благодаря которому и живёт дурацкий миф о любви. Первым, у кого возникла потребность любить и быть любимым, был, по-моему, Христос. Тогда и появилось это идиотское выражение: „Я тебя люблю“».

В одном из многочисленных интервью она заметила, что «мужчины не выносят гремучей смеси ума и красоты». По мнению леди-вамп, мужчины сегодня стали слишком пугливыми, они стали бояться женщин. И особенно они опасаются закручивать

роман с сильной женщиной, так как он представляет угрозу их мужественности. «У меня было много мужчин, но ни один из них ни на сексуальном, ни на эмоциональном уровне мне не был интересен. Я уже стала терять надежду на то, что в природе существуют мужские экземпляры, обладающие одновременно страстностью и трогательной уязвимостью. Перечисленные выше качества, как вы понимаете, мне симпатичны. Мужчины действуют большей частью как приматы. Грубо и прямолинейно. Такие, как я, наводят на них страх, потому что я решительна, знаю, чего хочу. Они этого не любят, они предпочитают „вторичность“ женщин во всём. Центр их мышления находится ниже пояса — „этим“ они воспринимают окружающий мир. Женщина — существо более тонкое и сложное, верное… В любви она полностью отдаёт себя, а не так фрагментарно, как мужчина».

Для неё вообще стало проблемой найти относительно нормального мужчину, поскольку все её воспринимают секс-маньячкой, постоянно валяющейся в постели голой и изнывающей от желания заняться любовью. В действительности же она предпочитает читать в постели сценарии, причём в пижаме.

Большинство мужчин с ней чертовски любезны. Но «все эти мужчины хотят не спать со мной. Они лишь хотят, чтобы другие поверили, что они со мной спали. Вот такова судьба в Голливуде блондинки, имеющей власть».

Шарон Стоун испытывает наибольшее уважение к тем мужчинам, которые могут доминировать, но это большая редкость. При этом называет одно имя — Мартин Скорсезе, гением которого она восхищается.

О ней знают всё. Или почти ничего. Дива спит с пистолетом под кроватью, любит жаркое по-дофински, обожает Ирландию, аргентинского писателя Габриэла Гарсия Маркеса и далай-ламу, балуется акварелью и импровизирует в фотографии, когда не снимается в фильме. И сходит с ума от Жерара Депардьё: «Не представляю себе более сексуального мужчину. О этот грубовато-деревенский стиль… Да, я хотела бы сниматься с ним в одном фильме, да нет же, я хотела бы с ним всего-всего самого разного!»

Шарон Стоун признаётся, что чертовски приятно быть знаменитой. «Я теперь могу мучить мужчин совсем другого уровня. Мужчин из „высшей лиги“, которым сначала нужно привыкнуть к поражениям».

Библиография

Бурлацкий Ф. М. Мао Цзэдун и его наследники. — М.: Международные отношения, 1979.

Фёдорова Е. В. Люди императорского Рима. — М.: Изд-во МГУ, 1990.

Массон Ф. Наполеон и его женщины. — М.: Крон-Пресс, 1993.

Лейси Р. Княгиня грёз. — Смоленск: Русич, 1996.

Земерау А., Цайдлер П. Великие куртизанки: Исторические новеллы. — Н. Новгород: Флокс, 1992.

Дубинский М. Женщина в жизни великих и замечательных людей. — С-Пб, 1900.

Келли К. Жаклин. — Смоленск: Русич, 1997.

Славич Ю. М. STARS: из частной жизни кинозвёзд. — М.: Панорама, 1996.

J. Wallace, S. Wallace, A. Wallace, D. Wallechinsky. The intimate sex lives of famous people. Great Britain by HUTCHINSON in 1981.

Бретон Ги. Истории любви в истории Франции. В 5-и т. — М.: Крон-Пресс, 1993.

Большой Энциклопедический словарь. В 2-х т. — М.: Советская энциклопедия, 1991.

Бодар Л. Тень Мао. — М.: Изд. группа «Прогресс». Смоленск: «Русич», 1996.

Энциклопедический словарь Брокгауза Ф. А. — Ефрона И. А. В 86-и томах. — М.: «Терра», 1994.

Валтари М. Синухе-египтянин. — С-Пб, 1994.

Дюку Ф. Великие страсти великих людей. Выпуски I, II. — ELLE, 1997.

Берберова Н. Железная женщина. — М.: Изд. политической литературы, 1991.

Сенсационные браки и брачные обряды. — М.: Литература, 1997.

Евгеньева М. Любовники Екатерины. — М.: Внешторгиздат, 1989.

Словарь искусств. — М.: «Внешсигма», 1996.

Фукс Э. Иллюстрированная история нравов. В 3-х томах. — М.: «Республика», 1994.

Уилрайт Д. Мата Хари. — Смоленск: Русич, 1996.

Трумэн М. Президенты и секс. — Мн.: «ИнтерДайджест», Смоленск: ТОО «Эхо», 1997.

Третьякова Л. Российские богини. — М.: «Изограф», 1997.

Которн Н. Президенты и секс. — Мн.: «ИнтерДайджест», Смоленск: ТОО «Эхо», 1997.

Женская преступность. — Мн.: Литература, 1996.

Цыркун Н. Что случилось с бэби Джин? — М.: «Искусство кино», № 4, 1992.

Ральф Г. Мартин. Женщина, которую он любил. — М.: «Изд-во Русанова», 1993.

Биркин К. Временщики и фаворитки. В 3-х т. — С-Пб, 1871.

Дункан А. Моя жизнь. — М.: «Контракт», 1992.

Иванов Л. Замечательные женщины с древнейших времён до наших дней. — С-Пб, типография П. Ф. Пантелеева, 1906.

Сосновский А. Лики любви. — М.: «Знание», 1992.

Великие тайны прошлого. — М.: «РидерзДайджест», 1996.

Савосин Д. Лана Тёрнер: Горькие слёзы под чёрными очками. — М.: Культура, 1995.

Норинг В. Сирена с зелёными глазами. — М.: Культура, 1996.

Райт У. Кристина Онассис: «Это всё моё». — Афины: «Неа»; М.: За рубежом, 1991.

Краснова Г. М. Ингрид Бергман: От интермеццо до сонаты. — М.: «Видео-Асс-Премьер», 1995.

Киреев Р. Камелия. — М.: «Труд-7», 1995.

Филатова Л. Грешники Голливуда. — М.: Культура, 1995.

Филонов М. Мессалина. — М.: Культура, 1995.

Шалон Ж. В саду таинственном и тихом… — Париж: «Фигаро»; М.: «За рубежом», 1996.

Васильева Л. Инесса Арманд. Быль или легенда. — М.: «Неделя», 1991.

Фридрих Д. Одиссей и его русалка. — Франкфурт-на-Майне: «Франкфуртер Альгемайне-Магацин»; М.: «За рубежом», 1996.

Катанян В. Две сестры. — М.: «Домовой», № 3, 1996.

Фридрих М. Наполеон I. Его жизнь и время. — М.: «Современные проблемы», 1913.

Рафаэль Санти. — С-Пб, «Пальмира», 1994.

Парандовский Я. Аспазия. — М.: «Студенческий меридиан», № 5, 1995.

Левых Е. Ева Браун: последняя страсть Гитлера. — М.: «Студенческий меридиан», № 4, 1993.

Борич И. Абеляр и Элоиза. — М.: Спид-инфо, 1994.

Мадонна снова влюбилась. — М.: «Какаду», № 9, 1997.

Роек Т. Леди Гамильтон, ни в чём не знавшая меры. — М.: «Неделя», 1991.

Роек Т. Счастье было обманом. — М.: «Неделя», 1991.

Нет повести печальнее на свете. — Гамбург: «Шпигель»; М.: «За рубежом», 1996.

Ключеров Г. Три попытки Марины Мнишек. — «Труд-7», 1996.

Киреев Р. Божественная Эмилия. — «Труд-7», 1996.

Алексеева Л. Принцесса, превращённая в статую. — М.: «Родина», № 3, 1996.

Безелянский Ю. Лариса Рейснер. Лира и маузер. — М.: «Неделя», 1994.

Коваленко Ю. Дама и господа. — М.: «Неделя», 1993.

Казираги У. Незабываемая Ава Гарднер. — Рим: «Унита»; М.: «За рубежом», 1990.

Хейман Д. Мэрилин и президент. — Париж: «Пари-Матч»; М.: «За рубежом», 1990.

Галло М. Беспокойное сокровище великого корсиканца. — М.: «За рубежом», 1997.

Бездарева Е. Алек Болдуин: мужчина, который разбудил Ким Бэсинджер. — М.: «Частная жизнь», 1994.

Джонатан ван Митер. Ким Бэсинджер — актриса, которая сама строит свою жизнь. — Лондон: «Санди таймс мэгэзин»; М.: «За рубежом», 1992.

Поллинг Б. Энциклопедия скандалов. — М.: «Вече», 1997.

Сиснёв В. Мадонна, воплощённая в Еву. — М.: «Труд-7», 1997.

Шашкова М. Коварство и любовь чёрного лебедя. — М.: Культура, 1996.

Лугинская Е. Келли: золотой сюжет, исправленный жизнью. — М.: Imperial Magazin, 1995.

Безелянский Ю. Матильда Кшесинская. Фуэте. — М.: «COSMOPOLITAN», 1996.

Киреев Р. Самая умная женщина в мире. — М.: «Труд-7», 1996.

Киреев Р. Она вдохновляла гениев. — М.: «Труд-7», 1997.

Кастело А. Интриги мадам де Монтеспан. — М.: «Вокруг света», 1994.

Савосин Д. Элизабет Тейлор — Ричард Бартон: несбыточный рай у очага. — М.: Культура, 1995.

Кудрявцева Е. Элизабет Тейлор: жить с ней, всё равно, что жить с ураганом… — М.: «Частная жизнь», 1991.

Минчёнок Д. Марлен, грешный ангел. — М.: Imperial Magazin, 1995.

Четыре года в законном браке. — Париж: «Пари-Матч»; М.: «За рубежом», 1992.

Акимова А. Вольтер. — М.: «Молодая гвардия», 1970.

Диана. — Мюнхен: «Бунте»; М.: «За рубежом», 1997.

Блэкберн В. Красотка Джулия в поисках любви. — Лондон: «Дейли экспресс»; М.: «За рубежом», 1997.

Хауэлл Д. Элизабет Тейлор — женщина века. — Лондон: «Санди таймс мэгэзин»: М.: «За рубежом», 1991.

Валишевский К. Пётр Великий. — С-Пб: «Сфинкс», 1911.

Колосов Л. Мура. — М.: «Труд-7», 1997.

Алданов М. Исторические портреты: Ольга Жеребцова. — М.: «Наше наследие», № 4, 1991.

Хейман Д. К. Третья жизнь Джекки. — М.: «Неделя», 1994.

Карцева Е. Ава Гарднер. Фрэнк Синатра. Список покорённых сердец. — М.: «Видео-Асс-Премьер».

Волкогонов Д. Семь вождей. — М.: «Новости», 1996.

Шарон Стоун. Дьявольское очарование. — М.: «Студенческий меридиан», № 9, 1996.

Кирхейзен Г. Женщины вокруг Наполеона. — Тольятти: «Лада», 1993.

Уоллес И. Пикантные страницы истории в лицах. — М.: «Марианна», 1993–1994.

Каспальский С. …Целую Дженис. — М.: «Ровесник», 1993.

Это любовь. — М.: «Огонёк», № 27, 1993.

Золотоносов М. «Очаровательнейшее вырождение». — М.: «Московские новости», 1995.

Бона Д. Гала. — Смоленск: «Русич», 1997.

Азадовский К. М. Райнер Мария Рильке: из писем к Лу. — Санкт-Петербург: «Звезда», № 5, 1995.

Леврон Ж. Секрет мадам Помпадур. — М.: «Мысль», 1992.

Вайсберг А. Валькирия революции. — Смоленск: «Русич», 1997.

Гельман З. Любимая женщина Маяковского. — М.: «Независимая газета», 1996.

Каменский А. Б. Жизнь и судьба императрицы Екатерины Великой. — М.: «Знание», 1997.

Петров А. Леди Ди: хроника объявленной смерти. — М.: «Профиль», № 32, 1997.